ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АРГУС»
СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ
«ХРОНОС»

ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК

ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК

антология
французской
фантастики

ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК

антология
французской
фантастики

ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ВТОРАЯ

антология
французской
фантастики

Перевод с французского

МОСКВА
«АРГУС»
1993

ББК 84.4Фр.
П 37

Составитель О. Пуля
Предисловие Вл. Гакова

РЕДАКЦИЯ «ХРОНОС»:

Главный редактор серии
О. П. Пуля

Литературный редактор
С. Н. Петропавлов

Художник
В. Ю. Мартыненко

Планета семи масок: Сб. фант. произведений: Пер.
П 37 с франц. / Сост. О. П. Пуля; Предисл. Вл. Гакова. —
М.:«Аргус»,1993. — 496 с.: ил. — (Серия «Хронос»)
ISBN 5-85549-007-6

Перед вами — антология французской фантастики, одна из первых в стране. Головокружительные путешествия во времени, история будущего — холодного и заманчивого, встречи с чуждым разумом и жажда любви — в романе, повестях и рассказах современных фантастов. Изысканная литературность, тонкий юмор и, конечно же,— французская экстравагантность.

П $\frac{4703010100 - 007}{Я46(03) - 93}$ Подписное ББК 84.4Фр.

ISBN 5-85549-007-6

© Изд-во «Аргус», 1993
© Составление, название серии – О. П. Пуля, 1993
© Иллюстрации – В. Ю. Мартыненко, 1993

Наследники Жюля Верна

Вероятно, правильнее было бы назвать эту статью по-иному, менее, что ли, "оптимистично". Как-нибудь в духе Вальтера Скотта — "Жюль Верн, лишенный наследства".

Потому что научная фантастика на родине ее основоположника, хотя и дала миру несколько значительных имен, в целом *потерялась*, не выдержав натиска заполонившей рынок американской продукции (боюсь, и нам пора готовиться к тому же). Нет, конечно, "научно-фантастическая" жизнь во Франции не замерла вовсе — собираются шумные конвенции, на которых местные фэны присуждают премии — в том числе и *своим* писателям, выходят журналы, есть даже активная доморощенная критика, едва ли не превосходящая по объемам собственно выпускаемую там литературу. Но вне границ Франции эта литература по-прежнему остается terra incognita. Правда, ситуация несколько выправилась в последнее десятилетие: чаще появляются переводы на английский (что и в фантастике означает — *на международный*), запестрели "французские" обзоры в популярном журнале "Локус"; и вот — очередная, хотя все еще редкая, антология на русском...

Ну а на интересную антологию материала хватит с избытком — в том читатель сам, надеюсь, убедится, прочитав сборник, который держит в руках. Моя же задача состоит в следующем: "пунктирно" набросать *историческую перспективу* — чтобы при чтении было ясно, какое место занимает тот или иной представленный автор в общей мозаике, называемой "французская научная фантастика".

Франции, как и ее соседке за Ла-Маншем, очевидно, нет нужды подробно доказывать свою *родословную* в жанре.

Для десятков миллионов людей во всем мире по-прежнему само его название прочно ассоциируется с Жюлем Верном, книги которого переведены на сто с лишним языков. А ведь были и другие. Рабле и Сирано де Бержерак, Вольтер и Луи-Себастьян Мерсье, Ретиф де Ля Бретонн и Вилье де Лиль Адан; в XIX веке французские авторы активно осваивали фантастику философскую (Бальзак), "готическую" (Казотт), утопическую (Кабе), мистическую (Нодье), "межпланетную" (Мопассан,

Ле Фор и Графиньи, Фламмарион). А в первой половине нашего столетия фантастика — *как литературный прием* — привлекла к себе таких видных "нефантастов", как Анатоль Франс, Андре Моруа, Анри Труайя (настоящее имя которого, кстати,— Лев Тарасов). О подобном генеалогическом древе впору только мечтать!

Да и традиции собственно *научной фантастики* (хотя ярлычок science fiction тогда еще не успели импортировать из-за океана), заложенные Жюлем Верном, в начале века успешно развивали Альбер Робида, Жозеф Рони-старший, Гюстав Ле Руж и знакомый нам с юности по "африканским" приключенческим романам Луи Буссенар. Однако к 30-м годам начинается спад. "У нас отсутствовали специализированные журналы, которые бы объединяли, поддерживали молодых авторов и способствовали бы созданию единого литературного направления. Были немногие авторы — последователи Жюля Верна и созданного им "романа предвосхищения", но и он сошел на нет уже к концу второй мировой войны..." Так оценивает ситуацию критик Жак Садуль (сын известного теоретика и историка кино Жоржа Садуля). Он же, кстати, дает неплохую периодизацию послевоенной французской фантастики, выделяя несколько этапов.

Начало первого условно приходится на 1950 год, когда пошла волна (еще не "девятый вал"!) переводов "с американского". С 1954-го в газетных киосках замелькало новое периодическое издание — журнал "Фиксьон", быстро сплотивший вокруг себя местную литературную молодежь (около 700 оригинальных произведений в первых 250 номерах!)... Второй этап начинается в конце пятидесятых. К "Фиксьон" присоединились еще два журнала, "Галакси" и "Сателлит", а 1959-й ознаменовался выходом первой антологии, составленной исключительно из "своих". В майском выпуске "Фиксьон" за тот же год редактор журнала Алан Доремье (сам превосходный стилист, мастер короткого фантастического рассказа) провозгласил появление *национальной школы*, связав ее с именами Р. Баржавеля, Ф. Карсака, Ш. и Н. Хеннебергов, Ж. Клейна, К. Штайнера, Ж. Стернберга и других. В 1958 году впервые после войны была вновь присуждена ежегодная премия имени Жюля Верна, учрежденная тридцатью годами раньше. Казалось, наступал благословенный "золотой век", подобный американскому в сороковых.

Но... не наступил. Шестидесятые годы ожидаемого всплеска популярности фантастики во Франции не принесли. То есть она по-прежнему триумфально шествовала по рынку, однако — не своя, а заокеанская. Издателей и редакторов, неохотно предоставлявших площади под местных авторов, можно понять: с точки зрения массового читателя уровень американской продукции был выше, на нее имело смысл делать ставку.

Ситуация резко изменилась десятилетие спустя. Началось бурное возрождение национальной фантастики, что позволило авторитетному австрийскому критику Ф. Роттенштайнеру отдать ей второе место в Европе (после СССР — ну, и Англии, которую общий язык давно и прочно связал с американским книжным рынком), и даже известный американский издатель Д. Уоллхейм считал ее "самой процветающей" на

континенте. С этим же десятилетием связан и тот самый расцвет "фантастоведения" во Франции, о котором было сказано выше.

Но, вслед за заметным пиком, — снова ровное "плато" на протяжении всех 80-х. Книги издаются, премии присуждаются, а вот мощной национальной школы (каковой, например, является — увы, *являлась* — при всех ее идеологических и формальных рогатках фантастика советская) во Франции, на мой взгляд, так и не появилось.

Последнее, конечно, не означает, что, стало быть, "и говорить далее не о чем".

* * *

Парадоксально, но наиболее значительные — и известные во всем мире — произведения французской научной фантастики созданы писателями, которых трудно назвать "*фантастами*". Это Робер Мерль и Пьер Буль.

В общем, эпизодические набеги на территорию Страны Фантазии "пришлых" прозаиков-реалистов — не в новинку читателям этой литературы. Но каждый такой рейд вызывает у критиков два основных вопроса. Что же за *научную фантастику* пишут признанные романисты, что они под ней понимают? И насколько она мимолетна — эта кажущаяся многим противоестественной, даже извращенной "связь" мастеров слова с жанром, который еще в начале 50-х годов прочили во Франции на смену бульварному "полицейскому роману"? Что это — шутки мэтров, отдохновение после трудов праведных, озорство?

Второй вопрос отпадает сразу же, если вспомнить, *сколько* книг в "низком" жанре создали упомянутые авторы. Три (а если считать своеобразной *фантастикой* притчу "Мадрапур", то и все четыре) у Мерля, пять у Буля — кажется, ни о каком флирте тут речь не идет, роман закрутился всерьез и надолго... А вот ответом на первый вопрос может стать определение, впервые данное автором романа "Разумное животное" своему детищу: "*политико-фантастический роман*". Действительно, *политикой* французская фантастика пронизана, как никакая другая, — и это слово еще не раз встретится в нашей "обзорной экскурсии".

Не буду подробно останавливаться на содержании произведений, уже выходивших на русском языке. Остросюжетный фантастический "триллер" Мерля "Разумное животное" (1967), его же апокалиптическое видение мира, пережившего ядерную войну — монументальный роман "Мальвиль" (1972), беспощадная сатира Буля "Планета обезьян" (1962),— все эти книги уже достаточно обсуждались. Но стоит, вероятно, рассказать о других книгах мастеров французской прозы, пока не дошедших до российского читателя (по причинам, которые станут ясными из дальнейшего).

Фантастической сатире Робера Мерля "Охраняемые мужчины" (1974) не повезло вовсе не из-за политических резонов. Испугал отечественных цензоров... ну, конечно же, секс! (Что за "зверь" может быть страшнее в тоталитарном обществе?) Между тем, собственно "секс" (в смысле *клубнички*) в романе практически отсутствует, а речь идет, как

ни странно, все о той же политике. Мерль пророчески продолжает в недалекое будущее ситуацию, которая, на мой взгляд, не всеми замечена и сегодня, хотя сегодня уже отчетливо видны на горизонте картинки еще одной *антиутопии*, сравнимой с замятинской или оруэлловской, но "подкрадывающейся" более, что ли, незаметно. Французский писатель рассказывает о мире, в котором "сексуальная революция" свернула с проторенной колеи (а может быть, это и должно стать ее логическим завершением?): к власти пришли воинствующие феминистки — и им есть за что мстить угнетателям-мужчинам!.. Для *нас* роман пока остается "фантастическим", но вот как он читается сегодня в Америке, ума не приложу — как актуальный политический комментарий *на злобу дня?* Как бесплодные сетования — когда "поезд ушел"?..

Ранним фантастическим произведениям Пьера Буля изначально опустила шлагбаум перед нашими издателями треклятая политика.

О Буле-фантасте заговорили уже после выхода его сборника рассказов "Абсурдные истории" (1957). Спустя год писатель публикует небольшую повесть "E=MC", один из ранних примеров "альтернативной истории" в мировой фантастике, где любовь будущего автора "Планеты обезьян" к парадоксальному доказательству "от абсурда" проявилась в полной мере. Буль задает исходную ситуацию следующим образом: группа ученых-ядерщиков в середине сороковых годов отказывается от участия в создании бомбы и ставит перед собой цель противоположную — превращение энергии в материю. Однако знаменитое уравнение Эйнштейна, вынесенное в заголовок, жестоко и действует "в обе стороны" — как жестоки и *социальные* уравнения в мире, в котором трудятся ученые-идеалисты! В результате и в этом альтернативном мире Хиросима не избегла своей участи, погребенная под неведомо откуда взявшимися грудами урана.

А потом была "Планета обезьян" — по-видимому, случайно прорвавшаяся к нашему читателю...

Нет нужды пересказывать сюжет этого хорошо известного романа, подчеркну лишь, что и это — фантастика по сути *политическая*. И потому история самой книги — первых откликов на нее, ее публикации у нас — стоит того, чтобы о ней напомнить.

Мрачная басня о человечестве, захлебнувшемся в болоте им же созданных *вещей* и в конце концов уступившем планету эволюционировавшим обезьянам, отечественными инстанциями (от которых тогда всецело зависело, *что* печатать) была однозначно — и, в общем, справедливо — расценена как произведение антибуржуазное. И только. А потому — достойное публикации. Никаких иных пластов, к счастью, тогда не заметили — и книга, в которой *всем* сестрам роздано по серьгам, увидела свет на русском, заразив думающего читателя тревогой, весьма далекой от конъюнктурных целей "контрпропаганды" (интересно, кто-нибудь из читающих эту статью помнит это слово?).

Цивилизация на Земле в равной мере погибла от скудоумия "тех" и "этих" — за случившееся ответственны обе главные политические силы на планете, не желавшие ни пяди уступить сопернику. Буль сказал

это практически открыто, его черный гротеск для своего времени был, казалось, так прозрачен — однако и у нас, и у "них" для сатирических стрел писателя предпочли разглядеть лишь одну цель. О "наших" я уже сказал, но поразительно, что и в авторитетном французском еженедельнике "Экспресс" роман Буля был назван "фантастическим сновидением, математически-логичным и... безопасным". Между прочим, поистине всемирной славой роман обязан, как водится, американской экранизации — с последующими кинопродолжениями (к Булю вообще никакого отношения не имевшими). Эффектный костюмированный (правильнее сказать — "гримированный", ибо львиная доля успеха пришлась как раз на запоминавшиеся обезьяньи маски) боевик не "осерьезнивает" даже ударный финал: полузасыпанная статуя Свободы на границе радиоактивной пустыни, однозначно указующая на местоположение "планеты обезьян". Подмена очевидна — более обкатанная ядерная катастрофа вместо "*катастрофы вещей*" в романе Буля.

Следующие его книги — "Сад Канашимы" (1964), "Уши джунглей" (1972) и "Левиафан" (1975) — заметно уступают "Планете обезьян", хотя и подтверждают "серьезность намерений" ведущего французского прозаика в отношении *политической* фантастики.

Сюжет первого романа, увы, устарел: в нем рассказывается, как в результате космической гонки раньше всех высаживает человека на Луну... Япония! Камикадзе профессор Канашима заведомо обрекает себя на гибель (полет может быть осуществлен только в один конец) во имя родины, однако добивается результата обратного: осознав, наконец, нелепую разорительность и опасность затеянного соревнования, нации Земли объединяют усилия в освоении Космоса. Ушел в прошлое и сюжет второго романа, действие которого происходит во время вьетнамской войны (единственное фантастическое допущение: электронный прибор, с помощью которого можно "прослушивать" многие квадратные мили поверхности из единого центра); зато по-прежнему актуален сюжет третьего — экологическая катастрофа, связанная с гибелью в океане супертанкера.

Тем не менее, все три книги не были переведены своевременно по причинам, конечно же, "неактуальности". Космические гонки, *прослушивание*, засорение Мирового океана...

В завершение упомяну еще две значительные книги 70-х годов, написанные "нефантастами". Это роман известного прозаика-коммуниста Владимира Познера (не путать с популярным телевизионным ведущим!) "Лунная болезнь" (1974) и вышедший годом раньше "Гэсп" ныне покойного дипломата и писателя Ромэна Гэри. (Оба автора, кстати, выходцы из России).

Отдельные сюжетные детали романа Познера наводят на мысль о тщательном изучении автором той литературы, в которой он собирался дебютировать. Прежде всего бросается в глаза занятный социум лунной колонии — совершенно очевидно, что Познер полемизирует с известным романом Роберта Хайнлайна "Луна — суровая хозяйка". Жесткая иерархия каст и тоталитарная дисциплина в колонии обязательно вызовут ас-

социации с классическими антиутопиями Замятина, Хаксли и Оруэлла, а ощущения героя, внезапно выключенного из привычного окружения и вынужденного приспосабливаться к реальному, не иллюзорному миру,— с романом К. Приста "Опрокинутый мир". Наконец, само построение сюжета — "путешествие-кольцо", когда герой попадает с Луны на Землю, в мир-антипод, а затем возвращается домой, неся в себе новые знания — семя будущих революционных потрясений — однозначно указывает на влияние социально-философской фантастики Урсулы Ле Гуин...

Речь в данном случае не о сюжетном плагиате. Просто "нефантаст" органично, как "свой", вошел в круг чтения любителей фантастики, не испытывая ни комплексов, ни снобистского пренебрежения к жанру. Результатом явился удачный, запомнившийся *фантастический роман* (с выделением обоих слов), а не обескураживающая своей высокомерностью попытка, как у иных коллег Познера — французских и "наших", отечественных!

Книга "билингвиста" Ромэна Гэри (псевдоним Романа Касевгари, родившегося в Тифлисе, в семье выходцев из Польши) первоначально вышла на английском языке и представляет собой нечто совершенно иное. Это уже не строгая science fiction, а скорее гремучая смесь из самых различных ингредиентов: фантастики, сатиры, теологии, мистики, "черного юмора", абсурда. Физику Матье удается материализовать гигантскую энергию, ту самую "жизненную силу", на поиски которой потрачены тысячелетия (эта энергия — *душа?* — высвобождается в момент смерти и благодаря открытию может быть заключена в стабильную энергетическую сферу — "гэсп", размерами с шарик для пинг-понга). *Сначала энергия используется утилитарно: для подзарядки электробритв* и аккумуляторов автомобилей, но затем кое-кто начинает подумывать и о *боеголовках*. В Ватикане же с пылом, с каким столетия назад обсуждали точное число ангелов, способных уместиться на острие иглы, принялись спорить об отношении "гэспа" к проблеме бессмертия души...

* * *

Обратимся теперь к собственно жанру science fiction. Но прежде чем вести речь о действительно выделяющихся фигурах, сделаем короткую разминку, бегло окинув взором "массу".

Последние десятилетия эта литература во Франции представляет собой арену борьбы "жюльверновской" романтической традиции с американизированной реальностью *рынка*. Пример тому — творчество таких авторов, как Б.Р. Брюсс (псевдоним Роже Блонделя), супруги Шарль и Натали Хеннеберг и Мишель Демют, единственный из перечисленных, кто жив и продолжает писать.

Дебют Брюсса — роман "И планета прыгнула" (1946) — в общем-то первое значительное произведение всей послевоенной французской фантастики. Написанный сразу после Хиросимы, он повествует о том, как на Землю пришло таинственное послание с планеты Рама, некогда существовавшей между Марсом и Юпитером; планета погибла в результате катастрофы, вызванной чрезмерной жадностью ("материальной" и

"познавательной") обитателей Рамы.* А затем последовали "переводы с американского", вроде "Пришествия сверхчеловеков" (1953), где группа совершенных во всех отношениях мутантов устанавливает утопию... в одном из швейцарских кантонов.

Вместе с тем, поздние романы Брюсса — произведения оригинальные и богатые на выдумку. Так, в "Необходимой планете" (1968) пять земных экспедиций привозят с отдаленной планеты пять отчетов, несхожих *ни в одной детали;* оказывается, некая высокоразвитая цивилизация — просто из желания доставить удовольствие "туристам" — перемещает планету во времени, отчего та каждый раз являет землянам новый лик... То, что автор был способен на большее, чем просто удачное копирование заокеанских трафаретов, доказывает его последний опубликованный роман, "Сплетение пространств" (1979) — грандиозная галактическая фреска в духе Стэплдона, но сдобренная юмором "Обмена разумов" Шекли.

В отличие от Брюсса, Мишель Демют и не скрывает источников, из которых черпает свои сюжеты. Наибольшую известность принес ему цикл "Галактические хроники" — *история будущего* в духе аналогичных построений Азимова, Хайнлайна, Кордвайнера Смита и иже с ними. Начатый в 1964 году, цикл состоит из 29 рассказов или, если угодно, коротких повестей (все вместе они собраны в двух томах, вышедших в 1976 и 1979 годах соответственно) и охватывает хронологию с 2020 по 4000 годы н.э. Любитель как раз такого чтения разочарован не будет: в меру увлекательно, добротно, обстоятельно; единственное, пожалуй, отличие Демюта от американцев — это то, что в *его* будущем ещё вспоминают о существовании таких мест, как Франция и вообще Европа...

Романы супружеской пары Хеннебергов делятся, условно говоря, на *просто* "космические оперы" — и на *грандиозные* (часто с привлечением элементов героической фэнтези). Начинал Шарль Хеннеберг в одиночку и достаточно серьезно; к примеру, его первый роман "Рождение

---

* Кажется знакомым, верно? "Фаэтонский" цикл Александра Казанцева (много, кстати, писавшего именно о *французской* фантастике и несомненно читавшего ее в оригиналах) появился, если память не изменяет, значительно позже... А, впрочем, вот пример обратного заимствования: после третьей мировой войны, развязанной загадочными инопланетными визитерами, на Земле остались *зоны*, изолированные радиационными барьерами. Герой романа — контрабандист и искатель приключений, на свой страх и риск пробирающийся в зону за артефактами, которые с удовольствием купят и ученые, и еще кое-кто... Чей роман? Конечно, Стругацких (смущает только странное упоминание о "третьей мировой войне"), чей же еще! Однако... я пересказал содержание совсем свежей *французской* книги некоего Ричарда Канала "Проклятие эфемериды" (1986), вышедшей *после* того, как во Франции перевели "Пикник на обочине"! Вот так: мы списываем у них, а они — у нас...

богов" (1954) скорее вызовет ассоциации с Лемом или Зелазни, нежели с Муркоком, Таббом или Ломером. Герои романа — астронавт и поэт — находят убежище от наступающего Апокалипсиса на планете, покрытой особым туманом, позволяющим посредством воображения творить любые живые и мертвые формы — для "космической оперы", согласитесь, вяловато! Однако в последующих романах творчество супругов, на мой взгляд, свелось к однообразному чередованию зубодробительных звездных баталий в "параллельных мирах", описанных к тому же с монотонной несуетностью средневековых рыцарских романов или сказок 1001 ночи. Вместе с тем, в активе Хеннебергов есть несколько неплохих романов-фэнтези и удачные рассказы, с одним из которых вы сейчас познакомитесь.

По-прежнему значительное место в издательских планах занимают авторы-"приключенцы" — хотя они и уступают по плодовитости американским коллегам (дело, видимо, не в творческих потенциях, а в реальных возможностях рынка).

Лидером среди них бесспорно является Пьер Барбе (псевдоним Клода Ависа), один из немногих французских авторов, "удостоившихся" переводов на английский язык. В умении создать фантастическую ситуацию *из ничего* ему не откажешь. К примеру, в романе "Наполеоны с Эридана" (1970) инопланетяне похищают нескольких участников наполеоновского похода на Россию; кротким "эридянам" для организации отпора кровожадным агрессорам нужны "военные советники" — и в итоге бравые гвардейцы и кирасиры муштруют... легионы инопланетных *роботов!* В "Империи Бегемота" (1972) события и того круче. Космический пришелец Бафоме (так на французский лад произносится одно из имен дьявола — Бегемот) помогает шевалье Гуго де Рейну основать Орден Храма, а затем, после окончательной победы над язычниками (дело происходит в 1118 году) — установить идеальный христианский миропорядок, лояльный к науке...

Выдумывая подобное, Барбе, по-моему, просто не задавался вопросом "зачем?", хотя *развлечь "без затей"* он безусловно умеет.

Подобная же смесь "НФ" и исторического костюмированного боевика представлена в романе Шарля Дюи "Птах Хотеп" (1971). Сюжетно это история пути наверх, в круг высших сановных лиц империи (реальность, естественно, опять "параллельная") некоего молодого честолюбца. Смесь "Трех мушкетеров" с "Признаниями авантюриста Феликса Круля", политая густым сиропом из античной мифологии с добавками христианства (в этом мире Юпитер преспокойно существует рядом с Христом),— вот и вся "фантастика"... Что и говорить, небогато.

Но это еще цветочки. Вот, к примеру, творение Ива Дермеза "Раса завоевателей" (1972). Одно название чего стоит — бездна фантазии... Что до сюжета, то лично у меня вызывает уныние этот "большой джентльменский набор" фантастической халтуры: битвы и гонки по всей Галактике, обмен разумами и душами, снова "параллельные миры" (в нашем единственном герою-супермену просто негде развернуться!); от берроузовского Джона Картера полувековой давности герой Дермеза отличается разве что скромностью сердечных притязаний — влюблен не в

марсианскую принцессу, а всего лишь в "лейтенантку" одной из враждующих галактических армий. Но массовому читателю — нравится, и безработица или даже творческий простой авторам подобных сочинений не грозит.

Этот НФ-паноптикум весьма обширен и однообразен, так что, прочитав в библиографии, что некий Ж. Арно романом "Компания во льдах" (1980) открыл *28-томную* сагу о приключениях во времена нового ледникового периода, можно не читая предсказать, *что* там будет... Для полноты картины не забудем и о неутомимой героине комиксов Барбарелле, эдаком Джеймсе Бонде в юбке; впрочем, "юбка" в применении к ней — фигура речи, не более. Пересказывать такие произведения "ан масс" скучно, анализировать в них — попросту нечего.

Тем более интересны по контрасту авторы, заслуживающие серьезного разговора. Главным мне представляется Рене Баржавель, так и не дождавшийся при жизни (он умер в 1985 году) ни одного перевода на русский язык.

Писатель дебютировал еще в конце войны романом "Опустошение" (1943), не отличавшимся оригинальностью, но содержавшим вполне уловимый, хотя и закамуфлированный под "научную фантастику" вызов оккупантам. В дальнейшем Баржавель то пытался переписывать Уэллса ("Неосторожный путешественник во времени", 1944), то в духе тогдашней литературной моды рисовал грядущий Апокалипсис ("Вспыльчивый дьявол", 1948). В 50-е годы его увлекла приключенческая фантастика, и можно было бы уверенно записать этого автора в крепкие коммерческие "калымщики", не выйди в знаменательном для Франции году — 1968-м — его роман "Ночь времен".

...В глубине антарктических льдов обнаружен массивный саркофаг, хранящий замороженные тела мужчины и женщины. Их возвращают к жизни, и международная комиссия ученых приступает к изучению "пришельцев из прошлого". Оказалось, что это единственные уцелевшие представители мощной цивилизации, населявшей Землю почти миллион лет назад и погубившей себя в результате неосторожного обращения со "сверхоружием". Женщина из прошлого, Элеа, рассказывает о своем чудесном, но неразумном мире, ее беспокойство за человечество, также "заигравшееся" со смертоносными игрушками, передается и ученым — а затем распространяется по всему миру. Тут тревогу начинают испытывать *другие* — военные, спецслужбы, политики. Они пытаются уничтожить некстати свалившихся "гостей" и спровоцировать атомную катастрофу вблизи исследовательского лагеря, дабы стереть саму память о пращурах-утопистах. Роман заканчивается как бы на полуслове — предотвратить катастрофу не удалось, но результат ее прямо противоположен задуманному: разгневанная молодежь выходит на улицы с единственным словом на устах: "Нет!" В год выхода романа его заключительные страницы воспринимались во Франции, как выпуск последних известий...

Следующий роман Баржавеля, "Великая тайна" (1973) подтвердил его репутацию мастера туго закрученного сюжета. С первой до последней страницы роман читается на одном дыхании — и "тайна" в заго-

ловке остается таковой до самого финала. Умело использован и исторический фон — в романе повествуется о фантастической подоплеке реальных политических событий, имевших место с 1955-го по... год выхода романа. Сюжет сводится к следующему (жаль, конечно, будущих читателей, да только когда еще наши издатели разживутся валютой, чтобы купить права на перевод!): гениальный ученый-индус открывает "вирус бессмертия", и ведущие политические деятели разных стран, проникшись тревогой за судьбу человечества (по-моему, идея в достаточной степени *утопическая!*), решают по возможности сохранить открытие в тайне. Пока не будет решен основной вопрос: как разместить на планете и прокормить человечество, из словаря которого внезапно вычеркнуто слово "смерть"... Среди персонажей романа — Хрущев и Неру, Кеннеди и Де Голль, однако Баржавель успешно преодолел соблази просто "крутого" политического боевика; он задумался над проблемой жгучей, если не сказать *главной*. Индивидуальное бессмертие — желанное с тех самых пор, как наш предок осознал, что смертен; и потенциально опасное, способное превратить и так "тесную" планету в сущий ад. Но кто возьмет на себя смелость объяснить все это *конкретным* людям, ожидающим своего смертного часа?

Два других автора также заслуживают внимания — это Франсис Карсак и Жерар Клейн, главные книги которых я лишь бегло перечислю, так как с этими двумя наш читатель уже знаком.

Франсис Карсак (псевдоним ученого-геолога Франсуа Борда, скончавшегося в 1981 году) начал литературную деятельность в годы войны, его первый роман был написан в партизанском отряде. Известность пришла к писателю уже после выхода второй книги — тех самых "Робинзонов Космоса", которые у нас умудрились отпечатать невообразимым тиражом в *полмиллиона!* В 1950-60-е годы писатель выдвинулся в ряды ведущих научных фантастов Франции романами "Пришельцы ниоткуда" (1954), "Бегство Земли" (1960) — своеобразной вариацией на тему знаменитой тетралогии Джеймса Блиша об отправившихся в космос земных городах, "Этот мир — наш", "Космос — наш дом" (оба — 1962) и "Львы Эльдорадо" (1967).

Лучшие книги Карсака — это старая добрая научная фантастика о полетах в космос, о встречах с обитателями иных миров, часто весьма *необычными*; такую литературу во Франции писал, к примеру, Жозеф Рони-старший, с которым Карсака чаще и охотнее всего сравнивали. На фоне того, что создано в фантастике его коллегами, писатель представляет собой, по-видимому, уникальный пример *безудержного оптимизма*. Он "верован" в идеалы гуманизма, в идею равенства всех разумных существ во Вселенной действительно как-то истово — и иногда слепо, словно не замечая примеров обратного в окружавшей его повседневности. Однако подчас и сквозь галактические сюжетные "кружева" у Карсака проступает реальность — например, в романе "Этот мир — наш", который можно прочесть и как умную *этнографическую притчу* на тему войны в Алжире...

Творчество Жерара Клейна более замысловато — по части "накручивания" сюжета — и в то же время более подражательно (как следст-

вие этого, писатель легче других "просачивается" на американский рынок). Переведенные у нас романы "Звездный гамбит" (1958) и "Непокорное время" (1963)* насыщены деталями, хорошо знакомыми по фантастике *американской:* звездные наемники, сражающиеся на галактической "шахматной доске" (Клейн возвращается к идее *игры с мирозданием* в романе 1965 года "Убийцы времени"), межпланетная служба "корректировки истории" вместе с неизбежными парадоксами и драмами вмешательства в ход последней, бравые космические капитаны и злобные галактические диктаторы... Однако и в его *интеллигентных* "космических операх" мелькнет все та же уже не раз упоминавшаяся мною *политика* — взять хотя бы его острый антимилитаристский роман "Боги войны" (1971).

* * *

Резким контрастом к "старичкам"-оптимистам (насколько здесь вообще уместно слово "оптимизм") служит новое, агрессивное и бескомпромиссное поколение авторов, пришедшее в эту литературу на волне социального взрыва 1968 года. Хотя, как и положено фантастам, в своих произведениях они предвосхитили события чуть раньше...

Настроения социального пессимизма и "чернухи" пошли еще от нашумевшего в свое время романа Даниэля Дрода "Поверхность планеты" (1959), в котором человечество вырождается духовно и физически, превращаясь в буквальном смысле в придаток Машины. Спустя десятилетие молодые фантасты Франции вспомнили о "предтече", и подобные произведения с тех пор не писали разве что ленивые — да "клинические" оптимисты!

Идеями отрицания какого бы то ни было прогресса, общей атмосферой отчаяния и тоски пронизаны книги Стефана Вюля и Курта Штайнера (псевдоним Андре Рюллана). Последний, дебютировав в начале 60-х вполне традиционной "НФ", впоследствии неустанно бомбардировал читателей кошмарами, которые несет грядущее (чего стоит хотя бы название одной из его книг — "Учебник для желающих научиться умирать"!).** Сборник рассказов Жака Стернберга "Завтрак без будущего" (1970) тоже говорит сам за себя — это своего рода каталог апокалиптических пророчеств, хладнокровный проигрыш всевозможных вариантов гибели Земли и человечества... Более осмысленную и "конкретную" антиутопию построил в романе "Таромантия" (1977) мо-

---

* В оригинале, кстати, называвшийся гораздо интересней — "Время не пахнет".

** Впрочем, писал К. Штайнер и вполне добротную антиутопию в духе Замятина (роман "Паршивые овцы", 1974), и хитроумный фантастический детектив "Приятное времяпрепровождение", герой которого — сыщик — путешествует из нашего времени в XXI век, выслеживая тайных производителей нового, необычайно эффективного "приворотного зелья"-афродизиака (Франция!)...

лодой писатель и критик Шарль Добжински. Наш читатель, знакомый с "Квадратами шахматного города" Джона Браннера, обнаружит у Добжински много общего; только на сей раз — это город-колода (особых карт — таро), в остальном же нового мало: программируемые властями иллюзии, окутывающие город подобно туману, традиционная в антиутопиях фигура "диссидента" (в данном случае это психоаналитик, разгадывающий карточный код, управляющий жизнью горожан)...

В середине 60-х французская фантастика не избежала своей собственной жанровой революции — точь-в-точь как это случилось за океаном и на Британских островах. Правда, по сравнению с теми событиями, "Новая Волна" на родине Жюля Верна показалась бы мероприятием камерным — без шумной рекламы, литературных деклараций и специальных изданий, рассчитанных на пропаганду новых веяний и объединяющих вокруг себя молодых бунтарей... Да и начало бунта было иным.

Предвестником "Новой Волны" можно считать эпатажный (но, как выяснилось шесть лет спустя, *пророческий*) роман Сержа Кансера "Волки в городе" (1962), которому сам бог велел стать манифестом "сердитых молодых фантастов"... Судите сами: конец XX века, нет нищеты, войн, уничтожены запасы оружия, стерты государственные границы — одним словом, желанный "золотой век" покоя и изобилия. Почему же в этой утопии молодежь вдруг взрывается бунтом, и толпы подростков выходят на улицы с транспарантами "Перевешаем всех родителей!", "Не желаем быть такими же подлецами!"? Почему в Париже разъяренная толпа юнцов убивает мэра, запретившего ночные гонки на мотоциклах по городу? В обществе "всеобщего благоденствия и сытости" царит... *скука* — вот и весь ответ.

Кажется, он и вправду вышел на шесть лет раньше, чем должен был бы, этот удивительный роман! Впрочем, в майские дни бурного 1968-го все описанное уже никто и не воспринял бы как *фантастику*. Не случайно в перегороженной баррикадами Сорбонне студенты вывесили плакат-символ бунта: "*Вся власть — воображению*"...

Насколько помнит читатель, и многие "старички" не чурались политики. Однако молодежи этого показалось недостаточно — решено было действовать радикальнее радикалов.

Мое представление молодых французских фантастов неизбежно окажется мозаичным и отрывочным. И дело даже не в недоступности многих их произведений — скорее само движение так и не обрело стройность; нет концепций, нет признанных лидеров... Поэтому — просто перечисление самых интересных авторов и книг.

По художественному уровню и влиянию на читателей и коллег самое заметное место во французской "Новой Волне" занимают два писателя: Жан-Пьер Андревон и Филипп Кюрваль.

Андревон дебютировал вполне "проходным" и подражательным романом-фэнтези "Человеко-машины против Гандахара" (1969), но в дальнейшем быстро нашел свой собственный стиль и свои темы. Это и отвлеченная фантастика, и предельно политизированная. Например, герой романа "Пустыня мира" (1977), сюжет которого напоминает фар-

меровскую серию о Мире Реки и хорошо известный у нас рассказ Фредерика Пола "Туннель под миром", внезапно осознает, что "реальность", в которой он очнулся *после смерти*,— всего лишь иллюзия, созданная инопланетянами для "глубокого изучения" проблем бессмертия и психологии оживленного. А в одном из последних романов, "Проделки хорька в курятнике" (1984), дело происходит во Франции ближайшего будущего. В результате общенациональной лотереи определяются "лишние" граждане, устранить которых должен специально нанятый правительством профессиональный убийца. Подобно персонажу знаменитого фильма "Бегущий по лезвию" (снятого по роману Филипа Дика), герой со временем перестает рассматривать свою работу как нечто рутинное и задумывается об *устроителях* кровавых лотерей.

Политические взгляды Андревона (а он занимал одно время ультралевые позиции) достаточно ясно отражены в его рассказах, вошедших в сборники "Сегодня, завтра и вскоре" (1970), "Это скоро случится" (1971) и "Золотая книга Жана-Пьера Андревона" (1983). Достаточно упомянуть новеллу "Время долгого сна", в которой по заданию правительства готовится — вслед за убийством Сартра и Годара — физическое уничтожение всех левых интеллигентов...

Известность Филиппу Кюрвалю (псевдоним Филиппа Тронша) принесла его эпатажная трилогия о ближайшем будущем Европы (в духе известного апокалиптического "триптиха" Джона Браннера).

Открывающий трилогию роман "Эта милая человечность" (1976), первым из *французских* произведений завоевавший престижный приз "Аполлон", рисует Европу под властью Общего рынка, отгородившегося от остального мира непроницаемыми электронными барьерами. Что там творится, в этой загадочной "закрытой утопии", поручено разузнать шпиону из стран третьего мира. Продолжение, "Проснется ли Спящий?" (1979), до сих пор остается одной из самых значительных книг французской фантастики 70-х годов — и безусловно самым скандальным *политическим* романом в этой литературе. Автор делает только одно допущение — антиядерное лобби наконец победило — и смотрит, что получится. Вся "альтернативная" энергетика мгновенно оказалась под запретом, вместе с ней очень быстро был "запрещен" вообще какой бы то ни было *технический прогресс;* в результате Европа дичает, цивилизация лежит в руинах, по дорогам бродят лишь банды наемников и мародеры-одиночки... Роман внешне производит впечатление "героической фэнтези", но написан с едким сарказмом и горечью (героиня-эколог обнаруживает странного уснувшего мутанта, от него единственного, оказывается, зависит, наступит ли лучшее будущее; но "оживить" его может только электричество, секрет которого безвозвратно утерян...). И заключительный роман трилогии, "Сувенир из будущего" (1983), также был призван прежде всего шокировать читателя: действие происходит на Всеевропейском *сексуальном конгрессе*...

Среди других романов Кюрваля выделяются "Пески Фалона" (1975) — сюрреалистическая притча о превращенной в тюрьму планете-океане ("Солярис" к тому времени уже был переведен на французский!), и "Тайный лик желания" (1980), вызывающий неизбежные ассоциации с романами Филипа Дика.

Творчеством все того же Дика, его неустанными "тестированиями" реальности — насколько она реальна, не иллюзия ли восприятия? — навеян и первый роман Пьера Пело (псевдоним Пьера Сюрая) "Горячечный цирк" (1977). Зато его следующая книга — "Вечеринка в зародыше" (1977) — представляет собой самостоятельную и жесткую сатиру. В мире будущего, задыхающемся от перенаселения, супружеские пары имеют право всего на *три попытки обзавестись потомством*. И на пятом месяце беременности врачи с помощью новейшей техники задают вопрос *зародышу:* желает ли тот жить в кошмарном, программируемом мире? При отрицательном ответе, или если плод слишком слаб, чтобы вступить в общение — его убивают...

Вообще, если говорить о тематических пристрастиях авторов французской "Новой Волны", то вторым "идолом" после политики должен быть поставлен секс. Ну, разумеется, *фантастический!* Кроме ранее упомянутых книг, можно отметить впечатляющий дебют способного Франсиса Бертело — роман "Черная линия Ориона" (1980), в котором вышедшее на галактические просторы человечество, уже полностью превратилось в *гомосексуальную расу*... Эротикой пронизано большинство рассказов сборника "Золотая книга Алана Доремье" (1981) — автора, одного из признанных мастеров короткой формы во французской фантастике, особенно интригует перспектива интимных взаимоотношений людей и инопланетян (назвать их "половыми" рискованно — с *полами* у звездных жителей дело порой обстоит столь запутанно, что черт ногу сломит!).

Справедливости ради надо сказать, что Доремье (как и другой яркий автор — Даниэль Вальтер) весьма далек от коммерческой "эксплуатации" выигрышной темы, его творчество скорее элитарно и несколько заумно. Тонкий стилист и поэт, он исследует вечные темы искусства: жизнь, смерть, любовь — и в фантастике ищет лишь новые средства выражения.

С другой стороны, еще один enfant terrible "Новой Волны", Серж Брюссоло, в романах "Вид больного города в разрезе" (1980) и "Портрет дьявола в котелке" (1983) активно заимствует все, что *можно*, именно со склада *научной фантастики* — традиционной и новейшей. Литературная "окрошка" из готического романа ужасов (и более современных кафкианских кошмаров), психологических парадоксов а la Дик,* "строгой" научной фантастики, стилистической пиротехники, сюрреализма, имитаций Балларда и прочих англичан-"нововолновиков"... Блюдо явно переперченное и у иного читателя может вызвать изжогу.

Так сколь же *нова* французская "Новая Волна"?

Формалистические стилевые изыски? Это во Франции уже проходили (например, в "новом романе"). Расщепленное сознание, психоло-

---

* Удивительно, но этот автор — в еще более удивительной компании "архаичного" Альфреда Ван-Вогта (последний роман которого из серии о Мире Нуль-А первоначально вышел во Франции!) — пользуется среди французских фэнов популярностью едва ли не большею, чем в Америке.

гические (быстро, впрочем, переходящие в физиологические) "экзерсисы"? Да разве после Жана Жене и абсурдистской прозы местного читателя чем-нибудь удивишь?!.. "Подсознательные пейзажи" в духе сюрреализма? Тем более старо на родине его идеолога и провозвестника Андре Бретона. А новизна-то, новизна — где?

Видимо, чувствуя это, многие молодые авторы быстренько и без внутреннего сопротивления проделали любопытную эволюцию от шумных бунтарей — к благопристойному литературному истэблишменту, от экстравагантной прозы — к коммерческому "проходняку".

Начинавший как отчаянный экспериментатор Мишель Жери впоследствии вырулил на темы более надежные — с точки зрения рынка. В его романах "Неопределенное время" (1973), "Обезьяны времени" (1974), "Жаркое солнце глубинная рыба" (1976) и "Пони-Дракон" (1978), составивших тетралогию "Хронолиты", речь идет о некоей объявленной вне закона "надвременной" корпорации, с помощью особых наркотиков управляющей *ходом времени*. Однако то, что поражало новизною четверть века назад ("Конец Вечности" Азимова), в 70-х годах читалось как скучное повторение пройденного. Тем более это относится к роману "Гигантские глаза" (1980), в котором, в духе модных интерпретаций *феномена НЛО — это никакие не космические корабли* инопланетян, а физическое воплощение "коллективного бессознательного", открытого швейцарским психологом Карлом-Густавом Юнгом! — излагается, в общем, сюжет типичного бестселлера, ни на что другое, кроме "продажности", не претендующего.

Как предельно политизированный авангардист начинал и Жоэль Хюссен. Но, почувствовав вкус к гонорарам и тиражам, не сравнимым с теми, что достаются "революционерам", он быстро переключился на конвейерную *выпечку* "медтриллеров" в духе Робина Кука и Майкла Крайтона — о кражах донорских органов, пандемиях и прочем. И много обещавший Патрик Дювик, чей первый роман "Рождайтесь, об остальном позаботимся мы!" (1979) запомнился как элегантная пародия на "генно-инженерную" утопию,— уже в следующей книге "Рыба-пилот" (1979) представил на суд читателей утомительную мешанину из затасканных НФ-клише; автора спасло то, что, в отличие, скажем, от поднаторевших в таких делах американцев (критика сравнивала роман с "Миром Нуль-А" Ван-Вогта), все это подано откровенно "несерьезно"...

Итак, все говорит за то, что французская "Новая Волна", побурлив немного, утихла. Те, кто продолжают писать в экспериментальном стиле, уже не вызывают того ажиотажа, что раньше — и в результате известны очень узкому кругу эстетов. А более прагматичные почли за благо "завязать" со своей революцией и переключились на традиционную фантастику, которая *во все времена* может рассчитывать на своего — массового и благодарного — читателя.

...Обычная проблема для автора обзора — каким произведением его закончить. Так вот, на закуску я оставил молодого автора, чье творчество позволяет мне "зациклить" рассказ о научной фантастике во Франции и вновь вернуться к *политике*.

Зовут его Антуан Володи́н. Ударение, как положено, делается на

последний слог; но то, что он по рождению *Волóдин*, ясно даже при беглом знакомстве с двумя его книгами, вызвавшими восторг читателей и критиков — романом-дебютом "Сравнительная биография Джориана Масгрейва" (1985) и вышедшим год спустя "Кораблем ниоткуда". О чем же там шла речь? В первом рассказывается история "узника совести" на другой планете, весьма напоминающей СССР недалекого прошлого. Во втором же — действие происходит в самой России, только из "альтернативной истории" — в *той* России социализм прекрасно сосуществует с черной магией...

Воистину, чего не прочтешь в этой *фантастике!*

Вл. Гаков

ЖЕРАР КЛЕЙН
БОГИ ВОЙНЫ
РОМАН

С неба сыплет злая манна,
Но в какой из дней, нежданно,
Все народы, как ни странно,
Жить в любви и мире станут?

Трам-тарам, тирим-там-там,
Месть нужна лишь мертвецам!

Старая французская песенка

Gérard Klein
«Les seigneurs de la guerre»

1

Бестия плакала, как ребенок. Нет, не от угрызений совести, хоть и убила три дюжины человек, а оттого, что оказалась так далеко от родной планеты. И кому как не Корсону было понять ее горе: ему самому потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не расплакаться.

В непроглядной тьме он осторожно шарил вокруг себя руками, боясь пораниться о траву, которая, если верить Инструкции, должна быть острой, как бритва. Он нащупал клочок голой земли и лишь тогда медленно-медленно переместился вперед. Дальше начиналась трава — мягкая, как мех. Изумленный Корсон отдернул руку. Трава *обязана* быть жесткой и острой. Урия — враждебная, опасная планета. Вспомнить Инструкцию: мягкая трава обязательно скрывает ловушку. Урия ведет войну с Землей...

Но прежде всего надо узнать, обнаружили уже уриане Бестию и самого Джорджа Корсона. Ну Бестия-то способна дать им отпор. А вот Корсон — вряд ли. В двадцатый раз он прикидывал в уме: уриане видели, как корабль исчез в море огня и наверняка считают весь экипаж погибшим. До утра они ничего не предпримут, если джунгли Урии хотя бы наполовину так ужасны, как предупреждает Инструкция.

Снова и снова приходил Корсон к одному и тому же мрачному выводу. Три смертельные опасности угрожают ему: Бестия, туземцы и фауна Урии. Впрочем, делать все равно нечего и он решился встать — на четвереньках далеко не уйдешь. Правда, окажись он сейчас поблизости от Бестии, это стоило бы ему жизни. Корсон знал, в какой стороне находится Бестия, но не мог даже приблизительно определить разделявшее их расстояние. Ночь поглощала

все звуки. Или их заглушал страх? Медленно, осторожно он поднялся, стараясь не касаться травы и листьев. Над головой спокойно светили звезды — далекие, но совсем не враждебные, похожие на те, что он столько раз видел с разных планет, разбросанных по всей Галактике. Усыпанный звездами небосвод почему-то немного успокоил его. Некогда на Земле люди давали имена созвездиям, считая их вечными и неизменными, а те оказались лишь случайными и непостоянными скоплениями звезд, меняющимися даже в зависимости от места наблюдения. Теперь земляне слишком многое знали о звездах — и больше не наделяли их божественной силой.

Положение отчаянное, но не безвыходное, подумал Корсон. Есть надежное оружие, правда оно уже почти разряжено. Как раз перед самой катастрофой он ел и пил, значит по крайней мере на несколько часов голод и жажда ему не угрожают. Ночь довольно прохладная — тем лучше,— не сморит сон. А главное он один уцелел из экипажа в тридцать семь человек — невероятное везение! — свободен, и при этом даже не ранен.

Плач Бестии стал громче, напомнив Корсону о проблеме номер один. Если бы в тот момент он не находился рядом с клеткой Бестии, то сейчас скорее всего плыл бы газовым облачком где-нибудь в урианских небесах. Но перед самым взрывом корабля он, как и требовало задание, пытался найти общий язык с этим чудовищем. А по ту сторону невидимой перегородки Бестия всматривалась в него шестью из своих восемнадцати глаз, расположенных вокруг того, что было принято именовать ее талией. Лишенные век глаза меняли цвет с определенной последовательностью и частотой — это был один из способов общения Бестий. Длинные пальцы с острыми когтями — по шесть на каждой из шести лап — ритмично постукивали по полу (еще один способ общения). Унылый монотонный вой вырывался изо рта, которого Корсон не мог видеть: чудовище было выше человека раза в три, к тому же рот окружала густая поросль — издалека ее можно было принять за волосы, но вблизи становилось ясно, что на самом деле это множество тончайших, прочных как сталь пружинок, способных распрямляться с невероятной быстротой; они служили Бестии щупальцами.

Корсон никогда не сомневался, что она наделена разумом. Впрочем, то же самое утверждала и Инструкция. Возможно, Бестия была даже умнее человека. Главная слабость

вида, к которому принадлежала эта зверюга, состояла в том, что он так и не додумался — или просто не пожелал этого сделать — до величайшего изобретения, обеспечившего могущество человеку и некоторым другим существам: он не знал общества. Инструкция напоминала, что случай этот не единственный. Даже на Земле задолго до галактической эры в океанах существовали разумные животные — крайние индивидуалисты, так и не создавшие собственной цивилизации. Назывались они дельфинами. Эти животные дорого заплатили за свою гордыню — вымерли все до единого. Впрочем, создание общества само по себе еще не гарантия выживания вида. Война между Землей и Урией, которой не видно конца — тому подтверждение.

Глаза, пальцы и голос Бестии за невидимой стеной силового поля говорили ему об одной и той же ясной и очевидной вещи, и тут Корсон понимал ее, даже не зная языка: "Я разделаюсь с тобой, как только смогу". Но Корсон никак не ожидал, что случай представится ей столь быстро. Он никогда бы не поверил, что генераторы корабля могли дать сбой. Нет, скорее всего, орбитальная оборона Урии все же засекла "Архимед" и открыла огонь. В ту ничтожную долю секунды, что потребовалась компьютерам для включения защитных экранов, энергетический потенциал клетки понизился, и Бестия с невероятной яростью ринулась в атаку. Пользуясь своей ограниченной известными пределами властью над пространством и временем, она выбросила часть окружавшего ее пространства далеко в космос, что и привело к катастрофе. Это было бы лучшим доказательством — если бы доказательства требовались — что никогда еще с начала войны с Урией Земля не располагала столь совершенным и неотразимым оружием.

Ни Корсон, ни Бестия не погибли при первом взрыве: ее защитила энергетическая клетка, его — такая же сфера, но поменьше, предусмотренная на случай внезапного нападения Бестии. Когда "Архимед" провалился в бурлящие глубины атмосферы Урии, в живых, вероятно, остались лишь Джордж Корсон и Бестия. Корсона спасла отличная реакция — он успел сблокировать свою сферу с клеткой чудовища. Когда до чернеющих внизу джунглей оставалось несколько сотен метров, Бестия испустила пронзительный вопль, и... сместилась на какую-то долю секунды во времени, увлекая за собой окружавшее ее пространство. Частью этого пространства оказался и Корсон. Вот так он и очутился на пару с Бестией в атмосфере Урии далеко от гибнущего корабля. Его энергетическая сфера смягчила падение. Все остальное

сделала Бестия, заботясь, конечно, лишь о себе самой. Корсон опустился рядом с ней и, пока чудовище приходило в себя, торопливо отполз подальше в темноту.

Происшедшее как нельзя лучше продемонстрировало все возможности Бестии. О некоторых Корсон знал и догадывался о других, но ни разу не отважился написать в рапорте, что эту тварь так трудно убить.

Представьте себе свору собак, догоняющую оленя. Его обложили со всех сторон, выхода нет, загнанное животное поворачивается к своим преследователям, и те замирают на мгновение, словно невидимая стена отделяет их от добычи. Но вот они бросаются на свою жертву и... переносятся на секунду или две в прошлое — в то мгновение, когда еще находились перед преградой. Собаки никогда не настигнут оленя, ибо тот будет постоянно отбрасывать их в прошлое, а когда псы совсем растеряются, жертва сама нападет на них.

Теперь представьте на месте оленя чудовищное создание, наделенное разумом, по меньшей мере равным человеческому, с реакцией более быстрой, чем у электрического ската — хладнокровное, свирепое и люто ненавидящее все, на него не похожее.

Вот тогда вы получите отдаленное представление о Бестии.

Она может управлять вокруг себя семью секундами локального времени — как в прошлом, так и в будущем. Она может перебросить часть окружающей ее вселенной из будущего в прошлое и наоборот. Может предвидеть, что произойдет через несколько мгновений, когда слепец-человек еще ни о чем не догадывается.

Потому она и напала так внезапно — тогда, на корабле. Ни люди, ни компьютеры еще не знали, что флот или орбитальные батареи Урии откроют огонь и произойдет катастрофа, но об этом знала Бестия. Рассчитав, на какую долю секунды ослабнут прутья ее энергетической клетки, она ударила в самый верный момент и выиграла.

Или проиграла — как посмотреть.

Бестия в любом случае должна попасть на Урию. После тридцати лет безуспешной войны с Урианской империей Солнечная Держава нашла наконец способ умерить пыл заносчивых князей Урии. За десяток лет до перемирия земляне обзавелись союзником, который стоил им целого флота и еще нескольких одиночных кораблей, космической базы, одной планеты, население которой пришлось

эвакуировать, и звездной системы, подвергнутой карантину, не говоря уже о человеческих жертвах, число которых оставалось государственной тайной. Короче, Солнечная Держава испытала на себе, сама того не желая, последнее средство, которое могло принести ей желанную победу.

Итак, *цель:* наслать на одну из планет империи, лучше всего на планету-столицу, страшнейшее из известных в истории бедствий. *Меры предосторожности:* не нарушать в открытую соглашения о прекращении огня, двадцать лет назад положившего конец активным боевым действиям и до сих пор соблюдавшегося обеими сторонами. *Способ использования:* тайно высадить Бестию где-нибудь в джунглях Урии и предоставить ее самой себе.

Через полгода Бестия произведет на свет около восемнадцати тысяч себе подобных. Еще через полгода столицу империи охватит паника. Князьям Урии придется умерить гордыню и обратиться за помощью к Солнечной Державе. А та поможет им избавиться от Бестий — и потребует платы. Так всегда и везде, на протяжении всех тысячелетий человеческой истории, заканчивались войны: побежденный расплачивался с победителем. Каждый на свой манер.

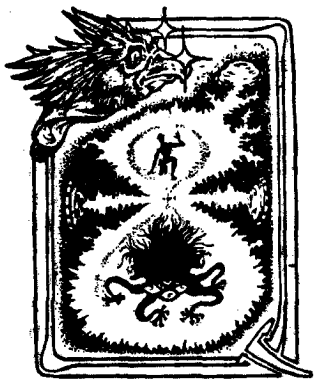
Приказ: уриане ни при каких обстоятельствах не должны узнать, откуда взялся "Архимед". Если повелители Урии смогут доказать, что Бестию доставил на их планету корабль Солнечной Державы, у землян возникнут серьезные неприятности в Галактическом Конгрессе; дело может кончиться остракизмом.

Остракизм: изоляция от межпланетной торговли и конфискация торговых транспортов, уничтожение всех обнаруженных военных кораблей и объявление подданных державы, находящихся за ее пределами, вне закона. *Время действия:* не ограничено.

По всем этим причинам миссия "Архимеда" была верным самоубийством. И с этой точки зрения вполне удалась. С одной оговоркой — Джордж Корсон остался жив. От "Архимеда" не уцелело ничего, что позволило бы установить его происхождение. Князьям Урии останется только признать, что свирепая и плодовитая гостья явилась на собственном корабле. Никто кроме землян не знал координат родной планеты Бестий, никому не было известно и об ограниченности технических возможностей этого вида. Только одно могло помочь урианам определить, откуда взялось чудовище — сам Корсон. Стоило схватить его, и он стал бы важнейшим доказательством виновности Солнечной Державы. Лучшим выходом для Корсона было самоубийство — в этом он

уже убедился. Но как исчезнуть бесследно? Заряда его лучевого пистолета недостаточно, чтобы сжечь себя целиком. Бестия разорвет его в клочья, но оставшегося вполне хватит, чтобы убедить Галактический Конгресс. На всей планете не найдется такой глубокой пропасти, чтобы преследователи не смогли бы отыскать там его труп. Значит, единственный шанс остаться незамеченным — выжить.

В конце концов, подумал он, дело сделано — Бестия доставлена по назначению.



2

Сама ночь защищала Корсона от Бестии: ее глаза не воспринимали инфракрасный и даже красный диапазон спектра, хотя превосходно видели в ультрафиолетовом. Правда, она могла ориентироваться в темноте с помощью ультразвука, но сейчас была целиком погружена в свое горе, исполнена жалости к себе, и вряд ли собиралась искать ненавистного человека.

С чего это Бестия в таком отчаянии, недоумевал Корсон. Он был почти уверен, что ей неведом страх. На родной планете у нее не нашлось серьезных врагов; она не знала поражений и, без сомнения, не могла даже представить себе достойного противника, пока не повстречалась с людьми. Только одно могло положить предел распространению Бестий — голод. Бестии способны размножаться, только получая достаточно пищи, иначе остаются бесплодными. В свое время зоологи на Земле столкнулись с труднейшей проблемой — как прокормить Бестию?

Может быть, она голодна или мерзнет? Вряд ли. Могучий организм зверюги способен усваивать практически все органические и минеральные вещества. На Урии она найдет сколько угодно пищи. И климат здесь близок к климату лучших районов ее родной планеты. Состав атмосферы, правда, малость другой, но не настолько, чтобы серьезно повредить существу, способному, как показали опыты, преспокойно плавать в серной кислоте и сутками находиться в вакууме, не испытывая

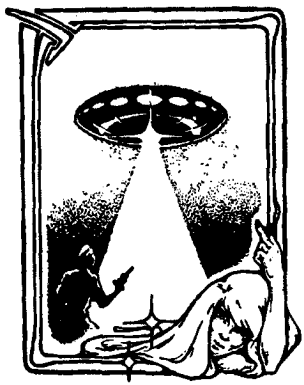
при этом ни малейших неудобств. Страдает от одиночества? Тоже маловероятно. Наблюдая за поведением Бестий, помещенных на необитаемые астероиды, ученые установили, что эти животные крайне редко нуждаются в обществе себе подобных. Иногда Бестии собираются в стаи, чтобы сделать что-то, что не под силу одной, или поиграть вместе, или для совокупления — они обменивались спорами с генным эквивалентом, но, похоже, врожденного стадного инстинкта у них не было.

Нет, здесь все это не подходило. Стенания чудовища напоминали плач ребенка, которого случайно или в наказание заперли в темном чулане: он чувствует себя затерянным в огромном, чужом и пугающем мире, полном страшных призраков, и, что ужаснее всего, не может из него выбраться. Корсон много бы дал, чтобы поговорить с Бестией и узнать, что ее так тревожит... С первого дня полета он тщетно пытался найти с ней общий язык. Корсон знал разные способы общения Бестий, но ему, как и его предшественникам, ни разу не удалось завязать с чудовищем осмысленный разговор. Дело тут было скорее всего в неистребимой ненависти Бестии ко всему роду человеческому. Никто не знал, в чем крылась причина этой ненависти: Бестию мог раздражать запах, цвет, звуки... Зоологи и так и эдак старались провести чудовище, но все напрасно. К несчастью для Бестии, она была слишком сообразительна, чтобы дать себя обмануть, но недостаточно умна, чтобы обуздать свои инстинкты,— темные, злобные, бродившие в ней и заставлявшие убивать.

Корсон отступил еще на несколько шагов, споткнулся, какое-то время полз на четвереньках и, совершенно разбитый, решил подремать вполглаза, пообещав себе не терять бдительности. Ему показалось, что прошло всего несколько минут, однако очнувшись и взглянув на часы, он понял, что проспал четыре часа. Еще не рассвело. Бестия утихла.

По небу, похоже, плыло какое-то облако или туча: звезды слева от Корсона погасли. Туча быстро перемещалась. И у нее были слишком четкие очертания. Нет, это не туча. Над головой Корсона бесшумно парил летательный аппарат; конструкция показалась ему незнакомой, хотя он изучил все типы боевых машин урианской армии. Темный диск был почти неразличим на фоне ночного неба, и Корсон не мог даже определить, на какой высоте и с какой скоростью тот летел. Но вот диск оказался прямо над ним и стал стремительно увеличиваться; Корсон едва успел понять, что его вот-вот раздавят и отскочил в сторону.

А ведь именно появление диска заставило Бестию угомониться... Внезапно наступившая тишина и разбудила его. Бестия за несколько секунд предвидела, что произойдет, и, сама того не желая, предупредила своего невольного союзника — человека. От этой догадки у Корсона кровь застыла в жилах, заныло в животе. Он сжал рукоятку пистолета, не очень, впрочем, надеясь на оружие. Сомнений нет — уриане прилетели, чтобы схватить его. А что он может один против огромной машины? Вот если бы устроить так, чтоб вместе с ним на корабле оказалась и Бестия... Уж она-то сделает свое дело — разнесет корабль вдребезги со всеми его клетками и защитными экранами. Повезет — и урианская машина погибнет так же, как погиб "Архимед", а князья Урии никогда не найдут на своей планете и следа Джорджа Корсона...



3

Мрак над ним словно сгустился. Луч слепящего света вырвался из черного диска урианского корабля и стал шарить по кустам, за которыми прятался Корсон. Значит, экипаж абсолютно уверен в своей неуязвимости, если ищет его с помощью обычного прожектора. Чисто инстинктивным движением Корсон прицелился в источник света. Брюхо корабля было гладким и мерцало, как отполированный драгоценный камень. Едва различимые линии швов делали его похожим на глобус — очевидно, конструктор усмотрел в этом своеобразный изыск. И вообще диск совсем не походил на боевую машину.

Корсон приготовился к выстрелу, запаху паралитического газа или к падающей на плечи стальной сети. Он ожидал услышать квохчущие голоса урианских солдат. Ничуть не бывало. Луч света настиг его и замер. Диск опустился еще ниже. Даже не вставая, Корсон мог дотянуться до него рукой. По краям диска вспыхнули иллюминаторы. Можно было выстрелом разбить один из них, но Корсон почему-то не стал и пытаться. Он весь дрожал, хотя, пожалуй, ему уже не

было страшно: скорее он был заинтригован столь необычным — с точки зрения солдата — поведением экипажа.

Пригнувшись, он обошел вокруг корабля. Попробовал заглянуть в иллюминатор, но сквозь матовое стекло увидел лишь неясные, расплывчатые тени. Разглядел что-то похожее на человеческий силуэт; это его не удивило — на расстоянии урианина вполне можно принять за гуманоида.

Ослепленный еще более ярким светом, он на мгновение зажмурился. Свет бил из открывшегося в корпусе люка, откуда спустилась веревочная лестница. Корсон уцепился за нижнюю ступеньку и вскарабкался внутрь. Люк бесшумно закрылся за его спиной, но этого он и ожидал.

— Заходите же, Корсон,— раздался мелодичный женский голос.— Что вы встали в коридоре?

Это, несомненно, был голос человека. Не какая-нибудь имитация, а настоящий человеческий голос. Урианe никогда бы не достигли такого совершенства в звукоподражании. Компьютеру это, пожалуй, под силу, но вряд ли враги взяли бы на себя труд расставить столь изощренную ловушку, тем более, что добыча уже попалась. На войне никогда не уделяют лазутчику так много внимания...

Корсон толкнул приоткрытую дверь, которая тут же исчезла в стене, и оказался в большом салоне. Прямо напротив него был огромный иллюминатор. Он различил темную громаду леса, над которым они пролетали, а на горизонте более светлую, слабо мерцающую полосу — должно быть, над океаном вставал рассвет. Корсон обернулся. На него смотрела молодая женщина, окутанная легкой пеленой, вроде тумана; больше на ней ничего не было. Улыбающееся лицо в дымке светлых волос. В серых глазах — ни малейшей враждебности. Похоже, прекрасно владеет собой. Вот уже пять лет Корсон не видел живых женщин, только пластоидов, заменявших их на военных кораблях. Прирост населения катастрофически падал, и брать в космос женщин было слишком большой роскошью. А эта просто удивительно хороша... Он перевел дыхание и почувствовал, как в нем снова просыпается солдат. Это давно стало его второй натурой.

— Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон? — спросил он.

В глазах молодой женщины появилось удивление, потом — страх. Корсон понял, что попал в точку. Женщина произнесла его имя — значит, у князей Урии имеется столь подробная информация об "Архимеде" и его зада-

нии, что они даже знают имена всех членов экипажа. Но ведь эта женщина не урианка, а человек, говорит человеческим голосом, поэтому и само ее появление на Урии — загадка. Ни один самый искусный хирург не смог бы так изменить внешность урианина. Никакая пластическая операция не превратила бы роговой клюв в эти нежные губки. Если бы еще женщина была одета... Но ее обнаженное тело не оставляло сомнений. Корсон ясно видел пупок — черт возьми, у обитателей Урии, рождавшихся из яиц, ему неоткуда взяться! А пластоиды не бывают до такой степени совершенны...

— Но вы же сами только что это сказали,— ответила она.

— Нет, сперва вы окликнули меня по имени,— возразил Корсон и подумал: замкнутый круг какой-то. Лучше всего сейчас было бы пристрелить женщину и захватить корабль, но наверняка она здесь не одна, так что надо попытаться разузнать побольше. Может быть, убивать не придется.

Корсон никогда не слышал, чтобы кто-то из людей воевал на стороне Урии. В войне, главной и, пожалуй, единственной причиной которой была биологическая несовместимость в сочетании с возможностью жить на планетах сходного типа, не может быть перебежчиков. Вдруг он сообразил, что, попав на корабль, не ощутил специфического запаха. Будь на борту хоть один урианин — непременно пахло бы хлором. Однако...

— Вы что, пленница?

Вряд ли она признается, но Корсон надеялся получить хоть какую-нибудь ниточку.

— Странные вопросы вы задаете.

Глаза ее обиженно раскрылись, губы задрожали:

— Вы здесь чужой. Я думала... С какой стати мне быть пленницей? Разве на вашей планете берут в плен женщин?

Вдруг она изменилась в лице. В глазах ее заметался ужас.

— Да нет...

Она закричала и отпрянула, ища глазами что-нибудь тяжелое, чтобы защититься. В два прыжка Корсон пересек салон, увернулся от ее слабенького удара, одной рукой зажал ей рот, а другой обхватил поперек талии. Затем большим и указательным пальцами нащупал на шее сонную артерию. Глаза у женщины закатились. Надави он чуть сильнее — и она бы умерла. Но этого Корсон не хотел.

Потеряла сознание, и достаточно. Ему нужно было выиграть время, чтобы немного поразмыслить.

Он обошел весь корабль и убедился, что больше на борту никого нет. Невероятно! Молодая женщина, одна на прогулочном катере — никакого оружия он не нашел — спокойно летает над лесами враждебной планеты... Этого просто не может быть. Он отыскал пульт управления, но так и не разобрался в бесчисленных кнопках. Часть стены занимала электронная карта, по которой медленно плыла красная точка, явно обозначавшая их корабль. Но он не узнавал очертаний материков и океанов Урии. Неужели капитан ошибся и "Архимед" занесло не на ту планету? Нет, чепуха. Растительность, солнце, состав атмосферы — все говорило о том, что это Урия, а нападение на "Архимед" рассеяло последние сомнения.

Корсон взглянул в иллюминатор. Диск летит на высоте около трех миль, со скоростью порядка четырехсот километров в час, прикинул он. Максимум минут через десять они достигнут океана.

Вернувшись в салон, Корсон уселся в изящное кресло и принялся разглядывать женщину. Она лежала на полу; еще раньше он позаботился подложить ей под голову подушку. Редко увидишь подушку на военном корабле. Да еще вышитую. Корсон попытался до мельчайших подробностей припомнить все, что произошло, начиная с той минуты, когда оказался здесь.

Она окликнула его по имени.

Прежде, чем он успел открыть рот.

Испугалась.

Прежде, чем ему пришло в голову броситься на нее.

В какой-то степени именно этот явный страх в ее глазах и подтолкнул его.

Телепатка?

Стало быть, она знает его имя, знает, зачем он прилетел, и о существовании Бестии тоже — и поэтому должна умереть, особенно если работает на повелителей Урии.

Но ведь она испугалась и отпрянула до того, как ему вздумалось схватить ее...

Женщина пошевелилась. Чтобы связать ее, он оторвал несколько длинных полос от занавески. Занавеска — тоже не слишком привычная вещь на войне. Он связал женщину по рукам и ногам, но рот затыкать не стал. Одновременно он пытался понять, из чего сделана одежда, окутывавшая ее тело. Не материя, но и не газ. Какой-то мерцающий туман, легчайший, почти неразличимый. Лишь приглядев-

шись, можно было отчетливо его увидеть. Что-то вроде энергетического поля, но уж наверняка не защитного.

Она обратилась к нему на чистейшем пангали. Однако это еще ничего не значило. Уриане говорят на пангали с тем же успехом, что и земляне. Он даже пытался обучить начаткам этого языка Бестию — считалось почему-то, что на пангали могут говорить все разумные существа — но у него ничего не вышло. Как и со всем остальным.

Между тем именно Бестия дала ему ключ к разгадке.

У женщины было с ней по меньшей мере одно общее свойство. Она тоже могла до известного предела видеть будущее. Когда за ним только закрылся люк, женщина уже знала — сейчас он спросит: "Откуда вы знаете, что меня зовут Корсон?" Да, именно ее испуг побудил Корсона напасть, но это ничего не меняло, оставался дурной вопрос,— кто же начал первым. Вопрос большинства темпоральных парадоксов. Те, кто общался с Бестиями, очень скоро начинали кое-что в этом понимать — чаще всего проверяя на собственной шкуре. Поэтому Корсон смог подсчитать, что молодая женщина предвидит будущее в пределах двух минут — дальше, чем Бестия. Но и это не проясняло, откуда она вообще взялась на Урии...

4

Наступил день — рассвело уже час назад. Они летели над океаном. Корсон как раз прикидывал, чего же ждет урианский флот, даже не попытавшийся перехватить их, когда женщина наконец очнулась.

— Вы хам, Корсон,— заявила она.— Такого мерзавца свет не видывал с самых варварских времен Солнечной Державы. Это же надо — наброситься на женщину, которая вас приютила...

Корсон внимательно смотрел на нее. Она извивалась, стараясь освободиться от пут, но в глазах больше не было страха — только злость. Стало быть, уже знает, что в ближайшее время он не сделает ей ничего плохого. Тонкие черты ее лица разгладились, и злость сменилась холодным

презрением. Не будь она так хорошо воспитана, наверняка плюнула бы ему в физиономию.

— У меня не было другого выхода. Война есть война.

Она удивленно вскинула брови.

— Какая еще война? Вы с ума сошли, Корсон.

— Джордж,— поправил он.— Джордж Корсон.

По крайней мере этого она не предвидела — короткого слова, которое было его именем; или просто не пожелала им воспользоваться. Он принялся не спеша развязывать ее. Ну ясно, поэтому она и успокоилась минуту назад. Женщина не сказала ни слова, пока он возился с узлами. Затем быстро поднялась, растерла запястья и, прежде чем Корсон успел уклониться, залепила ему две пощечины. Он и глазом не моргнул.

— Так я и думала,— презрительно бросила она.— Вы даже предвидеть не способны. Как человек может до такого докатиться? Интересно, на что вы вообще годитесь? Нет, такое случается только со мной!

Она пожала плечами и устремила взгляд на море, бесшумно плескавшееся внизу.

Совсем как героиня старого стереофильма,— подумал Корсон.— Какого-нибудь довоенного. Там девушки подбирали на дорогах терпевших бедствие мужчин, а потом вместе с ними попадали в разные передряги. Ну и, как водится, влюблялись. Сказки. Такие же сказки, как кофе или табак. Или такой вот корабль-диск.

— Это мне наука — никогда больше не буду подбирать незнакомых людей,— продолжала она точь-в-точь как в тех старых фильмах.— Мы еще разберемся, что вы за фрукт, когда прилетим в Диото. А пока сидите смирно и учтите — у меня есть влиятельные друзья.

— Князья Урии? — съязвил Корсон.

— Знать не знаю никаких князей. Никогда не слышала. Может быть, в доисторические времена...

Корсон судорожно глотнул.

— Так на этой планете мир?

— Уже тысячу двести лет, насколько мне известно. И, надеюсь, навсегда.

— А с туземцами вы знакомы?

— Да, что-то вроде разумных птиц. Они совершенно безобидны и предпочитают проводить время в философских дискуссиях. Правда, взгляды у них несколько декадентские... Один из них, Нгал Р'Нда,— мой близкий друг. Да с кем вы, по-вашему, имеете дело?!

— Не знаю,— признался он.

И это была чистая правда.

Хозяйка корабля сменила гнев на милость.

— Я хочу есть,— заявила она.— Вы, наверное, тоже. Посмотрим, смогу ли я что-нибудь приготовить после того, как вы меня так отделали.

В ее голосе больше не было ни малейшего страха. Скорее симпатия.

— А как вас зовут? — поинтересовался Корсон.— Мое-то имя вы знаете.

— Флория... Флория ван Нейль.

Итак, впервые за пять лет он познакомился с женщиной.

Нет, сказал он себе. Нет, если это не сон, не ловушка, не бред, не цветная и объемная галлюцинация умирающего, то прошло не пять лет, а тысяча двести, или даже две тысячи.

При этой мысли он чуть не выронил стакан.

Впрочем, подкрепившись, он вновь обрел способность рассуждать здраво. И попытался разобраться в услышанном. Что такое могло случиться с Урией? Похоже, несколько миллионов населяющих ее людей живут в мире с немногим более многочисленными туземцами. А он в данный момент летит в Диото, видимо, один из больших городов, в обществе самой очаровательной девушки на свете.

А где-то по джунглям Урии бродит Бестия, готовая произвести на свет восемнадцать тысяч маленьких бестенят, которые быстро подрастут и станут такими же свирепыми и опасными; и произойдет это через полгода, а то и скорее, если Бестия найдет достаточно пищи.

Он уже представлял себе, как все случилось. Перед взрывом "Архимеда" Бестия переместилась во времени не на несколько секунд, а совершила прыжок в будущее на тысячелетия. И утащила за собой Джорджа Корсона. Князья Урии и Солнечная Держава канули в прошлое. Война — выигранная или проигранная — давно забыта. Он может считать себя демобилизованным и навсегда расстаться с мундиром. Или признать себя дезертиром поневоле, заброшенным в чужое Будущее. В общем он всего лишь человек, затерянный среди миллиардов граждан некоей Галактической Федерации, объединившей звездные системы вплоть до туманности Андромеды, множество миров,— миров, которые ему никогда не суждено увидеть, хотя они наверняка связаны линиями подпространственного сообщения, позволяющими почти мгновенно преодолевать любые расстояния. И нет у него больше ни имени, ни прошлого, ни задания. Он ничего не знает. Из

Диото он может добраться до любой из звезд, мерцающих в ночном небе, и заняться там единственным делом, которому обучен — войной; или же найти себе что-то другое. Бежать, забыть Землю, Урию, Бестию, Флорию ван Нейль, навсегда затеряться на бесконечных дорогах космоса...

А новые обитатели Урии пусть сами разбираются с Бестией и восемнадцатью тысячами ее потомков, которые скоро появятся на свет.

Но он-то хорошо себя знал: еще долго его будет мучить один вопрос.

Почему Флория ван Нейль явилась за ним в самый подходящий момент? Почему казалось, что она играет, причем довольно плохо, какую-то заученную роль? И почему ее злость — без сомнения, неподдельная — так быстро сменилась радушием, едва лишь она пришла в себя?

5

Издалека Диото напоминал гигантскую пирамиду, висящую основанием вниз на километровой высоте, облако с рваными краями, внутри которого промоздились друг на друга темные полосы, усеянные светящимися точками — словно геологические пласты на обнажившемся склоне горы. От этого зрелища у Корсона захватило дух. Пирамида начала распадаться на глазах. Облако превратилось в лабиринт. Дома в городе, если это и вправду были дома, располагались далеко друг от друга. Река — два параллельных потока — взмывала вертикально вверх, словно заключенная в невидимые трубы, и пронзала город огромной колонной. По трехмерным магистралям города порхали с места на место причудливые аппараты. Когда корабль достиг предместья, Корсон увидел, как два гигантских здания легко взмыли в воздух и направились к океану.

Вот тебе прекрасный пример антигравитационной урбанистики, рассуждал Корсон, совершенство, блеск и... анархия! До этого он сталкивался с антигравитацией только на боевых кораблях. Об анархии же знал лишь понаслышке: это историческое понятие полностью исключила война. Для

человека его эпохи каждый индивид и каждая вещь должны были находиться на своем месте. Но за тысячу двести лет — а то и несколько тысячелетий — все могло измениться. Похоже, антигравитация стала таким же привычным делом, как некогда реакция расщепления ядра. А может быть, они сумели сделать антигравитацию источником энергии? Корсон в свое время слышал об этом — какие-то безумные проекты... Правда, антигравитационные устройства боевых звездолетов поглощали неимоверные количества энергии, но что из того? Силы взаимоотталкивания масс тоже содержат огромную потенциальную энергию, надо только уметь ее взять.

Диото, в отличие от всех городов, известных Корсону, не был застывшим сочетанием архитектурных форм. Он постоянно менялся. Здания и целые секторы перемещались в любом направлении и останавливались где угодно. Сохранилась лишь первая и главная функция города: объединять разумные существа для обмена товарами и идеями.

Корабль Флории медленно поднимался вдоль одной из граней пирамиды. Как разумно расположены дома, подумал Корсон, даже самые нижние уровни получают достаточно солнечного света. Значит, в городе есть какая-то центральная власть, которая регулирует передвижения домов и размещает вновь прибывших?..

— Приехали,— бесцеремонно заявила Флория ван Нейль.— Итак, что вы намерены делать дальше?

— А мне казалось, вы просто отправите меня в полицию.

— Вот как? — с интересом спросила она.— Так было бы в ваши времена? Но полицейские без труда найдут вас, если захотят. Правда, не уверена, помнят ли они, что такое арест. Последний такой случай был лет десять назад.

— Но я на вас напал!

Флория рассмеялась.

— Ну, положим, я сама вас спровоцировала. Зато как интересно было встретить человека, который не может предвидеть даже на минуту вперед и понятия не имеет, что я сейчас сделаю или скажу!

Она шагнула к нему и крепко поцеловала в губы. Затем отстранилась, прежде чем он успел обнять ее. Корсон так и застыл с открытым ртом. Похоже, она говорила искренне — ее влекло к нему. Видно, такой мужчина был ей в новинку, но ему-то хорошо знакомы женщины этого сорта. Ее глаза сказали ему все в ту минуту, когда он бросился на нее. Основные свойства человеческой натуры не могут из-

мениться за какие-нибудь тысячу двести лет; что-то новое конечно появляется, но не настолько же!..

Можно было бы воспользоваться ситуацией.

Однако что-то в нем протестовало. Захотелось бежать отсюда. Древний инстинкт шептал ему: держись подальше от этого мира. К тому же будущее Урии, надо думать, отнюдь не радужно. Может статься, что род человеческий за двенадцать веков, а то и больше, кое в чем разобрался и как-нибудь справится с восемнадцатью тысячами Бестий, но Корсону не слишком в это верилось. А близость, возникшая между ним и Флорией ван Нейль, грозила связать его по рукам и ногам.

— Спасибо за все,— сказал он.— Надеюсь когда-нибудь оказать вам ответную услугу...

— Какая невероятная самоуверенность,— усмехнулась Флория.— И куда это вы собрались?

— Скорее всего, на другую планету... Я... ммм... много путешествую. Я и так уже слишком задержался здесь.

Флория сделала большие глаза.

— Я не спрашиваю вас, почему вы врете, Корсон. Но мне интересно, почему вы врете так скверно.

— Ради собственного удовольствия,— буркнул он.

— Не похоже, чтобы вы получали большое удовольствие.

— Пытаюсь.

Его так и подмывало задать ей массу вопросов, но Корсон сдержался. Этот новый мир он должен открыть самостоятельно. И не стоит вот так сразу выкладывать все свои карты. Придется удовольствоваться пока тем немногим, что он узнал из утреннего разговора.

— А я-то думала...— протянула Флория.— Впрочем, вы свободны.

— Одну услугу я все же в состоянии вам оказать. Я покидаю эту планету. Послушайтесь моего совета и сделайте то же самое. Через несколько месяцев жизнь здесь станет кошмаром.

— Да ну? — насмешливо спросила она.— Надо же — не знаете, что произойдет через минуту, а строите из себя пророка. Я тоже хочу дать вам совет. Переоденьтесь. В этом наряде вас просто засмеют!

Смутившись, Корсон засунул руки в карманы своей офицерской куртки. Минуту спустя он уже накинул на себя некое подобие переливающейся туники. Что ж, если ты на Марсе, прыгай как марсианин. Диск плавно скользил вдоль длинного сооружения, отдаленно напоминающего

причал. Теперь, в новом одеянии, Корсон и вправду чувствовал себя смешным. Диск чуть заметно вздрогнул и остановился.

— Здесь найдется мусоросжигатель?

Флория удивленно наморщила лоб: — Что?

— Корсон прикусил губу.

— Ну, устройство, которое уничтожает отбросы.

— Ах, деструктор! Конечно.

Она улыбнулась и показала ему, как работает деструктор. Корсон скомкал форму и бросил ее в тускло светящееся отверстие. Новое свободное одеяние хорошо скрывало пистолет, висевший слева под мышкой. Корсон был почти уверен, что Флория заметила оружие, но понятия не имеет, для чего оно предназначено.

Он направился к люку, и тот распахнулся перед ним. Хотел сказать что-нибудь на прощание, но так и не нашел нужных слов. Лишь неопределенно махнул рукой. У него сейчас была одна забота.

Найти укромное место, спокойно все обдумать.

И как можно скорее покинуть Урию.

6

Тротуар под его сапогами — нет, теперь уже сандалиями — оказался мягким, как ковер. Корсон вдруг почувствовал, что допустил какой-то промах. Надо было остаться с девушкой и постараться узнать от нее побольше. Зачем, ну зачем он так поспешил уйти? Заповедь солдата: ни в каком убежище не оставайся ни минутой дольше, чем необходимо — двигайся, двигайся без передышки. Теперь это обернулось против него.

Все его поступки по-прежнему определяла война — война тысячелетней давности, но для него-то она кончилась только вчера! И еще одно. Флория. Она молода, красива и явно не отвергла бы его, будь он чуть понастойчивей. Но Корсон явился из эпохи, где одна половина человечества отдавала все силы бесконечным сражениям, а

другая — экономике, позволявшей их вести. И вдруг он попал в мир, законом которого, похоже, было право на личное счастье. Слишком многое в этом мире было другим. Потому-то Корсон и ушел так поспешно — он не мог действовать, как хотел, оставшись рядом с Флорией.

Он дошел до конца причальной платформы и остановился в нерешительности перед узкой полоской висевшего в воздухе трапа без перил. Испугался, подумав, что даже это замешательство выдаст его, но тут же увидел, что никто не обращает на него внимания. В его далеком мире любого чужака немедленно приняли бы за шпиона — хотя смешно было подумать, что какой-нибудь урианин отважится на прогулку по городу, которым владели люди. Борьба со шпионажем велась не ради государственной безопасности — скорее для отвлечения умов от истинных проблем. Корсон был в достаточной мере циником, чтобы понимать это.

Между тем обитатели Диото показались ему чересчур смелыми. Они спокойно перескакивали с одного уровня на другой, даже если их разделяло несколько десятков этажей. Корсон было подумал о миниатюрных антигравитаторах, скрытых под одеждой, но быстро убедился, что это не так. С первой же попытки он прыгнул метра на три и едва не упал. Однако он ожидал куда более сильного удара. Осмелев, решил прыгнуть метров на десять и увидел, что прямо на него мчится пестро раскрашенный летательный аппарат. В последний момент тот вильнул в сторону, чудом избежав столкновения, и Корсон заметил лишь лицо пилота, побелевшее то ли от злости, то ли от страха. Наверно, я нарушил какие-то правила, решил про себя Корсон. Он огляделся и почти бегом перебрался на соседний уровень, опасаясь, что где-нибудь рядом некстати появится полицейский.

Прохожие, казалось, двигались без всякой цели. Сновали взад-вперед, порхали, словно мотыльки или стрекозы, то соскакивали на три уровня вниз, то взмывали, увлекаемые невидимыми воздушными потоками, на несколько этажей вверх, останавливались на минутку поболтать со встречными и вновь продолжали свой странный бег-полет. Время от времени то один, то другой исчезали в непонятных кубах и пирамидах Диото.

Проблуждав по городу часа три, Корсон почувствовал себя одиноким и потерянным, к тому же изрядно проголодался. Он надеялся, что скоро набредет на какой-нибудь ресторанчик или общественную спальню — такие заведе-

ния были предусмотрены для солдат и путешественников на всех планетах, подвластных Солнечной Державе, но так ничего и не нашел, а расспрашивать прохожих не решался. В конце концов он все же осмелился войти в одно их больших зданий. Прозрачные двери распахнулись перед ним, и Корсон оказался в огромном зале. На бесконечных полках были разложены незнакомые ему товары, и тысячи людей сновали между ними...

Если что-нибудь взять — будет это кражей? В Солнечной Державе за кражу сурово карали — это Корсон усвоил твердо. Общество, находящееся в состоянии войны, не может терпеть покушений на остатки своего благополучия. Но когда он наткнулся на полки, сплошь уставленные тем, что явно было едой, в животе засосало невыносимо. Он выбрал несколько упаковок, похожих на те, что были у Флории, рассовал их по карманам, готовый в любую минуту услышать окрик полицейского или звонок, и направился к выходу, нарочно петляя и стараясь идти не тем путем, каким пришел.

Уже в дверях он вздрогнул, услышав за спиной голос. Низкий, хорошо поставленный и довольно приятный.

— Простите, вы ничего не забыли?

Корсон огляделся и никого не увидел.

— Простите, мистер...— повторил голос.

— Корсон,— представился он.— Джордж Корсон.

Какой смысл скрывать свое имя здесь, где оно все равно никому ничего не говорит?

— Возможно, я упустил какую-нибудь мелочь,— признался он. — Я, видите ли, приезжий. С кем имею честь?

Самое удивительное: проходившие мимо люди, казалось, не слышали никакого голоса.

— Я кассир этого магазина. Но, может быть, вы предпочли бы говорить с директором?

Корсон наконец определил, откуда звучат слова. Где-то в метре от левого плеча, из абсолютно пустого места.

— Я что-нибудь нарушил?— спросил Корсон.— Вы хотите задержать меня?

— На ваше имя не открыт счет, мистер Корсон. Если не ошибаюсь, вы у нас впервые. Поэтому я и позволил себе побеспокоить вас. Хотел бы надеяться, что вы не в претензии.

— Боюсь, я вообще не располагаю кредитом. Я, конечно, могу все вернуть...

— Ну зачем же, мистер Корсон? Вы вполне можете за-

платить наличными. Мы принимаем валюту всех известных планет.

Корсон вздрогнул.

— Как вы сказали?

— Мы принимаем валюту всех известных планет. В купюрах любого достоинства.

— У меня... у меня нет денег,— убитым голосом признался Корсон.

Он с трудом выговорил это слово. Деньги были для него понятием чисто историческим и почему-то неприятным. Он, как и все, знал, что давным-давно, еще до войны, люди на Земле использовали деньги как эквивалент обмена, но сам никогда их не видел: армия всегда снабжала его всем необходимым. И никогда ему не приходило в голову получить больше, чем положено, или что-нибудь, не входящее в общий рацион. Как и все его современники, он считал денежную торговлю чем-то вроде варварского обычая, немыслимого в цивилизованном обществе. Поэтому, когда Корсон покидал корабль Флории, он и подумать не мог, что здесь могут понадобиться деньги.

— Я... гхм...

Он откашлялся.

— Я мог бы отработать за то, что я... взял...

— Никто сейчас не работает ради денег, мистер Корсон, во всяком случае, на этой планете.

— А вы? — недоверчиво спросил Корсон.

— Я робот, мистер Корсон. Если позволите, я предложу вам самый простой выход. Не могли бы вы, пока не открыт кредит на ваше имя, назвать нам лицо, готовое за вас поручиться?

— Я знаю здесь только одного человека,— ответил Корсон,— Флорию ван Нейль...

— Превосходно, мистер Корсон, этого достаточно. Еще раз простите за беспокойство. Надеюсь, вы еще посетите нас.

Голос умолк. На сей раз окончательно. Корсон пожал плечами, злясь на глупую свою нерешительность. Что подумает Флория, узнав, что он воспользовался ее кредитом? Впрочем, на это ему было наплевать. Поразил сам голос. Что же это был за робот — невидимый, вездесущий, способный разговаривать одновременно с множеством клиентов: кому-то дать справку, кому-то совет, а кому и нагоняй?

Значит, невидимые глаза прямо из воздуха повсюду следили за ним?.. Корсон снова пожал плечами. Ладно, подумал он, в конце концов, я пока еще на свободе.

7

Корсон отыскал более или менее спокойное место и вскрыл одну из коробок. Сработала солдатская привычка — ешь там, где тебе не помешают. Он ел и пытался размышлять. Но как ни ломал голову — так и не смог придумать, что же ему делать дальше.

Прежде всего — деньги. Без них будет трудновато убраться с Урии: межзвездные путешествия наверняка стоят дорого. Итак, ловушкой стало не только время, но и место. За оставшиеся шесть месяцев надо найти какой-нибудь способ добыть денег.

Но какой? Заработать невозможно — никто не работает ради денег. А ради чего работают? И как? Что он вообще знает об этой планете? Он чужой для этого мира. Не умеет и не знает ничего, что могло бы заинтересовать новых обитателей Урии. Хуже того, в их глазах он неполноценный, что-то вроде калеки. Ведь мужчины и женщины, которые разгуливают по улицам Диото, способны предвидеть, что с ними произойдет. А он — нет, и скорее всего никогда этому не научится. Вспомнив о предвидении, он задумался. Что это — стремительно распространившаяся мутация? Или скрытые возможности человека, которые удалось развить специальной тренировкой?..

Как бы там ни было, ему не удастся застать уриан врасплох. Но один козырь у него все же оставался.

Он знал более отдаленное будущее планеты.

Через полгода полчища невиданных свирепых тварей хлынут в Диото, преследуя свои жертвы в лабиринтах пространства и времени. Возможно, благодаря своим способностям люди получат небольшую отсрочку. Но не более...

С такой картой на руках для него не все потеряно. Можно предупредить правительство Урии, посоветовать немедленно эвакуировать население или попытаться как-то применить способы, с помощью которых Солнечная Держава смогла в конце концов обуздать Бестий. Однако это палка о двух концах. С таким же успехом здесь его могут просто-напросто повесить.

Корсон бросил пустые упаковки за ограждение и стал смотреть, как они падают. Ничто не тормозило падения. Значит, антигравитационное поле действует только на людей? Может быть, их мозг подсознательно отдает приказ, когда это необходимо? Впрочем, Корсон не мог даже вообразить себе устройство, способное так действовать.

Он встал и снова отправился бродить по городу. Какой-то план у него был: отыскать космопорт и пробраться на транспортный корабль, если потребуется — применить силу. Ну а если его все-таки задержат, всегда остается последний выход — выложить всю правду.

Он начал разбираться в планировке города, хотя она и показалась ему удивительно нелепой. В его эпоху все военные базы строились по одному и тому же принципу. Везде одни дороги выделялись для транспорта, другие — для пешеходов. Здесь все было иначе. Возможность предвидеть события за несколько мгновений, несомненно, повлияла и на правила уличного движения. Он вспомнил, как чудом не попал в аварию несколько часов назад. Человек в том летательном аппарате не подозревал о его появлении. Значит, чтобы предвидеть, уриане должны прилагать определенные усилия? Или они могут управлять только внутренним зрением? А может, как всякое зрение, оно у одних великолепно, другие же близоруки?

Он попытался сосредоточиться и представить себе, что сейчас произойдет. Вот прохожий. Он может продолжать идти прямо, свернуть направо, подняться или спуститься... Свернет, решил Корсон. Но прохожий шел прямо. Корсон попробовал еще раз — опять неудача.

И еще раз. И еще...

Может быть, просто не везет? Или его мозг перегружен впечатлениями, поэтому он не способен ничего предугадать? В чем же дело?

Он вспомнил, что прежде интуиция редко подводила его. Внезапные предчувствия, близкие, слишком близкие к уверенности, почти всегда сбывались. Словно вспышка молнии пронзала мозг в самом пекле битвы или в тишине короткой передышки. Не надо было размышлять, обдумывать — это приходило само. Каждый такой случай быстро забывался; просто совпадение, говорил он себе.

Вообще ему всегда везло. "Счастливчик", — смеялись друзья. И, похоже, были правы: вот и сейчас они все погибли, все до единого, а он жив. Интересно, а на Урии что же — везением научились управлять?

Рядом с ним опустился легкий флаер, похожий на ра-

дужный пузырь — Корсон даже вздрогнул от неожиданности. Рука скользнула к оружию. Но не выхватила его. Внутри был лишь один пассажир. Женщина. Безоружная. Брюнетка. И она приветливо улыбалась. Похоже, остановилась, чтобы поговорить с ним...

Корсон выпрямился, незаметно смахнув со лба испарину. Девушка жестом пригласила его войти.

— Вы, если не ошибаюсь, Корсон?

Стенки флаера поползли в стороны, пропуская его; казалось, они были сделаны из прозрачной ткани или пластмассы.

— Кто вы? — спросил Корсон. — Как вы меня нашли?

— Антонелла,— ответила она. — Меня зовут Антонелла. Я слышала о вас от Флории ван Нейль, и мне захотелось с вами встретиться.

Он еще колебался.

— Я же знаю, что вы все равно сядете, Джордж. Лучше не теряйте времени.

Он чуть было не бросился прочь. Интересно, можно ли обмануть этих людей? А впрочем, она права. Корсон действительно хотел сесть. Хватит ему в одиночку мучиться над всеми загадками Урии. Может, эта девушка сумеет ему помочь? С экспериментами еще успеется. Он решительно шагнул к флаеру.

— Добро пожаловать на Урию, мистер Корсон,— улыбнулась Антонелла.— В мои обязанности входит принять вас здесь как гостя.

— По долгу службы?

— Да, если угодно, можете назвать это и так. Но поверьте, мне это доставит истинное удовольствие.

Флаер набрал скорость. Казалось, девушка вовсе не управляет им. Она снова улыбнулась, продемонстрировав ослепительные зубы.

— И куда мы направляемся? — осторожно поинтересовался Корсон.

— Ну, для начала скромная прогулка над берегом моря.

— А потом?

— Туда, где вам понравится.

— Идет,— согласился Корсон, откидываясь в податливую пену кресла.

Когда они вылетели из Диото, он хмыкнул:

— Странно, что вы не боитесь. Флория насчет меня ничего не рассказывала?

— Она только сказала, что вы обошлись с ней доволь-

но грубо. Но не решила еще, стоит ли на вас сердиться. Вообще-то больше всего ее задело, что вы ее бросили. На ее месте я бы тоже обиделась.

Она еще раз улыбнулась, и Корсон прямо растаял. Сам не зная почему, он уже доверял ей. Если это действительно ее работа — встречать чужестранцев... что ж, у новых уриан неплохой вкус.

Корсон обернулся, и снова его глазам предстал Диото, похожий на пирамиду или гигантский гриб, опирающийся на две мерцающие колонны своих вертикальных рек. Далеко внизу морские волны лениво лизали бесконечный пляж — такие высокие валы бывают только в огромных океанах. Небо было ясным, лишь вершину города окутывала легкая радужная дымка с расплывчатыми краями, словно облако брызг вокруг водопада...

— Что вы хотите узнать обо мне? — неожиданно для себя выпалил он.

— О вашем прошлом — ничего. Нас интересует ваше будущее.

— Что именно?

— А вы не догадываетесь?

Он покачал головой.

— Нет. Я не знаю своего будущего.

— Сигарету хотите?

Он взял из ее рук овальный портсигар и достал сигарету. Сунул ее в рот и попробовал затянуться, ожидая, что она раскурится сама собой. Ничего подобного. Антонелла поднесла ему зажигалку, и когда вспыхнул огонек, Корсону показалось, что он на мгновение ослеп.

— Что вы собираетесь делать дальше? — голос Антонеллы стал вкрадчивым.

Он прикрыл глаза рукой и глубоко затянулся. Настоящий табак, не то что сушеные водоросли, которые приходилось курить прежде, во время войны.

— Покинуть эту планету,— вырвалось у него. Он прикусил губу, но светящаяся точка упорно плавала перед глазами, словно блик от металлической зажигалки глубоко отпечатался на сетчатке. Вдруг он все понял и поспешно загасил сигарету о приборную панель. Зажмурился и надавил пальцами на веки так сильно, что увидел разлетающиеся звезды. Правая рука скользнула под тунику и нащупала пистолет. Вспышка, ослепившая его, когда он закуривал, не была обычным отблеском. Ее гипнотическое действие и наркотик, содержащийся в сигарете, должны

были заставить его выболтать все свои тайны. Корсон вспомнил, как давным-давно на Земле его учили блокировать гипноз и наркотики — вот когда это пригодилось.

— А вы сильный, мистер Корсон,— невозмутимо заметила Антонелла.— Но помните — всех ваших сил не хватит, чтобы покинуть эту планету.

— Почему же вы не предвидели, что ваш фокус не сработает?

Голос его дрожал от едва сдерживаемой ярости.

— А кто вам сказал, что он не сработал, Джордж?

Антонелла улыбнулась так же очаровательно, как полчаса назад, когда приглашала его сесть во флаер.

— Я только сказал, что собираюсь покинуть эту планету. Это все, что вы хотели узнать?

— Возможно. Теперь мы уверены, что вы действительно хотите это сделать.

— И, конечно, попытаетесь мне помешать?

— Это было бы трудно. Вы вооружены и опасны. Мы лишь хотим отговорить вас...

— Разумеется, для моей же пользы?

— Разумеется,— кивнула она.

Флаер на секунду завис в воздухе и плавно пошел вниз. Облетел маленькую бухточку и мягко опустился на берег. Стенки его оплыли, как растопленный воск. Антонелла спрыгнула на песок, потянулась, покружилась на месте.

— А здесь мило. Правда?

Она подобрала причудливую раковину — на Земле в таких живут морские моллюски. Моллюск из другого мира, тупо подумал Корсон. Девушка подержала раковину на ладони и бросила в волны.

— Вам не нравится эта планета?

Корсон пожал плечами.

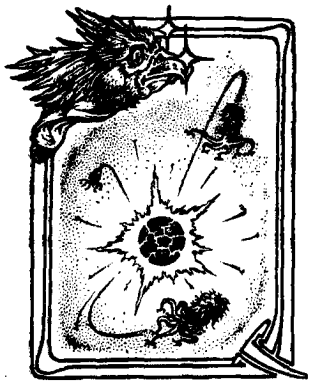
— Не на мой вкус. С виду такая мирная, но столько загадок...

— Ну конечно, вы предпочитаете войну, действие, грубую силу. Что ж, может быть и здесь вы найдете что-нибудь в этом роде.

— И еще любовь,— язвительно добавил он.

— Почему бы и нет?

Ресницы ее затрепетали, губы приоткрылись, она явно ждала. Корсон сжал кулаки. Никогда он не видел столь соблазнительной женщины — даже во время коротких отпусков в центрах развлечений. Махнув рукой на прошлое, он шагнул к Антонелле и привлек ее к себе.



8

— Никогда бы не подумала, что ты можешь быть таким ласковым, Джордж.

— На вашей планете всех гостей принимают подобным образом?

Его голос выдал скрытое раздражение.

— Нет,— казалось, она вот-вот расплачется.— Нет, у нас, конечно, свободные нравы... по сравнению с твоим миром, но...

— Так что же, любовь с первого взгляда?

— Пойми меня, Джордж. Постарайся понять. Я ничего не могла с собой поделать. Уже давно...

Он рассмеялся.

— Надо полагать, с нашей последней встречи?

Девушка, казалось, сделала над собой усилие.

— В каком-то смысле да, Корсон,— ответила она.— Когда-нибудь ты поймешь...

— Когда подрасту.

Он поднялся и протянул ей руку.

— Ну что ж,— сказал он.— Теперь у меня появилась еще одна причина покинуть эту планету.

Антонелла покачала головой.

— Ты не сможешь.

— Почему?

— В первом же космическом порту, на любой планете тебя задержат и обработают мозг. Не убьют, нет, но ты больше никогда не будешь самим собой. У тебя не будет воспоминаний. И почти не останется желаний. А ведь это все равно, что смерть.

— Хуже,— вздохнул Корсон. — И что, так обрабатывают всех, кто собрался путешествовать в космосе?

— Нет, только военных преступников.

Его качнуло. Все вокруг словно подернулось мглой, и он словно ослеп. Он еще мог в какой-то степени поверить этой странной женщине. В конце концов, ее объяснения не более понятны, чем все эти парящие в воздухе города, вертикальные реки и толпы чудаков, шляющихся по небесам на летающих яхтах. Однако последние слова Антонеллы были не просто загадочны, они таили угрозу.

Военный преступник... Только потому, что он был на войне, которая закончилась больше тысячи лет назад?!

— Не понимаю,— выдавил он наконец.

— Попытайся. Это же так просто. Служба Безопасности не имеет юридической власти на планетах. Она вмешивается, лишь когда кто-то из преступников пытается перебраться с одного мира на другой. Как только ты окажешься в космосе, они имеют право тебя схватить. У тебя не будет и одного шанса на миллион — никому не удавалось ускользнуть от них.

— Но зачем я им нужен?

Антонелла нахмурилась.

— Я уже сказала. Думаешь, мне нравится это повторять? Думаешь, приятно называть любимого человека военным преступником?

Он схватил ее за руки и сжал изо всех сил.

— Антонелла, прошу тебя! Скажи, о какой войне ты говоришь?

Она попыталась вырваться.

— Грубиян! Пусти меня! Что я могу сказать? В прошлом случились тысячи войн, откуда мне знать, с какой из них ты явился?

Корсон отпустил ее. Глаза застилал туман. Он машинально потер лоб.

— Антонелла, помоги мне. Ты когда-нибудь слышала о войне между Солнечной Державой и князьями Урии?

— Кажется, это было очень давно. Последняя война на этой планете закончилась больше тысячи лет назад.

— Люди воевали с урианами?

— Нет. Люди живут с ними в м ре вот уже шесть тысячелетий, если не больше.

— Значит,— спокойно сказал Корсон,— я последний из уцелевших в войне, которая закончилась больше шести тысяч лет назад. Срок давности дав истек.

Она вскинула голову и посмотрела на него огромными от удивления глазами. Потом произнесла бесцветным голосом:

— Срока давности не существует. Это было бы слишком просто. Война проиграна и — раз! — вы переноситесь как угодно далеко в будущее, уходите от наказания, можете начать все сначала... Боюсь, ты недооцениваешь Службу Безопасности.

— То есть...

Ему понемногу открывалась кошмарная правда. Много веков, а то и тысячелетий назад люди научились переме-

щаться во времени. И вот побежденные генералы и свергнутые диктаторы отправились искать убежища в прошлом или в будущем, чтобы не сдаваться на милость победителя. А мирные века были вынуждены защищаться от всех этих захватчиков, иначе войны длились бы до бесконечности, перекрещиваясь и сплетаясь в нескончаемую сеть, то и дело разрываемую неопределенным исходом постоянно начинающихся сражений. Служба Безопасности охраняла время. Ей не было дела до мелких стычек на планетах, но, контролируя космос и перемещения во времени, она не позволяла никакой войне разрастись до масштабов Галактики или Истории. Головокружительная задача! Такое невозможно вообразить, как невозможно представить все неисчислимые варианты бесконечного будущего.

И вот он, Джордж Корсон, внезапно выплывший из глубин прошлого, заблудившийся в веках солдат, автоматически стал военным преступником. Перед его глазами промелькнула вся война между Солнечной Державой и повелителями Урии. Обе стороны сражались не на жизнь, а на смерть и были беспощадны. Раньше ему бы и в голову не пришло, что человек может проявить милосердие к урианину. Но прошло шесть тысяч лет — или больше? Теперь ему было стыдно за себя и за своих погибших товарищей, за землян и за урианин, мучительно стыдно за ту радость, которую он ощутил, узнав, что Бестия доставлена по назначению...

— Вообще-то я не совсем военный преступник,— промямлил он.— Да, я участвовал в той древней войне, но разве кто-нибудь спрашивал, нравится ли мне это? Я даже родился во время войны. Потом вырос, стал солдатом, и, хочешь не хочешь, пришлось воевать. И я не пытался уйти от своего долга, сбежав в будущее. Я попал сюда в результате... аварии или, точнее, эксперимента. Я готов подвергнуться любой проверке, только без ущерба для моей личности. Думаю, мне удастся убедить любого беспристрастного судью.

Две слезинки скатились по щекам Антонеллы.

— Как бы мне хотелось тебе верить. Ты не представляешь, как я страдала, когда мне сказали, кем ты был... Ведь я люблю тебя с первой встречи. Думала, у меня не хватит сил выполнить эту миссию.

Корсон обнял ее и поцеловал.

В одном он был теперь уверен. Он еще увидится с этой девушкой, отыщет ее в своем будущем, где Антонелла еще не встречала его. Он пока не совсем понимал, каким образом, но их судьбы переплелись. Он видел ее

впервые, а она уже знала его. Когда-нибудь все окажется наоборот. Сложновато, но хотя бы не бессмысленно, как все остальное...

— Есть на этой планете правительство? — спросил он. — Я должен кое-что ему сообщить.

9

Она медлила с ответом. Наверное, так разволновалась, что даже не смогла предвидеть вопроса, подумал Корсон.

— Правительство? Нет, на Урии нет ничего подобного уже больше тысячи лет. Правительства были только в глубокой древности. Некоторые их функции у нас выполняют компьютеры — распределение, например. Есть, правда, полиция, но ей почти нечего делать.

— А Служба Безопасности?

— Она не занимается внутренними делами, контролирует только подпространственные линии и еще, кажется, колонизацию новых планет.

— А кто обеспечивает связь между Урией и Службой Безопасности?

— Совет. Три человека и урианин.

— Ты работаешь на них?

Она вздрогнула.

— Ни на кого я не работаю, Джордж. Просто они попросили меня встретиться с тобой и предупредить, что будет, если ты попытаешься покинуть Урию.

— Зачем ты согласилась? — резко спросил Корсон.

— Затем, что если ты это сделаешь, то утратишь свою личность, у тебя будет совсем другое будущее и ты никогда не встретишь меня...

Губы ее дрожали.

— Положим, это личная причина,— настаивал Корсон.— А зачем я нужен Совету?

— Мне этого не сказали. Кажется, они считают, что ты понадобишься Урии. Говорили о какой-то грозящей

планете опасности, и будто бы только ты можешь ее предотвратить... Я не знаю почему.

— А я, кажется, догадываюсь. Ты можешь отвести меня к ним?

— Это не так-то просто. Они живут через триста лет в будущем, а сама я не умею путешествовать во времени.

10

Корсон с трудом прервал затянувшееся молчание.

— Ты хочешь сказать, что явилась из такого далекого будущего?

Девушка кивнула.

— И какую же миссию собирается доверить мне ваш Совет?

Она покачала головой. Ветер взметнул ее темные волосы.

— Никакой. Они только хотят, чтобы ты оставался здесь.

— И мое присутствие может предотвратить катастрофу?

— Кажется, да.

— Это обнадеживает. Значит сейчас, пока мы с тобой тут беседуем, никто ни за что не отвечает на этой планете?

— Не совсем так. Совет наблюдает за отрезком времени чуть более семи веков. Это немного. На других планетах есть советы, которые контролируют тысячелетия.

— Ну что ж, по крайней мере сохраняется преемственность власти,— усмехнулся Корсон.— А как же ты вернешься в свое время?

— Не знаю,— сказала она.— Ты должен что-нибудь придумать.

Корсон присвистнул.

— Как мне, однако, доверяют. Но теперь я знаю, что у нас есть хоть что-то общее: мы оба затерялись во времени.

Антонелла взяла его за руку.

— Я не затерялась,— прошептала она.— Пойдем. Уже вечер.

Молча, опустив головы, они направились к флаеру, ожидавшему их на песке.

— Одно могу сказать наверняка,— произнес Корсон.— Если все, что ты тут наговорила, правда, то уж не знаю

как, но я попаду в будущее и там тебя встречу, и это случится до нашей встречи здесь. Тогда ты увидишь меня в первый раз, а я тебя — во второй. Я буду говорить непонятные для тебя вещи. И вот тогда, может быть, я разберусь во всей этой немыслимой путанице.

Корсон опустился в кресло, откинул голову и тут же уснул, а флаер скользил к величественной пирамиде воздушного города, лилового в лучах заходящего солнца...

11

Его разбудили крики, скрежет, топот множества сапог и звон оружия. Чей-то злобный голос отдавал короткие команды. Было темно, как в чернильнице. Флаер качало. Корсон повернулся к Антонелле, не различая ее лица в кромешной тьме. Собственный голос показался ему приглушенным.

— Что, авария?

— На нас напали. Я ничего не предвидела, только темноту, а я не знаю, что это значит.

— А что будет дальше?

— Я не знаю. Темно...— повторила она с отчаянием в голосе.

Он протянул руку и слегка коснулся плеча девушки, пытаясь подбодрить ее. Но в этой вязкой темноте они были бы бесконечно далеки друг от друга, даже если бы обнялись.

— У меня есть оружие,— шепнул он ей на ухо.

Привычным движением выхватив лучевой пистолет, даже не прицеливаясь, Корсон нажал на спуск. Но вместо ослепительного серебристого луча из ствола вырвался лишь слабый фиолетовый свет, рассеявшийся на расстоянии двух ладоней. Нет, это не просто темнота. Похоже на какое-то энергетическое поле, поглощающее и свет и любое другое излучение. Он ощутил неприятный зуд — как будто все клетки его тела пытались разорваться.

Обрушился громовой голос, такой мощный, что Корсон содрогнулся: казалось, эти раскаты доносятся из далекой-далекой пещеры.

— Не стреляйте, Корсон! Мы друзья!

— Кто вы, назовитесь! — откликнулся Корсон. Его крик прозвучал слабо и тонко, словно писк крошечного радиопередатчика.

— Полковник Веран,— ответил голос.— Вы меня не знаете, но это неважно. Закройте глаза, мы снимаем экран!

Корсон спрятал оружие и сжал в темноте пальцы Антонеллы.

— Делай, что он велел. Это имя тебе что-нибудь говорит?

— Не знаю никого по имени Полковник...

— Да нет, полковник — это чин. Зовут его Веран. Я его тоже не знаю. Я не...

Ослепительная вспышка. Прикрыв глаза, Корсон почувствовал лишь, что все вокруг побелело и тысячи злых иголочек пронзили его сомкнутые веки. Когда он снова смог видеть, их флаер покачивался над лесной поляной. Было совсем светло. Их окружали мужчины в серой военной форме с незнакомым оружием в руках. За спинами солдат виднелись два странных возвышения, но разглядеть их как следует Корсон не мог — глаза еще не привыкли к свету. Справа и слева были точно такие же холмы,— или это какие-то машины? Обернувшись, Корсон увидел сзади еще два. Их тоже охраняли солдаты.

Танки?

Один пригорок зашевелился, и Корсон чуть не завопил.

Это были Бестии.

В точности такие же, как та, которую "Архимед" должен был забросить на Урию. Существа настолько устрашающие, что во времена Корсона, когда война перетасовывала языки, люди даже не смогли придумать им подходящего имени и назвали просто Бестиями.*

Корсон покосился на Антонеллу. Губы ее были крепко сжаты, но, похоже, девушка уже овладела собой. От группы серых солдат отделился человек в зеленом мундире и направился к ним. Остановившись метрах в трех от флаера, он щелкнул каблуками и представился:

— Полковник Веран. Чудом уцелел с остатками своего шестьсот двадцать третьего кавалерийского полка при разгроме наших войск в Эргистаэле. Благодаря вам, Корсон. Блестящая идея! Ваше послание при выходе из окружения спасло нам жизнь. А, вы еще и заложницу взяли... Отлично. Допросим ее попозже.

---

* От лат. "bestia" — зверь (прим.ред.)

— Но я никогда...— начал Корсон. И тут же осекся.

Если этот подозрительный тип решил, что чем-то ему, Корсону, обязан, пусть его остается в приятном заблуждении. Корсон спрыгнул на землю. Только теперь он заметил, что форма на солдатах грязная и изодранная, маски, закрывавшие лица, тоже черны от грязи, и на них видны вмятины — следы сильных ударов. И что странно — ни одного раненого, даже легко. Корсон вспомнил свое боевое прошлое и все понял: раненых добили. Эргистаэл? Название ему ничего не говорило. Форма тоже незнакомая. Чин полковника существовал по крайней мере пятнадцать тысячелетий. Этот полковник Веран мог явиться из любой войны, случившейся между временем Корсона и будущим, в которое он угодил. Если эти люди приручили Бестий — значит, жили намного позже Корсона. Сколько же лет потребовалось после первых неудачных попыток Солнечной Державы, чтобы не только найти подход к этим тварям, но и научиться дрессировать их? Десять? Сто? Тысяча?

— Ваше звание?— спросил полковник.

Корсон инстинктивно вытянулся в струнку. В этот миг он особенно остро ощутил всю нелепость своего одеяния. Да и всей ситуации. Веран и он — тени, призраки. Антонелла еще не родилась...

— Лейтенант,— глухо произнес он.

— Именем Его Величества Светлейшего Птара Мерфийского,— провозгласил Веран со всей подобающей торжественностью,— произвожу вас в капитаны!

И более доверительным тоном добавил:

— Вот выиграем войну — тогда, разумеется, чин майора вам обеспечен. Сами понимаете, пока я не могу пожаловать вам чина повыше — ведь вы служили в чужой армии. Не сомневаюсь, что вы счастливы, найдя наконец настоящую армию и настоящих мужчин... Те несколько часов, что вы провели на этой планете, были, вероятно, не самыми веселыми?..

Он подошел ближе и продолжал, понизив голос:

— Как вы думаете, я смогу завербовать здесь рекрутов? Мне нужно около миллиона человек. И двести тысяч гиппронов... В Эргистаэле еще не все потеряно.

— Не сомневаюсь,— ответил Корсон.— А что такое гиппроны?

— Это наши лошадки, капитан.

Широким жестом Веран указал на расположившихся поблизости Бестий.

— У меня большие планы, капитан, и я уверен, что вы не замедлите к нам присоединиться. Между нами говоря, когда я возьму Эргистаэл, я хочу ударить по Напуру, захватить оружейные мастерские и скинуть наконец этого паршивого ублюдка Птара Мерфийского!

— Если честно, я сомневаюсь, полковник, что вы найдете рекрутов на этой планете,— сказал Корсон.— Что до гиппронов, я видел одного где-то в лесу. Только он совсем дикий.

— Вот и чудесно! — воскликнул Веран. Он снял каску. На его бритом черепе начали отрастать волосы, отчего голова походила на подушку для иголок. Серые, глубоко посаженные глаза напоминали два холодных камня. Лицо, покрытое бронзовым загаром, пересекали светлые полосы старых шрамов. Руки были затянуты в тонкие перчатки из гибкого блестящего металла.

— Капитан Корсон, прошу сдать оружие,— распорядился он.

После секундного колебания Корсон протянул Верану свой пистолет. Тот резким движением принял его.

Внимательно осмотрев оружие и взвесив его на ладони, полковник пренебрежительно усмехнулся:

— Детская игрушка.

Он на минуту задумался. И вдруг бросил пистолет Корсону; от неожиданности тот едва успел поймать его.

— Учитывая ваше звание и выдающиеся заслуги, думаю, что могу оставить вам оружие. Разумеется, при условии, что оно будет обращено только против наших врагов. Но боюсь, этой игрушки недостаточно, чтобы защитить вас, капитан. Придется дать вам двух моих людей.

Веран резко взмахнул рукой.

Двое солдат шагнули вперед и застыли перед полковником.

— С этой минуты вы находитесь в распоряжении капитана Корсона. Следите, чтобы он не угодил в засаду. Лучше пусть пока вообще не покидает лагеря. А эту заложницу...

— Оставьте ее мне, полковник,— поспешно вмешался Корсон.— Под мою ответственность.

Он выдержал пристальный взгляд ледяных глаз Верана.

— Что ж,— ответил полковник.— В данный момент это действительно лучшее, что можно придумать. Только проследите, чтобы она не шлялась по лагерю. Не терплю, когда нарушается дисциплина. Можете идти.

Оба солдата повернулись кругом. Чувствуя себя совер-

шенно бессильным, Корсон последовал их примеру, для вида грубо подтолкнув Антонеллу.

— Капитан!

Услышав окрик Верана, все остановились как вкопанные. Полковник проронил с усмешкой:

— Не ожидал такой чувствительности от солдата старой закалки. Ладно, поговорим утром.

Они двинулись дальше. Солдаты шли в ногу, чеканя шаг, как автоматы. Устали, но достаточно вымуштрованы, чтобы этого не показать. Корсон невольно подладился под их шаг. Он не питал иллюзий насчет своего положения, несмотря на возвращенное оружие и эскорт, вернее, именно поэтому. Он — пленник.

Солдаты подвели их к ряду серых палаток, рядом с которыми люди Верана устанавливали новые. Поляна для лагеря была уже выжжена — пересохшую землю покрывал тонкий слой пепла. Да, там где прошли отряды Птара Мерфийского, трава вырастет не скоро.

Конвоир приподнял полог одной из палаток и жестом пригласил их войти. Внутри все было по-походному. Надувные кресла, посередине — металлический лист, подвешенный к потолку, — вместо стола, две узкие койки. Но эта спартанская обстановка придала Корсону уверенности. Здесь он чувствовал себя куда привычнее, чем среди изысканной роскоши Диото. На миг он задумался о судьбе этого города. Интересно, как жители Урии встретят нашествие? Людей у Верана немного, но вряд ли им окажут серьезное сопротивление. Известие о вторжении, конечно, дойдет до Совета в будущем, но что он сможет предпринять, откуда возьмет войска? Да и есть ли этот Совет? Может ли вообще существовать правительство в будущем, если прошлого, породившего его, больше нет? Наверно, уриане никогда не задавались подобным вопросом, но теперь волей-неволей узнают ответ. Перед этой реальной угрозой отошла на второй план даже опасность нападения Бестий, которых во времена Верана оказывается приручили и назвали гиппронами.

Почти невероятное совпадение. Появившийся неведомо откуда Веран утверждает, что знает Корсона и требует двести тысяч гиппронов. Через полгода, если он изловит всех детишек Бестии, которую сам Корсон доставил на Урию, у него уже будет восемнадцать тысяч. Не пройдет и года, как их станет даже больше, чем нужно: в благоприятных условиях Бестии стремительно размножаются и растут.

Нет и одного шанса на миллиард, что Веран появился здесь и сейчас случайно. Но зачем ему нужен дикий гиппрон?

...

Вот оно что! Прирученные гиппроны Верана не могут размножаться. В незапамятные времена на Земле были такие тягловые животные — волы. До небольшой операции эти животные назывались быками и были непокорными и свирепыми, а после — становились кроткими и послушными как овечки. Очевидно, и с гиппронами Верана проделали нечто подобное. Поэтому ему так нужна настоящая дикая Бестия.

Наконец Корсон вспомнил об Антонелле. Она сидела в надувном кресле, положив руки на стол и пристально глядя на них; пальцы ее слегка дрожали. Почувствовав взгляд Корсона, подняла на него глаза, ожидая, что он скажет. Лицо ее осунулось, но Антонелла умело скрывала свой страх. Корсон решил, что девушка держится лучше, чем можно было ожидать. Он подсел к ней и заговорил.

— Очень может быть, что нас подслушивают,— начал он.— И все же вот что я тебе скажу. Полковник Веран кажется мне человеком достаточно неглупым, а на этой планете давно пора навести порядок. Я уверен, что с тобой ничего плохого не случится, если ты будешь слушаться его и меня. Тем более, что твое присутствие может кое в чем ему помочь...

Корсон надеялся, что девушка поймет — он не предал ее и сделает все возможное, чтобы вытащить из этой передряги целой и невредимой, но сейчас не может сказать ей больше. Конечно, Веран не станет следить за ними сам, у него есть дела поважнее, но человек он предусмотрительный. Наверняка кто-нибудь из его людей сейчас занят именно тем, что подслушивает и записывает. Будь Корсон на месте Верана, он так бы и сделал.

Один из охранников приподнял полог, закрывающий вход, и окинул их подозрительным взглядом. Другой вошел и молча поставил на стол два пакета. Корсон сразу узнал их содержимое — солдатский паек за века почти не изменился. Он улыбнулся и показал Антонелле, как справиться с саморазогревающимися консервами и как потом их открыть, чтобы не обжечь пальцы. Затем с чувством принялся за еду, орудуя вилкой и ложкой, которые тоже нашлись в пакете. К изумлению Корсона, Антонелла отважно последовала его примеру. Не такие уж они слюнтяи, эти мотыльки с Урии.

А впрочем, подумал он, с их даром предвидения легко сохранять хладнокровие. Они ведь всегда заранее знают о любой опасности и, возможно, доставят солдатам Верана гораздо больше неприятностей, чем полагает полковник.

Покончив с едой, Корсон встал и направился к выходу. Уже на пороге он обернулся к Антонелле:

— Я пойду пройдусь по лагерю, посмотрю, совпадает ли система обороны Верана с тем, чему когда-то учили меня. Возможно, мой опыт будет ему полезен. Ни в коем случае не выходи отсюда. Никого не впускай и не ложись спать, пока я не вернусь. Все... э-э-э... удобства под кроватью. Я буду самое позднее через час.

Она молча смотрела на него. Корсон попытался понять ее взгляд: неужели она решит, что он стал служить Верану?! Но лицо ее осталось непроницаемым. Что ж, если она действительно играет роль, то заслужила приз за убедительность.

Как он и ожидал, оба солдата стояли у входа. Впрочем, когда Корсон шагнул вперед, его стражи и глазом не моргнули.

— Я хочу прогуляться по лагерю,— заявил он тоном, не допускающим возражений.

Один из солдат щелкнул каблуками и встал рядом с ним. Да, дисциплина в лагере Верана что надо.

Это успокоило его — Антонелле в ближайшее время ничего не грозит. Лагерь в полной боевой готовности, и Веран не допустит никаких вольностей. Он, конечно, был прав, запретив Антонелле показываться в лагере и поручив ее Корсону. Не строить же гауптвахту для одной-единственной пленницы! С другой стороны, присутствие в лагере женщины могло-таки поколебать дисциплину среди его солдатни. Значит, Веран считал, что Антонелла будет чем-то полезна ему, иначе бы сразу приказал ликвидировать ее. Но позже, когда лагерь будет укреплен и солдаты смогут отдохнуть, за безопасность девушки никто не поручится...

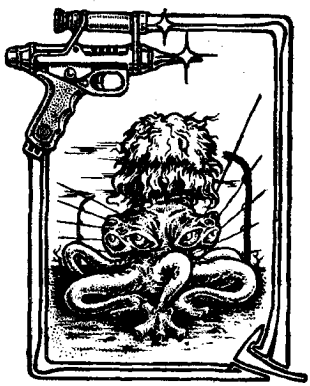
Корсон отогнал эту тревожную мысль и огляделся. Посреди огромной поляны был выжжен круг в несколько сот метров диаметром, по его краям солдаты вбивали колья и соединяли их блестящими проводами. Охранная сигнализация? Нет, вряд ли. Люди, тянувшие провода, были одеты в тяжелые защитные комбинезоны. Скорее, это и будет линия обороны. С виду примитивная, но весьма опасная для противника.

Половину защищенного круга занимало около сотни палаток. Корсон поискал глазами ту, что побольше, с флагом или вымпелом, но не нашел. Командный пункт Верана ничем не отличался от палаток солдат.

Пройдя еще немного, Корсон ощутил под ногами глухую вибрацию. Видимо, здесь строили подземные убежища. Что ни говори, Веран свое дело знал.

На другом конце поляны Корсон насчитал двадцать семь гиппронов. Судя по числу палаток, в лагере было около шестисот человек. Если с эпохи Корсона звание полковника сохранило свое значение, то в начале кампании под командой Верана находилось от десяти до ста тысяч солдат. Да, в Эргистаэле была хорошая бойня! Шестьсот двадцать третий Его Величества Птара Мерфийского кавалерийский полк почти полностью уничтожен. Верану потребовались сверхчеловеческая решимость и невероятное самообладание, чтобы навести порядок среди уцелевших, заставить их строить этот лагерь и действовать так, словно ничего страшного не произошло. К тому же полковник не в меру честолюбив — чтобы не сказать самонадеян,— если думает о продолжении этой войны.

Он позволил Корсону осмотреть оборонительные сооружения — это многое говорит о его характере. Как и то, что он хочет завербовать миллион человек для пополнения своей поредевшей армии. Блеф? Не исключено. Или у него есть возможности, о которых Корсон и не подозревает? И тут в голову пришел простой вопрос — даже странно, что он не задавался им раньше. С кем сражался Веран в Эргистаэле?



12

Гиппроны не были стреножены. Они стояли так неподвижно, что издали их можно было принять за стволы диковинных деревьев: шесть огромных лап с шестью пальцами на каждой напоминали разметавшиеся корни. В окружающих туловище глазах пробегали туманные огоньки. Время от времени один из гиппронов издавал жалобное мычание, другие отвечали ему довольным похрюкиваньем. Ну жвачные и только... Ничего

общего со свирепым хищником, с которым Корсон имел дело перед взрывом на корабле. Бока животных прорезали глубокие шрамы от упряжи, словно следы топора на коре деревьев.

Интересно, как на них ездят? Куда здесь можно приладить седло? Сколько человек может везти один гиппрон? Подсказка скрывалась в словах Верана: ему требовался миллион человек и двести тысяч гиппронов. Значит, на одном гиппроне умещаются пятеро солдат со своим снаряжением. А какую роль играли эти животные в бою? Корсон с самого начала решил, что они заменяли танки. Со своей подвижностью и врожденной свирепостью эти чудовища должны творить чудеса в сражениях. А способность предвидеть ближайшее будущее и перемещаться на несколько секунд во времени делает их практически неуязвимыми. Но гиппроны, которых Корсон видел в лагере, совсем не выглядели свирепыми и кровожадными. К тому же он готов был поклясться, что в них нет и капли разума — не то что у дикой Бестии, бродившей сейчас по джунглям в поисках подходящего места, чтобы произвести на свет потомство!

Использование в войне животных как средства передвижения было знакомо Корсону. Когда Земля воевала с Урией, он встречал на планетах-союзницах, где шли бои, варваров, ездивших верхом на ящерах, птерозаврах или гигантских пауках. Но все же он привык к механизированной армии. У Верана его удивило соседство самой современной техники и ездовых животных. Что же это за поле боя — Эргистаэл? Он никак не мог представить его себе. Если планеты похожи на свои названия, то эта, должно быть, ощетинилась остроконечными скалами, блестящими, как сталь. Но может быть, это зеленая, залитая солнцем долина... Только не на Урии, на какой-то другой планете. Ведь ни Флория ван Нейль, ни Антонелла и словом не обмолвились, что где-то, пусть даже на другом материке, идет война. Наоборот, обе утверждали, что Урия давно забыла, что это такое.

Нет, сражение, в котором Веран потерял почти весь свой полк, произошло не здесь. Полковник собрал остатки своих людей, погрузил на космический корабль и отправился искать планету, где можно было бы зализать раны. Случайно наткнулся на Урию, высадился здесь, а корабль отправил обратно на орбиту.

Но ведь...

Бой *только что* закончился. Когда появился Корсон, солдаты еще не успели ни умыться, ни переодеться. Все были грязные, оборванные и измотанные. Даже если Эргистаэл где-то совсем близко, даже если корабль Верана шел на предельной скорости, межпланетный перелет все равно занял бы несколько часов, а то и дней. Корсон попытался припомнить, в какой звездной системе расположена Урия. Спутников у нее не было. В систему входили еще две планеты, но эти газообразные гиганты не могли служить полем битвы, по крайней мере для людей. Плотность звезд в этой части галактики невелика, и, значит, Эргистаэл находится на расстоянии как минимум шести световых лет от Урии. А скорее всего, гораздо дальше. Неужели космический корабль может преодолеть такое расстояние за несколько минут? Бред. И все-таки...

Корсон — единственный человек из мира, исчезнувшего шесть тысячелетий назад. Сколько же открытий было сделано за шестьдесят веков? Уже то, что он увидел в Диото, намного превосходило его фантазии. А ведь корабль, способный летать со скоростью, близкой к световой, не больший бред, чем общество с правительством, которое находится в будущем, или парящий в небе город.

Корсон смотрел на привычную походную суету, царившую в лагере, и вдруг острое чувство ностальгии навалилось на него. Он никогда не испытывал любви к войне — она просто была его профессией, но теперь вдруг почувствовал себя как дома здесь, среди этих людей, занятых привычными солдатскими делами. Он долго разглядывал часового, расхаживавшего вокруг гиппронов с оружием в руках. Потом оглянулся на своего телохранителя. Ни того, ни другого, похоже, не волновали вселенские проблемы. В Эргистаэле они потеряли друзей, но ни один из них не был ни подавлен, ни расстроен. Еще два дня назад Корсон был таким же, как они. Подумать только, как два дня могут изменить человека...

Два дня и шесть тысячелетий. Нет, с горечью подумал Корсон, два дня, шесть тысячелетий и две женщины.

Он повернулся к своему телохранителю:

— Что, приятель, жарко пришлось в Эргистаэле?

Солдат ничего не ответил. Он стоял неподвижно, уставившись прямо перед собой. Ноги вместе, одна рука по швам, другая сжимает оружие — в точном соответствии с уставом. Корсон прикрикнул:

— Отвечать, когда перед тобой старший по званию!

Солдат наконец процедил сквозь зубы:

— Приказано молчать. Полковник Веран сам обо всем расскажет.

Корсон не стал настаивать. На его второй вопрос солдат вряд ли смог бы ответить, даже если б и захотел: где находится Эргистаэл? А третий и вовсе показался бессмысленным: когда было сражение в Эргистаэле? Корсон почти не сомневался, что все это произошло в далеком прошлом. Корабль Верана преодолел не только пространство, но и время. Как и сам Корсон. Полковник возник из эпохи межзвездных войн, когда Служба Безопасности занималась совсем другими делами.

Интересно, как отреагирует Служба, узнав, что полковник Веран высадился на Урии?

Корсон обошел загон для гиппронов. Быстро темнело. Последние лучи заходящего солнца окрасили лиловым джунгли вокруг. Потянуло свежим ветром, и Корсон невольно вздрогнул. Он вдруг осознал, до чего нелеп здесь в своей развевающейся тунике. Телохранителю действительно трудновато признать в нем старшего по званию. Зачем только он уничтожил свой офицерский мундир? Пусть тот не похож на форму солдат Верана, но в нем у него был бы более военный вид. Недолго же я пробыл демобилизованным, усмехнулся он про себя. Всего-то сорок восемь часов... А может, появление Верана — это перст судьбы? Полковник, похоже, нуждается в нем, так почему бы не заняться единственным ремеслом, которому он обучен, — ремеслом солдата? Опасно? Ну и что с того? Опасность подстерегает его всюду — в джунглях, где бродит Бестия, в космосе, где он, Корсон, считается военным преступником и объявлен вне закона... Так не лучше ли окончить свои дни среди себе подобных?

Он вспомнил об Антонелле и помрачнел. Правду говорят, что солдат должен держаться подальше от женщин, никогда не уделять им больше нескольких минут. Вечно они все осложняют. А он и так запутался...

Нет, он не может бросить ее на произвол судьбы. И не бросит. В бессильной ярости он сжал кулаки. На темном фоне деревьев провода ограждения светились багровым светом. О бегстве нечего и думать.

— Возвращаемся,— бросил Корсон в пустоту.

Телохранитель молча последовал за ним.

13

...Корсон спал — и был на Земле. Он бежал по бесконечному коридору со стенами из серого бетона глубоко под поверхностью. Белые неоновые огни слепили глаза. От кого он убегал? Все тело содрогалось вслед ядерным взрывам — ракеты рвались каждую минуту в миле над его головой. Они были выпущены слишком издалека, чтобы точно поразить цель: урианские крейсера избавлялись от своего груза где-то за орбитой Плутона, если не дальше. Девять из десяти ракет были перехвачены еще в космосе. Некоторые не сумели затормозить в атмосфере и сгорели, как метеориты, не успев взорваться. Из тех, что все же достигли Земли, четыре пятых падали в океаны, не причиняя особого вреда. Лишь одна или две из каждой сотни угодили на сушу. Но трюмы урианских крейсеров, казалось, были неисчерпаемы. Впервые урианам удалось пробиться так близко, чтобы атаковать саму Землю. И на этой стороне планеты теперь был сущий ад.

Разумеется, наверху никого не осталось. Те, кто вовремя не нашел убежища, погибли в первые же секунды атаки. Корсон бежал, машинально прикидывая в уме потери. Самое малое — двести миллионов убитых. За десять секунд.

Он не знал, почему должен бежать, не мог даже замедлить бег, ноги двигались сами собой, как шатуны паровой машины. Он бежал, обезумевший, вытянув перед собой руки, словно в любую минуту мог разбиться о внезапно выросшую на пути стену. Но подземный коридор тянулся еще миль на двадцать. Взрывы стали чаще, теперь они звучали как эхо, в такт его шагам. Будто кто-то гнался за ним...

Легкая рука осторожно коснулась его плеча. Он обернулся так стремительно, что узкая койка едва не перевернулась, и в полутьме разглядел склонившуюся над ним Антонеллу. Должно быть, он кричал во сне. Ноги ломило, словно он и вправду долго бежал. Не в первый раз снилось ему страшное возмездие, обрушенное на Землю повелителями Урии, но никогда еще сон не был таким реальным.

Антонелла прошептала:

— Сейчас что-то произойдет. Я чувствую. Еще не знаю, что...

Корсон протянул руку, чтобы включить свет, но она остановила его:

— Не надо. Они увидят.

Эта девушка владела собой лучше, чем он. Корсон отбросил одеяло, вскочил и в темноте налетел на нее. Антонелла так и вцепилась в него обеими руками. Он прижал девушку к себе и почувствовал, как шевелятся ее губы у самого его уха.

Но прежде, чем он успел разобрать хоть слово, снаружи послышались крики, топот, лязг оружия: в лагере поднялся настоящий переполох. С пронзительным свистом заработала какая-то машина. Раздались автоматные очереди и сухие щелчки одиночных выстрелов. Офицеры выкрикивали команды, пытаясь собрать охваченных паникой солдат. Луч прожектора прошелся по палатке Корсона, не задержавшись на ней — очевидно, в поисках другой цели. Ругань и грохот перекрыл новый звук — жалобный вой испуганных гиппронов. Внезапно прожектор погас. Мечущиеся по стенам палатки тени исчезли, сгустилась непроглядная недобрая тьма. Шум начал стихать. Голоса зазвучали приглушенно, выстрелы смолкли. Кто-то совсем рядом споткнулся и, выругавшись, рухнул на палатку; та зашаталась, но устояла. Человек поднялся и осторожно двинулся прочь.

В наступившей тишине послышался яростный голос Верана:

— Корсон, вы здесь? Если это одна из ваших штучек...

Продолжение было невразумительным. Корсон заколебался. Кто его знает, что там случилось, но зачем портить отношения с полковником? Он уже собирался ответить, но тут рука Антонеллы зажала ему рот:

— Сейчас кто-то придет.

Когда внезапно погас свет и их окутал мрак, Корсон не испугался. Но теперь, когда глаза привыкли к темноте, до него дошло, что ночь какая-то странная. Это был такой же густой черный туман, в какой они попали, когда их захватил Веран. Словно что-то поглощало свет. Ясно одно — на лагерь напали. Нападение продолжалось минуты три, все уже кончено. В этой кромешной темноте сопротивляться бессмысленно. Веран мог сам создать подобное поле, но теперь, похоже, был не в состоянии его рассеять.

— Веран,— прошептал Корсон, отвечая на предсказание Антонеллы.

— Нет, не он. И не из лагеря. Кто-то другой...

Она вся сжалась в его руках.

— Кто-то вроде тебя... Такой же, как ты...

Итак, один из напавших. Спаситель или новый враг? Повеяло холодом: кто-то приподнял полог палатки. У самого лица Корсона возникла светящаяся точка. Быстро разбухая, она как вихрь всасывала в себя клочья черной мглы. Через мгновение Корсон уже видел свои руки, лежащие на плечах Антонеллы. Круг света напоминал рождающуюся галактику: он бешено вращался, искривляя и поглощая окружающее пространство. Достигнув двух метров в диаметре, он остановился. Антонелла и Корсон оказались внутри сферического светящегося кокона, стенки которого были непроглядной чернотой.

Антонелла сдавленно вскрикнула.

Из мрака высунулась рука, затянутая в перчатку. Она парила в воздухе отдельно от тела, словно отрубленная. Ладонь была раскрыта. Жест, понятный каждому: кто-то из темноты показывал им, что пришел с добрыми намерениями.

Вслед за рукой появился и ее хозяин: в круг света шагнула человеческая фигура в скафандре. Шлем был черен, как ночь. Незнакомец молча протянул два таких же скафандра Корсону и Антонелле и жестом приказал надеть их.

Корсон с трудом разлепил губы:

— Кто вы?

Таинственный гость еще настойчивее показал на скафандры, к которым Корсон не решался притронуться. Вдруг Антонелла подняла один из них и стала неумело надевать.

— Подожди,— остановил ее Корсон.— С какой стати мы должны доверять ему?

— Он выведет нас отсюда,— уверенно ответила девушка.— Поможет нам выбраться из лагеря.

— Но как?

Она покачала головой.

— Не знаю. Каким-то непонятным мне способом.

Корсон наконец решился, скинул свое нелепое одеяние и влез в скафандр. Надел шлем и, обменявшись несколькими словами с Антонеллой, удивился тому, что по-прежнему хорошо слышит. Значит, незнакомец молчит не потому, что на нем скафандр. Кстати, а зачем им вообще скафандры? Может быть, этот черный туман при длительном воздействии ядовит?

Человек проверил герметичность скафандра Антонеллы, затем повернулся к Корсону. Кивнул головой, показал

жестом в темноту и взял Антонеллу за руку. Та сразу все поняла и протянула другую руку Корсону. Втроем они нырнули в непроглядный мрак.

Проводник двигался уверенно, старательно огибал препятствия и следил, чтобы его спутники делали то же самое. Несколько раз на Корсона натыкались солдаты, беспомощно бродившие в темноте. Кто-то судорожно вцепился ему в плечо. Корсон ударил точно в солнечное сплетение: сдавленно всхлипнув, солдат свалился с ног.

В лагере висела теперь мертвая тишина. Кое-где еще робко перекликались, но, казалось, в этой непроницаемой темноте люди предпочитали искать друг друга на ощупь. Быть может, они просто боялись привлечь внимание невидимого врага. Даже офицеры перестали выкрикивать свои команды. Только испуганно завывали гиппроны. Корсон вздрогнул: эти звуки неприятно напомнили ему первую ночь на Урии.

Между тем жалобный вой становился громче — проводник безошибочно вел их к загону гиппронов. Корсон замялся было, но рука Антонеллы вела его за собой. Ему стало неловко: он боится, а девушка — нет. Впрочем, утешил он себя, Антонелла ведь никогда не видела разъяренную Бестию.

Наконец они остановились — незнакомец задержался возле одного из гиппронов. Возился с седлом? Вот, значит, как он намерен выбраться из лагеря! Рискованная затея. Вокруг их похитителя снова возникло пятно яркого света, и Корсон убедился, что не ошибся. На боках животных была прилажена сложная упряжь, а само седло больше всего напоминало люльку с кавалерийскими стременами. Забравшись в нее, Корсон почувствовал, как страшные витки гривы гиппрона обвили его запястья. Он приготовился к худшему, но боли не было. Эти крепкие как сталь нити даже не стесняли движений. Корсон инстинктивно догадался, что они служат седоку чем-то вроде уздечки. Но как управлять гиппроном?

Гиппрон дрожал от возбуждения. Стенания смолкли, из его пасти вырывалось только тихое повизгивание. Подняв голову, Корсон увидел над собой три светящихся глаза. Тут незнакомец издал гортанный крик, и Корсон весь напрягся в ожидании толчка. В ту же минуту ему показалось, что он падает в пустоту. Тяжесть исчезла. Если бы он не чувствовал на себе привязных ремней и не упирался в массивное тело гиппрона, то решил бы, что проваливается во внезапно

открывшийся люк. Рядом слабо вскрикнула Антонелла. Он хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но не успел раскрыть рта — тьма внезапно рассеялась.

Над ними спокойно светили звезды. Корсон обернулся, но не увидел Антонеллы за огромным телом Бестии. Перехватило дыхание. Он заметил чуть выше над ними второго гиппрона, огромным грибом повисшего в пространстве и заслонившего часть неба — его глаза мигали, словно лампочки взбесившегося компьютера. Их молчаливый похититель прицепился в седле сбоку, похожий на какой-то диковинный нарост. Он махнул им рукой.

Наконец Корсон решился взглянуть вниз. Он ожидал увидеть непроницаемую мглу, но в слабом свете звезд ясно разглядел пустую поляну. Ветер колыхал высокую траву там, где только что на выжженной земле стояли палатки. Лагеря полковника Верана, казалось, никогда не существовало.

Они совершили темпоральный прыжок. Корсон не знал всех возможностей гиппронов — оказывается, беглецы сместились на ночь назад, а, может, на сутки, или даже на целый век до того, как Веран со своим отрядом появился на Урии, и Корсона здесь тоже еще не было. Тут он вспомнил о способностях Антонеллы.

— Что будет дальше?

— Не знаю. Я не могу ничего увидеть,— дрожащим голосом ответила девушка.

Они стремительно поднимались вверх. Поляна уже затерялась, исчезла в темном лабиринте джунглей. Корсон понял, зачем понадобились скафандры: при такой скорости они через несколько минут достигнут границ атмосферы.

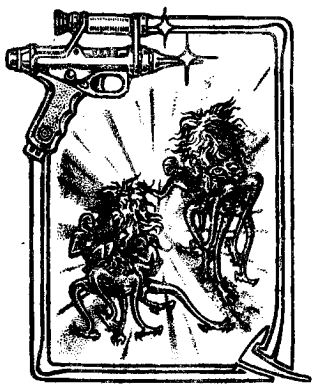
По небу пронеслось темное пятно. Потом еще одно. Гиппроны поднялись так высоко, что за западным краем планеты беглецы увидели солнце. Небосклон над ними становился все чернее, а Урия внизу лежала как огромный клубок теней, увенчанный огненной диадемой. Впервые Корсону пришло в голову, что Урия — изумительно красивая планета.

Снова темное пятно. Оно пронеслось за долю секунды, но Корсон все же успел понять, что́ это было. Гиппрон, одна из "лошадок" Верана. Полковник не терял времени... Впрочем, нет, подумал Корсон. Здесь это выражение не подходит. Время подвластно гиппронам, поэтому Веран мог расставить любую ловушку. Догонявшие их всадники были патрульными, прочесывавшими прошлое и будущее в поисках Корсона и Антонеллы.

Гиппроны неожиданно окружили их со всех сторон —

спереди, сзади, сверху и снизу. Солнце ударило Корсону прямо в лицо, и он на мгновение зажмурился. Светило стремительно прокатилось по небу и вспыхнуло за его спиной. Корсон вдруг все понял: чтобы выбраться из западни, незнакомец снова сместился во времени. На шахматной доске из метров и секунд он, казалось, играл с кавалеристами Верана в какую-то странную игру. Но исход этой партии не вызывал сомнений. С каждым прыжком кольцо вокруг беглецов сжималось все теснее. Корсону даже казалось, что он слышит радостные крики всадников, хотя в вакууме и на таком расстоянии это было невозможно. Солнце танцевало на небе, как обезумевшая фиолетовая звезда. Вверх — вниз. Назад — вперед. Свет — мрак. Планета под ними то сияла ослепительным днем, то заполнялась чернотой ночи.

Корсон заметил, что гиппрон их спасителя приближается. Он был уже совсем рядом, и что-то закричала Антонелла... Незнакомец протянул руку, схватился за гриву их "лошади". Мир вокруг изменил форму и цвет. И все, что они знали, исчезло.



14

Все вокруг озарилось разноцветными огнями. Звезды растаяли, Урия — вместе с ними. Тело гиппрона стало кроваво-красным. Слепящие огни сталкивались друг с другом, рассыпая гроздья искр в пространстве, ставшем вдруг пугающе плоским. Он не знал, пульсирует ли это прозрачное пламя возле самых его глаз или в десятках световых лет...

То была вся Вселенная разом — вывернутая наизнанку. Гиппроны мчались сквозь время, и все, что он видел, искажалось непостижимой скоростью.

Образ мира, какой обычно способен воспринимать человек, предстает перед ним застывшим и неизменным. Звезды для него едва плетутся по небу. Силы, породившие их и заставляющие гореть, пока не останется ничего, кроме праха

бессильной, до предела сжавшейся материи,— эти силы действуют слишком медленно, чтобы человек был в состоянии их осознать. Жизнь Вселенной проходит мимо него — он попросту ее не замечает. Человеку доступна лишь ничтожно малая часть излучений, пронизывающих пространство. Так он и живет в вечном заблуждении, считая, что мир состоит из пустоты, из "ничего" с редкими светильниками звезд — чуть более частыми там, где для него в небесах клубятся галактики.

На самом деле Вселенная переполнена. В ней не существует точки, которая не была бы связана с определенным моментом времени, с частицей материи, излучением или любым другим проявлением первичной энергии. В каком-то смысле Вселенная — твердое тело. Если бы кому-нибудь довелось наблюдать ее снаружи, он не нашел бы, куда воткнуть иголку. И сейчас, когда гиппроны пронзали время, их седоки видели истинный лик Вселенной. Достигни мы бесконечной скорости, подумал Корсон, попали бы одновременно в момент сотворения Вселенной и в момент ее конца, и во все мгновения между сотворением и распадом — тогда нас просто-напросто размазало бы по всему течению времени.

При такой скорости световое излучение перешло в невидимую часть спектра, и вокруг воцарился мрак. Но голубые сполохи могли быть электромагнитными волнами длиной в световые годы, а кровавые вспышки — колебаниями гравитационного поля звезд или целых галактик. Они неслись сквозь время. И как всадник на скаку не замечает камешков под копытами своего коня, а видит только холмы и деревья по краям дороги, так и они теперь воспринимали лишь главные события в жизни Вселенной...

От этих мыслей Корсон вновь вернулся к Верану. Оказывается, он ошибся, решив что полковник добрался до Урии на корабле. Веран и его люди бежали с поля боя в Эргистаэле на гиппронах и высадились как раз перед появлением Антонеллы и Корсона. Эргистаэл вполне мог находиться на другом конце Вселенной.

Огненный вихрь угасал. Гиппроны замедлили бег. Свет вокруг раздробился на множество ослепительных пятен, которые стремительно уменьшались, словно черная пустота пожирала их. Вскоре остались лишь мерцающие точки звезд. Но одно пятно по-прежнему сверкало перед ними золотом — солнце. Их медленно вращало. Когда кружение прекратилось и небосвод над головой замер, они оказались перед окутанным облаками шаром планеты.

Только теперь Корсон заметил, что второй гиппрон исчез. Они ушли от погони, но лишились проводника. Одни над незнакомой планетой, отданные на волю животного, которым не умели управлять.

15

Отдышавшись, Антонелла спросила:

— Урия?

— Нет,— ответил Корсон.— Эта планета дальше от солнца. Созвездия расположены иначе. Мы путешествовали и в пространстве.

Они погрузились в облака. Чуть ниже попали под мелкий дождик. Гиппрон спускался неторопливо, но уверенно.

Дождик прекратился. Они прошли сквозь еще один слой облаков, словно провалились под крышу, и оказались над бесконечной равниной, покрытой невысокой травой. Ее пересекала дорога, поблескивающая от недавнего дождя. Она выходила откуда-то из-за горизонта и упиралась в гигантское сооружение. Это был куб из камня и бетона, без всякого намека на окна; верх его терялся в облаках. Корсон прикинул, что фасад тянется самое меньшее на километр. Гладкий, серый и абсолютно голый.

Гиппрон опустился на землю. Корсон выпутался из ремней, обошел своего "коня" и помог спуститься Антонелле. Гиппрон с довольным видом принялся рвать траву витками гривы и, чавкая, пожирать ее.

Трава выглядела аккуратно подстриженной, как на газоне, а сама долина — такой ровной, что вряд ли могла быть естественного происхождения. Дорогу покрывало что-то голубоватое и блестящее, вроде стекла. А в миле перед ними прямо из травы вырастала серая стена. Сейчас, с земли, здание казалось особенно мрачным.

— Тебе знакома эта планета?— спросил Корсон.

Антонелла покачала головой.

— Может, видела что-нибудь похожее?— мягко настаивал он.— Такую равнину, траву?

Девушка не ответила.

— Что с нами будет? Вот сейчас? — вырвалось у него.

— Мы пойдем к этому дому. Войдем внутрь. По дороге никого не встретим. Дальше не знаю.

— Нам ничего не угрожает?

— Нет. Я бы предвидела.

Он вгляделся в ее лицо.

— Антонелла, что ты вообще думаешь о нашем положении?

— Я с тобой, и мне этого довольно.

Корсон едва удержался от досадливого жеста.

— Ну ладно, пошли,— бросил он.

Корсон шел быстро, и девушке приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Но уже через пару минут ему стало стыдно за свою грубость, и он замедлил шаг. Антонелла была его единственной союзницей во всем этом незнакомом мире. Хотя, возможно, именно поэтому ее присутствие так раздражало его. Дорога обрывалась у массивной двери, почти неразличимой на фоне стены. Похоже, дверь была наглухо закрыта, но стоило им приблизиться — поползла вверх. Изнутри здания не доносилось ни звука. Корсон нерешительно остановился. Все это чем-то напоминало ему мышеловку. Только очень большую.

— Если мы войдем, дверь за нами закроется?

Антонелла зажмурилась.

— Да. Но там, внутри, нам тоже ничего не угрожает. По крайней мере, в первые минуты.

Они переступили порог. Дверь за ними начала медленно опускаться. Корсон сделал шаг назад — дверь замерла, потом снова поползла вверх. Простейший механизм, реагирующий на приближение человека — это немного успокоило Корсона. Ему не очень-то хотелось обследовать здание, зная о нем так мало, но нельзя же до бесконечности сидеть на лужайке. Рано или поздно они проголодаются — не траву же есть! Да и ночь когда-нибудь настанет. Похолодает, к тому же неизвестно, кто может появиться с наступлением темноты. Значит, необходимо какое-то убежище. А главное — Инструкция предписывает в незнакомой местности помнить древний закон войны: двигаться, двигаться, ни в коем случае не оставаться на месте. Двигаться и пытаться застать противника врасплох.

Не так-то это легко, когда даже не знаешь, кто твой противник... Глаза постепенно привыкли к полумраку. По обе стороны прохода, насколько хватало глаз, на одинаковом расстоянии друг от друга располагались овальные полу-

прозрачные контейнеры — их бесконечные ряды тянулись в глубь здания, скрываясь в голубоватом тумане.

В ближайшем контейнере Корсон увидел десять женских тел. Совершенно обнаженные, они были окутаны фиолетовой дымкой, которая почему-то не растекалась, хотя, казалось, ничто ее не удерживало. Женщины лежали неподвижно, застыв, словно неживые. Все очень красивые, всем от восемнадцати до двадцати пяти лет. И все чем-то похожи. Корсон глубоко вздохнул, быстро подсчитав в уме: если в каждом контейнере по десять тел, то только в обозримой части здания их не меньше миллиона.

Он ощутил дыхание Антонеллы на своей щеке.

— Они мертвые?

Корсон протянул руку, та прошла сквозь дымку, не встретив ни малейшего сопротивления. Легкое покалывание в кончиках пальцев — может быть, этот туман обладает антисептическими свойствами? Он дотронулся до плеча одной из женщин. Теплое и упругое. Температура не меньше двадцати градусов. В каком-то смысле можно сказать, что женщина жива. Корсон осторожно взял ее за руку. Пульс не прощупывался. Сердце, возможно, и билось, но очень медленно. Очень-очень медленно...

— Нет,— сказал Корсон,— они не совсем мертвые.

Слабый свет танцевал в неуловимом ритме у ног спящих женщин, напоминая чистотой цветов радугу. Все семь цветов спектра... Корсон вгляделся повнимательнее, и ему показалось, что он проник в значение этого ритма. Похоже на энцефалоскоп, хотя такого он никогда не видел. Две нижние линии были неподвижны. Холодок пробежал по его спине.

— Затянувшаяся кома,— ошеломленно пробормотал он.— Тело живет, но мозг... мозг умер.

Ему случалось видеть разрушенные города и опустошенные войной планеты, горящие звездолеты и гибель тысяч, а то и миллионов людей, но никогда он не встречал столь величественно-мрачного зрелища, как этот мавзолей. Может быть, целый народ избрал такой конец? А подстриженная трава снаружи — это кладбищенский газон? И какой смысл поддерживать жизнь в этих телах, если души в них не больше, чем в растениях? Сколько времени они лежали так, сколько еще пролежат? Жизнь в них, наверное, поддерживается автоматически: почти невидимые, не толще волоса, провода уходили под кожу.

Он бросился бежать как безумный, скользя взглядом по бесконечным рядам ячеек справа и слева. Прежде чем остановиться, обливаясь потом, он пробежал больше мили. И не

нашел ни одного мужского тела. Он, конечно, не видел содержимого верхних ячеек — контейнеры громоздились друг на друга до самого потолка — но был почти уверен, что и там только женщины. Ни одной старше двадцати пяти. Удивительно красивые. Всех известных Корсону рас. Их странное сходство, которое он заметил еще в самом начале, тоже не было случайным. У той, что он взял за руку, волосы были как смоль, а последняя, до которой он добежал, — блондинка. По другую сторону прохода лежали негритянки, их блестящая кожа отливала синевой.

Это была коллекция. Кто-то — или что-то? — собирал женские тела, как энтомолог, накалывающий бабочек на булавки, — и отдавался своему увлечению с редкой последовательностью. Корсон вспомнил одну из мелких стычек с урианами, в которой он участвовал, — им тогда пришлось драться в залах музея насекомых. На стендах под стеклом были выставлены не только земные бабочки, но и их аналоги с сотен других планет. Взрывы и выстрелы поднимали в воздух целые облака мертвых крылышек. Вокруг них витали тучи сухой пыльцы, проникавшей под маску и забивавшей легкие. В конце концов музей загорелся, и в вихрях дыма Корсон увидел рой бабочек, поднявшихся в свой последний полет.

Наверное, цвет волос и кожи был не единственным критерием. Цвет глаз, возможно, менялся по вертикали — но Корсон не мог забраться наверх и проверить это.

Может быть, мужчины находились в другом блоке этого гигантского здания? Или неведомого коллекционера интересовали только женщины? В таком случае он, несомненно, человек, с немыслимо извращенным сознанием, но — человек. Урианину, например, никогда не пришло бы в голову коллекционировать исключительно женские тела.

Корсон медленно побрел к выходу. И вдруг его осенило. Вот оно — единственно возможное объяснение! Он обнаружил гигантское хранилище пленников, вернее, пленниц. Где-то там, в неизвестном времени и пространстве, боги войны вели небывалые сражения и, как водится, не церемонились с побежденными. Они истребляли целые народы, сохраняя жизнь, по старому как мир обычаю, лишь самым красивым из женщин. Этим несчастным была уготована участь худшая, чем смерть. В буквальном смысле слова. Богам войны не нужны были живые рабыни. Слишком много хлопот — дать всем пропитание, кров и охрану. А сколько примеров знает история, когда пленницы убивали победителей! Боги войны поразмыслили над прошлым и сделали выводы. Они лишили свои жертвы разума. Когда им хоте-

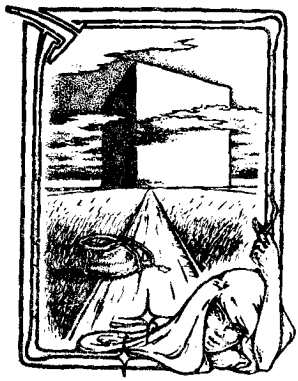
лось, они по своей прихоти возвращали их к жизни, наделяя искусственной личностью, годной разве что для механизма. Эти женщины больше не способны на нежелательные поступки. Каждая из них стала роботом — разве что роботом с красивым и совершенным человеческим телом. Разума у них было даже меньше, чем у человекообразных обезьян. Но богам войны было на это наплевать. Они не ждали от женщин ни понимания, ни любви, ни привязанности. У Корсона мелькнула мысль, что эти боги были сумасшедшими. Или некрофилами.

Его передернуло от отвращения. Корсон пытался убедить себя, что земляне, воюя с Урией, не были такими подонками. Он порылся в памяти и вспомнил генерала, приказавшего ликвидировать несколько тысяч урианских заложников в первые же часы конфликта. Вспомнил, как другой генерал отплясывал на руинах догоравшего города. В этом городе жили люди, но они попытались на свой страх и риск договориться с урианами — и были наказаны. И еще Корсону вспомнился Веран. Беглец из Эргистаэла не колеблясь пойдет на любую низость, если это даст ему шанс на вожделенную победу.

Корсон почувствовал, как в нем поднимается желание убивать. Он сжал кулаки и стиснул зубы так, что в глазах потемнело. Тело мучительно напряглось, сжалось, адреналин бушевал в крови. Затем ярость куда-то отхлынула, оставив только легкую дрожь. Неужели насилие всегда рождает новое насилие? Неужели этот окровавленный лик и есть истинное лицо человечества? Почему нас вечно преследуют призраки скорби и смерти? И суждено ли роду людскому освободиться от этого демона и стать — нет, не самим собой, ибо собой он был всегда — но чем-то иным и, может быть, чем-то большим?..

Диото... Утопия, возникшая на пепелище войны, мир, не знающий насилия, с единственным правительством на семь веков и вовсе не имеющий армии. Вот оно — другое лицо человечества, и его нужно защищать, но только не насилием... Но как помешать насилию, не применяя силы? Как вырвать человечество из порочного круга войн, каждая из которых ведется за правое дело?

Антонелла сидела на полу посреди прохода и тихо плакала. Все его раздражение растаяло, рухнуло, как отвалившаяся от крыши сосулька. Ведь она-то была человеком... Он бережно поднял ее и прижал к себе, заслоняя от страшной галереи мертвых женщин. Молча слушал, как она плачет, и молча был благодарен ей за это.



16

Корсону хотелось есть. Машинально он направился к двери, словно стоило выйти из здания — и проблема разрешится сама собой. Впрочем, одно решение существовало, но Корсон не осмеливался даже подумать о нем. Будь он один — другое дело. Солдаты на войне привычны ко всему: лучше есть то, что окажется под рукой, чем умереть с голоду. А если под рукой ничего нет — значит, надо что-то раздобыть. И скорее благодаря армейской выучке, чем природе, Корсон почувствовал, что его решимость слабеет. Он знал — рядом лежат огромные запасы протеина. Но как вынести ужас в глазах Антонеллы, если только решиться намекнуть ей, какой ценой они смогут продержаться некоторое время...

...И, может, очень долгое время...

Когда-то, в незапамятные времена, люди придумали этому название. В ту пору рассказывали легенды о вампирах, кажется, пожиравших трупы на кладбищах.

Но не только в легендах — в жизни тоже такое случалось, и не только в голодные годы. А может быть, боги войны были не некрофилами, а людоедами? В свое время монгольские владыки на праздничных пирах приказывали подавать к столу красивейших наложниц, а головы их, украшенные драгоценностями, выставлялись на золотых блюдах на всеобщее обозрение, чтобы гости видели — повелителю ничего не жалко. То, что однажды пришло в голову одному человеку, может повторить другой.

Дверь поднялась, и перед ним снова открылась широкая равнина, покрытая, точно зеленым ковром, свежей травой, и прямая, как стрела, голубоватая дорога. Пасущийся гиппрон отсюда казался крохотным темным пятнышком. Корсон даже позавидовал ему. И вдруг увидел на дороге, совсем близко, какой-то предмет.

Это была сумка. Прикрепленная к ней металлическая табличка поблескивала под бледными солнечными лучами, пробивавшимися сквозь облака. Три шага — и Корсон оказался рядом. Не прикасаясь, он внимательно осмотрел ее.

Наверное, сумку и табличку кто-то оставил здесь, пока они были в мавзолее. И нарочно положил на самом видном месте.

Табличка оказалась запиской.

С минуту буквы прыгали перед глазами Корсона.

«КОРСОН! В ЭТОЙ СУМКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕ. ДАЖЕ ПУСТЫЕ УПАКОВКИ МОГУТ ИНОГДА ПРИГОДИТЬСЯ. ВОЕВАТЬ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ. ПОМНИ ЭТО. ТЫ ДОЛЖЕН ОТПРАВИТЬСЯ В ЭРГИСТАЭЛ. ТАМ ВЫНОСЯТСЯ ПРИГОВОРЫ ПРЕСТУПНИКАМ, А ИНОГДА И ПРЕДОТВРАЩАЮТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. КРИКНИ: ЭРГИСТАЭЛ. ГИППРОН ЗНАЕТ ДОРОГУ».

Кто-то играл с ними. Помог бежать, потом оставил одних, теперь вот подбросил сумку и записку. Если этот неизвестный — друг, то почему же он не показывается? Если враг, почему не убьет их?

Он взвесил сумку на руке, затем открыл ее. Там было штук двадцать таких же жестянок с консервами, что и в лагере Верана, и столько же пластиковых пакетов с водой. Корсон машинально перекинул ремешок сумки через плечо и вернулся в мавзолей.

Антонелла ждала его, стоя в проходе с безвольно повисшими руками. Щеки ее ввалились, вокруг глаз залегли синие круги — похоже, она все еще была в шоке. Но уже постаралась овладеть собой, слезы высохли.

— С голоду мы не умрем,— весело сказал Корсон, показывая ей сумку. — Кто-то бросает нам крошки, как птицам.

Прежде всего он дал банку и пакетик с водой Антонелле. Она спокойно, не спеша вскрыла банку в нужном месте, как он ей показывал, надорвала пакетик и протянула ему. Корсон отрицательно покачал головой, но она настаивала.

— Там есть еще,— успокоил он девушку.

Только тогда она согласилась напиться. Корсон долго смотрел, как Антонелла глотает воду.

Затем сам принялся за еду. Сидя на земле, он пил маленькими глотками, тщательно жевал и думал. В записке сказано, что он должен отправиться в Эргистаэл. Там выносятся приговоры преступникам, а иногда и предотвращаются преступления... Может быть, в Эргистаэле он избавится от тяготевшего над ним обвинения?

Но ведь там шла — или идет? — война. Корсону очень не хотелось брать туда Антонеллу. Но и оставлять ее

здесь нельзя. Он не знает на этой планете места, где мог бы оставить ее в безопасности...

Покончив с едой, он собрал пустые банки, пакеты и стал искать, куда бы их выбросить. Нашел маленький люк и, подняв крышку, услышал в черной глубине шум воды. Что ж, по крайней мере, он не оставит здесь заметных следов своего пребывания. Хотя если в здании установлена хоть какая-то сигнализация, эти предосторожности просто смешны.

Корсон решился.

— Мы отправляемся в Эргистаэл,— объявил он, показав Антонелле записку.— Не знаю, что нас там ждет. Не уверен даже, что мы туда доберемся.

Он думал, что девушка испугается или удивится, но она осталась спокойной — просто ждала, что он скажет или сделает дальше. Похоже, она мне полностью доверяет, с горечью подумал Корсон. Это было хуже всего.

Он привлек ее к себе и поцеловал.

Они вместе вышли из здания и направились к гиппрону. Корсон подсадил Антонеллу и помог ей застегнуть ремни, потом уселся сам. Поколебался мгновение: ну что за нелепость — крикнуть "Эргистаэл", словно адрес таксисту.

Он откашлялся и неуверенно произнес:

— ЭРГИСТАЭЛ!

И мир вокруг них снова изменил форму и цвет.

17

Они вынырнули над огромной равниной, окутанной клубами дыма. Ярко-розовое небо рассекали пульсирующие вспышки, придававшие пейзажу нечто зловещее. На горизонте, за цепью невысоких гор, четко вырисовывавшихся на фоне неба, вздымались три столба огня и копоти.

Гиппрон быстро снижался. Уже можно было разглядеть снующих внизу блестящих насекомых. Всмотревшись, Корсон с изумлением узнал рыцарей в сверкающих латах на закованных

в железо лошадях. Выставив вперед копья, они атаковали заросли высокой травы. Вдруг по зарослям словно пронесся ветер. Из травы поднялись индейцы, впереди всех — вождь в высоченном уборе из перьев. Испуская гортанные вопли, они натянули луки и послали тучу стрел. Кони заржали, поднялись на дыбы, все смешалось, но гиппрон, снижаясь по наклонной, уже оставил схватку в стороне. Внезапно в воздухе перед ними рассыпался почти невидимый пучок лучей, и гиппрон снова совершил прыжок во времени и пространстве. Горы чуть сместились, а равнина на этот раз оказалась пустынной и изрытой кратерами. Откуда-то доносился непрерывный тяжелый гул. Небо по-прежнему было ярко-розовым.

В нескольких сотнях метров Корсон заметил какое-то движение: казалось, там медленно ползет целая гора. Только геометрически правильная форма говорила о том, что это все-таки машина. Танк, самый огромный из всех, какие Корсону доводилось видеть. В самой середине его корпуса зияла воронка, вроде тех, что усеивали равнину. Но нет, это был обман зрения. Танк полз к небольшому холму — там, похоже, находились какие-то укрепления, а может быть, это тоже была машина. Привязанный к гиппрону, Корсон чувствовал себя отвратительно беспомощным и беззащитным. Он предпочел бы вновь ощутить под ногами землю и поискать убежища самому — пусть даже на этой перепаханной равнине. От холма отделился вращающийся черный диск с острыми как бритва краями и, со свистом разрезая воздух, понесся к танку. Описав замысловатую кривую, он врезался в броню, как циркулярная пила в ствол дерева. Взметнулся сноп искр. Диск взорвался, не причинив танку особого вреда. Лишь блестящий рубец остался на том месте, где от удара обнажился металл. Неуязвимый танк по-прежнему полз вперед.

Вдруг неровная поверхность земли дрогнула и расступилась, проваливаясь под его тяжестью, словно волчья яма. Танк накренился и выбросил стальные манипуляторы, пытаясь уцепиться за противоположный край расщелины, но тщетно. Затем попытался дать задний ход, забуксовал, медленно, но неуклонно сползая по склону. В его бортах открылись люки, и оттуда посыпались человеческие фигурки в маскировочных комбинезонах, менявших окраску под цвет местности. Задержавшись, несколько из них швырнули в ловушку гранаты. В яме полыхнули взрывы, взметнулся столб огня и повалил черный дым. Края осели еще больше. Но склон был слишком крутым и

скользким, чтобы танк смог выбраться. Он замер, судорожно дернулся и вдруг опрокинулся, застряв между краями западни. Двигатели, до сих пор работавшие бесшумно, отчаянно взревели и смолкли. Еще несколько солдат выскочили из танка и присоединились к остальным, карабкавшимся по склону. Из холма брызнули фонтаны огня. Ракеты взорвались вокруг танка, покрыв равнину сплошным огненным ковром, в котором люди сгорали в мгновение ока. Уцелевшие спасались, ныряя в воронки.

Все это длилось не больше тридцати секунд. Гиппрон уже оставил холм-крепость слева,— теперь он летел так низко, что ему приходилось огибать неровности рельефа. В конце концов он перевалил через гряду холмов и приземлился.

Корсон задумался. Управлять гиппроном он не умел. Можно, конечно, положиться на инстинкт самосохранения Бестии, которая, перескакивая во времени и пространстве, защитит их от внезапного нападения. Но у гиппрона могут быть совсем другие представления о нападении, чем у его всадников. Вряд ли он станет спасаться, например, от едких газов, которые сразу уничтожили бы их скафандры. Значит, оставаться на гиппроне рискованно.

Корсон решил воспользоваться затишьем. Освободился от ремней, спрыгнул на землю и помог спуститься Антонелле.

Он огляделся. У подножия холма громоздились валуны, за ними можно было укрыться хотя бы на время. Корсон схватил Антонеллу за руку и побежал. Спасительное убежище казалось уже близко, как вдруг над равниной распустился огненно-красный цветок. Корсон рухнул на землю, увлекая за собой девушку; ползком они добрались до впадины возле валунов. Взрыв ударил в горы, словно гигантский молот. Когда пыль осела, Корсон увидел, что гиппрон исчез.

— Это не ядерный взрыв,— выдохнул он.

Потом решился поднять голову и взглянуть на равнину.

— Эргистаэл... Больше всего это напоминает поле боя. Самое большое из всех, что я видел.

Антонелла провела рукой по серому от пыли лицу.

— Но кто здесь воюет? И с кем?

— Понятия не имею. Бессмыслица какая-то.

Впрочем, не бо́льшая бессмыслица, чем любая другая война. Но обычная война предполагает два противостоящих лагеря и более или менее сходную технику. Здесь же, казалось, все воевали со всеми. Почему рыцари в латах

сражались с индейцами? Где находятся сами воюющие государства и города, за которые идут бои? Что скрывает этот розовый пульсирующий небосклон, лишенный светила, необъяснимо жуткий и безжалостно напоминающий его собственную душу? Даже горизонт здесь какой-то неестественный, убегающий в бесконечность, словно вся поверхность Эргистаэла — это огромная плоскость. Если Эргистаэл — планета-гигант, то почему же сила тяжести тут близка к земной?

— Здесь, похоже, можно дышать,— заключил Корсон, бросив взгляд на анализатор, вмонтированный в рукав скафандра. Затем снял шлем и глубоко вздохнул. Прохладный воздух, без всякого запаха. Лицо обдувал легкий ветерок.

Он снова высунулся из укрытия. Вся равнина до склонов гор имела довольно безрадостный вид. Тут и там поднимались клубы дыма. Вдруг розовое небо озарила яркая вспышка, и Корсон поспешно скатился на дно впадины. Идти было некуда.

— Нам надо перебраться через горы,— решил он.— Может быть, наткнемся на...

Правда, он не слишком надеялся встретить не то что друга, но даже просто человека или хотя бы разумное существо. Они вдвоем угодили в ловушку — вокруг бушевала немыслимо жестокая, невообразимая война.

В небе появилась и заплясала черная точка. Дымный след вычерчивал какие-то знаки. Первая строка была непонятной. Вторая напоминала ряд букв кириллицы. Третья состояла из закорючек. Последняя еще не была дописана, а Корсон уже прочел:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭРГИСТАЭЛ!

Черная точка исчезла за горами, надписи лениво поползли вслед, расплываясь на ходу.

Корсон пожал плечами.

— Пошли,— сказал он.

Они как могли быстро вскарабкались по крутому склону. Корсон осторожно выглянул из-за гребня, весь съежившись при мысли, что представляет собой превосходную мишень. И от удивления чуть не свалился вниз. Противоположный склон горы полого спускался к идеально ровному пляжу. Дальше, насколько хватало глаз, тянулась голубая морская гладь. В нескольких кабельтовых от берега дюжина парусных кораблей вовсю палили друг в друга из пушек. Один парусник со сбитыми мачтами полыхал как костер. На берегу в

полумиле друг от друга раскинулись два военных лагеря. В одном палатки были голубые, в другом — красные. Босвые знамена развевались на ветру. Две шеренги солдат в ярких мундирах, построенные как на параде, обменивались выстрелами из допотопных ружей. С вершины горы Корсону трудно было разглядеть, что происходит внизу, но ему показалось, что время от времени солдаты падают. Он слышал ружейные залпы, отрывистые команды, звуки фанфар и гром корабельных пушек.

Взглянув направо он увидел, как из впадины между холмами поднимается что-то огромное, серое, мягкое и почти круглое, странно напоминающее выброшенного на берег кита. Солдаты ничего пока не замечали.

Совсем близко, в сотне метров позади голубого лагеря, сидел за грубо сколоченным деревянным столом человек и с невозмутимым видом писал. На нем была темно-синяя треуголка, украшенная белой кокардой, и щегольской бело-голубой сюртук с эполетами и золотыми галунами. На поясе висела огромная сабля в ножнах, конец которой упирался в землю.

Спустившись по склону, Корсон и Антонелла направились к столу. Когда они приблизились, писарь поднял голову и спокойно, без тени удивления или страха осведомился:

— Желаете завербоваться, молодые люди? Как раз жалованье повысили. Прежде чем вы наденете эти прекрасные мундиры, я вручу пять экю золотом каждому.

— Я не...— начал Корсон.

— Вижу, вижу, вам не терпится поступить на службу к доброму королю Виктору Бородатому. Кормят хорошо, чины дают быстро. Война продлится еще век или два, так что вы вполне можете закончить ее маршалом. Что же до дамочки, одно могу сказать: она будет иметь успех у наших ребят и скоренько разбогатеет.

— Но я только хотел узнать, далеко ли до ближайшего города...— прервал его Корсон.

— Ближайший вроде бы Минор,—ответил писарь.— Лье двадцать или тридцать отсюда. Как только разобьем этих болванов в красном, двинемся прямо на него. Признаться, я там никогда не бывал. Да и что я там забыл — город-то вражеский. Но прогулка будет веселенькая... Ну вот, а теперь поставьте свою подпись здесь и здесь. Писать-то умеете? Все должно быть по правилам...

Он позвенел пригоршней кругляшей из желтого металла, которые что-то смутно напомнили Корсону. Кажется, это и

есть деньги... Антонелла испуганно вцепилась в его руку.

На столе по обе стороны толстой амбарной книги лежали два очень странных пистолета. Корсон наклонился, чтобы рассмотреть их поближе.

— А что это за корабли?— он махнул рукой в сторону моря.

— Ах, корабли! Это, приятель, не наше дело. Здесь каждый ведет свою войну, пока враг не будет разбит. Тогда уцелевших собирают в новую армию и ищут другого врага. А вы, никак, из побежденных? Что-то я не видел такой формы, как у вас...

— Мы не хотим служить в армии,— твердо сказал Корсон.— Мы хотели только... гм... немного подзаработать.

— Тогда я буду вынужден уговорить вас, приятель,— улыбнулся вербовщик.— Это моя работа, мне за нее деньги платят.

Он молниеносным движением схватил со стола оба пистолета и направил их на Корсона.

— Не будете ли вы столь любезны расписаться, а то я рассержусь и лишу вас жалованья!

Корсон швырнул Антонеллу на землю и ударом ноги опрокинул стол. Но его противник оказался проворнее: он отскочил назад и нажал курок. Выстрел оглушил Корсона, ему показалось, будто кто-то сильно ударил его кулаком в левое плечо. Почти одновременно раздался сухой щелчок — второй пистолет дал осечку.

Ничего не видя в густом дыму, Корсон бросился вперед. Человек в треуголке уронил пистолеты и попытался выхватить саблю, но на этот раз Корсон опередил его. Он перепрыгнул через опрокинутый стол и нанес своему противнику удар ногой в солнечное сплетение и одновременно кулаком в висок. Не слишком сильно: он не хотел убивать. Вербовщик рухнул, схватившись за живот.

Корсон потрогал левое плечо, ожидая увидеть кровь, но пуля, должно быть, отскочила от оболочки скафандра. Он чуть не расхохотался. Ну и ну, вместо боевого ранения — огромный синяк! Он обернулся, и улыбка застыла у него на губах. Выстрел услышали в лагере, и теперь к ним несся целый отряд.

Корсон поставил Антонеллу на ноги и потащил за собой. Но тут же вернулся, подобрал саблю вербовщика и бросился бежать, поторапливая Антонеллу. Куда именно — выбирать не приходилось. Единственный свободный путь лежал к расщелине — туда, где виднелся странный круг-

лый предмет, который Корсон принял за спину кита.

Вслед загремели выстрелы. К счастью, преследователи так торопились, что палили не целясь, а может хотели просто напугать беглецов. У их ружей явно не было автоматического прицела, а когда выстрелы смолкли, Корсон с удивлением заметил, что и перезаряжаются эти ружья вручную.

Задыхаясь, они вскарабкались по склону и перебрались через вершину. Впадина — потухший кратер — была гораздо шире, чем ожидал Корсон. А "кит" оказался огромным шаром из прорезиненной ткани, оплетенным сеткой. Он парил в воздухе, волоча за собой толстый канат, привязывавший его к скале. Внизу на камнях лежала большая корзина. Мужчина, одетый в красные шаровары и широкую блузу, с маленькой шапочкой на голове, возился с какими-то кранами. Кожа у него была совсем черной. Завидев Антонеллу и Корсона, он широко улыбнулся, показывая белые зубы. Потом заметил в руке Корсона саблю — и улыбка исчезла. Он потянулся за ружьем, ствол которого торчал из корзины, но Корсон концом сабли отвел его руку.

— За нами гонятся!— крикнул он.— Этот шар сможет поднять троих?

— Правилами не разрешается...— начал негр.

Он с тревогой смотрел то на Корсона, то на вершину горы, из-за которой уже появлялись головы в треуголках.

— Кажется, нам и вправду лучше убраться,— решил он наконец.

Негр вскочил в корзину. Корсон и Антонелла — за ним. Втроем они начали поспешно выбрасывать за борт мешки с песком. Корзина оторвалась от земли и опасно накренилась.

— Ложись на дно!— крикнул Корсон Антонелле. Затем, видя, что негр теряет драгоценное время, пытаясь распутать узлы, с размаху ударил саблей по канату. Тот затрещал. Еще удар — и канат лопнул. Внезапный порыв ветра подхватил шар, и тот взмыл ввысь как ракета. Загремели выстрелы, но пули не долетали до корзины. А пока солдаты перезаряжали ружья, беглецы уже поднялись так высоко, что неприцельный огонь доблестных воинов Виктора Бородатого был им не страшен.

Корсон ухватился за борта корзины и встал. Когда шар взлетел, он не устоял на ногах и упал на плетеное дно, которое угрожающе хрустнуло. Корсон взглянул на негра в красных шароварах, который стоял, держась обеими руками за стропы, и бросил саблю на дно корзины. Затем помог подняться Антонелле.

— За кого бы вы ни воевали, — сказал он негру,— мы очень благодарны. Вы встретились нам как раз вовремя. Меня зовут Корсон. Я был членом экипажа...

Он осекся. Какой смысл говорить здесь об "Архимеде", звездных крейсерах и войне Земли с Урией? Теперь он всего лишь заблудившийся солдат — солдат без армии, без задания... Не попади он в Эргистаэл, не окажись на этом огромном поле боя — и не вспомнил бы, кем был совсем недавно.

— Туре, зуав,— представился негр.— Сержант артиллерии, а в данный момент — аэронавт в батальоне связи. Охранял привязной аэростат. Уж не знаю, к счастью или нет, противник открыл огонь — и вот мы летим. Еще имею диплом военфельдшера. Я...

Он запнулся.

— Что вы?— мягко переспросил Корсон.

— Ваша одежда что-то мне напоминает... Я ведь не всегда летал на аэростате. Когда-то я был инженером. А потом вертолетчиком. Собственно поэтому мне и доверили аэростат.

Туре рассмеялся:

— Я им сказал, что кое-что смыслю в авиации. Предпочитаю смотреть на эту драку сверху. А вы из какой войны?

На этот раз замялся Корсон.

— Из межзвездной,— сказал он неуверенно.— Но я прибыл не прямо оттуда.

— Межзвездная война,— задумчиво повторил Туре.— Значит, вы жили намного позже меня. Когда я родился, космос только начали осваивать. Я еще помню день, когда человек впервые высадился на Марсе. Это было событие, скажу я вам...

Он кивнул в сторону Антонеллы.

— А девушка? Она из той же войны, что и вы?

Корсон покачал головой.

— Нет, Антонелла из мирного времени.

Негр посерьезнел.

— В таком случае ей здесь не место,— твердо сказал он.

— Почему?

— Видите ли, здесь могут находиться только солдаты и вообще люди, которые воевали и по тем или иным причинам признаны военными преступниками. Вот я, например, обстрелял реактивными снарядами деревушку, где жили мирные крестьяне. Это было где-то в Европе, на острове, который назывался Сицилия. Не знаю, может, он и теперь

так называется. Я не говорю, что хорошо понимал, что делаю, но и не могу сказать, что был в полном неведении. Что ж, на войне как на войне...

В голове Корсона прояснилась некая мысль.

— Но вы говорите на пангали. Я думал, что этот язык вошел в употребление, когда люди уже достигли звезд.

— Это не мой родной язык, я выучил его здесь. В Эргистаэле все говорят на пангали; есть, правда, несколько диалектов.

— А ваш родной язык?

— Французский.

— А-а,— протянул Корсон. Ему это ни о чем не говорило.

В голове вертелось еще множество вопросов, но он решил подождать с ними. До сих пор аэростат летел вдоль побережья, но теперь его стало сносить в сторону. Под ними расстилался ровный, безбрежный океан.

18

Они пролетели над целой эскадрой галер, упорно пытавшихся атаковать корабли противника, несмотря на встречный ветер, — гребцы там выбивались из сил. Немного дальше увидели странную конструкцию, смахивающую на гигантскую паутину, вокруг которой отчаянно сражались паукообразные создания. Значит, в Эргистаэле воюют не только люди, хотя в той части, где побывал Корсон, людей было больше всего. Раз или два в глубине океана мелькали какие-то огромные тени. Воздушный шар постепенно удалялся от берега.

— Что-что, а голодать мы тут не будем! — весело провозгласил Туре, поднимая крышку плетеного ларя, занимавшего угол корзины. Корсон машинально ощупал плечо в поисках ремешка от сумки с продуктами. Сумки не было. Должно быть, он потерял ее, когда сцепился с вербовщиком.

— Колбаса, еще вполне свежий хлеб и крестьянское, — сообщил негр, склонившись над ларем. Затем извлек из кармана своих широченных штанов складной нож и при-

нялся отрезать ломти хлеба и кружочки колбасы. Распечатав бутылку, он протянул ее Антонелле.

Корсон с любопытством наблюдал за ним.

— Не видали такого, а? — лукаво подмигнул Туре, заметив его удивление. — Я всегда думал, что в ваши времена должны уже питаться таблетками и всякой химией. Но поверьте, это очень даже съедобно. На войне как на войне, верно?

От вина по телу разлилось приятное тепло. Корсон откусил хлеба и решил задать еще несколько вопросов. В конце концов, их спутник, видимо, уже давно здесь и кое-что знает об этом сумасшедшем мире.

— Удивительно, — осторожно начал он, — в небе не видно ни самолетов, ни ракет. По логике вещей, ничего опустошительней воздушной войны люди не придумали.

— Это против правил, — пояснил Туре. — По крайней мере, мне так кажется. В этом секторе нет ни ракет, ни самолетов, ни вертолетов. Но где-то в Эргистаэле наверняка идут и воздушные сражения. Я скорее бы удивился, окажись все по-другому.

— Правила? — Корсон чуть не поперхнулся.

— Вы, наверно, заметили, — продолжал Туре, — что здесь никто не использует ядерного оружия. Вас это удивило, да? А вот за теми горами атомные бомбы время от времени взрываются. Да еще какие мощные!

Корсон кивнул, вспомнив огненные столбы, взметнувшиеся по ту сторону гор.

— И кто же следит за соблюдением этих правил?

— Если б я только знал, я отправился бы прямо к нему и попросил выпустить меня отсюда. Какой-нибудь бог, наверное... Или скорее демон...

— Вы что, в самом деле думаете, что мы с вами в аду?

Слово "ад" почти не имело для Корсона смысла. Он употребил его, припомнив почти забытые в его времена мифы и легенды, безнадежно вытесненные холодной рассудочностью. На языке космической эпохи "ад" означал лишь крайне неприятное место.

— Я немало поразмыслил над всей этой метафизикой, — признался Туре, — но если это ад, то на удивление материальный. Взгляните, например, на небосвод — могу поклясться, что он твердый. Я произвел кое-какие измерения, поднимаясь и спускаясь на аэростате, и мне кажется, что до него не больше десяти миль. Понимаете, это сооружение хоть и материально, но на естественное не похоже.

Ровная поверхность без горизонта — это никак не может быть планетой. Окажись мы на планете с таким колоссальным радиусом, ее притяжение нас всех просто расплющило бы.

Корсон кивнул с некоторым удивлением — знания этого человека из далекого прошлого были поразительными.

— Да, — вмешалась Антонелла, — это какое-то ненормальное пространство. Я не могу предвидеть будущее, ничего не чувствую. Сперва я не беспокоилась, потому что эта способность иногда исчезает, но не насовсем. А здесь я как... слепая.

Корсон с интересом взглянул на девушку.

— Когда же исчезает эта твоя способность?

Щеки Антонеллы порозовели.

— Ну... во-первых, на несколько дней каждый месяц. Но сейчас... не тот случай... Потом во время межпланетных путешествий, но со мной это случалось редко. Еще когда я перемещаюсь во времени, но тогда это быстро возвращается. И, наконец, когда вероятность разных событий почти равна. Но в какой-то мере мои способности всегда сохраняются. А тут — ничего.

— О чем это она? — удивленно спросил Туре.

— В ее время люди обрели дар предвидения. Они заранее знают, что произойдет через минуту-другую.

— Понятно. Вроде как перископ, в который можно наблюдать будущее. Хотя вообще-то довольно близорукий перископ. Пара минут — не так уж много.

Корсон задумался. В его понимании предвидение будущего было в какой-то степени связано с космогоническим принципом Маха, утверждающим, что каждая точка Вселенной независима от Вселенной в целом. Не значит ли это, что они покинули ту вселенную, к которой приспособлена нервная система Антонеллы? Или они уже умерли, не заметив, как это случилось?

— Странно, правда? — задумчиво произнес Туре. — Еще задолго до моего рождения в Африке жили колдуны, которые уверяли, что могут предвидеть будущее. В мое время никто уже не верил в эти сказки. А сказки-то оказались не сказками, только в далеком будущем.

— А откуда берется этот хлеб? — поинтересовался Корсон, снова принимаясь за свой бутерброд.

— Этим занимается интендантская служба. Вообще-то, когда вы спросили, я вдруг сообразил, что никогда не видел

здесь ни засеянных полей, ни мельниц, ни пекарен. Но ведь так всегда бывает на войне, правда? Оружие, обмундирование, лекарства и продовольствие поставляют издалека, из каких-то других мест, о которых мы, как правило, имеем самое смутное представление. Если война затягивается, то просто перестаешь об этом думать... Когда солдат видит поле, он должен уничтожить посевы — ведь это принадлежит врагу.

— А где же ваши военачальники? И зачем они ведут эти бессмысленные войны?

— О-о, они над нами. Высоко-высоко. Их никто никогда не видит.

— А если их убьют?

— Придут другие, — усмехнулся Туре. — Тут же явятся. Вы ведь знаете, бывает, что воюют только потому, что есть противник и нет другого выхода. А может, у тех, кто наверху, есть свои причины, только нам их не понять...

Корсон глубоко вздохнул. Его вдруг охватило бешенство.

— Но где же мы находимся?!

Туре спокойно посмотрел ему в глаза.

— Я мог бы ответить, что мы находимся в корзине аэростата, который летит над океаном — но это вы и сами знаете. Я в свое время пытался тут кое в чем разобраться и могу предложить вам три варианта. Выбирайте, какой вам больше нравится, или придумайте что-нибудь сами. Первый — мы с вами покойники и пребываем в некоем аду или чистилище. И будем здесь очень долго, может быть, вечно, даже если нас убьют. Для этого существуют Перемирия.

— Перемирия?

— Вы еще не знаете, что это такое? Ах да, вы ведь здесь недавно. Ну, я вам потом расскажу. А вот моя вторая гипотеза: на самом деле нас просто нет. Нам кажется, что мы существуем, но это лишь иллюзия. Мы — информация, магнитные записи, заложенные в память гигантского компьютера, на котором кто-то развлекается, играя в Kriegspiel, War Game, или, если угодно, Военную игру. Кому-то любопытно, как может разрешиться тот или иной конфликт. Он моделирует ситуацию: что было бы, если бы все войны мира происходили одновременно и в одном месте? В таком случае мы — что-то вроде марионеток, понимаете?

---

* Военная игра (нем., англ.)

— Понимаю, — кивнул Корсон.

— Или еще один вариант, прямо противоположный. Мы существуем, но не здесь. Может быть, лежим в лаборатории, как подопытные кролики, соединенные электродами с какой-то хитрой машиной, а нам снится, будто мы живем и воюем здесь. Возможна просто психотерапия — кто-то хочет выработать у нас отвращение к войне. Или просто забавляется. Или — экспериментирует. И третья моя гипотеза: этот мир вполне реален. Нам он кажется странным, но он существует на самом деле. Кто-то его создал, может быть, люди, но я в этом сомневаюсь, — с целями, о которых я не имею ни малейшего понятия. Эта гипотеза мне больше по душе: по крайней мере, я надеюсь, что найдется способ отсюда выбраться.

— Ваши три гипотезы имеют один общий пункт, — заметил Корсон. — Все они точно так же подходят к тому миру, откуда мы пришли.

— К тому миру, который мы помним, — поправил Туре. — Это не одно и то же. Вы уверены, что мы с вами не из разных миров? Но есть еще кое-что общее с тем... миром. Мы точно так же считаем себя свободными и точно так же не имеем возможности жить, как нам хочется.

Они задумались.

— А как вы сюда попали? — прервал молчание Корсон.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос. Но вы не находите, что я и так слишком много болтаю?

— Не знаю, поверите ли вы мне...

— Я здесь научился верить всему, — просто ответил негр.

Корсон вкратце рассказал ему свою одиссею, начиная с плена в лагере Верана. Умолчал он только о планете-мавзолее.

— Значит, кому-то понадобилось привести вас сюда. Кому-то из них... Это наилучшим образом вписывается в мою третью гипотезу.

Помедлив, он добавил:

— Впервые слышу об этих гипиронах. Животные, способные перемещаться во времени... Неужели они запросто преодолевают века?

Негр прищурился, перегнулся через край корзины и сплюнул в море.

— Правду сказать, я мало что помню. С тех пор прошло уже четыре или пять, а может быть, десяток Переми-

рий ("П" он произнес с нажимом, словно выделил заглавную букву). Помню, я был тогда воздушным стрелком, шел на "Тан-5". Вдруг — вспышка, меня как будто что-то обожгло и ослепило. Открыв глаза, я увидел, что лечу в том же самолете, над почти той же местностью. Поначалу я даже не почувствовал разницы... Но потом мне показалось, что вокруг меня незнакомые люди, я никого не узнавал. Я сказал об этом командиру, меня отправили в госпиталь. Военврач пробормотал что-то о шоке, сделал мне успокаивающий укол и отослал назад, в часть. Через некоторое время я уже ни в чем не был уверен. И все-таки хотел выжить.

— Вот что меня удивляет, — хмыкнул Корсон, — люди здесь должны гибнуть в огромных количествах. Почему же эта бесконечная война не прекращается просто из-за нехватки живой силы? Или постоянно прибывают новые солдаты из всех времен и со всех концов Вселенной?

Туре покачал головой.

— Я говорил вам о Перемириях. Погибшие возвращаются.

— Воскресают?

— Нет. Понимаете, перед наступлением Перемирия сначала темнеет небо. Потом все замирает, время останавливается, гаснут огни, мержнет электрический свет. Такое чувство, будто превращаешься в камень. И страшная зловещая тишина. А потом все начинается заново. Иногда оказываешься там же, где был до Перемирия, но редко. Чаще всего — в другой армии и на другой войне. То, что было раньше, помнится очень смутно. Начинается совсем другая жизнь, будто переменили пластинку. Отсюда моя вторая гипотеза. И погибшие тоже возвращаются в строй и получают новые роли. Но никогда не помнят, как были убиты. Для них Перемирие наступает за мгновение до смерти. Может быть, Перемирие вообще чисто субъективное понятие, но вряд ли. По-моему, те, кто создал этот мир — если верна моя третья гипотеза, — или те, кто наблюдает за нами, подчинили себе время и таким образом возвращают убитых назад. Как видите, ничего сверхъестественного.

— Да уж, — согласился Корсон.

Он поскреб свежую щетину на подбородке. Надо же — этот дикарь, живший в эпоху, когда человечество едва научилось летать в космос, вот так запросто признаёт возможность путешествий во времени... Но тут ему вспомнилось, как легко он сам освоился на новой Урии.

Корсон собрался было еще спросить о Перемириях, как вдруг чудовищный грохот рванул ему барабанные перепонки — сильнее громового раската, громче самого мощного взрыва — словно острые ножи ударили в уши и вонзились в самые дальние закоулки мозга... Казалось, Вселенная раскололась надвое.

Аэростат плавно скользил над гладким как зеркало океаном. Странное непривычное небо было ясным, дул всего лишь легкий бриз. Но грохот все не прекращался, он нарастал, переходя в глухой рев. От неожиданной вибрации задрожали стропы аэростата, звеня, как потревоженные струны. Рокот вдруг взмыл вверх, к немыслимо высокой ноте, выше, еще выше, переходя в ультразвук, вот его не стало слышно, но что-то продолжало буравить мозг, затем снова вниз — и голову словно сжали гигантские тиски, но можно было еще различить глухие удары, хриплое дыхание — как последние вздохи умирающего бога.

На поверхности океана уже вздымались волны. Туре что-то кричал, и Корсон видел, как дергаются его губы, но не разобрал ни слова. Антонелла съежилась, зажав руками уши — ей было больно и очень страшно. Из глаз Корсона брызнули слезы, невидимые тиски сжимали его мозг все сильнее, казалось, череп вот-вот треснет, как скорлупа ореха.

Внезапный порыв ветра подбросил шар на несколько сот метров, резко упало атмосферное давление. Корзина угрожающе раскачивалась и трещала. Корсон обхватил Антонеллу за талию и прижал к стропам, вцепившись в них обеими руками. Ветер неистовствовал так, что на оболочке шара то и дело появлялись вмятины, словно огромная невидимая рука гнала и толкала его вперед.

Туре нащупал канат и как мог привязался к борту корзины. Согнувшись пополам, он ухитрился перекинуть конец каната Корсону, и тот поспешно привязал себя и Антонеллу.

Тщетно пытаясь перекрыть вой ветра, Корсон крикнул:

— Это что, Перемирие начинается?

Туре отрицательно мотнул головой. Лицо его посерело, в глазах был испуг.

— Нет... такого никогда... — донеслось до Корсона.

Рывки и удары прекратились, но ветер дул со все нарастающей силой. Когда Корсон наклонился к Антонелле, он увидел, что дыхание девушки стало частым и прерыви-

стым. Ему и самому было трудно дышать — не хватало воздуха. Давление продолжало падать.

Оставив попытки докричаться до Туре, Корсон показал на шар, затем вниз. Тот сразу все понял и, с трудом поднявшись, принялся крутить вентили. Аэростат снизился, но легче дышать не стало. В полумиле под ними вздымались огромные валы с белыми гребнями. Можно было разглядеть обломки каких-то кораблей. Лишь пятна разлитого масла образовывали в обезумевшем море маленькие оазисы спокойствия.

Так прошло несколько часов. Шар по-прежнему мчал их со скоростью не меньше шестисот миль в час, как определили Корсон и Туре, ориентируясь по небу. Скрючившись на дне корзины, все трое погрузились в дремоту, с трудом вдыхая разреженный воздух.

Корсон смутно сознавал, что они уже пролетели расстояние в четверть земного экватора, а ветер все не утихал. Он гнал такие массы воды, что вздымавшиеся волны походили на горы сине-зеленого стекла. Корсон не понимал, что происходит. Впрочем, все, что случалось раньше, было не более понятно. Неужели они так и будут бесконечно нестись над океаном? И в конце концов умрут от голода и жажды, а их тела в этой корзине продолжат бессмысленный полет, пока не оборвутся стропы и корзина не упадет в море? Или газ начнет потихоньку выходить из шара, он станет снижаться, пока не сядет на одну из водяных гор и не останется на лице океана, словно серая бородавка?

Резкий рывок корзины — лопнула одна из строп — прервал его размышления, чуть не выбросив Корсона за борт. Его удержал только канат, которым он предусмотрительно обвязался. Бросив случайный взгляд на горизонт, Корсон вскрикнул так пронзительно, что на мгновение его вопль заглушил даже свист ветра.

Горизонт перечеркивала черная полоса. Она быстро расширялась: через мгновение она была уже не линией, а стеной. Стеной абсолютной черноты. Черноты небытия. И странным было то, что края этой стены не искривлялись, убегая к горизонту планеты. Насколько мог видеть человеческий глаз, она тянулась вдоль всего горизонта абсолютно ровно.

19

Здесь кончалась Вселенная. По крайней мере, *эта* Вселенная. Они летели прямо в черную бездну. Ураган начал стихать, но волны стали еще выше, они словно бились о невидимую преграду: зеленовато-голубые горы достигали теперь нескольких сот футов.

На горизонте океан обрывался. Просто обрывался. Дальше начиналась пропасть, заполняющая все пространство до самого неба.

— У нас есть только один шанс, — прокричал Туре. — Если Перемирие начнется раньше, чем мы...

Он мог не продолжать — все было ясно. Как зачарованные, они смотрели на приближающийся горизонт.

— А может быть, ветер совсем уляжется? — нерешительно спросил Корсон.

Туре пожал плечами.

— Не в том дело. Нас затягивает эта пустота, туда провалится все, что здесь есть.

— Но почему?

— Похоже, в машине что-то испортилось!

Чем ближе они подлетали, тем больше чернота заполнялась неподвижными светящимися точками; время от времени некоторые из них гасли, словно нечто огромное проплывало перед ними. Шар несло прямо к черному пятну, — сгустку черноты еще более непроницаемой, чем сама стена. Оно было окружено ореолом трещин, молниями разбегающихся в стороны.

Как разбитое стекло, подумал Корсон. Да, именно это и было у него перед глазами — разбитое камнем стекло. Светящиеся точки были звездами. Черная пропасть — космосом. А еще более черное пятно — пробоиной, через которую Эргистаэл — или часть Эргистаэла — засасывало в пространство.

Океан возле дыры клубился гигантским водоворотом.

Интересно, думал Корсон, как долго это будет продолжаться? Неужели весь Эргистаэл с его бессмысленными войнами, армиями и флотилиями, с его жалкими героями и военачальниками обретет наконец покой среди звезд?

Неужели создатели — или всесильные правители — Эргистаэла так и не вмешаются? Или катастрофа превышает даже их возможности, и теперь они не в состоянии ничего сделать? Или, может быть, они решили прекратить эксперимент? Значит, Туре прав, и Эргистаэл был всего лишь макетом? Гигантским, но ограниченным искусственным миром, странствующим среди звезд, а теперь, после аварии или по чьему-то непостижимому замыслу, — выворачивающим свое нутро в ледяную бездну? А что будет, если треснувшее "стекло" разлетится окончательно? Небо упадет на землю? Или все же это абсурдное с точки зрения человека сооружение устоит, навеки защищенное экраном небытия?

Дыра стремительно приближалась. Температура упала, стало еще труднее дышать. Но, как ни странно, пробоина словно бы уменьшилась. Только что зиявшая многокилометровой пропастью, теперь она сжалась до двухсот-трехсот метров и продолжала сокращаться. Аэростат подлетел уже так близко, что Корсон видел пробегавшие по черной поверхности концентрические волны, гаснущие на неровных краях пролома.

Море подернулось коркой льда, ее белизна подчеркивала безукоризненно прямую линию основания черной стены. И это была не стена, даже не окно — самовосстанавливающийся силовой экран, поврежденный невообразимой силы ударом.

— Нас затянет туда, — с хрипом втягивая воздух, простонал Туре, — если только оно не закроется раньше...

Антонелла уткнулась лицом в плечо Корсона. Задыхаясь, он еще нашел в себе силы вытянуть руки в сторону пробоины. В пустоте над поверхностью океана кружили обломки гигантского космического корабля. Похоже, он имел форму веретена — если судить по хвостовой части, прилепившейся к прозрачной стене. Восстанавливаясь, силовое поле включило этот обломок в свою структуру.

Корсона удивило, что пролом в силовом экране затягивается постепенно, как рана на теле живого существа. Прежде он видел только поля, распространяющиеся мгновенно и на небольшие расстояния, впрочем, это было связано с ограниченными возможностями человеческого воображения. Потом он подумал, что здесь, очевидно, задействована такая колоссальная энергия, что искажается сам ход времени. Притяжение этого барьера должно быть чудовищным... Утверждает же теория относительности, что на звез-

дах-гигантах время течет медленнее. Но самое странное — этот эффект не распространялся на внутреннее пространство, прилегающее к экрану. Иначе аэростат потащило бы к пролому с огромной скоростью, и он скорее всего сгорел бы, как метеорит, не успев долететь до барьера.

Для Корсона мелькнула искра надежды. До стены оставалось едва ли с полмили. Пробоина затягивалась все быстрее, сверкающие трещины исчезли. Матово-черное пятно сокращалось на глазах. Пространство вокруг него блестело, словно покрытое лаком,— очевидно, напряжение поля искажало и световые лучи.

Стена была уже совсем близко. Корсон прижал Антонеллу к себе, пытаясь защитить...

Удар!

Их отбросило. Закружилась голова. Канат, которым он был привязан, врезался в ребра. Корзину качнуло, и Корсон упал, больно ударившись головой о край. Раздался странный шуршащий треск. Аэростат словно расплющило по преграде.

Удар!

И их снова отбросило.

Удар!

Не слишком сильный — стена была как резиновая...

Корсон потерял сознание.

20

Он очнулся от прикосновения чего-то холодного. Сколько же он пролежал? Несколько секунд? Минуту? Голова Корсона покоилась на коленях Антонеллы, которая прикладывала к его лбу смоченный вином платок. Саднило правую бровь. Он поднес руку к лицу, потом посмотрел на нее: пальцы были в крови. Тут он поймал на себе встревоженный взгляд Туре.

Надо встать. Голова закружилась, но он с усилием поднялся на ноги.

— Смотрите, шар заткнул дыру, как пробка! — воскликнул Туре.

Действительно, аэростат, наполовину войдя в барьер, повис в миле над океаном, который уже перестал бурлить. Подводные трещины затянулись. Нестерпимо ныли барабанные переполки — атмосферное давление быстро росло. Корсон зажал нос и несколько секунд дышал ртом. Потом перегнулся через борт корзины и, потрясенный, смотрел в пустоту. Небо над головой и море внизу обрывались, как отрезанные ножом. Стена была совсем рядом. Корсон протянул руку, но не почувствовал ничего, лишь легкое покалывание в пальцах, а может быть, и это ему только показалось.

За стеной начинался космос. Привычное космическое пространство. Мерцали звезды, мириады звезд, множество незнакомых созвездий. Звезды сияли всеми цветами радуги — такое можно увидеть лишь через стекло скафандра или сквозь обзорный купол звездолета. Казалось, прямо перед ним горела багровым светом спираль какой-то галактики. Но были там не только звезды и галактика.

Между ними, время от времени заслоняя их, проплывали гигантские космические корабли. Военные корабли. Корсон видел лишь их тени. Они как бы встряхивали звезды, вернее, преграждали дорогу их свету своей массой и энергией. Фотон — частица такая легкая, и ее так просто сбить с пути!

Чем дольше всматривался Корсон, тем яснее различал его взгляд смысл этого танца звезд. Перед ним были две эскадры боевых звездолетов, ведущие яростное сражение. Именно в этой битве один из кораблей, сильно поврежденный, потеряв управление, врезался в силовой барьер, накрывающий Эргистаэл. И пробил его! На остальных кораблях, вероятно, ничего не заметили: битва продолжалась. С этой стороны барьера было видно лишь, как вздрагивает пространство и мерцают звезды, словно отблески солнечных лучей на гребне волны.

Время от времени мимо стены проплывали огромные зеленоватые глыбы. Только через несколько минут Корсон сообразил, что это лед, целые ледяные горы. В пустоте плавали айсберги — те миллиарды тонн морской воды, которые втянуло в пролом.

Он понимал, что может видеть только крохотную часть звездной войны, растянувшейся в пространстве на много световых часов. Перед ним была не более чем одна из стычек. Но глядя на нее, Корсон наконец понял, что за мир открывается перед ним. Это пространство не граничило с

Эргистаэлом — оно было его частью. Если в Эргистаэле идут наземные, морские, воздушные сражения, значит, должны быть и межзвездные. Просто для этого требовался космос... Макет Вселенной — если это макет — был выполнен почти безукоризненно.

Но кто здесь сражается? Люди? Существа из других галактик? Или одни против других? Обломок, торчавший в барьере, не походил ни на один из известных ему типов боевых кораблей. Насколько сумел определить Корсон — а расстояния и размеры здесь могли быть сильно искажены — один лишь этот обломок длиной больше мили. Значит, весь корабль раза в три длиннее. Корсону показалось, что он различает безжизненные человеческие фигурки, плавающие, словно щепки в океане, среди обломков корабля. Впрочем, очень уж далеко — это могли быть и просто куски металла.

Туре откашлялся. Ветер совсем стих, воздух снова стал теплым и неподвижным. Больше не надо было кричать, чтобы услышать друг друга, хотя в ушах все еще стоял гул.

— Наше положение не из приятных, — вздохнул Туре.

— Боюсь, что так, — отозвался Корсон.

Он прикинул и отверг один за другим все варианты спасения. Спуститься вниз по веревке? Стропы аэростата недостаточно длинные. Разрезать оболочку шара и сделать из нее парашюты? Но тогда шар может оторваться от стены, а упав в волны с такой высоты, они наверняка погибнут. Не было никакой надежды, что аэростат освободится сам. И даже если они спустятся, как потом доберутся до земли — ведь бешеный ветер отнес их на многие тысячи миль?.. Они были в ловушке, словно мухи, попавшие на липучку.

Если бы только началось Перемирие, подумал Корсон. Когда Туре впервые заговорил о Перемириях, Корсон испытал лишь глухой животный страх — Перемирие в его представлении уж слишком смахивало на смерть или на конец света. Теперь же он сам призывал его. Но какой в этом смысл? Разве его мольба могла повлиять на решения неведомых богов, создавших этот мир — или правивших им? Ему вспомнилось еще одно предположение Туре, но он пока не решался сделать из него выводы.

Вдруг он заметил, что за стеной клубится нечто вроде темного тумана. В пространстве возникло движение — не беспорядочное мигание звезд, а словно кружение роя мошкары. Мошки облепили ближайшие корабли — теперь Корсон ясно различал их очертания — и с дьявольским проворством уворачивались от выстрелов. Вот взорвался один из звездолетов, за ним — второй. Две яркие вспышки на мгно-

вение ослепили Корсона, хотя он и успел прикрыть глаза рукой. А что если корабль взорвется прямо у барьера? Сам барьер конечно выдержит, но, похоже, он не поглощает жесткое излучение...

Мошкара? Внезапно Корсон понял, что́ это такое. Гиппроны. Одно из чудовищ возникло у самой преграды, развеяв последние сомнения. Корсон сразу узнал ряд круглых глаз без век, шесть огромных лап с выпущенными когтями, скребущими пустоту, гриву, раскинутую в пространстве, словно гигантская хризантема; узнал прилаженную сбоку упряжь, а когда Бестия повернулась, увидел и всадника в знакомой серой форме — форме солдат Верана! Всадник по ту сторону барьера открыл рот — неслышно вскрикнул от удивления, увидев корзину и ее пассажиров. Сквозь стекло шлема Корсон отчетливо видел, как шевелятся его губы. Мгновение спустя перед барьером теснилось множество гиппронов. Вдруг они исчезли.

И тут же появились с другой стороны, пройдя сквозь барьер без всякого усилия. Гиппроны кольцом окружили аэростат, а всадники нацелили оружие на корзину. Антонелла вцепилась в руку Корсона. Туре прошептал, вытирая рукой вспотевший лоб:

— Что это такое?

Отвечать не было времени. Мысль, давно зревшая в голове Корсона, показалась ему теперь единственным выходом. От людей Верана милости ждать не приходилось. Полковник, конечно, постарается взять его живым, а солдатня будет развлекаться с Антонеллой...

Корсон до боли стиснул зубы, неожиданно ощутив на губах привкус крови. Задрав голову, он посмотрел на шар. Что в нем — водород или гелий? Спрашивать Туре уже поздно, а терять все равно нечего. Пан или пропал! Водород в соединении с воздухом взрывается мгновенно. Если же гелий — реакцию вызвать не удастся, температура луча его пистолета недостаточно высока.

Только бы Туре оказался прав! Что ж, через несколько секунд он сам все узнает; вернее, узнает лишь в том случае, если гипотеза Туре верна, и смерть в этом аду — лишь временное явление.

Он извлек из-под скафандра пистолет, по-прежнему висевший в кобуре слева под мышкой, и спокойно нажал на спуск. Успел увидеть, как лопнула оболочка шара и вспыхнуло яркое пламя. Почувствовал, как огонь пожирает его самого, но увидел не черноту небытия, а ослепи-

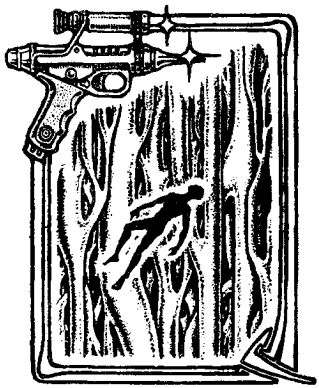
тельный свет. Он ощутил горящие руки и лицо, барабанные перепонки лопнули и спасли его от криков остальных. И его собственных.

Все-таки водород, успел подумать Корсон.

...Он падал в пустоту и чувствовал рядом с собой тело Антонеллы, хотя у него самого тела больше не было. Непостижимым образом он был еще жив. И хотя вокруг бушевало пламя, свет медленно тускнел. Небо стало пурпурным, потом почернело. На фоне тьмы, как на негативе, выделялись неподвижные белые гиппроны; Корсон различал даже лица всадников, на которых застыло изумление. Он чувствовал, что и сам каменеет.

Огонь замер в нескольких дюймах от его лица — хотя лица у Корсона тоже больше не было. Ему показалось, что вся Вселенная застыла навеки, и это было чудесно...

Потом пламя погасло.



21

Перемирие кончилось так же мягко, как началось. Корсон парил в странном пурпурном пространстве, хотя не помнил, чтобы открывал глаза. Гигантские перепутанные трубы пульсировали, вспучивались неожиданными пузырями, которые лопались, выпускали отростки, и эти отростки сами начинали вытягиваться. Ни верха, ни низа. Хотя Корсон и не мог оценить расстояния и размеры, он чувствовал, как они огромны.

Я пробил потолок, подумал он, и попал на небо. Руки и ноги не повиновались, но ему почему-то совсем не было страшно, скорее любопытно.

Возвращалась память. Провалы еще зияли в ней, но медленная работа, может быть и неверная, что происходила в глубинах его мозга, постепенно заполняла их.

Корсон осознал, что место, где он оказался, было необычным. Как правило, погибшие просыпались посреди какой-нибудь войны. Но он, очевидно, покинул Эргистаэл и был уверен, что находится теперь по ту сторону его розо-

вого неба. Что это — еще один ад, где сражаются существа, каких человек не может и вообразить? Или его изгнали из игры, потому что он нарушил ее правила, — а может, оттого, что ему предназначена иная судьба?

Он был один. И знал это, хотя даже не мог повернуть голову.

Вдруг чей-то голос нарушил тишину, будто камешки один за другим упали в прозрачную воду. Голос звучал чистой музыкой. Корсон не сразу понял, что обращаются к нему, но слова врезались в его память так, словно ее вычистили сначала до девственной пустоты:

— Стало быть, вы — военный преступник.

Подумав мгновение, он ответил:

— Стало быть, вы — бог.

Голос рассыпался смехом. Он был почти детским, но звенел бесконечной чередой отзвуков, едва отличимых друг от друга, из которых ему слышался лишь один, самый близкий, самый понятный, а в его переливах прятались другие голоса, насмешливые и мерзкие. Голос был голосом ребенка. Но он мог быть и шуршанием ящерицы, сетью паука, мерцанием звезды, шорохом крысы, треском крыльев жука или яростными завываниями ветра...

— Мы сильнее, чем боги, которых вы способны себе представить.

Корсон помедлил. Начало разговора показалось ему странным. Вряд ли он заброшен сюда для теологических дискуссий. Или здесь, на небе, так принято? Он хотел было заговорить о другом, но беседа уже притягивала его, словно край пропасти.

Меня накачали наркотиками, подумал он, как будто это объясняло все. И тут же понял, насколько ничтожно такое объяснение.

Любопытство и желание бросить вызов влекли его вперед.

— Боги всемогущи, — ответил он.

— Всемогущи, — повторил голос, — это только слово. Пустое множество. Вы можете оценить лишь то могущество, которое сами способны познать. И, следовательно, обрести.

Корсон снова задумался. Во всем этом был какой-то смысл. Он помедлил и решился:

— Вы бессмертны!

Голос, казалось, снова развеселился:

— И да и нет. Вы не видите разницы между бесконеч-

ным и безграничным. Мы не бессмертны, если вы понимаете под этим, что наши жизни должны продолжаться бесконечно. Ничто в этом смысле не является бесконечным, даже Вселенная, даже тот, кто придумал эту Вселенную. Просто наши жизни безграничны.

— Безграничны? — Корсон еще не понимал. Он пытался уловить суть. И не мог.

— Мы повторяем наши жизни и, изменяя их, всякий раз живем по-другому. Каждый момент нашего существования подвластен нам.

— Понимаю, — сказал Корсон.

Итак, жизнь не была для них застывшим в бронзе неизменным прошлым и продвижением на ощупь в тумане будущего. Жизнь от начала до конца была глиной в их руках, из которой они сами лепили, что хотели. Они не знали ни "до", ни "после". Их жизни не имели длительности. В самом деле, задумался Корсон, есть ли ширина у человеческой жизни? А глубина? Их жизни были единым и пластичным целым. В зависимости от следствий они изменяли причины. Настоящее было для них лишь точкой отсчета. Они властвовали над временем — и в этом их могущество. Как люди, некогда привязанные к тому ничтожно малому пространству, которым позволяли овладеть их руки и ноги, однажды полетели к звездам, так эти существа покорили время. Для них люди были жалкими калеками так же, как Корсону казались узниками клочка земли его предки.

...Страшная власть. И я не готов ею воспользоваться, подумал он, как будто ему это уже предложили.

— Вы не люди,— вырвалось у него.

Кто они, чтобы так играть нашими жизнями? Жестокие властители из других миров и других измерений? Наши создатели, космический разум, волшебники из древних сказок?

— Вы станете таким же, как мы, — сказал ему голос.

Обещание или утверждение? Как могу я стать похожим на вас, оставаясь самим собой, когда мне непонятно даже, как вы пользуетесь вашей властью? Где они, далекие потомки человека? Быть может, дар предвидения народа Антонеллы уже предвещал это высшее могущество? Сколько миллиардов лет разделяло земного человека Корсона и существо, что его сейчас судило?

— Вы появились... после нас? — спросил Корсон. В ответ послышался смех, который почему-то не разозлил его, а успокоил.

— Мы не появились после вас, — ответил голос. — Мы

существуем в то же самое время, что и вы, ибо наполняем собой все Время. Наши существования, если угодно, параллельны. Но в более узком смысле, если вам от этого легче, мы пришли после вас.

Значит, они все же наши потомки. И в то же время они много старше нас. От той точки будущего, где ветвь их существования отделилась от нашего, они подчинили себе всю Вселенную, в которой мы занимаем лишь дальний уголок. Они родились от нас, но существуют с самого начала времен.

— А другие? Уриане и...

— Безразлично.

Безразлично — и этим сказано все. Сейчас слишком рано просить ответа.

— Где мы находимся? — спросил Корсон, помедлив.

— Вне вашей Вселенной, в континууме, не имеющем для вас названия. Надо оказаться за пределами мира, чтобы понять и изменить его.

Как просто — вне Вселенной! Не потому ли обычные законы физики не действуют под розовым небом, и боги Эргистаэла могут делать все, что захотят. А дальше?

— Но что тогда за пределами Эргистаэла?

— Здесь творится сама Вселенная, и силы, которые ее создают, не зависят ни от времени, ни от пространства. То, что вне Вселенной, непознаваемо изнутри.

Тупик. Что это — все-таки предел их могущества, или же дело в бедности понятий, к которым я привык?

Корсон решил вернуться к началу разговора.

— Вы будете меня судить?

— Вас уже осудили, — ответил голос.

— Но я не преступник, — возразил Корсон нетерпеливо. — У меня просто не было выбора...

— Теперь у вас будет выбор. Вы сможете вырваться из навеки замкнутого круга и сбросить оковы жестокости. Вы прервете цепь войн. Вы вернетесь на Урию и навсегда излечитесь от войны.

— Но зачем вам нужен я? Почему бы просто сразу не отменить все войны, с вашими-то возможностями?

— Война — часть истории Вселенной, — спокойно проговорил голос. — В каком-то смысле мы тоже родились из войны. Мы хотим уничтожить войну и придем к этому, уже пришли, используя тех, кто воюет — ради них самих, и тогда они станут теми, кем могли бы стать. Но мы не будем

делить нашу власть с существами, которые не переросли войну. Мы сумели бы, пожалуй, окончательно уничтожить войны с помощью нашей силы, могли быть жестокими, но это противоречиво изначально. Мы вступили бы в борьбу с самими собою. Мы начали переделывать эту Вселенную, но вынуждены создавать ее заново из того же самого материала. И Эргистаэл — наше орудие. У него три функции. Искоренить войну — в Эргистаэле все рано или поздно становятся убежденными противниками войны. Чтобы уничтожить войну, ее надо понять — и в Эргистаэле полей сражений хватает на всех. Бесчисленные войны между империями, между планетами и между разумными расами здесь не более чем бледный фон. Ибо мы знаем, что война не сводится лишь к конфликтам. Она может продолжаться без конца и питает сама себя, даже когда причины ее давно забыты. У войны есть структура, проявления которой многообразны, но это только лишь проявления. Полигоны Эргистаэла позволяют нам узнать сущность войны и заставить почувствовать ее тех, кто воюет...

Война — структура! Нечто, существующее само по себе, что рождается, быть может, из случайного конфликта и питается затем плотью и ненавистью противников. Это объясняло, хотя и очень туманно, почему на протяжении всей истории человечества — еще за тысячелетия до Корсона — бесконечные войны велись во все эпохи, при любых правителях и правительствах. Не раз случалось, что какие-то люди задавались целью уничтожить войну — и тогда война уничтожала их. Все, чего они добивались,— лишь оттянуть начало войны, создать крохотный островок мира на один-два века, реже — на тысячелетие. И, как правило, их наследники укрепляли доставшийся им мир посредством войны.

Из-за чего разразилась война между Солнечной Державой и Урианской империей? Экономические разногласия? Амбиции военачальников? Страх перед своими народами? Всё так, но была и еще одна причина, без которой все остальные теряли смысл. Война против Урии была спасением от войны между планетами Солнечной Державы, которая вот-вот могла вспыхнуть из-за несправедливо составленных старых договоров. А те, в свою очередь, сами были результатом еще более давних войн. Так можно было бы добраться до той древней войны, что опустошила Землю за тысячи лет до рождения Корсона, заставив че-

ловечество бежать со своей планеты и завоевывать космос. И еще дальше, до самой первой из всех войн, когда один питекантроп поднял камень на другого.

И то же было в истории всех разумных рас, почти всех, что сражались сейчас в Эргистаэле.

Мы часто спрашивали себя, ради чего мы воюем, подумал Корсон, но никогда или слишком редко и всегда ненадолго задавались вопросом, почему мы воюем. Наша история отравлена войной. Мы просто муравьи, дерущиеся друг с другом по причинам, которые им кажутся ясными, а на деле скрывают слепоту и абсолютное невежество. Эргистаэл — это лаборатория.

— Третья же функция Эргистаэла, — продолжал голос, — спасти войну. Война — одно из проявлений жизни. Она — часть нашего существа. Вероятно, мы нуждаемся и в ее опыте. Всегда может явиться нечто извне, из-за пределов Вселенной. Эргистаэл — это граница. Это — наша крепость...

Вдруг голос дрогнул и словно погрустнел. Корсон попытался представить себе То Что Вне Вселенной. Но такая полная абстракция была ему не по силам. Непроглядный мрак. Не-время. Не-расстояние. Ничто, а может что-то совсем другое. Если бы я был числом, думал Корсон, например, единицей, мог бы я представить себе Число Чисел, последнее из всех?

— Уничтожить войну, — говорил голос. — Познать войну. Спасти войну. Мы выбрали вас. Вы будете посланы на Урию и решите там одну задачу. Если не сумеете — мы вернем вас сюда. Если же удастся всё — вы получите свободу. И перестанете в вашем измерении быть военным преступником. Во всяком случае, вы сделаете шаг вперед...

Темный туман сгустился вокруг Корсона, со всех сторон выросли стены. Он лежал в длинном ящике, — судя по всему, металлическом. Гроб?.. Или консервная банка.

— Эй! — крикнул Корсон. — Дайте мне оружие или хоть что-нибудь!

— У вас есть разум, — отрезал голос. — И вы получите любую необходимую помощь.

— Служба Безопасности...

— У нас нет с ней ничего общего,— заверил голос. — К тому же она действует лишь в века Тройного Роя, в одной-единственной галактике.

Короче говоря, подумал Корсон, погружаясь во тьму, всего лишь ничтожная щепотка пыли.

22

...Ты приговорил меня, Минос, судья мертвых из древних мифов. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...

Корсон грезил и смутно сознавал это. Он постигал услышанное. Антонелла. Проклятые пацифисты конца времен, неспособные сами сделать свою работу. Тысячи пешек в бесстрастных руках. А я тут падаю и лечу сквозь ячейки сети жизней, брошенный рукой Бога. Делайте что хотите, да будет так, как повелел Бог, но пусть только умолкнет этот ужасный шум войны — он мешает мне спать...

А сеть сплетена из человеческих тел. Каждая ее ячейка — человечек, каждый держит за лодыжки двух других, и так до бесконечности. И эти обнаженные люди бьются, изрыгают проклятья, царапают и кусают друг друга. То и дело у кого-нибудь из них разжимаются руки, и он уплывает в бездну, но прореха в сети тотчас затягивается новыми телами. А Корсон, словно невиданная рыба, плывет мимо слабеющих рук, мимо стонов и оскаленных зубов.

Потом ему пригрезилось, что он пробуждается. Он бродил по огромному и прекрасному городу, где башни возносились к самому небу и были подобны могучим деревьям, а улицы оплетали их бесконечными лианами...

Он чувствовал, как приходит тревога, и не знал, почему. Но вдруг догадался: коробка! Коробка, что болтается у него на груди — машина времени. Часы на левом и правом запястьях — два необычайно точных хронометра, ибо для него сверхважно знать время, чтобы сохранять власть над ним. На каждом циферблате выгравирована тонкая красная линия, начинающаяся от центра и указывающая точный час, минуту, секунду. Он знал, что секунду. И в тот же миг понял, что стрелка доберется до красной черты чуть позже, чем через пять минут. На экране машины времени цифры показывали то же самое, и падали бесшумно минуты, секунды, доли секунд. Он знал, что как только часовая стрелка достигнет красной черты, машина забросит его в прошлое. Или в будущее.

Достигнет красной черты. Красной черты... Красной... И случится что-то страшное. Однако город был спокоен. Город еще не подозревал о своей участи. Только все сильнее была тревога Корсона, все отчетливей бесполезное желание крикнуть на весь город. Но город был спокоен. Ветер слегка покачивал его улицы и башни. Какая-то женщина поигрывала блестящим медальоном, висевшим у нее на шее. В парке художник писал этюд. Дети пели, подбрасывая в воздух разноцветные шары, и те, кружась, лениво падали на землю. Город казался Корсону огромной скульптурой, застывшей в неподвижности. И все же он жил.

Меньше чем через две минуты город будет уничтожен ядерными ракетами, которые уже приближаются к цели, рассекая стратосферу и оставляя за собой недовольное ворчание пространства, потревоженного их двигателями.

Невозможно, чтобы такой прекрасный город погиб, думал Корсон во сне, но миг гибели был обозначен на циферблатах обоих хронометров. Он знал, что не умрет и сохранит в памяти эту мирную картину. Ему не суждено увидеть, как вспыхнут тысячи солнц и рухнут эти башни, как брызнет из трещин разбуженная лава, и как испарятся, не успев сгореть, тела этих людей, как, наконец, все крики сольются в один предсмертный вопль. Город останется в его памяти таким как был, вырванный из потока времени, и гибель его будет для Корсона чем-то далеким и безразличным. Она никогда не причинит ему боли.

И все же он боялся, сам не сознавая того боялся, что машина времени не сможет вытащить его отсюда.

...В спокойном городе закричала женщина. Она рванула цепочку на шее, и цепочка разорвалась — далеко отлетел блестящий медальон. Плача, побежали дети. Вопль города обрушился на Корсона. Он родился в миллионах душ, вырвался из миллионов глоток и потряс башни. В нем не было ничего человеческого.

Корсон слушал, как кричит город — словно огромное существо рвало себя на части, и каждая из них вопила и корчилась от ужаса.

Корсон хотел зажать уши и не смог. Внезапно он вспомнил — жители города предвидят будущее и уже знают всё, что произойдет. Знают, что упадут ракеты. Знают и будут кричать, пока ракеты не взорвутся. Предвидят взрыв, ослепительный свет и абсолютную тьму после.

А он, пришелец, видящий их во сне, знал, что не сможет ничего сделать. Он не успел предупредить их. Не ус-

пел даже крикнуть: внутренний голос сказал им все раньше. Он не увидит гибели города, но он слышал его крик.

Большая стрелка придвинулась к тонкой красной линии, но пришельцу казалось, что миг продолжался бесконечно. Нахлынул страх, и некому было его успокоить, — вдруг коробка на его груди вовсе не машина времени, а сам он — лишь один из жителей города, обреченный исчезнуть со всеми?

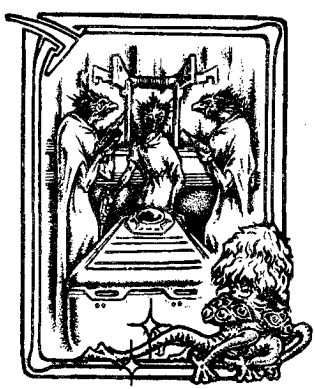
Корсон открыл рот...

Машина времени сработала.

Он был спасен. Один. Только он один.

Город остался далеко, и крик затих. Корсон вспомнил, что видел дурной сон, и сон этот кончился. На обоих его запястьях два сверхточных хронометра показывали одно и то же неумолимое время, и он, Корсон, был его хозяином. Перед его глазами на берегу фиолетового моря возник низкий и словно приплюснутый город, весь изрезанный каналами.

Корсон застонал, один, в тишине, едва нарушаемой криками птиц. Далеко-далеко какой-то прохожий обернулся к нему и пожал плечами.



23

Мрак и шесть металлических стенок, едва позволяющих шевельнуть руками. Он лежал на спине. Тяготение стало почти нормальным — он весил сейчас чуть меньше, чем на Земле. Страшно ему не было.

Он уперся в крышку ящика, но та держалась крепко. Затем кто-то или что-то царапнуло по металлу, на стыках стенок появились светлые щели. Мгновением позже ящик распался, и Корсон, щурясь от яркого света, попытался подняться.

Воздух был пропитан хлором. Глаза постепенно привыкли к свету, и Корсон различил три силуэта, отдаленно похожих на человеческие. Теперь он угодил к урианам... Три роговых клюва, три маленьких головы с хохолком на

макушке, три тонких длинных шеи, костлявые руки, короткие и массивные туловища с выпирающей грудью.

Пропутешествовать через всю Вселенную, чтобы кончить как морская свинка под скальпелем урианина!

Он приготовился к боли.

— Не бойтесь, человек Корсон,— просвистел один из уриан.

Ноги одеревенели, но все-таки удалось сесть.

Просторный зал, стены обтянуты шелковистыми тканями; без окон, без видимого выхода. Обычный урианский интерьер, как его себе представляли на Земле.

Неужели так принято у властителей времени — предавать военных преступников в руки их врагов?

Один из уриан, постарше остальных, восседал на чем-то вроде трона, на взгляд Корсона, больше напоминавшем насест. Уриан породила ветвь эволюции, весьма схожая с той, что создала земных птиц. Их внешность позволяла предположить нечто подобное, что и было подтверждено при вскрытии трупов (по официальной версии), попавших в руки землян. Кора головного мозга у них развилась слабее, чем у человека, но мозжечок был достаточно сложен. Земляне в свое время напридумывали множество шуток о куриных мозгах уриан, но Корсон не спешил соглашаться с ними. Он знал, что даже на Земле некоторые птицы, тот же ворон, обладают невероятной сообразительностью, к тому же ему слишком хорошо было известно, насколько умны оказались князья Урии. Огромная часть человеческого мозга занята расшифровкой и обработкой восприятий, и лишь небольшая — абстрактным мышлением. У уриан, как вспомнил Корсон, возможности восприятия значительно уже, по крайней мере, в сравнении с человеческими. Острота зрения в принципе значительно выше, но цвета они различали слабее. Слух был настолько плох, что музыкальное искусство уриан так и не поднялось выше примитивных ритмов. Осязание также было недоразвито из-за строения конечностей — скорее когтей, чем пальцев — и из-за жесткого пуха, покрывавшего их тело. Но они обнаруживали замечательную склонность к абстрактным рассуждениям и философским диспутам. Короче, если бы Кондильяк знал об урианах, он отказался бы от своей сенсуалистской гипотезы.

— Они прислали нам человека,— произнес старый урианин с явной брезгливостью.

Корсон осторожно поставил ногу на пол.

— Пока вы не попытались сделать какой-нибудь необ-

думанный шаг,— продолжал урианин,— мне следовало бы в доступных формулировках изложить вам определенные факты. Не то чтобы мы опасались чего-либо с вашей стороны (он показал на три наведенных на Корсона ствола), но за вас заплачено слишком дорого, и я был бы огорчен, если бы вам пришлось нанести ущерб.

Он приподнялся и залпом выпил стакан прозрачной жидкости с резким запахом хлора. Пристрастие уриан к хлору во времена Корсона было еще одной вечной темой для острот...

— Вы военный преступник и не можете покинуть эту планету без риска быть немедленно задержанным и подвергнутым уж не знаю какому наказанию вашими же собратьями. Надеюсь, вы понимаете, как сильно это сужает ваши возможности. Итак, вы должны считаться с нами и даже рассчитывать на нас. У вас нет выбора.

Он помедлил, ожидая пока смысл сказанного дойдет до глубин сознания человека.

— Что же касается нас, то нам нужен специалист по войнам. Для этого мы и купили вас за очень высокую цену у посредников, имена которых вам знать не обязательно.

Он приблизился к Корсону походкой, которая делала уриан похожими на выряженных в роскошные одеяния огромных уток — смертельно опасных уток.

— Я Нгал Р'Нда. Можете запомнить это имя, человек Корсон — я не собираюсь ни проигрывать битву, ни пытаться сохранить жизнь, если это все-таки произойдет. Но вы будете единственным человеком, знающим меня как воина. Для ваших сородичей я всего лишь безобидный старик, служитель муз и историк, ничтожный обитатель ничтожного мира. Для них,— он обвел зал широким жестом,— я истинный Нгал Р'Нда, последний из древней династии Князей Урии, вышедших из голубого яйца. Вы никогда не поймете, человек Корсон, что означало в былые времена яйцо с голубой скорлупой. И что оно значит еще и сегодня для этой горстки сохранивших верность. Шесть тысяч лет Князья голубого яйца правили на Урии. Увы! Пришли люди со своими кораблями и принесли ложь. Вскоре началась война, в которой Земля должна была несколько раз погибнуть под ударами урианского клюва. Никто не выиграл эту войну, но Князья Урии ее проиграли. Жестокость и усталость породили шаткий мир. Чтобы скрепить его, Земля и Урия уступили друг другу часть своих владений. Но оказалось, что уриане не могут жить на Земле, они гибли там и потому отказались от

своих привилегий. А земляне процветали на Урии, и скоро бывшие заложники стали хозяевами. Их потомство было многочисленнее урианского. К тому же их грубый ум и изобретательность быстро справились с проблемами, недостойными Князей Урии, предающихся высокой медитации. Вот так случилось, что Князья Урии проиграли войну, которую земляне не выиграли и в которой урианe не потерпели поражения. Предательство, предательство гнусное искушение миром! Случилось наихудшее — Урия, уставшая от войны, растоптанная унизительным общением с землянами, отреклась от культа голубого яйца. Появились мифы о так называемом равенстве. Урианe растеряли былую гордость. Безропотно, без борьбы, они уступили свою планету людям.

Прошли года. Века. Тысячелетия. Но чистейший пух или, как это называется у вас, цвет Урии ничего не забыл. Война не кончена. Мы знаем, ничтожества в Галактическом Совете беспомощны и не вмешаются ни через век, ни через два. Время более чем достаточное, чтобы восстановить звездный флот и отыскать путь к победе, но прежде мы вернем себе эту планету и изгоним с нее людей!..

Он помолчал минуту, уставившись круглыми, полузатянутыми мутной пленкой глазами прямо на Корсона, но тот спокойно выдержал его взгляд.

— Вот здесь и должна начаться ваша работа. Мы забыли, как ведутся войны. Не в теории, ибо разум наш ничем не пренебрегает, а в жестокой практике. У нас еще имеется страшное оружие, то самое, что было укрыто мудрейшими из Князей Урии в недрах нашей планеты более шестидесяти веков назад, но нам нужно низкое, хитрое и упорное существо, которое научило бы нас, когда стрелять и в кого. Нам нужны вы. Я отнюдь не недооцениваю людей, я их презираю, а это совсем не одно и то же. После долгих ночей размышлений я сказал себе: обрати против людей лучшее из возможного — самого человека.

Не возражайте, человек Корсон. Вы ведь тоже на нашей стороне. Вас судили, приговорили и изгнали ваши соплеменники. У вас ничего не осталось там. Но если вы послужите славе Голубого Яйца Урии, вы станете свободным, таким же, как и любой урианин, вышедший из яйца, и будете властвовать над людьми-рабами. Если же вы решитесь сопротивляться нам, человек Корсон, это ничего не изменит. Мы сведущи в тайных науках и ничего не забыли из опытов, что проводили над вашими собратьями шесть тысяч лет назад. Боюсь, в этом случае вы перестанете быть собой. К тому же

вы не единственный кандидат, человек Корсон. В наше время купить военного преступника нетрудно. Существа из многих миров желают освободиться от власти Галактического Совета и охотно покупают наемников. А для тех, как правило, нет ничего важнее мести. Ненависть к своему роду удесятеряет их таланты. Надеюсь, человек Корсон, что те, кто предоставил вас нам, были правдивы насчет ваших способностей. У вас лишь один выход: помочь нам победить.

— Вижу,— сказал Корсон.

Уриане всегда были болтунами, и этот не исключение. Однако он не раскрыл той единственной загадки, что силился разгадать Корсон: когда все это происходит? Вернулся ли он до или после своего первого прилета на Урию? Будет ли эта новая опасность соседствовать с двумя предыдущими — Бестией и жестокостью Верана? Всё вместе — не слишком ли? Проявился ли в этом принцип равновесия, по которому можно лишь отодвинуть катастрофу, но не вовсе ее избегнуть?

Это имя,— Нгал Р'Нда,— упомянула Флория ван Нейль. "Нгал Р'Нда — мой близкий друг". Тогда Корсон не придал этому никакого значения, но теперь попытался точно вспомнить ее слова. Да, именно так.

Корсон решил не спрашивать о времени. Он ведь даже не знал года своего первого появления здесь. Но одна зацепка у него все же была...

— Не встречали в последнее время на Урии дикого гиппрона?

— Вы задаете слишком уж конкретные вопросы, человек Корсон. Но этот кажется мне вполне безобидным. Никаких диких гиппронов не замечали на Урии уже много веков, если не тысячелетий.

...Одно из двух. То, что я вижу и слышу, происходит до того, как я попал на Урию, или же сразу после того, в то время как Бестия в каком-нибудь подземном логове готовит выводок из восемнадцати тысяч своих малышей. Во втором случае впереди еще месяцев шесть.

— О'кей! — кивнул Корсон, ввернув архаичное выражение.— Вы меня убедили. Я с вами. У вас есть армия?

— Армия — слишком грубый способ.

— Каковы же ваши?

— Шантаж, убийство, пропаганда.

— Это все игрушки,— ответил Корсон.— Вам обязательно нужна армия.

— Наше оружие,— важно проговорил урианин,— в ней не нуждается. Не выходя из этого зала, я могу стереть с

поверхности Урии любой город, любую травинку. И любого человека, где бы он ни находился. Вас, разумеется, тоже.

— Но тогда зачем вам нужен я?

— Вы будете говорить нам, какие цели и когда следует поражать. Помните, ваши предложения тщательно изучат. Еще вы будете проводить переговоры с землянами. За это они вас так возненавидят, что вам и в голову не придет изменить нам.

— Условия их капитуляции?

— Для начала девять женщин из десяти будут преданы смерти. Плодовитость не должна выходить за определенные рамки. Убивать мужчин совершенно ни к чему. Один мужчина может оплодотворить много женщин. Но женщины — слабое место вашего вида.

— Они не дадут вам это сделать,— сказал Корсон.— Они будут защищаться как демоны. Род человеческий может быть очень упрямым, если его раздразнить.

— У них не будет выбора,— отрезал урианин.

Корсон поморщился.

— Я устал и голоден,— сказал он.— Вы намерены начать войну немедленно или я все-таки успею отдохнуть и поесть? А заодно и подумать.

— Время будет,— коротко ответил урианин.

По его знаку стражники опустили оружие и подошли к Корсону.

— Уведите нашего союзника и обращайтесь с ним бережно,— распорядился урианин.— Он стоит больше, чем эквивалент его веса в элементе 164.

24

Корсона почтительно разбудил урианин низшей касты со срезанным хохолком.

— Вы должны приготовиться к церемонии, человек Корсон,— сообщил он.

Урианин проводил Корсона в ванную комнату, совершенно не приспособленную для человека — у воды был отвратительный привкус хлора, и Корсон с трудом заставил себя принять душ. За-

тем урианин помог ему облачиться в желтую тунику, вроде той, что носил сам. Хотя она явно была приготовлена для Корсона, рукава оказались ему коротки, зато низ слишком длинен. Очевидно, портной имел самое смутное представление о человеческой анатомии. Потом Корсона проводили туда, где он смог подкрепиться. Обмен веществ у землян и уриан различался настолько, что пища одних могла стать ядом для других, и Корсон с подозрением оглядывал то, что ему подали, пока провожатый не успокоил его...

— Это будет явление Яйца,— торжественно сказал урианин, когда Корсон чуть погодя осведомился о церемонии.

— Какого яйца? — спросил Корсон с набитым ртом.

Ему показалось, что урианину стало плохо. Возмущенный писк вырвался из его клюва, и Корсон решил, что слышит проклятья или ритуальные заклинания.

— Высокочтимого Голубого Яйца Повелителя Урии! — выговорил наконец урианин. В его писке звучало обожание.

— Ясно,— сказал заинтригованный Корсон.

— Никогда ни один землянин не присутствовал при явлении Яйца. Вам следует гордиться, что повелитель Р'Нда именно вам оказал столь высокую честь.

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Пришло время идти,— сказал урианин.

Они очутились в большом овальном зале без дверей. За все время, что он был здесь, Корсон не увидел еще ни одной двери, ни одного выхода наружу. Должно быть, тайная база располагалась где-то глубоко в недрах планеты.

Около сотни уриан уже теснилось в зале, храня торжественное молчание. Толпа расступилась перед Корсоном и его спутником, и они оказались в самом первом ряду. Уриане группировались по цвету одежд, но Корсон и урианин низшей касты были единственными в желтых туниках среди первых рядов, одетых только в фиолетовое с оттенком голубого. Корсон услышал тихое кудахтанье и понял, что окружавшие его были слишком благородного происхождения, чтобы стерпеть такое нарушение этикета. За фиолетовыми чинно стояли красные, еще дальше — оранжевые. Позади всех, склонив головы, держались желтые.

Перед ним, почти в самом центре образованного стенами овала, возвышалось металлическое сооружение — стол, сундук или алтарь.

Холодок пробежал у него по спине.

Надеюсь, мне не придется лечь на этот жертвенник во славу Урии? — подумал он полушутя-полусерьезно.— Роль юной девственницы из древних романов — это не для меня.

Правда из того, что он знал об урианах, выходило, что ему нечего опасаться. У них не было понятия божественного. Мертвецов они почитали чисто символически, а вся метафизика, если только тут уместно это слово, ориентировалась исключительно на идею семьи. Семья считалась бессмертной, и личность была лишь временным к ней придатком...

Свет померк. В стене за металлическим алтарем появилось отверстие и стало расширяться. Наступила полная тишина. В зал вступил Нгал Р'Нда — в пышной ярко-голубой тоге с металлическим отливом. Он занял место позади алтаря, встал лицом к толпе, воздел тощие конечности над головой и просвистел что-то на древнеурианском.

Толпа ответила восторженным писком.

Как они похожи на нас, думал Корсон, похожи, несмотря на все различия в происхождении. Случайность? Или разум всегда идет схожими путями?

Желтые глаза Нгала Р'Нда уставились на Корсона.

— Смотри, человек с Земли, смотри же на то, чего не видел до тебя ни один,— произнес он.

Металлический алтарь раскрылся, и из него стала медленно подниматься резная колонна, несущая огромное голубое яйцо, схваченное тремя золотыми когтями.

Корсон чуть было не расхохотался.

То самое голубое яйцо, из которого появился на свет Нгал Р'Нда! Вскоре после того, как он вылупился, уриане собрали все осколки и тщательно их соединили. Корсон заметил сетку линий в местах склейки, что делало скорлупу похожей на гладкий череп. Нгал Р'Нда напоминал подданным о своем происхождении. Показывая голубое яйцо, он заставлял их вспомнить славную историю Урии, древние династии воинственных Князей. Без этого яйца Нгал Р'Нда при всех его талантах был бы ничем. Яйцо и только оно доказывало его принадлежность к легендарному роду.

Сам того не желая, Корсон был зачарован. Его мозг подбирал обрывки далекой истории: до Первой Объединенной Цивилизации, на старой Земле, семья тоже играла большую роль, отдаленно сравнимую с той, которую она до сих пор играла в обществе Урии. Тем, кто родился в могущественной семье, завидовали. Но потом пришла война за существование, и семья сгинула под обломками Первой Цивилизации, как сгинуло и все остальное: люди бежали с опустошенной Земли. Социологи — во время той, первой жизни Корсона — полагали, что всякое общество рано или поздно входит в эру технократии, и считали этот процесс необратимым. Но смогли же уриане развиваться, не отвер-

гая общества, основанного на наследственном праве?! С исторической точки зрения это был парадокс.

А ведь вот ответ, подумал Корсон, вот он, перед носом. Уриане, по крайней мере высшие их касты, почти с самого начала занялись жестким генетическим отбором. Когда-то они открыли, может быть случайно, что цвет яйца как-то связан с чертами личности урианина, который должен из него вылупиться. Ведь гораздо проще не высиживать или даже разбить неподвижное яйцо, чем умертвить крошечное живое существо, слабое и плачущее. Нет, все-таки уриане слишком сильно отличались от землян.

— Смотри, человек с Земли,— повторил Нгал Р'Нда.— Когда я умру, это яйцо будет обращено в пыль, как делали во времена моих далеких предков, и эта пыль будет смешана с моим прахом. Вот яйцо, из которого я вышел, разбив его своим клювом. Вот яйцо, оберегавшее последнего повелителя Урии.

Ряды в глубине зала зашевелились. Нгал Р'Нда махнул рукой, и яйцо исчезло в сундуке. Урианин в желтой тунике с трудом пробился сквозь толпу, оттолкнул Корсона и, представ перед Нгалом Р'Нда, пищал что-то пронзительно и резко.

Нгал Р'Нда повернулся к Корсону и медленно произнес:

— Отряд людей только что занял позиции в сорока милях отсюда. С ними гиппроны. Люди строят укрепленный лагерь. Это измена?

Веран,— сразу подумал Корсон.

— Вам нужна армия, Князь? — сказал он.— Она здесь.

25

Они шли по лесу.

Странно было думать, что через минуту, ну, может, две, он вместе с Антонеллой попадет в плен к Верану. Сейчас круг замкнется. Тогда он переживал свою жизнь в первый раз и не знал ничего, теперь же знал продолжение. Тревога, лагерь, появление незнакомца, лица которого он так и не увидит, бегство через пространство и время, планета-

мавзолей, затем опять к самому краю Вселенной, Эргистаэл, сражения, воздушный шар, катастрофа, перевернутое небо, разговор с богом и снова Урия.

Здесь и сейчас...

Он вошел тогда и входил теперь в лабиринт, имя которому Вселенная, с ходами, замыкающимися так искусно, что его, Корсона, отделяла в этот миг от прошлого только тонкая стена.

Лабиринт лежал перед ним, и лишь прошлое было союзником человека, который знал все, что случилось с тем Корсоном,— Корсоном из прошлого. Все закоулки и повороты лабиринта, пройденного им, становились понятны и обретали смысл. Тот первый Корсон не ведал о третьей опасности, угрожающей Урии, не знал и того, как устранить две первые. Но перед нынешним Корсоном появился некий проблеск: он знает прошлое, а будущее подскажет ему остальное. В этом он не сомневался.

Человек из мрака, рыцарь в маске цвета ночи, о котором Антонелла сказала, что он ей кого-то напоминает — он сам. Значит, у него есть будущее. Пути лабиринта еще и еще раз, быть может, бесконечно много раз повторятся, он опять и опять будет настигать себя в прошлом, пока все Корсоны не сольются в одном. И этот Корсон из будущего будет знать что-то новое о лабиринте, в котором блуждает дольше, и, может, он наконец увидит его весь, поймет потаенный смысл лабиринта и изменит собственное прошлое.

Он вспомнил слова бога. Боги могли распоряжаться своим существованием в будущем, и судьба их не была простой нитью, натянутой между рождением и смертью, но гигантским холстом, тканью самого времени. Боги, подумал он, создают Вселенную, создавая самих себя.

Теперь он знал, что в своем будущем вновь обретет Антонеллу, ведь она помнила об их встрече. И снова ее потеряет, ведь она любила его и тосковала о нем тогда, на улице Диото, где она его подобрала. Он понял, что и сам любил ее и тосковал о ней, и ему хотелось верить, что перепутанные нити их судеб когда-нибудь наконец свяжутся где-то в сумерках времени. Два этих события уже существуют, уже произошли в прошлом и будущем — когда он освободил себя из плена и когда встретил Антонеллу. Не было ли это точками траектории, которая однажды станет общей для них обоих?

Но сейчас ему надо создать это будущее — сама неиз-

бежность этих событий зависит только от его действий. Он должен как можно лучше выполнить задание... Задание, но чье? Может быть другого, третьего Корсона, еще более далекого от нынешнего, и тот Корсон задался целью рассеять тень, нависшую над Урией... Какой союзник будет надежнее, чем ты сам? Чтобы смог существовать тот Корсон из будущего, вчерашние ловушки должны быть избегнуты не подозревающим о них Корсоном из прошлого.

Он вспоминал колебания Нгала Р'Нда как что-то очень давнее, хотя прошло от силы несколько часов. Князь Урии заявил, что Веран ему совершенно не нужен. Он ненавидел землян и слишком презирал их, чтобы выслушивать тех, кого не купил. Оружия, которое он показал, по его мнению, было достаточно: шары из серого металла, способные испепелить половину планеты смертоносными молниями, странные орудия из почти невидимого стекла с тонкими как иглы стволами, прожигающие любую твердь, миражи, проецируемые на небо и повергающие в безумие целые армии... Тихий свистящий голос утверждал, что шесть тысячелетий назад Князей Урии победила измена, а вовсе не могущество землян, и Корсон в это почти поверил. Правда, у Земли было не менее страшное оружие. Может когда-то силы и были равны, но исход предстоящей битвы ясен: люди на Урии и те из птиц, что станут цепляться за ненавистный остальным мир, не продержатся и суток.

Корсон сказал:

— Вам нужна армия.

Он думал о миллионах убитых женщин, миллионах рабов-мужчин и повторял:

— Вам нужна армия.

И добавил еще:

— Завтра космос будет вашим. Вам потребуется флот, а значит и солдаты. Сколько их у вас наберется?

Урианин, казалось, задумался.

Корсон не дал ему ответить.

— Многие ли вам верны?

Урианин сказал с неожиданной искренностью, сверля его круглыми глазами, в которых мерцали ярко-голубые искры:

— Пятьсот, может быть, тысяча... Но уриане, которые валяются в грязи во владениях землян, в Диото, Сифаре, Нулькере, Ридене, сплотятся под знаменем Голубого Яйца.

— Разумеется. Сколько их?

— Около тридцати миллионов.

— Так мало!

И тут же прикусил губу.

Во время прошлой войны Солнечной Державе угрожали миллиарды уриан. Многие, безусловно, ушли на другие планеты, как только был заключен мир. Но Корсон угадывал и иное — судьбу расы, разрушаемой миром, потому что война и упущенная победа не просто запомнились — они въелись в гены. Перед ним были ярость и жестокость, удесятеренные долгим упадком.

Встречались и люди, генетически наследовавшие ничем не сдерживаемую злобу. У них был один лишний ген. Внешне вполне нормальные, они оказывались в какой-то степени чудовищами. Общество, по крайней мере раньше, изгоняло их или изолировало, давая шанс избежать своей судьбы. Но может ли целая раса оказаться скопищем таких чудовищ? Раса, обреченная воевать, чтобы не исчезнуть? Судьба человечества была немного иной: ему повезло больше, оно могло выжить и при мире. Везение, правда, весьма относительное.

Корсон вдруг поймал себя на простой мысли: у уриан нет будущего.

Это значило — будущего нет и у войны.

Но сейчас он должен заниматься именно войной.

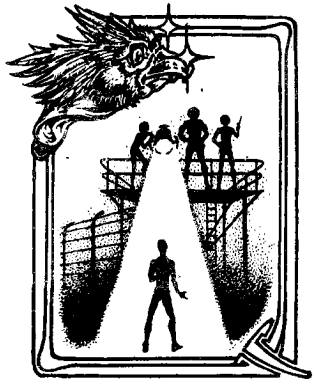
Корсон повторял настойчиво и отрывисто:

— Вам нужна армия. Необходима оккупация. Кроме того, есть еще космос. Веран — наемник. Обещайте ему кровь и власть. И еще одно... Я говорил вам о диком гиппроне. Скоро тысячи их опустошат Урию. Как вы собираетесь бороться с ними? Как будете спасать свою планету? Поройтесь в архивах, спросите своих экспертов! Гиппронам ваше оружие не страшно — им достаточно переместиться во времени. А Веран может загнать их в западню и уничтожить. У него есть прирученные гиппроны. Заключите с ним союз, а после убейте. Неужели вы боитесь одного негодяя и нескольких сотен его солдат?

Урианин прикрыл двойные веки.

— Вы пойдете на переговоры с ним, Корсон. Вас будут сопровождать двое наших. Если попытаетесь меня обмануть — умрете.

Корсон знал, что выиграл. Первая партия осталась за ним.



26

Они шли сквозь лес, и сухие чешуйки деревьев, непохожих на земные, хрустели под ногами Корсона. Уриане-провожатые двигались бесшумно. Они были легкими — от крылатых предков им достались в наследство полые кости. Корсон мог бы задушить их голыми руками и услышать предсмертный хрип. Но оружие в когтях уриан было наведено на него, к тому же он еще нуждался в них — пока.

Ему вспомнилась первая ночь на этой планете... Тьма и шум леса, в который он вслушивается, пытаясь определить, где притаилась Бестия... Впрочем, теперь он имеет дело с новым чудовищем, гораздо худшим: человеком. С полковником Вераном.

Они оставили катер далеко от лагеря, надеясь, что их приближение останется незамеченным в суматохе, вызванной нападением или же, скорее, бегством его, Корсона, и Антонеллы... Корсон взглянул на часы. Сейчас они бегут через лагерь, сопровождаемые незнакомцем, которым был он сам, и уже приближаются к гиппронам. Вот молчаливый незнакомец с лицом тени седлает одного из гиппронов. Вот подсаживает в седло другого Корсона и Антонеллу. Через мгновение они, три человека и два гиппрона, исчезнут в небе и во времени.

Через мгновение.

Первая ночь на планете... И в этот раз, как тогда, он не осмелился зажечь фонарь. Но теперь на радужной оболочке его глаз были контактные линзы, позволяющие видеть в инфракрасном диапазоне. Планета казалась черной, такой же сумрачной, как и небо, только на ней не было звезд. Краснели стволы. Чешуйки на деревьях отсвечивали оранжевым. То тут, то там редкие камни отдавали тепло дня и лучились бледным сиянием. Маленькое светящееся пятнышко юркнуло в кусты: испуганный зверек...

Он почувствовал запах горелой травы и расплавленного песка. Лагерь был совсем рядом.

Это и называется историческим моментом? — подумалось Корсону. Как много зависит сейчас от него для этой планеты. Согласится ли Веран? А что, если люди полковника просто выстрелят, если его убьют? Соглашения не будет. Чудовища останутся бродить на свободе, как прежде. И Бестия, и чудовища-люди...

Начнется война. Или даже две. Между урианами и людьми. Между Урией и Галактическим Советом или Службой Безопасности,— название несущественно — врагов уриане найдут. Что-то случится. Трещина пройдет через века и разорвет ткань времени. Он это знал. Иначе зачем ему быть здесь? Его послали заткнуть брешь, не сказав, ни как это сделать, ни зачем это нужно.

Исторический момент! Время и место, где пересеклись многочисленные ветви времени, где он встретил самого себя, хотя и не подозревал об этом, и где они едва не встретились снова. Исторический момент! Как будто кто-то о нем вспомнит... Как будто история состоит лишь из битв и союзов, из подписанных и нарушенных договоров. Нет, она нечто совсем иное. Здесь, в обманчивом покое леса, он понял: то, что заслуживает называться историей, противоположно войне. История — это тоже ткань. Война — разрыв в ней, а все бесчисленные войны — шипы и тернии, рвущие ткань истории, которая...— ему стало жутко, так он не боялся даже встречи с дозором Верана,— которая восстанавливается с чисто биологическим упорством. Он чувствовал себя наследником и соплеменником миллиардов и миллиардов людей, рождавшихся и умиравших в прошлом, своими телами и своими жизнями выткавших великую сеть истории. Он был в ответе за миллиарды миллиардов своих собратьев, которым еще предстояло родиться. Он постарается дать им шанс. И ответит тем, кто уже мертв.

Удар уриан даже не был бы большой войной. Но никогда еще никакая война не была более важной. Битва, в которой миллионы звездных кораблей истребляли друг друга, вроде той, что бушевала шесть тысяч лет назад, в каком-то смысле значила даже меньше, чем первая стычка двух питекантропов, вооруженных камнями...

Завеса деревьев поредела. Заметались огоньки. Тонкая пурпурная черта, бледная и смертоносная, рассекла ночь пунктирной линией, прерывавшейся стволами деревьев. Корсон дал знак, уриане застыли в молчании — Корсон слышал их легкие вздохи. Дальше он пойдет один,— один,

но с диском передатчика на шее, и сам будет разговаривать с Вераном, пока не заключит первое соглашение. Он не сомневался, что Нгал Р'Нда слушает его.

Огненный пунктир погас, но Корсон медлил, пока из лагеря его не окликнул спокойный голос:

— Корсон, я знаю, что это вы.

Голос Верана... Корсон двинулся к пятну прожектора, делая вид, что ему наплевать на оружие, нацеленное ему в спину, а теперь еще и в грудь.

— Значит, вернулись. И даже нашли время сменить мундир.

В голосе слышалась скорее ирония нежели гнев. Веран умел владеть собой.

— А девчонка, конечно, в надежном месте?

— Я же здесь,— просто ответил Корсон.

— А где вы еще можете быть? Достаточно оказалось небольшой разведки в будущем. Я ведь знал в тот раз, где вас найти. Впрочем, вы сами показали мне это место. Полагаю, у вас были серьезные основания вызвать меня после бойни на Эргистаэле именно сюда. И, думаю, у вас есть, что мне сказать.

— Просто могу вам кое-что предложить.

— Подойдите ближе. Я не собираюсь держать защиту отключенной так долго.

Корсон сделал несколько шагов. Пурпурная линия засветилась позади него, и он почувствовал знакомую глухую вибрацию.

— Итак, что вы намерены предложить мне, капитан?

— Союз,— сказал Корсон,— и союзников, в которых вы дьявольски нуждаетесь.

Веран даже бровью не повел. Его серые глаза холодно блестели в жестком свете прожекторов. Он напоминал статую, которую только начали высекать из глыбы. Люди полковника были похожи на него. Двое держались позади Верана, неподвижные, массивные, их пальцы сжимали похожие на игрушечные излучатели с тонкими, заостренными стволами. Шестеро других растянулись полукругом, в центре которого оказался Корсон. Они стояли на безопасном расстоянии, слишком далеко, чтобы он мог достать кого-нибудь даже в самом отчаянном броске — у них всегда оставалось время и место для выстрела. Профессионалы. В какой-то мере это обнадеживало: такие не станут стрелять без приказа, разве что в случае настоящей опасности.

Только Веран был без оружия. Корсон не видел его рук, сомкнутых за спиной, но знал, что пальцы правой сжимают запястье левой — привычка всех полковников. В другой жизни, в другом времени Корсону часто приходилось иметь с ними дело.

С Вераном трудно будет договориться.

— Я мог бы вас убить,— сказал полковник,— и пока не делаю этого только потому, что вы отправили мне послание и избавили от больших неприятностей. Но я жду объяснений.

— Да, конечно.

— Это послание исходило от вас? Или от кого-то другого?

— От кого же еще? — спокойно поинтересовался Корсон.

Послание с его подписью? Он не помнил, чтобы отправлял его. Он ведь даже не знал Верана. А между тем в нем наверняка была назначена встреча на этой планете, в этом месте и в этот час. И совет Верану — как покинуть Эргистаэл, когда положение станет безнадежным. Это послание, которое ему только предстояло отправить! Оно могло быть частью плана, складывавшегося в его голове, и означало, что в будущем этот план станет более основательным. Он еще подумает над ним, когда будет знать и уметь больше, но сейчас мелькают лишь какие-то обрывки. А если что-нибудь не получится, если Веран не согласится на союз, сможет ли Корсон тогда отправить послание? Ведь оно существовало, без него Веран не прилетел бы на Урию, значит он должен был его отправить. Но когда ему пришло в голову то, что должно прийти в голову? Сейчас или позже? Отправил бы он послание не зная, что Веран его получит? Как трудно разрабатывать стратегию, даже тактику войны во времени! Нужен хоть какой-то опыт.

— Вы слишком долго размышляете. Не люблю этого,— сухо сказал Веран.

— Мне надо многое вам сказать. Только не здесь.

Веран кивнул своим солдатам.

— При нем никакого оружия,— ответил один, с серыми нашивками техника.— Только передатчик. Звуковой, без изображения.

— Хорошо,— усмехнулся Веран.— Пойдемте.

27

— ...У всякого человека есть цель,— говорил Веран,— даже если он ничего о ней не знает. Но я не пойму, чего хотите вы, Корсон. Одними, мной, например, движет честолюбие, другими страх или, в определенные эпохи, жажда денег. Они могут стрелять хорошо или плохо, но все их поступки — это стрелы, пущенные в одну цель. А куда летят ваши? Терпеть не могу договариваться с кем-то, пока не пойму его цель.

— Считайте, что мною движет честолюбие. И страх. С помощью уриан я получу власть. И еще я боюсь. Меня преследуют, ведь я военный преступник. Как и вы, Веран.

— Полковник Веран,— поправил тот.

— Как и вы, полковник! Я не имею ни малейшего желания возвращаться в Эргистаэл и жить нескончаемой идиотской войной. В этом есть смысл, не правда ли?

— Вы думаете,— медленно произнес Веран, с нажимом выговаривая каждое слово,— что воевать за Эргистаэл бессмысленно? Что там нечего завоевывать, в Эргистаэле?

— Мне так кажется.

— Вы слишком логичны. Когда противник хочет заставить вас поверить, что собирается предпринять какой-то маневр, он позаботится о правдоподобных причинах. Он укроется за ними, но сделает совсем другое. А вы останетесь в дураках.

— Хотите чтобы я расплакался? Что я всего лишь несчастный, потерявшийся в пространстве и времени, похищенный в Эргистаэле каким-то работорговцем и перепроданный банде фанатиков?

— Послание,— напомнил Веран.

Корсон положил руки на стол и попытался расслабить мускулы.

— Вы говорили,— продолжал полковник,— что передали его через уриан. Сожалею, но я его потерял. Вы не могли бы мне его напомнить?

— Я назначал вам встречу здесь, полковник. И объяснял, как выбраться из Эргистаэла. Я...

— Точнее, Корсон! Слово в слово.

Корсон пристально глядел на свои руки. Ему показа-

лось, что кровь отхлынула от пальцев, и ногти сделались белыми как мел.

— Я забыл, полковник.

— Скажите лучше, что и не знали, Корсон,— процедил Веран.— Вы еще ничего мне не посылали. Если бы вы работали на кого-то, кто отправил письмо от вашего имени, вы помнили бы его наизусть. Это письмо принадлежит вашему будущему, а я совсем не уверен, что могу доверять вашему будущему.

— Допустим, вы правы, полковник. Но это значит, что в будущем я окажу вам большую услугу. Вы понимаете, что это значит?

Повисла тишина. Затем, глядя на Корсона, Веран произнес с ноткой раздражения:

— Я не могу вас убить. Во всяком случае, до того, как вы отправите послание. Но меня беспокоит другое. Я не убиваю ради удовольствия. Плохо то, что вас невозможно запугать. Вот это мне совсем не нравится. Я не люблю использовать людей, которых не понимаю и которые не боятся меня.

— Пат,— Корсон заставил себя улыбнуться.

— Пат?

— Слово из древней игры в шахматы, обозначающее ничью.

— Я не игрок,— сказал Веран.— Слишком люблю выигрывать.

— Это не азартная игра. Скорее что-то вроде упражнения в стратегии.

— Вроде Krieqspiel? И время как неизвестное?

— Нет,— сказал Корсон.— Без времени.

Веран коротко хохотнул.

— Слишком просто. Меня бы это не заинтересовало.

Время, думал Корсон. Самый безупречный механизм. Меня защитит письмо, которое я когда-нибудь, вероятно, отправлю, хотя еще его не знаю, а час назад даже не подозревал о нем. Я иду по своим следам, сам о том не догадываясь, но спасет ли это от ловушек?

— А что будет, если меня убьют и я не успею отправить письмо?

— Вас слишком беспокоит философия. Откуда мне знать? Возможно, послание отправит кто-то другой. Или это будет другое послание. Или я вообще ничего не получу, останусь в Эргистаэле и меня изрубят в куски.— Он широко улыбнулся, и Корсон вдруг увидел, что у него нет зубов, только заточенные полоски белого металла.— Может быть, там я уже пленник, или даже хуже.

— В Эргистаэле умирают ненадолго.

— И это вы тоже знаете?

— Я же говорил, что был там.

— Худшее,— сказал Веран,— это не оказаться убитым. Худшее — это проиграть сражение.

— Но вы уже здесь.

— И хочу здесь остаться. Когда жонглируешь множеством вероятностей, главным становится настоящее. А его узнаёшь более или менее быстро. У меня появились совершенно новые возможности, и я хочу ими воспользоваться.

— Значит, вы все-таки не можете меня убить,— сказал Корсон.

— А жаль,— осклабился Веран.— Не ради убийства. Просто из принципа.

— Вы даже не можете задержать меня. Когда я захочу уйти, вам придется меня отпустить, чтобы я смог отправить письмо.

— Я составлю вам компанию,— заявил Веран, но Корсону показалось, что уверенность полковника слабеет.

— Тогда я ничего не смогу вам отправить.

— Я вас заставлю.

Корсону вдруг пришел в голову вопрос, после которого спор становился бессмысленным. Он нащупал слабое место в рассуждениях Верана.

— Почему бы вам не отправить послание самому?

Полковник покачал головой.

— Вы, кажется, вздумали шутить? Эргистаэл — на другом конце Вселенной. Я даже не знал бы, куда его адресовать. Без переданных вами координат я никогда не нашел бы эту планету. Даже за миллиард лет. К тому же, теория неубывающей информации...

— Какая теория?

— Отправитель не может одновременно быть адресатом,— спокойно пояснил Веран.— Я не могу передать информацию самому себе. Это породило бы всплески времени, которые затихли бы только устранив источник возмущения. Исчезло бы расстояние между точками отправки и получения — и исчезло бы все, что между этими точками находилось. Поэтому я и не показал вам письма. Никуда оно не делось, но я не хочу лишать вас шансов его отправить.

— Вселенная не терпит парадоксов,— изрек Корсон.

— Ну, это с человеческой точки зрения. Вселенная стерпит что угодно. Даже в математике можно выстроить систему из абсолютно противоположных, взаимоисключающих положений.

— Я думал, что математика — более связная наука,— тихо произнес Корсон.— С точки зрения логики, теория непрерывности...

— Вы меня удивляете, Корсон, но не тем, что знаете, а своим невежеством. Теория непрерывности отвергнута три тысячи лет назад по локальному времени. Кроме того, к вашему случаю она не имеет никакого отношения. Любая теория, основанная на бесконечном множестве аксиом, всегда содержит и собственное опровержение. Она уничтожает себя, исчезает, уходит в небытие. Но это не мешает ей существовать. На бумаге.

...Вот поэтому, подумал Корсон, возвращаясь к своему прошлому, я иду по тропам времени на ощупь. Мой двойник из будущего не может подсказать мне, что я должен делать. Но во времени есть щели, и в них просачиваются крохи информации, можно сориентироваться и по ним. Должен существовать какой-то порог... Если возмущение времени будет ниже него, Вселенная не отреагирует на парадокс. Выбрать момент, вырвать у Верана ту бумажку,— письмо... Это приблизит будущее.

— На вашем месте я не стал бы этого делать,— сказал Веран, будто читая его мысли.— Я не слишком верю в теорию неубывающей информации, но проверять ее на себе не советую.

Однако, продолжал рассуждать Корсон, в далеком будущем боги не колеблясь играют вероятностями. Они подняли себе порог до уровня Вселенной, а в таком случае все барьеры рушатся. Вселенная раскрывается и освобождается, становится иной. Предопределенности больше нет. Человек перестает быть узником тоннеля между рождением и смертью...

— Спуститесь на землю, Корсон,— прервал его размышления Веран.— Как я понял, у этих птиц есть великолепное оружие, и они готовы предоставить его мне. К тому же вы сказали, что сам я никогда не найду дикого гиппрона, который, как вы считаете, бродит где-то на этой планете. Мне якобы не обойтись без помощи уриан, а они, в свою очередь, нуждаются в моем опыте солдата. Только я способен добиться для них победы и вдобавок поймать этого гиппрона до того, как он здесь расплодится и даст повод для вмешательства Службы Безопасности, что приведет к нейтрализации самих уриан. Возможно, вы и правы. Все так хорошо сходится, а?

Он выбросил руку вперед так быстро, что Корсон не успел ни перехватить ее, ни уклониться. Пальцы наемника сжали его шею. Но Веран не собирался его душить. Он со-

рвал диск передатчика и швырнул его в маленькую черную коробочку, которую до этого прикрывал рукой. Корсон схватил полковника за запястье, но Веран освободился точным резким движением.

— Теперь мы можем поговорить откровенно. Они нас больше не будут слышать.

— Их встревожит наше молчание,— выдавил Корсон растерянно, но одновременно чувствуя облегчение.

— Вы недооцениваете меня, мой друг,— холодно произнес Веран.— Они нас по-прежнему слушают. Мы беседуем о погоде, о боевой технике и о выгодах союза. Наши голоса, темп разговора, паузы,— все, вплоть до нашего дыхания,— проанализировано компьютером. Зачем, по-вашему, мы болтали так долго? Теперь моя маленькая машинка передает им наш разговор — немного скучноватый, зато вполне соответствующий их ожиданиям. Мне остается принять еще одну предосторожность. Я дам вам новую побрякушку.

Он даже не шевельнулся, но Корсон почувствовал, как сзади его обхватили сильные руки. Пальцы, которых он не видел, заставили задрать голову. Перережут горло, подумал Корсон. Но зачем им убивать меня сейчас, да еще таким кровавым и театральным способом? Или Веран просто маньяк и наслаждается видом крови?

Но как же послание, вспомнил Корсон, почувствовав холод металла на горле. Он ведь сказал, что не может меня убить...

Щелкнул маленький замок, и тиски, державшие его, разжались. Корсон поднес руки к горлу. Ошейник был довольно широким, но легким.

— Надеюсь, он вам не очень помешает,— сказал Веран.— Скоро привыкнете. Придется вам поносить его какое-то время. Может быть, даже всю жизнь. В него вмонтирована парочка забавных устройств. Если вы попытаетесь его снять, он взорвется. И поверьте мне, взрыв будет достаточно мощным, чтобы вместе с вами отправить в Эргистаэл всех, кто окажется рядом. А если вы попытаетесь использовать против меня или моих солдат любое оружие, от дубины до трансфиксера,— это самая ужасная штука из всего, что я знаю,— ошейник впрыснет весьма эффектно действующий яд. И если вы отдадите кому-то другому приказ о применении против меня любого оружия — тоже. И даже если только задумаете напасть на меня. Преимущество этой игрушки в том, что вы сами приведете ее в действие, где бы вы ни были во времени или в пространстве. Она реагирует на сознательную агрессию против определенной лич-

ности. О, вы можете ненавидеть меня сколько душе угодно и убивать во сне по сто раз за ночь, если вам нравится. Это безопасно. И можете биться, как лев, но не против меня и моих людей. Быть может, единственное, что вы способны предпринять — саботаж. Но это уж моя забота. Вот видите, Корсон, вы можете быть моим союзником или сохранять нейтралитет, но не сможете больше быть моим врагом. Если это унижает ваше достоинство, то да будет вам известно, что вся моя личная охрана носит такие же украшения.

Он с довольным видом взглянул на Корсона:

— Это и есть то, что вы сейчас назвали патом?

— Да, вроде того,— отозвался Корсон.— Но уриане не поймут...

— Поймут. Они уже получили подправленную версию нашего разговора. Этот их передатчик не такой уж безобидный. Приняв определенный импульс, он выделит достаточно энергии, чтобы оторвать вам голову. Но будь они похитрее, использовали бы что-нибудь вроде моего ошейника — что срабатывает само. Хотите выпить?

— С удовольствием,— кивнул Корсон.

Веран достал из ящика стола бутылку и два хрустальных стаканчика. Наполнил оба до половины, дружески ухмыльнулся Корсону и отпил глоток:

— Пью за то, чтобы вы не слишком меня ненавидели. Вы мне симпатичны и, кроме того, вы мне нужны. Но я не могу вам доверять. Все сходится уж очень хорошо, все так прекрасно сходится: вы здесь, были здесь и снова здесь будете. Не знаю, что вам нужно и что привлекает во всей этой игре. Но то, что вы мне предложили, Корсон,— это измена человечеству. Поступить на службу к этим одержимым птицам, которые только и жаждут уничтожить человечество, в обмен на безопасность и, возможно, неограниченную власть? Допустим, я способен на это. Но вы? Вы не похожи на предателя рода людского, Корсон. Или все-таки?..

— У меня нет выбора,— ответил Корсон.

— Для человека, действующего по принуждению, вы просто потрясающе изобретательны. Вам удалось убедить птиц заключить со мной союз, вы сами пришли на переговоры. Более того, вызвали меня сюда, чтобы эти переговоры состоялись. Пусть так. Предположим, вам удалось заманить меня в ловушку. Я погибаю, а вы остаетесь с птицами. Вы уже однажды предали человечество, выдав меня существам, которые, по вашему мнению, ничем не лучше меня, которые даже не люди. И прекрасно понимаете, что вам придется предавать и дальше. На вас не похоже. Птицы этого не зна-

ют, они вообще плохо знают людей, потому что принимают вас за животное, за свирепого зверя, который станет разорять их гнезда, и которого они могут приручить или, скорее, укротить. Но я, Корсон, таких, как вы, солдат видал тысячи. Все они неспособны предать ни свой род, ни свою страну, ни своих хозяев. И не из каких-то высоких побуждений, хотя они и желали бы в это верить,— просто так складываются обстоятельства. Остается другое предположение — вы пытаетесь спасти человеческий род. Вы считаете, что будет лучше, если Урия, а потом и вся эта часть галактики покорится землянину, а не одному из этих пернатых фанатиков. И вот вы приводите меня сюда. Вы предлагаете мне союз с Урией. Вы догадываетесь, что он будет недолгим, что рано или поздно, когда соглашение будет выполнено, бывшие союзники не разойдутся мирно. И надеетесь, что тогда я уничтожу уриан. А там, может быть, собираетесь избавиться и от Верана? Вам даже нечего мне ответить. Но все-таки зачем вы просите у меня помощи против уриан, рискуя, что я вас выдам? Это опасный союз...

— Есть еще дикий гиппрон,— спокойно заметил Корсон.

— Совершенно верно. Он мне нужен, и я одним ходом избавлю Урию от двух опасностей. Разве не так, Корсон?

— Вы принимаете мои предложения?

Веран нехорошо улыбнулся:

— Не раньше, чем приму меры предосторожности.

28

На этот раз они продирались сквозь дебри времени. Через нервную систему гиппрона Корсон видел время — грива животного обвилась вокруг его запястий и мягко касалась висков. Порой к горлу подкатывала тошнота. Веран повис на другом боку гиппрона. Он решил, что Корсон должен заглянуть времени прямо в лицо и рассчитывал, что тот проведет его по запутанным дорогам подземного города и по лабиринту жизни Нгала Р'Нда.

Они карабкались по расщелинам бытия, пробираясь сквозь бесчисленные варианты реальности. Существо с острым зрением могло бы различить их скользящие во мраке тени, а если повезет — огромный и жуткий призрак, но до того как оно моргнуло бы, прогоняя это наваждение, они бы уже исчезли, подхваченные потоком воздуха или проглоченные лишенной измерений трещиной, открывшейся в стене. И если б свет был достаточно ярким, чтобы выхватить детали, оно заметило бы лишь тонкий призрачный силуэт. Гиппрон находился в настоящем ничтожную долю секунды, но достаточную для того, чтобы Веран с Корсоном успели сориентироваться. Стены, колонны, мебель казались им вырезанными из тумана. Это была обратная сторона медали. Невозможно выслеживать, не рискуя быть выслеженным, нельзя оставаться невидимым и видеть при этом самому.

— Жаль, что вы плохо знаете эту базу,— сказал Веран перед тем, как они отправились.

— Я просил у вас неделю или две,— возразил Корсон.

Веран усмехнулся и пожал плечами.

— Я рискую, но не до такой же степени. Чего вы хотите? Чтобы я ждал неделю, пока вы с вашими птицами подготовите мне западню?

— А если нас заметят?

— Трудно сказать. Может быть, ничего не случится. Или произойдет изменение. Нгал Р'Нда может догадаться, что происходит, и тогда он перестанет нам доверять. Или решит ускорить события и бросится в атаку гораздо раньше. Нет, видеть нас не должны. Нам нельзя вводить в историю изменения, которые могут повлиять на нас самих. Мы пойдем одни. Без сопровождения. Без тяжелого оружия,— применять его в прошлом, от которого мы зависим, равносильно самоубийству. Надеюсь, хоть это вы понимаете?

— Но тогда невозможно заманить прошлое в ловушку.

Веран широко улыбнулся, показав металлические пластинки, заменявшие ему зубы.

— Мне достаточно ввести небольшое изменение. Оно будет ниже порогового уровня, поэтому останется незамеченным, но я смогу использовать его в нужный момент. Вы ценный человек, Корсон. Вы показали мне уязвимое место Нгала Р'Нда.

— Я должен сопровождать вас?

— Что я, сумасшедший— оставить вас за спиной? К тому же вы знаете здесь все входы и выходы.

— Уриане заметят мое отсутствие. Они ведь больше ничего не будут слышать.

— Можно рискнуть и вернуть вам передатчик. Но, я думаю, тогда он сразу подаст им сигнал. Нет, лучше уж пусть ничего не слышат. Мы будем отсутствовать в том времени не больше нескольких секунд. Как вы думаете, сколько лет этой птице?

— Понятия не имею,— подумав секунду, ответил Корсон.— Для их вида он стар, а уриане в мое время жили дольше землян. Ему, должно быть, не меньше двухсот земных лет, а может быть, и все двести пятьдесят, если уриане смыслят в геронтологии.

— Ныряем во время как можно глубже,— удовлетворенно сказал Веран.— Они не смогут принять сообщения вашей игрушки до того, как повесили ее вам на шею...

И они помчались по путям времени. Они скользнули в подземный город, пронзая, как туман, толщу скал. Вторглись в галереи, где собирались разноцветные касты урианин.

Голос Верана прошептал:

— Как его узнать?

— По голубой тунике. Но я думаю, он не все время проводит здесь.

— Не важно. Когда гиппрон его выследит, он будет неотступно следовать за ним до самого момента рождения. Или лучше сказать — вылупления?

Голубая тень, мелькнувшая на мгновение... Они уже не упускали ее, разве что на секунды, в которые,— Корсону с трудом в это верилось — уместились месяцы и годы, когда Нгал Р'Нда играл на поверхности Урии роль мирного и утонченного эстета. Они шли против течения жизни урианина, как лосось поднимается на нерест к истоку реки. Тень изменила цвет. Нгал Р'Нда был еще молод, и туника князей Урии не покрывала его плеч. Может, он еще не вынашивал замыслов грядущей битвы? Корсон сильно сомневался в этом.

Из потока времени всплывали другие голубые тени,— другие князья, вышедшие из голубых яиц, издавна предвкушавшие месть. Нгал Р'Нда сказал правду, он и впрямь был последним. Приближение конца заставило его действовать. До него поколения князей лишь предавались мечтам.

Нгал Р'Нда вдруг пропал, и пропал надолго.

— Он точно родился здесь? — Веран был явно встревожен.

— Не знаю,— буркнул Корсон. Тон наемника ему не понравился.— Но думаю, что да. Нгал Р'Нда — князь Урии, а они не рождались вдали от святилища.

Тень Нгала Р'Нда появилась вновь. Сам Корсон не смог бы отыскать ее, но он уже начал приноравливаться к восприятиям гиппрона.

— Что за ловушку вы придумали? — спросил он.

— Увидите.

Больше Корсон от Верана ничего не добился.

Они направлялись ко времени рождения последнего повелителя Урии.

Неужели он хочет, думал Корсон, ввести ему при рождении генетический сенсибилизатор, который начнет действовать лишь много лет спустя, при появлении дополняющего его комплекса? Или вживить датчик, который позволит следить за ним на протяжении всей жизни, датчик размером не больше клетки, в месте, где никакая хирургия не сможет даже случайно найти его? Нет, это слишком грубо. И может вызвать какие угодно искажения в ткани времени.

Гиппрон замедлил полет и замер. Корсону казалось, что все атомы его тела пытаются оторваться друг от друга, словно им опротивело быть рядом. Корсон проглотил слюну. Тошнота понемногу отступила.

— Он еще не родился,— сообщил Веран.

Через ощущения гиппрона Корсон мог видеть большой овальный зал, странно сплюснутый, но похожий на тот, где происходила церемония явления Яйца. Лишь несколько витков гривы гиппрона выступали из стены, в камне которой, как в убежище, были скрыты двое всадников.

В гладкой стене полутемного зала поблескивали ниши, и в каждой покоилось по яйцу. Самая просторная ниша была с яйцом пурпурного цвета. Корсон мысленно поправил себя. Для человека или урианина яйцо было бы голубым, но гиппрону оно виделось пурпурным.

Из этого яйца вылупится Нгал Р'Нда. Ниши были чем-то вроде инкубатора. Никто не смел войти в этот зал, пока уриане не пробьют клювами скорлупы.

— Придется подождать,— вполголоса проговорил Веран.— Мы забрались слишком далеко.

Послышался глухой стук, как будто сотня шахтеров враз заработала в глубоком забое. Это птенцы, догадался Корсон. Они уже пробудились и принялись за скорлупу. Смещение времени и нервная система гиппрона усиливали звук.

Гиппрон скользнул к голубому яйцу. Корсон даже видел сейчас круговым зрением гиппрона и поэтому мог следить за действиями полковника: тот направил на голубое яйцо какой-то инструмент.

— Не разбивайте его! — вырвалось у Корсона.

— Идиот,— прошипел Веран.— Я его измеряю.

Полковник злился — значит момент был действительно важный. В этот ключевой миг жизни Нгала Р'Нда малей-

ший толчок, неосторожность могли вызвать серьезное изменение в дальнейшей истории. Капли пота выступили на лбу Корсона, он чувствовал, как пот стекает по лицу. Веран играл с огнем. Что будет, если он допустит ошибку? Оба они попросту исчезнут из континуума? Или возникнут на другом отрезке времени?

Голубое яйцо затряслось и раскололось. Отпала верхушка с неровными краями. Заструилась жидкость. Лопнула пленка, и появилась макушка головы молодого урианина. Корсону почудилось, что голова чуть ли не больше самого яйца. Затем скорлупа развалилась окончательно. Птенец раскрыл клюв. Сейчас он издаст свой первый писк. Сигнал, которого ожидала снаружи целая толпа нянек.

К удивлению Корсона, голова птенца оказалась не больше, чем кулак взрослого человека. Но он знал, что развитие нервной системы Нгала Р'Нда завершится еще не скоро. Птенец был беспомощнее недоношенного младенца землян.

Гиппрон выплыл из стены и синхронизировался с настоящим. Веран выскочил из седла с пластиковым пакетом в руках, забросил в него осколки голубого яйца и опять слился с гиппроном. Не теряя времени чтобы подтянуть упряжь, он направил животное обратно, под прикрытие стены. Они десинхронизировались.

— Конец первой фазы,— процедил наемник сквозь зубы.

Из глубины зала несся писк вылупившихся птенцов. Двери приоткрылись.

— Они заметят, что скорлупа исчезла,— дернулся Корсон.

— Вы ничего не поняли,— поморщился Веран,— я подкину им другую. Если то, что вы мне сказали,— правда, они будут хранить только голубую скорлупу. Другая их не интересует.

Они рванулись к поверхности. В пустынном месте у пересохшего ручья, засыпанного галькой, Веран синхронизировал гиппрона. Корсон сполз на землю — у него вдруг закружилась голова.

— Смотрите под ноги,— предупредил Веран,— мы находимся в нашем объективном прошлом. И попробуйте сказать, не обернется ли сломанная сейчас веточка громадным потрясением в будущем...

Он открыл пакет и принялся внимательно рассматривать голубую скорлупу.

— Странное яйцо,— пробормотал он.— Это скорее соединенные между собой пластины, вроде костей черепа у человека. Видите, какие четкие швы?

Веран отломил кусочек скорлупы, бросил в анализатор и приник к окуляру.

— Пигментация всей массы,— наконец объявил он.— Генетические фокусы. Скорей всего результат последовательного скрещивания потомства внутри одной линии. Впрочем, мне на это наплевать. Важно, что есть один славный краситель того же типа, но не такой стойкий.

— Вы собираетесь покрасить яйцо? — спросил Корсон.

— Милейший Корсон, ваша глупость просто неизлечима. Я заменю эту скорлупу другой, которую прежде искупаю в красителе,— том, что смогу обесцветить, когда понадобится. Все могущество Нгала Р'Нда держится на этом яйце, на том, что оно — голубое. Поэтому князь правильно поступает, время от времени демонстрируя его своим подданным. По этой же причине в день вылупления в зале никого не остается. Подмена становится невозможной. Если, конечно, у вас нет гиппрона. Я не думаю, что наш фокус будет когда-нибудь замечен и что-то изменит в будущем. Но я хочу быть в этом абсолютно уверенным и возьму скорлупу еще одного яйца, из которого проклюнется уриан в то же время, что и Нгал Р'Нда, и того же размера. Труднее всего будет подменить скорлупу максимум за секунду, иначе кто-нибудь войдет и нас могут увидеть.

— Это невозможно,— вздохнул Корсон.

— Есть стимуляторы, увеличивающие скорость реакций человека раз этак в десять. Я полагаю, вы слышали об этом. Их применяют на боевых кораблях во время сражения.

— Они очень опасны,— сказал Корсон.

— Я же не предлагаю вам принимать их.

Веран сложил осколки скорлупы обратно в пакет, но тут же передумал:

— Лучше его обесцветить и оставить там, где я взял фальшивую скорлупу. Мало ли что может случиться...

Он проделал еще несколько манипуляций, затем побрызгал на осколки аэрозолем. В несколько секунд они поблекли, приобретая цвет слоновой кости.

— А теперь в седло,— весело сказал Веран.

Они снова погрузились в поток времени и довольно быстро нашли зал, где валялись десятки разбитых скорлуп. Веран, синхронизировав гиппрона, порылся в осколках, пока не собрал из них целого яйца. Под струей аэрозоля оно приобрело роскошный голубой цвет и отправилось в пакет Верана на место обесцвеченной скорлупы.

Веран проглотил капсулу.

— Стимулятор начнет действовать через три мину-

ты,— сообщил он.— Приблизительно десять секунд сверхскорости — это более полутора минут субъективного времени. Даже больше, чем нужно.

Он повернулся к Корсону и широко улыбнулся.

— Вся прелесть в том, что если со мной что-нибудь случится, вам отсюда не удрать. Представляю, какие будут физиономии у урианок, когда они обнаружат в своем инкубаторе мертвого человека, а рядом с ним живого. И еще прирученное чудовище, которое они раньше знали только диким. Вам придется рассказать им какую-нибудь сказочку позанятней.

— Не думаю. Мы тут же исчезнем,— возразил Корсон.— Искажение будет слишком сильным. Вся история этого отрезка континуума окажется стертой.

— Быстро вы учитесь, однако,— с усмешкой проговорил Веран. Он явно был в хорошем настроении.— Но главная трудность в том, чтобы вернуться в момент точно после нашего отбытия. Мне как-то не хочется встретить себя самого. А тем более нарушать закон неубывающей информации.

Корсон отмолчался.

— Кстати,— продолжил Веран,— гиппрону этого тоже не захочется. Труднее всего будет заставить его приблизиться во времени к самому себе. Вот чего он терпеть не может...

И все же я это сделал, подумал Корсон. Вернее, сделаю. Закон неубывающей информации, как любой физический закон, относителен. Тот, кто сможет его хорошенько понять, сумеет его и преступить. А значит я когда-нибудь пойму всю механику времени. И выберусь отсюда. Вернется мир, и я снова отыщу Антонеллу...

Все произошло так быстро, что у Корсона сохранились лишь смутные воспоминания, какие иногда оставляет ночной кошмар. Тень Верана металась словно в калейдоскопе, так быстро, что, казалось, заполняла собой весь зал. Голубой отсвет скорлупы, писк урианских младенцев в ячейках инкубатора; вот дверь начала приоткрываться и вроде бы заскрипела, и он ощутил запах хлора, хотя знал — никакие запахи не могут проникнуть в его убежище. Потом снова бегство сквозь время, пронзительный голос Верана, который говорил так быстро, что слов Корсон почти не разобрал, крутой вираж в пространстве, приступ тошноты и падение во все сразу бездны Вселенной.

— Конец второй фазы,— провозгласил Веран.

Итак, ловушка была поставлена. Пройдут два века, а может быть, и два с половиной, прежде чем Нгал Р'Нда,

последний князь Урии, повелитель войны, вышедший из голубого яйца, устремится навстречу своей судьбе.

Время, подумал Корсон, когда грубые руки вытаскивали его из седла, время терпеливее богов.

29

Бестия спала, как ребенок. Зарывшись на полмили вглубь планеты, насытившись энергией,— ее хватило бы, чтоб своротить гору,— она хотела теперь одного,— отдохнуть. Ей предстояло произвести более восемнадцати тысяч спор, из которых появятся на свет ее детеныши, и сейчас Бестия была уязвима. Вот почему она пробралась сквозь толщу осадочных слоев до базальтового пласта и только тут устроила себе гнездо. Слабая радиоактивность породы питала ее дополнительной энергией.

Бестия видела сны. Ей снилась планета, которую она никогда не знала — родина ее предков. Жизнь там была простой и легкой. Хотя планета перестала существовать уже более пятисот миллионов лет назад (земных лет, что, впрочем, ничего не говорило Бестии) — эти картины, виденные ее далекими предками, передались ей с генами. Сейчас, когда она готовилась произвести потомство, активность хромосомных цепочек росла — видения становились все красочнее и живее. Бестии снились те, кто в незапамятные времена вывел ее породу по образу и подобию своему, те, при ком они были просто домашними животными, бесполезными, но преданными. Если бы во время первой жизни Корсона люди на Земле за тот недолгий срок, что продержали Бестию в клетке, смогли проникнуть в ее сны, они нашли бы в них ключ ко многим загадкам. На Земле так и не поняли, как Бестия, почти не общавшаяся с себе подобными, развила нечто, похожее на культуру, и даже зачатки языка. Людям были известны асоциальные или досоциальные существа, почти столь же разумные, как человек, хотя бы те же дельфины, но ни одно из них так и не смогло подняться до настоящей чле-

нораздельной речи. По теориям, принятым тогда, и до сих пор не взятым под сомнение, цивилизация и язык могли зародиться лишь при определенных условиях: они требовали стадности, перерастающей в иерархическое общество, уязвимости (ибо ни одно практически неуязвимое существо не станет заботиться о том, чтобы приспособить себя к окружающему миру или приспособить мир к своим потребностям), изобретения орудий труда (поскольку всякое существо, конечности которого от природы представляют собой орудия, необходимые в его естественной среде обитания, обречено на вырождение и упадок).

Бестии три этих закона словно бы не касались. Она не знала стадности. Была почти неуязвимой, по крайней мере, в границах человеческого понимания. Не знала и не желала знать никаких орудий труда, даже самых примитивных. Нет, не по глупости — Бестию можно было научить обращению даже со сложными механизмами. Просто она в этом не нуждалась. Когтей и гривы ей было вполне достаточно. И все же Бестия была способна общаться и даже, как полагали некоторые исследователи, пользоваться определенными символами.

Происхождение Бестии поставило еще одну почти неразрешимую проблему. Во время первой жизни Корсона экзобиология была развита уже достаточно, чтобы сравнительная эволюция успела превратиться в точную науку. Теоретически было вполне возможно, рассматривая отдельное животное, довольно точно представить себе вид, который его породил. Однако Бестия сочетала в себе признаки дюжины разных видов. Никакая внешняя среда, даже рожденная самой буйной фантазией, не могла бы привести к такому парадоксу. Поэтому на Земле ученые поначалу называли этих животных просто монстрами. Как сказал один окончательно сбитый с толку биолог лет за десять до рождения Корсона, эти монстры — единственное известное доказательство существования Бога или, на худой конец, какого-нибудь божества.

...Луч энергии коснулся Бестии не более, чем на миллиардную долю секунды. Она все еще спала и с жадностью поглотила так кстати подвернувшуюся пищу, ничуть не беспокоясь, откуда та взялась. Второе прикосновение, легкое, как касание пера, наполовину разбудило ее. Третье привело в ужас. Она умела распознавать большинство природных источников энергии, но этот источник естественным не был: что-то — или кто-то — охотилось на нее.

Бестия уже смутно догадывалась, что совершила ошибку, поглотив энергию первого луча. Этим она обнаружила себя и выдала свое убежище. И второй луч она в полусне тоже усвоила. Бестия постаралась обуздать свой аппетит, но следующий луч уже нашел ее. Слишком испуганная, чтобы совладать с собой, она не удержалась и впитала его почти весь. Когда Бестии становилось страшно, инстинкт заставлял ее поглощать как можно больше энергии, в какой бы форме та ни проявлялась. Бестия уже чувствовала, как жесткие энергетические стрелы впиваются в ее нежное тело, и заплакала над собой, бедным, слабеньким созданием, способным контролировать лишь узкий отрезок ближайшего будущего и усваивать не больше десятка природных элементов. Она оплакивала и восемнадцать тысяч невинных существ, которым уже никогда не появиться на свет...

Без малого в четырех тысячах миль от нее птицы устанавливали свое оружие под бдительным оком полковника Верана. Нейтронный луч, обшаривавший внутренности планеты, трижды поглощался в одной и той же точке. Отражение волны из этой точки было слабым и явно измененным.

— Гиппрон там,— встревоженно сказал Нгал Р'Нда.— Вы уверены, что сможете его обезвредить?

— Абсолютно,— ответил Веран, державшийся самоуверенно и даже нагло. Договор был заключен не без труда, но в его пользу. То, что лагерь был разбит под прицелом урианских орудий, мало его заботило: в запасе полковник придерживал свой главный козырь. Веран отвернулся, чтобы отдать последние приказания.

А в полумиле под землей Бестия собиралась с силами. Она чувствовала, что ее загнали в угол. Беременность зашла уже слишком далеко, и Бестия не могла перемещаться во времени: невозможно было синхронизировать развитие каждого из восемнадцати тысяч зародышей. Но они уже стали достаточно самостоятельными, чтобы помешать своей родительнице. Если возникнет реальная угроза — придется их покинуть. Это был тот случай, когда инстинкт самосохранения входил в противоречие с интересами рода. Те из детенышей, кому повезет, выживут, но большая часть не сможет синхронизироваться в настоящем и со всей своей энергией вдруг окажется на крошечном участке пространства, соприкоснувшись с занимающей это пространство материей. Энергия, освобожденная при взрыве, будет эквивалентна мощности нескольких ядерных бомб. Совсем не опасная для Бестии, она наверняка убьет ее потомство.

Можно было зарыться поглубже в кору планеты, но Бестия выбрала для своего гнезда не самое удачное место: подошедшая близко к поверхности магма привлекла ее, как тепло камина привлекает кошку. В обычном состоянии Бестия с наслаждением поплескалась бы в лаве, но сейчас не решалась — высокая температура ускоряла рождение малышей. Бестия не успела бы вовремя оказаться подальше от них и рисковала стать их первой жертвой.

Выбраться на поверхность, а там будь что будет? К несчастью для Бестии, на той огромной планете, где когда-то обитали ее далекие предки, на планете, которую она видела во сне, однажды появились гигантские хищники, для которых Бестии были лакомой добычей. И эти хищники тоже умели перемещаться во времени. Они вымерли более пятисот миллионов лет назад, но их исчезновение уже никак не могло повлиять на поведение Бестии. Память ее прародителей не запечатлела столь важного обстоятельства. Для Бестии эти пятьсот миллионов лет попросту не существовали. Она не знала, что ее род намного пережил своих создателей и первых хозяев, и что этим ее предки были обязаны своей роли домашних животных, балованных любимцев могущественной расы, погибшей в давно позабытой войне.

Наверх нельзя, прыгнуть во времени невозможно, вниз — опасно. Уже окончательно проснувшись, Бестия оплакивала свою участь.

Она почувствовала их совсем близко, самое большее — в нескольких десятках миль. В обычном состоянии первой ее реакцией было бы сместиться во времени. Но боязнь потерять малышей пересилила страх оказаться в ловушке.

Преследователи были настойчивы, и их было много. К ней приближались существа ее вида. Но это открытие не успокоило Бестию. Некогда ей случалось пожирать себе подобных, и она знала по опыту, что Бестии в период размножения представляют собой весьма желанную добычу. Откуда ей было знать, что каннибализм каким-то образом усиливал благоприятные генетические изменения и в конечном счете спасал ее род от вырождения. Возможно, сама Бестия предпочла бы половой способ размножения, если б знала о нем, но ее создателям такой вариант не приходил в голову.

Она предприняла отчаянную, безнадежную попытку ускользнуть от врагов, внезапно выбросившись из расступившихся скал на гребне фонтана из лавы, но гиппроны Верана это предвидели и принялись действовать по тщательно разработанному плану, совершенно чуждому повадкам их вида. Они рассыпались по всем направлениям сразу, по все-

му отрезку времени, в котором пыталась скрыться Бестия. Гиппроны настигли и окружили ее, как тысячелетиями раньше, на Земле, это делали приручeнные слоны, толкая боками в загон своего дикого собрата. Бестия оказалась в энергетической клетке, еще более прочной и надежной, чем клетка на борту "Архимеда". Она долго плакала, но потом смирилась и наконец заснула, вновь обретая во сне обманчивый покой на своей давно исчезнувшей планете.

30

Подошло время испытать оружие, и Корсон наслаждался размеренной, продуманной до мелочей жизнью. Каждый день, утром и вечером, он по приказу Верана учился управлять гиппронами. Солдаты-инструкторы, которым, без сомнения, было приказано следить за ним, равнодушно смотрели на его ошейник, ни разу не позволив себе замечаний по этому поводу. Между собой они, вероятно, решили, что Корсон состоит в личной охране Верана. А полковник разрабатывал варианты военной кампании в обществе Нгала Р'Нда и урианских вельмож. Ему явно удалось завоевать их доверие. С каждым днем уриан все больше убеждали его планы, и они передавали полковнику свое лучшее оружие, подробно объясняя, как оно действует. Их удивила железная дисциплина в маленькой армии Верана, но гордыня не позволяла даже на миг допустить, что человек — их слуга! — осмелится разорвать союз и стать угрозой для них. Корсон только поражался такой наивности. Деланная почтительность Верана приводила уриан в восторг. Полковник приказал, чтобы каждый его солдат уступал дорогу урианину независимо от касты. Приказ неукоснительно выполнялся, и птицы окончательно уверились, что наемники почтительны, безопасны и знают свое место. Веран, хотя и довольно туманно, заявлял, что события развиваются как нельзя лучше.

Корсон был настроен не столь радужно. На его глазах собирали великолепную военную машину. Бестия в надеж-

ной энергетической клетке готовилась произвести потомство. Было решено оставить ее на съедение ее же малышам, так как в таком возрасте она уже не поддавалась дрессировке. Корсону казалось, что объединение сил Верана и уриан приведет совсем не к тому, на что он рассчитывал. Вырваться отсюда Корсон не мог. Да и что ему потом делать со своей свободой? Придется стать зрителем. Зрителем одного из самых ужасных спектаклей в истории. Его будущее ничего не подсказывало ему. Казалось, линия судьбы Корсона уже прочерчена, и вовсе не в том направлении, какое он хотел.

Но в одну спокойную ночь эти мрачные мысли сменились совсем другими. Корсон смотрел на деревья, на мирное небо Урии и удивлялся, что их лагерь все еще не замечен, и никто из Диото или другого города не счел нужным явиться сюда и выяснить, что здесь в конце концов происходит. Как раз тогда к нему подошел Веран.

— Отличный вечер, не правда ли?

В зубах у Верана дымилась короткая сигара, хотя курил полковник редко.

Веран выпустил кольцо дыма и внезапно заявил:

— Нгал Р'Нда пригласил меня на следующее Явление Яйца. Случай, которого я и ждал. Пора от него избавляться.

Он снова затянулся своей сигарой, и Корсон не отважился на комментарии.

— Нгал Р'Нда становится все недоверчивее. Уже несколько дней он торопит меня назвать время начала боевых действий. У этого старого стервятника только битвы да резня в голове. А я не люблю войну. Гибнут лучшие солдаты, уничтожается техника. Я решаюсь на нее только если не помогают другие способы. Уверен, когда я уберу Нгала Р'Нда, можно будет начать переговоры с правительством этой планеты. Хотя странно,— такое впечатление, будто у них вообще нет правительства. Что вы об этом думаете, Корсон?

Повисла долгая пауза.

— Я так и предполагал, что вы ничего не думаете,— сказал полковник неожиданно резко.— Так вот, я отправил разведчиков во все города этой планеты. Они проникли туда без малейшего противодействия, но ничего действительно важного не узнали. В этом неудобство любой децентрализованной социальной системы. Похоже, здесь вообще нет верховного правительства, если не считать весьма ограниченной власти Нгала Р'Нда.

— Что ж,— сказал Корсон,— для ваших замыслов лучшего и не придумаешь.

Веран бросил на него быстрый взгляд.

— Это худшее, что может случиться. Как, по-вашему, я буду договариваться с правительством, которого нет?

Он принялся задумчиво рассматривать свою сигару.

— Но,— продолжал Веран,— я сказал лишь "похоже". Один из моих шпионов, похитрей других, рассказал мне любопытные вещи. У этой планеты все же есть политическая структура, но совершенно особого рода. Совет Урии, видимо, властвует сразу над несколькими столетиями и пребывает в другом времени. Лет через триста в будущем, если быть точным. Повелевать умершими и еще не родившимися...

— У них, видимо, другие представления о власти,— заметил Корсон.

— Демократия, не так ли? А, может, даже анархия? Знаю я эту песню. Свести власть людей и вещей до минимума. Но это всегда ненадолго. При первом же вторжении вся система рушится.

— Они не знали вторжений уже несколько веков.

— Ну, скоро им придется вспомнить, что это такое. Корсон, я вам еще не сказал о совсем незначительном, но забавном факте. Среди членов этого совета есть некий человек.

— И что же в этом удивительного?

— Он очень похож на вас. Я сказал бы даже, что сходство просто поразительное. Может, какой-то родственник?

— У меня нет высокопоставленных родственников,— пробормотал Корсон.

— Разведчик сам не видел этого человека. Ему не удалось получить никакого документа с его изображением. Но это все формальности. Мой агент — хороший физиономист и свое дело знает. Нет и одного шанса на миллион, что он мог ошибиться. К тому же агент — недурной рисовальщик. Он набросал по памяти ваш портрет и сунул его под нос своим информаторам. Все, кто видел этого человека, узнали вас, Корсон. Что вы на это скажете?

— Ничего,— ответил Корсон совершенно искренне.

Веран испытующе посмотрел на него.

— Вполне возможно, вы говорите правду. Мне следовало бы проверить вас на психодетекторе, но тогда вы просто сделаетесь идиотом. А послание мне отправил совсем не идиот. К несчастью, вы мне еще нужны. Когда я узнал все это, я попытался сложить два и два — и у меня не получилось четыре. Сперва я решил, что вы просто машина, андроид. Но вас проверили по всем швам, как только вы появились у нас, и мне пришлось отказаться от этой мысли. Я знаю о вас все, не знаю лишь, что происходит в вашей черепной коробке.

Вы не машина и не родились в пробирке. У вас мышление, отвага, слабости обычного человека. Вы немного ретроград в некоторых вещах, как будто явились из давно прошедшей эпохи. Если вы, Корсон, выполняете чье-то задание, то, должен признать, оказались способны выполнить его самостоятельно. Не без того, впрочем, чтобы заручиться определенными гарантиями. Этим проклятым письмом, например. Почему вы не откроете свои карты, Корсон?

— У меня нет козырей.

— Каких?

— Которые мне нужны.

— Возможно, но тогда вы мастерски ведете чужую игру. А держитесь так, будто ни о чем таком и не подозреваете.

Веран бросил окурок и раздавил его каблуком.

— Подведем итоги,— сказал он.— Эти люди способны перемещаться во времени. Они скрывают это, но они это могут. Иначе правительство, которое будет через три века, не смогло бы распоряжаться в настоящем. Им уже известно, что я собираюсь делать, и все, что случится потом, за исключением искажений во времени. И они еще ничего не предприняли ни против меня, ни против Нгала Р'Нда. А значит, по их мнению, ситуация еще не созрела. Они чего-то ожидают. Но чего?

Полковник вздохнул.

— Если только они уже не начали действовать. И если вы не член их Совета, посланный с особым заданием...

— Никогда не слышал ничего глупее,— спокойно отпарировал Корсон.

Веран отступил назад и выхватил из кобуры пистолет.

— Я могу убить вас, Корсон. Возможно, это будет равносильно самоубийству. Но вы умрете раньше меня. Вы никогда не отправите мне послания, я никогда не прилечу на эту планету и у меня не будет возможности взять вас в плен и убить, но возмущение времени окажется таким, что вы будете обезврежены. Вы перестанете быть собой. Станете другим. Что самое важное для человека? Имя, внешность, набор хромосом? Или его воспоминания, опыт, судьба — в общем, личность?

Они глядели друг на друга в упор. Наконец Веран спрятал оружие.

— Я хотел испугать вас. Признаю, что не удалось. Трудно испугать человека, который был в Эргистаэле.

Он улыбнулся.

— Почему-то я вам верю, Корсон. Возможно, вы и есть тот самый человек, который войдет в Совет Урии че-

рез три века, но откуда вам это знать сейчас? Ведь вы еще не тот человек. Вы пока только лучший козырь в руках того человека. Он не мог явиться сам, поскольку уже знает, что произойдет. Ему пришлось бы нарушить закон неубывающей информации. Но он не мог и никому довериться, поэтому решил отправить самого себя, но из более раннего отрезка своего существования, и воздействовать на ход событий лишь легкими касаниями ниже порогового уровня темпорального возмущения. Что ж, поздравляю! Вас ждет великое будущее. Если только вы до него доживете.

— Подождите! — вскрикнул Корсон. Он был бледен, опустился на землю и сжал голову руками.

Полковник прав. У него же опыт войн во времени...

— Трудно переварить, а? — усмехнулся Веран.— Никак не поймете, зачем я вам это рассказал? Бросьте ломать голову. Как только я избавлюсь от Нгала Р'Нда, отправлю вас послом к этому Совету. У меня под рукой будущий государственный муж, так почему бы его не использовать? Я уже сказал, что собираюсь вступить в переговоры. Многого не попрошу: мне нужны снаряжение, роботы, корабли, и я уйду. И оставлю эту планету в покое. Не трону ее, даже если мне удастся завоевать всю галактику.

Корсон поднял голову: — Но как вы избавитесь от Нгала Р'Нда? Похоже, его хорошо охраняют.

Веран коротко рассмеялся — смехом волка...

— Вот этого я вам не скажу. А то еще попытаетесь меня обойти. Сами все увидите.

31

Они вошли обнаженными в помещение перед залом Явления Яйца. Здесь, после ритуального омовения, их облачили в желтые туники. Корсону казалось, что он чувствует, как невидимые лучи бесчисленных датчиков ощупывают его тело, но это была лишь иллюзия — методы уриан были не столь грубы. Он знал, что Веран воспользуется своим появлением на церемонии Явления Яйца, но понятия не имел, каким образом. Почти на-

верняка у Верана не было при себе никакого оружия — уриане слишком хорошо разбирались в анатомии человека, им были известны все тайники, где можно что-то спрятать. Если Веран решил применить грубую силу, он ворвался бы сюда со всем своим отрядом верхом на гиппронах. К тому же у уриан нашлось бы, чем ответить. Нет, Веран должен был придумать что-то более изощренное.

Второй раз Корсон проходил сквозь ряды уриан, расступавшихся перед ним, но теперь следом к центру зала шел Веран...

Полковник пристально рассматривал подобие алтаря и молчал. Стал гаснуть свет. Стена за алтарем медленно раздвинулась, и из нее величественно выступил Нгал Р'Нда. Он показался Корсону даже более надменным, чем обычно. Еще бы — ведь он привлек под свои знамена двух наемников-людей. Без сомнения, перед его желтыми глазами уже стояли картины сражений, голубые штандарты Урии реяли над дымящимися руинами городов или неподвижно висели в черной пустоте на хищных клювах его звездолетов. Он грезил крестовым походом. В нем было какое-то вызывающее жалость величие — существо со столь мощным интеллектом позволило загнать себя в ловушку цвету — всего лишь цвету скорлупы яйца, суеверию, пришедшему из глубины веков, тому самому, которое Веран припечатал двумя словами — генетические фокусы.

Яйцо... Корсон понял. Сердце его наполнилось тревогой, жалостью к последнему князю Урии и невольным восхищением перед отчаянной храбростью Верана; широко открытыми глазами он следил за каждой деталью церемонии — он слышал, как Нгал Р'Нда воззвал и толпа затянула вместе с ним песнь, которую невозможно было передать человеческими словами, ибо она состояла из имен урианской генеалогии; он видел, как раскрылся металлический алтарь, и яйцо стало подниматься на своем пьедестале — огромное яйцо цвета бирюзы; шеи уриан разом вытянулись вопреки этикету, и птичьи веки забились со скоростью взмаха крыльев колибри...

Последний князь Урии открыл было клюв, но не успел ничего пропищать — в зале возникло какое-то движение. Веран растолкал окружавших его благородных уриан, рванулся вперед, схватил Нгала Р'Нда левой рукой за шею и, показывая правой на яйцо, закричал:

— Самозванец! Пиекиво! Пиекиво!

Корсон и без перевода догадался, что на птичьем языке уриан слово это означает "обманщик".

— Яйцо,— кричал Веран,— перекрашено. Негодяй вас обманывал. Я докажу!

Уриане замерли.

Это и есть тот шанс, отстраненно подумал Корсон, шанс, на который рассчитывал Веран, ибо даже уриане высших каст не имеют права входить в зал Явления Яйца с оружием.

Веран коснулся скорлупы, и там, где легла его ладонь, яйцо потеряло лазурный блеск и приобрело цвет слоновой кости.

Ловко, думал Корсон, задыхаясь и уже предвидя скорый конец, хотя уриане, казалось, совсем перестали обращать на него внимание.— Но ведь это не так просто, как смыть краску... Нужен был какой-то химический реактив, чтобы нейтрализовать пигмент, которым воспользовался Веран — двести пятьдесят лет назад или на прошлой неделе. Полковник не мог принести его с собой: приборы уриан засекли бы даже спрятанную во рту капсулу. Если же он нанес его на ладонь перед тем, как войти сюда... тогда ритуальное омовение обретало особый смысл. Не помогла бы никакая хитрость.

И тут Корсон догадался. Даже раздетый, даже трижды вымытый жесткой губкой, Веран все равно имел при себе активный реагент, одновременно кислый и щелочной, едкий и жидкий.

Пот на ладонях.

На скорлупе яйца продолжалась реакция. Одна за другой распадались молекулярные цепочки, краситель разлагался на бесцветные составляющие или, скорее всего, просто исчезал. Веран не любил оставлять следов.

В толпе раздался отрывистый свист. Когти впились в плечи Корсона, но он и не пытался сопротивляться. Веран отпустил Нгала Р'Нда, и тот, судорожно разевая клюв, пытался прийти в себя. Несколько уриан в фиолетовых туниках держали полковника, который рычал:

— Я доказал это! Я доказал! Яйцо белое! Ваш князь — самозванец!

Нгал Р'Нда наконец смог заговорить:

— Он лжет. Он его покрасил. Я видел. Он должен умереть.

— Разбейте яйцо! — кричал Веран.— Разбейте! Если я лгу, внутри оно будет голубым. Разбейте же яйцо!

Нгал Р'Нда повернулся к залу. Уриане образовали вокруг него кольцо, еще почтительное, но уже почти угрожающее. Подданные князя Урии трепетали перед птицей, родившейся из голубого яйца, но не перед военным вождем. Он что-то пронзительно просвистел — свист вышел какой-то усталый и неуверенный. Корсон не мог его понять, но смысл был ясен:

— Я должен разбить яйцо?

Молчание. Но вот из толпы раздался ответный свист — короткий и безжалостный.

Нгал Р'Нда опустил голову.

— Я разобью яйцо, которое должно быть превращено в пыль лишь после моей смерти и смешано с моим прахом. Я, последний князь Урии, буду единственным из моего древнего рода, кто во второй раз разобьет, еще при жизни, голубое яйцо, из которого вышел.

Он схватил когтями яйцо, приподнял и сбросил его с алтаря. Осколки скорлупы рассыпались по полу. Нгал Р'Нда поднял один из тех, что лежали у подножия, и поднес к глазам. Глаза сразу потухли. Он пошатнулся и осел на пол.

К нему подбежал один из благородных урианин, схватил за край голубой тоги и резко дернул. Ткань не поддалась, и Нгала Р'Нда поволокли как мешок. Началась свалка. Корсон почувствовал, что его отпустили и грубо пихают. Он упал, отчаянно отталкивая ногами урианин, бежавших прямо по нему. Наконец толпа схлынула. Опьяненные яростью птицы на его глазах рвали в клочья того, кто был последним князем Урии. Остро запахло хлором и мочой.

Кто-то тронул Корсона за локоть. Веран.

— Нам лучше уйти, пока они не задумались, как я все это проделал.

Они не спеша направились прочь под неистовые крики птиц. Перед выходом полковник обернулся и пожал плечами.

— Так кончают все фанатики...

32

Каждые десять лет он выбирался из седла, подходил к прохожим и спрашивал:

— Какой сейчас год?

Одни падали в обморок. Другие убегали. Третьи просто исчезали,— те, кто умел перемещаться во времени. Но всегда находился кто-то, кто отвечал. Без малейшего страха они глядели на человека и Бестию и улыбались. Старик. Мальчишка. Урианин. Женщина.

Второй вопрос вертелся у Корсона на языке:

— Вы знаете, кто я?

Их улыбка и участие казались ему чем-то невероятным. Они знали о нем. И были как бы хранителями, маяками на его пути. Но они говорили ему только год и число, а если он пытался продолжить разговор, отвечали уклончиво, а то и просто замолкали. Даже ребенок. И Корсон ничего не мог с ними поделать. За шесть тысяч лет их развитие ушло слишком далеко. А он так недолго варился в этом котле, что был для них варваром, хотя и знал то, чего еще не знали они.

Когда он заметил урианина, то чуть было не сделал глупость, собравшись скрыться во времени. Но огромная птица сделала дружелюбный жест. Она была закутана в белую, богато вышитую тунику и спросила с гримасой, которую Корсон решил принять за улыбку:

— Чего вы испугались, сын мой?

Это поразительное сходство с Нгалом Р'Нда... Оно-то и смутило Корсона. Но теперь он видел, что у них мало общего — разве что преклонный возраст.

— Мне кажется, я знаю вас,— произнес урианин.— В смутное время вы появились из небытия. Я был тогда птенцом, едва вылупившимся из яйца. Если память мне не изменяет, я сопровождал вас во время омовения и подавал пищу перед тем как представить для присутствия на какой-то древней церемонии. Многое с тех пор изменилось. И, поверьте, к лучшему. Я очень рад, что встретил вас снова. Что вы хотите знать?

— Я ищу Совет Урии,— ответил Корсон.— Мне нужно передать ему сообщение, и не одно.

— Вы найдете Совет на берегу моря, к западу отсюда, в двадцати милях. Только вам придется подождать лет сто двадцать-сто тридцать.

— Благодарю вас,— сказал Корсон.— Ждать не понадобится. Я путешествую во времени.

— Не сомневаюсь. "Подождать" — это просто так говорится. У вас красивое животное.

— Его зовут Арчи,— улыбнулся Корсон.— В память о прошлом.

Он повернулся, чтобы забраться в седло, но урианин удержал его:

— Хотел бы надеяться, что вы не в обиде на нас. Это была роковая случайность. Тирания всегда порождает насилие. А мы всего лишь игрушки в руках богов. Они заставляют нас воевать, чтобы насладиться зрелищем. А сами только дергают за ниточки. Вы очень тонко распутали тогда этот узел.

Другой мог бы вызвать настоящую резню. Поверьте, все урианс очень благодарны вам...

— Все... и вы тоже?

— И древняя раса, и люди. Я же сказал: все урианс.

— Все урианс...— задумчиво повторил Корсон.— Приятная новость.

— Счастливого путешествия, сын мой,— попрощался старик.

Итак, подумал Корсон, стараясь разглядеть что-нибудь сквозь толщу зеленоватого тумана, который поднимался от земли и обволакивал его,— птицы и земляне больше не враги. Это добрая весть. Урианс сумели изгнать из себя демонов войны. Их род не обречен, как ему думалось раньше...

Он уже неплохо знал планету. Бухточка и песчаный пляж что-то смутно напомнили ему. Ну конечно, это сюда приводила его Антонелла. Совпадение?

Корсон решил отправиться к морю через Диото. Он и сам не знал, с чего ему так этого захотелось. Что-то вроде паломничества. Он синхронизировал гиппрона высоко над землей и поднял глаза, отыскивая в небе пирамидальное облако города, словно бы покоящегося на двух своих вертикальных реках.

Но небо было пустым.

Корсон проверил координаты. Ошибиться он не мог: там, в небе, за сто пятьдесят лет до этого парил удивительный город. Теперь от него не осталось и следа.

Он поглядел вниз — впадина, очерченная тремя поросшими травой склонами. Во впадине — озеро. Корсон прищурился, чтобы лучше видеть. Острая скала торчала из воды в самой середине. Вокруг нее мелкие волны разбивались о невидимые глыбы, лишь слегка скрытые водой. Густая трава, покрывавшая берег, росла на развалинах.

Город был разрушен, а из вертикальных рек образовалось это озеро. Подземные потоки все время подпитывали его, а маленький ручеек, бежавший из озера, уносил избыток воды. Диото больше не существовал. Сила, поддерживавшая на километровой высоте его величественные башни, иссякла, и это случилось уже давно, может быть, век назад, судя по тому, какой густой травой успели порасти руины.

Корсон с грустью вспомнил оживление, царившее на вертикальных и горизонтальных улицах, рой пестрых аппаратов, вылетавших из города, как из улья, магазин, в котором он пытался украсть еду, чтобы не умереть с голоду, и даже бестелесный голос, отчитавший его за это с изысканной вежливостью. И еще он вспомнил женщин Диото.

Диото был мертв, как многие другие города, над которыми пронесся ураган войны. В темных глубинах озера, возможно, покоилось тело Флории ван Нейль, которая, сама того не желая, ввела его в этот странный мир.

Старый урианин солгал. Просто посмеялся над ним. Война была, и люди потерпели в ней поражение. От их городов остались лишь руины. Ему хотелось надеяться, что Флория ван Нейль не успела этого понять. Она не была готова к такой войне, вообще ни к какой войне. Уцелей она после катастрофы — стала бы игрушкой наемников Верана или, еще хуже, добычей не знающих жалости крестоносцев преемника Нгала Р'Нда.

А он, Корсон, проиграл.

Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не поддаться искушению прыгнуть обратно в прошлое. Он вспомнил свой сон, разрушенный почти на его глазах город и крики людей, слишком поздно узнавших свою судьбу. Нет, он не вернется, по крайней мере, сейчас. Его ждала встреча в будущем, и уклониться он не мог. Если на планете действительно существует Совет, Корсон должен увидеть его собственными глазами и решить, возможно ли еще повернуть на другую дорогу тяжелую повозку истории. Вот тогда он вернется назад, чтобы отыскать в прошлом то, что сработало не так.

И если даже он ничего больше сделать не сможет, он убьет Верана... Надтреснутый колокол ударил в его голове. Убив Верана, он умрет. Ошейник вонзит ему в горло отравленные шипы. Он не должен даже думать о том, чтобы вступить в схватку с полковником. Это самоубийство. А он не мог позволить себе исчезнуть сейчас.

Корсон заставил себя не думать о мести, опустошенно забрался в седло и подстегнул гиппрона.

Медленно продвигаясь вперед, он заметил, что время было серым. В непроницаемом тумане веков, где смешались ночь и день, он вдруг почувствовал, что гиппрон перестал ему повиноваться. Пальцы Корсона лихорадочно перебирали гриву животного — все напрасно. Обессилев или подчиняясь чужой воле, гиппрон хотел синхронизироваться. Не в силах сладить с ним, Корсон решил предоставить животное самому себе.

...И услышал шум моря. Медленный, монотонный плеск. Он оказался на песчаном пляже, освещенном золотыми лучами заходящего солнца. Это удивило его. Гиппроны обычно синхронизируются только днем, чтобы насытиться солнечной энергией. Чем же этого привлекли сумерки?

Корсон изумленно раскрыл глаза. На песке, прямо перед ним, неподвижно лежали три обнаженных тела. Он сорвал шлем и вдохнул теплый воздух.

Три обнаженных тела, наверное уже мертвых,— вот все, что осталось от Совета Урии. Мужчина и две женщины в пене прибоя, словно выброшенные волнами жертвы ужасного кораблекрушения...

33

Корсон подошел ближе, и мужчина вдруг зашевелился. Привстал, опираясь на локоть, оглядел появившегося. Он улыбался и вовсе не выглядел несчастным.

— А,— заговорил он,— вы тот самый человек из Эргистаэла. Я ждал вас.

Корсон наконец обрел дар речи:

— Совет...

— Он здесь,— ответил мужчина,— Совет Урии на тысячу лет.

Корсон наклонился к нему.

— Вам нужна какая-нибудь помощь?

— Не думаю. Присядьте же.

— А эти женщины...— начал Корсон, опускаясь на песок.

— Они в контакте. Не надо им мешать.

— В контакте?

— У нас много времени, еще наговоримся. Прекрасный вечер, не правда ли?

Мужчина принялся разгребать песок и откопал хрустальную бутыль. Отпил из нее и протянул Корсону:

— Глотните, дружище, а то вам, кажется, не по себе.

Корсон открыл было рот, но передумал. Если этот бедняга считает, что у них много времени, зачем с ним спорить? Он поднес хрусталь к губам и поперхнулся от удивления — вино было холодным.

— Вам не нравится вино? — спросила жертва кораблекрушения.

— Лучшего никогда не пил,— честно признался Корсон.

— В таком случае доканчивайте бутылку, мой друг. У нас найдется еще.

Корсон стянул с рук перчатки — так было удобнее де-

ржать бутыль. Второй глоток согрел его. Он даже забыл, где оказался и что происходит.

— Хотите перекусить? — спохватился он.— У меня есть несколько банок с сухими рационами.

— Благодарю вас,— отозвался мужчина.— Я предпочитаю цыпленка или икру, или печеную на угольях телятину. Как глупо, что я сразу вам этого не предложил. Вы, должно быть, проголодались после такого путешествия.

Он встал на колени, живо отгреб несколько пригоршней песка и вытащил серебряный контейнер. Приподнял крышку и с наслаждением понюхал.

— Располагайтесь и ешьте руками. У нас тут по-простому.

— Я видел Диото...— начал Корсон.

— Красивый город,— кивнул мужчина.— Правда, несколько старомодный.

— Он на дне озера. Война полностью его разрушила.

Мужчина сел, удивленно глядя на Корсона.

— Какая война?

И вдруг негромко рассмеялся:

— Ах, да! Вы же появились из смутного времени. Конечно, это было для вас ударом. Вы ведь не могли знать...

— Что я не мог знать? — спросил Корсон с закипающим раздражением.

— Люди покинули Диото. Просто покинули. Никто его не разрушал. Этот город больше не отвечал нашим представлениям о жизни.

Корсон попытался переварить услышанное.

— И как вы живете?

— Сами видите. Очень просто. Мы погружаемся в медитацию и готовимся к...

Он помолчал и закончил:

— ...К будущему.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь? — сказал Корсон, обтирая руки о песок, чтобы очистить их от жира половины сочного цыпленка.

— Нам нужны вы, Корсон. Но не сейчас и не здесь.

— Вы и впрямь уверены, что у вас есть все необходимое? — допытывался Корсон недоверчиво.

— Разве похоже, что мне чего-то недостает? Может быть, одежды? Так мы ее больше не носим.

— А пища, лекарства? Мне не верится, чтобы весь пляж был нашпигован бутылками с вином и контейнерами с едой. Что вы станете делать, когда запасы иссякнут?

Мужчина задумчиво глядел на море.

— В самом деле,— сказал он,— это никогда не приходило мне в голову. Думаю, что...

Корсон прервал его:

— Очнитесь! Вы что, сумасшедший? Или слепой? Надо научиться ловить рыбу в этом море, охотиться в лесах. Вы же не хотите умереть с голоду?

— Ну, до такого не дойдет,— сказал мужчина, посмотрел на Корсона в упор и одним движением поднялся. Он был хорошо сложен, длинноволос, мускулист и ростом выше Корсона.— Откуда, по-вашему, взялась эта бутыль?

— Не знаю.

— Когда у нас кончится вино, мы закажем еще.

— А,— просиял Корсон.— Вы живете на холмах и пришли сюда на пикник. А там у вас слуги или роботы.

Человек покачал головой.

— На холмах нет ни дворца, ни даже лачуги, ни слуг, ни роботов. Мне кажется, миль на тридцать вокруг не найдется ни одной живой души. Я вижу, вы не понимаете наш образ жизни. У нас нет другой крыши над головой, кроме неба, нет постели, кроме песка, нет покрывал, кроме ветра. Может быть, вам здесь слишком жарко или холодно? Я в два счета все улажу.

— Откуда же это взялось? — раздраженно спросил Корсон, поддев ногой пустую бутыль.

— Из другой эпохи. Из будущего века или из прошлого, понятия не имею. Мы решили оставить нетронутыми эти несколько десятилетий. Весьма приятное место для отдыха и развлечений. Разумеется, мы регулируем климат, но в эту эпоху на всей планете вы не найдете ни одной машины. Те, что необходимы, спрятаны за кулисами времени. Если нам что-то понадобится, один из нас входит в контакт и заказывает. Нам присылают все, что нужно.

— А Диото?

— Однажды мы поняли, что идем по неверному пути. И решили испробовать другой.

— Вот этот? — недоверчиво спросил Корсон.

— Именно.

Корсон меланхолично разглядывал море, видел закат, красивый, как на картинке, но какая-то тревога поднималась в нем и искала выхода. Спокойное море лизало скалы в нескольких шагах от него, словно совсем ручной зверь. Невидимое солнце подсвечивало облака. Корсон невольно стал искать в небе луну, но ее там не было. Загорающиеся созвездия, теперь знакомые ему, были рассыпаны во множестве и бросали бледный отсвет на темный мир.

— Красиво, не правда ли? — поинтересовался собеседник.

— Красиво,— согласился Корсон.

Он бросил несмелый взгляд туда, где лежали женщины — погруженные в кому или, может быть, спящие. Валяются себе голыми, и хоть бы что. Он шагнул к той, кого принял за Антонеллу; мужчина жестом остановил его.

— Не мешайте им. У них совещание, и речь идет о вас. Они в контакте с Эргистаэлом.

— Антонелла...— произнес Корсон.

Мужчина опустил глаза.

— Антонеллы здесь нет Вы увидите ее. Но позже.

— Она еще не знает меня.

— Да,— голос был тихим и мягким, как будто человек пожалел, что завел этот разговор.— Ей еще предстоит научиться вас узнавать.

Он помолчал.

— Не надо на нас за это сердиться.

Затем быстро переменил тему:

— Хотите поспать или предпочитаете сразу говорить о делах?

— Спать я не хочу,— ответил Корсон,— но мне надо немного поразмыслить.

— Как вам будет угодно,— слегка поклонился мужчина.

Корсон долго молча сидел на песке, опершись локтями о колени. Солнце зашло. Морская гладь покачивала отражения звезд, воздух был теплым, как человеческое тело. Немного погодя Корсон скинул комбинезон и сапоги. Он еще не решался раздеться догола, но чувствовал, что ему все больше этого хочется. И еще хотелось броситься в волны и плыть, плыть, забывая о богах войны. Приливы здесь должны быть слабыми — у планеты нет спутника. Только далекое светило заставляет море чуть колебаться.

Потом он стряхнул оцепенение и заговорил,— сперва неуверенно, как будто сам с собой, как будто боялся нарушить хрупкую тишину ночи или разбудить врага. Но постепенно голос его окреп.

— Я посланец,— говорил он,— но посланец особого рода. Я был солдатом. Скитался во времени. Слышал богов Эргистаэла. Я узнал три опасности, что угрожают миру на Урии. Первая — животное, вроде того, на котором я прибыл сюда, но дикое и хищное. Вторая — заговор коренной расы против людей. Третья опасность — наемник, появившийся из ниоткуда и утверждающий, что я сам призвал его на Урию. Я здесь по его приказу. Но говорю и от своего

имени. Я хочу избавить планету от всех трех опасностей, но не знаю как — и надеюсь найти у вас поддержку, хотя боги Эргистаэла и сказали мне, что я должен рассчитывать только на себя. Если я это сделаю, сказали они, то обрету свободу и, может быть, даже нечто большее. Но я понимаю, что такое не в моих силах.

— Я знаю все это,— отозвался мужчина.— Полдела уже сделано. Для человека из старых времен вы очень неплохо справляетесь, Корсон.

— Бестия в клетке,— сказал Корсон,— а заговор не удался. Не знаю, способен ли я на большее. Остается Веран, повелитель войны, и я, по иронии судьбы, попал сюда в качестве его представителя.

Мужчина ковырнул ногой песок.

— Желаете немного вина? — спросил он с изысканной вежливостью.

— Этот Веран хочет завоевать Вселенную,— продолжал Корсон, отпив глоток.— Он требует оружия и солдат или роботов. Взамен обещает оставить Урию в покое. Но я не доверяю ему. Кроме того, если Служба Безопасности попытается остановить его, война неизбежна. И разразится она на вашей планете, ведь Веран не позволит так легко избавиться от себя.

— Вы и есть Служба Безопасности,— спокойно сказал мужчина.— В нашем прошлом не было войны.

— Вы хотите сказать, что я...— пробормотал Корсон.

— Представитель Службы в той эпохе. И именно вы должны предотвратить войну.

— Войны не было,— медленно проговорил Корсон.— Поэтому вы здесь. Значит, я задачу выполнил. Но это противоречит закону неубывающей информации.

Мужчина пересыпал в ладонях горсть песка.

— И да, и нет. Все не так просто. Закон неубывающей информации — лишь частный случай.

— Но тогда будущее может вмешиваться в прошлое?

Песок просыпался сквозь пальцы.

— Одни вмешательства не влекут заметных последствий, другие весьма опасны, и лишь некоторые бывают полезными, по крайней мере, с точки зрения заинтересованного наблюдателя. Вашей, например. Или моей. Или Верана. Контроль времени немного напоминает экологию. Представьте себе мир, населенный насекомыми, птицами и травоядными. Насекомые взрыхляют почву, что благоприятствует росту травы. Птицы поедают насекомых. Те и другие опыляют цветы. Травоядные поедают растительность.

Их выделения и трупы служат пищей насекомым и удобряют почву. Таково наиболее простое экологическое сообщество. Вы можете раздавить одно насекомое, или дюжину, и ничего не произойдет. Вы можете перебить целую стаю птиц или питаться мясом травоядных, не нарушая равновесия. Но если вы уничтожите всех насекомых на континенте, птицы покинут его или умрут от голода. Через несколько лет погибнет трава. Тогда, в свою очередь, исчезнут травоядные. Останется пустыня. И так будет, если вы серьезно ослабите любое из звеньев цепи. Для каждого вида существует свой порог. Он может показаться вам очень завышенным. Но представьте себе, что на эту планету завезли стаю сильных и свирепых хищников, которые будут питаться травоядными. Поначалу они затеряются на громадных просторах планеты, и вы сможете годами прочесывать равнины, ни разу не напав на их след. Но со временем, не встречая никаких врагов, они так размножатся, что число травоядных сильно сократится. От этого пострадают насекомые, затем птицы, затем растения. Травоядные окажутся под двойной угрозой. А сами хищники начнут вымирать от голода. При благоприятных условиях возникнет новое равновесие, совсем иное, чем было вначале и, скорее всего, нестабильное. Животные обоих видов будут переживать циклы изобилия и голода. Критический уровень станет теперь гораздо ниже: одной пары хищников может оказаться достаточно, чтобы пустить эволюцию в совершенно непредвиденном направлении! Для динамической экологии значение имеет не какое-то одно звено в этой цепи, но все ее звенья вместе. Этим эволюция защищена от спонтанных поворотов. Она слагается из слабых, но в конце концов решающих изменений. Чтобы спастись от хищников, травоядные научатся быстро бегать. Более длинные конечности помогут им выжить.

Сохранить в неизменности все пропорции — это необходимо и при действиях во времени. Но экологические проблемы просты как дважды два рядом с проблемами времени. Вы можете срыть огромную гору или погасить звезду, но в вашем собственном прошлом не произойдет ничего серьезного. Вы можете даже уничтожить цивилизацию на какой-то планете, но и это, с вашей точки зрения, не повлечет никаких неблагоприятных последствий. Но стоит вам только отдавить человеку ногу, и ваш мир встанет на голову. У каждой точки во Вселенной есть своя экологическая вселенная. Абсолютной истории нет.

— А как предвидеть последствия? — спросил Корсон.

— Это можно рассчитать. Кроме того, доля интуиции и опыт. И лучше всего видеть вещи с высоты, как можно дальше из будущего. Легче и удобнее прослеживать пути, которые могли привести к настоящему, чем прокладывать их в будущее. Вот почему Эргистаэл входит с нами в контакт.

Он показал на лежащих женщин.

— Боги Эргистаэла не могут сказать нам всего, не могут допустить изменений в истории, которые стерли бы из времени их самих. Они — у самого конца времен. Все пути ведут к ним. История для них почти абсолютна. Почти завершена. И потому мы должны сами исполнять свое предназначение, даже если наша судьба станет лишь частью более обширного действия.

— Понимаю,— сказал Корсон.— И мне кажется, что я только пешка на шахматной доске. В дебюте я верил, что двигаюсь сам. Но чем лучше понимал игру, тем яснее видел, что кто-то переставляет меня с клетки на клетку...

Он секунду поколебался.

— ...Я даже думал, что игру ведете вы. Что этот план — ваш.

Собеседник покачал головой:

— Вы ошибались. Не мы придумали этот план.

— Но вы знаете все, что случилось!

— Не совсем. Для нас вы — чужеродный фактор, проявившийся в заданной точке, чтобы найти выход из кризиса. Мы все время думали, что этот план создали вы.

— Я? — поразился Корсон.

— Да, и никто другой.

— Я даже не составил свой план до конца.

— У вас есть для этого время.

— Но он уже исполняется!

— Это значит лишь, что план возникнет.

— А если мне не удастся...— спросил Корсон.

— Вы ничего об этом не узнаете, впрочем, как и мы.

Одна из женщин зашевелилась. Она перекатилась на спину, села, внимательно взглянула на Корсона и улыбнулась. Лет тридцати. Лицо ее было Корсону незнакомо. Взгляд женщины еще оставался пустым — она с трудом возвращалась к реальности после слишком долгой медитации.

— Да неужели! — воскликнула она.— Знаменитый Корсон с нами?

— Пока у меня нет никаких оснований считать себя знаменитым,— сухо ответил Корсон. (До последнего момента он все надеялся, что это Антонелла.)

— Не дразните его, Сельма,— вступился за Корсона

мужчина.— Ему предстоит проделать долгий путь, и он немного растерялся.

— Не съем же я его,— засмеялась Сельма.

— Он всем нам нужен,— не поддержал шутку мужчина.

— Ну и кто вы теперь? — поинтересовалась Сельма у Корсона.

— Я прибыл как посол...— замялся тот.

— Это я знаю. Слышала, как вы говорили с Сидом. Лучше скажите, к чему вы пришли в своих раздумьях.

— Я мог бы избавиться от Верана, не отправив ему этого послания — ведь все уверяют меня, что именно я это сделал. Но, по правде сказать, я не смог бы его даже написать, и уж тем более не знаю, как переправить его Верану.

— По креодам, разумеется,— сказала Сельма.— Я все улажу, когда захотите. Думаю, в Эргистаэле разрешат передать послание.

— Предположим, что вы его не отправите,— вмешался мужчина, которого Сельма назвала Сидом.— Кто тогда займется Бестией и князем Урии? Нет, это не выход. Веран — часть вашего плана. Вы не можете так запросто выбросить его.

— Боюсь, что вы правы,— поморщился Корсон.— Полагаю даже, что мысль воспользоваться его помощью пришла мне в голову после того, как я встретился с ним в Эргистаэле. Но я еще не совсем уверен. Ведь на самом деле эта идея появится у меня позже.

— Для дикаря он умнеет поразительно быстро,— вставила Сельма.

Сид нахмурил брови.

— Корсон не дикарь. Он был в Эргистаэле. И не удовольствовался единственным контактом.

— Верно,— обиженно сказала Сельма,— я и забыла.

Она вскочила и побежала к волнам.

— Но кто же займется Вераном? — задумчиво произнес Корсон.

— Вы,— коротко ответил Сид.

— Я не могу его убить. Не могу даже ничего замыслить против него.

— Ошейник?

У Корсона мелькнуло что-то, похожее на надежду:

— Вы можете избавить меня от него?

— Нет,— сказал Сид.— Мы не можем. Веран родился в нашем будущем. Его техника куда совершеннее нашей.

— Значит,— заключил Корсон,— выхода у меня нет.

— Есть. Иначе вас бы здесь не было. Существует по

меньшей мере одна линия вероятности — мы называем ее креодой — по которой вы приведете план к завершению. Не знаю, хорошо ли вы все это понимаете, но ваше будущее зависит от вас, Корсон. И в самом прямом смысле.

— Похоже, это скорее я от него завишу...

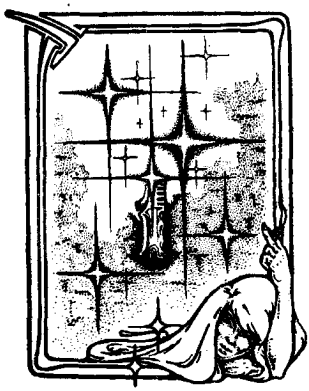
— Что в общем-то одно и то же. Видите ли, на протяжении долгого времени людей занимала загадка непрерывности бытия. Будет человек, проснувшийся утром, тем же, что заснул накануне? Не становится ли сон абсолютным перерывом в существовании? И почему некоторые мысли, некоторые воспоминания полностью исчезают из сознания, а потом вдруг вновь возникают откуда-то? Что это — единство бытия или наслоение многих существований? И вот кто-то однажды отыскал истину: человек, с тех пор как он обрел способность мыслить, ничего не знает о большей части своего существа. И сегодня мы почти в тех же словах задаем почти те же вопросы. Как связаны между собой вероятности? Что соединяет прошлое, настоящее и будущее человека? Детство ли определяет зрелость, или это зрелость потом придумывает детство? Мы не знаем о себе главного, и не будем знать еще очень долго, но нам надо жить с тем немногим, что мы пока знаем.

К ним подошла Сельма, вся в капельках воды.

— Вам надо поспать, Корсон,— сказал Сид.— Вы устали. Может быть, вы встретитесь во сне с вашим будущим.

— Попробую,— не стал спорить Корсон.— Обещаю попробовать.

И растянулся на песке.



34

Корсон проснулся — и почувствовал, что рядом кто-то есть. Он открыл глаза и тут же зажмурился, ослепленный полуденным солнцем. Повернувшись набок, попытался было заснуть опять, но не смог: кроме настойчивого и монотонного плеска волн он ясно слышал теперь чье-то легкое дыхание. Он снова открыл глаза и увидел песок. Рядом с его щекой ветер намел миниа-

тюрную дюну и теперь старательно разрушал этот маленький холмик. Он проснулся окончательно и сел. Возле него стояла на коленях молодая женщина.

— Антонелла! — выдохнул он.

На ней была короткая туника.

— Джордж Корсон,— сказала она недоверчиво.

Он окинул взглядом пляж. Сид, Сельма и вторая женщина куда-то исчезли. Та, что была Антонеллой, поднялась и отступила на несколько шагов, будто застеснялась, что Корсон увидел, как она смотрит на него.

— Вы знаете меня? — спросил он.

— Я никогда вас не видела. Но слышала, как о вас говорили. Вы должны спасти Урию.

Он присмотрелся внимательнее. Одета, а все остальные ходили обнаженными. Видно, что из другой эпохи, когда еще было в обычае носить одежду, и пока не дошла до простоты манер членов Совета. Она была моложе, чем Антонелла его воспоминаний, гораздо моложе, почти девочка. Он не знал, сколько лет разделяло для нее две их встречи. Для него-то эти годы сжались до нескольких месяцев. Он отчетливо помнил ту, прежнюю Антонеллу. Вот странно, встретить кого-то, с кем ты попадал в самые невероятные приключения, и увидеть, что он еще даже не знаком с тобой. Корсону показалось, что он говорит с человеком, потерявшим память.

— Правда, что вы были на войне? — спросила она с ноткой осуждения в голосе, но не без любопытства.

— Да,— ответил Корсон.— Это ужасно неприятно.

Девушка задумалась.

— Я просто хотела вас спросить... Я не знаю, можно ли...

— Можно.

Она покраснела.

— Вы кого-нибудь убили, мистер Корсон?

Ну и дрянь эта соплячка, пронеслось у него в голове.

— Нет,— ответил он.— Я был чем-то вроде инженера. Я никого не задушил и никому не перерезал горло своими руками, если это все, о чем вы хотели спросить.

— Я так и знала! — радостно воскликнула она.

— Но я нажимал на кнопки,— безжалостно добавил Корсон.

Этого девушка не поняла.

— Хотите сигарету? — спросила она, достав из складок туники портсигар. Тот самый портсигар...

-- Нет, спасибо,— ответил он, хотя рот у него наполнился вязкой слюной.— Я уже давно не курю.

Она мягко настаивала:

— Это настоящий табак, не синтетика какая-нибудь...

— Нет, правда,— сказал он.— Я бросил курить.

— Как и все здесь. Одна я никак не отвыкну.

Но все же отложила портсигар в сторону.

Как я мог ее любить? — подумал Корсон. Она же просто пустышка. Дело в возрасте или обстоятельствах? Когда же я мог влюбиться в нее? Он стал вспоминать: их приключения всплывали, как пузырьки газа из трясины. Эргистаэл. Воздушный шар. Драка с вербовщиком. Планета-мавзолей, побег, несколько часов в лагере Верана...

Нет, раньше. Гораздо раньше. Он напряг память. Это случилось в ту минуту, когда он ее обнял. Нет, как раз перед тем, как он ее обнял, он тогда еще подумал, что в жизни не встречал столь соблазнительной женщины. Но она же не показалась ему такой с первого взгляда. Он влюбился в нее, когда вспыхнул огонек зажигалки. Решил тогда, что это гипнотические штучки и был уверен, что она хочет заставить его говорить. А она только хотела, чтобы он любил ее. И добилась своего. Ничего удивительного, что она так лукаво улыбнулась, когда он спросил, почему же она не предвидела, что ее уловка не сработает. Интересно, это было в обычаях Диото? Он начал злиться. Но быстро успокоился. Во все времена женщины ставили ловушки для мужчин, так уж они устроены, какой с них спрос?

Бросить бы ее в лагере Верана, пусть знает, что у мужчин свои методы, подумал Корсон. Но нет, этого он не сделает. Потому что именно там он полюбил ее по-настоящему. Когда она проявила выдержку и хладнокровие. И потом, на планете-мавзолее, где она была такой испуганной, растерянной и слабой.

Впрочем, у него нет выбора. Он пойдет вызволять ее — и самого себя — из когтей Верана. Подбросит им сумку с сдой на планете-мавзолее. До этого момента его судьба предопределена. Он не мог уклониться от нее, не рискуя вызвать изменения в своем прошлом. А дальше? После того, как он отправит письмо, придется ли ему добывать для Верана оружие и солдат, которых требовал этот дезертир из Эргистаэла?

Все казалось абсурдом. Почему другой Корсон после побега оставил их на планете-мавзолее? Был ли этот промежуточный ход обязательным, было ли это место пере-

крестком времени? Но Корсон начинал уже неплохо понимать дороги времени и не сомневался, почти не сомневался, что ничего подобного быть не могло. Когда побег удался, он мог с таким же успехом доставить беглецов хотя бы сюда, на этот пляж, где расположился Совет Урии, а потом в одиночку отправиться обратно в Эргистаэл, если это было необходимо. Было. Корсон это знал. В Эргистаэле он стал другим. И научился многому, что уже помогло ему или поможет в выполнении его плана позже...

Он вспомнил о металлической табличке, которая лежала на виду, прямо на сумке с едой, перед дверью мавзолея. Тогда он не понял смысла этой записки. Корсон порылся в карманах комбинезона — табличка была там, хотя он не раз менял одежду. Должно быть, машинально перекладывал все вещи из карманов...

Часть текста уже стерлась. Но оставшиеся буквы казались глубоко впечатанными в металл:

ДАЖЕ ПУСТЫЕ УПАКОВКИ МОГУТ ИНОГДА ПРИГОДИТЬСЯ. ВОЕВАТЬ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ. ПОМНИ ЭТО.

Корсон тихо присвистнул сквозь зубы. Пустые упаковки — это, конечно, полуживые женщины из мавзолея. Он подумал, что им можно было бы вживить искусственные личности и использовать их как роботов. Он ведь сначала даже принял их за андроидов. Но пупок на животе каждой не оставлял сомнений: когда-то эти женщины жили. И умерли, хотя замедленные жизненные процессы в их телах могли убедить в обратном. Он насчитал больше миллиона, а ведь не дошел, даже не увидел конца мавзолея.

Это была великолепная потенциальная армия. Такое войско удовлетворит самые безумные амбиции Верана. Но с одной оговоркой. Женщины. Когда в лагере появилась Антонелла, полковник посчитал, что не мешало бы усилить дисциплину. Веран был уверен в своих людях, но уверен не до конца. Он не боялся, что его предадут ради денег или из честолюбия. Но у физиологии свои законы, и полковник предпочитал с ними считаться.

Корсон поднес руки к горлу. Ошейник был на месте, настолько легкий, что порой он совсем забывал о нем. Прочный. Холодный. Бездушный и опасный, как гремучая змея. Но змея пока спала: мысль набрать армию из полуживых женщин не содержала враждебных намерений.

Он склонился над песком в приступе рвоты, сознавая, что Антонелла смотрит на него. При мысли, что надо ис-

пользовать полуживых, его просто выворачивало. Как это в духе богов Эргистаэла! Отходы, военные преступники, жертвы конфликтов — все идет в дело, чтобы избежать большего беспорядка. Они выбирали из двух зол меньшее, эти казуисты... Или уж, скорее, абсолютные реалисты. Ведь женщины были мертвыми, определенно мертвыми. Пустые упаковки... Они не способны были больше ни думать, ни творить, ни действовать, даже страдать — разве что на биологическом уровне. Может быть, они еще сохранили способность к продолжению рода...

Наделить их искусственной личностью было бы несравнимо меньшим преступлением, чем простым нажатием кнопки повергнуть в руины и пепел целый город со всеми его разумными обитателями. Если подумать, то это ведь не большее преступление, чем обычная пересадка органа. На Земле хирурги давно разрешили эту этическую проблему: мертвый служит живому...

Корсон с трудом сглотнул горькую слюну, вытер уголки рта.

— Мне уже лучше,— сказал он Антонелле, испуганно смотревшей на него.— Ничего страшного. Пустячный приступ.

Она даже не попыталась ему помочь. Не двинулась с места. Слишком молода, подумал он, и выросла в мире, который не знает о болезнях и страданиях. Она пока просто красивый цветок. Испытания изменят ее. Тогда я смогу ее полюбить. И клянусь всеми их богами, камня на камне не оставлю от Эргистаэла, чтобы найти ее! Они не смеют держать ее там. Она не пачкала рук в крови, не совершила никакого преступления.

Вот потому-то он, Корсон, здесь. Антонелла не смогла бы сделать того, что сделал он, и что еще оставалось сделать. Этого не могли ни Сид, ни Сельма, никто из их эпохи. Тут нужен хребет покрепче. Они принадлежали к другому миру и боролись на другом фронте. К несчастью для них, опасность не была окончательно изгнана из того мира. И уничтожить ее было делом таких, как Корсон.

Мы мусорщики истории, подумал он, ее ассенизаторы. Мы месим грязь, идем по колено в крови, чтобы наши потомки шли по чистой дороге...

— Пойдем купаться,— предложила Антонелла.

Он кивнул, еще не найдя в себе смелости заговорить. Море отмоет его дочиста. Нет, пожалуй не хватит и целого моря.

35

Когда Корсон вышел из воды, Сид уже вернулся. Под первым подвернувшимся предлогом отослав Антонеллу, Корсон изложил ему результат своих размышлений. В целом план был готов, но кое-какие детали оставались неясными. Например, Корсона беспокоил ошейник. Он не знал, как от него избавиться. Возможно, в Эргистаэле или во время путешествия в будущее... Впрочем, это была мелочь.

Побег тоже не представлял особых трудностей — Веран снабдил Корсона не только ошейником, но и целым арсеналом оружия. Он полагал, что бояться ему нечего и исходил из принципа, что на войне всякий человек необходим и полезен. Среди прочего у Корсона оказался генератор, создающий поле поглощения света. Усовершенствовав прибор, Корсон рассчитывал расширить радиус его действия, пусть даже с риском опустошить блок питания за несколько минут. Корсон дополнил прибор ультразвуковым локатором, позволявшим ориентироваться в полной темноте. Сумку с продуктами, которую предстояло оставить на планете-мавзолее, он пристегнул к упряжи своего гиппрона. Оставалось раздобыть пару скафандров, в которые он должен был одеть другого Корсона и Антонеллу. Поразмыслив, он решил, что в общей суматохе при его появлении выкрасть скафандры не составит труда в самом лагере Верана.

Вопреки его ожиданиям, Сид и бровью не повел, когда Корсон приступил к самой, как ему казалось, деликатной части плана: реанимации полуживых женщин с планеты-мавзолея. Этот человек был совсем бесчувственным или обладал железными нервами. Первое все же казалось менее вероятным.

— У меня есть кое-какое представление о технике реанимации,— сказал Корсон,— и о том, как записывается матрица искусственной личности, но мне понадобится аппаратура и помощники.

— Я думаю, вы найдете на планете-мавзолее все, что нужно,— заявил Сид.— Эти ваши жестокие коллекционеры

наверняка предусмотрительны. Если же понадобится совет, лучше всего побеспокоить Эргистаэл.

— А как? Заорать погромче? Они что, все время следят за мной?

Сид слабо улыбнулся.

— Вероятно. Но орать — это не дело. Вполне можно общаться с ними через гиппрона. Вы были в Эргистаэле. Дорога туда навсегда запечатлена в вашей нервной системе. Впрочем, это скорее не дорога, а определенный угол зрения. Эргистаэл занимает поверхность Вселенной и, значит, он повсюду. Поверхность гиперпространства — это пространство, в котором количество измерений на одно меньше, чем в самом гиперпространстве. Это не совсем точно, потому что число измерений во Вселенной может быть иррациональным или даже трансцендентным. Но на практике вам достаточно того, что я сказал.

— И как я это сделаю? — растерянно спросил Корсон.

— Я не так хорошо знаю гиппронов и никогда не был в Эргистаэле, но думаю, что достаточно установить с животным мысленную связь, которая позволит вам его направлять, вспоминая свое первое путешествие. Гиппрон сам инстинктивно подстроится на нужную дорогу. Не забывайте, что он может свободно воспринимать ваше подсознание.

Сид почесал подбородок.

— Видите ли,— продолжал он,— все началось именно с гиппронов, по крайней мере, на этой планете. Раньше таких животных на Урии не знали. На этой линии вероятности или на другой, соседней,— Сид снова улыбнулся,— вы завезли первого гиппрона. Ученые Урии тщательно изучили его потомков и сумели понять, как эти чудовища перемещаются во времени. Потом удалось научить этому людей, сначала лишь немногих. Я уже говорил, что это не какой-то особый дар, а определенный угол зрения. Нервная система человека не имеет сверхъестественных возможностей. Но она может приобретать новые возможности, что еще лучше. Несколько веков назад, в самом начале периода, который мы контролируем, люди с Урии были способны предвидеть будущее лишь на несколько секунд. Не знаю почему, но коренным урианам это давалось труднее.

— И прекрасно,— хмыкнул Корсон, вспомнив Нгала Р'Нда.— Но люди, которых я встретил, попав на Урию, обладали этим даром, а там ведь еще и не слышали о гиппронах.

Сид опять улыбнулся, теперь уже весело.

— А многих ли вы можете вспомнить?

Корсон порылся в памяти.

— Двоих,— ответил он,— только двоих. Флорию ван Нейль и Антонеллу.

— Обе появились из вашего будущего,— заключил Сид.— С тех пор самые подготовленные или одаренные вошли в контакт с Эргистаэлом. Все стало проще. По крайней мере, так принято считать.

Он выпрямился и глубоко вздохнул.

— Мы научились перемещаться во времени без гиппронов и без машины времени, Корсон. Нам пока еще нужен небольшой приборчик, что-то вроде специального компьютера. Но скоро мы будем обходиться без него.

— Скоро?

— Завтра или через сто лет. Неважно. Время ничего не значит для тех, кто научился им управлять.

— Но многие успеют умереть...

— Вы уже умирали однажды, Корсон, не так ли? Что не мешает вам выполнять ваше задание.

Корсон промолчал — он сосредоточился на своем плане. Краткие указания Сида касались и двух моментов, которые могли сильно осложнить дело: как добиться от гиппрона, чтобы он доставил Антонеллу и первого Корсона в Эргистаэл, и как самому найти дорогу на планету-мавзолей. Он уже был там однажды, значит сумеет туда вернуться. Очевидно, что человек не в состоянии знать положение миллиардов и миллиардов светил, рассыпанных в этом уголке Вселенной, даже не учитывая их относительное перемещение за несколько веков, но всегда можно пройти тем путем, которым когда-то шел. Не обязательно же читать все на свете книги, чтобы суметь прочитать некоторые из них.

— Мы могли бы вас кое-чему научить, Корсон,— сказал Сид, сосредоточенно разгребая песок,— но тренировка заняла бы много времени. А эта вероятностная линия довольно неустойчива. Лучше будет, если вы используете гиппрона. Это мы предпочитаем обходиться без них.

Он извлек серебряный, тончайшей работы сосуд.

— Вы, наверное, проголодались?..

Корсон провел на пляже целый месяц. В общем, настоящий отпуск, но отпуск, посвященный доработке плана. По памяти он нарисовал на песке подробную схему лагеря Вера-

на. У него будет очень мало времени, чтобы провести двух беглецов к загону с гиппронами и, конечно, не могло быть и речи, чтобы заблудиться в лабиринте палаток или наделать глупостей с часовыми. Потом он выбрал основные варианты искусственных личностей, которые даст оживленным женщинам. Корсон еще не знал, как переправит их с планеты-мавзолея на Урию, но об этом у него будет время подумать, когда он выполнит первые этапы программы.

Оставшиеся дни он купался, беседовал с Сидом, бегал по пляжу с Антонеллой или участвовал в работе Совета. Работа эта на первый взгляд не была членам Совета в тягость, но постепенно он понял, какая огромная ответственность лежала на Сиде, Сельме и другой женщине, которую звали Ана. Иногда они исчезали на несколько часов, а то и дней и каждый раз возвращались обессиленными, не способными вымолвить ни слова. Порой из ниоткуда появлялись какие-то люди, получали распоряжения или что-то передавали сами. Почти каждый день кто-нибудь из членов Совета надолго входил в контакт с Эргистаэлом. Чаще всего это делали Сельма или Ана. Может быть они лучше, чем Сид, научились управлять временем. Или же боги Эргистаэла предпочитали иметь дело с женщинами? Некоторые из этих контактов производили тяжелое впечатление. Однажды Корсона разбудили громкие вопли: Ана корчилась на песке, словно в припадке эпилепсии. Прежде, чем Корсон успел вмешаться, Сид и Сельма улеглись рядом с ней и тоже вошли в контакт. Стоны и судороги Аны прекратились через несколько минут. На следующий день Корсон даже не осмелился задавать вопросы.

У него теперь было достаточно времени подумать, и он спросил себя, что же все-таки произошло за те шесть тысяч лет, через которые он перепрыгнул. Но возможные ответы мало его удовлетворяли. Шесть тысяч лет — гигантский пласт времени, осознать который было почти невозможно. С момента, когда человек впервые покинул родную планету до рождения Корсона и то прошло меньше времени. Наука, без сомнения, добилась многого. Одни названия новых миров, присоединенных к Солнечной Державе, составили, наверное, целую энциклопедию. А может люди все-таки отыскали древние расы из легенд, на миллионы лет опередившие в развитии человечество... Нет, вряд ли. Род человеческий не вынес бы потрясения от такой встречи. Несомненно, столь развитые цивилизации достигли уровня Эргистаэла, где, как сказал ему бог,

разницы больше не было — разницы между расами. Если они — Другие — и вмешивались в эволюцию человечества, то уже не в форме примитивной агрессии или мирного взаимопроникновения. Они действовали через время. Больше всего Корсона удивляли "провинциальные" ответы Сида, Сельмы и Аны. Они немного знали историю Урии и историю нескольких десятков ближайших звезд. Но не знали ничего на уровне целой галактики. Само понятие галактической истории было им почти полностью чуждо. Сначала Корсон решил, что галактика слишком огромна, чтобы человеческий мозг мог ее постичь, но затем понял, что они просто совсем иначе представляли себе историю. Она виделась им сочетанием ситуаций и кризисов, ни один из которых не был необратимым и подчинялся сложным законам. Всевозможные кризисы занимали их так, как инженера времен Корсона занимали варианты технических решений, врача — разновидности клеточных мутаций под воздействием вируса, а аномалии затмений — астронома. Существовали законы, объяснявшие большую часть конкретных событий. Ситуации, не вписывавшиеся в рамки этих законов, рано или поздно приводили к появлению нового закона или новой теории. Единственная история, которую они могли постичь, как уразумел Корсон, была история следующих друг за другом наук об Истории. Но никто из них не был специалистом в этой области. А многообразие человеческих и иных миров в любой момент являло собой, если можно так выразиться, почти всю гамму мыслимых ситуаций. Галактическая цивилизация была цивилизацией отдельных островков. Каждый островок имел свою собственную историю и свои социальные законы, важные для него, но никак не сказывавшиеся на остальных мирах. Корсон понял — именно война была главным, что связывало между собой планеты, носившие гордое название Солнечной Державы, планеты, составившие Урианскую империю, да и все остальные империи во Вселенной.

Впрочем, с Урией не все было ясно. Корсон хотел знать, оказалась ли эта планета неким особым миром и потому привлекла внимание богов Эргистаэла, или... Для Сида такой вопрос был бессмысленным. Ана считала, что уриане должны играть во Вселенной особую роль хотя бы потому, что открыли законы управления временем. Для Сельмы все планеты были одинаково важны, а боги Эргистаэла наделяли властью над временем наиболее развитые

виды как и когда считали нужным. Из всех этих рассуждений Корсон вынес немногое.

Ему часто случалось сомневаться. Глядя на них, он нет-нет да и спрашивал себя, в здравом ли они уме. Может их вера в свою власть над веками — просто бред безумцев? Он так и не нашел никаких подтверждений такого могущества, кроме их загадочных исчезновений. В конце концов они могли и обманывать его, вольно или невольно. Но слишком уж много Совет Урии знал о нем, о его прошлом, об Эргистаэле. И, конечно, сумел перехватить гипрона, теперь Корсон был в этом уверен. В обычное время, то есть, с точки зрения Корсона, в минуты отдыха эти трое совсем не были похожи на сумасшедших. Вели себя как обычные люди и даже более спокойные, чем многие из тех, кого Корсон знал во время войны. Это тоже его удивляло. Их общество старше его собственного на шесть тысячелетий, и люди там *обязаны* быть иными. Но потом он вспомнил Туре, вырванного из незапамятных времен Земли, из древности, когда человечество только-только переступило границу своей планеты. Ведь он, Корсон, тогда тоже не ощутил разницы. Туре удивительно быстро приспособился к жизни в Эргистаэле. В Эргистаэле, который создадут миллион, если не миллиард лет спустя!.. Скорее миллиард, подумал Корсон. И вот тут он увидел, что его друзья действительно *были* иными. Они были по-настоящему связаны между собой, а общество Корсона знало лишь индивидуализм и профессиональные группы. Необычайно прочные нити связывали Сида и Сельму, но при этом не была лишней Ана, совсем наоборот. Их было трое, но такие союзы могли быть и более многочисленными. Они старались по возможности не шокировать Корсона. Жизнь на пляже может и походила на идиллию, но напрочь исключала интимность.

Только Антонелла оставалась в стороне. Она еще больше, чем Корсон, напоминала гостью. Сид, Сельма и Ана не сторонились ее, напротив, были подчеркнуто дружелюбны, но она как-то не вписывалась в их компанию. Антонелла не обладала ни пикантной непосредственностью Сельмы, ни несколько небрежной чувственностью Аны. Она была всего-навсего девчонкой и вилась вокруг Корсона, словно пчелка вокруг хлеба с вареньем. Она была не так умна, как Сельма или Ана, но, надо отдать ей должное, не завидовала им. Корсон отнес почти неуловимую, но, несомненно, реальную дистанцию между ней и остальными тремя на счет ее небогато-

го жизненного опыта и меньшей образованности. К тому же она была из другой эпохи. Он даже не пытался дознаться, из какой — не было точек отсчета, и он бы все равно не понял. Когда Корсон спрашивал ее о прежней жизни, Антонелла отвечала незначащими фразами, и ему начинало казаться, что у нее попросту нет воспоминаний, которые стоят того, чтобы о них говорить. Он задумался однажды, почему в будущем, когда Антонелла встретит его во второй раз, она ничего ему не скажет (или уже не сказала — как посмотреть) ни о Сиде, Сельме и Ане, ни об этой их жизни на пляже. Найти ответ было трудно. Может, она боялась изменений во времени. Или не сочла это достойным упоминания. В самом деле, что сказали бы ему тогда имена Сида, Сельмы и Аны?

Но сейчас они стали для него настоящими друзьями. Он не мог вспомнить, чтобы испытывал в прошлом такую привязанность к себе подобным. Особенно нравились ему вечера, когда они болтали, потягивая вино. Ему казалось тогда, что все трудности уже позади, и они просто перебирают старые воспоминания.

— Вы не забудете отправить послание, Сельма?

— Считайте, что оно уже отправлено.

— И подпишите его — Джордж Корсон. Этот старый лис Веран знал мое имя еще до того, как я имел удовольствие познакомиться с ним.

— Корсон, вы так волнуетесь... Можно подумать, что речь идет о любовной записке.

— В последний раз я видел его в Эргистаэле, на краю океана, где океан упирается в пустоту. Надеюсь, этого адреса будет достаточно. Теперь я припоминаю — кажется, полковник был в несколько затруднительном положении. Думаю, он удирал от кого-то.

— Тогда отправим ему послание: в Эргистаэл, до востребования.

Однажды Корсон объяснил Сельме систему военно-почтовых секторов, которая была в ходу в его время, рассказал о складах корреспонденции до востребования, которые ждали эскадру год, два, десятилетие, а иногда — до бесконечности. Это были автоматические корабли, которые сами отправлялись к определенной точке пространства и оставались там, пока почту не разбирали. Сельма сочла такой способ смешным и глупым. Корсон даже разозлился на нее, но потом сообразил, что всякое ожидание вестей было для Сельмы абстрактным понятием. Ведь она каждый день

получала послания из другой эпохи, где сама давно уже не существовала.

Затем Корсон обернулся к Сиду.

— А вы уверены, что паники в лагере Верана будет достаточно? Что люди с Урии сумеют справиться с гиппронами и солдатами?

— Абсолютно уверен,— ответил Сид.— Никто из солдат Верана по своим способностям не годится даже в капитаны. Без полковника они не окажут серьезного сопротивления.

— Все вместе — возможно. Но поодиночке — сомневаюсь. Им ведь приходилось воевать и в гораздо худших условиях.

— До этого они не додумаются благодаря сюрпризу, который вы им подсунете. К тому же вы недооцениваете людей Урии. Может быть, они и не столь искушены в войнах, но не уверен, что Веран захватил бы Урию, даже если б не было вашего плана. Только это стоило бы большой крови, а мы хотим ее избежать. Так или иначе Верана бы укротили. Но это уже не наше дело.

При мысли о столкновении с полковником Корсона пробрала дрожь. Он знал, что солдаты Верана растеряются, когда рухнет строгая дисциплина, к которой они привыкли. Но в руках у них было великолепное оружие, и все они вряд ли забудут, как с ним обращаться.

— Я очень хотел бы быть там,— заключил Корсон.

— Нельзя. У вас другие задачи. Там вас могут ранить или даже убить. Это повлечет большие изменения истории...

С самого начала Сид настаивал, чтобы Корсон держался в стороне от любой возможной стычки. Корсон соглашался, не понимая. У него в голове не укладывалось, что сражение это уже произошло и в каком-то смысле уже выиграно.

Однажды вечером Сид не стал приводить свои обычные доводы. Он просто сказал:

— Надеюсь, вы приготовились, друг мой. Пора. Отправляйтесь завтра.

Корсон задумчиво кивнул.

В этот вечер он увел Антонеллу туда, где кончался пляж. Она не противилась. Странно, Корсон помнил ее другой. Антонелла не боялась, но была лишь покорной. А ведь на том же самом пляже триста лет назад она доказала, что может быть страстной. В одном он убедился: она не девственница. Не то чтобы его это мучило, но сколько

же мужчин ей предстоит еще встр
пока я отыщу ее снова?

...Он заснул, прижимая ее к себе.

Утром он надел упряжь на гиппрона. Теперь Корсон редко находил время заниматься им, но животное было неприхотливо. Корсон все думал, что нужно попробовать войти в контакт с Эргистаэлом, но так и не собрался. Он запросит Эргистаэл лишь если его вынудят обстоятельства. Стоило Корсону вспомнить хрустальный голос, который он слышал под пурпурными сводами, ему становилось не по себе.

Сид был на пляже один. Он подошел к Корсону, когда тот уже готовился забраться в седло.

— Удачи, друг...

Корсон не знал, что ответить. Он не собирался произносить прощальную речь, но и не хотел уходить, не сказав ни слова. Когда он проснулся, Антонеллы рядом уже не было. Наверно, она хотела избавить его от тягостной сцены расставания.

— Спасибо,— улыбнулся он в ответ.

И почувствовав, что сказал ничтожно мало, добавил:

— Желаю вам жить здесь до конца времен.

Он облизал пересохшие губы. Сколько осталось невысказанного, сколько вопросов надо было еще задать, но время истекало, и он спросил лишь одно:

— В тот вечер, когда я появился, вы сказали, что вам необходимо медитировать. Это только чтобы управлять десятью веками?

— Нет,— сказал Сид.— Власть не главное. Мы готовимся подчинить себе все время. Это,— он широким жестом обвел пляж, океан и небо,— лаборатория.

— Чтобы путешествовать в будущее?

— Не только. Путешествия во времени лишь одна сторона дела, причем не самая важная. Мы стараемся привыкнуть к мысли, что можно жить иначе. Мы называем это сверхжизнью. Это... как бы сказать... Это значит проживать одновременно несколько возможных жизней, может быть даже все возможные. Существовать на нескольких линиях вероятности. Быть несколькими, оставаясь одним. Многомерным. Подумайте, что будет, если каждое разумное существо примется вводить свои собственные изменения в историю. Они будут накладываться на другие изменения, порождать взаимодействия, одни благоприятные, другие пагубные. Никто, ни одно живое существо в одиночку и в здравом уме не способно достигнуть сверх-

жизни. Каждый есть возможная жизнь другого. Вы должны чертовски хорошо знать кого-то, чтобы рискнуть повлиять на его судьбу, да и на свою тоже. Вот к чему мы готовимся — Сельма, Ана и я. Нам предстоит долгий путь... очень долгий.

— Вы станете такими, как боги Эргистаэла,— сказал Корсон.

Сид покачал головой.

— Боги тоже будут другими, Корсон, совсем другими, их изменит эволюция — нет, это не то слово, здесь не подходит ни одно из наших понятий. Они больше не будут ни людьми, ни птицами, ни ящерами, ни потомками любой из существующих рас — никем, кого вы можете себе вообразить. Они будут всем одновременно или, скорее, были всем этим. Мы ничего не знаем об Эргистаэле, точнее, знаем о нем лишь то, что можем увидеть. Не то, что нам дают увидеть, а то, что мы способны разглядеть. То есть почти ничего. Мы судим об Эргистаэле как умеем и видим там самих себя. Но боги властвуют над чем-то, что пугает нас.

— Смерть?

— О, нет. Смерть не пугает тех, кто знает о сверхжизни. Умереть однажды не страшно, если вам остается бесконечное количество параллельных существований. Но есть вещь, которую мы называем сверхсмертью. Это значит, что через изменение времени вас изгоняют в виртуальное, в сферу теоретической возможности, вычеркивают из всех вероятностных линий. Надо контролировать все креоды Вселенной, чтобы суметь избегнуть такого. Ваши собственные вероятности необходимо сочетать с вероятностями всего континуума. Тем, с Эргистаэла, это удается.

— А,— сказал Корсон,— так вот почему они боятся Того Что Вне Вселенной, вот почему окружили свои владения стеной войн...

— Не исключено,— кивнул Сид.— Я никогда там не был. Но не надо тревожиться из-за моих слов. Возвращайтесь сюда, когда закончите.

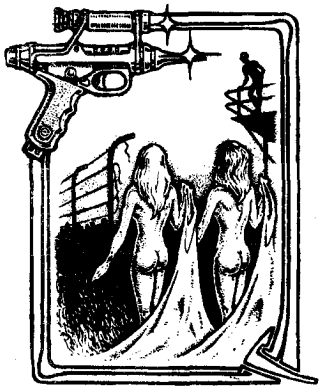
— Вернусь,— сказал Корсон.— И надеюсь вас снова увидеть.

Сид улыбнулся какой-то странной улыбкой.

— Не слишком надейтесь, друг Корсон. Но возвращайтесь как можно скорее. За вами сохраняется место в Совете Урии. Удачи!

— Прощайте! — крикнул Корсон.

И рванул своего гиппрона.



36

Корсон совершил первый прыжок, чтобы раздобыть скафандры. Он решил разбить побег на два этапа и появиться за минуту до намеченного времени: так он сможет прощупать оборону Верана и вызвать в лагере замешательство, необходимое для второго этапа. Проскользнуть в одну из складских палаток не составило труда, но, как он и предполагал, полковник хорошо вымуштровал караульных: несмотря на ночь, едва Корсон успел схватить скафандры и добраться до своего гиппрона, как в лагере взвыли сирены тревоги. Палатка, которую он только что ограбил, находилась в секторе, почти противоположном тому, где поместили Антонеллу и другого Корсона. Первым побуждением часовых будет кинуться к складам. Времени, чтобы вернуться, у них не окажется.

Корсон ушел на несколько дней в прошлое, выбрал безопасное место и осмотрел скафандры. Убедившись, что они исправны, он решил перейти ко второй фазе и прыгнул во времени обратно. Синхронизировавшись в нужном моменте, он оставил гиппрона в общем загоне. В суматохе на Корсона никто не обратил внимания: он был одет в такую же форму, как все, и вполне мог возвращаться из патрульного рейда. Включив поглотитель света, он побежал по дорожкам лагеря настолько быстро, насколько позволяла расплывчатая картина, создаваемая ультразвуковым локатором. Понадобится по меньшей мере десять секунд, чтобы самым сообразительным часовым тоже пришло в голову включить локаторы. Они все равно не опередят его, не зная, с какой стороны совершено нападение. Дальность действия локаторов ограничена, их лучи наложатся друг на друга и окончательно запутают солдат. Офицеры потеряют еще минуту, чтобы заставить своих людей убрать бесполезные локаторы и начать поиски вслепую. Этой минуты Антонелле, предвидевшей, что произойдет, хватит, чтобы уговорить Корсона во всем слушаться незнакомца. И он знал, что ей это удастся.

Все так и случилось. Он затемнил стекло шлема до полной непрозрачности, чтобы другой Корсон не смог его уз-

нать, объяснялся лишь жестами. Не стоило смущать первого Корсона лишними сомнениями.

Втроем они бежали сквозь мрак пространства, затем скрылись во времени. Корсон заставил своего гиппрона совершить несколько хитроумных маневров, сбивая погоню со следа. Второй гиппрон следовал за ним с ангельской покорностью. Солдаты Верана не знали их цели и могли до бесконечности блуждать в лабиринте континуума, так и не найдя планету-мавзолей. Впрочем Веран все равно прекратит поиски, как только узнает, что Корсон вернется.

Планета-мавзолей. Интересно, подумал Корсон, когда же я ступил на нее в первый раз?

Он сам себе показывал дорогу. Похоже, ему удалось пробить брешь в законе неубывающей информации. Информация замкнулась в кольцо, у которого нет ни конца, ни начала. Но начало должно быть всему... или это только иллюзия? А он ступит на планету-мавзолей много позже и сам пустит информацию по кругу? Может быть, существует некий путь, неуловимый для его теперешнего сознания,— существует и связывает вероятные жизни на всех креодах? Нет, нечего сейчас ломать голову над загадками. Он еще слишком мало знает.

В заранее выбранной точке над планетой Корсон оставил гиппрона, который нес Антонеллу и другого Корсона, а сам скользнул в будущее. Он не нашел никаких следов своего предыдущего появления. Это был хороший знак — до последней минуты он опасался столкнуться с самим собой или, еще хуже, найти два побелевших скелета.

Он спешился и не без сомнений вошел в зловещее здание. Ничто здесь не изменилось. Корсон принялся за работу не торопясь — теперь у него было много времени.

Сид не ошибся. Все необходимое для реанимации полуживых и имплантации искусственных личностей Корсон отыскал в подземной галерее, примыкавшей к большому залу. Но вход туда нашел лишь основательно прозондировав фундамент здания с помощью гиппрона. Операция оказалась даже проще, чем он предполагал: почти все выполняли автоматы. Боги войны, собравшие эту гигантскую коллекцию, любили все делать быстро. Наверно, они еще меньше Корсона разбирались в подробностях реанимации.

И все же когда он приступил к первой попытке, руки у него дрожали. Корсон активировал искусственную личность, запрограммировав ее на пять секунд. Веки женщины затрепетали, она открыла глаза, издала какой-то звук и снова застыла.

Однако серьезный опыт едва не кончился плохо. Высокая блондинка с роскошными формами — она была почти на голову выше Корсона — вскочила со своего ложа, нечленораздельно вскрикнула, бросилась на него и так стиснула в объятиях, что он чуть было не задохнулся. Пришлось оглушить ее ударом кулака. Слишком много фолликулина, заключил он, переведя дыхание.

Чтобы прийти в себя, он решил пока отнести сумку с едой и записку к дверям мавзолея. Металлическая табличка оказалась теперь девственно чистой. Несколько простых опытов убедили Корсона, что кристаллы, из которых состояла пластинка, были чувствительны к темпоральным перемещениям. Если их деформировали, они обретали первоначальную конфигурацию под действием прыжка во времени. Итак, надо было только поглубже выгравировать центральную часть послания, чтобы она продержалась несколько перемещений. Корсон сделал кое-какие расчеты и начал писать. А что, спросил он себя, если я изменю хоть одно слово? Может, и ничего. Изменение окажется ниже порогового. Но он решил не рисковать: строчки письма словно отпечатались у него в памяти. Ставка была слишком велика.

Оставалось еще обучить гиппрона, который отвезет Антонеллу и другого Корсона в Эргистаэл. Корсон решил просто подменить гиппронов. Он осуществил как мог более полный обмен информацией со своим животным и удостоверился, что гиппрон отвезет двух всадников именно к полям сражений Эргистаэла и доставит точно в то место, где раньше оказался он сам. Полный контроль над гиппроном был ему недоступен, но Корсон полагал, что поставленное в те же условия животное инстинктивно поведет себя так же. Вероятность смещения была невелика. Кроме того, он мог вполне довериться владыкам Эргистаэла — в частностях они разберутся сами. Он научил гиппрона реагировать на громко произнесенное слово "Эргистаэл".

В обмен Корсон получил ворох обрывков информации о привычках, воспоминаниях и повадках гиппронов. Генетическая память животного несколько ослабела в неволе, но все же Корсон сумел составить представление о родной планете этого вида. К своему величайшему удивлению он выяснил, что гиппроны, которых он привык бояться — по крайней мере, диких,— были трусливы, как зайцы. Образ первых, давным-давно исчезнувших хозяев в памяти гиппронов уже не был четок, но Корсону стало ясно, что они их обожали и одновременно боялись.

Подмена прошла идеально. Корсон позаботился о том, чтобы поменять и сбрую: он не хотел привлекать внимания другого Корсона неожиданным несоответствием упряжи. Сумку с едой он положил у дверей, на самом видном месте.

Затем вернулся во время, в котором начал оживлять пленниц богов войны. Корсон не знал, что произойдет, если он на несколько часов ошибется и окажется лицом к лицу с самим собой. Но на инстинкт гиппрона можно было положиться — животное отказывалось следовать через континуум теми же путями, по которым уже проходило. Чувствуя свое присутствие сквозь слой времени в несколько секунд, оно избегало пересечений, слепо повинуясь в каком-то смысле закону неубывающей информации. Корсон счел за лучшее не действовать вопреки его природе.

Он снова взялся за подготовку армии для Верана. Теперь Корсон спешил — хотелось поскорее закончить. Кроме того, он боялся, что боги войны застанут его за этим занятием и потребуют ответа. Правда, несколько вылазок в будущее и ближайшее прошлое немного его успокоили.

Он остановился на трех основных матрицах искусственных личностей. Если все женщины будут вести себя совершенно одинаково, обман может открыться слишком рано. По этому же принципу он отбирал тела, стараясь не использовать похожие экземпляры. Памятуя свою первую попытку, он решил снабдить реанимированных женщин сексуально нейтральными личностями, но увидев, что из этого получилось, он, несмотря на все свое отвращение, ввел в матрицы женскую соблазнительность. Другой занимавшей его проблемой была стабильность искусственных личностей — слишком короткий срок существования матриц мог погубить весь план. Но как же противно было наделять полуживых долгим существованием! Хоть Корсон и внушал себе, что это всего лишь машины, его всякий раз тошнило при мысли о том, что могут с ними сделать солдаты Верана. В конце концов он ввел в матрицы вероятную длительность стабильного состояния около сорока восьми часов с погрешностью примерно десять процентов. По истечении этого времени рекруты Верана должны были утратить всю видимость жизни и, при отсутствии необходимого оборудования, умереть окончательно. Если все сложится так, как он надеется, на все потребуется не больше нескольких часов, а то и минут. Если нет — план рухнет. Веран успеет снова подчинить своей воле солдат, даже если ему придется безжалостно перебить новобранок.

Тут Корсон спросил себя, сколько тел нужно будет ре-

анимировать. Если женщин будет слишком мало — могут вспыхнуть ссоры между солдатами, которые в таком случае, вероятно, обратятся к своему командиру, чтобы он их рассудил. Но слишком большое количество будет сложно доставить на место — а эту проблему Корсон еще не решил,— и вдобавок такое нашествие вызвало бы опасения маленькой армии Верана. По подсчетам Корсона, у полковника было примерно шестьсот человек и, поразмыслив, он решил реанимировать две тысячи женщин. Одному ему потребовалось бы на это слишком много времени. Без всякого энтузиазма он сперва вживил особые матрицы двадцати женщинам, чтобы они смогли ему помогать. Это были послушные, точные, неутомимые орудия. Вскоре он уже с трудом сдерживался, так хотелось рявкнуть на них. Их молчание и неизменная улыбка действовали ему на нервы. А ведь у меня под рукой, подумалось ему, армия самых сильных и преданных рабынь, войско самых бесстрашных амазонок, гарем самых услужливых одалисок, о каких не могли и мечтать самый богатый промышленник, самый честолюбивый военачальник и самый сластолюбивый султан. Но нет, это, пожалуй, не для меня.

Когда ему стало ясно, что он сможет оживить две тысячи женщин за несколько часов, он задумался, как же их всех одеть и перевезти на Урию. В мавзолее не нашлось никакой одежды. Зачем она бабочкам, с горечью подумал Корсон. Он совершил несколько набегов на соседнюю звездную систему и, в конце концов, с десяток раз переместившись во времени, набрел на склад военного снаряжения и ограбил его без зазрения совести. Он надеялся, что подобная кража не вызовет серьезного потрясения в истории этой планеты. В конце концов он по опыту знал, что несмотря на автоматизированный учет из интендантств всех времен и всех армий вселенной исчезали иногда целые склады, причем без особых последствий. Какой-нибудь чиновник проведет несколько бессонных ночей, придумывая более или менее правдоподобную историю, чтобы объяснить беспорядок в накладных. В худшем случае его отдадут под суд. Впрочем, такие люди историю не делают.

Следующим делом был транспорт. Корсон хотел было запросить Эргистаэл, но потом решил, что поступит так лишь в самом безвыходном положении. Сама мысль, что придется обратиться за советом к богам Эргистаэла, казалась ему невыносимой. Он слишком хорошо помнил снисходительное презрение, сквозившее в Голосе. Пусть он только пешка в чужой игре, но скорее согласится пройти все круги

ада, чем стать роботом! Пусть его точка зрения инфантильна, но это его собственная точка зрения. В конце концов он нашел способ, хоть и лишенный элегантности, но представлявшийся вполне конкретным. С помощью своих ассистенток он снял несколько внутренних стенок мавзолея — больших металлических щитов,— из которых соорудил просторный и относительно герметичный ящик. Путешествовал же он сам из Эргистаэла на Урию в чем-то вроде гроба, а гиппрон мог пронести сквозь пространство и время значительный груз, если только расстояние было не слишком большим. Веран перебрасывал так свое снаряжение и оружие. После нескольких попыток Корсон убедился, что подобным образом сможет перевозить по двести женщин одновременно.

Пора было отправляться. Он пробыл на планете-мавзолее чуть больше двух недель. Его запасы давно бы кончились, но он пополнял их на складах ближайшей планеты. За неимением лучшего, Корсон кормил своих ассистенток сывороткой и глюкозой, взятой из системы, питающей ячейки с полуживыми. Он ужасно устал. Можно было немного отдохнуть, но не хотелось ни секунды лишней оставаться в этом мрачном мире.

Он внимательно проследил за реанимацией первой партии женщин и вживлением искусственных личностей. На лице его показалась усталая улыбка, когда он увидел, как две сотни женщин встают из своих ячеек, раздвигая антисептический туман, заменявший им саваны, выходят и строятся в колонну. Затем его вывернуло наизнанку, как перчатку.

Одна из ассистенток удивленно обернулась к нему.

Он слабо махнул рукой.

— Ерунда,— сказал он,— ничего страшного.

Как будто обращался к человеку...

Но он ничего не увидел в огромных фиалковых глазах, устремленных на него — ни понимания, ни сочувствия, это были словно два блестящих прозрачных камушка. И удивление не было удивлением — просто рефлекс. Женщины слушали его, повиновались его голосу, они даже обладали ограниченным запасом слов, который он тщательно отобрал и ввел в их матрицы, но они не могли его слышать. Они не жили. Всякий раз, когда он пытался забыть, кто они, их глаза напоминали ему об этом, и еще их слишком размеренные движения в полумраке мавзолея. Они были лишь смазанным и упрощенным отражением его

собственного сознания; эти глаза не были зеркалом души, ибо самой души не было.

Дверь мавзолея не ошиблась. Конечно она не открылась перед колонной женщин, и ему пришлось стоять на пороге все время, пока они проходили мимо. Склоняясь, как трава под ветром, они на ходу подбирали форму, которую Корсон кучей свалил на газоне, и одевались. По его приказу женщины набросили на голову капюшоны и заполнили приготовленную для них кабину; затем, повинуясь его голосу, погрузились в гипнотический транс, а он захлопнул дверь, проверил упряжь, забрался в седло и нырнул в полный призраков океан времени.

Корсон высадил свой груз на Урии, в укромном месте недалеко от лагеря Верана через несколько часов локального времени после того, как полковник отправил его послом в будущее.

Он собирался отсутствовать лишь несколько секунд, хотя оживление второй партии и следующее путешествие сюда займут много часов. Он совершил десять рейсов, которые растянулись на несколько его собственных дней. На третий день он свалился в депрессии и заснул как убитый. На пятые сутки гиппрон стал подавать признаки истощения, и Корсону пришлось с пустой и гудящей головой ждать, пока животное хоть немного отдохнет. В последний раз покидая планету-мавзолей, он избавился от своих ассистенток. Корсон произнес слово, и те тяжело опустились на землю, все еще улыбаясь.

Он разбудил всех рекрутов и приказал им двигаться. Подведя колонну к лагерю, он остановил ее на видном месте, но достаточно далеко от линии защиты. Затем окликнул часового. Через минуту появился Веран.

— У вас усталый вид, Корсон,— сказал он.— Кого это вы привели?

— Рекрутов.

Веран щелкнул пальцами. Артиллеристы взяли на прицел закутанные фигуры, расположившиеся полукругом. Другие включили детекторы.

— Надеюсь без фокусов, Корсон? Хотя ваше украшение...

— Никто не вооружен,— осторожно объяснил Корсон.— Кроме меня.

— Оружия нет,— подтвердил техник.

— Отлично,— сказал Веран.— Стало быть, вам удалось их уговорить там, в будущем. Я люблю хорошую работу, Корсон, вам это зачтется. Полагаю, в новобранцах уже

взыграло честолюбие? Прикажите первой шеренге приблизиться. Скажите им, пусть снимут капюшоны, я хочу полюбоваться на физиономии этих болванов.

Весь лагерь, кроме часовых, собрался за спиной полковника. Корсон не без удовольствия отметил, что солдаты казались менее напряженными, чем когда он их увидел в первый раз, и не так напоминали живые автоматы. Несколько недель отдыха на Урии сделали свое дело. Не то чтобы дисциплина ослабела, но по почти неуловимым мелочам наметанный глаз Корсона видел, что люди Верана изменились. Какой-то солдат стоял, засунув большие пальцы в карманы. Другой с невозмутимым видом посасывал короткую металлическую трубку. Корсон попытался отыскать по ошейникам личную охрану полковника. Он насчитал что-то около дюжины человек.

Корсон произнес слово. Лишенное смысла. Первая шеренга двинулась вперед. Веран снова щелкнул пальцами. Линия защиты погасла, и двое солдат скатали часть провода. Казалось, полковник отбросил всякое недоверие, но Корсон знал изворотливый ум военачальника. Веран никого не пропустит в лагерь, не убедившись, что все в порядке. И, конечно, намерен лично заняться проверкой.

Первая шеренга шла вперед, вторая, чуть поотстав, следовала за ней. И третья, и четвертая,— мягкие волны шуршащей ткани. Корсон выкрикнул приказ.

Он был уверен — никто в лагере Верана еще не понял, что это за новобранцы. Женщины были высокого роста, а просторные накидки скрывали их формы. По звуку его голоса первая шеренга одним движением откинула головы назад, и капюшоны упали.

Повисла полная тишина — ни шума шагов, ни шелеста материи, только где-то вдалеке свист и храп спящего гиппрона.

В лагере сдавленно чихнули.

Или фыркнули. Затем кто-то взвизгнул:

— Бабы! Одни бабы!

— Их две тысячи,— спокойно сказал Корсон.— Они сильны и послушны.

Веран и глазом не моргнул. Не повернул головы. Двигались лишь его глаза. Он всматривался в лица женщин. Потом перевел взгляд на Корсона.

— Сильны и послушны,— эхом повторил чей-то голос.

В лагере началось движение. Задние проталкивались вперед. Шеи вытягивались. Глаза вылезали из орбит.

— Хорошо,— произнес Веран, не повышая голоса.— А теперь вы уведете их обратно.

Какой-то безоружный солдат перескочил через провод, который с его стороны не убрали, и бросился к женщинам. Охранник Верана вскинул оружие, но полковник жестом остановил его. Корсон все понял и снова невольно восхитился самообладанием Верана. Полковник и виду не показал, что боится. Он ждал, что солдат угодит в ловушку и это образумит остальных.

Но ловушки не было — по крайней мере того, на что Веран рассчитывал, не случилось. Когда солдат был уже на половине расстояния, Корсон внятно, но тихо произнес слово-ключ. В лагере его приказ не должны были принять за сигнал к атаке.

Первый ряд расстегнул накидки и сделал шаг вперед. Одежда соскользнула на землю. Больше на женщинах ничего не было. Они стояли в высокой траве, позолоченные солнцем. Волосы покрывали их плечи, а у некоторых даже грудь. Они почти не шевелились, размеренно и глубоко дыша, протягивая вверх ладонями руки, в которых ничего не было.

Глухое рычание прокатилось по лагерю Верана,— не крик, не зов, а голодный многоголосый рык, похожий на шум кузнечных мехов,— одновременный выдох нескольких сотен легких.

Десятка два солдат кинулись вперед. Другие положили оружие и последовали за ними, но не так уверенно, словно не зная, бегут ли они за первыми, чтобы вернуть их, или сами боятся не успеть. Один из охранников Верана хотел стрелять, но сосед перехватил его руку. Артиллеристы, прежде чем броситься к женщинам, предусмотрительно отключили батареи своих орудий.

Подбежавшие первыми в растерянности переходили от одной женщины к другой, еще не решаясь к ним прикоснуться. Наконец один взял за руку роскошную блондинку. Та улыбнулась и пошла следом.

Корсон думал сначала, что придется сказать солдатам несколько слов, рискнув обратиться к ним через голову их командира. Но это было уже ни к чему. Лагерь пустел на глазах. Веран отчаянно удерживал солдат, те вырывались, падали, двое техников пытались восстановить линию защиты, но что-то получалось не так — линия мигала. Веран видимо еще хотел обойтись без кровопролития и не терял надежды снова взять в руки своих людей. Но с ним осталась только его личная охрана да еще несколько совсем уж безвольных солдат, которые слабо, скорее для виду, отбивались от остальных.

Веран наконец решился: Корсон увидел, как он поднял руку. Раздались выстрелы. Затем упала непроглядная тьма. Она поглотила и лагерь, и женщин, и солдат. Корсон сделал несколько неуверенных шагов, потом распластался на земле. Веран побил его лучшую карту, поглотитель света, включив свой прибор первым. Наверное, он собирался открыть огонь из орудий вслепую и выжечь все вокруг лагеря. Корсон попытался одновременно зарыться в землю и отползти. В приглушенном тьмой шуме он уловил звук шагов. Откатившись, сжался в комок, затем распрямился, как пружина, и встал, пошатываясь и с трудом удерживая равновесие. Чья-то безжалостная рука схватила его за шиворот, развернула. Стальные пальцы подняли ему подбородок, сдавили горло. Он услышал голос Верана,— задыхаясь, тот прошептал ему на ухо:

— Ваша взяла, Корсон. А вы не слабак. Сильнее, чем я думал. Я мог бы убить вас. Но не люблю неразберихи. Оставляю вам ключ... ключ от ошейника. Позаботьтесь о других.

Что-то упало к ногам Корсона. Пальцы разжались. Корсону казалось, что череп его разбухает и вот-вот лопнет. Встав в темноте на четвереньки, он никак не мог отдышаться. Где-то в кромешной темноте за его спиной Веран бежал к деревьям, к гиппрону, которого Корсон даже не потрудился спрятать. Затем он снова услышал голос полковника, странно искаженный темнотой:

— Я начну все сначала, Корсон. Вот увидишь, я все начну сначала!

Приближающееся шипение термолуча, похожее на жужжание осы. Корсон втянул голову в плечи и зажмурился. Он ждал. Запах дыма, горелого дерева, паленого мяса ударил ему в ноздри, а под закрытыми веками вспыхнуло ослепительное пламя...

Он открыл глаза. Тьма рассеялась. Все еще стоя на четвереньках, он огляделся. Больше сотни женщин были убиты. И человек двадцать солдат. Около дюжины тяжело ранены. Лагерь горел.

Корсон встал и обернулся. Неподалеку от зарослей он увидел то, что осталось от Верана. Гиппрон исчез. Наемник поставил на свою последнюю карту и проиграл. Мало кому выпадает быть убитым двумя разными способами. Верану выпало. Термический луч, возможно, на него и направленный, настиг полковника, когда тот почти добежал до гиппрона. За долю секунды до этого животное, предвидя опасность, сместилось во времени, не заботясь о том, что его

окружает. Оно утащило с собой половину Верана. И поглотитель света.

Где-то во вселенной, подумал Корсон, сквозь мрак и безмолвие несется гиппрон, и он будет метаться в непроглядной тьме, где-то на дне колодца, куда не проникает никакая энергия, пока блоки питания поглотителя не разрядятся, или пока он не потеряет прибор в одном из своих отчаянных прыжков... Но почему Веран выбрал именно этого гиппрона? В лагере их было сколько угодно. И вдруг до Корсона дошло. Любопытство. Веран умел проникать в память гиппрона, и ему хотелось узнать, кем и как он побежден.

Корсон на что-то наступил. Он нагнулся и поднял маленькую пластинку из почерневшего металла с четырехугольным вырезом на конце. Поднес ее к горлу, вставил ошейник в выемку. Ничего не случилось. Он стал медленно поворачивать ошейник. Руки его дрожали, и он чуть не бросил все к черту. В животе словно взорвался огромный кусок льда. Пот заливал глаза. Комбинезон насквозь промок на спине и под мышками, во рту пересохло.

Когда он сделал полный поворот ошейника, тот раскрылся, и две половинки его полетели на землю. Корсон поймал их, подержал минуту в руках, разглядывая. Края оказались гладкими, будто половинки были не скреплены, а просто плотно приложены друг к другу. Он небрежно отбросил их в сторону.

Для чего Веран так повел себя? Надеялся бежать в такую даль, где Корсон был бы ему не страшен? Или ощутил какую-то солидарность с ним? Наконец Корсон нашел верный ответ. Веран хотел захватить гиппрона, чтобы попасть в Эргистаэл. Его место было там. И если Эргистаэл — это ад, то именно туда он и попал...

Корсон направился к лагерю, собираясь найти какого-нибудь гиппрона. Война кончилась. Еще несколько часов — и люди Урии возьмут ситуацию в свои руки. Сопротивления не будет. Умирающих уже прикончили, несколько солдат пытались перевязать раны. Повсюду валялось оружие. Но того, чего так боялся Корсон, не произошло: солдаты не насиловали женщин. Некоторые робко прогуливались в окружении трех-четырех красоток. Другие, усевшись на траву, пытались завести разговор. Они казались удивленными, даже напуганными тем, что встретили полную покорность. Может быть, они даже были разочарованы. Через сорок восемь часов они разочаруются еще больше, подумал Корсон.

Он увидел солдата в ошейнике, с отсутствующим видом сидевшего на лафете орудия и подпиравшего голову руками. Корсон тронул солдата за плечо.

— Вот ключ,— сказал он.— Ключ от ошейника.

Человек поднял голову. Корсон прочел в его взгляде изумление, непонимание, внезапный испуг. Он повторил:

— Ключ от ошейника.

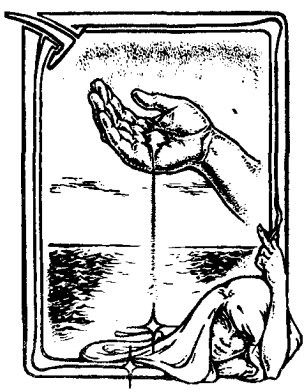
Потом нагнулся и открыл ошейник. Протянул две его половинки солдату, и тот наконец слабо улыбнулся.

— Держите ключ,— сказал Корсон.— Другие тоже носят эти штуки. Займитесь ими.

Солдат кивнул, но лицо его не выразило радости. Да, он избавился от ошейника. Но никакой ключ не мог избавить его от воспоминаний о Веране, от призрака мертвого командира.

Корсон без помех выбрал себе гиппрона. Тщательно, пожалуй даже слишком, надел на него упряжь. Все кончено, он сделал свое дело. Ему оставался лишь прыжок на пляж, где — ему хотелось в это верить — ждет его Антонелла.

И Совет Урии. Сид, Сельма и Ана. Его друзья.



37

На пляже лежала на животе обнаженная блондинка. Одна. Не то спала, не то находилась в контакте. На песке не было никаких других следов, кроме следов женщины. Корсон сел рядом и стал ждать, когда она проснется. Время у него было. Вся вечность, на которой стоял Эргиста-эл...

Он расслабился. Он прошел свой путь до конца. Теперь можно смотреть на море и пересыпать песок из ладони в ладонь. Когда-нибудь он тоже научится управлять временем. В конце концов, у него уже есть кое-какой опыт.

Женщина зашевелилась. Потянулась, перевернулась на спину, села и протерла глаза. Корсон узнал ее.

— Флория ван Нейль?

Она кивнула и улыбнулась. Но улыбка ее была принужденной, почти грустной.

— Где они? — спросил Корсон. Женщина, казалось, не поняла, и он прибавил: — Сид, Сельма и Ана. Я должен отчитаться перед Советом Урии этого тысячелетия...

— Произошло изменение,— тихо сказала Флория.— Благодаря вам оно не было слишком сильным. Но на этой вероятностной линии их не существует.

— Они умерли? — вздрогнул Корсон.

— Их никогда не было.

— Я ошибся,— сказал Корсон,— ошибся местом, временем или, быть может, вселенной.

— Вы стерли их. Они были вне истории. И ваше вмешательство их вычеркнуло.

Корсон почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Он судорожно сжал кулаки.

— Это были мои друзья, и я убил их...

Флория покачала головой.

— Нет,— сказала она.— Они принадлежали другой вероятности, а вы вызвали к жизни эту, лучшую. Они знали, что с ними произойдет, если вы добьетесь успеха. И сами надеялись, что у вас все получится.

Корсон вздохнул. У него были друзья, и они исчезли, стали тенями, более бледными, чем тени тех, кого унесла смерть. Они ничего не оставили — ни следа, ни зарубки на камне, ни даже своих имен в этом запретном для них мире. Они не родились. Они были только образами в памяти Корсона, абстракциями в призрачных реестрах Эргистаэла. Я стираю все, к чему ни прикоснусь, я — резинка в руках богов... Он вспомнил Туре, доброго товарища, которого, конечно же, опять забросило в бессмысленную бесконечную войну Эргистаэла, вспомнил Нгала Р'Нда, последнего князя Урии, растерзанного своими подданными, хитрого наемника Верана, которого подстрелил его же солдат... Он хотел что-то сказать и не нашел слов.

— На той креоде я не существовала,— продолжала Флория.— И появилась только чтобы перехватить вас, когда вы прибудете на Урию. Думаете, я оказалась там случайно? Я и здесь существую лишь из-за вас. Не стоит извиняться.

— Значит,— с горечью сказал Корсон,— люди всего лишь рябь на поверхности событий, и порыв ветра поднимает или разглаживает ее по воле богов, а сам я был игрушкой богов Эргистаэла, богов-марионеток, которые пытаются исправлять историю.

— Это не боги, даже если они немного сильнее нас. И действуют они не по своей прихоти.

— Знаю,— грубо перебил ее Корсон,— они хотят как лучше. Они стирают войну. Устраивают историю так, чтобы ее пути приводили к ним. Все это я слышал в Эргистаэле. Уничтожить войну, познать войну, спасти войну. Залезли в глубь времени, как крысы в нору, и дрожат там от страха перед внешним миром.

— Это лишь половина правды,— терпеливо пояснила Флория.— Они — это мы.

— Они — наши потомки. И презирают нас с высоты своего миллиарда лет.

— Они — это мы, Корсон,— повторила Флория.— Мы — боги Эргистаэла, но сами этого не знаем, и нам надо это открыть и понять. Они — это все вероятности и людей, и всех других существ, даже таких, что вам и присниться не могут, и которым вы тоже присниться не можете. Они — все частицы Вселенной и все события Вселенной. Мы не предки богов и не их потомки, и они не наши потомки, мы — часть их, оторванная от своих корней или, скорее, от своего целого. Каждый из нас — одна из вероятностей, деталь, креода, которая бессознательно стремится к целому и бьется во мраке, чтобы заставить признать себя, чтобы существовать отдельно.

В каком-то месте в какое-то время что-то произошло, чего я сама не понимаю, Корсон. Но это было не в начале и не в конце времен. Не существует ни "до" ни "после". Для них и уже немного для нас время — это расстояние, на котором события сосуществуют как смежные предметы. Мы — момент долгого пути, который ведет в Эргистаэл, к единству сознания и вероятностей, и каждый из богов Эргистаэла — путник.

— Боги-шизофреники,— буркнул Корсон.

— Да, если это поможет вам понять. Иногда мне кажется, что они отправились открывать все на свете вероятности и заблудились, и стали нами, и в этом причина войны, раздробленности, разрыва,— этих морщин на поверхности истории, которые они так старательно разглаживают. А разрыв им мешает, несмотря на все их могущество мешает немедленно и полностью залечить раны. И нам надо на ощупь найти тот длинный, очень длинный путь, который ведет к ним, то есть к нам самим. Они родились от войны, от этой страшной смуты, что потрясает наши жизни, но будут существовать лишь когда уничто-

жат ее. И они действуют. Тут заделают брешь, там залатают разрыв. И делаем это мы, иногда с их помощью. И вы это делали. Вы жалеете?

— Нет,— ответил Корсон.

— Боги Эргистаэла, чтобы уничтожить войну, используют тех, кто воевал,— продолжала Флория.— У них есть опыт, и лишь они могут до такой степени ненавидеть войну, что рано или поздно им захочется ее уничтожить. Любой ценой. Те, кто не доходит до этого сразу, проводят некоторое время в Эргистаэле. В конце концов они понимают. Рано или поздно понимают все.

— Даже такие, как Веран? — недоверчиво спросил Корсон.

— Даже Веран. Он сейчас гасит войну в созвездии Лиры.

— Он умер.

— Никто не умирает,— возразила Флория.— Жизнь — как страница книги. Рядом есть еще одна и еще... Не после, а рядом.

Корсон встал и сделал несколько шагов к морю. Остановился у самой воды.

— Запутанная история,— вздохнул он.— Кто докажет мне, что это правда?

— Никто. Вы сами откроете ее, сложите из кусочков. Может быть та, что откроете вы, будет немного другой. Никому не дано знать абсолютной истины.

Не оборачиваясь, Корсон с силой, почти с яростью отчеканил:

— Я вернулся, чтобы научиться управлять временем и входить в контакт с Эргистаэлом. И чтобы...

— Научитесь. Всему, чему сможете. Нам нужны такие люди, как вы. Во Вселенной много пожаров.

— Я надеялся найти мир,— сказал Корсон.— И еще я вернулся ради Антонеллы.

Флория подошла и положила руки ему на плечи.

— Умоляю вас...— прошептала она.

— Я люблю ее. Или любил. Она тоже исчезла, да?

— Ее не было. Она давным-давно умерла. Мы взяли ее на планете-мавзолее, в коллекции одного из богов войны, и дали ей искусственную личность, как вы сами сделали с рекрутами Верана. Так было надо, Корсон. Без нее вы вели бы себя иначе. А настоящий человек не смог бы попасть в Эргистаэл.

— Если он не военный преступник.

— Она была всего лишь машиной.

— Приманкой,— уточнил Корсон.

— Мне очень жаль. Я сделаю для вас все, что пожелаете. Я буду вашей любовницей, Джордж Корсон, если захотите.

— Не так это просто.

Он вспомнил слова Сида: "Не надо на нас за это сердиться".

И Сид исчез. Он знал, что будет вычеркнут, и пожалел Корсона.

— Никто не умирает,— сказал Корсон,— может быть, я найду ее в другой жизни.

— Может быть,— тихо отозвалась Флория.

Корсон шагнул в море.

— У меня ничего не осталось. Ни друзей, ни любви. Моя вселенная исчезла шесть тысяч лет назад. А меня просто-напросто обманули.

— У вас еще есть выбор. Можете все зачеркнуть, начать с нуля. Но помните, что на "Архимеде" вы погибнете.

— Выбор? — пробормотал Корсон. Он услышал ее удаляющиеся шаги, обернулся и увидел, что она разгребает песок в том уголке пляжа, где еще сохранился след от ее тела. Когда она вернулась, то держала в руках отливающую опалом капсулу величиной с голубиное яйцо.

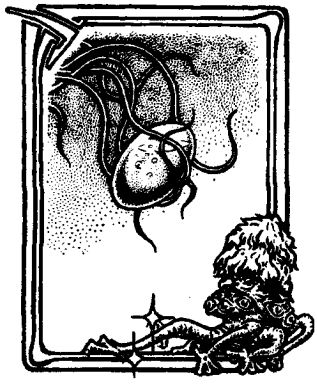
— Вам остается сделать еще одну вещь, чтобы навсегда остаться с нами. Дикие гиппроны не способны перемещаться во времени так же, как первобытный человек не сумел бы пользоваться компьютером. В лучшем случае им удается прыгнуть на несколько секунд. В этой капсуле — стимулятор, который в миллиарды раз усиливает эту зачаточную способность. Когда понадобится, вы сами распорядитесь им, Корсон. Доза тщательно рассчитана. Появление капсулы в прошлом не повлечет значительного изменения. Погрешность в моменте вашего собственного появления невелика, мы учтем ее. Когда гиппрон делает прыжок во времени, он увлекает за собой часть пространства. Теперь вы знаете все. Вам решать, Джордж Корсон.

Он понял.

...Последнее, что осталось сделать. Закрыть за собой дверь. Протянуть самому себе руку через пропасть в шесть тысяч лет.

— Благодарю вас,— сказал Корсон.— Я подумаю.

Он взял капсулу и пошел к своему гиппрону.



38

Корсон прыгнул более чем на шесть тысяч лет назад и нашел нужную точку в пространстве и времени.

Гиппрон синхронизировался. Какое-то время планета вращалась вокруг Корсона, пока ему не удалось стабилизировать полет. Он выбрал сильно вытянутую орбиту, такую же, какую занял бы военный корабль, старающийся незаметно приблизиться к планете, остаться по соседству с ней как можно меньше времени и сбросить груз в наиболее благоприятных условиях.

Корсон ждал и думал. У него перед глазами простиралась вся Вселенная, а он почти ничего в ней не видел. Вселенная была колодцем, и каждый человеческий (и не только человеческий) взгляд пробивал в ней другой, более узкий колодец. И все они переплетались, но не смешивались и вели к поверхности Вселенной, где наконец-то сливались воедино — в Эргистаэле... Каждая точка Вселенной, сказал Сид, имеет свою собственную экологическую вселенную. Для данного наблюдателя. Для данного актера. Каждый пытается прочесть линию своей судьбы на стенках колодца. Каждый, если может, старается изменить ее к лучшему. Тот, кто роет свой колодец, не познав самого себя, рушит колодец соседа. Но только не в Эргистаэле. Не на поверхности Вселенной. Для богов Эргистаэла экологическая вселенная слилась с космосом. Им приходилось учитывать все. И всех.

Внизу урианские локаторы прочесывали небо — страхи еще одного отрезка перепутавшейся истории. Но масса гиппрона и его всадника вместе взятых была слишком мала, чтобы батареи засекли их и открыли огонь.

Корсон колебался. Он мог закрыть за собой дверь и тогда наверняка погибнет при взрыве корабля. Или окажется на поверхности Урии вдвоем с Бестией и умрет позже или угодит в лапы к урианам. Немногие пленники возвращались с Урии. И ни один не вернулся невредимым. Корсон мог предоставить лейтенанту Джорджу Корсону,

специалисту по Бестиям, почти ничего о них не знающему, пройти до конца предначертанный ему путь. Тогда он, Корсон — путешественник во времени, исчезнет. Стоило ли ради этого обрекать другого Корсона на все пройденные им испытания и одиночество? А что решил бы другой Корсон, завершив свои странствия? Но он-то и есть этот Корсон...

Так стоило ли все таких усилий? Ночь и ужас в лесу, плачущая Бестия, Флория ван Нейль, которая знала, что он нападет на нее... Или она действительно не имела понятия о том, что случится за этим отрезком времени в несколько секунд, где будущее было для нее свершившимся фактом? Диото, обреченный город, растерянное блуждание по вертикальным улицам. Антонелла, которая, казалось, возникла из ниоткуда — а так оно на самом деле и было. Веран и плен. Дом мертвых женщин посреди трав на незнакомой планете. Эргистаэл, кипящий котел войны, где даже смерть была всего лишь коротким перемирием. Интриги, заговоры, глупая возня воинственных фанатиков, разрывающая ткань времени...

Допустим, он ничего не сделает. Уйдет. Бестия будет доставлена по назначению. Выживет, в этом сомневаться не приходится. И произведет потомство. Со временем Земля выиграет войну с Урией. Зализжет раны. Расширит свою империю. Силой оружия или хитростью будет держать в руках образовавшуюся конфедерацию. Возникнут смуты, начнутся новые войны...

Он вдруг понял одну вещь. Это старая история. История шеститысячелетней давности, извлеченная на свет. В будущем, где он побывал, война между Солнечной Державой и князьями Урии была забыта и похоронена. В этой войне никто не одержал победы, в сущности, обе стороны проиграли. И как бы он ни поступил, случится именно так. Для него это давно перестало быть важным. Он больше не был лейтенантом Корсоном с "Архимеда", которого заботили исход войны да собственная шкура.

Он стал кем-то другим. Ушел слишком далеко.

Корсон поднял глаза к звездам. Золотые песчинки на стенках колодца. Их было больше, чем тех, что сияли в небе Земли. Через шесть тысяч лет они останутся почти такими же. Каждая была загадкой, парадоксом, частицей истории. Для лейтенанта Корсона они были лишь безразличными огоньками. Нынешнему Корсону они казались ступенями лестницы, приставленной к стене времени.

Он мог дать лейтенанту Корсону дожить то короткое время, которое ему еще оставалось, и исчезнуть. С ним исчезнет и горечь. Это будет самое великолепное самоубийство. Но другой Корсон за черной обшивкой корабля не хотел умирать.

А разве я и он — не одно? — спросил себя Корсон. И ему подумалось, что Флория действительно сказала лишь половину правды. Война и была, может, результатом разрыва в единстве всех вероятностей богов Эргистаэла. Но почему *богов?* Почему их должно быть много? Не существовало ли точки, где все боги Эргистаэла являлись вероятностями одного? И не одолела ли этого единственного однажды скука, и не решил ли он разбросать в океане забвения свои лики, быть каждым человеком и всеми людьми, каждым существом и всеми существами? Скалой и стеклом, звездой и волной, пространством и временем?..

Что это, сон? — спросил себя Корсон.— Или мои воспоминания?

Если он умрет, то никогда не узнает, выживет ли другой Корсон. Лишившись жизни, он лишится и воспоминаний о том, что жил.

Там, за жизнью, была сверхжизнь. Страницы книги, сказала Флория ван Нейль. Наши жизни не бесконечны, но безграничны, сказал голос в Эргистаэле. Вы обретете власть над временем. Станете таким, как мы.

Есть по крайней мере три уровня существования. Уровень потенциального существования — как у Сида и Сельмы, которые были лишь вероятностями, занесенными в призрачные реестры Эргистаэла. Уровень линейной жизни,— жизни первого Корсона, где человек оставался пленником, заключенным между рождением и смертью. И, наконец, уровень сверхжизни, который простирался перпендикулярно оси времени и потому был свободен от времени...

Все это напоминало фазы возбуждения элементарных частиц из той, первобытной физики — как будто ученые времен зарождения человеческой истории предугадывали великую истину. Частица, будь то атом, нуклон, мезон или кварк, получив заряд, поднималась на более высокий энергетический уровень. Она становилась чем-то другим, не переставая быть самой собой. Она могла вернуться к своему первоначальному состоянию, излучив частицы низшего порядка — фотон, электрон, нейтрино, мюон или другие.

Корсон подошел к порогу сверхжизни. Он мог снова опуститься на уровень линейной жизни, отторгнув, излучив, как нейтрино, свое существование в последние недели, которое стало лишь одной из вероятностей, почти лишенной возможности реализоваться. Его жизнь не исчезнет полностью, но станет почти нереальной. Не останется ни массы покоя, ни заряда. Как у нейтрино... Кто-нибудь в лаборатории Эргистаэла зарегистрирует нечто вроде пучка искр и запишет исчезновение еще одной сверхжизни.

Все страницы книги не могут переполниться горечью...

Корсон решился.

Черная громада звездолета заслонила звезды над его головой. Корсон десинхронизировал гиппрона, приблизился к "Архимеду", без труда преодолел защитное поле и прошел сквозь броню корабля. Он отправился на поиски люка, ведущего к клетке Бестии, не боясь, что его заметят. Выход из фазы времени делал его почти невидимым для любого человека на "Архимеде".

Он почувствовал, что животное под ним колеблется. Гиппрон фыркал, не желая приближаться к своему дикому сородичу. Корсон успокоил его и засунул капсулу в виток гривы. Он увидел самого себя, сидящего спиной к нему, хотя сдвиг во времени и особенности восприятия гиппрона искажали картину. Виток гривы с капсулой прошел сквозь силовое поле, окружавшее Бестию. Когда капсула была над пастью Бестии, Корсон на миллиардную долю секунды синхронизировался с временем корабля. Вспышка, сухой щелчок. Силовой экран перерезал нить гривы гиппрона, который уже отскочил во времени и пространстве.

На несколько километров и несколько секунд.

Корсон ждал, зависнув в пространстве, всматриваясь в маленький, едва различимый силуэт корабля. Вернулись старые воспоминания. Перед самой катастрофой он увидел какую-то вспышку, ослепительно яркую, но такую короткую, что решил тогда — показалось. Впрочем, тогда у него не было времени, чтобы думать.

За этой, почти незримой вспышкой последовала новая: "Архимед" взорвался. Но урианская артиллерия молчала. Капитан "Архимеда" правильно выбрал орбиту: корабль так и остался незамеченным.

Авария генераторов, подумал Корсон. Нет, это невозможно. Он сам вызвал катастрофу. Стимулятор увеличил возможности Бестии до немыслимых пределов. Но Бестия не воспользовалась этим, чтобы скрыться во времени. Она

просто вырвалась из клетки. И генераторы не выдержали.

Обломки "Архимеда" медленно опускались на Урию. Корсону показалось, будто что-то отделилось от корабля. Но нет, это была всего лишь иллюзия, самообман. Он еще не мог видеть сквозь время.

Я научусь, подумал Корсон, вспоминая своих погибших товарищей. Для них он ничего не мог сделать. Не мог вернуться назад и вступить в поединок с самим собой, чтобы помешать себе ввести гиппрону капсулу.

Корпус корабля достиг атмосферы Урии и загорелся. Артиллерия наконец открыла огонь. Вокруг падающих обломков закружились крохотные искорки урианских разведчиков. Корсон попытался убедить себя, что корабль так или иначе уничтожили бы. Но это тоже был самообман.

"Архимед" догорал среди равнодушных звезд.

Где-то там, на Урии, через шесть тысяч лет, другой Корсон пытался выжить. Он еще не знал, что под холодным взглядом веков убьет войну, что услышит в Эргистаэле голос богов и что достигнет, быть может, сверхжизни...

— Почему я? — спросил Корсон, возвращаясь на дороги будущего.

— Я-а-а-а,— откликнулось множество отзвуков со всей длины жизни Корсона и других жизней Корсона, что шли рядом. И ему показалось, что он слышит, как сознание его наполняется шепотом, в нем рождались слова — отголоски океана сознаний других Корсонов. Он почувствовал, что готов войти в контакт с бесчисленными Корсонами из будущего, подумал, что узнает, чем они живут, и будет видеть их глазами и думать, как они. Но он остановился на пороге, как будто споткнулся, и не решился сделать следующий шаг, потому что время и опыт еще не сделали свое дело, и потому, что перед всеми теми Корсонами еще только замаячил призрак удачи.

МИШЕЛЬ ДЕМНУТ

ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Michel Demuth

«Les grands équipages de lumière»
«Le fief du félon»
«Aphrodite 2080»

ВДАЛЬ, К ЗВЕЗДАМ (2030)

«Свершения человека извечно зависят от вероятности и случая, вопреки упорному его стремлению подчинить свое бытие строгим планам.

Он черпал мужество в высокомерном упрямстве, но удачи его не раз оборачивались болезненным ударом по самолюбию. Весь Первый Век Звездной Экспансии, в эпоху гигантских светолетов, люди двигались от светила к светилу на ощупь, и кто знает, быть может, лишь неведение приводило порой человека к победе, а его триумфы видело лишь равнодушное одиночество...»

«ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ»

Существо было единственной формой жизни в этом мире. Оно возникло в глубинах минерального царства, рожденное чудовищными температурами и тектонической деятельностью. Целую вечность, показавшуюся ему единым мигом, оно растило свои осязательные щупальца, стремясь добраться до далекой планетной коры. Словно побеги дерева, щупальца поднимались к поверхности и свету, а Существо не покидало своей обители в ядре планеты. Щупальца пробивались сквозь неподатливые базальтовые пласты, пересекали заполненные магмой полости и слои руды.

Каждое щупальце подчинялось своему собственному мозгу, который самостоятельно мыслил и принимал ре-

шения. Добытая информация и знания об окружающем Существо мире передавались в главный мозг.

В базальте щупальца двигались медленно. Они не шли упрямо вверх и напролом, находя более легкий проход через трещины и пустоты, выбирая путь сквозь самую мягкую породу, на целые столетия забывая о прямой дороге к поверхности, чтобы затем рвануться к далекой цели быстрее и без помех.

Существо не знало, что такое голод, ибо любая частица окружающей его среды годилась ему в пищу — оно умело преобразовывать материю в нужную форму энергии. Оно не ведало страха и не имело врагов, поскольку было единственным обитателем этого мира.

Всю жизнь Существо занималось размышлениями и анализировало информацию, поступающую от щупалец-разведчиков.

Оно знало, что некоторые из них, те, чей путь был самым легким, довольно близко подобрались к новой среде — Существо ощущало быстрые изменения. Но торопиться было некуда, ибо оно не подозревало о существовании времени, а исследовательская деятельность была естественной функцией организма, без малейшей примеси любознательности. Существо росло...

* * *

— Ну-ка раскрути его! — подзадоривал Гарно сына.

Сидя на ковре, он щелкал пальцами. Ребенок заливался смехом. Отец забавлял его больше, чем игрушка — множество разноцветных шаров, которые вращались и прыгали в прозрачном сосуде с миниатюрным антигравитационным полем.

— А ну, раскрути его,— повторил Гарно.— Изо всех сил. Смотри!

Он взял сосуд в руки и хотел было подбросить вверх, но в это мгновение вспыхнул экран корабельной связи.

— Погоди, малыш... Кажется, командир.

Он встал и подошел к ожившему экрану.

Арнхейм был явно озабочен. Его лицо, обрамленное русыми волосами, было так бледно, что казалось призрачным.

— Гарно, жду вас в рубке управления... Надо поговорить.

Он тут же отключился, и экран снова стал матовым.

Гарно на несколько секунд застыл, уставясь невидящим взглядом на сынишку, крутившего сосуд с весело скачущими шариками. Потом шагнул к двери, но вдруг спохватился.

— Эй, малыш... Запрещаю тебе входить туда. Ясно?

Мальчуган поднял к отцу сразу ставшее серьезным лицо и кивнул.

Уже выходя, Гарно столкнулся с Элизабет — она держала в руках корзинку со свежими фруктами.

— Ой! — жена поставила корзинку с персиками и сливами на столик и улыбнулась.— Ты спешишь? Знаешь, оранжереи впервые дали такой урожай и только подумай — в самом конце путешествия!

Она пожала плечами и скорчила забавную гримаску.

— Даже если мы приземлимся в раю, оранжереи все равно понадобятся,— обронил Гарно и взял персик.— Меня вызвал командир. Скоро вернусь... Пригляди за Бернаром, он что-то повадился лазить в гипнориум.

Направляясь в головные отсеки корабля, Гарно снова подумал о сыне, который уже дважды забирался в гипнориум. В первый раз он нарушил регулировку дозатора анестезирующего раствора и сыворотки. А во второй — улегся в "колыбель", включив тем самым автоматику. Разбудить Бернара смогла только реанимационная бригада.

Будь они на Земле, Гарно просто заблокировал бы замок. Но правила безопасности запрещали делать это во время полета. В любое помещение, в любой отсек, за исключением отсека фотонных двигателей, вход должен быть свободным для всех. А дети быстро усваивали, как справиться с магнитным запором.

"Слишком уж они быстро развиваются в условиях полета,— думал Гарно.— Изучаешь результаты тестов и оторопь берет..."

Затем его мысли переключились на другие проблемы — Гарно прикинул, каким может оказаться воздействие анабиоза на психику. То, что светолет пересекал межзвездные бездны, никого не удивляло. Вот время оказалось куда более серьезным противником. Был ли анабиоз победой разума над временем?

Беременность Элизабет продолжалась чуть более десяти месяцев, даже учитывая сон в гипнориуме. Анабиозная камера для женщин, ждущих ребенка, разрабатывалась на Земле задолго до старта. Но как пребывание в ней отразится на умственном развитии детей? Бернар казался со-

вершенно нормальным, только его IQ — коэффициент умственных способностей — был выше, чем у ребенка на Земле. Впрочем, такими оказались все дети, родившиеся на борту. Элизабет это нисколько не волновало. Она полностью доверяла специалистам и аппаратуре.

"Моя космическая женушка",— часто повторял Гарно, и в голосе его одновременно слышались и восхищение, и горечь. Он любил свою работу корабельного психолога, но в глубине души желал, чтобы их долгое путешествие поскорее завершилось. Вот уже двадцать лет, как корабль унес их от Земли к этой системе, чье солнце сияло впереди неяркой голубоватой звездой...

Гарно задержался в широком коридоре перед самой рубкой, находившейся на "северном полюсе" светолета. Вся правая стена здесь была экраном панорамного обзора. И всякий раз он останавливался перед ней.

Космос с его бесчисленными звездами всегда поражал его, будил и восхищение, и страх, и ошеломление, и печаль. Восхищение и ошеломление, поскольку Солнце осталось позади — в восемнадцати световых годах. Страх перед тем, что ждет их в конце долгого пути, а печаль...

Печаль рождалась от зрелища несметного множества солнц. Гарно не сомневался в этом, ведь он был психологом и любил покопаться даже в своих собственных эмоциях.

Он коснулся ладонью холодной поверхности экрана, где на черном бархате космоса тускло зеленела газовая туманность, сверкали золотые точки тройной звездной системы, а вдали мерцали созвездия, которым человек пока еще не дал имени и, быть может, не даст никогда, ибо лик космоса меняется непрестанно...

Гарно отвернулся и вошел в рубку.

* * *

Арнхейм был не один. Гарно остановился на пороге — в полумраке люди казались призрачными тенями, бесплотно мелькавшими на фоне разноцветных контрольных огоньков и холодного отблеска звезд на куполе рубки.

— Гарно?

Свет стал ярче, и Гарно разглядел лица: навигаторы Вебер и Сиретти, начальник отсека фотонных двигателей Кустов, мэр сообщества Барреж, вечно мрачный Шнейдер, представляющий Объединенные Социалистские правительства Европы, и пятеро офицеров рангом пониже. Психолог

почувствовал себя неуютно среди этих людей и хотел было сказать об этом Арнхейму. Но промолчал, поразившись необычайной бледности командира.

— Вот, любовались нашей звездочкой. Уже так близко...— заговорил Арнхейм с горькой усмешкой.

Гарно бросил взгляд на экран. Он знал, в какой точке среди невообразимо далеких красноватых солнц сияет голубой огонь Винчи.

— Скоро мы пересекаем орбиту внешней планеты,— продолжал Арнхейм.— Цель прежняя — Цирцея, но...

— Но?

— Боюсь, нам до нее не добраться.

— Не понимаю...

Арнхейм устало махнул рукой, и тогда поднялся Кустов. Его голос звучал как всегда глухо, и от этого слова казались еще более чудовищными...

* * *

Молчание длилось долго.

— В принципе такое могло случиться,— снова заговорил Кустов.— Но вероятность была мала, исключительно мала...

— Мы всегда считались с возможностью аварии,— подтвердил Арнхейм.

Он смотрел на Гарно в упор, как бы желая убедить в своей искренности, а может невиновности, и психолог понимал его.

— Мы еще не знаем, насколько это серьезно. Отказали блоки отключения фотонных двигателей. Сложная штуковина — ведь с ее помощью задувают самую исполинскую свечу из всех зажженных человеком. Проверки во время полета никаких отклонений не выявили, но в последний раз...

Арнхейм замолчал, его кулаки сжались.

— Если нам не удастся отключить двигатели в нужный момент,— прошептал Гарно,— мы не сможем выполнить торможение и... сесть на Цирцею.

— Проскочим систему насквозь,— хрипло пояснил Кустов.— Конечно, дальше тоже есть подходящие солнца... Но у нас почти не остается шансов наткнуться на планету земного типа.

Главный навигатор молча кивнул.

— Продолжать полет бессмысленно,— снова раздался голос Арнхейма.— Винчи — единственная подходящая нам

система, и до нее буквально рукой подать... Три недели полета, а может, и того меньше. Но за это время необходимо найти способ остановить двигатели.

— У меня работой заняты четверо инженеров и все техники,— хмуро добавил Кустов.— Они сменяют друг друга с того момента, как мы обнаружили аварию. Об опасности я и не говорю. Пока они не предпринимали по-настоящему рискованных попыток, но если мы решимся...

Светлые глаза Кустова испытующе обвели лица офицеров.

— Опасность будет грозить всему кораблю... Но это — крайний случай.

— И если я все-таки отдам приказ?..— едва слышно спросил Арнхейм.

Он поднял голову, глянув на Гарно в упор:

— На борту две тысячи мужчин, женщин и...

— Триста восемьдесят детей,— резко закончил Гарно.— Если люди узнают, что происходит, то половина сойдет с ума. Мой долг...

— Ваш долг — сказать им об этом,— оборвал его Арнхейм.

Гарно вздрогнул и метнулся взглядом по рубке, словно ища поддержки.

— Вы думаете, это необходимо? Разве вы их ставили в известность, когда возникали трудности у навигаторов?

— Они готовятся к заселению нового мира,— произнес Арнхейм, его голос звучал холодно, почти угрожающе.— Они в полной мере осознают свою ответственность. Эти люди преодолели миллиарды километров. Они провели на корабле двадцать лет — в анабиозе и на вахте. У них появились дети... Право решать принадлежит им.

— Их жизнь станет адом. И я не смогу поручиться за их рассудок...

— Им грозят куда более серьезные потрясения, если мы объявим, что путешествие будет продолжаться вечно! Нет, они должны сделать выбор сами. Пусть проголосуют... Либо за риск и возможную катастрофу, либо за продолжение полета без всяких гарантий когда-нибудь закончить его.

— Гарантий у них не было с самого начала,— возразил Гарно,— только обещания, шанс на успех, расчеты космографов... Это касалось и двигателей.

Он отвернулся и вспомнил об Элизабет. И удивился, поймав себя на мысли, что Бернар, быть может, опять спит в гипнориуме.

— У вас трудная задача,— голос Арнхейма вывел его из задумчивости.— Но вы — единственный, кто с ней справится. Вы всех проверяли, всех испытывали. Как они будут реагировать?..

— Не знаю, как они будут реагировать,— Гарно сделал несколько шагов и застыл около сверкавшего огоньками пульта компьютера,— но знаю точно, что они предпочтут.

На мгновение в рубке стало тихо. По экрану гравидетектора змеились зеленые стрелы — векторы полей тяготения.

— Я тоже знаю,— задумчиво сказал Арнхейм.

* * *

Гарно стоял в кормовой части корабля рядом с двигательным отсеком. Он был в галерее один, и стены в слабом свете звезд казались влажными. Мягкий пластик скрадывал шум шагов. За переборкой глухо ворчали двигатели. Прислушавшись, Гарно различил пощелкивание реле и гудение батарей. Техники Кустова готовились к усмирению громадных фотонных двигателей, которые двадцать лет — десять периодов анабиоза и десять периодов вахты — несли корабль вперед.

Скоро им, чтобы погасить упрямый поток фотонов, придется вскрыть двигатели. И возможно тогда адское пламя вырвется из силовых оков и в мгновение ока уничтожит корабль...

"Я должен им это сказать. Не позже сегодняшнего вечера. У меня в запасе всего три часа... Как объяснить? Сменить один ад на другой — вот и весь их выбор..."

Он повернулся и направился в обзорный зал корабля.

Зал освещало только огромное изображение планеты на выпуклом стереоэкране. Гарно уселся в самый дальний ряд кресел. В полумраке он угадывал знакомые силуэты друзей. Шушукались дети. Справа от него приглушенно засмеялась девушка, и его вдруг зазнобило.

На экране в лучах своего солнца сияла Цирцея, единственный спутник шестой планеты системы Винчи. Очертания континентов скрадывались белым кружевом облаков. К югу, над просторами океана Арнхейма, небо было чистым, и вода играла сине-зелеными отблесками. Гарно показалось, что он видит даже бесконечную полосу прибоя — песчаные пляжи, окаймленные темными чужими лесами.

"Что делать? — думал он.— Ведь никто не захочет уйти от этой планеты... Никто..."

Он вспомнил о двух праздничных днях после открытия Цирцеи. Тогда разбудили всех, кто лежал в анабиозе, и Арнхейм с Креше устроили грандиозный пир...

Гарно поднялся и торопливо вышел из зала.

Когда он вернулся к себе, Элизабет спала, хотя экран работал. Он хотел было выключить его, но в черной глубине возникла Цирцея, разделенная пополам границей дня и ночи. Там, где сейчас были сумерки, планета сверкала феерическими розово-зелеными огнями. Он уселся на кровать, не в силах сглотнуть застрявший в горле ком. Креше спокойно и обстоятельно объяснял, как расположены леса на экваториальном континенте.

— Черт подери!!! — не выдержал наконец Гарно.— Да он не имеет права!

— Поль?

Гарно вздрогнул и обернулся; рука, гневно рванувшаяся к выключателю, замерла. Элизабет смотрела на него с удивлением и тревогой.

— Ты не спишь?

Он снова ощутил противный озноб и наклонился к ней.

— Я проснулась, когда ты вошел,— ответила Элизабет, повернувшись к экрану.— Что на тебя накатило? Тебе обычно нравятся комментарии Креше.

"Комментарии,— подумал он.— Ну, конечно, это же комментарии, записанные несколько часов назад. Жизнь продолжается. Телестанцию никто не позаботился предупредить. Надо прервать передачу..."

Теплая рука жены неожиданно коснулась его плеча.

— Что-нибудь случилось?

Гарно промолчал, не отрывая взгляда от экрана.

— Что тебе сказал Арнхейм?

Гарно взглянул на часы корабельного времени, вмонтированные в изголовье кровати. До вечера условных суток корабля оставалось полтора часа. Арнхейм понял его состояние и дал небольшую отсрочку.

— Элизабет... Мне надо кое-что сказать тебе...

Он закрыл глаза — ему не хотелось видеть, как изменится сейчас ее лицо.

— Думаешь, тебя не поймут? — спросила Элизабет, выслушав его.

Он кивнул.

— Ты не прав...— она ласково взлохматила ему волосы.— Нас на борту больше двух тысяч, Поль. Две тысячи неглупых взрослых людей, которые отправились в путь, несмотря на опасности. Они согласились на это путешествие, даже не будучи уверенными, что найдут подходящий мир... Чего ты боишься? Почему считаешь нас пугливыми младенцами? Ты, Арнхейм и его штаб вовсе не какая-то высшая и мудрая каста, призванная вести тупую массу колонистов... Такой взгляд на вещи приказал долго жить, когда люди построили первый светолет...

Гарно словно очнулся. Слова Элизабет растопили кусок льда в груди — смог бы он вынести это путешествие без ее поддержки?..

— Ты — главный психолог корабля, но не больше, и, в отличие от Арнхейма, не несешь ответственности за безопасность звездолета. Никто тебя не посмеет ни в чем упрекнуть.

Он с сомнением поглядел на нее.

— Но ведь речь идет о смертельном риске! В любой момент мы можем просто исчезнуть. Думаешь, легко сказать такое людям, которые двадцать лет ждут конца дороги? Не могу же я заявить с милой улыбкой: "Кстати, фотонные двигатели вышли из-под контроля, и мы сидим на громадной бомбе..."

— Даже если ты скажешь именно так, они не разревутся, как дети, хотя ты почему-то уверен в обратном. И не поднимут на борту бунт. Они проголосуют. А результат, Поль, ты его и сам знаешь. Они ведь все — обычные люди. У них есть дети, и они не захотят, чтобы те вечно слонялись от оранжерей до обзорного зала и обратно, вместо того чтобы бегать под лучами ласкового солнца...

— Я знаю это, но потому и боюсь,— он прислонился к стене рядом с фотографией улыбающейся Элизабет, стоящей на поле среди спелой пшеницы.— Все мы выберем одно и то же. Но если корабль взорвется... Сколько лет пройдет, пока люди вновь прилетят сюда? В чем наш долг как колонистов? Рискнуть всем из страха перед лишним десятилетием в анабиозе? Я считаю — кстати, об этом говорилось и в речах перед стартом — что нам надлежит беречь образ человеческий...

Элизабет опустила голову и промолчала.

Он открыл дверь и шагнул в коридор.

— Поль,— раздался вслед ее голос,— у нас же есть шанс... Почему двигатель *должен* взорваться?

Гарно не нашелся, что ответить. Он брел по коридору и повторял про себя: "Может я слишком мнителен? И так ли уж все плохо, как мне кажется?"

К микрофону он сел, почти совсем успокоившись.

В студии остались двое техников, и по их лицам он понял, что Арнхейм уже рассказал им...

— Дайте позывные "слушайте все",— твердо проговорил Гарно.

* * *

Долгие годы щупальца прокладывали себе путь в мощном слое руды. Они черпали энергию в атомах металлов и проделывали километровые трещины, по которым двигались вверх быстрее. Они стремились к поверхности, снабжая новой информацией главный мозг.

И вот настал момент, когда самое длинное щупальце — их было много, и они разбегались в разные стороны, словно лучи звезды — достигло цели.

На пути этого щупальца лежало больше мягких пород, и к тому же близко было дно океана. Щупальце пронзило пласт руды, затем последний скальный барьер и попало в новую среду, которая почти не оказывала сопротивления. Она состояла из кристаллов и обломков рыхлого вещества сложной структуры и непонятного происхождения. Щупальце могло бы растворить его различными кислотами, но в том не было никакой необходимости. Существо знало, что вскоре щупальце проникнет в ту Далекую Окружающую Среду, о которой подозревало, едва начав развиваться.

До дна океана оставалось совсем немного, и победа была близка.

* * *

Когда Гарно появился в каюте капитана, тот внимательно разглядывал Цирцею на экране внешнего обзора. Арнхейм не повернул головы, но психолог понял, что капитан услышал, как он вошел. На мгновение Гарно застыл посреди каюты, вспоминая о выступлении и чувствуя одну лишь неимоверную усталость.

— Ты говорил? — глухо спросил Арнхейм.

— Да.

Гарно подошел к экрану и привалился плечом к пере-

борке. Ему не хотелось видеть звезды, наполнявшие каюту призрачным светом. Острые скулы Арнхейма казались голубоватыми и еще больше подчеркивали остроту тонкого носа. Капитан хмурился, с трудом сохраняя спокойствие.

— Было трудно?

— Ждал худшего. Правда, я еще никого не видел, и пока не знаю их реакции... Завтра...

Наконец Арнхейм стряхнул с себя оцепенение. Он повернулся вместе с креслом и взглянул на Гарно.

— Теперь это не имеет особого значения. Колонисты должны знать правду. Наш человеческий долг и политический принцип — ничего не скрывать.

— Я — француз,— произнес Гарно,— и когда улетал, мое правительство не очень-то церемонилось с истиной.

Арнхейм кивнул.

— Новой Европе пока еще трудно отделаться от некоторых... как бы сказать... авторитарных замашек. Правительства не научились правильно оценивать тех, кем управляют. Соответственно они и ждут от народа слишком многого, а простые люди склонны забывать о политике. Революции происходят редко, для них нужны особые обстоятельства... Ваши биологи изучали этот вопрос, но президент Малер оказался глух к их словам. Садитесь, Поль...

Он тронул клавишу, и рядом с его креслом появилось второе.

Несколько минут они молчали. Гарно смотрел на звезды. Ему показалось, что голубая звезда в центре экрана стала много больше.

— Я родился в Германии,— задумчиво начал Арнхейм,— и хотя пережил Американский Хаос, пришел к тем же выводам, что и вы. Вам не кажется странным, что мы заговорили о политике? На Земле прошло двадцать лет, многое изменилось. Очутись мы сейчас в Европе, на нас смотрели бы как на живых ископаемых...

— Никто не захочет возвращаться,— сказал Гарно.— И первым откажусь я.

— Именно это я и имел в виду... Земные заботы для всех нас умерли и умерли навсегда. В том числе и политика. И когда я говорил о политическом принципе, то думал только о нашей колонии.

— А что подумает Шнейдер, наш обожаемый представитель правительств?

— Он первый поведет себя как гражданин вселенной, если нам удастся выпутаться из этой ситуации.

— Гражданин вселенной,— протянул Гарно.— А вы знаете, что люди называли так кандидатов в колонисты?

— Знаю, Поль. Был такой фильм в 90-е годы — "Вдаль, к звездам..."

— И конечно там были катастрофы?

— Конечно. И предостаточно.

— Я вам понадоблюсь, когда начнется голосование?

— Да. Самая тяжелая работа ждет нас завтра.

— А Кустов? Когда он возьмется за двигатели?

— Сразу после подсчета голосов. Но если мы вовремя не выйдем на подходящую для посадки орбиту...

Гарно поднялся.

— Пойду отдохну.

— Как Элизабет?

— Отлично... Она здорово поддержала меня. Я думал, что она тут же бросится выключать двигатель...

Арнхейм улыбнулся.

— Женщины могут вынести все, Поль. С ними звездам не совладать.

* * *

Щупальце проникло в океан в нескольких километрах над континентальной плитой и тут же сообщило об этом главному мозгу. Потом по его приказу выпустило во все стороны тонкие горизонтальные отростки. И совершило открытие, вызвавшее у Существа беспокойство, которого оно никогда прежде не испытывало.

До сих пор щупальце двигалось вверх в богатой энергией плотной среде, где и родилось Существо. Оно извлекало энергию из минералов и металлов, то есть попросту пожирало препятствия. Новая среда была бедна энергетическими ресурсами. После осадочного слоя на дне начиналась громадная толща жидкости, в которой отростки двигались очень быстро. Вскоре один из отростков вынырнул на поверхность, и мозг щупальца пришел к выводу, что положение куда хуже, чем казалось. За океаном начиналось опасное пространство, пустыня, из которой можно было извлечь лишь жалкие крохи энергии. Перед тем как передать информацию в главный мозг, мозг щупальца направил к поверхности множество новых отростков. Один из них пересек незнакомую среду и собрал достаточную информацию для анализа:

...Новая Среда пронизана различными излучениями.

Некоторые известны — они существуют и в Богатой Среде. Другие незнакомы, они чрезвычайно интенсивны, их происхождение непонятно. Однако почти все годятся для усвоения и получения определенной энергии.

...Плотность молекул быстро уменьшается по мере удаления от Богатой Среды, а излучений становится больше.

...Один источник тепла и излучений резко отличается от остальных. Он занимает ограниченный участок пространства прямо перед отростком и медленно смещается в сторону.

Мозг щупальца, открывшего атмосферу, космос и светило, передал главному мозгу информацию и свои выводы.

Впервые в жизни Существо столкнулось с действительно трудной задачей. Оно ощутило беспокойство, отголосок того беспокойства, которое чувствовало щупальце, далекое от центрального тела.

Существо не торопилось. Оно понимало, речь идет о его существовании. Оно росло, и другие щупальца тоже поднялись к Новой Среде. Придет время, когда иссякнет энергия плотных скальных пород, рудных пластов, кристаллических жил, а его тело разрастется, достигнет пустынной поверхности и столкнется с ***отсутствием пищи...***

Существо решилось на исключительные меры — оно передало часть необходимой ему самому энергии передовым щупальцам, уже с трудом поддерживавшим свое существование.

* * *

Голосование закончилось.

Сидя возле полок с видеокассетами, Гарно смотрел на сына. Бернар снова увлекся "сумасшедшей коробкой". Шары с глухим щелканьем крутились внутри сосуда, а когда малыш нажимал черную кнопку, раздавалось пронзительное пищание.

Элизабет вошла в каюту и улыбнулась.

— Арнхейм опять вызывал тебя.

Он пожал плечами.

— Я свое дело сделал. Теперь вся надежда на Кустова.

— И все же сходи к нему...

— Ладно, схожу.

Гарно опустился на колени, легонько оттолкнул игрушку и взъерошил волосы сына.

— Я злюсь,— решительно заявил малыш и протестующе швырнул игрушку в угол.

— Вот и попробуй с ним сладить,— заключила Элизабет.— Он — дитя новой эпохи.

Гарно не спеша поднялся, рассеянно оглядел свой комбинезон.

— Забыл спросить... Малыш не лазил вчера в гипнориум?

Она улыбнулась.

— А какое значение это имеет теперь? По мне, лучше бы он спал в тот момент...

— Какого-то особого момента не будет,— обронил Гарно.— Результат голосования однозначен, и люди Кустова уже взялись за двигатели.

Она не ответила, и Гарно принялся собирать записи, которые несколько дней назад принес из отдела психологии. Сегодня они могли понадобиться.

Элизабет по-прежнему неподвижно стояла посреди комнаты. У ее ног сидел малыш с удивительно серьезным выражением на лице. Несколько секунд Гарно не мог найти нужных слов, потом нагнулся и поднял "сумасшедшую коробку".

— Она тебе разонравилась?

Гарно положил игрушку на ковер и быстро вышел.

Отдел психологии находился рядом с медблоком на "южном полюсе" корабля. К нему вели два коридора и галерея, которую прозвали "кладбищенской аллеей". Гарно не любил этого места и всегда спешил пройти мимо. Но сегодня он остановился и повернулся к левой стене, где на гладком металле чернел ряд клавиш. После секундного колебания он поднял руку и нажал одну. Когда за стеной стал разгораться призрачно-желтоватый холодный свет, его сердце забилось чаще. Глазам Гарно открылось "корабельное кладбище".

На самом деле место называлось просто "большой зоогипнориум". Громадное помещение соперничало размерами лишь с оранжереей, где росли деревья. Сводчатый потолок усиливал сходство с громадным белым склепом. Но там не было трупов, только застывшие тела спящих животных. Взгляд Гарно перебегал от лошади к корове, от собак к

семейству кошек, которые словно мурлыкали, пристроившись в самом углу рядом с контрольным монитором.

По стеклянной бандерилье, торчащей в загривке грузного черного быка, поступала поддерживающая жизнь сыворотка.

В отдельной клетке спали закоченевшие змеи.

Звери спали с самого старта ковчега. Они не ведали страха, не чувствовали бега времени и не занимали слишком много необходимого человеку пространства.

Стада для будущих прерий, собаки для натаскивания на неведомую дичь, кошки-путешественницы, которым, быть может, придется переплывать бурные реки, лошади, которые наверняка снова превратятся в тягловую силу...

Каждый вид спал в своем собственном прозрачном загоне — то был самый большой гипнориум из созданных для колонистов звездных миров.

Свет медленно затухал и исчез, стоило человеку отойти от стены. Потрясенный Гарно сознавал, что совершает психологическую ошибку, отождествляя животных с людьми... Но на этот раз не стал анализировать свои эмоции.

Гарно подошел к своему кабинету. "Действительно,— подумал он,— все только начинается. Они проголосовали. И выбрали риск, конец путешествия, каким бы тот ни был. Почти все. *Почти* все. А с теми, кто испугался, возиться придется мне..."

Дверь скользнула в сторону. Он хотел было войти в крохотное помещение, как вдруг металлические панели затряслись, словно в лихорадке. Он потерял равновесие, попытался схватиться за раму двери, не сумел и растянулся на полу.

Далекий рев отозвался в голове мучительной болью...

* * *

Энергия поступала по тысячекилометровым щупальцам, чтобы новые отростки могли подняться в космос, передавая главному мозгу самые разнообразные сведения, которые все усиливали тревогу Существа.

Ему оставалось жить определенный отрезок времени, равный уже прожитому, если исходить из размеров породившего его мира. Для Существа, привыкшего мыслить в категориях вечности, такой вывод звучал смертным приговором. Открытие новых источников энергии, плотной материи становилось вопросом жизни и смерти.

Отростки из микроскопического размера клеток разбежались по всей поверхности планеты, устлали ковром дно пустых океанов, глубокие долины и островерхие хребты гор, где произрастали чахлые мхи.

Передовые щупальца поднимались в космос, выбрасывая отростки в разные стороны во все более и более бедной среде, пока не достигли пустоты.

Пришло время покинуть пределы атмосферы. Когда-то Существо предугадало наличие поверхности своего мира, а теперь догадывалось, что где-то в пространстве есть богатые энергией плотные тела, источники излучений, которые улавливали его отростки, но до них еще было невообразимо далеко.

* * *

В глазах посветлело, и тут же вернулась боль. Гарно лежал в своем кабинете. Он приподнялся и почувствовал тошноту.

— Спокойнее...— послышался голос доктора Мартинеса.— В вас пока никто не нуждается.

Вокруг царила тишина, словно ничего не произошло. Все на корабле казалось тихим и обычным. Но лицо Мартинеса застыло в напряжении — таким Гарно видел доктора впервые.

— Что-то взорвалось?

— Генератор,— ответил Мартинес.— Это еще не катастрофа, но многим досталось побольше вашего. Медблок переполнен.

Гарно осторожно ощупал бинты на голове, встал, держась за стенку.

— Я ведь сказал, что у вас пока нет пациентов,— нахмурился Мартинес.— Они понабивали себе шишек и обратились в другое ведомство. Думаю, что эта встряска излечит их от психологических сдвигов.

— Вы предупредили мою жену?

Мартинес кивнул.

— С ней все в порядке. А вам лучше бы вернуться к себе...

— Меня ждет Арнхейм.

В рубке управления, кроме Арнхейма, были Вебер и Сиретти — их головы закрывали экран. Сиретти что-то вполголоса объяснял, отчаянно жестикулируя.

Гарно заметил Шнейдера не сразу. Представитель пра-

вительств Европы молча сидел у второго экрана. Гарно подошел ближе и увидел оранжевый шар в желтоватой дымке атмосферы. Корабль шел в двух миллионах километров от восьмой, внешней планеты системы Винчи.

— Даже выглядит довольно неприятно,— хмыкнул Шнейдер, когда Гарно оказался рядом,— а еще хуже угодить на нее.

В этом голосе всегда сквозили злость и презрение, и Гарно не мог отделаться от неприязни к представителю, хотя прекрасно знал о его порядочности.

— И все же однажды придется заняться ею,— снова заговорил Шнейдер.— Как и прочими планетами этой системы. Развивающейся колонии наверняка понадобится метан, да и лишние минеральные ресурсы не помешают. Но разберутся с этим наши потомки. Если, конечно, нам повезет, и мы доберемся до места живыми.

— Что вы хотите сказать? Колония проголосовала и сделала выбор. Мы остановим двигатели, и полет на этом закончится.

В проницательных глазах политика мелькнул огонек иронии:

— Вы так уверены? Или... вы не боитесь?

Гарно пожал плечами. Он покосился на Арнхейма, надеясь, что тот окликнет его и избавит от неприятного разговора. Но Сиретти продолжал свои разъяснения, и капитан не обернулся.

— Да, я боюсь, как и все,— выдавил он.— Но я тоже голосовал за остановку двигателей.

— А я голосовал против,— тихо проговорил Шнейдер.— Это — мой политический долг, если хотите. Экспедиция потребовала невообразимых затрат, не говоря о потерянном времени и чьих-то амбициях...

— Я знаю все это,— перебил Гарно.— Но что бы вы выбрали как человек?

— Я слишком боюсь смерти, чтобы бросаться ей навстречу. Возможно, со временем я нашел бы вкус в бесконечном ожидании и кончил бы тем, что полюбил само ожидание, а не цель. Пока события подтверждают, что я прав...

— Не знаю, шутите вы или нет. Но мне не хотелось бы подвергать вас тестам.

В этот момент Арнхейм выпрямился, повернул к нему голову и едва заметно кивнул. Гарно почувствовал смутное беспокойство.

— Нам не везет, Поль. Кустов делает все, что в его силах, но не исключает, что в ближайшие часы взорвется и второй генератор... А значит возникнут трудности с регенерацией воздуха. Надо разместить спасательные бригады в разных точках корабля и рассредоточить население колонии для экономии воздуха и энергии. Вы можете заняться этим, Поль?

— Что вы мне разрешаете делать?

— Уложите лишних в гипнориум, если понадобится. Можете, в конце концов, использовать наших полицейских. На корабле должен быть порядок.

Гарно ощутил противную тяжесть в желудке.

— Что говорит Кустов?

— Я не спрашиваю его ни о чем. Он с самого начала работает как проклятый, а двигательный отсек сейчас больше напоминает ад в миниатюре.

Сиретти и Вебер перешли к навигационному компьютеру, на панели которого бешено вспыхивали и гасли огоньки.

— У нас есть шансы, если взорвется второй генератор? — спросил Гарно.

Хотя заранее знал ответ. Взгляд Арнхейма подтвердил худшие из его предположений.

Он закрыл за собой дверь рубки и побрел домой.

Элизабет сидела на кровати и плакала. Гарно остановился, не зная что сказать. Потом легко коснулся ее волос.

— Перестань. Малыш может испугаться...

Она покачала головой и показала на дверь гипнориума.

— Ты права,— сказал он.— Я сам хотел попросить тебя об этом...

Он поднял с пола игрушку, и шары тут же закружились в танце.

— А ты? Может, и ты...

— Я достаточно взрослая, чтобы быть рядом с тобой. Ну, а поплакать... думаю, мы выберемся. А как по-твоему? Ты ведь тоже так думаешь, Поль?

* * *

Существо росло и развивалось, а потому познало страх. Этот страх заставлял его удлинять и разветвлять сеть щупалец в космосе. Отростки рвались к голу-

бому солнцу, а до него было далеко. Плотные пучки щупалец поднялись с родной планеты, Богатой Среды, и устремились к соседним. Другие щупальца, хотя их было мало, ринулись к звездам.

Одно из щупалец обнаружило источник энергии, который передвигался в пустом пространстве на относительно близком расстоянии. Мозг щупальца проанализировал ситуацию, сделал выводы и предупредил главный мозг.

Обнаруженный источник был не слишком богат энергией, но из-за близости становился желанной и необходимой добычей. Существо выделило добавочную порцию энергии щупальцу, чтобы ускорить его рост в направлении подвижного источника.

И стало ждать.

* * *

— Когда меня поставили в известность об аварии,— в темноте голос Гарно звучал глухо,— я испугался за самого себя. Я испугался, что впервые придется стать самим собой. Я отчаянно испугался всплеска психических расстройств, поскольку все эти мужчины и женщины бросились бы за утешением ко мне... А успокаивать людей, одержимых тем же страхом, что и ты сам, было бы невыносимо...

— Ты вовсе не трус,— сказала Элизабет.— В таком страхе нет ничего позорного. Столь опасные ситуации возникают редко, и никто не вправе требовать от людей быть суперменами...

— Женщины никогда к этому не стремились,— хохотнул Гарно.

Они замолчали, каждым своим нервом ощущая тревожную тьму корабельной ночи, пытаясь уловить басовитый гул фотонных двигателей и перестук инструментов в руках техников, готовых вскрыть и обезвредить "бомбу".

Когда Гарно встал, Элизабет шагнула следом — она поняла, куда сейчас направится муж. Приоткрыв дверь гипнориума, они с порога смотрели на спящего сына.

Анабиозная камера походила на кокон из хрома и стекла, увитый разноцветными трубками.

— Я знаю, он видит сны.

Гарно отступил на шаг.

— Не думаю, что смог бы заснуть...

— Хочешь пойти туда?

Он понял, что́ она хотела спросить.

— Ты не в состоянии просто сидеть и ждать,— усмехнулась Элизабет, закрывая дверь гипнориума.— Твое мученичество психолога не состоялось, и ты подыскиваешь себе другую роль. Я ведь права. Что ж ты молчишь? Жалеешь, что твое искусство не понадобилось? Ты ведь не можешь об этом не думать.

Он устало улыбнулся.

— Я потерял смысл... и боюсь стать бесполезным, как Шнейдер. Сколько веков пройдет, пока люди разберутся, какие именно таланты нужны для покорения звезд...

По бесчисленным галереям он направился в кормовую часть корабля, где упрямые фотонные двигатели отбрасывали назад безумный поток света.

Гарно назвал свое имя перед небольшим контрольным экраном и, когда дверь распахнулась, вошел в круглый тамбур, где на стенах висели защитные скафандры.

— Приветствую тебя, в ад сошедший,— послышался голос Кустова.— Натягивай эту штуковину и давай к нам. Пришел спасать наши души?

— Вам этого не требуется,— покачал головой Гарно, снимая со стены белый скафандр.— Просто хочу немного побыть в первых рядах.

Вторая дверь скользнула вбок. Два красных огонька сменились белыми, и он очутился посреди сверкающего металла и огня, где люди казались лишними. Хромом блестели машины, огонь полыхал в сердце двигателя. От генератора и батарей змеями тянулись кабели. Гарно каждой клеткой тела воспринимал чудовищный напор энергии, рождавший свирепый поток света.

Гарно приветственно махнул Кустову, углядев его массивную фигуру; за маской шлема едва угадывалась напряженная улыбка. Кустов подхватил его под руку и увлек влево, к мостику. Они поднялись на несколько ступенек и оказались перед трехметровым квадратным экраном тусклого серо-свинцового стекла.

— Смотри,— сказал Кустов.

Он нажал клавишу в нижнем правом углу, и Гарно зажмурился от нестерпимого золотистого пламени, ударившего в глаза. Черно-фиолетовое пространство по обе стороны светового луча казалось совсем непроглядным. Растянувшийся на миллиарды километров след терялся среди множества звезд и изумрудных газовых туманно-

стей. Он постепенно таял и исчезал в такой невообразимой дали, что мозг отказывался воспринимать ее в мерках обычного пространства и времени.

— Вдаль, к звездам...— обронил Кустов.— Это про нас.

В его голосе звучали ирония и печаль, и Гарно вдруг окончательно осознал весь трагизм их положения. Оно было куда серьезней, чем считали Арнхейм и навигаторы. Гарно испытующе посмотрел на инженера.

— У вас может не получиться?

— Дело случая. Компьютер папаши Арнхейма взвесил и выдал нам наши шансы. Но, боюсь, у нас ничего не выйдет...— Кустов бросил взгляд на массивный хронометр — он получил его в подарок от любимой женщины двадцать лет назад.— Часа через два, если только нас не осенит какая-нибудь гениальная идея, взорвется второй генератор.

— Арнхейм упоминал только об одном генераторе. Он даже попросил меня составить план эвакуации, чтобы...

— Боюсь, я неверно его информировал,— спокойно заметил Кустов.— Видишь ли, мне кажется, колонистам вовсе не обязательно знать о скорой гибели. А мнение Арнхейма тебе известно...

— А мое мнение ты знаешь?

— Весьма смутно,— глаза Кустова вдруг налились усталостью.— Но я не стану рисковать, даже если ошибся.

— То есть?..

Наступила тишина. Кустов погасил экран и отвернулся.

— Сожалею, Гарно, но тебе придется остаться с нами...

Инженер шагнул вниз по лестнице. Гарно бросился вслед и схватил его за плечо.

— Кустов, ты что, спятил? Ты не должен был ничего мне говорить...

— У тебя есть глаза и отличная интуиция. Десять минут здесь, несколько фраз, и ты узнал бы все.

— А Арнхейм? А остальные?

— Они сюда не попадут, как бы им этого ни хотелось. А впрочем, какая разница...— Кустов кивнул на циферблат.— У нас слишком мало времени.

Гарно потерянно молчал. В его голове проносились сотни бессвязных фраз. Он злился на Кустова и одновременно восхищался им.

Сын? Элизабет? Не задержи его Кустов здесь, он не смог бы солгать ей.

* * *

Щупальце пронзало пустоту, где не было ничего, кроме потоков излучения и силовых полей. Оно приближалось к цели. По сигналу мозга оно выпустило отростки и изменило свою энергопередающую структуру.

Щупальце измерило скорость источника излучений и сообщило головному мозгу невероятный вывод. Источник энергии был самым подвижным и быстрым в этой зоне пространства.

"Быстрее!" — Существо охватил лихорадочный страх. Оно впервые столкнулось с удивлением и растерянностью — эти ощущения передались ему от отдаленного щупальца — и выделило новую порцию энергии.

Щупальце пересекло путь источнику и установило контакт. Затем передало информацию и стало ждать новой команды. Она пришла почти тут же: анализ, интеграция...

"Ассимиляция!" — последовала команда главного мозга.

* * *

— Осталось полтора часа,— сообщил Кустов.

Четыре человека копошились под кожухом системы управления. Остальные трое пытались остановить реакцию, начавшуюся несколько часов назад.

— Черт знает что. Даже Землю предупредить нельзя. Я разобрался в причинах аварии... Дефект конструкции. Кумулятивный эффект. Такая авария может произойти еще раз десять, прежде чем...

Кустов умолк. Один из техников бежал к ним, размахивая руками.

В этот миг Гарно увидел, как гаснут контрольные лампы. "Неужели взрыв?" — мелькнула мысль. Он сжался в комок. Ноги стали ватными, и на несколько секунд он как бы застыл на грани сна и смерти. Потом очнулся. Он по-прежнему ощущал вибрацию двигателей... Но их мощность резко упала.

Кустов бросился к панели управления, окинул ее взглядом, хлопнул по плечу техника и бегом вернулся обратно.

— Черт подери! Энергия куда-то уходит!

Гарно нахмурил брови.

— Значит, им удалось? Двигатели...

Его сердце забилось часто-часто. Поток радостных мыслей и чувств смел остатки страха. Кустов встряхнул его, словно хотел оторвать от пола.

— Да нет же! Энергия уходит и все! Проклятые двигатели отключаются, но мы здесь ни при чем.

Он за руку потащил Гарно к индикаторам — на них бешено скакали цифры, а стрелки неуклонно ползли к зеленой зоне.

— Глядите — уровень энергии падает! Никогда бы не поверил. Сумасшедшая история...

— Почему? — Гарно тряхнул головой.— Вы что, сидели сложа руки? Реакция могла, в конце концов, прерваться сама собой.

— Да нет... Впечатление такое, что само пространство выпило энергию. Одним глотком. Пойми, одним глотком!

Не веря себе, они вдруг повернулись к индикаторам, техники молча столпились вокруг, их лица были мокрыми от пота.

Гарно недоуменно наморщил лоб.

— Прислушайтесь! Что-то произошло...

Им понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить — вечное гудение двигателей стихло.

* * *

Щупальце с его сложнейшей структурой едва не распалось, поглощая громадное количество чистой энергии, но мгновенно перестроилось, ассимилировало всю энергию и передало ее в центр, оставив себе лишь небольшую порцию.

К Подвижному Источнику устремились и другие щупальца. Существо почувствовало радость от мысли, что можно расти бесконечно, добраться до других миров — неисчислимых источников пищи. Пустыня без материи и энергии была лишь трудным переходом на пути к новым кормушкам.

Щупальце приступило к исследованиям и обнаружило, что Подвижный Источник состоит из чистых металлов и их сочетаний. Во время передвижения в Богатой Среде оно никогда не встречало подобных залежей. Масса Подвижного Источника была весьма небольшой, и его усвое-

ние почти ничего не прибавило бы к уже добытой энергии.

Тогда оно выпустило тончайший отросток.

Отросток двинулся по трубопроводам, прошел через систему регенерации воздуха, попал в гидропонные ванны и обследовал растения..

Потом проник в трубку, по которой текла жидкость сложного молекулярного состава, и, двигаясь по трубке, вошел в тело ребенка, спавшего в гипнориуме.

Существо впервые столкнулось со структурой, подобной его собственной. До сих пор оно считало себя единственным живым организмом в мире.

Его отросток приступил к изучению живого создания, иными словами, другого существа.

Первый контакт с мозгом этого незнакомого создания принес новое ощущение — смесь восхищения, страха и любопытства.

* * *

— Абсолютно непонятно,— пробормотал Кустов.— Фотонные батареи разряжены, словно там вообще не было энергии. Можно начинать торможение и включать планетарные двигатели...

— И вы никак не можете объяснить это? — недоверчиво протянул Арнхейм.

Он не отрывал взгляда от серебристой капли в космосе — одинокого спутника планеты Винчи VII. Сама планета, холодный газовый шар, еще не появилась.

— Некто Ванберг когда-то писал о полях поглощения энергии,— пожал плечами Кустов.— Тогда это никого не заинтересовало...

— Приборы не зарегистрировали никаких полей — только остановку двигателей.

— У меня нет подходящих объяснений. К нашему случаю применима лишь теория Ванберга... Батареи разряжены, нам, наверное, не удастся их восстановить. Мне все это непонятно.

— Правда, мы остались в живых...— Арнхейм покачал головой. Потом его тонкие губы тронула улыбка, и он глянул на Гарно.— Теперь пришел ваш черед.

И увидев, как нахмурился психолог, добавил:

— Я говорю о верующих нашей колонии. Что взбредет им в голову, а?

— Что бы ни взбрело — я их пойму,— тихо произнес Гарно, глядя в глаза капитану.— Я в таком же недоумении, как и вы с Кустовым... Мы действительно слишком многого не знаем.

В свою крохотную каюту он вернулся с какими-то неясными страхами в душе. Элизабет смотрела на экран: Арнхейм говорил о том, что опасность миновала, и путешествие подходит к концу.

Она повернулась к мужу. Гарно, угадав готовый сорваться с ее губ вопрос, усмехнулся.

— Чудо далеких небес,— сказал он.— Кажется, так назывался другой фильм.

Потом присел рядом с ней, положил руки на плечи.

— Чем не сказка для внуков будущих цирцеян?..

— Кустов справился?

— Нет, совсем нет. Никто не знает, что случилось. Я тоже пытаюсь отыскать ответ, хотя это и не моя епархия.

Он хотел рассказать ей, что произошло, и удивился тому, что хотя ничего не пропустил, никакой гипотезы предложить не мог. Правда, о поведении Кустова умолчал.

— Вот ты и дождался главной роли,— насмешливо улыбнулась Элизабет.

— Говоришь словами Арнхейма.

— Быть может, кто-то действительно поверит в чудо, когда узнает об этом.

— Арнхейм не собирается ничего рассказывать.

— Ха-ха! Мы живем, ты, кажется, забыл об этом, в жестянке, населенной болтливыми букашками.

— А если на радостях все забудут о своем любопытстве?

— Ну, только не об этом. Вот я — образцовая жена и то ищу несуразности в вашей сказочной истории. В конце концов, несколько часов назад двигатели решительно не хотели выключаться... И вы ничего не могли с ними сделать. Почему вас волнует, что они все же остановились?

— Потому что нет никакого рационального объяснения.

— Не будем спорить, мы ведь спасены,— мягко сказала Элизабет.

Гарно улыбнулся и шагнул было к гипнориуму.

— Хочешь разбудить малыша?

— Позже... Пусть у него будет несколько лишних минут жизни. Они ему пригодятся в новом мире.

* * *

Спящему ребенку кто-то задавал вопрос. Что? Или кто? В этом вопросе было множество новых понятий, которые спящий мозг воспринимал с трудом.

Наконец мозг ребенка сформулировал не очень уверенный ответ: ***Дитя... Бернар...*** *Затем возникли элементарные ощущения, воспоминания об эмоциях:* ***Голод... Сон... Боль... Игра...***

Это последнее понятие было для Существа неразрешимой загадкой. Кроме того, большая часть информации требовала дальнейшего анализа. Но Существо осознавало всю важность своего открытия. Оно вступило в контакт с клеточным организмом, подобным себе, но куда меньших размеров. Мыслительная деятельность, напротив, была развитой и многообразной. Пока щупальце осторожно изучало мозг ребенка, отростки вели исследование корабля. Вскоре Существо получило подтверждение своих догадок — Подвижный Источник продолжал двигаться в пустом пространстве, направляясь к одной из Богатых Сред, существование которых оно предугадало. Поскольку щупальце пока оставалось внутри Источника, оно могло сэкономить некоторое количество энергии и задать вопросы Новому Существу.

Вопрос повторился: ***Что?*** *Но на этот раз Существо сопроводило его образами:* ***Черное — твердое — металл — голод — минерал — ночь — день — голод...*** *Промежутки времени между вопросами Существа и ответами Нового Существа казались нескончаемыми. Мыслительные процессы последнего затрагивали разные уровни, и связи между ними улавливались с трудом. Один из глубинных уровней был особенно богат образами, ощущениями, понятиями. С другого уровня поступали яркие эмоции — воспоминания, в которых Существо должно было разобраться.*

"Что?" — повторило оно.

Существо никак не могло составить ясного образа своего собеседника. Оно подозревало, что многое ему пока исследовать не удалось. Возникали тончайшие оттенки ощущений, которые Существо было не в состоянии осмыслить. К тому же Новое Существо росло слишком медленно, и это было непривычно. Оно жило в Подвижном Источнике, чьи стены отделяли его от пустынной среды, означавшей для него конец жизни. Существо никак

*не могло понять этой последней мысли. В конце концов, оно нашло соответствие со своим собственным понятием — **конец энергии**... Если Новое Существо покинет Подвижный Источник, оно не сможет ни расти, ни мыслить. Его функции усвоения энергии и анализа прекратятся. То же самое произойдет с Существом, если оно не найдет новых питательных миров, богатых металлами и плотными породами. Но уже становилось ясным, что Существо может жить почти бесконечно. А потому мысль **конец жизни — рост** была отнесена к разряду абстрактных понятий, которыми Существо занималось иногда по прошествии нескольких столетий после их возникновения. Оно искало новые слои породы и металлов, чтобы усвоить их и вырасти до невероятных размеров, заполнив все пустое пространство между мирами-кормильцами...*

Неторопливый диалог с Новым Существом возобновился. Но теперь все препятствия исчезли. Оно было неким комплексом веществ, которые ассимилировались столь же легко, как и обычные породы. Его можно устранить и усвоить, когда в этом появится необходимость...

* * *

— Девять миллионов километров,— буркнул Вебер, выпрямляясь.— Мы, можно сказать, на месте...

— До посадки — считанные часы,— вступил в разговор Арнхейм.— Именно поэтому я вас и собрал.

Рубка управления была переполнена, и Гарно подумал, что экипаж и ученых следовало бы собрать в главном зале. Но он догадывался, что вид мерцающего шара Цирцеи, заполнившего почти весь обзорный купол, Арнхейм приберег для встречи с колонистами. Он не прислушивался к словам капитана, а разглядывал мириады звезд, усеявших черное нечто. И невольно искал — он не знал, что именно. Чуть-чуть другую черноту, отблеск неведомого, выпившего энергию. Нечто, спасшее корабль от гибели.

Наконец Арнхейм объявил о начале операции высадки и замолк. Мир логики и расчета снова вступил в свои права. Ради этого они потратили двадцать лет жизни. Ситуация проигрывалась столь часто, что Гарно воспринимал ее как старый знакомый фильм. "Вдаль, к звездам..."

— ...Мы сделали открытие, которое может вас заинтересовать.

Гарно вздрогнул и сообразил, что Кустов протягивает ему смятый листок бумаги. Гарно бросил взгляд на записи — колонки чисел и время.

— Ну и что?

— Сейчас разъясню. Полчаса назад меня вызвал техник, обнаруживший, что одна из вспомогательных цепей обесточена...

— В фотонных батареях?

— Нет. В системе управления планетарными двигателями. Но не в том дело. Главное — причина аварии.— Кустов нервно выхватил листок.— Я проверил данные наблюдений, провел небольшое расследование... И наткнулся на кое-что любопытное. Цепь была *перерезана* в районе обшивки, там ее покрывал какой-то студень.

Гарно кивнул.

— Вы взяли образец?

— Я вызвал лабораторию и просил срочно прислать Кицци со всем необходимым... А когда вернулся к месту разрыва, там уже ничего не было.

— Цепь снова замкнулась?

— Нет... Но следы студня исчезли. Мы отремонтировали ее и все.

— Вы подали рапорт капитану?

— Нет. Жду, что будет дальше.

Они медленно направились к выходу, оставляя позади оживленно спорившую толпу с Арнхеймом в середине.

— Слишком много тайн,— задумчиво сказал Гарно.— У вас есть какие-то соображения?

— И не одно. Но я боюсь своих фантазий. В моих жилах течет славянская кровь...

Элизабет вошла в каюту с охапкой цветов — в них Гарно с трудом узнал маргаритки.

— Боже мой,— воскликнул он.— Неужели тебе подарили Цирцею, что ты можешь позволить себе такое?

Она рассмеялась и принялась лепить вазу из пластика. Ее быстрые пальцы носились по прозрачному веществу, и под ними возникала простая и красивая вещь. Она окунула вазу в фиксатор.

— Вовсе нет. Просто встретилась с Люсиль, женой ботаника Пренже.

Он кивнул, продолжая думать о таинственном студне.

— А теперь,— заявила Элизабет, расставляя цветы в вазе,— малышу пора проснуться.

Гарно вдруг заметил, что дверь в гипнориум открыта и там горит яркий голубоватый свет.

Реанимация подходила к концу. Лицо ребенка порозовело, пунцовые губы улыбались.

Гарно склонился над сыном, коснулся гладкого лба и отвел в сторону прядь волос.

— Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо...

Но он не совсем верил в свои слова.

* * *

Тысячи тончайших отростков заполнили тело Нового Существа, и мозг щупальца составил полную схему жизненных функций организма. Он разобрался в его психических возможностях и сообщил в главный мозг, что дальнейшее пребывание внутри Нового Существа не имеет смысла. Новое Существо вело автономный образ жизни, а Подвижный Источник был сам по себе. По сути говоря, использовать можно было только последний. А затем без особых затрат энергии направиться к новому миру-кормушке и продолжить свой рост.

Существо задумалось. Эта медленная жизнь казалась совсем застывшей, а непонятные психические процессы давали только крохи полезной информации. Оно предпочло сосредоточить усилия на ближайшей Богатой Среде, к которой направлялся Подвижный Источник, на предстоящих столетиях усвоения новой энергии и развитии щупалец, которые в великом множестве отправятся в пространство...

У Существа был серьезный недостаток — отсутствие любознательности.

И этот недостаток не позволил ему сделать верные выводы.

Щупальце не смогло определить неизвестное ему состояние — сон. Гигантский организм не подозревал, что Новое Существо переходило к периоду активной жизни.

"Возвращение!" — главный мозг приказал щупальцу покинуть тело гостеприимного хозяина.

Щупальце повиновалось.

И сделало все слишком быстро.

Оно покинуло организм, и хотя было неощутимо тонким, его поспешное бегство вызвало появление ряда нервных сигналов.

Гипнотическое состояние прошло, анестизирующие вещества прекратили свое действие, и готовый открыть глаза ребенок испытал мгновенную и острую боль. Он

вскрикнул, поскольку был всего-навсего ребенком, и протянул руку к склонившемуся над ним отцу. И поскольку был ребенком, со злобой и ненавистью подумал о своем обидчике. Эмоциональный импульс был исключительно мощным.

Впервые мозг щупальца воспринял столь сильный психический удар. И хотя само щупальце распалось, импульс в мгновение ока пронесся через пространство и достиг Существа, с невероятной силой ударив по его нервным центрам. Запоздалую защиту смело, словно взрывом, поразившим все жизненные органы.

Существо умерло, не успев даже удивиться.

Щупальца в пространстве и на поверхности внешней планеты системы Винчи начали распадаться.

* * *

Ребенок проснулся окончательно. Какое-то мгновение Гарно оставался неподвижным, держа руку сына — его обеспокоил неожиданный вопль.

— Что-то случилось?

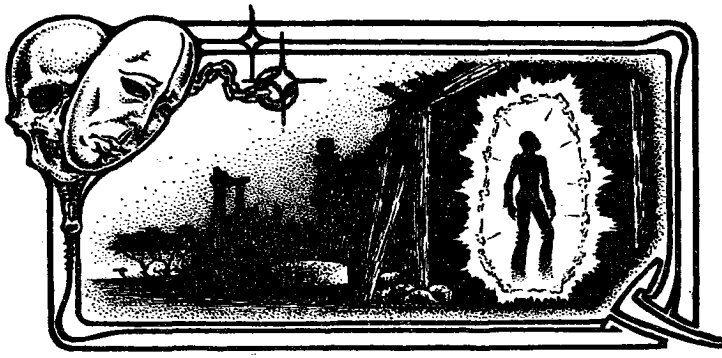
Взволнованная Элизабет подбежала к ним. Гарно пожал плечами и выпустил ладонь сынишки.

— Дурной сон,— проговорил он.— Всего-навсего дурной сон.

И в это мгновение глухо загудели ядерные тормозные двигатели — корабль начал разворачиваться на орбиту посадки. Элизабет обняла сына и нарочито строгим голосом сказала:

— Вставай, цирцеянин! Хватит отлеживать бока! Пора становиться мужчиной!

Гарно улыбнулся — он думал о другом.



ВОТЧИНА ИЗМЕННИКА

(2063)

Из колеи их колеса
Вставали языки огня
И содрогались небеса
Их вызов в высях хороня.
Их воины в огне зарниц
Покрыли панцирем простор
А клочья иссеченных птиц —
Кровавым снегом гладь озер.*

«...Это стихотворение Клемана Хорманна, написанное 24 ноября 2060 года, может считаться единственным литературным свидетельством смутных времен, обрушившихся на европейский континент Древней Земли в самом начале Экспансии. Клеман Хорманн, вероятно, сыграл определенную роль в борьбе, завершившейся падением Новой Монархии. Тогда же началось освоение Афродиты, а Марс объявил о своей независимости. Но никто и никогда не сообщал о том, что именно сделал этот человек...»

«ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ»

Утром поднялся ветер, и белые пушистые облака уплыли за холмы. А теперь, в полдень, ветер гонял золотые волны злаков позади черных изгородей, усыпанных белыми цветами. Деревья почти не давали тени. Четкие свечи кипа-

* Перевод В.Мартыненко

рисов вдоль дороги чередовались с кривыми красноватыми соснами.

Хорманн остановил лошадь на повороте вытоптанной дороги — причудливой мозаики песка, травы и лопухов. Дорога змейкой уходила в сосновую рощу, жарко дышал ветер, пронзительно стрекотали сверчки и стрекозы. Сквозь просвет между деревьями выглядывал уголок крыши поместья под желтой сверкающей черепицей.

Хорманн поджал губы и вздохнул, разглядывая это яркое пятно. Горячий воздух, насыщенный солнцем и пылинками, с трудом проникал в легкие. Пыль резала глаза. Лошадь истекала потом, и мухи, казалось, рождались прямо под темной шерстью, присыпанной песком. От жары запах животного казался невыносимо острым.

Еще мгновение Хорманн не двигался с места, пытаясь воскресить в памяти голоса и образы прошлого. Неощутимые и опасные, как призрачные метеориты, они с невероятной быстротой пронеслись в его голове, грозя поколебать его уверенность в себе. Хотя о прошлом стоило уже забыть. Ему очень хотелось выбросить из памяти поместье Делишера и тепло прошедших лет. Все же здесь он не был счастлив. К тому же Жак умер, а порученная миссия была чрезвычайно важной.

Он цокнул языком и послал лошадь вперед. Сейчас он чувствовал лишь неимоверную усталость. По гудящим вискам стекали горячие струйки влаги, пальцы сжимали поводья, похожие на исковерканные мертвые ветки. Горло от жажды словно поросло колючками. Опять в голове начали тесниться воспоминания. Некоторые из них были приятными — тридцать прошедших лет притупили остроту восприятия. И эти воспоминания помогли справиться с неожиданным отчаянием.

Лошадь встряхнулась и помотала головой, согнав с ноздрей тучу мух. Она трусила по дороге к заброшенному поместью. Из-под копыт вздымались облачка пыли, на мгновение появлялись серебристо-зеленые лопухи и снова прятались под песок. Справа тянулась колючая изгородь, в которой огоньками поблескивали красные цветы, чуть дальше виднелось зеркало воды. Этот мир удивлял Хорманна. И каждая деталь возвращала в прошлое, которое он, казалось, забыл навечно. Всадник натянул поводья и соскочил на землю. Ветер на мгновение стих, и стрекот насекомых стал пронзительным. Солнце висело в зените раскаленным добела шаром, обжигая затылок и плечи.

Он ногой сбил ветхую ограду и по высохшей траве подошел к источнику, ведя лошадь за собой. Они оба припали к воде, где в изобилии плавали листья и мухи. Горячее дыхание животного обжигало лицо человека.

— Вы прямо как дома!

Хорманн инстинктивно откинулся назад, пытаясь схватить светомет. Но удар ногой отбросил его в траву. Его затошнило, в глазах стало красно. Он медленно встал на колени и только тогда поднял голову.

Снова зашумел ветер и взлохматил серые и белые пряди волос на голове странного безоружного человека в выцветшей голубой рубашке и драных брюках, стоявшего подбоченясь в нескольких шагах от Хорманна.

— Можете встать и напиться.

Хорманн вскочил на ноги. Будто обожженное лицо нападавшего было прорезано глубокими морщинами. Но темные глаза под густыми бровями смеялись.

Хорманн ощупал голову, не отрывая взгляда от незнакомца.

— Вы что, чокнутый? Что вы здесь делаете?

— Пришлось стукнуть вас, чтобы вы меня не поджарили,— невозмутимо ответил человек.— В наши времена ни за что нельзя ручаться. Я давно заметил, что любой, у кого под рукой лазер...

— Вы из поместья? — прервал его Хорманн.

— Вы, юноша, нетерпеливы, не так ли? Да. Скажем, я имею некоторое отношение к поместью...

Хорманн пожал плечами с ледяным выражением на лице.

— Дурак. Вы никогда не имели отношения к поместью. Я вас не знаю. И был уверен, что вы солжете...— Он отступил на шаг и вскинул оружие.— А теперь, для ясности, извольте сообщить, что вы здесь делаете.

— Вы к тому же упрямы и хитры,— человек вдруг уселся в траву и невозмутимо вздохнул.— Ужасно жарко... Стоит ли терять время на болтовню?

— Я жду,— прикрикнул Хорманн.

Лицо его посуровело. Ему было все равно, с кем он имел дело — с простым бродягой, скитавшимся по дорогам Прованса, или нет. Ничто не должно было помешать выполнить задание. Особенно сейчас.

— У меня мало времени! Рассказывайте!

Старик вздохнул, в его взгляде сквозила нескрываемая насмешка.

— Конечно, в поместье я человек чужой. И не стоит грозить костром, чтобы узнать это. Я никогда не жил здесь. Только...

— Что только?

Человек пожал плечами и улыбнулся.

— Ну, скажем, я тут поселился,— он вдруг возмущенно повел плечами.— Здесь никто не живет. И жаль, что столь чудесные апартаменты простаивали без жильца. У вас есть возражения?

Хорманну стало смешно. Незнакомец издевается над ним. Идиотская ситуация. Они вели беседу, как парочка аристократов в парижском салоне.

— Я родом из этого поместья,— процедил он.— И у меня действительно есть возражения. Мой отец...

— Делишер? — взгляд старика оживился.— Вы и есть Жак Делишер, участник Сопротивления?

Он вдруг спохватился, словно боясь, что скажет лишнее. Хотя Прованс и оставался последним оплотом мятежников, здесь появились и неороялисты. А люди прево ничего не прощают. Взгляд его стал осторожным и пугливым.

— Я не роялист,— усмехнулся Хорманн.— И не Жак Делишер. Мой отец был арендатором в поместье. Нам принадлежала ферма у моста... Она теперь разрушена.

— А! — старик покачал головой.— Вы решили совершить своего рода паломничество.

Взгляд его снова стал насмешливым, а голос язвительным. Но Хорманн почему-то не испытывал никакого раздражения.

— Да. Своего рода паломничество. А откуда вы знаете семейство Делишеров?

— В доме всегда что-то остается. Вещи, бумаги... Даже если в нем не раз побывали стервятники. А имя Делишера знают не только в Провансе. Могу ли я встать без риска отправиться на тот свет?

Хорманн кивнул.

— В конце концов,— вновь заговорил человек,— и мне стоит напиться. Вы знаете, что погреба пусты? Пришлось привыкать к воде... В наши-то времена.

— Давно вы здесь устроились?

— С неделю. Не больше. Я не веду счета времени. Наклонившись к источнику, он зачерпнул ладонями воду, напился и смочил длинные волосы. Потом встряхнулся.

— У вас отличная лошадь... Трудно было пройти через города?

Хорманн хорошо знал окрестности, но не собирался входить в детали, а потому промолчал. Он не спеша сунул лазер в кобуру и потянул за узду лошадь, щипавшую сухую траву.

— Мне хотелось бы пожить здесь вместе с вами. Кстати, как ваше имя? Я любопытен от природы.

— Сейрон, юноша. Альбер Сейрон... Но мое имя вам ничего не говорит.

Хорманн кивнул.

— Ну, пошли.

И двинулся вперед, ведя лошадь под уздцы. Старик догнал его и пошел рядом. С его волос, прилипших к загорелому лбу, стекала вода.

— А как зовут вас? — спросил он.

— Хорманн... Клеман Хорманн.

Его интересовала реакция старика. Сделав десяток шагов, он обернулся. Сейрон застыл посреди дороги. Морщинистое лицо так и сияло радостью и восхищением.

— Боже правый,— воскликнул он.— Вы и вправду Клеман Хорманн, Бард Сопротивления?

Хорманн усмехнулся.

— Я всего-навсего сын арендатора Хорманна. Из поместья Делишера. Не думаю, что мои стихи кто-нибудь помнит.

Старик догнал его.

— Вы не правы... Но где же вы скрывались эти три года? Многие думали, что вас схватили и расстреляли.

Хорманн махнул рукой в сторону севера.

— Я слишком быстро бегаю.

Дорога сделала последний поворот, втянулась в аллею кипарисов, и они вдруг оказались во дворе. Хорманн остановился и нахмурился.

— Увы,— пробормотал рядом с ним Сейрон.— Роялисты возвращались сюда несколько раз. А кроме того, не стоит забывать и о крестьянах.

* * *

Одно крыло сгорело — сохранилось всего несколько балок чердака, где гнездились птицы. Часть фасада была обрушена взрывом или прямым попаданием снаряда. По обе стороны крыльца буйно произрос бурьян, а одна из ваз у входа растрескалась. Хорманн взошел по ступенькам, удивляясь звонкости своих шагов. Потом остановился, что-

бы прочесть потемневшую табличку над дверью. "Мадлен..." После имени должно было идти еще одно слово, но его замазали черной краской.

— Мадлен? Интересно, что они сделали с ней?

Сейрон посторонился, пропуская его.

— Они не всегда были излишне жестокими. Чаще всего просто отправляли мятежников в ссылку на Марс.

Хорманн прошел в прихожую. Здесь пахло плесенью, а темная комната выглядела совершенно необитаемой.

— Я не проветриваю,— произнес Сейрон словно извиняясь.— Не стоит привлекать внимание...

Хорманн усмехнулся.

— И правильно делаете. Во всяком случае, общее впечатление вряд ли изменится...

Он прошел в гостиную. Сейрон распахнул ставни окон, выходящих в небольшой сад. Хорманн выглянул наружу Аллеи заросли травой и колючками. Статуя исчезла — остался только цоколь, белый мраморный куб, нелепый среди лопухов.

Ставни можно было и не открывать: от них уцелели лишь петли и пара выцветших досок.

"Как все близко и чуждо здесь, — думал Хорманн.— Возвращение в прошлое никогда не приносит радости".

Он обернулся. Гостиная не была пустой. В ней как когда-то царил громадный буфет. Стекла исчезли, но дуб хранил прежнюю патину, а подойдя ближе, он ощутил запах воска и черствого хлеба. Он открыл дверцу — место серебра и безделушек занимала паутина.

— Здесь стоял хрусталь с Венеры,— пробормотал он.— Стоил целое состояние... Пьяная солдатня прево хорошо поживилась.

— Я тоже их недолюбливаю, но думаю, что не стоит исключать и других. Войны и революции всегда дают возможность набить карманы и свести счеты. Многие стали оборотнями.

— Черт с ними со всеми,— выдохнул Хорманн.— В конце концов...

Сейрон перешел в желтую комнату и крикнул оттуда:

— Вы знаете, ваше паломничество вряд ли будет продолжительным. Со временем они развалят даже стены.

Хорманн возник на пороге комнаты. На мгновение ему показалось, что старик ломает комедию. Он не мог ничего знать. Выглядел Сейрон, правда, честным человеком, но Хорманн уже давно никому не доверял. Впрочем, я воору-

жен,— подумал он. И прикусил губу. Сейрон был безоружен, но, пожалуй, порыться в доме стоило.

Голые стены, пыльный пол...

— Покажите второй этаж,— попросил он.

В голосе против воли чувствовалось напряжение, и Сейрон с усмешкой глянул на него.

— Вас что-то беспокоит?

Хорманн промолчал. Они вернулись в гостиную и стали подниматься по лестнице. В полумраке колыхалась паутина. Не оборачиваясь, Сейрон обронил:

— Кстати... у меня есть старое ружье.

Взгляд его сверкал издевкой. Он распахнул дверь и ткнул пальцем внутрь.

— Вон оно. Над моим роскошным ложем...

Ложем Сейрону служил старый матрац, покрытый латанными одеялами. Двустволка висела на стене, оклеенной грязными обоями.

— Прекрасно, черт с вами, Сейрон. Храните свой древний тромбон. С моим ему не сравниться.

— Между прочим, у меня быстрая рука и верный глаз.

В конце коридора высилась груда гипса. Позади, в стене, зияла брешь, сквозь которую врывалось солнце. Хорманн пнул обломки ногой:

— Граната или небольшая мина.

— Мне вполне хватает того, что осталось в целости. Я так ни разу и не побывал в разрушенном крыле.

Хорманн улыбнулся. "А меня,— подумал он,— интересует только погреб..."

Он не беспокоился. Мародеры и грабители волнами накатывались на поместье, но не могли найти того, за чем явился он. Единственной опасностью было полное разрушение поместья. Но даже это потребовало бы только лишнего времени на поиски. Старик Делишер ко всем прочим талантам был и гением миниатюризации...

— Осмотр закончен,— сказал Сейрон.— Как насчет перекусить с винишком?

Хорманн улыбнулся.

— Дичь?

— Конечно. Должно же ружье иногда стрелять. С овощами и фруктами полегче. Что касается вина...

Они спустились вниз.

— Пообедаем в гостиной,— с жеманством в голосе пропел Сейрон.— Там обстановка побогаче. Сегодня большой день. Как-никак возвращение блудного сына.

Хорманн подозрительно уставился на него. Потом покачал головой. Он подумал о Жаке Делишере, и вдруг у него засосало под ложечкой.

— Накрою на стол,— прервал его мысли Сейрон.— Слуги ушли в отпуск. И надолго.

— Вы, похоже, относитесь ко всему философски. Завидую. Кстати, сколько вам лет?

— Я родился, когда строилась база Доппельмейер!

— Доппельмейер? Погодите... 1995 год. Не может быть! Сейчас идет... Шестьдесят восемь лет! Вам шестьдесят восемь лет?!

— Все шестьдесят восемь,— подтвердил Сейрон. Он исчез, вернулся с двумя выщербленными тарелками, ножом и парой погнутых вилок и разложил все на подоконнике.— Теперь остается стол...

Хорманн двинулся за ним в зеленую комнату.

На стенах висели обрывки выцветших обоев и рамка, где когда-то красовалась репродукция Матье. Ставни прикрывали окна без стекол. В углу трещал сверчок. Единственной мебелью был одноногий столик, который Хорманн хорошо помнил. Старик Делишер частенько присаживался за него и что-то быстро писал в блокноте.

— Он иногда занимался исследованиями, не так ли?

Хорманн едва не вздрогнул, но на лице Сейрона было любопытство — и только. Хорманн пожал плечами.

— Действительно. Время от времени.

— Я слыхал, что он занимал крупный пост еще при Малере...

Хорманн поднял столик и перенес его в гостиную.

— Да,— ответил он.— Он не терял связей со столицей. Но политика его не очень интересовала... А столик хорош. На него и Генрих VIII с удовольствием поставил бы бокал вина.

— Как, впрочем, и сир Жан де Бомон де Серв!— расхохотался Сейрон, направляясь в сторону кухни.

— Дедуля,— крикнул вслед ему Хорманн.— А сколько раз в день вы обычно едите?

— Не называйте меня дедулей! Я всегда был холостяком... Ем один раз. В полдень. В саду получаются неплохие пикники.

Небо побелело от жары. Прогудел и исчез в лопухах шмель. Хорманн уставился на цоколь статуи и вдруг ощутил нестерпимое желание приступить к делу.

Он заглянул в кухню:

— Пока вы готовите пир, я займусь лошадью.

— Не надейтесь на насос. Он давно не работает. Зачерпните воды из колодца. Насчет овса не знаю. Трактора его не едят...

Хорманн пересек двор и распахнул ворота амбара. Внутри ржавел трактор. Он был покрыт толстым слоем пыли, но выглядел вполне целым.

Странно, что он никому не приглянулся. Даже Сейрону. Впрочем, смыслил ли тот в технике?

Он вышел за лошадью, завел ее в темный угол позади трактора. Бросил взгляд в открытые ворота. Двор был пуст. Сейрон готовил завтрак — следовало управиться за несколько минут.

Хорманн вернулся к лошади. К седлу были приторочены два кожаных мешка. Он расстегнул их и извлек дюжину стекляшек и катушку с проводом. Положил все на землю и снял с лошади седло и уздечку. Потом отделил удила и поместил рядом со стеклянными вещицами и проволокой.

Движения его были быстры и точны — тренировки не прошли даром. Он не имел права на ошибку. Но в душе таился страх перед тем, что произойдет в случае неловкого движения.

Он укрепил четыре стекляшки на стене, а остальные соединил проводом, сверкающим словно золото, когда на него падал случайный луч солнца. Расслышав звон посуды, выглянул наружу и улыбнулся. Потом быстро укрепил странную сетку на стене. Взял удила. Что-то щелкнуло, предмет вывернулся наизнанку и занял место в центре рукотворной паутины.

Наконец Хорманн остановился. Лицо его истекало потом, а одежда липла к коже. Он уже отвык от жары и давно не жил в таком напряжении.

Он наклонился, зачерпнул горсть пыли и припудрил сооружение на стене, чтобы оно не бросалось в глаза с первого взгляда.

"Если Сейрон войдет,— усмехнулся он про себя,— на второй взгляд времени у него не останется..."

Теперь следовало отправить первое донесение. Он надеялся, что второе будет сигналом к возвращению.

Хорманн наклонился над бывшими удилами и закончил регулировку. Пот заливал глаза, к тому же приходилось сдерживать дыхание, чтобы лучше слышать. Ему не хотелось применять оружие против Сейрона, но спокойней было исключить любые неожиданности.

Он коснулся указательным пальцем кнопки, и странное сооружение налилось слабым сиянием. Провод и стекляшки засветились.

Хорманн медленно произнес позывные и коротко отчитался, упомянув о Сейроне лишь для очистки совести.

Когда он закончил говорить, ему показалось, что одежда его приросла к телу.

"Самое трудное позади,— мысль доставила ему удовольствие.— Остальное просто".

Он отыскал ведро и вышел под обжигающее солнце.

Ограждение колодца растрескалось, но вода была холодной. Хорманн даже узнал ее вкус.

Он напоил лошадь, вышел из амбара и не спеша направился к крыльцу. В дверях показался Сейрон.

— Еще мгновение и повар поставил бы вас к стенке. Рагу перестоит и станет невкусным!

Они уселись друг против друга, и Хорманн невесело улыбнулся — слишком узок был их импровизированный стол. Хлеб лежал на тряпке, расстеленной на полу. А на столе едва хватило места для графинчика с розовым вином и тарелок с дымящимся рагу.

— Сейрон, вы сибарит, вынужденный жить по обстоятельствам.

— Ни одно событие никогда не испортило мне аппетита. Надеюсь, вам тоже.

Хорманн засмеялся. Недоверие уходило куда-то вглубь, а вместе с ним и холодный страх неудачи. Он отпил вина, и вино оказалось превосходным. Все складывалось как нельзя лучше. Вскоре он завершит свою трудную миссию.

— Кстати, Сейрон,— сказал он, приступая к рагу.— Может, расскажете о себе?

* * *

Сейрон осушил стакан, удовлетворенно цокнул языком и откинулся назад. В его удивительно живых глазах вспыхивали огоньки, но лицо оставалось бесстрастным.

"Словно кора дерева,— подумал Хорманн.— Он напоминает старого демона... Может, он наделен колдовской властью?"

Где-то в глубине души прятался страх.

— Я никто,— сказал Сейрон.— Больше никто. Вернее... как вы меня назвали?

— Сибарит.

Сейрон поднял вверх указательный палец.

— Вот-вот. Сибарит. Вы знаете, когда-то я был очень богат. Жил в громадной вилле, набитой всяческими безделушками, с видом на море. Второй такой не было...

— Вы серьезно?

Старик кивнул.

— Совершенно серьезно. Это было слишком давно. Тогда еще и слыхом не слыхали о роялистах. По крайней мере, о наших. Бомон, наверно, зачитывался баронессой Орси. Испания и Португалия были двумя разными странами, а неосоциализмом никто не увлекался. Монако оставалось княжеством, я жил в нескольких километрах от него, а вторжение французов выглядело как избитая шутка...

— Вы думаете, Бомон не читал в детстве ничего серьезнее баронессы Орси?

Сейрон поглядел на него.

— Я знаю одно. Реальность — пустая вещь, Хорманн. Эта эпоха пройдет, как и остальные. В Бомоне столько же культуры, как и голубых кровей...

— Голубых кровей? Я думал, генетики Малера...

— Ц-ц-ц! Возьмите еще мяса. Я поделюсь с вами кое-какими соображениями.

Сейрон унаследовал от отца небольшую фирму по производству электроники. В тридцать лет ему удалось подписать контракт с Международной Космической комиссией на поставку аппаратуры для первых фотонных кораблей.

— Вы представляете, о каких суммах шла речь? Один только запуск "Самофракии" к Нептуну мог прокормить меня и моих потомков, обзаведись я ими!

Хорманн покачал головой. Они перешли к овощам — к довольно жесткой репе.

— А "Ланжевен"? — спросил он.

— Вы жестоки,— Сейрон усмехнулся.— Подвела не моя электроника. Был саботаж.

— Саботаж? Тогда?

— Я говорю не о роялистах, а об азиатах. Хотя не понимаю, зачем им была нужна та катастрофа... Вы знаете, что там спасся один человек?

— Нет. Всегда сообщалось, что погибли все.

— Одному удалось спастись... Он прожил еще несколько часов. Хотя сошел с ума.

Хорманн промолчал. Его мозг пробудился. Мысли толкались и мешали друг другу. Неужели Сейрон говорит правду? Или?..

— Как же случилось, что вы теперь сидите здесь и едите репу?

— Люди прево сравняли с землей мой завод. Я помогал республиканскому Сопротивлению. И не хотел рвать с друзьями в Монако.

— А ваша вилла?

Сейрон только махнул рукой.

— У вас ничего не осталось?

— Быть может, пара ордеров на арест...

Обед был закончен. Солнце заглянуло в окна, превратив гостиную в жалкую конуру.

— Если желаете,— медленно проговорил Сейрон,— займитесь паломничеством. В конце концов, это ведь ваша вотчина. Я только квартирант.

Хорманн встал. Старик был почти прав. Разваливающееся поместье стало его вотчиной. И в ней хранилось сокровище, о котором не подозревал пройдоха Сейрон.

— Я заночую здесь,— сказал Хорманн.— Место найдется?

— Найдется...

Он не сразу направился к погребу. Сначала осмотрел сгоревшее крыло. От огромной библиотеки и двух фиолетовых комнат не сохранилось ничего. Стоило толкнуть почерневшую дверь, как та рухнула с оглушительным грохотом. Он закашлялся от пыли и с порога оглядел бывшую лабораторию старика Делишера.

Длинный стол был покрыт толстым слоем пыли. Вся аппаратура исчезла, висели оборванные провода. Никто и не подозревал, что тут было сделано величайшее после атомной энергии открытие.

Сейрон, быть может, действительно поставлял оборудование для фотонных звездолетов павшей республики, но он не мог знать связи между этой любительской лабораторией и звездами, между появлением Хорманна и разрушенным поместьем Делишера...

Хорманн повернулся на каблуках, сразу окунувшись в полуденный жар двора. Он постоял под сводом из серого камня на самом верху почти отвесной лестницы, ведущей в погреб, прислушиваясь к шуму, доносившемуся из прихожей. Сейрон, похоже, продолжал играть роль метрдотеля.

Хорманн спустился вниз. Дверь погреба была приоткрыта. И здесь явно побывали не раз. Бродяги вроде Сейрона часто выживали за счет покинутых ферм.

За каких-то три года Франция превратилась в пустыню невозделанных земель, заброшенных деревень, разбитых

дорог и провалившихся мостов. Люди прево и Службы Безопасности были не в силах установить контроль над всей страной. Им приходилось считаться с организуемыми республиканцами засадами, с ночными нападениями. Угрозы со стороны европейской неосоциалистической коалиции мешали Бомону де Серву всерьез заняться наведением порядка внутри страны.

Вскоре все изменится. Но это уже не было главным. Главным было то, что лежало в этом погребе со дня начала Революции в 2060 году.

В глубине подвала окошко затеняли высокая трава и лопухи. Он остановился и прислушался. Дом показался ему пустой раковиной, вокруг которой свиристели сверчки.

Хорманн извлек светомет и перевел регулятор на минимум. Оружие стало фонариком. Узкий луч света скользнул по стене и застыл на выключателе.

Он был целехонек. Хорманн ощутил комок в горле. Старик Делишер хорошо знал свое дело.

Хорманн переложил светомет в левую руку, а правой разобрал выключатель. Затем осторожно вытянул провода. Ему нужно было всего полметра, но для верности он отмерил целый метр, чтобы не пришлось повторять операцию, поставил выключатель на место, смотал провод и сунул моток в карман.

Осталось только отослать его...

Миссия была завершена.

Не торопясь, он прошелся по погребу. Глаза его скользнули по старым газетам, хранившим тайну восхождения Бомона, историю загнивания правительства Малера и, быть может, первые из напечатанных стихов Хорманна...

Он остановился у подножия лестницы.

Сейрон ждал его наверху; глаза у него были хитрее, чем прежде.

* * *

Хорманн замер с бесполезным светометом в руке.

— Охотитесь на крыс? — поинтересовался Сейрон.

Тон старика успокоил его. Он выдавил улыбку и поднялся наверх. Засовывая оружие в кобуру, он незаметно перевел регулятор на максимум.

— Обхожу свою вотчину. Надеялся отыскать что-нибудь интересное, но, кажется, эта мысль посетила меня не первого.

— Меня она тоже посещала,— сказал Сейрон, щурясь от солнца.— Я наткнулся на удивительную подборку "Журнала астронавтики" за 2057 год и несколько книг Фора... Впрочем я искал вас, чтобы пригласить на кофе. В наши времена кофе редкое удовольствие.

Он двинулся к дому. Хорманн поспешил за ним. Ветер улегся, пыль осела и жара стала сносной.

— Кофейку отведаю с удовольствием. А что вы думаете о Форе?

Сейрон покачал головой.

— Он не разобрался в логике человеческой экспансии. Его идею о независимости колоний на других планетах трудно принять всерьез.

Хорманн едва не рассмеялся тем горьковато-печальным смехом, который охватывал его всякий раз, когда он сталкивался с непониманием великих идей: "Мы боремся за это, но никто об этом не подозревает..."

— Я прочел большинство ваших стихов,— вновь заговорил Сейрон. Он остановился на верхней ступеньке крыльца и обернулся.— Почему вы перестали писать, Хорманн? Неужели Бард Сопротивления утратил эпический дар, который некогда его прославил?

— Нет, просто бросил писать. Может быть, еще вернусь к своему ремеслу. Не считаю слово достаточно эффективным оружием.

Они вошли в гостиную, Сейрон указал на дымящийся кофейник на столике и продекламировал:

Из колеи их колеса
Вставали языки огня
И содрогались небеса
Их вызов в высях хороня.
Их воины в огне зарниц
Покрыли панцирем простор
А клочья иссеченных птиц —
Кровавым снегом гладь озер.

Хорманн восхищенно присвистнул.

— Теперь я верю, что вы читали мои стихи. Вы первый человек, сумевший процитировать больше двух строк.

— Я очень люблю "Орду". Ну что ж, прошу к кофе. Вместо чашечек стаканы, но...

— Знаю, в наши времена...

Первый глоток обжег горло. Хорманн почти осушил

стакан вкусного напитка, как вдруг перед глазами у него все поплыло. Он тряхнул головой.

— Черт возьми! Сейрон...

И услышал четкие и понятные слова Сейрона:

— Забыл сказать. Среди книг Фора я обнаружил кое-что еще. Записную книжку Делишера. Очень интересный документ, Хорманн. Очень.

Хорманн попытался встать, но зад словно прирос к стулу. Он потянулся к оружию, но рука налилась неимоверной тяжестью. Кровь по жилам все же бежала. И бежала слишком быстро. Она била в виски тысячами барабанов и жгла грудь.

— Вы помогли мне,— продолжал Сейрон.— Я ждал, чтобы вы сделали работу за меня. Я не знал, куда Делишер запрятал пленку, но главное, что она досталась мне. Весьма плохо сыграно, господин роялист. Хотя вы поэт, а наши времена не для вас. Жаль.

Хорманна затошнило. Он отчаянно боролся с собой. Потом упал со стула и остался лежать, прислушиваясь к звучащему в голове барабанному бою.

— Это простое снотворное,— произнес голос Сейрона.— Когда вы проснетесь, я буду далеко...

Хорманн хотел сказать, что тот ошибается, играет на руку ненавистному врагу. И фразы в его голове складывались четкими и понятными.

Но слова, которые он хотел произнести, поглотила ночь.

...Он слышал свое имя в туманном и тяжелом сне. Он был в погребе, но далеко от поместья и стоял склонившись над человеком с темным квадратным лицом и синими-пресиними глазами, начавшими выцветать после долгих недель страданий. Тело человека скрывал прозрачный мешок, наполненный обезболивающими препаратами.

Белые губы снова произнесли его имя.

Жаку Делишеру оставались считанные мгновения. Еще никому не удавалось выжить после роялистской каторги на Марсе.

Он еще ниже склонился над умирающим, и мрак подвала словно сгустился, накрыв их темной ночной волной...

Он открыл глаза.

Виски ломило от боли.

Он видел ножку столика и осколки стакана. Воспоминания медленно всплыли на поверхность, и Хорманн привстал.

Сейрон перехитрил его, а он показал себя полным идиотом.

— Слишком много риска,— пробормотал он.— Я бы никогда не выкрутился в одиночку.

Хорманн тряхнул головой. Ноги были невероятно тяжелы. Он едва перевел дыхание после первых шагов, остановился и оперся на столик.

— Опоили как ребенка...

Он собрался с силами и выглянул в окно. Розовые полосы на небе говорили о приближении сумерек. В саду стало прохладно. На север тянулась стая птиц.

Теперь можно было не спешить. Сейрон обыскал его и нашел моток проволоки. И прихватил светомет. Но это не имело ни малейшего значения. Старик, скорее всего, решил завладеть лошадью и отправился...

Хорманн с улыбкой вышел из гостиной. Он знал, что Сейрон едва успел переступить порог амбара и бросить взгляд на передаточную антенну. На той стороне постоянно дежурили техники. И сделали все необходимое.

Хорманн постоял на крыльце. Пыль двора еще хранила послеполуденный жар. Вдали лаяла собака. Поместье Делишера напоминало огромный памятник прошлым векам, тем векам, когда люди вели бесконечные сражения, шрамы от которых зарубцевались и исчезли один за одним...

Сейрон лежал у трактора. Падая, он рассадил лоб о машину. Светомет отлетел метра на два и валялся рядом с антенной. Хорманн поднял оружие и перевел регулятор на минимум. Включил его. По сетке пробежали искорки. Каждая стеклянная деталь превратилась в огромный сверкающий бриллиант.

Он всмотрелся в лицо Сейрона. Техники воспользовались банальным, но эффективным способом психошока. Он знал, что надо делать, но все же потратил немало времени, чтобы привести Сейрона в чувство.

Лошадь в глубине амбара переступала с ноги на ногу.

Сейрон пошевелился, и его глаза остановились на кружке света. Потом он сел и ощупал лоб.

— Всему своя очередь,— заметил Хорманн.— Вы не могли выиграть, Сейрон. Даже у такого беспечного противника, как я.

— Ничего не понимаю.

Слова с трудом сорвались с губ Сейрона. Его лицо казалось еще более старым, словно обожженным пламенем гигантского солнца. Оно напоминало маску демона, в глазах которого сверкала ярость.

"Он опасен,— подумал Хорманн.— Ему удалось усыпить мою бдительность... Но против нас он бессилен".

— Сейрон, вам не кажется, что пора объясниться? Партия закончилась, даже не начавшись.

— Партия началась, господин Хорманн! — Сейрон почти кричал от ненависти.— И будет продолжаться еще долго. Пока вас и вам подобных не уничтожат до последнего. Вы представляете собой клику мерзавцев, каких уже было немало в нашей истории. Республика снова вернется. Даже несмотря на то, что вы пользуетесь плодами научных исследований. Но у нас тоже есть ученые. Делишер был из наших... Он открыл нечто великое, но вам не удастся этим воспользоваться. Он умер как мужественный человек. Даже если вы выиграете сегодня, смерть его не окажется бесполезной...

— Хватит болтовни,— устало прервал его Хорманн.— Вы так ничего и не поняли.

— Жака Делишера сослали на Марс,— продолжал Сейрон, не слушая Хорманна.— У него не было ни малейшего шанса выстоять. Вы вырвали у него секрет под пытками, и вас послали за пленкой. Но мы предусмотрели это, Хорманн. Я жду вас здесь уже несколько недель.

— Не меня,— усмехнулся Хорманн.— Почему вы считаете меня агентом роялистов? Бомон, надо думать, послал бы нескольких агентов.

Сейрон оскалился.

— Смешно, Хорманн. Совсем смешно... Прованс не оккупирован, и роялисты не любят здесь появляться. Как, впрочем, и в других французских провинциях. Нет, Хорманн. Вы прибыли один.

Хорманн молча смотрел на странно загорелое лицо, и мысль о беспощадном солнце, которое превратило кожу в обожженную глину, вдруг принесла разгадку.

— Меркурий,— выдохнул он.— Вы были на Меркурии!

Глаза Сейрона засверкали.

— Верно, Хорманн. Я занимался электроникой на этом выжженном шарике. Мне нет шестидесяти восьми. Мне столько же, сколько и вам. Станция Терминатор изнашивает людей. Вы не можете узнать...— Он саркастически усмехнулся.— Но в силах себе вообразить? Вы написали несколько стихотворений о Меркурии. Вы все угадали. Солнце там иногда заполняет небо целиком и слепит даже сквозь черные фильтры...

— Быть может, вы там и набрались ненависти и приобрели вкус к борьбе. Я никогда не сомневался в жестокости роялистов. Но вы ошибаетесь.

— Старик Делишер не мог ошибиться. Я уже говорил, что нашел его записную книжку. Он там кое-что написал о вашем отце... и о вас. Полагаю, он хорошо вас знал. Он угадал в вас стремление к могуществу, жажду власти, понял, куда вы пойдете...

Хорманн пожал плечами, чувствуя лишь усталость и печаль.

— Делишер не был психологом, Сейрон. Не стоит полагаться на его суждение. Он едва доверял собственному сыну и, думаю, чудом доверил ему тайну своего открытия... Он был всего-навсего великим ученым. Понимаю, вы могли заблуждаться...

— Я не заблуждаюсь! — крикнул Сейрон.— Я ждал агента-роялиста и дождался. Меня это расстроило, ибо я действительно читал ваши стихи, Хорманн. Я верил, что они воспевают революцию, все великое и чистое. Но теперь понимаю, что вы обрушились на нас, на борцов Сопротивления. Вас никогда не устраивало, что ваш отец был арендатором, и вы хотели сделать поместье своей вотчиной. Вотчиной изменника, Хорманн...

— Хватит! — голос Хорманна сорвался от гнева.— Ад Меркурия свел вас с ума! Впрочем с ума сошли и те, кто ослеплен борьбой. Вы — истинный француз, следует это признать. И всегда опаздываете на одну войну... Мир вокруг вас меняется, но потребуются годы, чтобы вы это поняли. В моих стихах никогда не воспевались Революция или роялисты. Стихи относятся даже не к этому миру, Сейрон, а к другому, единственному, который я признаю — к Марсу. Пока вы плетете заговоры против жалкой марионетки Бомона, который падет сам через десяток лет, европейские корабли несутся к звездам. Азиаты, американцы и Славянские Республики осваивают Афродиту, готовятся к высадке на Альтаир...

— Мы тоже,— воскликнул Сейрон.— Мы могли бы добиться успеха. Имея в руках открытие Делишера. Европа согласилась бы помочь нам опрокинуть Бомона...

— Примерный патриот! — оскалился Хорманн.— Вы считаете, что живете в XVII веке? Это не Варенн. И дела идут не так, как вы предполагаете. Какое открытие, по-вашему, сделал Делишер?

На несколько секунд воцарилась тишина. Потом Сейрон вздохнул и пробормотал:

— Сверхдвигатель. Способ достичь световой скорости, открыть людям дорогу к звездам...

Хорманн гневно схватил его за руку.

— Дайте мне моток! Быстрее!

Сейрон нехотя повиновался. Хорманн выпрямился.

— Смотрите! — прошипел он сквозь зубы.— Старику Делишеру удалось переснять все документы на пленку и спрятать ее в оболочку провода. Для вас эта вещь бесценна. Для меня — лишена всякой ценности. Вы все еще не поняли? Я явился за пленкой, но могу уничтожить ее, ибо мы знаем, что здесь записано!

Он перевел регулятор светомета, бросил пленку на пол и сжег ее во вспышке голубого пламени.

Когда Хорманн поднял голову, то заметил слезы в глазах человека с Меркурия.

— Поймите, Сейрон,— с нажимом заговорил он. К нему вернулось спокойствие.— Через два года Марс обретет независимость, а вы даже не будете ничего знать о нас. Мы вытащили Жака Делишера с каторги. Он умер, сообщив нам тайну отца. Мы уже уничтожили каторгу. Через год нам будет принадлежать северное полушарие... И тогда мы сможем диктовать свою волю Земле, если захотим, ибо у нас есть то, что вы хотели предложить европейцам за их помощь. Мы этим уже обладаем. Мы сами открыли это!

— Сверхдвигатель,— простонал Сейрон.

— Нет... Не сверхдвигатель. Куда лучше, Сейрон. Вы опять отстали. То, чем мы обладаем, кончает с армадами фотонных звездолетов. Мы открыли передатчик материи, Сейрон! — он выкрикнул термин, наслаждаясь обескураженным лицом противника. Затем понизил голос и продолжил почти доверительно.— Передатчик материи, ясно? Миллиарды и миллиарды километров, которые преодолеваются в мгновение ока. Звезды в таком случае оказываются на расстоянии вытянутой руки. Стоит послать один корабль с передатчиком и... хоп! Любые грузы пересекут световые годы. Корабли пойдут от системы к системе. Затем настанет черед человека... И эта власть у Марса!

Сейрон медленно качал головой. Хорманн противник опаснее, чем роялисты, и с этим врагом придется считаться. Ему показалось, что он видит дурной сон, в котором ему не осталось места.

— Вы правы,— процедил он.— Если в ваших словах есть хоть капля правды, мы отстали. И Земля попадает

под вашу власть. Теперь я могу умереть спокойно. Мне больше нечего делать.

Хорманн вгляделся в него.

— Ну нет, вы не умрете. По крайней мере, надеюсь на это.— Он показал на антенну.— Любезные техники, следящие за нами с той стороны цепи, с удовольствием проведут опыт на вашей персоне! Вам предстоит путешествие на полсотни миллионов километров. Вы не можете оставаться на Земле, Сейрон! Вы достаточно умны, чтобы заронить сомнение в несколько толковых голов. Я улечу обычным звездолетом, он ожидает меня на юге. Передача человеческих существ без повреждения клеток еще недостаточно надежна. Но у нас не каждый день бывают подопытные кролики. У вас есть шанс, Сейрон. Я уверен, что мы еще увидимся в Генштабе на Экваторе.

Он улыбнулся и отступил к порогу. Сейрон поглядел на антенну.

— Мне не страшно. Я любопытен, Хорманн. И спрашиваю себя, если это просто...

Он не договорил.

Стеклянные детали замерцали голубоватым светом, ослепительно вспыхнули, и Хорманн прикрыл глаза рукой. Когда он опустил ее, Сейрона не было.

Он вздохнул и подождал несколько секунд. Представил себе разъятое на электроны тело, несущееся через пространство, обычный сигнал в эфире...

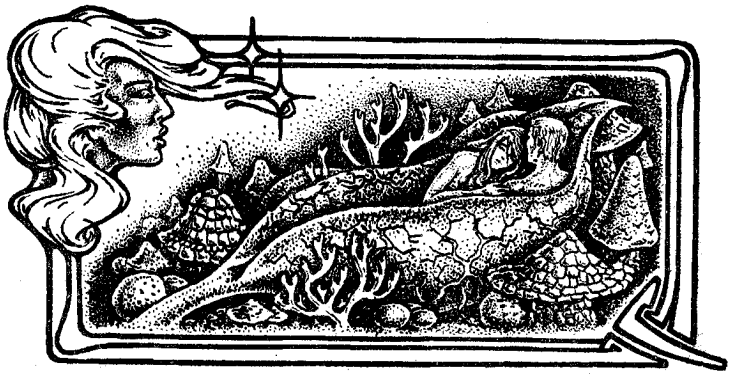
Потом подошел к стене и вызвал техников.

Когда он выпрямился, его лицо сияло. Он вышел во двор и взглянул на небо. Над кипарисами блестела Венера. Красное пятно Марса было еще невидимо. Но Сейрон уже прибыл туда со скоростью мысли — в полном здравии.

Хорманн постоял во дворе, вернулся в амбар и быстро разобрал антенну. Удила вновь стали обычным куском металла, а стеклянные детали улеглись на дно мешков.

Через мгновение он уже сидел в седле и медленно удалялся от затихшего поместья Делишера. Ни разу не обернувшись, чтобы бросить прощальный взгляд, он выбрался на пыльную дорогу, заросшую лопухами, и повернул на юг. В фиолетовой тьме трещали сверчки.

Где-то на средиземноморском побережье его ждал звездолет...



АФРОДИТА
(2080)

«Через двадцать лет после организации первой базы на Афродите в системе Сириуса напряженная политическая обстановка начала перерастать в кризис. Европейцы Гундта и тихоокеанцы, высадившиеся на Афродите первыми, пытались любыми средствами сдержать поток людей и оборудования, хлынувший из марсианских передатчиков материи. К этому следует добавить влияние Церкви Экспансии и появление беженцев, спасавшихся от Американского Хаоса. Но человек постоянно меняется, а звезды стали менять его быстрее, чем он опасался или надеялся... И кризис на Афродите разрешился сам собой».

«ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ»

— Что говорят о Гранднеже, Клер?

— Не знаю. Наверно, ничего. Ты же знаешь, цензура...

— Иногда удается прочесть правду между строк,— мужчина беспокойно ерзал на большом синем диване.— По крайней мере, часть ее.

Он щелкнул пальцами, но жена не обратила на щелчок внимания — это был привычный жест, и он то и дело повторял его. Сегодня он был в особо взвинченном состоянии. И Клер понимала почему. Но промолчала. Ей не хотелось ввязываться в бесполезный спор, избегая прямого разговора,— так требовали нынешние пуританские времена. Ведь речь зайдет о Ги. Неделю назад началось лето.

Лето 2080 года. Оба они знали, что корабль уже добрался до Афродиты. А потому чаще обычного надевали аудиовизуальные шлемы. Она была уверена, что муж сейчас тоже думает о Ги.

— Тихоокеанцам там ничего делать,— сказал он.

Быть может, то был конец монолога, который она не слышала. Мысли ее витали далеко отсюда. И так происходило все чаще. Она заметила, что муж надел шлем и машинально протянула руку, чтобы взять свой, но спохватилась — смотреть было нечего. Если ему хочется понапрасну травить себя, пусть.

— Тебе не о чем говорить со мной? — спросила она, зная, что все равно не перекричит звук в шлеме. Она не знала, зачем задала вопрос. Ее вдруг охватила странная усталость. Клер тряхнула головой, закрыла глаза и удивилась отсутствию темноты или полумрака с цветными всполохами, как бывает, когда закроешь веки от солнца или яркого огня. Глаза резал ослепительный свет.

Гостиная бешено кружилась перед ней, она испугалась, что теряет сознание, судорожно вцепилась в подлокотники кресла и едва не закричала. Вдруг осознала, что происходит, и застыла от удивления и радости. Как же она забыла о крохотном устройстве, вживленном в мозг! Клер зажмурилась. Ги? — мысленно спросила она. Хотя знала, что разговор невозможен. Это была не телепатия. Ги всегда смеялся, когда она намекала на нее. "Даже венерианские слономоржи могут общаться, только находясь в соседних долинах",— разъяснил он с горечью, которая тогда показалась ей преувеличенной.

Клер? Имя пронзило день за ее веками. Голос был четкий и громкий. Она не смогла сдержать судороги страха и радости и открыла глаза. Муж, похоже, спал, запрокинув голову под тяжестью шлема. И она поспешно вернулась в день, где ее ждали...

Клер, я проснулся! Ты слышишь меня? Очень хочется, чтобы ты слышала меня! Я нарочно говорю очень громко, устроившись перед хрустальным кубом, и боюсь, что делаю это впустую, что они подсунули нам игрушку. Фокус психолога, чтобы мы могли выдержать нагрузки, когда бодрствуем. Хотелось бы, чтобы все это было правдой, Клер... Через сколько лет ты услышишь меня? По нашим часам прошло четыре года и два месяца. Мне повезло, я так любил поспать. Помнишь? По утрам ты звонила мне, пока я окончательно не просыпался. А по-

том требовала с меня половину стоимости разговора, жадина!.. Клер, это было целых восемь лет назад! А сейчас все запуталось из-за уравнений Денборга... Теперь можешь отвечать мне. Когда твой вызов дойдет до меня, я буду уже на Афродите. И буду там... уже восемь лет! Боже, сколько времени утекло! Клер, мы об этом не подумали. Сколько раз мы сможем переговорить до того, как умрем? Сколько?

Когда голос замолкал, ей казалось, что она слышит рев корабельных двигателей. Ги и ее разделял барьер более неодолимый, чем смерть. А, может, он уже умер?.. Клер с ужасом отогнала неприятную мысль. Не дай бог, он ощутит ее...

Хочешь, я расскажу тебе о пространстве? О том, как я его вижу здесь? Ты говорила, что как-то путешествовала на Луну. Но если бы ты видела это море звезд... Наверно, виноваты пресловутые зоны поглощения, но звезд здесь в сотни раз больше, чем видно с Земли. А кроме того появились тысячи зеленых и красных облаков газа. Наше солнце пока видно. Оно желтое и сильно блестит. Рядом с ним сверкает огромный оранжевый шар, но я не помню его названия. Может, он обозначен просто цифрой. Вот Сириус прямо по курсу. Ты тоже можешь увидеть его... Даже с Земли. Правда. Вряд ли ты покинула Тулон. Не думаю, что Жорж согласился на переезд в южное полушарие. И не думаю, что ты сама захочешь переезжать. Из нас двоих ты пострадала меньше. Ты просто приняла правила этой эпохи. Дорогая квакерша... Нет, я не в силах говорить об этом сейчас. Минуты слишком коротки. Генератор жрет огромное количество энергии, а у каждого из нас равная и весьма маленькая доля...

Молчание, потом только шум. Она вздрогнула, почувствовав на плече руку.

— Хочешь выпить?

Рядом с ней стоял муж. Шлем оставил на его щеках белые полосы. Он внимательно разглядывал ее. Клер отрицательно покачала головой.

— Они оставили Гранднеж.

"Да пусть они провалятся в ад вместе со своим Гранднежем!"

— Венерианцы теперь предоставлены самим себе. Блокаду им не...

"Плевать я хотела на венерианцев! Плевать я хотела

на тебя! Или ты не видишь, что он говорит со мной? Через световые годы".

Она вновь закрыла глаза.

Клер?

— Ты еще не хочешь спать?

"Оставь меня в покое на пять минут! Всего на пять минут!"

Хотелось бы спросить тебя. Насчет того устройства...

— Я пошел спать. Спокойной ночи, Клер.

Почему ты согласилась?

Она на мгновение приоткрыла глаза и заметила сутулую фигуру мужа в дверях спальни. Там загорелся свет, дверь скользнула на место за его спиной.

— Спокойной ночи, Жорж.

Когда ты вызовешь меня, ответь на вопрос. Это очень важно для меня. Я хочу знать, почему ты согласилась на операцию, почему хочешь слышать меня, хотя ни тебе, ни мне это не нужно. От всего этого легко сойти с ума. Конечно, в любой момент устройство можно извлечь. Но ты ведь этого не сделаешь и всегда будешь спрашивать себя, жду ли я твоего послания и жив ли я. Ты поступишь, как принято в Европе. Будешь уважать мужа и оберегать того, кого любишь... Так? У меня остается еще десяток секунд... После вахты меня снова уложат в анабиоз. Мы прошли примерно полпути. Когда проснусь вновь, мы будем в нескольких часах хода от Афродиты. Ты должна знать, чем мы там будем заниматься. На Афродите идет что-то вроде войны. Ты слыхала о ней? Тебя всегда немного интересовала политика. Но европейцы не понимают значения таких миров, как Афродита. У Четырех Марсианских Провинций есть передатчики материи. И, надо признать, с ними они завоюют множество миров. Им не понадобится металлическая штуковина в голове и хрустальный куб, чтобы вести разговор через бездны пространства... И мы постараемся...

День за опущенными веками опрокинулся, взорвался белыми вспышками. Ей стало трудно дышать, она открыла глаза и заметила, что стоит около балконной двери. От ночной прохлады знобило. Клер закрыла глаза, но за веками была пустота. Она постояла у окна, потом, не задерживаясь дольше в гостиной, вошла в спальню, где у кровати тускло светился ночник, и одетой улеглась в постель, уже зная, куда надо идти завтра. Она вызовет его...

* * *

Ги Маркель долго оставался в полной неподвижности. В его мозгу был всего один яркий и четкий образ. Он ощущал его, как ощущал собственное тело... Вдруг раздался треск, и Ги насторожился. Сидящий внутри образ пришел в движение, превратившись в пейзаж перед кустами, которые скрывали его. И он всем телом ощутил влажную жару почвы, яркое солнце, чьи лучи пробивались сквозь гигантские заросли, запахи псевдолеса — зверья и странной растительности.

Он расслышал неясный шум, сотканный из тысяч звуков, призывов, шорохов, шуршания в листве, возникли лица, наложившиеся на краски Афродиты. Он разом все вспомнил. Ги наклонился и осмотрел ногу. Рана еще не зарубцевалась, но лекарство сделало свое дело — боль отступила. И пропала тошнота. Что могло (только могло) означать, что амебы покинули его желудок в поисках менее экзотичного обиталища.

Нападение застало экипаж катера врасплох, и они не сумели организовать оборону. Теленсен даже не успел предупредить корабль. Кто мог ожидать, что солдаты Четырех Провинций так хорошо информированы и контролируют сектор, расположенный вдали от зон их влияния. Земляне из осторожности решили сесть в пятистах километрах от ближайшего марсианского поста. Они предполагали, что их посадка будет замечена. Но никак не ожидали, что нападение будет таким внезапным, жестоким и быстротечным. Он осторожно встал на колени, дернулся от боли и упал на бок.

Потом огляделся в поисках опоры. Ги провел в своем растительном гнезде около четырех часов, большей частью в полубессознательном состоянии, воспринимая окружающий мир, хотя мозг его был отключен. Таково было побочное действие лекарства. Широколистная трава под ним примялась и поблекла. Но по одному этому трудно было судить о прошедшем времени. И трава была не совсем травой (названия и фотографии промелькнули в его голове)...

Ги заметил справа от себя толстую палку без листьев, протянул к ней руку в перчатке. Палка сжалась и исчезла в зарослях, как только он коснулся ее. Маркель вздрогнул, уперся обеими руками в землю и с трудом встал на ноги. Удивление вернуло ему память. Он вспомнил название "палки" — змеевидная ищучка. К счастью, безобидная, ленивая вегетарианка.

Он оторвал ногу от земли, повертел стопой, ожидая вспышки боли. Боли не было, и Ги сделал шажок. Потом второй. По голове скользнули листья — эти были настоящими, прохладными и почти зелеными. Он вышел на ослепительный свет, и жара застала его врасплох. Где-то в карманах комбинезона лежали солнцезащитные очки. Он долго искал их, и только надев, смог поднять голову. Вот что такое два солнца! Свет ослеплял даже сквозь специальные фильтры. Солнце поменьше выглядело пылающей искрой.

Маркель снова осмотрелся. Он стоял на краю равнины, вдали на горизонте вырисовывались округлые формы охряного цвета, которые вполне могли быть холмами. А может колониями коринок или останками желиантов... Он поднял капюшон комбинезона и снова пустился в путь, включив климатизатор. Через дюжину шагов понял, что тот не работает. Наверно, в батарею попал осколок.

Ги вдруг спросил себя, что делает здесь в полном одиночестве на раскаленной равнине, с раненой ногой и избытком лекарства в крови. Неплохо бы взглянуть на посадочный катер, оставшийся в нескольких сотнях метров отсюда. Но в каком направлении? Маркеля ранило в момент, когда он пытался извлечь тяжелый лазер. Он рухнул на землю и на мгновение затих в громыхающей ночи. Потом вскочил и, обезумев от паники, ринулся прямо сквозь цепь врагов — от нее к катеру тянулись разноцветные лучи.

Маркель помнил запах земли, сожженной светометами, и бегство напуганных псевдорастений. Он проскочил метрах в десяти от марсианской батареи и нырнул в мерзкую вонь болота. Потом долго плыл в теплой воде, и ноге стало легче. Выбравшись на берег, он продрался сквозь кусты, спугнул странное кудахтающее существо с горящими глазами и поднял рой насекомых-свистунов. Бег, ночь и боль слились в какой-то сплошной жаркий кошмар, в висках стучала кровь. Он добрался до зарослей на краю равнины и, уже проваливаясь в беспамятство, успел впрыснуть себе лекарство. Это было нетрудно — стоило нажать кнопку на поясе.

Ги пошел налево. Потом остановился и задумался. Вряд ли за ночь он пересек всю равнину. С такой раной ему наверняка не удалось бы пробежать больше километра. Значит, посадочный катер был недалеко. Он вернулся к псевдолесу. На лужайке почва была истоптана и выглядела красной и блестящей, словно ободранная плоть. Змее-

видная ищучка... нет... зверь вдруг возник из мрака. Белорыл. Этот тоже безопасен. Он остановился и с улыбкой стал рассматривать зверя, давно ставшего на Земле персонажем мультяшек. Белорыл был даже союзником, ибо питался растениями и врагами человека.

Животное трудно было назвать громадным, хотя в нем было метра два. Больше всего оно напоминало коричневый бочонок. И ходило переваливаясь на коротеньких толстых лапах с одним-единственным когтем ("шило" легко раскапывало землю), похожим на бивень. К бокам были прижаты крылышки. Но они позволяли только смешным образом подпрыгивать. Приплюснутая голова с добрыми глазами плюшевого медвежонка и носом картофелиной, который морщился, как у земных кроликов.

— Привет, топтыга,— произнес Маркель, чтобы услышать свой голос.

Белорыл сморщил грязно-белый нос, издав скрипучий звук. Затем подпрыгнул на месте и заковылял прочь. Отойдя, замахал крылышками и запрыгал, как громадная резиновая игрушка.

Маркель посмотрел вслед зверю и приблизился к разноцветной стене псевдолеса. Меж двух темно-фиолетовых стволов возникла змеевидная ищучка (ее, похоже, и искал белорыл), подпрыгнула, вонзилась в землю и снова превратилась в палку.

Маркель обогнул ее, протиснулся между какими-то пульсирующими стволами, сплошь усыпанными листьями и цветами. Он не знал, куда идти. Искать катер бессмысленно. Марсиане наверняка оставили там засаду. А может, сделав свое дело, исчезли так же внезапно, как и появились.

Что предпримет корабль? Пошлет новый катер или разведторпеду с парой пилотов. Те сядут вблизи уничтоженного катера... Значит, надо подобраться к нему, если он не хочет, чтобы его сочли погибшим.

Ги был уверен, что бежал недолго. Его ранило, когда он стоял у носа катера и возился с тяжелым лазером. Он тогда рванулся прямо вперед. Катер в этот момент... Но он не помнил, куда смотрел нос катера — на север или на юг. Рассуждения ничего не стоили. Надо было идти вперед, пытаясь отыскать лужайку. Ведь он мог проплутать в псевдолесу не один час и не одни сутки.

Пожар... Может, узнать направление по пожару? Он принюхался, пытаясь ощутить запах горелой растительно-

сти, но если запах и был, то он тонул в тысячах других, резких и сладковатых, раздражающих и пьянящих. Ги снова пустился в путь, осмотрев висящее на поясе запасное оружие. Большой светомет он потерял во время нападения.

Ги вовремя заметил перед собой ресничку холодушки. Он так часто видел картинки, что не стал терять времени — нажал на спуск, и почва закипела вокруг стволика, который опал, как сожженный цветок. Маркель подумал о главном теле, прятавшемся метрах в двух-трех под землей. Гигантская холодушка спала, ожидая жертву, спала и выжидала, раскинув вокруг сеть чувствительных ресничек, реагирующих на звук и не оставляющих ни малейшего шанса неосторожному животному. Холодушка была лакомкой...

Он тщательно оглядел землю вокруг, прежде чем двинуться дальше. Ресничек обычно было очень много. Но он не заметил ничего подозрительного. И вышел на тропу, пробитую крупными обитателями псевдолеса. Трава была сухой и примятой, с деревьев свисали обломанные ветки, из которых сочился похожий на кровь сок.

В псевдолесу Афродиты было невозможно узнать, где кончалась растительность и начинались животные. На первый взгляд вокруг стояли обычные деревья, кустарники, усыпанные листьями, плодами и огромными цветами. Ученые выявили странные симбиозы и не менее странную мимикрию растений и животных. Но все-таки было ясно — день безопасней ночи. Многие формы жизни прятались днем от палящего жара двух солнц. Днем в основном царила растительность, если не считать ищучки, белорыла или рычуна, но и те предпочитали влажные места.

Маркель прошел по тропе метров двести, остановился на развилке, где росло дерево с хилым желтоватым стволом, покрытым мягким ворсом, как большинство деревьев Афродиты. Ги вдруг вспомнил о хрустальном кубе. Он уже устал, а потому улегся на мягкую землю, на всякий случай осторожно ощупав ногой пару моховых подушек, оказавшихся поблизости.

Генератор наверняка разрушен. А потому, даже добыв куб, он не сможет вызвать Клер. Но корабль обязательно вышлет подкрепление. И, быть может, его найдут.

"Надо только подождать,— сказал он себе.— Может, она уже вызывала его в первые дни? Тогда я вскоре услышу ее!" От лекарства мысли в голове ворочались вяло, и все же он с ужасом подумал, что послание могло прийти, когда он валялся в беспамятстве.

"Если услышу ее голос и закрою глаза, то окажусь рядом с ней". Потом отогнал эту мысль. Он попал на Афродиту из-за Клер. Из-за Клер и морали отставшего от жизни общества. Он бежал от всего этого, удрал, и тот мир перестал для него существовать. Расстояние, разделявшее их, зачеркнуло все. Он был один, и если выживет, снова начнет в одиночку. Он отправился на войну и успел потерпеть поражение. Ну и пусть... Если он выкарабкается, то найдет самого себя, и заживет, как на Земле. Но без Клер.

Он вдруг вскочил на ноги, воя от боли, но та уже почти прошла. Схватился за правую щеку и нащупал маленькую дырочку — на пальце осталась кровь. Ги подошел к дереву. "Зараза!" Потянулся за оружием. Потом махнул рукой. Пользы от оружия не было. Зло уже свершилось. Он осмотрел ствол и заметил крохотные отверстия, через которые дерево-метатель выстреливало свои семена. Стоило теплокровному животному пройти рядом с ним, как включался инстинкт воспроизводства, и животное получало в награду зародыш. Если не принять нужных мер, тот начинал развиваться под кожей.

Особой опасности не было, ибо, если верить ботаникам, через десяток дней крохотное растеньице, насытясь животным белком, выпадало и укоренялось в земле. В белорылах всегда сидело по нескольку семян, и они от этого не страдали. И все же Маркель, отойдя от дерева, выковырял семя. Операция оказалась болезненной. Наконец он извлек небольшую черную пирамидку и прижег ранку.

Он наугад пошел по одной из тропинок. Оставалась надежда отыскать катер до наступления ночи. Тогда он смог бы переночевать в нем и ждать весь следующий день. Если корабль так и не подаст признаков жизни, он будет искать выход сам. Быть может, марсиане не уничтожили катер, тогда он найдет карты. И вернет себе куб.

В столице — в Грегори — достаточно энергии на десяток посланий, в которых он расскажет Клер о своем одиночестве в псевдолесу Афродиты, что в восьми световых годах от Средиземноморья... Он обязательно отыщет куб. И что-нибудь из провизии — на сухом пайке не продержаться.

Другой выход — сдаться врагу. Или отыскать следы людей. Разжечь костер и подать дымовой сигнал. Привлечь внимание, спалив целый псевдолес. На Афродите достаточно независимых колонистов. Многие объединились в деревни или фермы, а кое-кто построил на Свободной

Территории дома-крепости, где их хозяева были королями и владели таким количеством земли, что любой средневековый феодал лопнул бы от зависти.

Вся их миссия казалась ему теперь полной бессмыслицей. Ги не понимал, как они вообще рассчитывали воевать с марсианами. Земляне провели в анабиозе долгие годы, чтобы высадить десант и захватить передатчик материи. Всего-навсего. Правительство Гундта приняло самое идиотское решение. Их затея не могла быть успешной. И за эту глупость шестеро уже заплатили жизнью.

"А седьмой и сам сдохнет",— усмехнулся Маркель. Он уже сомневался, что корабль пошлет помощь. Их уничтожили, и дело списано в архив. Корабль может официально сесть в Грегори, и обе стороны промолчат о стычке. Все кончится, как в заурядном случае с попавшимся шпионом. Проигравших просто забывали.

Маркель подумал, как он доберется в Грегори и обвинит Конфедерацию Четырех Провинций в уничтожении экипажа катера. И никто не станет его слушать. Хотя, возможно, тайно помогут. А если он не захочет молчать, ему заткнут рот. Отношения между сторонами были слишком натянутыми. Если равновесие и нарушится, то повод к этому будет серьезным, событие произойдет из ряда вон... А из-за уцелевшего в схватке человека, который смог выбраться из псевдолеса, суетиться никто не станет.

Маркель теперь понимал, что мог спокойно появиться на Марсе, воспользовавшись передатчиком материи. Стоило только перейти на сторону Четырех Провинций. Но Клер была европейкой и слишком часто повторяла это. Под знамена победителя следовало стать после прощания. Нельзя же покидать желанную, но недоступную женщину со словами: "Привет, я решил поменять лагерь". Но, улетая с Земли, Маркель не подумал об этом.

И теперь сожалел о своей глупости. Он даже подумывал, не сдаться ли марсианам в плен. Почему бы им не принять его? Или устранить, как нежелательного свидетеля тайной войны.

Тропа кончалась у ручья с пахучей водой. Значит, он шел правильно. На том берегу росли кусты — их листья подозрительно шевелились, и они совсем не походили на безобидные растения. Маркель предпочел их уничтожить.

Кусты густо дымились, когда он ступил на другой берег. Потом пришлось уничтожить еще одни заросли, и он испугался, что начнется пожар. Но пламя быстро угасло

во влажной массе тронга, сплошь усеянной гнусными ротовыми отверстиями. "Троонг!" — во все стороны брызнула вонючая жидкость. Несколько капель долетело до Маркеля, и его едва не вывернуло от ужасной вони.

Псевдолес поредел, и он вышел на первую лужайку, красную и поблескивающую под солнцами. В центре высилась округлая громада желианта. Существо спало. Маркель понял это, заметив, как опадают на вершине округлого брюха пучки волос. Желиант напоминал огромную шляпку гриба. Существо запросто могло проглотить человека, ибо проснувшись превращалось в один гигантский рот — Маркель видел это в фильмах.

Он осторожно обогнул спящую громадину и вдруг услышал выстрел. Над лужайкой раздался свист, желиант взревел. Его огромный рот раскрылся, существо завертелось на месте, как волчок.

Желиант был ранен, и Маркель поспешил укрыться в кустах, не теряя времени на проверку,— настоящее растение прячет его или нет. Он спрятался в листьях, снял с пояса светомет и огляделся. Желиант с ревом подпрыгивал на месте. Маркель видел рану в его брюхе. Волосы-щупальца со свистом рассекали воздух. Раздался еще один выстрел, и громадина рухнула на землю. Маркель увидел присоски. Из раны вытекал ручей блестящей крови с сильным пряным запахом.

На лужайке появился первый марсианин. Высокий, сильно загорелый блондин со стрижкой ежиком. Форма на нем была порядком потрепана, но на груди сверкала эмблема Четырех Провинций — золотой кулак в красном круге. Обеими руками он держал многозарядный карабин. Потом из кустов вышел второй марсианин, он развлекался с ищучкой — та безуспешно пыталась ухватить его за руку. На рукаве у него желтела повязка начальника патруля.

Маркель медленно привстал на колени, забыв о ноге, и та тут же напомнила о себе. Он скрипнул зубами, откинулся назад. Листья предательски зашелестели. Но марсиан интересовал только желиант. Они обменивались шутками и хохотали.

Через несколько минут солдаты снова углубились в лес. Маркель не понимал, зачем они прикончили желианта. Люди уже начали отрицательно влиять на экологию Афродиты: лет через сто на планете не останется ни желиантов, ни ищучек.

Он ждал еще некоторое время, затем выбрался из укрытия и обогнул огромный труп. Две реснички холодушки

уже ощупывали рану, и гудел целый рой мух. Он вздрогнул, услышав булькающие звуки, и не сразу отыскал глазами приу. Небольшое животное с наслаждением лакало из лужи крови — длинный язык подбирал все до последней капли. По его спине пробегали волны удовольствия, а собачьи глаза словно смеялись. Маркель вдруг ощутил голод. Он извлек из кармашка на поясе пару таблеток и проглотил, пытаясь думать о чем-нибудь более существенном. Пожалуй, следовало двинуться за солдатами. Они наверняка патрулировали вокруг катера, и, рискнув, он мог отыскать хрустальный куб и прочие необходимые вещи.

Но дело обернулось иначе. Едва он углубился в заросли, как раздался окрик "Стой!". Маркель застыл на месте. Он стоял прямо перед кустом с большими малиновыми цветами. Сердце у него екнуло. Но сверлилки в данный момент были наименьшим злом. Справа прозвучал голос одного из солдат. Того самого, что расправился с желиантом. Он медленно направлялся к Маркелю с довольной улыбкой и карабином наизготовку.

— Вы не очень-то гляделец! — рассмеялся он, коверкая слова.

К ним уже спешил второй солдат, начальник патруля. Маркель краем глаза заметил его бледно-голубой мундир среди кустарника. Действительно ли марсиан только двое? Тогда можно блефовать. Он еще только подумал об этом, а сам уже лежал на земле со светометом в руках. Когда луч ударил солдату в лицо, тот завопил и выронил оружие.

Маркель перекатился на бок и выстрелил туда, где только что видел начальника патруля. Кустарник зашипел, повалил плотный удушливый дым. Раздался выстрел, и рядом с Маркелем запузырилась губчатая земля.

Он отполз в сторону, выстрелил в третий раз и не снимал пальца со спуска секунд пять, поливая огнем кустарник перед собой. Ему показалось, что он расслышал слабый крик. И все же подождал еще несколько секунд, прежде чем отползти и спрятаться позади казавшегося безопасным дерева.

Потом медленно поднялся, держа оружие наготове. В чадящем кустарнике ничто не шевелилось. Он подошел ближе, пытаясь разглядеть оба трупа, но из глаз текли слезы от едкого дыма. Почувствовав боль в ноге, вернулся к дереву, сел на землю и осмотрел рану. Та снова кровоточила.

Ги отыскал коагулянт, затем очистил рану. Боль стала только сильнее. Положил палец на кнопку, чтобы сделать инъекцию. Но не нажал ее.

Он вдруг вспомнил о Клер, о ее голосе. После инъекции ему придется проваляться в беспамятстве несколько часов. Когда он проснется, рана зарубцуется. Но в это время его может вызвать Клер. И он не услышит послания, отправленного с Земли восемь лет назад!

Мелькнула мысль, а не бредит ли он. Неужели его могла остановить подобная болтовня? Не стоит ли лучше подумать о собственной жизни? Хотя... В голову ему пришла новая мысль. Он вскинул глаза к небу, пытаясь определить, где оба солнца.

Ги снял очки и поднялся на ноги. Сириус висел почти над самым горизонтом. Через три часа наступит ночь. И если он уколется, то уже никогда не проснется. Он окажется во власти всех тех, кто спит днем. Это зверье куда опасней сверлилок или холодушек...

Боль не отступала. Она достигла живота, вцепилась в пах. Неужели в воздухе или в запахах псевдолеса присутствовало нечто, усиливающее боль?

Ги истекал потом, скрипел зубами. Ему казалось, что тело его с каждым мгновением тяжелеет и вжимается в землю. Гаснущий свет солнц едва пробивался сквозь листву, он словно перенесся в храм с разноцветными витражами... в тюрьму, сотканную из света и красок. Он застонал и услышал тысячекратное эхо своего стона.

Наверно ему удалось сделать шаг, ибо ледяная вода смыла с витражей лицо Клер. Шумел дождь. Ги на мгновение очутился в палатке — он прятался от летней грозы, вдыхая запах земной травы и горячего тела Клер рядом с собой. Затем провалился во тьму.

* * *

Он не знал, сколько времени валялся без сознания. Сначала его удивило, что ночь довольно светла. Он лежал на спине, чувствуя каждой клеточкой холодную почву. Тело казалось вырубленным из куска дерева — Ги подумал, что ему больше никогда не удастся пошевелиться. Он повел глазами по сторонам и увидел первую луну. Самую большую. Вернее, громадную. Она источала бледно-зеленый свет. Травяная луна...

Справа от нее висела вторая. Медный диск, окружен-

ный красноватым сиянием. Третья луна только всходила. Маркель заметил ее оранжевый свет, слегка повернув голову. Через несколько минут ночь станет совсем светлой.

Он удивился ясности мыслей и отточенности чувств. Раненая нога словно отделилась от него. А тело было готово подчиниться любому призыву. И когда тот пришел, Ги решил, что видит сон и хотел было провалиться в беспамятство, впрыснув себе лекарство. Его коснулось что-то гибкое и хрупкое, блестящее и нежное. Над ним склонилась совсем юная девушка — теплая и источающая приятный странный аромат. На него с удивлением смотрели два огромных глаза. Бледные губы раскрылись:

— Почему ты приди потерянный?

Он зажмурился, услышав человеческую речь.

— Тебя ранен?

Девушка по-прежнему склонялась над ним — ее грудь белела рядом с его лицом. Она провела пальцами по его губам, и пальцы эти были прохладными.

— Клер? — спросил он, отгоняя сновидение.

— Почему называть Клер?

Ги тряхнул головой. Что-то тут было не так. Девушка не могла быть реальностью. Однако не хотела исчезать. Свет трех лун стекал по ее обнаженным плечам и груди. Она выпрямилась, и Ги увидел ее в полный рост. Ему стало жарко, внезапно охватило острое желание.

Маркель шевельнулся, но она уже исчезла. И его поразила столь неожиданная тоска по женскому телу.

Он снова перекатился на спину, закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти ее образ, отблески на коже, сверкающие глаза на лице, полускрытом волосами...

— Кто вы?

Он вздрогнул — голос мужчины. Затем увидел бледное пятно лица — мужского лица.

— Это не сон. Скажите, кто вы. И постарайтесь хоть немного двигаться сами. Без вашей помощи я не смогу дотащить вас до места.

Маркель кивнул, хотя по-прежнему не верил собственным глазам.

— Поднимите руку.

Он поднял руку.

— Теперь попытайтесь сесть.

Он сел.

— Прекрасно,— человек был доволен.— Теперь цепляйтесь за меня. Вход рядом.

Маркель спросил себя, о каком входе может идти речь. Но подчинился, встал, опираясь на плечо очень тощего человека. Сделал шаг и понял, что чувствует себя лучше, чем ему казалось.

— Вы в состоянии говорить? Отлично. Держитесь за меня. И постарайтесь не шуметь. Конфедераты бродят поблизости.

Еще мгновение вокруг был псевдолес — влажные прикосновения, шорохи листвы... Потом их окружила тьма. Маркель почувствовал, как его подхватили другие, более сильные руки. Послышался глухой шум, словно прямо над ними ставили на место крышку. Он снова удивился нереальности происходящего и вздрогнул, услышав другой мужской голос:

— Подождите... Сейчас будет свет.

Действительно стало светлее. Свет шел откуда-то издалека, растекаясь по сводам подземной галереи. Из стен выступали корни и непонятные наросты, отбрасывающие резкие тени. Светился пучок фосфоресцирующих растений, который держал крупный, почти обнаженный мужчина, облаченный только в набедренную повязку из шкуры какого-то животного.

— Идемте,— произнес незнакомец, поддерживавший Маркеля.— Надо спешить. Сейчас эти корни источают ферменты, которым ваш организм не сможет долго сопротивляться.

Ги впервые разглядел своего спасителя. Тот был одет так же, как и человек с факелом.

Ги двинулся по галерее между двумя провожатыми. После перекрестка они углубились в лабиринт ходов, где висел странный запах — явно знакомый Маркелю, хотя Ги не мог вспомнить откуда. Запах будил какое-то воспоминание... И безотчетный страх. Да-да, страх. Или отвращение. Но запах не был неприятным.

Ходы снова стали галереей. Здесь они были выложены плитами и освещены факелами, укрепленными в нишах стен. Маркель подумал, что в этом лабиринте ничего не стоит заблудиться.

— Налево.

В стене темнело круглое отверстие. Он остановился на пороге. Внутри было светлее, чем в галерее, и Ги увидел девушку. Ту, которая явилась ему в псевдолесу.

Девушка стояла, прислонившись к стене, и улыбалась. Лет семнадцати, с детским личиком. Почти совсем обнаженная, и он почувствовал ком в горле.

— Так это была правда...— прошептал он.

— Сеили? — переспросил мужчина.— Вы решили, что видите сон? Года четыре назад со мной случилось то же самое, только девушка была другой.

Маркель не мог отвести глаз от девушки. Ее тело блестело в свете факелов, словно покрытое влагой после купания или лаком...

— Ты прийти? — спросила она.

— Вы скоро начнете все понимать. Через несколько недель благословение снизойдет на вас. Их язык похож на них самих... Вернее — наш язык.

Маркель медленно повернулся к нему.

— Кто вы? И почему живете под землей, а не...

Слова застряли в горле. У странного запаха, который он сейчас вдыхал, было имя — мьеши! Он отступил от провожатого и уперся спиной в ноздреватую землю.

— Мьеши! — выдохнул он.— Проклятые поклонники мьешей!

Мужчина поднял руку. Его лицо потемнело от гнева.

— Успокойтесь! Забудьте о сказках, которые вам внушили!

Но Маркель уже не слушал его. Он бросился по галерее прочь. Проскочил мимо нескольких круглых отверстий, откуда вырывался свет растительных факелов. И оказался в тупике. Побежал назад, свернул в первый же проход, все время слыша позади топот преследователей. Он сорвал со стены факел и побежал еще быстрее.

Ход за ходом, галерея за галереей — Ги уже изнемогал. Пол лабиринта, похоже, поднимался. Он выскочил на глинистую площадку, ниже темнело подземное озеро. Он остановился, с трудом переводя дыхание, и прислушался. Но различил только плеск воды где-то внизу. Он рухнул на землю и стал ждать, пока сердце перестанет яростно рваться из груди. Боль в ноге едва ощущалась — наверное, рана успела зарубцеваться. Глина под ним была теплой. И вдруг это место показалось ему удивительно приятным. Пришла мысль, что, пожалуй, можно остаться здесь на долгие годы, пока не придет смерть.

Ги со сладострастием потянулся, опустил голову и полными легкими вдохнул запах озерной воды. Плеск стал громче, и он понял, что к поднимавшемуся из черной воды животному надо отнестись как к другу. Оно было его союзником против мьешей. Его охватила радость, и он быстро заскользил в бездну, весь во власти своего наслаждения и счастья.

* * *

— Лефрозы обожают нас,— шелестел голос мужчины где-то высоко над ним.— Беда лишь в том, что мы редко выживаем после их объятий... господин Маркель.

Он рывком сел и снова увидел ту же освещенную факелами пещеру с забившейся в угол девушкой.

Мужчина опустился на корточки рядом с ним. Возле него стояло несколько чаш с разноцветными жидкостями и лежало снаряжение Маркеля.

Собеседник глядел с улыбкой:

— Прежде всего тяжелые запахи, скапливающиеся в дальних галереях. Затем аромат лефроза. Плюс ваша слабость и страх... К счастью, удалось не потерять ваш след. Повезло и мне, и особенно вам. Все произошло как в старой сказке — вы бежали, теряя кое-что из снаряжения, а я шел за вами и подбирал.

Маркель тряхнул головой. Ему казалось, что он видел тысячи снов, кошмарных и радостных. Сколько же времени он провел под землей?

— Пришлось применить шоковое лечение. Я воспользовался лекарствами, которыми стали снабжать европейские экипажи.

Девушка в углу казалась спящей. Но ее глаза сверкали в свете факелов, и Маркелю она казалась большим ласковым котенком.

— Вы много говорили во сне. Теперь мне понятны ваши страхи, ваше... отвращение к мьешам, но...

Маркеля передернуло, и он враждебно уставился на мужчину.

— Кем бы вы ни были,— прошипел он,— вас я уже не считаю человеком! Я никогда не думал, что такое может быть правдой. Впрочем, я не верил и в подлость марсиан...

— Расстояния стали слишком велики,— человек говорил печально, и гнев Маркеля поутих.— История, события, конфликты растягиваются во времени. Люди не ожидали этого. Они растеряны, испуганы. Но все завершится маленькой встряской, как любые великие перемены... С вами произошло почти то же, что и со мной. Старт был таким, таким же будет и финиш.

— Что такое я наговорил? — опасливо спросил Маркель.

— Смотрите...

Человек достал из-за спины какую-то вещь и поднес ее к свету. Маркель не шелохнулся. Он смотрел на куб

психосвязи, словно не узнавая, но сердце его забилось быстрее. Мужчина положил куб на землю рядом с глиняными чашами.

— Святая Церковь Экспансии не пользуется этой системой. Она бесполезна при наличии передатчиков материи. А когда вас разделяют целых восемь световых лет, всякое желание пользоваться этим пропадает.

— Вы принадлежите к Церкви Экспансии?

Мысли теснились в голове Маркеля. Если этот человек был проповедником Церкви, он был и союзником Марсианской Конфедерации. Тогда Маркель мог считать себя пленником. Но место, где он находился... Поклонники мьешей не имели ничего общего с теми, кто осваивал Афродиту.

— Меня зовут Иероним Каллерти. Год назад ко мне обращались "брат Каллерти". Но времена переменились. Я уже сказал, моя история напоминает вашу, и, думаю, закончится тем же... Сейчас объясню почему. Вы слыхали об эффекте Лабиринта?

— Еще бы!

Каллерти покачал головой.

— Ну, не говорите. Подумайте, я покинул Солнечную систему через три года после вас. И эффект Лабиринта считался сказкой.

Он сел рядом с Маркелем и уставился на факелы. Каллерти выглядел очень молодо, но глубокие морщины в уголках глаз говорили о другом. "Молодой старик",— подумал Маркель, как-то вдруг проникся к нему симпатией и ощутил внутреннее родство с ним.

— Эффект Лабиринта изнашивает человека, выпивает его силы... Теоретический принцип вам известен: разум не может смириться с исчезновением пространства, заменяя протяженность времени временем субъективным, и населяет последнее фактами, извлеченными из подсознания. Он отрицает победу интеллекта, принявшего принцип Делишера. Правильнее было бы сказать отрицал, поскольку последние работы открыли возможность устранить эффект Лабиринта, и он исчезнет через несколько лет... Но когда отправлялся в путь я, он еще действовал вовсю. Я отбыл точно так же, как и вы. По причинам, которые тогда казались мне важными. В моем случае причина звалась Патрицией, вашу зовут Клер. Правда, мое бегство произошло в два этапа, а не в один, как у вас. Вначале я вступил в Святую Церковь. А в 2075 году вошел в Передатчик. Так

пять лет назад я вступил в Ад. Я знал, что это называется Адом, но не понимал, не представлял, что это такое... Эффект по-разному воздействует на разных людей. Мое путешествие было исключительно тяжелым. То есть секунда, полсекунды, двадцатая доля секунды переноса длились для меня... Дело в том, что надо мной поработали ваши психотехники. Нет, не думайте, я не говорю, что вы и они — одно и то же. Просто считаю, что все эти партии, схватившиеся здесь, на Афродите, нашей любви не заслуживают. Эти европейские офицеры, которые подделали мое прошлое и помешали мне встретиться с Патрицией, чтобы мой Ад стал еще ужасней, заслуживают не больше уважения, чем те, кто убил ваших друзей... По выходе из Передатчика я постарел биологически на секунду, для моей же души путешествие длилось десять лет. Так я себя чувствовал. И после этого Ада, по кругам которого десять лет меня носило с неутоленным желанием встретиться наконец с любимой женщиной, они потребовали от меня участия в их войне... Вы поняли? Они ни в чем не сомневаются! Неужели вы и теперь готовы идти и воевать за Передатчик?

Он уставился на Маркеля усталым взглядом. И Маркель понял, что его собеседник прав.

— Я никогда не смог бы...

— Что вы знаете о мьешах? — спросил Каллерти.— То, что вам внушили? А Поклонники? Вы поверили россказням жалкого старичья, которое никогда не летало дальше Луны. Нами никто не интересуется... Откуда им знать о нас?

— Я знаю, что такое мьеши,— Маркель пытался говорить твердо.

Девушка не шелохнулась. Ее длинные ноги блестели, как древняя бронза. Черные волосы оттеняли бледное лицо. Грудь вздымалась размеренно и ровно. Наверное, она заснула. Нет... девушка посмотрела в его сторону, и Ги ощутил, как кровь быстрее побежала по жилам.

— Мьеши — это всего-навсего полурастения. Огромные и никому не причиняющие зла. Они роют подземные галереи, в которых мы живем. Они дают нам воздух, питательные соки... и все удовольствия в мире сверх того, что мы можем сами себе доставить.

— Нет... нет,— простонал Маркель.— Говорят, они пьют вашу кровь, как вампиры...

Каллерти расхохотался.

— Боже, как вы легковерны! Земля опять впала в безумие? Вампиры! Я что, выгляжу тенью, из которой высо-

сали кровь? А Сеили? Маркель, вы знаете, что такое симбиот? Существо, которое извлекает пищу из почвы путем невероятно сложных превращений. Оно не очень разумно, но обладает потенциалом... как бы сказать... общительности. Все виды, с которыми оно входит в контакт, либо обездолены психически, либо излишне воинственны. Или слишком бесчувственны... Когда оно встречается с человеком... впервые вступает с человеком в контакт, то ощущает в нем другое столь же сложное существо, способное научить его дотоле неведомому.

— Мьеши лишены разума,— перед его мысленным взором возник рисунок водоросли.

— Я это уже сказал. Но они наделены особой чувствительностью, даром восприимчивости, о котором мы даже понятия не имели. Они способны ощущать ваши беды, ваши желания. Они могут вас вылечить, удовлетворить вас, одновременно вылечивая и удовлетворяя себя...

— Очень хотелось бы поверить вам...— пробормотал Маркель.

Каллерти поднялся.

— Быть может, вы не все поняли. Я говорил о ваших бедах и ваших желаниях... А они у вас есть, как были и у меня. Оставшись здесь, Маркель, вы познаете счастье.

Взгляд Маркеля остановился на хрустальном кубе.

— Зачем вы принесли его? Зачем?

— Это будет испытанием. По ту сторону бездны, в восьми световых годах находится... Клер. И она же сидит внутри вас, ведь вы слышите в голове ее голос. Когда вы перестанете хвататься за куб и закрывать глаза в ожидании голоса, тогда вы станете нашим. Но на это потребуется время. Мьеши исполняют желания независимо от того, будет у вас подруга или нет. Вы хотите одиночества?

Маркель вздрогнул:

— Нет! То есть... пусть останется.

Он посмотрел на девушку. Та поднялась и молча застыла рядом с улыбающимся Каллерти.

— Понимаю. Со мной было точно так же. Возможно, этой ночью вы испытаете нечто вроде отвращения... Вам захочется уйти. Но вы вскоре вернетесь. И поймете, что единственные люди на Афродите — только мы. Истинное могущество человека в его умении приспосабливаться. Звезды изменят его, но силы человека сохранятся и возрастут... Люди Земли заметят это слишком поздно. И тогда, наверно, перестанут сражаться за миры, которые уже бу-

дут им принадлежать, но иначе, не так, как они рассчитывали!

Иероним Каллерти вышел из комнаты. А девушка подсела к Маркелю. Он поглядел на хрустальный куб и закрыл глаза, ожидая услышать голос, который так и не зазвучал. Он долго кружил с девушкой среди жарких солнц удовольствия, затем солнца слились в одно, осветили все вокруг — он держал в объятиях Клер. И обладал ею уже не в воображении, получая от нее все, что она могла дать.

Он открыл глаза и увидел то, что было вместе с ними, что усиливало его удовольствие. И девушка эта была не Клер. Как и сказал Каллерти, ему захотелось уйти. Он выбежал в галерею, вдохнул странный (но уже не чуждый) запах и, как и обещал Каллерти, медленно вернулся обратно.

Маркель остановился на пороге. Девушка сидела и молча смотрела на него. Жалость и страх были в ее глазах. То, чужое, не сдвинулось с места. Ги казалось, что оно разделяет чувства девушки. Что оно тоже немного боится, и ощущает жалость, и понимает его. Оно походило на зеленый лист, часть которого обволакивала бедро девушки, а вторая распластавшись лежала там, где прежде был он.

— Ты вернуться испуганный, потерянный? — спросила девушка.

Ги Маркель лег рядом с ней, стараясь не глядеть на чуть вздрогнувший лист. Он повернулся к ней и вспомнил ее имя: Клер...

В этот момент в его голове возник голос.

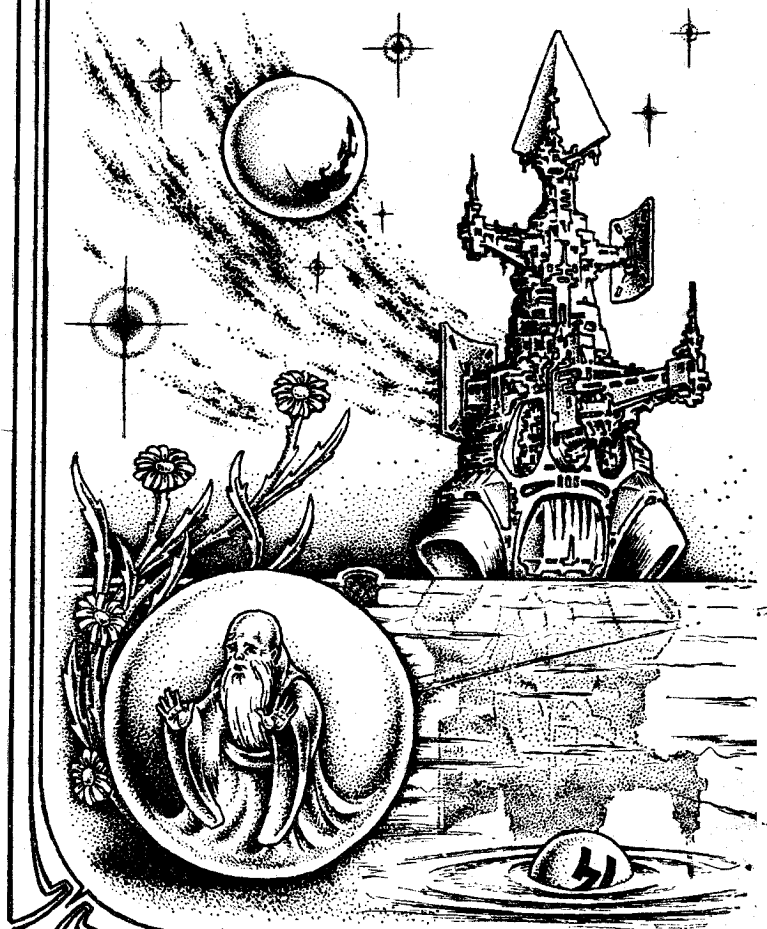
Ги... Вот уже неделя, как ты улетел, и мне сказали, что можно отправить первое послание. Оно придет, когда ты уже будешь на Афродите. Ги, слышишь ли ты меня?

Но она и так была рядом с ним. А он был в ней. Все остальное оказалось лишним. Жаркие солнца вспыхнули вновь.

Ги... Мы не должны были соглашаться на операцию. Я спрашиваю себя, хватит ли у меня мужества выдержать... все эти годы...

Планета семи масок

РАССКАЗЫ



Gérard Klein
«Les plus honorables emplois de la terre...

Jean-Paul Török
«Point de lendemain»

Michel Demuth
«La bataille d'Ophiuchus»

Julia Verlanger
«Les Bulles»

Claude Cheinisse
«Le Suicide»

Gérard Klein
«Magie noire»

Marcel Battin et Michel Ehrwein
«La mer, le temps et les étoiles»

Gérard Klein
«La Planète aux sept masques»

Francis Carsac
«Premier empire»

Michel Demuth
«Nocturne pour démons»

Charles et Nathalie Henneberg
«Au pilote aveugle»

Gilbert Michel
«Comme un oiseau blessé»

Jacqueline Osterrat
«Le Calendrier»

Jean-Michel Ferré
«Miracle d'une nuit d'été»

Ives Dermez
«Lettre d'un traducteur extraterrestre»

Roland Topor
«Le jeu»

Gérard Klein
«Les enfers sont les enfers»

Жерар Клейн

САМЫЕ УВАЖАЕМЫЕ ПРОФЕССИИ ЗЕМЛИ...

Воздух был чист и прозрачен, и небо сияло, как отполированный металл. Одиноко стоявший на лужайке дом с крашеными ставнями и настоящей черепицей казался нереальным и походил на декорацию для исторического фильма. Метро никак не мог им налюбоваться. Закрыв глаза и опустив голову, можно было забыть о тех отвратительных домах, которые его окружали, и заставить себя поверить, что он вернулся на целый век назад, когда на Земле жило всего каких-то пять миллиардов человек.

Метро пожал плечами и вздрогнул. Он тщательно взвесил тот риск, на который решился пойти. Но нагрузка на возникшие в его воображении весы была слишком тяжела. Кража со взломом уже считалась тяжким преступлением, и, если его схватят, ему грозят два года перевоспитания. А то, что он собирался совершить, было в тысячу раз отвратительнее. На языке юристов это называлось хищением информации. Грех пострашнее греха убийства и чуть меньший, чем изнасилование.

Конечно, он принял меры предосторожности. Он следил за подходами к вилле несколько дней и изучил как свои пять пальцев все почти маниакальные привычки Варина. Двадцать лет назад этот безобидный старикан был одним из наиболее уважаемых социологов, и правительство до сих пор обращалось к нему за консультациями, хотя предпочитало доверяться своим электронным оракулам и

полицейским рапортам. Но главным достоинством Варина в глазах Метро был неограниченный доступ к хранилищу Центрального Информатория.

Перед тем как преодолеть изгородь и стать нарушителем закона, Метро сунул руки в перчатках в карманы и проверил рабочий инструмент. Магнитофон размером с кусок сахара и камера не толще бумажника. Самые необходимые вещи. У него было право на владение и право на их использование. Но в определенных условиях.

Он знал лишь один способ обмануть недремлющие защитные механизмы дома. А именно: проползти в траве от ограды до самого окна. Скорее всего, глаза дома были настроены на подачу сигнала тревоги, если в саду окажется человек или животное определенного роста, чтобы не реагировать на появление бродячих собак, кошек или ежей. Труднее было проползти тридцать метров в сгущающихся сумерках так, чтобы не вызвать любопытства случайного прохожего.

К счастью, в это время прохожие были редки, и он мог надеяться на удачу, если все проделает быстро. Он опустился на карачки, подлез под изгородь, раздвинул кусты бересклета и протиснул свое крупное тело в образовавшуюся брешь. Его руки утонули в мокрой траве, пальцы тщательно обшаривали землю в поисках скрытых ловушек. Метро сомневался, что Варин позаботился о них, но уважал бдительность Информационной полиции. Он прополз несколько метров, улегся на землю и стал ждать. Лоб его покрылся бисеринками пота. Между двух травинок он видел впереди светлую стену одноэтажного дома. Варин жил в одиночестве. Это была столь редкая привилегия в век перенаселения, что Метро, которому приходилось делить свою комнатку с еще двумя соседями по норме "трое в восьми", зашипел от ярости. Его взгляд на мгновение затуманился, и он увидел вместо города жаркую пустыню. Если его схватят, придется отправиться именно туда, чтобы сажать салат в Сахаре или Калахари, поливая его своим потом. Хотя могли и сослать собирать водоросли на пятисотметровой глубине, в вечно черном безмолвии.

Шаркающие по бетону шаги с той стороны изгороди, от края дороги, заставили его вжаться в землю, превратиться в корень травы, распластаться, как опавший лист. Напрасные ухищрения. Метро спросил себя, каким предстанет в глазах прохожего, если тот случайно взглянет в сторону сада и увидит растянувшегося на земле человека — то ли спящего, то ли мертвого — удлиненное пятно, похожее на громадную личинку или чудовищного крота.

Впрочем, он мог показаться и старым мешком, и садовым креслом, очертания которого расплывались в сумерках. Ему казалось, что свет стал слабее, и тьма накрывает его своим спасительным покрывалом. Шаги затихли. Метро наконец выдохнул, опасаясь, что воздух выйдет из легких, как из лопнувшего шарика. Он несколько раз повторил про себя: "Дурак, дурак..." Потом, дрожа, собрался с силами и снова пополз.

Он почти добежал до дома на карачках, выгнув спину и подняв зад выше головы, и внезапно замер в ужасе, чуть не наткнувшись на еле заметную проволочку, ограживающую газон. Он не решился перешагнуть через нее, а просто перерезал. Оказавшись на аллее, где ему уже не надо было приглядываться к препятствиям на земле, Метро выпрямился и отряхнул испачканные землей руки, но так и не решился глянуть в сторону улицы. Теперь прохожий или полицейский патруль наверняка примут его за Варина, хотя он и был покрупнее социолога.

Осмотрев стены дома, он не нашел ни одного глаза-наблюдателя и вдруг почувствовал себя обманутым.

Дальше все было совсем просто, и он ощутил пьянящую радость, когда дверь распахнулась от легкого толчка. Варин даже не запер ее на ключ. Быть может, входить через дверь было и неосторожно, но привычки Варина позволяли не опасаться ловушки. Он закрыл за собой входную дверь и двинулся вперед в полной темноте, считая шаги, пока не уткнулся в дверь библиотеки, и только распахнув ее, достал из кармана крохотный фонарь, хотя и не сразу зажег его. Метро дождался, пока колени перестали дрожать, а глаза привыкли к темноте — он тут же оценил теплую гостеприимную глубину комнаты. В ней остро пахло табаком и прошлым. Метро угадал высокие спинки двух огромных кресел; массивная тень превратилась в деревянный стол, заваленный бумагами, он погладил рукой столешницу, убеждаясь — та и вправду была из тяжелого мореного дуба. Он поднял глаза и различил длинные темные полосы, разделенные светлыми промежутками,— уставленные книгами полки на стене.

Торгуя, Метро приобрел кое-какие понятия о культуре. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять — за кожаными или картонными переплетами прятались не только фотороманы, которыми разрешалось владеть по закону. Удивленно разинув рот, он принялся вертеть в пальцах тоненький цилиндрик фонаря. Книги... Такого количества книг он не

видел с самого детства, и хотя они выглядели спящими, а время склеило их страницы, книги, несомненно, были настоящими, а не обоями в виде корешков, какими отделывались все шикарные квартиры.

Было слишком темно, чтобы можно было разобрать названия, но на рынке любая книга стоила целое состояние. Быть может, он украдет одну или две книжки. И выручит достаточно денег, чтобы пожить в одиночестве несколько недель, а то и целый месяц. Но пока это не входило в его намерения. Он не мог рисковать и оставлять слишком явные следы. К тому же хотелось остаться честным по отношению к старику Варину. Книг не крадут. Как бы низко ни пал Метро, он все же придерживался определенных принципов.

Через минуту он успокоился, достал из кармана очки и включил фонарь. Его луч не был виден невооруженным глазом, но стекла очков превращали невидимый свет в видимый, и Метро высветил все углы библиотеки синеватыми сполохами.

Он быстро обнаружил диск с цифрами и экран. Сунув в рот пастилку, Метро тщательно разжевал ее. Потом уселся в кресло перед экраном, извлек из кармана камеру и магнитофон, постучал по ним ногтем и набрал номер на диске. Экран вспыхнул, на нем появилась эмблема Информации — женщина, дующая на одуванчик. Она повернулась к нему и глухим однотонным голосом спросила:

— Ваше имя?

Метро глубоко вздохнул.

— Варин. Социолог.

Голос его изменился. Теперь он звучал хрипло и надтреснуто, в точности как голос старика, в чье жилище он проник. Это было одним из последних изобретений подпольщиков.

— Я не могу разглядеть ваше лицо,— произнесла женщина.— Почему так мало света?

Метро ответил, как ему посоветовали:

— У меня плохое зрение. Резкий свет раздражает глаза. Вы хотите, чтобы я включил яркий свет?

И застыл в тоскливом ожидании, сердце его сильно билось.

Женщина равнодушно махнула рукой.

— Не стоит. Перечислите авторов и названия книг, которые вы намерены просмотреть.

Он на мгновение забыл, кем она была. Он откашлялся. И впервые ощутил страх. Ему хотелось подмигнуть жен-

щине, объясниться, оставить решение за ней и дождаться его. Но она не поймет, ведь это лишь электронный образ.

— "Рассуждение о методе...",— сказал он.— Декарт. Полное издание, без купюр.

Казалось, что сейчас она встанет, выйдет из экрана и отправится в бесконечные проходы лабиринта Центрального Информатория за нужной ему книгой. Он представил, как она водит пальцем по алфавиту, возится с каталогом, взбирается на хрупкие железные лесенки. Хотя знал, что это только игра воображения. Центральный Информаторий был полностью автоматизирован. Вся память мира пряталась в тесно свитых спиралях тысяч километров пленки с такой плотной записью, что она могла быть прочитана только сложнейшими приборами. Скорее всего, во всем Информатории не было ни одной настоящей книги.

Раздался далекий щелчок, и по экрану побежали световые волны. Он было подумал, что его разоблачили, что ручки кресла притиснут его к спинке и будут держать, пока не явится информационная полиция. Лоб его покрылся испариной в палящем мареве пустыни, а спина заледенела от холода бездны. Затем на экране возникло лицо старика со скептической усмешкой, похожей на засохший шип розы, проткнувший время. Неужели бывают такие старики? Парик, а может длинные волосы и мушка на подбородке так старили его? А может из-за морщин вокруг глаз глубже казались провалы у крыльев носа? Так ли выглядел Декарт после тридцати, сорока лет жизни, или состарился за века существования на титульном листе?

Метро нажал ногтем крохотную кнопку камеры и включил магнитофон. На экране появился текст, и хорошо поставленный механический голос начал читать: "Здравый смысл наилучшим образом распределен между всеми людьми: ибо каждый считает, что в достаточной мере наделен им..."

Простым жестом можно было перевернуть страницу там, вдалеке, в этом всепланетном арсенале, где хранились призраки всех книг. И вскоре его пальцы забегали по клавиатуре, и страницы замелькали так быстро, что его глаза видели только смутные тени, а голос превратился сначала в визг, а затем в пронзительный свист. Но магнитофон и камера успевали считать бегущую информацию. Ему захотелось достать из кармана сигарету, закрыть глаза, затянуться ею в ожидании, пока не кончится книга, но он был осторожен. Метро просто принялся мечтать о новой судьбе книги, которую сейчас воровал. Человек в простор-

ном пальто и с накладной бородой без единого слова возьмет из его рук магнитофон и камеру, протянет ему обещанный чек и исчезнет. А затем где-то в лесу, в глубине шахты или в подвале дома с миллионами квартир, а может и на дне моря, книга будет воспроизведена — переписана от руки или отпечатана на ручном прессе, и ее начнут распространять.

Метро знал, что работает только из-за денег, чтобы добиться хоть каких-то преимуществ — чуть больше места, чуть больше еды. До сих пор он поставлял на тайный рынок в основном порнографические тексты. А другие? Зачем читать Декарта, Маркса или Сартра, если ты не философ или историк? Какое странное и смертельно опасное любопытство толкало этих людей на нарушение закона — добывание и чтение книг?

Книги были распахнутыми дверями в мифические, нереальные миры. Из богатого опыта распространения порнографии он уяснил, что торговля женщинами была предпочтительней, чем книгами, а потому и соглашался, что закон справедлив, хотя не слишком колебался, нарушая его. Закон громогласно объявлял, что книги служат рабочим инструментом и не должны опошляться. Закон силой утверждал уважение к книгам. Чтобы получить их, следовало быть достойным. Или, по крайней мере, считаться таковым. По этим правилам Метро не был достоин получать книги, за исключением фотороманов, доступных всем и служивших для широкого распространения культуры. Он не страдал от этого, хотя книги пробуждали в нем какие-то неясные движения души и смущение.

Последняя страница застыла на экране, он наклонился и прочел, убеждаясь в незначительности и бессмысленности напечатанных слов, а голос уже молчал, ожидая знака, который вернет его к жизни: "И я всегда более буду обязан тому, чья помощь даст мне наивысшее наслаждение собственным досугом, чем тому, кто предложит мне на выбор самые уважаемые профессии земли".

От столь долгого чтения у него закружилась голова. Метро бросил взгляд на часы и убедился, что оставалось еще достаточно времени на копирование тонкой книжки "Манифеста коммунистической партии" или "Республики" или эссе Монтескье. За любую он получит приличную сумму. По причинам, которые мало его интересовали, подпольные распространители в данный момент увлекались политикой.

Он протянул руку к экрану, как вдруг услышал за спиной шорох. Быстрым движением он сунул в карман магнитофон, фонарик и камеру. Бросил отчаянный взгляд на экран. Хриплый и глухой, чуть надтреснутый голос Варина разорвал тишину.

— Что вы здесь делаете, мой мальчик? Крадете книги?

Метро сжал кулаки. Он мог убить старика. Но лучше было бы его уговорить. Старик страстно любил книги, и это давало крохотный шанс на успех.

— Нет,— произнес Метро,— нет. Я хотел только...

— Вы даже использовали мой голос.

Внезапный свет ослепил Метро. Он инстинктивно вскинул руки, чтобы прикрыть глаза. По спине пробежала холодная дрожь. Старик держал его под прицелом громадного старинного оружия. Метро увидел себя пришпиленным к книгам медно-свинцовой пулей, которую с мучительным грохотом выплюнет древний револьвер.

— Полагаю,— прогундосил старик,— что у вас во рту есть кое-что, что позволяет вам подделать мой голос.

Метро кивнул и выплюнул пастилку на пол. Он сбросил последнюю маску, и ему вдруг захотелось выблевать свой собственный голос.

— Подойдите.

Метро повиновался.

— Сядьте в это кресло. Оставьте ваши руки на виду. Можете положить их на голову.

Старик уселся напротив, твердо держа пистолет в правой руке.

— Скажите, по крайней мере, что вы искали, грабитель.

На усталом лице мелькнула тень удовольствия.

Метро не поднимал глаз от пола.

— Мне хотелось получить доступ к Информаторию.

— Почему? У вас нет доступа?

Метро покачал головой и покраснел. Ему казалось, что он дважды дурак — и потому что позволил поймать себя, и потому что в свое время техник, лицо которого скрывала маска, подверг его тестированию, после чего отнял право на пользование Информаторием.

— И что вы хотите прочесть?

Метро покраснел до слез.

— Декарта.

Старик присвистнул сквозь зубы.

— Декарта! А я-то счел вас любителем легких приключений или насилия. Кто сейчас помнит о Декарте?

— Я,— прошевелил Метро сухими губами и глубоко вздохнул.— Аппарат еще работает. Можете прочесть последнюю страницу.

Старик встал и уставился на Метро, взгляд которого медленно сполз на грозное дуло оружия.

— Не двигайтесь.

Варин проскользнул к экрану, и его желтые как пергамент губы повторили последние слова книги: "Самые уважаемые профессии земли... Самые уважаемые профессии земли..."

Он вернулся, встал напротив Метро, сунул пистолет в карман и сел, потом наклонился к собеседнику и жадно впился в него серыми колючими глазами.

— Вы действительно умеете читать?

Метро кивнул.

— Проверим.

Старик поднялся, подошел к полкам, наугад достал из ряда книг одну и показал Метро обложку.

— Этимологический словарь,— прочел Метро.

— И это означает...

Метро осмелился выдержать его взгляд.

— В общем, это генеалогия слов.

Старик рассмеялся.

— А вы, мой друг, человек культурный. Сколько вам лет?

— Сорок два.

— Вы научились читать до Нового Возрождения?

— Между Войной и Возрождением,— ответил Метро.

— Можете опустить руки.

— Спасибо.

Метро перевел взгляд со словаря на лицо старика. Он уже видел возможность выкрутиться.

— У вас прекрасная библиотека...

— В наши дни, может быть. Итак, вы интересуетесь книгами. Вы сами?

Метро даже глазом не моргнул.

— Конечно сам!

Старик прикрыл веки.

— Вы лжете, но я понимаю почему. Скажем так, у вас есть друзья, которые, как и вы, ценят хорошие книги, но у которых, как и у вас, нет к ним доступа, а потому вас выбрали, чтобы некоторым способом завладеть...

Метро молча кивнул.

...этой информацией... А почему вы просто не пришли и не попросили у меня книги?

Метро уставился на свои руки. Он угадывал ловушку, но в то же время испытывал симпатию к старику. Ему хотелось верить, что он выиграл партию и дальше все пойдет как по маслу.

— Это запрещено,— ответил он.

Старик улыбнулся какой-то плотоядной улыбкой, подошел к окну, задвинул шторы, потом, наклонившись к Метро, сообщил:

— Вы знаете, я обнаружил вас не случайно. Я обратил внимание на ваши маневры. И вернулся домой раньше, потому что хотел с вами встретиться, господин...

Метро перебрал в уме несколько имен. Из тех, что были вытиснены на обложках книг и которым печатные буквы сообщали особую реальность.

— Корнель. Пьер Корнель.

— Я с большой симпатией отношусь к любителям книг, господин Пьер Корнель.

Старик вздохнул и театральным жестом указал на полки, проследив взглядом за своей рукой и словно опасаясь, что та улетит и спрячется среди книг.

— Давным-давно я и сам писал книги в надежде, что у них будут читатели. Надежда не состоялась! Сколько их было, как вы считаете? Пять, десять, быть может, пятнадцать. Вы знаете, сколько человек на земле имеют право читать мои книги?

— Не знаю,— ответил Метро с искренним сожалением.

— Двадцать три и ни одним больше, а, может, одним меньше. Человеческая жизнь — вещь хрупкая. Хотите прочесть какую-нибудь из моих книг, господин Корнель?

Метро вздрогнул.

— Охотно,— выдавил он.

Он вдруг испугался внезапной сердечности старика. Глаза Варина закрылись, лицо разгладилось. Морщины исчезли. Тонкие губы налились кровью.

— В этом виноват закон. Мои книги не подрывают устоев. Они просто трудные. Но по закону сегодня это одно и то же.

Варин уже не говорил — поучал.

— Вы слышали, как появился закон?

— После Войны,— уклончиво ответил Метро.

Варин нетерпеливо поджал губы:

— Знаю. Знаю. После Войны люди договорились считать источником всех конфликтов идеи и носители информации — слова и книги. И поскольку люди не могли оне-

меть, они взялись за книги. Книги похожи на лекарства. Они убивают, если ими злоупотреблять.

— Так говорится в законе.

Варин открыл глаза и посмотрел на Метро.

— Можете курить, если хотите.

Метро достал из портсигара тонкую палочку диаметром в три миллиметра и принялся раскуривать ее. Табак с пропиткой был отвратителен на вкус, но сигарету удавалось выкурить не за каких-то две-три затяжки.

Варин молча глядел на табачный дым.

— В книгах нуждаются не меньше, чем в лекарствах. Поэтому вместо полного их запрета, употребление книг было регламентировано. Операция была легкой. Начали с создания Информаториев. Книги, магнитные ленты, микрофильмы были надлежащим образом классифицированы и переданы туда на хранение. Затем Информатории автоматизировали. Каждый к тому времени имел экран и мог получить на дом любые книги Земли, вернее, их электронное изображение. Послушать любую музыку Земли. Тогда властители сказали людям: отдайте нам ваши библиотеки или сожгите их, а пепел развейте по ветру. Они стали лишними, они насыщают пылью воздух, которым вы дышите...

Голос его стал торжественным. Он сделал паузу, и сухие пальцы схватили руку Метро.

— И тогда появилось понятие достоинства. Вы же не дадите ребенку скабрезную книжку? Или книгу, восхваляющую насилие? Потому что ребенок не в состоянии отличить добро от зла. Я хотел бы вас спросить, сколько взрослых после войны так и не вышли из детского возраста? Разве не будет оскорблением для книг, если дать их в руки, могущие запятнать, предать, изувечить? В каждой библиотеке есть свой закрытый фонд, каждое общество имеет свою цензуру. Но ничто не совершенно, кроме совершенства красоты закона. Центральный Информаторий. Вы набираете несколько цифр на диске и получаете на дом любую желаемую информацию. Если вы ее достойны. Если же нет, то невидимая пометка на магнитной ленте запрещает выдачу вам той или иной книги, той или иной категории книг. Если вы очень и очень недостойны, вам почти ничего не выдается. К тому же уверены ли вы, что вне сферы вашей деятельности нет хоть одной книги, из которой вы сделаете неверные выводы? Быть может, лучше защитить вас от неприятных ошибок в суждениях? Разве машина не лучше знает, что вам подходит? Разве

она не знает о вас всего — вашего веса, вашего роста, ваших наклонностей, прочтенных вами книг и ваших способностей, того, что вас раздражает и что вас волнует? Какой воспитатель совести! И машина в своих трогательных заботах создала специально для вас совершенный личный Индекс. Вы даже не узнаете, что есть неизвестные вам книги, если только кто-то не нарушит закон молчания. И не права ли машина, определяя, каких книг вы достойны, какие книги вам нужны?..

— Конечно, права,— машинально повторил Метро.

Старик пронзительно рассмеялся и вытер слюну с губ.

— Но скажу вам одну вещь. Я не верю в понятие достоинства. Смысл тайн Центрального Информатория и сложной системы интердиктов представляется мне совершенно иным. Человек, читающий книгу,— человек замкнутый. Он не смотрит телевидения. Он слеп к пропаганде. Он глух к лозунгам. Он как бы отправился в путешествие. Он может быть прав или неправ. Он может поверить книге, которую читает, или посмеяться над ней. Неважно! Ведь книг так много. Они где-то противоречат одна другой, но за человеком остается право выбора. Это-то их и испугало.

— У вас хватает мужества высказать такое,— с уважением проговорил Метро.

Лицо Варина мелко задрожало. Оно вдруг поплыло, словно морщины у сухого гребня носа и неясная линия рта готовы были растаять.

— А чего мне бояться? Я старый человек. Я знаю, что однажды все книги обретут свободу. Я знаю, что вы ведете молчаливую и необходимую борьбу. Не в первый и не в последний раз возникает подпольное книгопечатание. Что мне остается ждать от жизни? Я готов вам помочь.

Метро поднялся и подошел к старику. Его подбородок трясся, он чувствовал, что вот-вот расплачется. Теперь он знал, почему любил книги. Он знал, что книги были сутью духа и соединяли века, что они связывали людей между собой, что они были основой любой свободы и что он, Метро, был достоин презрения, ибо кражей книг добывал деньги. Ему захотелось рухнуть на колени и исповедаться старику в своих прегрешениях, ибо те, другие, кто прятал книги на своем теле, и те, кто лил свинец, и те, кто с огромным трудом изготавливал бумагу, и те, кто медленно умирал в тюрьмах Информационной полиции или косил водоросли в глубинах моря, или выращивал салат в иссушающем зное пустыни, как и этот доверившийся

ся ему старик, все работали на одну идею, готовили восстание и крах Нового Возрождения. А он, Метро, думал в это время только о деньгах и был в этом солидарен с Новым Возрождением, ибо извлекал доход из запрета. Но в то же время, подумал Метро, он был необходимым звеном подполья: без таких, как он, книги никогда не обретут запаха типографской краски, не увидят света.

— Вы нам поможете? — просто спросил он, еще не веря,— вы разрешите нам воспользоваться Информаторием, одолжите нам свои книги и, быть может, разрешите собираться у вас в доме?

— Это опасно?

— Опасно,— признался Метро.

— А как они организованы?

Метро с удивлением поглядел на него:

— Понятия не имею. Стараюсь знать как можно меньше. Я отдаю им свои... находки и больше ничем не занимаюсь.

— Сеть,— обронил старик.

Теперь он смотрел в пустоту. Метро показалось, что старик избегает его взгляда. Наконец Варин решился.

— Можете приходить столько, сколько хотите,— произнес он.— Можете переснимать любые издания. Я буду запрашивать их для вас. Я стану одним из вас.

Он повел подбородком в сторону Метро и вдруг стал подобием благородных старцев, что издревле вставали на защиту идеи.

— Свобода,— промолвил он.

Он смаковал это слово, как вишню в коньяке, и Метро показалось, что он даже выплюнет косточку.

— Свобода,— повторил старик. Его руки лепили в воздухе воображаемое чудо.— Свобода — вещь тяжкая. Каждая книга, каждая библиотека имеет свой собственный вес свободы. Каждый экран, каждая антенна, каждый провод, напротив, связывает вас и заковывает в цепи. Они, конечно, нужны. Но мы не должны от них зависеть.

Он почти рыдал.

— Знаете ли вы, господин Корнель, на что способны некоторые люди ради того, чтобы прочитать книгу? Терзал ли вас, господин Корнель, голод знания?

Плечи Метро ссутулились. Он проглотил слюну и глянул на часы.

— Мне пора,— смущенно сказал он.

Он помедлил, но встал.

— Благодарю вас. Я приду снова.

И бросил прощальный взгляд на книги.

— Вам лучше выйти через заднюю дверь,— предупредил старик.

Метро последовал за ним. Когда дверь распахнулась в ночь, он увидел, что ему надо пробежать двадцать шагов, чтобы укрыться в тени гигантских зданий. Каждое километр в длину, столько же в высоту, и столько же в ширину. Миллиард кубических метров. Миллион обитателей. Без единой книги, настоящей книги. Метро пожал протянутую руку и исчез в темноте.

Старик закрыл дверь и прислушался: шум шагов слабел и вскоре затих вовсе. Он запер дверь на двойной оборот ключа, потом вернулся в библиотеку. Он перестал волочить ноги. Но запястья его дрожали. Дрожь усилилась, охватила руки, затем тело, потом пошла на убыль. Но запястья продолжали дрожать, пока он набирал номер.

— Алло,— сказал он.

На экране возник человек в форме. Лицо его было не выразительнее дна фарфоровой чашки.

— Он только что вышел,— пробормотал старик.— Он ни о чем не догадывается. У него есть камера и магнитофон. Он записал "Рассуждение о методе..." Декарта. И наверняка передаст книгу сегодня же вечером. Лучше его арестовать сразу.

Варин остановился, перевел дух.

— Браво, профессор,— сказал человек в форме.— Нет, мы не станем арестовывать его сегодня вечером. Теперь мы знаем, что он связан с сетью. Мы проследим за ним. И надеемся захватить всю банду разом. Быть может, даже...

— Что?

— Быть может, мы разрешим ему вернуться к вам?.. Быть может, окажется полезным и вам проникнуть в эту сеть? Вы сможете войти к ним в доверие. Если мы арестуем его сейчас, мы не узнаем ничего. Почти ничего...

— Я не смогу,— испуганно пролепетал старик.— Нет, нет, вы же мне сказали, всего один раз...

— Вы — прекрасный актер, профессор. Вам это не составит труда. А они так глупы... Вам ли не знать их. Тесты, которые вы разработали...

— Двадцать лет назад,— сказал Варин.— Это было после Войны... Я больше не смогу.

— Сможете, профессор. Вы же хотите прочесть книги, которые заказали?

— Утопистов XIX века,— хрипло пробормотал профессор Варин.— Анархистов... коммунистов... Информаторий по-прежнему отказывает мне в них.

Полицейский усмехнулся.

— Они сейчас классифицируются. Вы их получите. Попозже.

— Вы обещали!

Лицо полицейского посуровело.

— Я же сказал, вы их получите. Почему вы так хотите прочесть их?

— Я стар. Я не могу долго ждать. Я хочу знать, что они думали о будущем.

— И сделаете все возможное, чтобы получить их?

— Не знаю,— прорыдал Варин.

— Мы дадим их вам,— успокаивающим тоном произнес полицейский.— Мы дадим их вам. Но книги следует заслужить.

На пол брызнули осколки стекла. Сквозь окно ввалился Метро. Лицо его было багровым, в руке он сжимал крохотное смертоносное оружие. Он не сказал ни слова. Профессор повернулся к нему, вскинув руки — его глаза широко открылись, когда игла вошла в его плоть и принялась терзать сердце. Полицейский на экране закричал, но далекий механический голос уже ничем не мог помочь умирающему профессору.

Метро спокойно подошел к полкам и опрокинул их. Книги водопадом посыпались на пол, раскрылись, заскользили по паркету, теряя закладки, обложки, засушенные цветы; буквы, казалось, заплясали на страницах, и книжная лавина почти дотянулась до профессора. Метро вскочил на холм и принялся яростно топтать книги. В ночи взревели сирены, экран эхом отражал их вой, но Метро было наплевать. Он вырывал пачки страниц, бросал их в воздух, и они опадали, как мертвые листья странного осеннего дерева. Затем Метро выхватил из кармана магнитофон и камеру и бросил их на пол.

— Самые уважаемые профессии земли,— крикнул он, давя их каблуком,— самые уважаемые профессии земли!..

Он не перестал вопить, даже когда полицейские схватили его.

Жан-Поль Тэрэк

ЗАВТРАШНИЙ РАССВЕТ

С элегантной уверенностью вывела она машину из пригорода, ни один человек не справился бы лучше. Вильно любовался ее чистым профилем, гибкой, хрупкой на вид шеей, точными и грациозными движениями рук.

— Ты само совершенство, Аврора,— сказал он как бы самому себе, и ее прекрасное лицо повернулось к нему, одарив улыбкой. Зеленый свет глаз, колыхание темных волос, нежность рта, почти детская грация тела — все в ней отвечало самым потаенным его желаниям. Она входила в повороты, не снижая скорости, избегая заносов лишь благодаря своей исключительной реакции. Вильно любил смотреть, как она ведет машину, никогда не уставая, не нервничая, выжимая все что можно из изношенного двигателя этой устаревшей уже модели. Жаль, что он не смог купить новую машину, посовременнее и пороскошней, под стать ей, как дорогое белье, в которое он ее наряжал. Но Аврора и так стоила очень дорого, больше его годового заработка, а позволить себе две столь разорительные прихоти сразу он не мог.

Ему долго приходилось довольствоваться стандартными спутницами, серийно выпускаемыми моделями тех звезд экрана, которые ему особенно нравились. С ними было просто, они легко заменяли одна другую, но чувство, похожее на ревность, всякий раз рождалось в нем, когда навстречу шла такая же спутница, как его собственная, под руку с мужчиной, и этот мужчина заговорщицки подмиги-

вал ему. Они никогда не принадлежали ему целиком, совершенство их красоты отвечало лишь вожделению его плоти, никогда не удовлетворяя полностью. А он носил в себе потребность пронзительной нежности и образ загадочной девочки, которую, казалось, уже любил когда-то давным-давно, в другой жизни. Это ощущение неодолимо влекло его и пугало одновременно, то была часть его самого, в которой ему претило разбираться, и потому она существовала в его сознании лишь как непростительное, но неодолимое влечение.

Сдержанность в разнообразных удовольствиях, которым предавались другие, создала ему репутацию нонконформиста, и это многих смущало. Потому никто не удивился, когда, избавившись от своей последней спутницы, он сделал заказ одной известной и очень дорогой фирме, о которой ходила дурная слава, хотя среди ее клиентов были весьма состоятельные люди. Говорили даже, что наиболее извращенные представители высших классов заказывали здесь оригинальные модели, способные удовлетворить самые разнузданные сексуальные наклонности.

— Она будет отзываться на имя Аврора,— сказал Вильно принимавшему его коммерческому директору,— потому что я хочу, чтобы она была *как утренняя заря в облике женщины.* Она представляется мне маленькой, чтобы можно было носить на руках, с большими бирюзовыми глазами, темноволосой, белокожей и чуть-чуть безалаберной. Сумма не имеет значения. И выбросьте, ради бога, из ее лексикона все эти несчастные банальности. Сделайте ее движения неповторимо грациозными и при этом почти неловкими. Пусть она будет одновременно очень чистой и абсолютно бесстыдной. Настройте ее на течение времени, лунные фазы, яркость и цвет освещения...

Директор слушал его с любезной улыбкой. Робот-секретарь делал пометки. Вильно продолжал:

— Я хочу, чтобы она была, как бы вам это объяснить... *настоящей,* понимаете?

Директор поднял брови. Робот затих. Вильно понял, что сказал нечто неуместное. Наконец директор прервал молчание:

— Настоящей?.. Ну, разумеется. Во всяком случае, я не думаю, что вам понадобилась... гм... абстрактная спутница...— он хохотнул.— Это не соответствовало бы вашему описанию. Достаточно взглянуть на вас, чтобы убедиться,

что вы не из тех безмозглых юнцов, которые из снобизма или уж не знаю из какой извращенности совокупляются с нагромождением конусов и многогранников, а то и вовсе с компьютером!

Спустя три месяца Вильно получил Аврору. Первое время он был просто очарован. Ее реакции оказались совершенно нестандартными, чего он как раз и желал. Модуль неопределенности, встроенный в Аврору ее создателями, замечательным образом придавал ее словам, жестам и характеру видимость некой поэтической свободы. В отличие от других, ей подобных, Аврора не занималась хозяйством, не умела считать, по сути она вообще ничего не умела. Когда у нее спрашивали, который час, она мило ворковала в ответ: "Вы знаете, я не в ладах со временем". Но зато она читала наизусть давно уже всеми позабытые старинные стихи, а иногда могла даже заплакать.

Поначалу Вильно таскал ее с собой в рестораны и ночные бары, но ее странная красота и раскованные манеры повсюду вызывали возмущение публики. Все, что было в нем самом чистого, его вкус к фантазии, своеобразный юмор, постоянная готовность бросить вызов, умение смеяться до упаду, все, что Вильно скрывал даже от себя самого, Аврора демонстрировала с такой ослепительной силой, что скорее походила на свободных женщин, всегда появлявшихся в сопровождении элегантных андроидов, чем на своих искусственных сестер. Друзья Вильно сочли общество такой спутницы предосудительным, знакомые, которых он обычно посещал, тоже стали сторониться его, и в результате он очень скоро оказался один. Теперь Вильно выходил из дома только на работу, прежде уложив Аврору спать на широкой белой постели. По возвращении ему достаточно было тихо окликнуть ее и заключить в объятия, и она тут же, слегка постанывая, открывала глаза. Она говорила: "А ты мне снился"— и принималась одеваться, неловко, как маленькая девочка, напевая при этом старомодные песенки. К наслаждению, которое она ему доставляла, примешивалось какое-то более глубокое чувство, незнакомое ему прежде волнение. Оно приходило откуда-то издалека, подобное смутному воспоминанию о чем-то безвозвратно утерянном.

...Как только они проехали бесконечные гидропонные сады, окружавшие город, и миновали бронзовые ворота, за

которыми открывались необъятные пространства заброшенных полей, Вильно сам сел за руль, а Аврора тотчас же томно расслабилась, как уставшая от чрезмерного прилежания школьница. Вместо металлопластикового шоссе перед ними теперь тянулась асфальтовая лента, сжатая с двух сторон мрачными стенами высоченных деревьев. Кое-где асфальт дороги был проломлен вырвавшимися из-под земли корнями. Ехать приходилось медленно, аккуратно, чтобы не врезаться за поворотом в выросшее прямо посреди дороги дерево, или не столкнуться с каким-нибудь зверем, который обычно не торопился уступать дорогу, а лениво скрывался в кустарнике.

Местами это была уже не дорога, а настоящий тоннель, прорезающий лес, и нижние ветви зло, словно когти, царапали крышу машины.

До чего же это похоже на Диану, думал Вильно, удалиться в древний замок, который ей взбрело в голову купить в этих дебрях, покрывавших центр бывшей Франции, куда люди уже давным-давно не заезжали, чем и объяснялась запущенность дорог.

Он встретил Диану полгода назад, выходя как-то утром из астропорта, где провожал важного клиента, улетавшего на свою планету. Он узнал ее мгновенно по волосам цвета пламени, по величественной походке, по наряду, броскому и смелому, как и прежде, верному марсианской моде. Диана была одна, но никогда Вильно не осмелился бы подойти к ней первым — докучать приемной дочери одного из богатейших граждан Империи, владельца полудюжины планет-рудников, не стоило, даже если ты имел счастье несколько лет учиться с ней вместе в одном из самых старых университетов Европы,— но она сама с удивленными возгласами бросилась ему навстречу, рискуя нарушить тщательно продуманную гармонию своей алой прически. Она почти силой увлекла его к роскошному аэроглиссеру, задавая на ходу сто вопросов и не дожидаясь ответа на них, вспоминая истории из прошлого и громко хохоча, все такая же эксцентричная и сумасшедшая, как та богатая ослепительная студентка, с которой он был знаком несколько лет назад. Она подвезла его до дома, по дороге рассказывая о своих приключениях во время долгого круиза по Солнечной системе, откуда она как раз возвращалась. Сам Вильно никогда не покидал Земли и внимал ей с восторгом.

— А вы что, все так же предпочитаете одиночество и все такой же мечтатель? — спросила Диана, расставаясь с ним.— И по-прежнему занимаетесь древней литературой? Да нет, я над вами не смеюсь. Помните, как мы оба увлекались этнологией в старые добрые времена? Я привезла кое-какие древние документы, они вас наверняка заинтересуют. Заезжайте ко мне через пару дней, хорошо?

Они виделись несколько раз. Памятуя о дружбе, которая связывала их когда-то, Диана поведала Вильно о мучившей ее тоске пресыщенной женщины, о своих поисках новых ощущений, неизведанных миров, отличных от людей существ — и душ, отличных от человеческих. Иногда она вдруг замолкала и смотрела на него долгим печальным взглядом. "Вы чувствуете? — спрашивала она как-то странно, указывая на роскошных андроидов, всегда окружавших ее подобно придворным обожателям.— Вы видите, какая между нами разница?"

Однажды, явившись с визитом, как уже было заведено, он не застал Дианы. Ему передали, что накануне она переехала на свою новую виллу, километрах в ста к югу от столицы. Целый месяц он не получал никаких известий. Теперь Диана была от него так же далека, как если бы удалилась в один из своих дворцов на побережьях Венеры или в пустынях Марса. Он уже не знал, что думать об этом внезапном бегстве и последовавшем за ним молчании, когда получил от нее стандартное приглашение на прием, который она устраивала в новом замке. Всего одно слово было вписано туда от руки: *"Приезжайте"*. Он долго колебался, ехать ему или нет, понимая, что придется общаться с небольшой группкой снобов, составлявших обычно компанию молодой женщины. Эти-то, разумеется, будут рады возможности собраться в таком необычном месте. Всю дорогу он спрашивал себя, нужно ли ему было брать с собой Аврору. Он никогда не говорил о ней Диане, потому что обычай позволял мужчине вести подобные разговоры с женщиной лишь в исключительных случаях, а, может быть, еще потому, что воспитание удерживало его от признаний, вынудивших бы сказать больше, чем ему хотелось. Но теперь Вильно очень беспокоился, какое впечатление произведет на Диану та, которая была в каком-то смысле его созданием, частью его самого, воплощением его мечты.

Поездка оказалась более долгой, чем он предполагал. Несколько раз мимо него с пронзительным свистом проно-

сились спортивные глиссеры, на бешеной скорости скользя в нескольких сантиметрах от земли: это съезжались гости, для которых вторжение в лес с его колдовскими чарами служило лишь удобным случаем поупражняться в смертельной акробатике.

Вырываясь из зарослей на простор, дорога изгибалась петлей, внутри которой высилось огромное полуразрушенное строение, стоящее на берегу реки с широкими песчаными отмелями. Если не считать правого крыла, наспех отреставрированного и имевшего более или менее обитаемый вид, замок являл собой развалины с выщербленными стенами и покосившимися башенками, сплошь увитыми плющом и ежевикой. Впрочем, человек, которому хватило бы воображения мысленно вернуться к лучшим временам замка, не мог не увидеть его красоты. У крыльца с двумя великолепно сохранившимися мраморными лестницами выстроились машины всех марок. Вильно припарковал свою, затем наклонился к Авроре и разбудил ее легким прикосновением руки. Они вышли из машины, поднялись по ступеням, и ожидавший у дверей робот-дворецкий проводил их в мраморный вестибюль. Здесь он оставил их, а сам удалился в анфиладу залов. Аврора выглядела какой-то подавленной. Впрочем, то, что Аврора с ее исключительной чувствительностью так отреагировала на холод древних камней и слабый свет, было вполне естественно. Она как потерянная сделала несколько шагов вперед и тут же вернулась на безопасное место, поближе к Вильно. В это время открылась боковая дверь и появилась Диана в тяжелом платье, сшитом по старинному образцу. Заметив Аврору, она остановилась, озадаченная. Потом спросила Вильно, даже не взглянув на него: "Это она? — и тут же отвернулась, словно стараясь отогнать замешательство.— Очень хорошенькая. Такие редко удаются. У вас великолепный вкус, Вильно... Ну ладно, я счастлива вас видеть. Надеюсь, вам понравятся мои друзья. Идемте".

Она провела их в просторную комнату с вызывающе яркими стенами, наскоро обставленную разнородной мебелью: здесь стояли рядом самые современные обслуживающие автоматы, антикварные древние земные кресла, безделушки с других планет, выбранные, казалось, исключительно за их диковинный вид; скажем, музыкальный автомат с пластинками, сверкающий тысячами огней, вполне мог бы украсить любую коллекцию примитивного искусства.

Общество было именно таким, как представлял себе Вильно: элегантные молодые бездельники, космолетчики, крупные промышленники, знаменитые артисты — весь цвет столицы — люди, которых объединяло лишь одно: принадлежность к так называемой "новой волне". Все смешалось здесь в шуме разговоров, розовом дыме сигарет, старой синкопической музыке, льющейся с драгоценных дисков; и с первого взгляда трудно было отличить людей от андроидов повышенной верности, которые как тени держались возле своих хозяев. Лишь по неопределенности во взгляде, некоторой чопорности поведения, нежности к хозяевам — но особенно по несравненной красоте — можно было распознать андроидов.

При появлении Авроры все взоры обратились к ней, и восторженный шепот пробежал по залу. Каждому хотелось познакомиться со счастливым обладателем этого чуда. Все столпились вокруг Вильно, пытаясь узнать, что за незнакомец появился в окружении Дианы.

— Это мой университетский товарищ,— сказала она просто, сразу предупредив все вопросы.

Юноша с угловатыми чертами худого лица подошел ближе и откровенно разглядывал Аврору:

— Великолепна...— бросил он. Из любви ко всему архаичному юноша носил большие очки в черепаховой оправе. — Штучная работа, не так ли? Примите мои поздравления. Я Билл Кули, работаю на студии "Нова". Мы ищем модель для будущего фильма. Вы разрешите взять ее на кинопробы? — Вильно сухо ответил: "Нет".

— Ну что же... Если мы попросим разрешения сделать с нее копию, вы, я думаю, тем более откажете. Но это, в конце концов, ваше дело. Она запатентована, да?

Юноша фамильярно взял Вильно под руку и усадил его в ближайшее кресло.— Похоже, вам все это чуждо,— усмехнулся он, обведя зал рукой.— Вы очень привязаны к Диане?

— Мы вместе учились,— ответил Вильно.— Потом потеряли друг друга из виду. А недавно я совершенно случайно встретил ее снова.

— Уже после ее путешествия, наверное. Вам не кажется, что она изменилась? Какой она была раньше?

— Трудно сказать,— вздохнул Вильно, которого начинал раздражать такой поворот беседы.— Капризная, переменчивая, увлекающаяся, подверженная приступам депрессии. Собственно говоря, меня никогда не интересовал ее характер.

— Понятно. А что же тогда вас в ней интересовало?

— Видите ли, из всего курса только мы двое увлекались древней историей. Особенно тем периодом, который предшествовал Катастрофе.

— Ах, легендами,— пожал плечами его собеседник.— Не думал, что Диана питала пристрастие к такого рода древности. Ведь свидетельств той эпохи практически нет, верно?

— Есть, и немало. Только они никогда не попадают в руки дилетантов.

— Что же это такое?

— Книги. Их всего около сотни. В большинстве это примитивные труды по технике. Но мы с Дианой нашли во время раскопок одну книгу совершенно иного рода.

— И какую?

— Знаете, разговор об этом, я думаю, сейчас неуместен. В другой раз, хорошо? Извините, но моя спутница слишком чувствительна к обстановке. Похоже, она разладилась. Я должен ею заняться.

Вильно встал и направился к Авроре, подпиравшей стену в другом конце зала, куда ее постепенно оттеснила Диана.

Невысокий мужчина средних лет в облегающем черном костюме, до этого сидевший неподалеку, у прозрачного столика, поднялся ему навстречу.

— Прошу меня простить, но, должен признаться, я уловил несколько слов из вашей беседы, и они чрезвычайно меня заинтересовали. Я доктор Маллуа, психоаналитик мадемуазель Норвиль. Для меня крайне важны те сведения, которые вы могли бы мне сообщить о ней.

— Не думаю,— холодно ответил Вильно. Ему уже основательно надоели эти люди.— Мне нечего вам сообщить.

— Я убежден в обратном. Только что вы говорили о некоем произведении, которое находилось в ее руках. Если я правильно понял, вы специалист по древней истории. Что вы можете сказать об этой книге?

— Почти ничего,— оборвал его Вильно, даже не стараясь быть вежливым.— По моральным соображениям я не смог привести данные об этой находке в моей дипломной работе. С точки зрения науки это достойно сожаления, потому что позволило бы существенно изменить картину наших представлений о примитивных цивилизациях. Правда, примитивными цивилизациями сейчас мало кто интересуется. Больше мне нечего вам сказать. Позвольте, однако,

узнать, доктор, почему вас так заботят познания мадемуазель Норвиль в области истории?

— Я хочу разобраться в этой женщине,— ответил доктор просто.— Она тревожит меня. А вам она не кажется странной? Взять хотя бы этот замок, где она собирается заточить себя на много лет. Думаю, ее сильно изменил этот межпланетный круиз. С тех пор, как она вернулась, у нее без конца меняется настроение: то ее охватывает безудержное веселье, то она проводит целый день в постели, воображая себя больной, или никак не может заснуть и отправляется бродить по лесу, рискуя наткнуться на дикое животное. Вдобавок она меняет спутников несколько раз в год,— продолжал доктор, доверительно понизив голос.— Кстати, только вчера она получила нового андроида, заказанного несколько месяцев назад. Она ведь трижды в неделю ездила наблюдать за его изготовлением, желая быть уверенной, что он точно соответствует ее вкусам. И вообще, зачем, удалившись из столицы в поисках уединения и покоя, устраивать этот шумный прием? Что-то толкает ее на странные выходки. Но что? Я встревожен, очень встревожен. И потому прошу вас сказать — строго между нами...

— Что вы хотите выспросить у Вильно, доктор? — перебила его подошедшая сзади Диана. Вид у нее был счастливый, глаза ярко блестели. Вильно не помнил ее такой. Доктор повернулся к ней:

— Ваш друг рассказывал мне,— сказал он, не обращая внимания на протесты Вильно,— о книге, которую вы будто бы откопали вместе. Я хотел бы побольше узнать о ней.

Диана посмотрела на Вильно. Внезапно она показалась ему очень усталой.

— Расскажите ему, Вильно. Так надо,— проговорила она совсем тихо — он даже подумал, что ослышался.

— Так вот, доктор, речь идет, по всей вероятности, о древнем аналоге наших аудиовизуальных пленок. Истории, сочиняемые для развлечения. Подобные произведения тогда существовали, очевидно, в огромном количестве. Те из них, которые не были уничтожены Катастрофой, превращались в пепел специальными командами пожарных в самом начале Эры Возрождения. "451 градус по Фаренгейту" помните?

— Эквивалент наших аудиовизуальных пленок? Эти небылицы, пользующиеся бешеным успехом у низших

классов? Все эти путешествия во времени и пространстве, кораблекрушения на пустынных планетах, чудовища, соперничество за обладание планетами-рудниками. Что еще? Ну да, еще, конечно, верные роботы обоих полов. Ссоры героя со своим андроидом, в котором что-то разладилось. По-моему, эти пленки не представляют никакого интереса. Они создаются для того, чтобы могли выпустить пар люди низших классов, у которых нет возможности путешествовать в космосе, покупать роскошных андроидов и удел которых — отпуск в Южной Америке с моделью серии Б.

Однако я не пойму, как эти примитивные существа могли сочинять что-то подобное, не имея обо всем этом представления?

— Вы не совсем правильно его поняли, доктор,— бросила Диана с загадочной улыбкой.— Поставьте себя на место одного из создателей этих... романов, как они их называли. Все очень просто — приключения, о которых в них рассказывалось, происходили на Земле. В каком-то смысле у древних было даже больше возможностей разнообразить сюжет, чем у наших сценаристов. Дело в том, что их воображение питалось нежными чувствами и даже сексуальными отношениями, которые связывали в ту эпоху людей.

Доктор даже подскочил:

— Что вы хотите этим сказать? Невероятно! Да это просто злая шутка!

— Успокойтесь, доктор,— сказал Вильно.— Где же ваше хладнокровие? Я понимаю, такие вещи могут показаться абсурдными, если не сказать больше, но попробуйте спуститься до примитивного мышления. Представьте себе общество, где воспроизводство людей никак не связано с лабораторией. Вы же знаете об этом. Да, на эту тему неприлично говорить, даже думать об этом неприлично, но, в конце концов, всем же известно, что в третьем веке до нашей эры, когда произошла Катастрофа, человечество размножалось не экстрагенетическим путем. Это уже после Катастрофы пережившие ее обнаружили, что дети, родившиеся в результате, как бы это сказать... естественного зачатия, оказываются жуткими уродами — порой в них просто ничего человеческого не оставалось — так что приходилось радоваться, что все они умерли еще детьми. Люди бросились в отчаянные поиски способов спасения человеческого рода, которому радиация долгие годы угрожала полным уничтожением.

Всего за одно поколение они вынуждены были разработать методику искусственного создания человека, защитив его от смертельной радиации. И, как вы, вероятно, догадываетесь, если бы им это не удалось, нас бы здесь не было. Разумеется, совокупление женщин и мужчин было безжалостно заклеймлено, а затем на него и вовсе был наложен строжайший запрет. И только гораздо позже, когда воспроизводство нашего рода было обеспечено, стали думать об удовлетворении сексуальных потребностей, никогда не умиравших в человеке. Сначала для этого изготовлялись грубые манекены, превратившиеся затем, благодаря достижениям электроники, в современных андроидов.

— Мне все это известно,— хмыкнул психоаналитик.— Только говорите тише, вас могут услышать. Чего я не в состоянии понять, так это почему для примитивного сознания совершение... осмелюсь сказать, полового акта, могло служить поводом для восхищения, для создания... как вы это назвали... литературы?

— Вы поистине дитя своего времени, доктор Маллуа,— вздохнула Диана.— В книге, которую нам с Вильно, несмотря на все трудности, удалось перевести, рассказывается история любви мужчины и женщины. Вы помните, Вильно? История любви, понимаете, доктор? Ее герои — своеобразные существа, очаровательные, страшно сложные. Любовь невозможно объяснить, в современном языке уже нет таких слов. Когда эти два создания встречаются, оказываются лицом к лицу, между ними происходит что-то немыслимое, невыразимое, сладкое, жуткое, это даже понять невозможно. Они достигали такого состояния, когда рядом оказывались прошлое и будущее, добро и зло, счастье и отчаяние. Мир преображался для них, обретал свое истинное значение, озарялся светом, ослеплявшим сильнее тысячи солнц. Но мы ничего этого никогда уже не узнаем, никогда! Вильно, вы помните те магические слова, которыми они иногда обменивались? Ты помнишь — я люблю тебя...

— Она бредит,— пробормотал перепуганный доктор.— Нужно заставить ее замолчать. Диана, дитя мое, что с вами?

Молодая женщина, казалось, обезумела. Глаза ее расширились, подернулись туманом, губы приоткрылись, выбившиеся из прически пряди прилипли к влажному лбу. Вильно смотрел на нее со все возраставшим волнением. Он не мог отвести взгляда, завороженный ее повернутым

к нему лицом — полностью отрешенным, сведенным мукой безнадежного ожидания, со слезами на глазах. Эти глаза особенно влекли его к себе. Широко распахнутые, мерцающие, они будто отражали сияние ослепительного света иных миров.

— Диана, о чем вы думаете? — произнес он как можно мягче. Ее губы дрогнули, она улыбнулась — нежно, с иронией, чуть высокомерно. По лицу медленно разлилась тень истомы, как будто его погладила невидимая рука.— Что можно ответить на такой вопрос?.. Ни о чем?.. О вас?..

И не обращая больше внимания на суетившегося возле нее маленького доктора, она повернулась и удалилась своей царственной походкой.

Остаток вечера Вильно был мрачен и задумчив. Он старался держаться в стороне от напускного оживления зала, наводившего на него тяжелую тоску. Аврора, неловкая и потерянная, долго искала его в толпе, снова и снова разделявшей их. Он ничего не сделал, чтобы ей помочь, не встал, не окликнул ее, а когда она наконец сама его нашла, усадил прямо на пол и стал рассеянно гладить по голове.

Гости начали расходиться поздно ночью. Одни возвращались на машинах домой, другие поднимались в приготовленные на верхних этажах спальни. Когда в зале осталась лишь небольшая компания полуночников, к Вильно подошла Диана, глядя ему прямо в глаза своими большими грустными глазами.

— До скорого свидания, Вильно...— прошептала она очень серьезно. И не прибавила больше ни слова, но потом обернулась и задумчиво посмотрела на него. На секунду их взгляды встретились. Она первой отвела взгляд и быстро ушла, словно убегала от кого-то.

Анфилада комнат была тиха и пустынна. Вильно решил, что уже пора отправляться в предназначенную ему спальню на верхнем этаже. Аврора хотела последовать за ним, но он оттолкнул ее и заставил улечься в кресле в углу комнаты. Он направился к парадной лестнице, поднялся по ступеням. Вступил в длинный темный коридор, куда выходили два ряда закрытых дверей. Попробовал было наугад открыть одну-две двери, но все они были заперты на ключ. Только последняя, в самой глубине коридора, поддавшись, тихо распахнулась, и перед ним открылась по-

груженная во мрак комната, где лишь крохотный ночник освещал изголовье огромной старинной кровати с ниспадавшей на нее кисеей. В самом дальнем углу полоска света выдавала дверь, ведущую, очевидно, в туалетную комнату. Он сделал несколько шагов, и тогда только заметил разбросанное по ковру женское белье. Потом, когда его глаза привыкли к полумраку, он различил на белой постели очертания человеческой фигуры. Из любопытства он хотел приблизиться, разглядеть спящего, но страх, что его увидят, оказался сильней. Он повернул назад и уже взялся за ручку двери, чтобы выйти, когда из той самой комнаты, из-за двери в углу, раздался женский голос, заставивший его застыть на месте. Женщина напевала нежную и грустную мелодию. Он узнал приглушенные интонации голоса Дианы. Какое-то незнакомое волнение охватило его. Мысль, что он допускает одно из самых серьезных нарушений общепринятых правил поведения, находясь в одиночестве далеко за полночь так близко от женщины, не могла пересилить тревожного любопытства, и он крадучись приблизился к кисейной завесе, с тысячами предосторожностей отодвинул ее и увидел бледное лицо отключенного андроида. Он узнал эти скованные неестественным оцепенением черты с такой ужаснувшей его определенностью, как если бы увидел во сне свое зеркальное отражение. Это был *он сам*, лежащий в подобном смерти ожидании, ожидании, длящемся уже века, в ожидании женщины, которая вот-вот откроет дверь и подойдет к нему. Его охватила паника, холодок ужаса и какого-то непонятного удовольствия пробежал по спине. Он не смел шелохнуться, уверенный, что при малейшем его движении это знакомое и внушающее ему страх создание встанет перед ним, как оживший труп. Жертвой каких чар он стал? Понадобилась неумолимая воля Дианы, вся сила ее чудовищного желания, чтобы заманить его сюда, к этой кровати, на свидание с самим собой, с безжалостным изображением его темного "я".

Вильно покорился безумию, которому больше не в силах был противиться, и то, что он делал потом, уже совершенно не владея собой, оставило в его памяти лишь смутный след. Вильно тихонько скатил андроида на пол, оттащил его по ковру в угол и спрятал там в ворохе мехов. Потом лег на его место в кровать и замер, неподвижно глядя перед собой. Он не чувствовал ничего, кроме чудесного трепета посвященного, напряженно ожидающего,

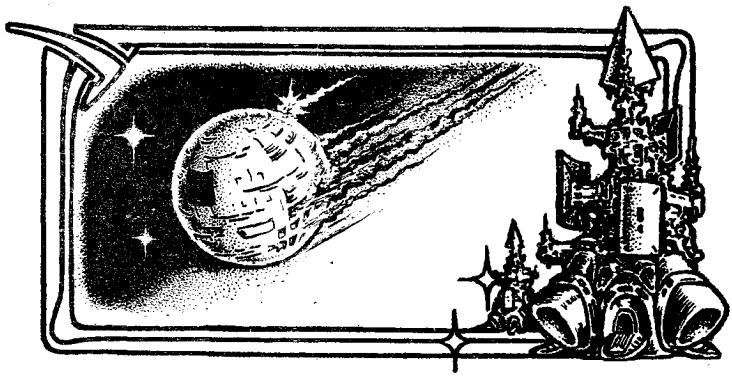
когда приоткроется завеса тайны. Сколько раз с тех далеких дней Золотого Века торжествовала она, эта тайна, под покровом ночи, в панике и угрызениях совести, за пределами дозволенного?

Он слышал, как открылась дверь. Но головы не повернул. Он слышал, как идет к нему молодая женщина, ступая босыми ногами по ковру. Почувствовал, как прогнулась постель под опустившимся рядом с ним телом. И вот увидел лицо Дианы. Это лицо в обрамлении рассыпавшихся волос светилось над ним подобно драгоценной жемчужине в бархатном футляре. Внимательное, исступленное лицо, на котором жили только губы, тянущиеся к нему, как маленький зверек жадно тянется к зеркалу воды. Эти губы прижались к его губам, надолго погрузив его в сумрак, и он почувствовал ее дыхание, теплое, как летняя ночь. Она прошептала ему на ухо: "Ведь это ты, скажи, это ты?" — с такой силой, что ее едва различимый в тишине голос прогремел для него взрывом счастья. "Молчи,— сказала она, прижав палец к его губам,— не надо слов". Она мягко скатилась на бок, как откатывается волна во время отлива, и перевернулась. Вильно стал ласкать ее, сначала нежно, пока не почувствовал, что она совсем теряет рассудок, растворяясь в наслаждении, уходя в него полностью, до самоуничтожения, затем упорно, стиснув зубы, пока не понял с ужасающей ясностью, как далеко она от него уплывает, и он больше ничего не может для нее сделать, ибо вся она во власти могущественных сил, так неосторожно разбуженных им самим, и ему никогда ее не догнать. Ему страшно было видеть, как усиливаются с каждым мгновением ее муки, и сознавать, что он не в силах их облегчить. Он отодвинулся от Дианы, уже с ужасом, а она продолжала одна биться в своей страсти, как бьется язычок пламени, пожираемый мраком. Наконец Диана открыла глаза и в изумлении взглянула на него. Она приходила в себя, а он неподвижно и безмолвно наблюдал за ее мучительным возрождением. Внезапно она резко приподнялась и, рыдая, упала ему на грудь.

— Я знала, что это невозможно. Не нужно было даже начинать. Они это запрещают. Но что же с нами сделали, что они сделали с тобой, любовь моя? Не смотри на меня так. Прошу тебя. Знаешь, я тоже, наверное, не смогла бы дойти до конца. Мы уже ничего не можем. Я думала, что ты не такой, как другие, а сама оказалась такой же, как все...

Уходи,— проговорила она хрипло. А когда он встал, добавила с недоброй улыбкой: — Куда вы его дели? — Усталым жестом он указал в угол комнаты.— Прежде, чем вы уйдете, я хочу сказать вам одну вещь. Ведь мы с вами больше не увидимся.— Она подошла к тому месту, куда он показал, наклонилась, и роскошный андроид тут же поднялся рядом с ней, в тысячу раз более живой, чем застывший мертвой статуей у дверей человек. Андроид улыбнулся, наклонился к женщине и обвил рукой ее талию. Она положила голову ему на плечо, с вызовом глядя в глаза Вильно. И крикнула: — Вы знаете, кто вы? Робот, изготовленный, так же, как этот. Вы слышите, изготовленный! — Потом бесцветно проговорила: — Теперь уходите, вы мне больше не нужны.

Он побрел вслепую через спящий дом. Бессильный, растерянный, уничтоженный, раздавленный непереносимой тяжестью, он испытывал такое чувство, будто только что избежал смертельной опасности. В одной из комнат первого этажа он заметил светлое пятно платья Авроры и направился к нему. Привычными движениями, доведенными до автоматизма ежедневной практикой, он разбудил Аврору,— она послушно последовала за ним к воротам замка. Лужайки за его стенами и близкий лес были ярко освещены луной. Вильно потащил Аврору в тень низко спускавшихся вток. Уложив ее на траву, он, ища забвения, приник к ее знакомому телу, словно погрузился в сон без сновидений. Он обнимал ее с таким исступлением, словно стоял на пороге смерти, а между тем безотказный механизм удовольствия уже заработал в их идеально подходивших друг другу телах.



Мишель Демют

БИТВА У ОПИКУСА

«...она относится к области тех исторических фактов Первого Продвижения, которые со временем стали легендой. Битва у Опикуса была на самом деле цепью долгих сражений за контроль над звездными скоплениями в темной туманности S, где эскадры земных кораблей столкнулись с чужаками, чье происхождение по сию пору остается неизвестным. Эта битва словно застыла на целых два века, тогда как колонизация относительно близких миров продолжалась, а на Земле разразился ряд политических кризисов...»

Фрагмент из «Первого Продвижения» (Цирцея, полное исследование о колонизации землянами центральных регионов Галактики).

1

"Рей-Гирун" вынырнул из подпространства у самых границ системы Тиеж в сорока световых годах от сектора пространства, ставшего ареной битвы. Когда люди прочли на экранах приборов, как далеко они оказались, они вздохнули с облегчением. Для них бегство от вражеских кораблей означало бегство из ада: за несколько месяцев до того "Рей-Гирун" потерял связь с шестьюдесятью крейсерами своей эскадры — либо погибшими, либо вернувшими-

ся на тыловую базу, отступая под мощным натиском чужаков.

Их кораблю пришлось в одиночку искать убежища на затерянных мирах за пределами туманности S. И каждый раз приходилось скрываться от вражеских патрулей, находивших их повсюду — и в раскаленных песках, и в болотах, и в скоплениях тяжелого газа.

— Мы прошли через тридцать два боя,— сказал капитан Харгреб.

— Тридцать четыре,— поправил Свей, первый помощник.— Надо считать и две схватки с теми птицами на Ситилка-Риат. Мы пощипали им перья, но и они не остались в долгу... Там мы потеряли капитана Марворна и малыша Жилсона.

Харгреб кивнул. Ему не хотелось вспоминать об измотавшем их бое на Ситилка-Риат. Он был командиром корабля, и это давно его тяготило. Свей с горечью подумал, что вскоре командование придется принять ему. Такая перспектива Свею не улыбалась. Он гнал от себя мысли о том, как скверно ему пришлось много месяцев назад, когда они стартовали с базы. Тогда он был старшим офицером одной из палуб, а командовал Себаст Ульрих. После командиром был Марворн, за ним — Харгреб...

Три капитана за одну кампанию — слишком много для боевого корабля даже в битве у Опиуса. Три капитана, а вскоре будет и четвертый, если судить по рассеянным кивкам Харгреба и отсутствующему виду, с которым тот рассматривает звезды на экранах.

— Тиеж II,— задумчиво проговорил Свей,— здесь мы найдем все. Пищу, отдых, весну... женщин.

Бескровные губы Харгреба растянулись в вялую улыбку.

— Женщины, весна... Свей, вы словно начитались древних реклам Земли.

— Вовсе нет, капитан. Просто я говорю как мужчина, которому все осточертело. А на Земле я никогда не был.

Харгреб помолчал, потом вздохнул:

— А я вот был... Послушайте, Свей, спросите у наших умников, где на этой планете сейчас весна.

Помощник кивнул и отправился с мостика в рубку управления. Через четыре минуты по интерфону пришел ответ:

— Весна в южном полушарии, капитан. Грец говорит, что она особенно хороша вот на том большом острове посреди океана.

Харгреб хмыкнул. Он тоже видел остров на экране.

— Свей?

— Слушаю, капитан.

— Пожалуй, мы отправимся на рыбалку.

И обрадовался, что не услышал в ответ "слушаюсь". Свей рассмеялся, и Харгреб был благодарен ему за этот смех.

Через остров тянулись две горные цепи, с них сбегали речушки, и ему захотелось поскорее узнать, какая же там водится рыба. Были и леса с темными деревьями и равнины, подступавшие к самому берегу сверкающего океана.

— Капитан, корабль готов к посадке. Кстати, вы заметили деревушку на севере острова?

— Пока нет, но, думаю, мы отыскали очень милую планету!

2

Спрятавшись в кустарнике, она ждала до сумерек, но все-таки решилась подойти к кораблю.

В полдень вдруг подул горячий ветер, и волны на белом пляже стали выше обычного. Девочки и старухи вскинули головы и увидели огромный корабль, сияющий в лучах солнца. За кораблем тянулся белый след конденсата.

Сделав два круга над деревней, корабль сел у кромки воды, и самые высокие волны лизали его опоры.

Багровое солнце ушло за горизонт, окрасив океан и пляж кроваво-багряным, резче стали тени от колючих деревьев и опустевших домов.

Потом на темной броне корабля вспыхнули яркие световые квадраты, луч прожектора уперся в песок. Корабль как бы парил над сияющим островом света.

Девушка остановилась в нескольких шагах от корабля. Высыпавшие из него люди пока еще не заметили ее. Они разговаривали, глядя на океан, и ей нравились голоса мужчин — мужчин, которых так мало было в их деревне.

Она снова пошла вперед, удивляясь, почему так испугались ее подруги и несколько мужчин, убежавших в лес.

Быть может, они вспомнили о других стальных птицах, из которых выходили не люди, а кошмарные существа с далеких миров...

— Здравствуйте!

Девушка вздрогнула, пытаясь рассмотреть человека, скрытого глубокой тенью. Она услышала рядом дыхание, потом скрип песка под ногами.

— Здрав... здравствуйте! — пролепетала она.

Она волновалась, но очень хотела показать этому человеку и своим подругам, что принадлежит к той же расе и говорит на том же языке.

Ей хотелось, чтобы они поскорее узнали, что ее предки давным-давно прилетели сюда на почти таком же корабле.

— Вы говорите... вы говорите, как мы!

Девушка была счастлива — он понимал ее. Отступив, она вышла из тени и заставила показаться собеседника. Тот был высок и очень худ, но совсем не походил на мужчин из деревни. Длинные волосы спадали на лоб светлыми прядями. Ей не понравилась мрачная одежда человека — черный комбинезон, обтягивающий его от подбородка до щиколоток и заканчивающийся странными металлическими сандалиями.

На груди белел квадратик с именем.

— Вас зовут Рей-Гирун?

Мужчина рассмеялся. Она поняла, что ошиблась, и покраснела от стыда и обиды.

— Нет-нет, это название корабля.

— Звездолета?

Он снова засмеялся.

— Меня зовут Свей.

— Почему вы смеетесь, Свей?

— Как бы объяснить... Мне кажется, все люди узнают друг друга по этой особенности — они боятся, что их примут за туземцев.

— Да, это так... наверное.

На этот раз смех его показался не таким уж неприятным.

— Мы,— наконец сказал он,— друзья, сошедшие с неба в этой громадине. Мы несем мир...

Теперь она тоже расхохоталась.

— Итак,— раздался вдруг чей-то солидный бас,— мы уже налаживаем добрые отношения?

Свей обернулся.

— Капитан, это... Кстати, как ваше имя?

— Криилье.

— Это Криилье. Наследница первых поселенцев и свободная гражданка Тиежа II.

Капитан учтиво поклонился, и она едва удержалась, чтобы не фыркнуть, таким комичным показался ей этот поклон.

— Криилье,— сказал он, упирая на "и",— мне хотелось бы, чтоб вы успокоили своих насчет наших намерений. Если у вас есть старейшины, попросите у них гостеприимства для нас на несколько дней. Мы здесь пролетом и скоро отправимся своей дорогой... Очень скоро.

— Капитан,— обернулся к Харгребу Свей,— вы позволите мне сопровождать Криилье в качестве вашего представителя?

Уже опустилась ночная тьма, но Криилье заметила, как капитан улыбнулся.

— Представителя? Ну что ж, мы ведь тут в отпуске.

Свей и Криилье пошли прочь от корабля, направляясь в сторону деревни.

3

С утра зарядил дождь, но дождь на редкость ласковый, как это бывает в очень немногих мирах. Дождь был почти зеленым, как лужайки перед домами, и жемчужинами повисал на ветвях деревьев. Море словно лишилось голоса и шуршало в такт падающим каплям.

Экипаж "Рей-Гируна" разглядывал окрестности с порога дома, самого просторного и высокого в деревне. Дом был уютен и разделен на три десятка маленьких комнаток. По углам зала на первом этаже светились причудливые масляные лампы.

Харгреб на мгновение прикрыл глаза. Гримсоу и Сполетти дуэтом играли на крохотных флейтах, увезенных с какой-то забытой планетки. Гондри, потерявший в последнем бою трех приятелей, спал, уронив голову на столик из красного дерева.

"Славное место для отдыха,— подумал Харгреб,— наслаждаться бездельем, смотреть на дождь, зная, что ничего не упадет на твою голову с неба, чтобы сжечь все вокруг и заставить снова заняться войной..."

Он вспомнил о прошлой ночи и поправил себя — в этом мире тоже можно устать, но усталость будет приятной. Здесь можно выпить, потанцевать, поведать о своих несчастьях. И всегда найдется кто-то, кто выслушает тебя, кто-то с огромными нежными глазами и ласковой улыбкой...

— Вы спите, капитан?

Свей стоял перед ним весь мокрый — наверно он пришел из леса,— в волосах застряли травинки.

— Нет, Свей, я мечтал,— пробормотал Харгреб,— А вы никак вовсю наслаждаетесь жизнью?

Помощник улыбнулся, и капитан продолжил:

— Похоже, вы не страдаете от одиночества? Из всех нас вы стартовали наиболее удачно.

Лицо Свея вдруг стало серьезным.

— Вы правы, я гулял в лесу с Криилье. Мне хотелось бы сказать вам пару слов, капитан...

Они вышли из дома и двинулись по тропинке к пляжу. Дождь почти утих, последние капли приятно холодили кожу. Харгреб запрокинул голову и открыл рот.

— Что с вами, капитан?

— Детские воспоминания, Свей. Большую часть юности я провел на Эвдике, а там всегда такая сушь. Когда шел дождь, я... Кстати, что вы хотели мне сообщить?

Свей вздохнул.

— В лесу мы встретили мужчин. Они возвращаются.

— Не очень-то они спешат. Я было подумал, что женщины нам лгут и размножаются почкованием, или мужчины еще большие трусы, чем мы...

— Они не трусы.

Харгреб бросил на помощника изумленный взгляд.

— Я ничего такого не утверждал, Свей.

— Простите, капитан. Они произвели на меня удивительное впечатление. Это очень сильная и здоровая раса. Я удивился, как случилось, что здесь столь малочисленное население, и спросил их...— он остановился, подыскивая слова.

— Так что же, Свей?

— Просто у мужчин лучше память, чем у женщин, вот и все.

Харгреб нахмурился. Они вышли на пляж. В стороне синел корабль.

— Мужчины помнят, во что им обошлось знакомство с прилетающими кораблями,— наконец продолжил Свей.— Похоже, здесь частенько высаживаются наши враги и увозят с собой мужчин. Последнее такое вторжение случилось с полгода назад. Завидев нас, мужчины из деревни поступили, как не могли не поступить...

— Значит, этот мир подвергается нападениям чужаков, если все эти рассказы правда.

— Мне кажется, они просто не умеют лгать.

— Дело не в том. Неужели здесь орудуют чужаки, с которыми мы сражаемся под Опикусом?

— Не исключено, капитан. Быть может...

— Не может быть! Мы более чем в сорока световых годах от театра военных действий.

— Но мы же сюда добрались. Капитан, вы слыхали о земных кораблях, которыми под надзором чужаков управляют пленные и которые пробираются к нашим тыловым базам, чтобы внезапно взорваться?

— Да, Свей, я знаю даже больше. Но не желаю, чтобы вы говорили об этом здесь и сейчас. Мы просто отдыхаем... Мы не станем превращаться в благородных защитников и дожидаться пиратов ради сомнительной победы! К сожалению, нас ждут более серьезные дела. И скорее всего мы больше никогда не вернемся на Тиеж II. Вы поняли, Свей?

— Не совсем, капитан.

Харгреб устало махнул рукой. Он уселся прямо на песок и принялся перебирать красные ракушки.

— Есть много миров вроде этого, старина. Далеких миров, которые обживают без всяких официальных разрешений. Они расположены во враждебных, если не запретных секторах. И неудивительно, что на них обрушиваются катастрофы. Прадеды этих колонистов сами сделали такую ставку. А потомкам остается только следовать тем же путем.

Первый помощник смотрел на корабль.

— Послушайте меня, Свей. Я готов вам кое-что предложить. До отлета осталось еще два или три дня. Ребята могут помочь местным жителям собрать пару лучевых пушек. Это даст им довольно неплохую защиту. Что вы об этом думаете?

— Думаю, что тиежцы не смогут обороняться.

Харгреб пожал плечами и вскочил на ноги.

— Свей, вы разбудите во мне зверя. Эту беспечную публику, потомков колонистов, мне не жаль. Если они к тому же не в состоянии поступать как мужчины!

— Они боятся, капитан. Как и мы, когда крутимся возле Опикуса.

— Но мы сражаемся, Свей. В этом вся разница.

Он пошел к деревне, оставив молодого человека на берегу океана. Однако, сделав несколько шагов, остановился.

— Свей?

— Да, капитан?

— Если вы... не хотите лететь... Если хотите остаться с этой девушкой... Я не буду возражать. Остальным как-нибудь объясню.

— У меня не было таких намерений, капитан.
— Ах вот как... Тогда забудем.

4

На следующее утро экипаж "Рей-Гируна" встретился с мужчинами деревни. И разговоры с ними длились куда дольше, чем с женщинами.

Харгреб узнал, что на острове есть еще с десяток поселений и пять находятся на континенте.

— Им долго не продержаться,— сказал один из мужчин.— Их преследуют все беды сразу — холод, чужаки и зверье...

— Когда на эту планету сел первый корабль? — прервал его Харгреб.

— Лет полтораста назад.

— И раньше вас было больше?

— Примерно вдвое.

Харгреб хотел было спросить, сколько смогут продержаться колонисты, но так и не нашел в себе мужества задать этот вопрос.

Он поискал глазами Свея и заметил его посреди деревенских мужчин. Рядом с ним на траве сидела Криилье. И вдруг ему захотелось улететь отсюда, вернуться обратно в ад сражений. Дело привычки. Этот мир был слишком тих, слишком сильно напоминал Землю и другие планеты с их светлым небом и шуршащими волнами океана...

— Послушайте,— повернулся он к тиежцам,— мы пробудем у вас еще пару или тройку дней, но не больше. Если хотите, чтобы мы вам что-нибудь построили, скажите.

И удалился, оставив деревенских жителей с четырьмя техниками. Но он еще долго ощущал спиной их взгляды — и техников, и колонистов.

После полудня светило яркое и горячее солнце, а к вечеру над пляжем собрались морские птицы с перепончатыми лапами.

Харгреб лежал на песке в тени двух деревьев, усыпанных вместо листвы черными иглами. И ждал, когда на небе появятся два бледных серпа местных лун.

Со стороны корабля доносился скрежет, изредка сверкали вспышки — техники занимались ремонтом и проверяли вооружение. Вахтенные подсчитывали запасы медикаментов.

В деревне танцевали. В основном экипаж "Рей-Гиру-

на" и местные женщины. Отношения сложились дружеские, и Харгреб мог быть доволен.

Услышав топот ног, он поднял голову.

— Капитан!

К нему, размахивая руками, бежал Сполетти. Харгреб вспомнил, что тот вечером дежурит в рубке.

— Что?

— Капитан! — Сполетти задыхался.— Мы только что засекли "квадрат"! Он направляется в сторону этой системы.

Харгреб не сразу вспомнил, что земляне называли "квадратом" любой вражеский корабль после одной странной истории, случившейся еще при первой схватке с чужаками.

Он вскочил на ноги и бросился вслед за Сполетти. Почти весь экипаж уже собрался на корабле.

— Свей!

Феккинс сделал шаг вперед,

— Отсутствует, капитан. Я решил, будет лучше побыстрее собрать ребят.

— Правильно сделали, Феккинс. Боевая готовность!

Люди бросились по отсекам. У Харгреба мелькнула мысль о Свее, но тот, по-видимому, оставался где-то в лесу или на пляже с девушкой...

— Феккинс! За мной на мостик! Замените первого помощника.

Ночью "квадрат" засиял в небе как звезда первой величины. Он кружил на орбите Тиежа, медленно и осторожно снижаясь. На экране прицела он занимал целых шесть клеточек.

— Здоровый,— пробормотал Феккинс.

Он занимался регулировкой приборов, не дожидаясь распоряжений Харгреба, и капитан был рад этому. В глубине души он ощущал что-то, мешавшее ему встряхнуться и взять себя в руки. "Ты неспособен,— подумал он,— командовать кораблем. Сражения и бегство сломали тебя..."

Но экипажу вовсе не обязательно было знать об этом, по крайней мере сейчас. И он принялся диктовать канонирам координаты предполагаемого спуска чужака.

— Феккинс, надо послать кого-нибудь в деревню и предупредить людей.

— Туда уже отправились...

Феккинс прикусил язык.

Харгреб сделал вид, что смотрит на экран.

— И Свей вызвался добровольцем?

— Да, капитан.

Харгреб спросил себя, почему так привязан к этому длинному нескладехе, который сейчас, наверное, успокаивает перепуганных колонистов.

— Феккинс... Пора взлетать. Сражение в воздухе безопасней. К бою!

— Слушаюсь.

"Рей-Гирун" задрожал и стремительно взмыл над пляжем. Он пошел вертикально вверх, устремившись в сторону врага, который после очередного витка снижался над океаном, приближаясь к острову.

— Вы правы, Феккинс, корабль не из маленьких.

На экране серебрился шар втрое больший, чем "Рей-Гирун". На его борту чернел странный символ.

— Ни разу не видел такого,— сказал Феккинс.

Харгреб заворчал. В душе была какая-то неуверенность: еще никогда перед сражением не ощущал он такой пустоты.

"Это не страх,— подумал он,— и не старость... Просто я готов бросить все".

Бой начался внезапно, и люди уже не могли отвечать за его исход. Впрочем, как и чужаки. Теперь в дело вступили компьютеры — все зависело от них.

Корабли сходились и расходились, рождая в океане бурю...

5

Харгребу казалось, что он провалился в воду, холодную и быструю, как горный поток. Потом вдруг вынырнул на поверхность и оказался на ложе из синих камней. Рядом хохотали трое приятелей. Четвертый, тот кто расталкивал его, выглядел несколько странно: грушевидная голова и пара крылышек за плечами. Не человек, но развлекался совсем как люди. Это было на Дорге, в системе Ван Маанена, на первом из чужих миров, где пришлось побывать.

Он повернулся на спину. Четверо ребятишек бегали по берегу. Дорганец шевелил крылышками, как ангел, и дико вращал огромными глазами. Харгреб рассмеялся и хлебнул воды. Смех превратился в гримасу боли.

— ...Капитан!..

Харгреб поискал глазами дорганца, чтобы выругать его. Но глаза горели от воды.

— Капитан!..

Он очнулся. На мостике толпился почти весь экипаж, и над ним склонились сразу три головы. Харгреб пошевелился и застонал.

— Капитан, выпейте это!

Феккинс приподнял его, и он сделал большой глоток спиртного. Удивительно, как это ребятам удается прятать на борту запрещенные напитки... Надо будет проверять даже пушки.

— Что... что произошло, Феккинс?

— Мы схлопотали, капитан. "Квадрат" умудрился в последний момент влепить нам небольшой заряд.

Харгреб поднялся на ноги. В глазах просветлело.

— И что с нами, Феккинс?

— Сели.

— А "квадрат"?

— Мы поимели его на вираже. Рухнул в океан. Пока еще плавает... Хотите взглянуть?

Капитан махнул рукой.

— Нет. Пошлите Сполетти и еще четверых осмотреть эту штуку. Может, там найдется что-нибудь интересное.

— Уже сделано,— после секундной заминки ответил Феккинс.

— А я пойду в деревню.

— Кстати, капитан. Чужаки едва нас не прикончили.

— Каким образом?

— Мы засекли один корабль. А их оказалось два. Второй летел прямо над лесом. Он сел... К счастью, Свей был в деревне и с помощью колонистов открыл по чужакам огонь из наших лучевых пушек. Чужаки стартовали и смылись.

Харгреб пригладил волосы.

— Прекрасно. Свей справился с делом.

— Ну, разумеется.

Феккинс смотрел на него в упор. В глазах его не было сочувствия. И Харгреб вдруг разозлился на этого молодого добровольца, возненавидел его.

Он нашел Свея в большом доме, где они уже привыкли собираться, ибо то был дом мужчин: его помощник стоял у кровати, освещенной двумя громадными масляными лампами. Капитан разглядел лицо Криилье.

— Что случилось?

— Сильный ожог руки... Она побежала за нами, когда мы двинулись в лес, чтобы напасть на чужаков. Луч пуш-

ки слегка задел ее. К счастью, все обошлось. Она выкарабкается.

У дальней стены Харгреб заметил еще двух женщин и пятерых с корабля. Он обвел взглядом их лица. Люди поняли его без слов и молча вышли.

— Свей... Поздравляю вас с тем, как вы в одиночку выпутались из этой ситуации...

— Я был не один. Тиежцы помогли мне на все сто.

Молодой человек говорил, не отрывая глаз от девушки и протирая ей руку анестезирующей настойкой.

Харгреб в молчании переминался с ноги на ногу.

— Мы улетаем,— сказал Свей.

Он не спрашивал. Он говорил твердо, и Харгребу вдруг стало не по себе.

— Не знаю,— наконец выдохнул капитан,— может быть, через несколько дней. Не знаю... Феккинс говорит, что меня задело.

Свей пристально посмотрел на него.

— Вы не можете командовать "Рей-Гируном".

— Видите ли... Думаю, я...

— Феккинс вам солгал.

Харгреб прищурился.

— В чем?

— "Рей-Гирун" невредим. Чужаки его не достали. Но произошла небольшая авария двигателей...

Харгреб ждал продолжения, хотя уже все понял. Свей поставил флакон с настойкой, выпрямился и тихо произнес:

— Вы потеряли сознание раньше,— он помолчал, потом добавил: — А теперь разрешите мне закончить.

Капитан повернулся и вышел.

6

Вернувшись на борт, он ничего не сказал Феккинсу. Тихо отправился в свою каюту и лег. До самого утра он дремал, то проваливаясь в сон, то просыпаясь. В голове его роились странные образы. Утром Харгреб вернулся в деревню.

Криилье с помощью Свея уже пробовала ходить, вокруг них суетились женщины и мужчины и с хохотом давали бесполезные советы. Возле одного из домов были сложены останки чужаков — их обгоревшие гребни. Взгляд Харгреба скользнул по ним.

— Свей... можно вас на пару слов?

— Конечно, капитан.

Они отправились в лес по узкой тропинке, змеящейся вдоль ручейка, который дальше вливался в маленькое заболоченное озеро. Свей ткнул пальцем в сторону болотца.

— Здесь я обнаружил морскую соль и видел странных рыб. Надо было бы...

— Свей, я решил последовать вашему совету. С этой минуты я больше не командую "Рей-Гируном".

— Вы не вправе в одиночку решать такое.

— Команда соберется позже, если пожелает. Капитаном, мне кажется, выберут вас или Феккинса. Я бы предпочел, чтобы выбрали Феккинса. Не потому, что ценю его выше, но... мне хотелось, чтобы мы с вами остались здесь.

— Мы?

— Я остаюсь. И подумал, что если вы привязались к Криилье, то поступите так же.

— Я привязался к Криилье, капитан. Не знаю, много ли в вашей жизни было женщин... вы, наверно, понимаете меня.

— Понимаю.

Ему хотелось сказать: "Я люблю тебя, мой мальчик, как отец взрослого сына!", но слова застревали в горле, он знал, что никогда не произнесет их.

— Я улечу со всеми,— сказал Свей.— Я хочу командовать "Рей-Гируном"... Может быть позже, когда дела поправятся... может быть, я вернусь сюда, чтобы остаться.

— А относительность времени, Свей? Криилье умрет до того, как вы вернетесь. Когда вы в пространстве, времени доверять нельзя.

— Конечно, конечно...

Свей снова пошел вперед. Они шли через лес — высокотравье, колючий кустарник, цветы и узловатые стволы — к почерневшей поляне, где ночью произошло сражение. Харгреб и Свей остановились на границе выжженного неровного круга.

— Дело продолжалось недолго, прямо как на охоте... Они не ожидали встретить здесь сопротивление, а потому разгромить их было легко.

— Отличная работа.

— Это получилось само собой, капитан. Вчера мне хотелось остаться в деревне. Корабль, экипаж, даже вы были мне отвратительны. А потом, после боя, я испытал странное чувство. Словно тоска... по родине. Неодолимое желание вернуться на корабль.

— Вы правы, тоска по родине... Если корабль — наша родина. Мы так давно находимся на борту, Свей, что я не уверен, сможем ли мы когда-нибудь окончательно спуститься на землю.

— Однако вы все же решились, капитан. И поверьте, я вам не завидую.

— А мне и не стоит завидовать, Свей. Остаюсь, хотя ничто не привязывает меня к этому месту. Я всегда с некоторым презрением относился к колонистам. Помните наш разговор о тех мирах, где люди обживаются, но не в силах их защищать?.. Это не красивые слова. Я никогда не стану здесь своим. Ведь так, Свей?

— Может вы и ошибаетесь, капитан. Думаю, женщина сделает вас самым обычным мужчиной.

Харгреб усмехнулся.

— Ну что ж, попытаюсь найти сразу нескольких. А теперь, Свей, возвращайтесь на корабль и выбирайте командира. Я еще поброжу по лесу: мне пора привыкать к новой жизни.

— Хорошо, капитан.

Свей вернулся в большой дом к вечеру. На горизонте собирались фиолетовые тучи, обещавшие скорый дождь. Харгреб ждал, присев возле Криилье на пороге и играя с двумя крохотными рыжими зверьками.

— Ну что?

— Выбрали меня. Первым помощником я взял Фекинса.

— Разумеется.

— Экипаж спрашивает, хотите ли вы действительно остаться здесь один? Есть желающие составить вам компанию.

— Сколько их?

— Шесть или восемь.

— Теперь это ваша забота, капитан,— улыбнулся Харгреб.— Но мне кажется, боевой корабль всегда должен иметь полный экипаж.

— Я согласен с вами... И сообщу им о вашем отказе.

— *Моем* отказе?

— По правде говоря, я не могу командовать кораблем, пока вы сами на появитесь на борту. Мне бы хотелось, чтобы вы проводили меня до корабля.

Свей уставился в землю. Криилье молчала.

— Думаю, могу сходить и один... Когда вы стартуете?

— Ночью.

На глаза Криилье навернулись слезы. Харгреб с ворчанием вышел. Свей не знал, что ему делать.

7

Харгреб ушел с корабля поздно вечером и вернулся в деревню. Он принес с собой кожаный чемоданчик с нехитрыми пожитками. Небо было удивительно черным, и на нем еще ярче сияли звезды.

В зале дома мужчин по-прежнему горели лампы. Свей и Криилье спали. Харгреб потряс за плечо нового капитана.

— Время, сынок.

Ласковое слово само собой сорвалось с губ, и он повторил его с видимым удовольствием:

— Вставай, сынок. Ты ведь не остаешься.

Свей молча вскочил на ноги. Глаза его не отрывались от юной женщины. Она спала, сложив руки на груди, и лицо ее было светлым и спокойным. Но на смуглых щеках пролегли две мокрые дорожки.

Свей усмехнулся.

— Дитя природы. Я бы никогда не смог так заснуть,— он хлопнул Харгреба по плечу.— Оставайся, новый колонист. Я вернусь с остальными еще до того, как у тебя поседеет борода, а вокруг будет носиться дюжина ребятишек!

— Мне очень этого хочется, Свей.

Молодой человек пошел прочь, обернулся и крикнул:

— Счастливо... отец.

Доставив этим Харгребу огромное удовольствие.

Харгреб еще долго вглядывался в ночь, потом сел рядом с Криилье, и стал смотреть, как спокойно и ровно вздымается ее грудь.

...Пронесся горячий вихрь, хлопнул воздух. Темная масса на мгновение закрыла звезды. Затем со свистом исчезла.

Молодая женщина не проснулась, только вздохнула во сне.

Утром пошел проливной дождь, а после целых две недели светило солнце. Дождь пошел снова только в начале лета, вслед за ним прилетели морские птицы, плескавшиеся на воде с пронзительными криками.

Следующий год был жарким, а весна восхитительной.

Другие годы были такими же.

8

Причал уходил далеко в море, к маленькому скалистому островку, куда слетались, похоже, все птицы планеты.

Старик ловил рыбу, рядом с ним сидела девушка. По воде пробегали огненные отблески, иногда скрывая серебряный поплавок, покачивавшийся на волнах.

Начиналось лето, и оно обещало быть жарким.

Девушка вскочила на ноги. Ей давно наскучило сидеть на месте и вглядываться в горизонт и серые камни острова, как бы притягивающие птиц. Она медленно побрела к берегу, радуясь теплому дереву под босыми ступнями, и вдруг замерла — над океаном возник белый шлейф пара.

— Кресс! Кресс!

Она бегом вернулась к рыбаку.

Но когда тот наконец поднял голову, в воздухе осталась лишь тающая белая полоска.

— Честное слово,— воскликнула девушка,— это было похоже на волчок с дымом!

Старик снова забросил удочки и усмехнулся.

— Может, это был звездолет. Уже давно нас никто не навещал.

Он вдруг замолчал и уставился на девушку странным цепким взглядом. Потом встал, собрал удочки и уложил снасти в корзину. Солнце уходило за горизонт. Птицы на островке казались бело-розовой пеной.

И в этот момент у причала появился незнакомец. Девушка вздрогнула и схватила старика за руку.

— Кресс! Смотри!

На незнакомце был черный комбинезон. Только на груди белел квадратик с непонятными символами.

— Ты права,— пробормотал Кресс.— Он явился из далеких миров.

Старик с девушкой подошли ближе и остановились в нескольких шагах. Человек был еще молод, хотя в уголках рта лучились морщинки, а в волосах проглядывали седые пряди.

Человек поставил на землю небольшой чемоданчик и вымученно улыбнулся.

— Простите меня.

— За что? — удивился Кресс.

— Мне показалось, я знаю вас и эту девушку...

— Здесь нет ничего обидного.

Кресс собрался идти домой. Он взял девушку за руку — рука дрожала.

— Пойдемте с нами в город. Совет будет рад узнать о вашем прибытии.

Незнакомец покачал головой.

— Нет... Нет, я не могу остаться. Мне хотелось бы спросить... Вы когда-нибудь знали человека по имени Харгреб?

Кресс ждал. Он пытался заглянуть в глаза незнакомца, но тот старательно отводил взгляд, словно был чем-то опечален и измучен...

— А Криилье? Это имя вам ничего не говорит?

Кресс не ответил сразу. Он поставил корзинку на землю и спросил:

— Вы Свей?

— Да.

— Тот, кого звали Харгребом, умер.

— Умер? Почему?

— От старости. Я был совсем юным, когда вы улетели. Харгреб ждал вас... Он все время вспоминал битву у Опикуса, которую должны были выиграть люди... Ее выиграли?

На лице Свея мелькнуло удивление. Потом на нем осталась только печаль.

— Нет, там мало что изменилось,— пробормотал он.— У вас прошло много времени, а у нас... Мы едва успели отвоевать несколько миров.

Кресс опустил голову. Глаза человека его уже не интересовали.

— А Криилье... Что стало с Криилье?

— Она... тоже умерла.

— Правда? Вы не лжете мне?

— Нет. Зачем? Криилье погибла в тот день, когда чужаки сожгли деревню.

Свей молча кивнул. Теперь он смотрел на океан, на багровый закат. Потом его глаза остановились на девушке, и он улыбнулся.

Свей чего-то ждал, в нем бродило какое-то неясное желание. Старик больше ничего не говорил. Просто наклонился и поднял корзинку.

— Харгреб, наверно, часто приходил сюда?

— Зачем вам знать об этом? Зачем задавать вопросы после стольких лет?

В глазах старика сверкнул гнев. Свей даже отступил на шаг.

— Вы думаете, у вас есть какое-то право на этот мир?

Вам нравится возвращаться сюда, когда вы устаете от войны? Время для нас и для вас течет по-разному. Приходя, вы будете испытывать лишь печаль. Поверьте мне, юноша, и возвращайтесь к своим битвам.

Свей кивнул, протянул было руку, потом, не окончив жеста, повернулся и пошел прочь.

Кресс долго стоял, глядя ему вслед.

Он думал о стоящей рядом девушке, о том, что мог бы сказать гостю. Но он знал, что время быстро заглушит упреки совести.

— Пошли,— сказал он наконец.— Мы опоздаем домой.

Но девушка не двигалась. Она смотрела на небо, в котором таяла белая полоса.

— Он улетел,— добавил Кресс.

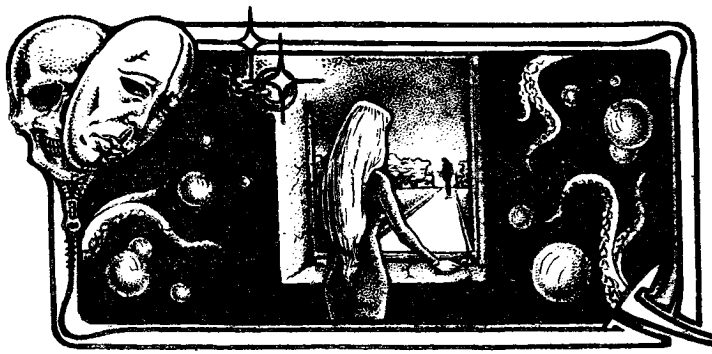
В сердце его осталась грусть. Он сам не знал, правильно ли поступил.

— Почему он спрашивал о матери?

Кресс положил руку на плечо девушки и промолчал. Неужели сомнение запало и ей в душу? Почувствовала ли она что-то, какую-то особую связь со звездолетчиком? Он нахмурился. Все давно умерло.

— Пошли.

И побрел в сторону города. Девушка постояла немного и побежала вслед за ним.



Жюлия Верланже

ПУЗЫРИ

8 августа

Сегодня я опять видела ту Другую. Она стояла под окном, размахивала своими длиннющими руками и говорила, говорила. Губы ее непрерывно двигались, но ничего не было слышно. Конечно, разве услышишь что-нибудь через окно? А потом она уперлась в стекло всеми своими руками и стала давить. Я испугалась, нажала кнопку, ставни захлопнулись. А ведь я знаю, что она все равно не сможет войти. Никто не сможет.

Отец рассказывал, что когда-то, давным-давно, стекла в окнах можно было разбить. Не могу в это поверить, но отцу лучше знать. Он говорил: нам очень повезло, что пузыри пришли сейчас, потому что появись они в прежние времена, все погибли бы. Дома тогда были совсем не такие, и не было слуг. Никому не удалось бы спастись от пузырей.

Это отец сказал мне, что я должна обо всем написать, когда вырасту большая. Он говорил: "Надо писать для тех, кто будет жить после нас". Ведь когда-нибудь люди найдут средство против пузырей, и все снова станет как прежде. Отец говорил мне: "Люди должны узнать, что было с нами, когда пришли пузыри. Поэтому ты должна обо всем написать, Моника, когда вырастешь большая, когда меня не станет". Наверное, отец не думал, что его не станет так рано. О, если бы только он не вышел на улицу, если бы не вышел!

Когда вырастешь большая, говорил он. Сегодня мне ис-

полнилось шестнадцать — значит, я уже большая, и утром я начала эти записи.

Отец и сам много писал. Он рассказал, как пришли пузыри, и каким был мир прежде. Я-то ничего об этом не знала, только то, что рассказывал отец. Я родилась сразу после того, как появились пузыри.

Отец рассказывал, что много людей умерло в первые же дни, очень, очень много, пока наконец все не поняли, что бороться с пузырями невозможно, что если не хочешь умереть или стать Другим, то единственное спасение — не выходить на улицу.

Мой отец понял это сразу, поэтому мы все уцелели. Он говорил мне, что раньше это было бы невозможно — совсем не выходить из дому, люди умерли бы с голоду. Тогда мясо не росло в чанах, а овощи в бочках, и не было слуг, которые все делали. Оказывается, в прежние времена люди всем занимались сами, они сажали овощи в землю и выращивали животных, чтобы было мясо.

Вот смешно, а я даже не знала, что такое животные. Отец мне объяснил и показал картинки в старых книгах. Какие они чудные! Даже не верится, что такие бывают.

9 августа

Сегодня утром я пошла в библиотеку, посмотреть старые книги, но теперь, когда отца больше нет и некому объяснять, многое мне непонятно.

Вот например, мне попалась картинка с женщиной, очень похожей на Другую, что приходила вчера под окно. У нее тоже много-много длинных, извивающихся рук. Под картинкой написано: "Богиня Кали". Значит, в те далекие времена уже были Другие? Но отец говорил, что люди становятся Другими из-за пузырей. А ведь раньше пузырей не было.

Не могу видеть Других. Меня начинает бить дрожь, особенно когда они подходят к окну, как та, вчера. Она часто сюда приходит. Вроде бы хочет мне что-то сказать: я вижу, как шевелятся ее губы.

"Странно,— говорил отец,— мы куда больше боимся Других, которые в общем-то не опасны, чем пузырей. Наверное, это оттого, что Другие вызывают у нас отвращение и ужас, а в пузырях есть почти совершенная красота". И правда, пузыри такие красивые. Я часто смотрю, как они летают над улицей. Они блестят и переливаются, совсем как мыльные пузыри, которые мне так нравилось выдувать, когда я была совсем маленькая. Только они го-

раздо больше и очень твердые, такие твердые, что их невозможно разбить.

Но они лопаются сами, столкнувшись с человеком, и тогда человек умирает.

Один раз я сама это видела, еще при отце. Какой-то мужчина бежал по улице. Он бежал изо всех сил, широко открыв рот. Наверное, кричал, но мне не было слышно. А за ним летел огромный пузырь. Быстро летел, очень быстро. Вот он догнал мужчину и лопнул, ударившись об его голову. Мужчину окутало пеной, отливающей всеми цветами радуги.

Я страшно закричала, примчался отец. Он прижал мою голову к своей груди и все повторял: "Не смотри, детка, не бойся". Он держал меня очень крепко, а когда отпустил, и я снова посмотрела в окно, там уже ничего не было, только большая лужа, такая же блестящая и переливающаяся, как пузыри. Отец сказал: "Он умер, бедняга, растворился в одно мгновение. Для него это лучше, чем стать Другим". Конечно, отец был прав, как всегда, но порой я думаю: неужели правда, лучше умереть, чем стать Другим — ведь мне совсем не хочется умирать.

Но Другие так ужасны!

15 августа

Кормилица с утра не отстает от меня. Все спрашивает, не нужно ли мне чего-нибудь. Ох, как она меня иногда раздражает, просто бесит! Я послала ее в подвал за яблоками, а когда она вернулась, просто выгнала из комнаты.

Если бы здесь был отец! Вот уже три года я совсем одна. Я знаю, что прошло три года, потому что отмечаю на календаре, как раньше отец. Он иногда говорил: сам не знаю, зачем я все еще это делаю. И добавлял: наверное, потому, что всем нам так дорого прошлое. Но я-то не знаю прошлого. Я отмечаю дни, потому что так делал отец, и тогда мне кажется, что он все еще со мной.

Я знаю только такой мир — с пузырями, с пустыми улицами, по которым ходят только Другие.

Отец столько рассказывал мне о прежнем мире, и мне так хочется, чтобы все это вернулось. Чтобы можно было выходить на улицу и видеть людей, а не Других. И еще отец говорил, что там, где кончается город, растет зеленая трава, и деревья, и цветы, и где-то в заповедниках живут всякие животные.

Я видела все это на картинках в старых книгах и на экране у нас дома, но отец говорил: это совсем не то.

Знаешь, как чудесно, говорил он, когда солнце греет твою кожу или капли дождя падают на лицо. Я часто вижу, как дождь стучит в стекло. Интересно, неужели это так приятно, когда капли падают тебе на лицо? А еще, оказывается, где-то есть море, много-много воды, и вся она соленая. И люди плавают в ней, как я — в бассейне у нас в подвале. Наверное, мне понравилось бы плавать в море.

Отец верил, что я еще увижу прежний мир. Я сам, может быть, не доживу, говорил он, но ты — обязательно. Оказывается, много людей трудятся, ищут средство, чтобы уничтожить пузыри. Отец был уверен, что когда-нибудь они непременно найдут. Но я жду уже так долго, а вокруг все то же — на улице только пузыри да Другие, а я заперта в доме.

Мне так тоскливо, и так не хватает отца. Если бы он остался со мной! Есть слуги и кормилица, но иногда они так меня раздражают! Конечно, они ведь не люди. Отец называл их роботами. Какое смешное слово! Он рассказал мне, что раньше слуг не было. То есть слугами называли людей, которые работали на других.

Как это странно! Но отец все знал. Он прочел много старых книг и мог часами говорить о прежних временах. Я теперь тоже пытаюсь читать эти книги, но там много непонятного. Что, например, такое "влюблен" или "ехал в метро"? Был бы здесь отец, он бы мне объяснил.

23 августа

Я была в маминой комнате. Открыла все шкафы, на меня повеяло слабым запахом духов. Сперва я не решилась ничего трогать. Мне все казалось, что мама стоит за моей спиной и смотрит пустыми глазами. Было так страшно. Но потом я набралась храбрости — взяла одно платье. Оно такое мягкое и приятное на ощупь, зеленое, как те бусы, что лежат в мамином ларце с украшениями.

Я надела его. Наверное, я очень выросла: оно мне оказалось впору. Посмотрелась в зеркало. Красиво... Зеленый цвет платья оттенял мои глаза, они блестели, совсем как мамины бусы.

Должно быть, я красивая, ведь я похожа на маму, а отец всегда говорил, что мама очень красивая. Еще он говорил, что наши волосы — как спелая пшеница под летним солнцем. Не знаю, что это такое — спелая пшеница под летним солнцем, но у отца был такой мечтательный вид, когда он это говорил, наверно что-то красивое.

Волосы у меня очень длинные, я могу закутаться в

них, как в плащ. Оказывается, в прежние времена женщины иногда подстригали волосы коротко, выше ушей, совсем как отец. Вот смешные — хотели быть похожими на отца. Нет, мама все-таки была гораздо красивее. Но я больше любила отца, ох, как я любила его!

Мамы я всегда немножко боялась. Порой она так странно смотрела, словно не видела меня, взгляд был обращен куда-то внутрь. Мама никогда обо мне не заботилась, даже не разговаривала со мной. Иногда она принималась плакать и плакала часами, а потом вдруг вскакивала, колотила кулаками в дверь и кричала: "Я хочу выйти, хочу выйти, выпустите меня!" Тогда отец обнимал ее и ласково уговаривал: "Тише, успокойся, дорогая, потерпи немного, радость моя". Отец очень-очень любил маму, из-за нее он и вышел на улицу. Я знаю, что не должна так думать, отец рассердился бы на меня, но зачем он это сделал? Зачем он это сделал?!

Однажды я ужасно разозлилась. Отец успокаивал маму, а я закричала на него: "Да оставь ты ее! Она же ничего не соображает!" Он так грустно посмотрел на меня, а потом, когда мама успокоилась, долго со мной говорил. "Напрасно ты так злишься на маму, детка,— сказал он,— это не ее вина, что она такая. Да, знаю, она не заботится о тебе, ей ни до кого нет дела, но раньше, когда не было пузырей, она не была такой. Ее рассудок не выдержал того, что с нами случилось. Она живет в мире грез, отворачивается от реальности. Но она не виновата, не злись, Моника, лучше пожалей ее... Если со мной что-нибудь случится, тебе придется заботиться о ней так, будто это она маленькая девочка, а не ты. Видишь, как она иногда рвется на улицу, нельзя ее пускать, она сама не знает, что делает. Обещай мне, что будешь доброй и позаботишься о маме, когда меня не станет. Обещай мне это, Моника". У него были такие грустные глаза, и весь он был такой несчастный... Но мне не пришлось сдержать обещание.

Мама умерла, когда отец вышел на улицу.

26 августа

Сегодня с утра идет дождь.

Я стояла у окна и смотрела, как капли барабанят о мостовую, и опять подумала: а как это бывает, когда они падают на лицо? Мне вдруг захотелось открыть окно. Но оно не открывается. Отец объяснил мне, что он заблокировал все двери и окна. Чтобы открыть их, надо спуститься

в подвал, в самый низ, и там за чанами и бочками есть рычаг, который нужно повернуть.

Он показал мне, как это делается, на тот случай, если его уже не будет когда уничтожат пузыри. Он заблокировал двери и окна, чтобы не было соблазна открыть, вот как у меня сегодня утром, и чтобы мама не могла выйти — ведь она все время хотела на улицу. Но в тот день он повернул рычаг и вышел, а через несколько дней я сама спустилась в подвал и снова все заблокировала.

Я это сделала, потому что отец был, как всегда, прав, и лучше бы его совсем заклинило, этот рычаг, чтобы отцу не удалось выйти на улицу. Больше я к рычагу не подходила. Так лучше, ведь иногда, как сегодня утром, мне очень хочется открыть окно, но оно все равно не открывается. А пока я буду спускаться в подвал, непременно вспомню, что если открою, то могу умереть или стать Другой — не знаю, что страшнее.

Стоять у окна было скучно, и я спустилась в подвал — поплавать в бассейне. Окунувшись, я вспомнила, как отец говорил, что если бы пузыри пришли в прежние времена, то у нас не было бы ни воды, ни света, потому что, оказывается, тогда не было слуг, которые всем этим занимались. А слугам от пузырей ничего не делается, они такие прочные и живут очень-очень долго. Отец сказал, что даже если все люди умрут, слуги будут работать, и все в доме будет действовать еще много веков.

Вот, например, если я состарюсь и умру, кормилица останется со мной и будет ждать приказаний. Долго, целую вечность. Потому что кормилица запрограммирована на меня. Она меня оберегает и делает все, что я ни попрошу. Она должна защищать меня, что бы ни случилось. Если пузыри проникнут в дом, она будет отгонять их от меня. Но у нее, бедняжки, ничего не получится — ведь пузырей так много, и они всегда добиваются своего — губят нас.

1 сентября

Странно, никто не знает, откуда взялись пузыри и почему от них умирают, а некоторые остаются жить, но становятся Другими.

Однажды по телевизору выступал какой-то старичок. Это было уже после того, как отец вышел на улицу.

Отец время от времени включал телевизор, но экран всегда оставался черным. Он и мне велел включать, когда его не станет. Отец был уверен, что остались еще люди и

что кто-нибудь сейчас ищет средство, чтобы уничтожить пузыри. И говорил, что когда час освобождения будет близок, об этом объявят по телевизору.

Отец объяснил мне, что пока уничтожить пузыри невозможно. Даже из огнемета, хотя это очень мощное оружие. Оказывается, еще в первый год люди испробовали всё, что могли, но пузырям ничего не делалось. Только натолкнувшись на людей, они лопались, а люди умирали. Но если не умирали, было еще хуже: становились Другими.

Другие изменяются. Они не растворяются в пене от пузырей, встают и идут дальше, целые и невредимые. Но через несколько дней с ними начинает твориться такое! Например, вырастает множество рук, как у той женщины, что похожа на богиню из старой книги, или целый лес ног, или глаза по всему черепу, или вторая голова, или губы, губы, губы — на подбородке, на шее, на груди. Это ужасно!

Ну вот, старичок по телевизору как раз и говорил про пузыри и про Других. Много дней экран был черным и вдруг засветился. И появился этот самый старичок, он сидел за столом в большой комнате с белыми-белыми стенами и белым потолком. У него был такой усталый вид! В комнате было полно слуг, но не таких, как у нас дома, и они все так сложно устроены, с множеством кнопок и каких-то лампочек.

Мне понравился голос старичка, он был такой теплый, немного похож на голос отца. С ним мне даже стало не так одиноко.

Он сказал, что идет борьба не на жизнь, а на смерть, и что надо надеяться и ждать. И не терять мужества. Настанет день, когда мы победим пузыри. Он говорил долго, я не все поняла, было много трудных слов, но дослушала до конца. Он был очень славный, этот старичок, но такой усталый! И все-таки, когда он говорил: "мужайтесь", голос его звенел и казался молодым...

Старичок объяснил, что ждать придется очень долго, потому что никто не знает, откуда взялись пузыри и из чего они сделаны. И непонятно, каким образом они превращают людей в Других или убивают. Люди уже испробовали всё, все известные средства, но пока уничтожить пузыри не удается. Многие погибли в этой борьбе и кто знает, сколько еще погибнет. Даже некоторые из Других предложили свою помощь, потому что они сами в ужасе от того, что с ними случилось. Другие могут спокойно выходить на улицу, поэтому они часто оказываются прямо-

таки незаменимыми. Мы должны быть им благодарны за то, что они борются вместе с нами.

Еще старичок сказал: многие ученые считают, что пузыри зародились очень давно, сто или двести лет назад, но появились только в наши дни. Может быть, говорил он, мы сейчас расплачиваемся за ошибки наших предков, которые экспериментировали так и эдак с ядерной энергией, неосторожно играли с силами, о которых знали так мало. Мы расплачиваемся за их глупость — ведь они хотели использовать атом только для того, чтобы убивать, а могли бы с его помощью обеспечить своим потомкам райскую жизнь. В те времена над нашей планетой скопилось слишком много радиации, и ученые думают, что именно она мало-помалу породила пузыри. И я тоже, добавил старичок, склоняюсь к этому мнению.

Но мы боремся, продолжал он, и поскольку все современные науки пока бессильны, мы хотим поднять архивы, покопаться в старых книгах, может, они подскажут нам какой-то выход.

Потом старичок сказал, что телепередачи требуют больших затрат времени и денег, которые так нужны для борьбы с пузырями, поэтому он будет говорить с нами редко, но постарается держать нас в курсе, если будут какие-то успехи. Еще раз повторил: мужайтесь.

Я часто думаю об этом старичке. С тех пор я его не слышала, да и никого другого. Телевизор больше не включается. Интересно, неужели он сказал правду и прежний мир еще вернется? Ох, как бы мне хотелось!

5 сентября

Та Другая опять приходила под окно. Странно, но теперь она уже не пугает меня. Не такая уж она и ужасная в конце концов, хоть у нее и много рук.

Сегодня мне было даже жаль ее: бедняжка так хотела мне что-то сказать. Одной рукой она держала маленького ребеночка, а другими все показывала на него. Она металась под окном, и ее длинные черные волосы так и плясали.

А потом она протянула мне своего малыша. Как будто хотела отдать его. Удивительно, но он совсем не был похож на Другого. Такой хорошенький, совсем как мои старые пупсы. Вдруг она сорвала с него пеленки и снова показала его мне. Я увидела, что у него нет никаких изменений, он совсем-совсем нормальный. Такой пухленький, весь в складочках. Он заболтал крошечными ножка-

ми, открыл рот, личико его сморщилось. Наверное, плакал. Конечно, ему вряд ли понравилось, что его вот так распеленали.

Мне не хотелось закрывать ставни, и я замахала на нее руками, но она не ушла. Я увидела, что она плачет. Слезы текли по ее лицу, и она все протягивала мне малыша. Неужели правда надеялась, что я возьму его? Сумасшедшая! Чтобы я открыла окно и впустила пузыри! Правда на улице как раз не было ни одного пузыря. Я опять замахала на нее руками, но она не двинулась с места, и тогда я отошла от окна.

Теперь я все думаю, думаю об этом. Она меня расстроила, эта Другая, у нее был совсем безумный вид. Но не могла же я взять у нее малыша и растить маленького Другого! Да я и не знаю, как с ним обращаться! Никогда не видела живых детей, только игрушечных пупсов, а отец говорил, что маленькие дети едят не так, как мы. Но может быть, кормилица знает? Да нет, с ума я сошла, что ли? Отец страшно рассердился бы, узнай он об этом. Открыть! Другой! И взять маленького Другого! Я не должна даже думать об этом.

Но почему же малыш с виду совсем нормальный? Может быть, он просто слишком мал? Но обычно люди становятся Другими так быстро, если они вышли на улицу и не умерли. Всего за несколько дней... Может быть, малышу и есть несколько дней? Но он очень похож на моих игрушечных пупсов, а отец говорил, что так выглядят дети в два года. Интересно, почему Другая хотела отдать его мне? А что если она уберегла малыша от пузырей и хотела спасти его, чтобы он не стал Другим? Но как убережешься от пузырей? Это еще никому не удавалось.

7 сентября

Я испугалась, очень-очень испугалась. У меня заболел живот, и я решила, что тоже умру, как мама. Я закричала, и кормилица примчалась на всех парах.

Она пощупала мне живот и сердито сказала: ничего страшного, ты просто объелась яблок. Я действительно ем много яблок, я их так люблю. Кормилица дала мне какую-то таблетку, и сразу все прошло. Она может вылечить меня почти от всех болезней.

Отец тоже всегда знал, какую таблетку надо принять, если что-нибудь болит. Но маме он не смог помочь. И кормилица не смогла.

Поэтому он и вышел на улицу — хотел найти врача. Звонить не было смысла — все равно никто не решился бы прийти. Отец взял огнемет и сказал, что приведет врача во что бы то ни стало.

Это было просто безумие, ведь там пузыри, но он все-таки пошел. Он не мог больше видеть, как мама держится за живот и кричит, кричит. Он так ее любил. Наверное, просто сошел с ума — ведь знал, что выходить бессмысленно.

Отец сделал маме укол и мне тоже, чтобы я уснула, и вышел на улицу. Знаю, я не должна так думать, но лучше бы он дал ей умереть — ведь он так и не вернулся, а она умерла все равно. Мне сказала об этом кормилица, когда я проснулась. Слуги уже успели убрать ее тело, а отца больше не было.

Я плакала и плакала, не могла остановиться, и кормилице приходилось силой заставлять меня есть. Лучше бы он дал ей умереть, да-да! Лучше бы! О чем он думал? Где нашел бы врача? Да если бы и нашел! Любой врач предпочел бы, чтобы его сожгли на месте, лишь бы не встретиться с пузырями.

Иногда я думаю, что сталось с отцом: растворился он или... А что если он там, на улице, и у него много-много рук или ног, или выпали все волосы и по всей голове вылезли глаза, или... Нет, я не хочу думать об этом. Не хочу! Лучше считать отца мертвым.

И все-таки... Если он вдруг придет под окно, как эта богиня Кали? Что я тогда сделаю? Ох, отец, отец, что же я сделаю?

10 сентября

Весь день звонил телефон, но я не подошла.

Когда еще был отец, он всегда подходил к телефону, а случалось, и сам звонил. Он говорил: нельзя жить, не общаясь с людьми, и все искал тех, кому удалось выжить. Но когда пришли пузыри, столько народу умерло в первые же дни, что он почти никому не мог дозвониться. А во многих домах теперь жили Другие, целые семьи стали Другими, и кому бы отец ни позвонил, почти всегда Другие появлялись на экране. Они были такие злые, что приходилось вешать трубку.

А вот старичок по телевизору говорил, что некоторые из Других помогают нам бороться с пузырями. Удивительно: ведь отец уверял, что Другие ненавидят людей. Это потому, говорил он, что мы изолированы от них и потому, что мы нормальны.

Первое время, когда отец ушел, я еще подходила к телефону, но на экране всегда появлялись Другие, размахивая всеми своими руками или тараща множество глаз. Они говорили мне всякие гадости или предлагали выйти на улицу, прогуляться с ними. Я их ужасно боялась.

А потом однажды я увидела на экране нормального человека. Женщину.

Тогда я уже почти перестала подходить к телефону, но он звонил так долго, так упорно, что мне захотелось узнать, в чем дело.

Это была старая женщина с совершенно безумными глазами. Ее отвратительные грязно-серые волосы прядями свисали на лицо, она ломала руки, все сплетала и расплетала пальцы. Увидев меня, женщина быстро-быстро заговорила: "Умоляю вас, деточка, скажите, где мне найти врача? Очень вас прошу, мне непременно нужен врач. Я звоню всем подряд, звоню, звоню... Помогите мне, деточка, хоть кто-то должен мне помочь. Мой муж очень болен. Он умрет, умрет, я останусь совсем одна. Помогите, умоляю!"

Она заплакала. Потом отошла от экрана, и я увидела в глубине комнаты старика. Он лежал на диване. У него было красное, воспаленное лицо, и он прерывисто, с трудом дышал, будто ему не хватало воздуха.

Тут вернулась женщина.

"Видели? Он умирает, он умрет, умрет!"

Она уже кричала, все громче и громче. Не могла я этого вынести. Я повесила трубку.

И расплакалась. Чем я могла ей помочь, что сделать? Я все думала об отце — ему тоже так нужен был врач.

Больше я никогда не подходила к телефону.

18 сентября

Что-то произошло! Произошло наконец!

Я просто не нахожу себе места, все бегаю и бегаю от телевизора к окну, от окна к телевизору, мне не сидится.

Кормилица сердито выговаривает: успокойся, сядь, посиди, вредно так волноваться, но мне кажется, что ворчит она для проформы. У нее такой довольный вид. Может быть, она тоже понимает?

Вот уже несколько дней пузырей на улице стало гораздо меньше, и Других я почти не видела. Богиня Кали с малышом тоже больше не появлялась.

Но я и представить не могла, что это наконец произошло!

Скоро вернется прежний мир! Ура! Скоро вернется прежний мир!

Отец был прав, и тот старичок был прав! Мы победили!

Я включила телевизор, и вдруг экран, который последнее время всегда оставался черным, засветился. Я увидела ту же большую комнату, где когда-то был старичок, но на этот раз на его месте сидел молодой человек. И вид у него был совсем не усталый. Он говорил быстро, громко, звонким голосом, а глаза у него так блестели!

Сначала до меня даже не дошло, о чем он говорит. Это было настолько невероятно! Я слышала отдельные слова, но они как-то не складывались. Потом я вдруг поняла, что плачу. Неужели от счастья тоже плачут — ведь я была так счастлива, что казалось, сердце вот-вот разорвется на мелкие кусочки? Наверное плачут и от счастья — все лицо у меня было мокрое.

О, отец, отец, почему ты не можешь этого слышать? Мы победили! Мы уничтожим пузыри!

Молодой человек все говорил, говорил своим звонким голосом. У нас теперь есть оружие против пузырей, сказал он, и защитная одежда, в которой можно выходить на улицу. Уже сейчас команды добровольцев освобождают наш город от пузырей.

Потом он заговорил другим тоном: строго и настойчиво. Ни в коем случае нельзя пока выходить, сказал он. Еще рано. В городе осталось много пузырей. Наберитесь терпения. Вы ждали так долго, зачем же теперь губить себя излишней поспешностью? Это было бы просто глупо, правда? Наши добровольцы сами придут за вами с защитной одеждой. Сидите по домам и ждите. Осталось потерпеть совсем немного.

Потом показали команду добровольцев за работой. Я увидела на экране улицу, совсем как наша, и по ней шли человек десять. Они были одеты в какие-то черные мешки, твердые, будто сильно накрахмаленные, эти мешки закрывали их с головы до ног, только наверху было прозрачное окошко для глаз. На руках у них были такие же черные, твердые перчатки, и каждый держал большую трубку, очень похожую на отцовский огнемет, только гораздо толще и длиннее.

И вот появились пузыри, несколько больших пузырей быстро летели прямо на них. Они подняли свои трубки, прицелились, и вспыхнуло что-то голубое, такое блестящее, что у меня опять потекли слезы. И пузыри лопнули. Прямо на земле, людей даже не задело.

Вот здорово — лопнули проклятые пузыри! Я закричала: "Молодцы! Так их! Так их!"

Тут пришла кормилица и позвала меня обедать. Я ее прогнала — как можно думать о еде, когда тут такое творится, и я вот-вот увижу прежний мир!

21 сентября

Наконец-то! Сегодня я видела людей и говорила с ними!

Я просто сгорала от нетерпения! Целыми днями стояла у окна, но улица по-прежнему была пустой, только теперь почти не осталось пузырей, а Другие совсем не появлялись.

Несколько раз по телевизору говорил тот же молодой человек, но он все повторял одно и то же: "Наберитесь терпения, за вами придут". Мне это в конце концов надоело. Что, я мало терпела? Я злилась, гоняла кормилицу, та ворчала.

Но кормилица-то и позвала меня. Я опять смотрела телевизор и вдруг услышала за спиной: "Иди сюда, Моника, посмотри".

Я кинулась к окну. По нашей улице шли люди в этих страшных черных мешках!

Я закричала, совсем забыв, что меня все равно не услышат. Но я так размахивала руками, что в конце концов они меня заметили и подошли к окну, делая мне какие-то знаки.

Еще три дня назад я повернула рычаг в подвале, так мне не терпелось. Я рванулась к двери, распахнула ее настежь и они вошли!

Быстро захлопнули за собой дверь и сняли черные мешки. Их было двое.

Один высокий, другой маленький. У высокого были черные волосы, а его карие глаза искрились весельем. Когда он улыбался, лицо вдруг будто озарялось светом. Тот, что поменьше, был кругленький, с очень кудрявыми светлыми волосами и маленькими голубыми глазками на пухлом лице.

Высокий сказал:

"Что я вижу! Лорелея с длинными волосами! Зеленоглазая Ундина в золотом плаще!"

А маленький:

"Да заткнись ты! Еще испугаешь малышку своими шуточками, которых все равно никто не понимает".

И я действительно ничего не поняла, но ничуть не испугалась.

Потом они назвались. Высокий сказал: Фрэнк, маленький: Эрик. Моника, ответила я. Они пожали мне руку и заявили, что я должна их поцеловать.

"В конце концов, такое случается не каждый день",— сказал высокий.

И я поцеловала их, и это было так странно — ведь я никогда никого не целовала, кроме отца.

Фрэнк спросил:

"Вы что, совсем одна здесь, Моника? Где ваши родители?"

Я быстро ответила:

"Мама умерла, а отец... он вышел на улицу".

Глаза его погрустнели, он положил руку мне на плечо.

"Давно, Моника?"

"Три года уже".

Он вздохнул, потом сказал:

"Не надо больше думать об этом, теперь вы будете счастливы. А сколько вам лет?"

"Шестнадцать".

Они вдруг замолчали и переглянулись.

Фрэнк переспросил:

"Всего шестнадцать? Да, в самом деле, как я сразу не догадался, вы такая юная..."

А Эрик тут же перебил его:

"Давно вам исполнилось шестнадцать?"

"В прошлом месяце".

Они опять замолчали и посмотрели друг на друга. У них был такой смущенный вид. В чем дело? Ну и что же, что мне только шестнадцать? Они считают, что я слишком молода? Что я еще девчонка? Но они так смотрели, будто им было жаль меня, очень жаль.

Фрэнк погладил меня по щеке, а Эрик отвернулся.

И я вдруг тоже смутилась, мне стало не по себе и как-то грустно, не знаю, почему. Я хотела спросить их, что случилось, но у меня не хватило смелости.

22 сентября

Жду Фрэнка, он скоро придет за мной.

Я передвинула столик к окну, пишу и все время поглядываю. Вряд ли мне придется дальше вести дневник, ведь пузырей скоро не будет. Наверное, это последняя запись.

Подумать только, я выйду на улицу! Даже не верится.

Я спросила Фрэнка:

"А вы покажете мне прежний мир?"

Он как будто чего-то испугался, а потом ответил:

"Конечно, девочка, конечно, я все тебе покажу".

Но вид у него был совсем невеселый. Почему же? Мо-

жет быть, прежний мир не так хорош, как я думала? Или теперь все стало по-другому?

Какая разница? Я все равно выйду на улицу, и это так чудесно! И все будет чудесно!

В общем, я была бы совершенно счастлива, вот только... Дело в том, что я наконец поняла, почему та Другая хотела отдать мне своего малыша. Ох, надо было мне его взять, ведь вчера я случайно услышала, о чем говорили Фрэнк и Эрик, а сегодня по телевизору видела своими глазами.

Я вчера на минутку отлучилась: мне так хотелось быть красивой, и я решила надеть мамино платье. Они сидели в библиотеке, кормилица подала им тот мутный напиток, который она всегда готовила отцу, а мне не давала.

Я вернулась на цыпочках, чтобы они увидели меня в дверях и удивились. И вот что услышала.

"Мы не должны этого делать,— говорил Фрэнк.— Это бесчеловечно! В конце концов, они тоже имеют право жить. Разве это их вина? Неужели нельзя как-нибудь по-другому, ну, поместить их в заповедники, что ли?"

"Как-нибудь по-другому нельзя,— ответил Эрик,— и ты это знаешь не хуже меня. Они неизлечимы, а может быть и заразны. Выхода нет. Это вынужденная мера".

Фрэнк воскликнул сердито:

"Не знаю, как ты, а я просто не могу палить в них! Не могу, и все тут. Это же чудовищно! Какой стыд!"

Тут Эрик быстро-быстро заговорил каким-то тонким голосом. Странно, он будто бы защищался. Совсем как я, когда кормилица меня бранит, и я знаю, что за дело, но все равно не хочу признать, что неправа.

"Закон есть закон,— сказал Эрик.— Ничего не попишешь. Иначе мы все заразимся".

Фрэнк перебил его:

"Мы ведь даже толком не знаем, действительно ли они опасны. И эти дети! Столько детей!"

"Нельзя рисковать. Дети Других с виду нормальны. Поди разберись, кто из них заражен! Это невозможно".

"А что если у них иммунитет? Никто ведь даже не пытался выяснить... А здесь-то вообще не может быть и речи..."

"Есть решение Совета, черт побери! Пузыри появились шестнадцать лет и два месяца назад. Цифры — упрямая вещь".

Что-то хрустнуло у меня под ногами, оба вздрогнули и замолчали.

"Заткнись!— прошипел Фрэнк.— Она может войти в любую минуту".

Тут я открыла дверь и сразу увидела, что понравилась им, но мне было не так радостно, как я предвкушала, потому что я начала понимать... А сегодня утром до меня дошло окончательно.

Я смотрела телевизор, опять показывали, как добровольцы освобождают город от пузырей. И вдруг я увидела еще кое-что.

По улице бежал Другой. Он не мог бежать быстро: у него было много ног, бедняга путался в них и все время спотыкался, но было видно, что он бежит из последних сил, пытаясь спасти свою жизнь. Человек в черном мешке поднял огнемет, прицелился — и от Другого осталась только маленькая черная кучка на мостовой.

Эта улица тут же исчезла, и стали показывать что-то еще. Наверное, они не хотели, чтобы мы видели такое. Но я уже все поняла — ведь я слышала вчера, о чем говорили Фрэнк и Эрик.

Всех Других убивают. Вот.

Ох! Фрэнк был прав, мне тоже кажется, что это нехорошо. Конечно, Другие ужасны, но все-таки...

Так вот почему богиня Кали так хотела отдать мне своего ребенка! Она, наверное, все знала. Неужели ее тоже сожгли? У меня бы рука не поднялась убить богиню Кали. А как же ее малыш? Он выглядел совсем нормальным!

Нет, это нехорошо, жестоко. Отцу бы тоже не понравилось.

Не надо больше об этом думать. Разве можно грустить сегодня — такой чудесный день, я жду Фрэнка и скоро выйду на улицу. Смотрю в окно и вот...

Вот он идет! Но нет... Это Эрик. Наверное, Фрэнк не смог прийти и попросил Эрика. Немножко обидно. Эрик тоже очень славный, но лучше бы пришел Фрэнк.

С ума сойти, до чего медленно он идет! Опустил голову... Странно, он не мог не видеть меня в окне, я помахала ему, а он не ответил. В чем дело?

В руке у него огнемет. Зачем? И почему он идет так медленно?

Подходит. Сейчас открою ему дверь.

Наконец-то я увижу прежний мир...

Клод Шейнисс

САМОУБИЙСТВО

Сероватый дневной свет, просачиваясь сквозь пыльные и потрескавшиеся стекла маленького окна, падал на деревянный стол, составлявший вместе с плетеным дачным креслом всю обстановку комнаты. На грязном полу были свалены в кучу хрупкие лабораторные сосуды и приборы, изготовленные еще до войны и добытые теперь ценой множества ухищрений. Парадный портрет императора Франца Фердинанда, висящий на стене, со скукой озирал вечный календарь, на котором стояло: Ноябрь, 8, 1934.

Донесся звук приближающейся английской ракеты — она долго выла, прежде чем взорваться где-то в долине. Профессор даже не поднял головы, чтобы проследить за ее полетом. Он не испытывал ни малейшего беспокойства — уже год после окончательного разрушения военных заводов последними бомбами никто из уцелевших противников не располагал больше атомными боеголовками. Оставшиеся ракеты, заряженные обычной взрывчаткой,— последнее усилие умирающей войны,— уже не могли напугать тех, кто знал, что такое настоящая Бомба.

В сущности, война могла продолжаться еще долго, как бы по привычке,— привычке 12-летней давности,— а, собственно, просто потому, что ни в одном враждующем лагере не осталось никого, кто был бы уполномочен подписать перемирие. Насколько было известно профессору, Империя больше не существовала.

Многочисленные армии распадались, и солдаты, забыв

присягу, объединялись в шайки и большие банды, которые громили целые области, сея страх и разрушения и не щадя даже свою страну.

Несколько крупных соединений, которые еще держали в руках энергичные и до сих пор не расставшиеся с иллюзиями офицеры,— такие были в каждой армии, — стреляли последними снарядами, запускали последние ракеты как придется, не интересуясь, куда посылают смерть.

И не было ни победителей, ни побежденных в разрушенном мире, где последние островки цивилизации исчезали один за другим. Уже полгода профессор, один в своей затерянной в горах Тироля лаборатории, не мог восстановить связь с Инсбруком. О том, чтобы самому отправиться туда, не могло быть и речи: весь север, первым испытавший на себе атомные бомбардировки, превратился в мертвую пустыню. После Швейцарской Октябрьской революции радио Цюриха либо молчало, либо время от времени передавало бессвязные и противоречивые воззвания.

28 июня 1914 года в Сараеве эрцгерцог Франц Фердинанд не счел нужным скрывать от военного коменданта своего плохого настроения. Было от чего испортиться настроению: приехав удостовериться в окончательном объединении Боснии под скипетром его дяди, престарелого Франца Иосифа, он увидел враждебный город, провожавший кортеж глухим молчанием.

Даже солдаты местного боснийского полка, стоявшие вдоль улиц, всем своим видом и тем, как они держали оружие, давали понять, что предпочли бы другой визит — Петра Карагеоргиевича, короля Сербии. В открытой машине эрцгерцог и его супруга были великолепной мишенью: хоть Фердинанд и славился смелостью, он все время чувствовал озноб, пробегавший по спине.

Но ничего не произошло. Автомобиль прибыл на вокзал, где "Боже, храни императора" было исполнено остервенелой бандой, которая, должно быть, втайне разучивала гимн Сербии. Фердинанд помог герцогине подняться в вагон, обернулся, пожал без особого тепла вялую ладонь губернатора, поприветствовал в последний раз враждебную толпу и облегченно вздохнул, когда поезд тронулся...

Движение к гибели началось с 1910 года. Правители всех европейских стран рассчитывали — и не без оснований — на неизбежную мировую войну через 10-12 лет и

вели приготовления к тому сроку, когда Австро-Венгерской империи удастся собрать свои разрозненные армии и объединить их боевую технику, а России превратить в боеспособное войско неорганизованную массу численностью в несколько миллионов человек. Что же касается Германии, план строительства боевых кораблей, представленный стариком Тирпицем, показался абсолютно безумным, и император Вильгельм II согласился с ним только потому, что был уверен в его неосуществимости: этот план должен был сделать немецкий флот вдвое сильнее английского и французского вместе взятых. Тем не менее в июне 1922 года старый адмирал торжественно доложил своему императору, что сотня дредноутов готова покинуть секретные верфи и водрузить над морями знамя Гогенцоллернов.

Но и Антанта не дремала: стремясь к реваншу в течение тридцати лет, Франция должна была принять на себя первый удар — или нанести его,— она готовилась по первому же сигналу перебросить на границу около ста дивизий. За ее надежной спиной англичане могли спокойно организовывать мобилизацию. И наконец к 1916 году двумя союзниками в большой тайне было разработано страшное оружие: бронированный автомобиль с мощной пушкой, способный двигаться по любой местности и преодолевать любые препятствия: вместо колес у него были гусеницы, как у трактора. Множество этих "танков" (название, принятое из соображений секретности) стояли наготове, а экипажи обучались в строжайшей тайне.

Со стороны их вечного противника было еще хуже, много хуже: с 1915 года немецкие химики работали над созданием удушающего газа, обещавшего блистательную победу — германская пехота могла продвинуться вперед с обычным оружием, используя фильтрующие маски и не встречая никаких препятствий, кроме множества трупов. Применение этих же газов мощными люфтваффе позволило бы добиться сокрушительного эффекта на всей вражеской территории: считалось, что паника уцелевших заставит правительство поспешно капитулировать. Результаты семилетних поисков превзошли все ожидания, и химики были полны оптимизма...

Но физики Антанты тоже трудились, не покладая рук. 11 мая 1919 года британский исследователь Резерфорд обратил внимание премьер-министра на фантастическую энергию, якобы содержащуюся в атомах, и пообещал высвободить ее, если ему будут предоставлены необходимые

средства. Новый проект получил имя своего создателя, собрав лучших физиков двух держав Антанты в строго засекреченных лабораториях.

Между тем профессор Эйнштейн тоже кое о чем догадывался, и этих догадок оказалось достаточно, чтобы знаменитый теоретик, осыпанный милостями кайзера и глубоко преданный Германии, спрятал в карман свой пацифизм и стал руководить лабораторией, которая могла бы наконец создать Оружие с большой буквы. Все было готово.

Катастрофа разразилась в июле 1922 года из-за банального дипломатического инцидента. За три дня весь мир оказался втянутым в войну. Через месяц потери всех сторон составили 20 миллионов убитыми.

Первые же дни опровергли все прогнозы. Господству англичан на море был положен конец: экспедиционный британский корпус был отброшен вглубь Ла-Манша броненосцами Тирпица, а с ним и гордость лордов Адмиралтейства — Великий флот. Но французская армия уже двинулась к Ульму и Аугсбургу, ее танки сметали все на своем пути. Немцы сделали ставку на Газ, но прежде чем последний французский солдат перестал биться в удушье, на Рур упали первые Бомбы.

Сто миллионов погибших за полгода. Города Рура и Рейна превратились в застывшие кратеры. Север Франции к концу года стал свалкой разлагающихся трупов в клубах зеленого газа.

К концу первого года войны — двести миллионов трупов. Затем бойня приостановилась: противники окапывались, мирное население еще старалось выжить среди руин; кроме того требовалось время, чтобы пополнить арсеналы. Война затягивалась без какого-либо перевеса одной из сторон, без больших побед и явных поражений. Даже те, кто еще сохранял нейтралитет, вынуждены были принять чью-либо сторону. Проиграла одна лишь Цивилизация. Не оставалось никакой надежды: потери были слишком огромными. Все крупные города, все большие заводы просто исчезли с лица земли. Транспорта не было. Тех, кого не доконали Бомбы и Газы, приканчивали Голод, Чума и Тиф.

Профессор обхватил голову руками, его одолевали сомнения, усталость и уныние. Консервы кончились, эпидемия тифа уже унесла всех его ассистентов. Если сейчас

умрет и он, все будет потеряно, даже самая последняя, такая хрупкая надежда.

8 ноября 1934 года. Экономя продукты, он сможет продержаться до конца года: у него в запасе почти два месяца. Если бы только его друг Эйзенберг не отправился в Инсбрук еще раз, чтобы попытаться раздобыть конденсаторы...

В крайнем случае, при некоторой изобретательности, изменяя схему, можно было добиться хороших результатов в проекте "Последний шанс" и без конденсаторов. А без Эйзенберга, опираясь на несколько случайных записей, работать трудно. Невосполнимая потеря... Эйзенберг был основателем проекта. В ушах профессора еще звучали слова, которые он повторял год назад: "Да, история, какой мы ее знаем, вполне вероятна, но не достоверна. Это всего лишь наиболее вероятное Прошлое. Но мы можем, да, вполне можем вмешаться, чтобы заставить судьбу поверить в другую вероятность, и это наш последний шанс. Конечно, речь не идет о том, что мы сами окажемся в Прошлом, это невозможно, это нарушило бы закон Причинности. Но мы теперешние можем повлиять на нас самих в Прошлом. Заставить нас прежних сделать то, что надо — то, что будет надо... я хочу сказать: то, что надо было сделать, чтобы изменить будущее, их будущее. И мы сделаем это".

Профессор вздохнул, открыл ящик, бросил взгляд на старый пистолет, купленный двадцать лет назад. Он очень устал, велико было искушение покинуть этот гибнущий мир. Потом пожал плечами и закрыл ящик. Тогда как то, что он готовил...

Он великолепно изучил все подробности истории десяти лет, предшествовавших войне. Надо было действовать намного раньше: о том, чтобы погасить уже вспыхнувшую войну, не могло быть и речи. Оттянуть ее значило всего лишь усугубить последствия. Война должна была разразиться до того, как оружие достигнет ужасающей разрушительной силы, до начала этой гонки за смертью, необходимо вскрыть нарыв прежде, чем он превратится в гангрену.

Чем раньше, тем лучше... Но он был ограничен своим возрастом. Вмешаться в августе 1911 года в дело Агадира было очень заманчиво: достаточно убить кайзера Вильгельма во время его визита в Танжер. Преступление могло быть приписано агенту французов, и, следовательно, началась бы штыковая война — без авиации, без автоматического оружия, без Газа, без Бомб... Она была бы короткой

и не слишком кровавой. Но как осуществить это в такой отдаленной стране шестнадцатилетнему ученику Венской гимназии?

Ему было девятнадцать во время сербских событий в августе 1914-го. Это еще годится, но дальше откладывать нельзя: в следующем году немецкие химики запустят в производство Газ. Конечно, применят его в войне, но не успеют усовершенствовать. Поэтому можно надеяться, что война завершится хотя бы до 1919 года. А после нее в проекте Резерфорда не было бы смысла и появление Бомбы задержалось бы еще лет на двадцать.

Что ж, 1914-й... Война будет долгой и страшной, но не настолько, чтобы уничтожить цивилизацию...

Профессор Принцип поднял голову, посмотрел на портрет человека, которого собирался убить, и взялся за работу.

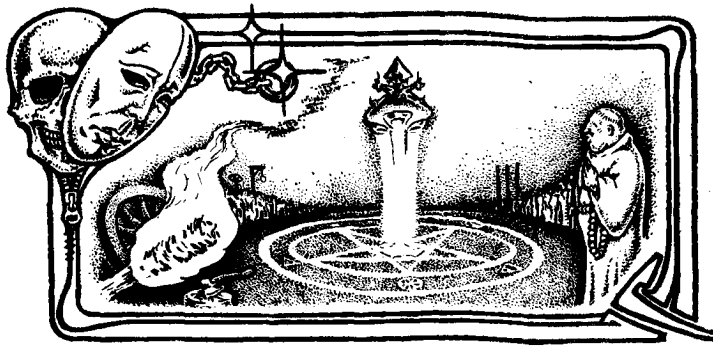
28 июня 1914 года В Сараеве эрцгерцог Франц Фердинанд не счел нужным скрывать от военного коменданта своего плохого настроения. Было от чего испортиться настроению: приехав удостовериться в окончательном объединении Боснии под скипетром его дяди, престарелого Франца-Иосифа, он увидел враждебный город, провожавший кортеж глухим молчанием.

Даже солдаты местного боснийского полка, стоявшие вдоль улиц, всем своим видом и тем, как они держали оружие, давали понять, что предпочли бы другой визит — Петра Карагеоргиевича, короля Сербии. В открытой машине эрцгерцог и его супруга были великолепной мишенью: хоть Фердинанд и славился смелостью, он все время чувствовал озноб, пробегавший по спине.

Первые выстрелы почти не удивили эрцгерцога. Не торопясь, как в тире, студент Принцип несколько раз нажал на спуск браунинга. Эрцгерцогиня, пытавшаяся заслонить Франца-Фердинанда, упала. Принцип сделал последние выстрелы тщательно, прицеливаясь наверняка.

Он отказался отвечать на вопросы следователей, а во время процесса замкнулся в надменном молчании. Впрочем, процесс этот прошел почти незамеченным: уже бушевала война.

Он умер в 20 лет, так никому и не объяснив своего поступка.



Жерар Клейн

ЧЕРНАЯ МАГИЯ

Они парили в рубке управления. Безмятежно плавали меж пультами, перемигивающимися огоньками, звездными картами, приборами. Вокруг них по прихотливым орбитам носились вещи.

Они парили так уже трое суток. Ели, спали, дышали, читали и подсчитывали, плавая по рубке.

Звездолет вышел из строя. Корабль, плод трехвековых усилий астронавтики, двух столетий космических исследований, испытаний и ошибок, миллионов исписанных и исчерченных листов бумаги, еще хранивший память о прикосновениях тысяч рабочих рук, заснул посреди бесконечного пространства.

Они не могли прийти в себя от досады. Их корабль, первый, который люди решились запустить за пределы орбиты Марса, в полный опасностей пояс астероидов, первый, покинувший спасительную гавань, очерченную эклиптикой, первый, созерцавший своими стеклянными очами звезды там, откуда их не видел никто другой, бесстрастно ждал ремонтного корабля, который не прилетит никогда. И было бессмысленно что-то ремонтировать самим: они могли угадать поломку и с первого раза и через тысячу лет.

Каждый час они пытались запустить двигатели, но безуспешно, хотя всякий раз с надеждой склонялись над приборной панелью, ожидая, что стрелки датчиков наконец дрогнут — но замершие стрелки даже не колебались. Когда двигатели начали глохнуть, едва удалось изменить курс и

выйти на орбиту вокруг крохотного далекого Солнца.

С тех пор они ждали в тусклом свете аварийных ламп. Их переполняла ярость, но все трое избегали резких движений, опасаясь удариться о металлические переборки; они даже старались глубже дышать, чтобы меньше крутиться вокруг собственной оси.

— Ну и пессимист же ты, Бартелеми,— хмыкнул Андре.

— Земля далеко.

— Мы должны были улететь еще дальше.

— А затем вернуться.

— И мы вернемся,— примирительно сказал Гийом.— Мы снова возьмемся за работу и, может, найдем причину аварии.

— Почему бы не разыграть, какой блок испытать теперь?

Гийом бросил монетку. Та пролетела через всю рубку, ударилась в переборку, отскочила и принялась крутиться крошечной планеткой вокруг погасшей звезды.

— Судьба решила за нас: не чиним ничего. Играем в карты и ждем.

— Ремонтного грузовика?

Последовало молчание.

— Идиоты,— вдруг взорвался Бартелеми.

— Ты о ком?

— О тех, кто писал статейки, которые я читал перед отлетом. Они говорили, что человек впадает в безумие, увлекаясь скоростью, что бессмысленно возить пустые головы со скоростью света, что прогресс человека тут соответствует его тщеславию. Они говорили, что если хочешь узнать дорогу — лучше ходить пешком.

— Ну и что?

— Они ничего не поняли. Они считали себя бессмертными. Они думали, что могут прогуляться до Альдебарана и обратно в скафандре, бросая каждые десять километров по зернышку риса.

— Быть может, им просто не очень-то хотелось на Альдебаран.

— А потому вместо этих идиотов отправились мы. Чтобы через век-другой их потомки капали на мозги нашим: кому, мол, нужно завоевание звезд? Пределы человеку поставлены самой Солнечной системой. Зачем летать быстрее добрых старых звездолетов? Не лучше ли делать так, как делали всегда?..

— В тебе все еще говорит астронавт, Бартелеми. Успокойся. Ты не любишь прошлого?

— А за что мне его любить? Я его не знаю.

— Тогда послушай. Известно тебе, что делали на парусных судах во время штиля пять или шесть веков назад?

— Ругались.

— Вероятно. И ждали чуда. Нас отсюда может вытащить только чудо.

— А почему бы и нет? — хмыкнул Андре.— Чудо бы нам не помешало.

Он неосторожно дернул рукой и отлетел к переборке. Затем поплыл обратно к своим товарищам.

— Ты что, рехнулся, Андре, или шутишь?

— Пока не знаю. Но почему бы не попробовать? Это не затянется ни на век, ни на тысячелетие. А нашего положения не ухудшит.

Гийом и Бартелеми, огорченные, внимательно уставились на Андре.

— Мы же не в средневековье.

Андре скрестил руки на груди и уселся в метре от пола.

— А знаете, что я сейчас делаю? — спросил он.

— Корчишь осла,— ответили ему хором.

— Нет. Левитирую. Святые иногда занимались этим, и такое называлось чудом.

На лице Бартелеми изобразилась напряженная работа мысли.

— Почему бы не попробовать? — повторил Андре. — Давайте рассуждать по-научному. Представьте, что параллельно нашей Вселенной, которую мы знаем, расположена другая, которая соответствует... скажем, некоторым верованиям, сознательно отброшенным нами. Примите существование Бога как научный факт. Что логически из этого вытекает? Возможность чуда. Статистически вероятная реализация молитвы. Дайте мне *веру*, как выразился бы Архимед, и я переверну весь мир.

— Утилитарная точка зрения,— начал Гийом,— но...

— Точка зрения чокнутого,— фыркнул Бартелеми. Он попытался изменить позу и начал вращаться.

— А как испросить чуда? — поинтересовался Гийом.

— Точно не знаю. Я не неаполитанец.

— Когда-то я бывал в Неаполе,— скривился Бартелеми.— На редкость грязный город. Там до сих пор на улицах попадаются нищие. Какие рожи они строят!..

— Им случается донищенствоваться до чуда. Говорят, у них опасные методы, книги с заклинаниями и особые святые. А если они не получают удовлетворения, то ставят

рядом с проштрафившимся святым доску с оскорбительными надписями и обращаются к другому.

— Бросим взгляд в будущее,— проворчал Бартелеми.— Отныне в звездолетах рядом с пилотом, штурманом и физиком будет сидеть неаполитанец на случай, если возникнет нужда в его услугах. Он получит право на провоз десяти килограммов свечей и пятисот святых образков. И кроме того, на библиотеку с душеспасительными произведениями.

— Неаполитанцы действительно читают только душеспасительные произведения,— вставил Гийом.— Еще в колледже я знавал одного неаполитанца...

— Не вижу ничего смешного в этой теории, Бартелеми,— отрезал Андре.— Опасаются же на звездолетах физиков. Чем не святотатство?

— Полагаю, вы намекаете на меня! — воскликнул Бартелеми, хватаясь за переборку, чтобы остановить вращение. Недовольный приятелями, он начинал обращаться к ним на "вы".

— Подведем итог,— сказал Андре,— и вернемся к нашим чудесам.

— Надо составить уравнение,— сострил Бартелеми.

Больше всего ему хотелось бы хлопнуть дверью, чтобы все раз и навсегда поняли, что он думает о подобных глупостях, но по ту сторону переборок кроме грузовых отсеков ничего не было, только космос и несколько далеких звезд, безглазые метеориты, да изредка — летящий по своим делам атом водорода.

Оставалось только негодующе отвернуться.

— Нам понадобятся, по крайней мере, одна свеча, несколько образков и текст молитвы. Может, сочиним ее сами?

— Свеча делается из воска,— буркнул Гийом.— Не думаю, что на борту звездолета найдется хоть капля воска. На худой конец сгодится электрическая лампочка.

— Возможно,— кивнул Андре,— но боюсь, этого недостаточно. Насколько мне известно, Бог не любит простых решений.

— Твой Бог — ретроград,— усмехнулся Гийом.

— А вдруг электрический ток помешает нашим молитвам добраться до него...

* * *

Они отыскали воск в запасном аккумуляторе, осторожно сняли его и расплавили восковую перемычку, изолировавшую выводы.

Пока они трудились, Бартелеми молчал, закрыв глаза. В аптечке они нашли кетгут, растопили воск на электроплитке и слили его в пробирку так, чтобы кетгут оказался в центре расплавленной массы. Когда смесь затвердела, они разбили пробирку и получили тонкий коричневатый цилиндрик.

— Теперь надо раздобыть образок,— напомнил Гийом.

— У нас есть микрофильм Библии. Может, этого хватит?

Они прогнали книгу по экрану. Вдруг Андре нажал кнопку. И прочел:

Упования на кощунство подобны семени, унесенному ветром, пене, сорванной бурей.

— Не слишком вдохновляет,— заметил Гийом.

Они выключили свет во всем звездолете, Андре после нескольких попыток зажег свечу. Та загорелась с треском и фырканьем, но вскоре пламя стало гаснуть. Андре удалось поддержать его, обмахивая листом бумаги. Затем они поместили позади висящей в воздухе свечи фотографию с текстом из Библии, приняли коленопреклоненную позу и в два голоса начали молиться. И хоть нелегко им было вспомнить слова, которых они не произносили долгие годы, молились оба вслух и с чувством. Перед их глазами стояла Земля, плывущая в пустоте, зеленый укутанный облаками шар; они спрашивали себя, где пределы Божьей власти, не дерзают ли они преступить их и не впадают ли в грех, переходя границы, положенные смертному Господом.

Бартелеми перестал вращаться: ему вдруг стала отвратительна его фантастическая, пляшущая на стене тень. Он начал молиться — сначала мысленно, потом едва слышным шепотом, затем его голос окреп и присоединился к голосам друзей. Бартелеми тоже молился вполне истово. У каждого из них было свое понимание Бога, впрочем, полной ясности в концепции божественного не имелось ни у кого. Но у них была одна родина, Земля, а в этом мире все люди, когда им угрожала опасность, обращали взоры к незримому властителю. Бартелеми не мог не помнить об этом. Быть может, дело и выгорит,— думал он, но было и другое. Молитва в дрейфующем звездолете с мертвыми приборами и неподвижными стрелками была делом мирным и чистым. Возможно, повторял он себе, иррациональное поведение вызовет реакцию иррационального мира: Бог даст физикам то, чего они ждут, верующим то, чего они страждут, лишь бы веровали они с надлежащим пылом.

С того момента, как заглохли двигатели, перестав сотрясать своим воем кабину звездолета, у них впервые не было страха. Правда, и особых надежд тоже. Они просто ждали. Андре продолжал обмахивать пламя свечи. Потом дунул на нее и погасил — было приятно и странно находиться здесь, висеть в воздухе, вдыхая запах горячего воска. Бартелеми включил свет, и некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом бросились к приборам. Стрелки с места не двинулись. Даже не вздрогнули. Они попытались запустить двигатели, но ничего не вышло. Они снова молча переглянулись. Затем привязались к койкам, опять погасили свет и долго лежали, устремив взгляд в черный потолок, едва подсвеченный красными контрольными огоньками.

— Спокойной ночи,— произнес Гийом.

— Может, это случится ночью,— добавил Бартелеми.

Впервые после аварии они спали без кошмаров.

Проснувшись, они выпили через соломинку горячего кофе, вымыли сферические чашки, поставили их на место и уселись в воздухе. Ни один не решался заговорить.

— Не сработало,— наконец выдавил Андре.

— Угу,— мрачно подтвердил Бартелеми.

— Мы постучались не в ту дверь,— сказал Андре.

— Быть может, лучше было превратиться в мусульман или буддистов...

— Буддисты не верят в чудеса,— наставительно заметил Бартелеми.

Снова воцарилась тишина.

— Быть может, наши молитвы взаимно уничтожились? В какой вере ты рожден, Гийом?

— Мои родители были протестантами. Кальвинистами.

— А твои, Бартелеми?

— Я — еврей.

— А я католик. Полагаю, нам следует перерезать друг другу глотки.

Они переглянулись и расхохотались.

— По правде говоря, мы были дураками, считая, что Господь вот так возьмет и поможет трем проходимцам вроде нас. Мы недостаточно сильно верим в чудеса.

— А теперь стали верить еще меньше.

— Ну что, снова за работу?

Они огляделись: множество табло, бесконечные цветные проводки, бегущие по стенам кабины, и экраны,— мутные, как глаза мертвых рыб. У них даже пальцы свело

при одной мысли, что надо брать в руки отвертки и крутить несчетные винты.

— Поставьте себя на место Бога,— вдруг сказал Андре.— Я не теолог, но подозреваю, наши молитвы только привели его в раздражение. Нам хотелось всего-навсего попользоваться его безграничным могуществом.

— Это мы слыхали,— перебил его Гийом.

— Мы постучались не в ту дверь, а все от излишней гордыни. Мы думали ввести в машину молитву и пламя плохонькой свечи, чтобы получить на выходе добрую тягу, которая выведет нас на должный путь. Детский сад.

— По-моему, я это уже говорил,— пробурчал Бартелеми.

— Попытка не пытка,— продолжал Андре.— Теперь представьте, что Бог готов помочь нам, но обходным путем, так, чтобы об этом не особенно знали, как если бы тягу вместо него создал кто-то другой. Короче, нам надо постучать в другую дверь. В ту, что напротив. Почему бы не попробовать магию?

— Колдовство,— хмыкнул Гийом.— Ересь.

— Нет, если намерения наши чисты.

— Теперь иезуитство,— простонал Бартелеми.

— Бартелеми, кое-кто из ваших рабби занимался магией. Вспомните о раввине Лебе. А сколько умнейших и выдающихся священнослужителей занималось алхимией и белой магией? Что касается протестантов...

— Они жгли колдуний в Салеме, прости нас Господи.

— Один — ноль в пользу Андре,— провозгласил Бартелеми.— Почему бы и впрямь не попробовать? Я знал одного теоретика, специалиста по асимметричным полям, который верил в силу крови рыжей курицы, разбрызганной в полночь на поле с волчьими зубами.

— Он пробовал сделать это? — поинтересовался Гийом.

— Насколько я знаю, нет. Боялся все-таки...

Андре нахмурился.

— Плохо, что в библиотеке звездолета не бог весть сколько магических заклинаний.

— Может, попробуем что-нибудь изобрести? — с надеждой предложил Бартелеми. Его черные глаза сверкнули любопытством.

— И аксессуаров маловато. Где мы возьмем волчьи зубы?

Они размышляли в полной тишине целых три часа. Потом Бартелеми проплыл в направлении пола, открыл люк и в нем исчез.

— Куда это он? — спросил Гийом.

— Надо думать, на прогулку,— усмехнулся Андре.

Им пришлось ждать долго. Трюмы были весьма невелики, но там ждало своего часа множество самых разных вещей — инструментов, оснастки, консервов, книг, фильмов, государственных флагов, предназначенных трепыхаться в водородной атмосфере ледяных планет, лекарств, оружия, горелок (вот только где найти сейфы для вскрытия?), комбинезонов и игральных карт.

Бартелеми возвратился с внушительным фолиантом в руках, дюжиной банок консервов и еще с тюбиками и флаконами, изъятыми из аптечки. Обложка книги была разодрана, а сам Бартелеми скалился во весь рот.

— Ну и что? — вопросил Гийом.

— Честное слово, везуха, что вспомнил об этой книженции. Старинное издание "Улисса", которое я всегда таскаю с собой. Ее переплел мой приятель. Обложка растрепалась, и угадайте, что он налепил на обороте? Страницу из "Альберта Великого".

— А что это такое? — невинным голосом спросил Андре.

— Своего рода сборник магических заклинаний. Между прочим, до известных времен пользовался грандиозным успехом.

— Ладно,— заметил Гийом,— вопрос в том, подходит ли нам данный отрывок.

— Не знаю,— честно признался Бартелеми.— Надо осторожно отклеить этот лист и выяснить, что позади.

Они проделали это с помощью водяного пара, который собрался непроницаемым облаком в центре кабины. Чтобы избавиться от него, пришлось понизить температуру. Облако выпало мелким дождиком и промочило их до костей. Отчаянно ругаясь, они поместили хрупкий листок бумаги на стекло, словно драгоценный образец исчезнувшей флоры. На обороте листка ничего не было. Только белизна. Наверно, им кончалась глава. На лицевой стороне едва читались неясные рекомендации, призывы к осторожности и несколько ужасающих по форме и непонятных по содержанию предупреждений.

Они кружком уселись в воздухе. В полном отчаянии.

— Сожалею,— сказал Бартелеми.

— Ну это зря,— ободрил его Гийом.

— Подождите,— воскликнул Андре.— В трюме есть и другие книги. Может, поработаем со всеми?

Бартелеми усмехнулся.

— Почему бы и нет? — сказал Гийом.— Хоть время убьем.

Андре бросился в трюм. Двое оставшихся прислушались к глухим ударам. Впечатление было такое, что за переборкой сталкивались миры, возникали и гибли вселенные.

Наконец Андре кометой вылетел из трюма, толкая перед собой ворох бумаги, картона, чернил и клея.

Они принялись за работу. Они многое узнали об обложках и искусстве переплета, и вскоре научились отличать хорошую книгу от дешевки. Вторые им нравились больше, их было легче потрошить. Под обложками обнаружилась чистая бумага, обрывки газет, таблица логарифмов и другие куски альманаха, который особо привлек их внимание.

Вдруг Андре издал торжествующий клич.

— Смотрите! — вскричал он.

Это был отрывок статьи. Бумага давно пожелтела, а шрифт выглядел достаточно старинным. В статье говорилось о черной магии и о способе вызывать высших и низших демонов, о заклинаниях и пентаграммах. Меловой круг, дверь в иной мир, запретная черта.

— У нас нет мела,— сказал Гийом.

— Изготовим! — рявкнул Бартелеми. Он схватил флаконы и тюбики с лекарствами.— Мы можем получить карбонат кальция. А может, нам вовсе и не нужен мел.

Андре расхохотался.

— Ты что, собираешься рисовать магический круг шариковой ручкой?

Они изготовили мел. Это оказалось детской забавой, лаборатория корабля была прекрасно оборудована. Под конец они держали в руках белую палочку очень тонкого состава.

— Осмелюсь предположить,— засмеялся Андре,— что наш мел превосходит натуральный.

Троица освободила центр кабины и заспорила, кому читать заклинание.

— Моя идея,— заявил Бартелеми.

— Зато я нашел заклинание,— возразил Андре.

В конце концов стали тянуть жребий.

Читать досталось Андре.

Остальные отплыли в стороны, уступая ему место. Андре опустился на колени и медленно начертал неровный круг. Затем с усердием скопировал с пожелтевшего листка несколько фигур, разместив их по диаметру.

— Гасите свет,— приказал он и зажег свечу.

Он тихонько дул на огонек, чтобы тот не угас, и одновременно пересохшим горлом бормотал странные слова, путаясь в жутком нагромождении гласных и согласных, спрашивая себя, имеют ли значение ударения и достаточна ли его вера в то, что он делает. Пламя свечи съежилось. Во мраке едва различались еще две фигуры, которые едва дыша таращились на него, изредка шумно сглатывая. В круге что-то было. Он чувствовал это спинным мозгом. Возможно ли, подумал он, чтобы империя низших демонов простиралась так далеко в пространстве и во времени; разве их не смело дыхание звездолетов, не стерло мерцание осциллографов, не разогнали математические символы?..

— Выслушайте меня,— произнес он,— тот, который в круге по моей воле. Выслушайте меня, хотя я не верю в ваше существование. Мы трое людей с Земли. Мы заблудились в пространстве. Мы просим вас о помощи, подтолкните нас, чтобы мы могли добраться до родной планеты. Мы готовы отдать вам в обмен все, чем владеем.

Ожидаемого хихиканья не последовало.

В его голове пронесся табун сумасшедших мыслей. А вдруг демон явился из иного мира, а вовсе не с Земли, а вдруг он утащит их в свои владения, в ледяной мир, обращающийся вокруг Сатурна, где им уж точно конец? Везде ли одинаковы ад и Небо?

А вдруг существо, ждущее в меловом круге, потребует их души в уплату за возвращение на Землю? Согласятся ли они на такую жертву? У кого хватит на нее духу? Кто знает... Можно ли обмануть демона? Вечная проблема.

— Вашей помощи,— повторил он,— вашей помощи...

Его терзал ужас. Ужас абсолютный и безграничный, ужас оказавшегося в темноте ребенка, прислушивающегося к шорохам. Он ничего не услышал — ни смеха, ни отклика, не увидел ни проблеска света — только шевелились тени Гийома и Бартелеми, да доносилось их чуть слышное дыхание, будто падали листья на осенней Земле, на прекрасной рыжухе Земли, на которой было так приятно лежать. Эта мысль посетила одновременно всех троих. Они ничего не чувствовали. И вдруг корабль вздрогнул. Вначале они ощутили едва заметную вибрацию. Вернулись на законные места верх и низ. Снова появился вес, но они еще были перышками, клочками бумаги, пушинками одуванчика...

Они стали медленно дрейфовать — к переборке... к полу... снова к переборке... Движение было удивительно мед-

ленным — казалось, до далеких металлических континентов придется плыть века. Потом движение ускорилось.

Сомнений больше не было. Корабль двигался. Двигался все быстрее.

— Мы победили! — вскричали они хором.

Они принялись прыгать. Они чувствовали — к ним, как старая привычка, возвращается вес. Они снова могли играть мускулами. Они сделали несколько неуверенных шагов. Они с хохотом шаркали ногами по полу.

— Куда мы движемся? — спросили все трое.

Штурман Гийом бросился к своему креслу и ласково погладил полированную поверхность мурлыкающего компьютера. Набрал вопрос и получил ответ.

— К Земле,— сообщила машина.

Троица переглянулась.

— Немыслимо,— пробормотал Гийом.

Повисла нехорошая тишина.

— Помолчи,— шепнул Андре.— Он может нас услышать и обидеться.

— Как его зовут?

— Понятия не имею. Впрочем, какая разница. Он выручил нас.

— Еще нет,— возразил Гийом.— Я не могу в это поверить. Не могу поверить, что люди средневековья были правы. Не могу поверить, что мы сами как в средневековье, что все это было забыто, и мы вновь открываем забытое.

...День ото дня Земля росла на их экранах: булавочная головка, шарик, золотистый или темно-синий плод, весь в пестрых бликах. Потом они увидели Луну. Траектория их движения была математически безупречной. Они мечтали, как однажды огромная невидимая рука усадит их на зеленый луг. Или, вдруг оробев, оставит на подходе к Земле, а они вызовут оттуда базу, и когда за ними прилетят, поведают спасителям свою историю.

Но иногда сомневались, стоит ли ею делиться. Они обсуждали этот вопрос очень долго, но к согласию не пришли. Они часто меняли мнение и бросались защищать ту точку зрения, которую разносили часом раньше. Отыскивались все новые "за" и "против".

— Это очень важно,— горячился Андре.— Мы не имеем права умалчивать об этом.

— Нам не поверят,— возражал Гийом.— Кстати, может он и не хочет вовсе, чтобы о нем упоминали.

Запутавшись в предположениях насчет могущества заклинания, они сделали попытку провести анализ качеств мелового круга, и незаметно для себя оказались в небе Земли.

Тут Гийом заметил кое-какие странности.

— Небо пустое,— сообщил он.— Никаких ракет. Никаких спутников.

Трое склонились над экранами. В небе было чисто. Но планета была несомненно Землей. Они узнали очертания континентов и облака — лицо и маску планеты,— внутренние моря, сверкающие, как глаза среди гор-век. Корабль тормозил. Они тихо опускались вниз.

— Ничего не узнаю,— сказал Гийом.— Америка. Должны же быть видны города!..

Спустя несколько часов они проплыли над Европой. Они летели совсем низко, за обшивкой свистел воздух.

— И я ничего не узнаю,— странным голосом проблеял Андре.

Стрелка альтиметра была почти на нуле. Они уже различали леса, пашни, непривычные постройки. Потом увидели город. И поняли, что именно он был их целью. Город под ними выглядел невероятно. Низенькие дома лепились друг к другу так, что невозможно было различать улочки. Они спустились еще ниже и увидели толпы странно одетых людей, горбатые крыши зданий их поразили. Над городом возвышались башни из резного камня, вокруг вились крепостные стены, и им показалось, что они поняли.

Они уже не сомневались, что поняли, когда увидели оживление в городе и костры на главной площади, принятые ими поначалу за прожекторы. Корабль был достаточно низко, чтобы рассеялись последние сомнения. Они почти слышали рев толпы, звон колоколов и лязг оружия, ударявшегося о стены.

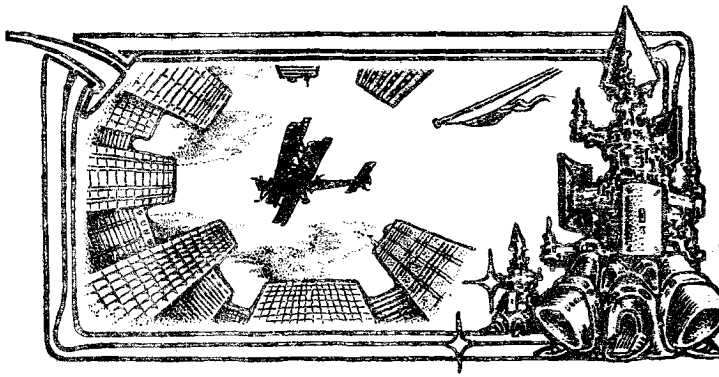
Они плыли над самой землей. Корабль опускался медленно, словно воздушный шар.

— Время,— прохрипел Гийом.— Не только пространство, но и время. Он приволок нас к себе.

— Как они нас примут? — сипло спросил Бартелеми.

Остальные пожали плечами. Дым костров заволок экраны.

В это мгновение из почти стершегося под их ногами мелового круга донесся гнусный, издевательский смешок.



Марсель Баттен
Мишель Эрвен

МОРЕ, ВРЕМЯ И ЗВЕЗДЫ

Старый Хари поспешно вскакивает с кресла-качалки. Он остался один на беленой известью террасе. Клацая вставной челюстью, он отпускает в адрес внука пару крепких ругательств — тот забыл разбудить деда после сиесты, и Хари едва не пропустил старт корабля.

Несмотря на хромоту, он может ходить довольно быстро. Бесформенная линялая шляпа натянута на лысый череп до самых бровей. Полы распахнутой жилетки трепыхаются от горячего дыхания южного ветра. Ворот его желтовато-зеленой рубашки тоже расстегнут, и из него торчит морщинистая, как у кондора, шея.

Он идет, загребая больной ногой, по залитой ослепительным полуденным солнцем улице. Позади него лениво трусит длинноногий рыжий пес. Монотонно-прямая улица с домами, дающими скудную тень, безлюдна. Бетон раскален, и токи горячего воздуха от него размывают далекие контуры строений. Весь городок уже давно собрался на площади и на набережной, откуда открывается вид на песчаные просторы мыса Кап Канаверал.

Ему остается пройти всего несколько сотен метров до угла, чтобы свернуть на площадь и влиться в любопытствующую толпу, когда до его слуха доносится неровный чихающий шум двигателя.

Мальчишкой Хари любил мастерить планеры — он приклеивал к тоненьким палочкам из бальзы бумагу, ко-

торая, подсохнув, звенела, как барабан. Планеры взмывали вверх на восходящих потоках воздуха и парили в небесах, иногда на довольно большой высоте, но жизнь этих хрупких конструкций была эфемерна. Когда он подрос, то увлекся более совершенными авиамоделями с жужжащими, как шершни, микромоторчиками. Сколько часов он провел, закинув голову до боли в шее, гоняя свои самолетики по кругу с помощью корда. Он был одинок в своей страсти — пришли времена, когда реактивные лайнеры вытеснили со всех пассажирских линий самолеты с поршневым двигателем, и те стали частными воздушными автомобилями, удобными и относительно быстрыми, хотя безбожно устарели.

Он бросил строить модели с полсотни лет назад — исчезли спиртовые микродвигатели. А вот сегодня, именно в этот день, до его ушей донесся знакомый, восхитительно кашляющий звук.

Хари прикрывает рукой глаза — искусственный хрусталик плохо работает при слишком ярком свете — и задирает голову. Справа от него в небе возникает летательный аппарат. Он, покачиваясь, летит в каких-нибудь нескольких футах над дорогой. Затем "железка" садится на шоссе и останавливается. Винт делает последний оборот, и рокот двигателя стихает.

* * *

Наконец-то под колесами твердая земля, и сразу отступает все, что казалось им дурным сном, кошмаром, который вдруг привиделся обоим. Даже полное отсутствие штилевой зоны вдоль экватора, которую они обязательно должны были встретить, не слишком обеспокоило их. Как впрочем и необъяснимо резкое падение в какой-то ватный океан, а затем неожиданное появление в безбрежно-спокойном лазурном небе. Береговая полоса впереди просто не могла быть ничем иным, как территорией Соединенных Штатов Америки.

Они надолго застыли на своих неудобных сидениях, один позади другого, и не веря собственным глазам рассматривали залитый солнцем крохотный городок на берегу сверкающего океана, из-за которого они прилетели.

Далеко не сразу их лица осветили улыбки, и они принялись поздравлять друг друга, хохоча, как безумные.

Успокоившись, они выпрыгнули на землю. Им уже

жарко в неудобных толстых комбинезонах. Они стянули с головы шлемы и очки. Пилот со шрамом через всю щеку извлек бутылку коньяка. Они уселись на землю и привалились спинами к колесу. Пилот откупорил бутылку и, протянув штурману, сказал:

— Кажется, мы победили, старина.

* * *

Даже шерифу маленького флоридского городка ничто человеческое не чуждо. И по-человечески понятно, что ты занял свое место среди сограждан, собравшихся, чтобы хоть издали посмотреть старт первого корабля, улетающего к звездам. Но когда на твоих глазах на шоссе для реактивных машин садится самолет, следует вспомнить о возможности переизбрания и навести порядок.

Тем более, что все твои сограждане, как один человек, повернулись спиной к Кап Канавералу и высматривают, откуда идет непривычный шум в небе и на дороге. У них глаза едва не вылезли из орбит, когда они увидели совершенно невероятное зрелище. Все они как один пробормотали: "Во дают!" и переглянулись с соседями, призывая их в свидетели.

А раз так, то шерифу остается лишь сдвинуть шляпу вперед и чуть набекрень, взглядом проверить, на месте ли символ власти — звезда, протереть ее обшлагом рукава, да незаметно пощупать, легко ли скользит оружие в кобуре — времена ведь такие,— и уверенным шагом отправиться на место происшествия. Надо посмотреть все самому...

* * *

Хари, волоча ногу и предвкушая необычное, тащится за шерифом. Ему кажется, что воспоминания детства обрели вторую жизнь. Шериф и все остальные понимают, что этот самолетик не должен находиться здесь, поскольку самолету не место на автостраде: он не должен быть здесь, потому что... Все это трудно выразить словами и даже представить мысленно. Похожие машины он видел разве что на старинных гравюрах. Таких самолетов давно уже не делают. Техника, давшая им жизнь, безнадежно устарела. Какие умельцы соорудили это допотопное чудище? Старое сердце Хари бьется чаще при мысли о межзвездных путешествиях, а эти люди — несомненно молодежь —

продолжают жить страстью, которая некогда поглощала его самого, и даже добились большего, ведь он так и не пошел дальше крохотных моделей, они же... С ними надо поговорить, обязательно поговорить. Кто знает, может быть однажды они возьмут его с собой... У него впереди еще немало лет, и он знает, их можно использовать на дело, надо лишь поговорить с этими людьми.

* * *

Шериф застыл перед блаженствующей парочкой и смачно выругался. Его брань сопровождалась широким жестом, как бы говорящим: "мотайте-ка отсюда и немедленно освободите дорогу". Они нервно рассмеялись, все казалось им таким странным. Они забыли про заготовленную речь, собрали остатки английского и забормотали, что они из Франции, from France. Aoh yeah! From France or not from France.* Главное — очистить дорогу, не то он им покажет, заявил шериф, поднося к уху часы, настроенные на Кап Канаверал — до часа Ч оставалось всего десять минут, ten minutes.** Ему не хотелось пропустить старт, и он жаждал вернуться на свое место, а потом, после старта, прийти сюда, но разве можно подумать о таком, когда посреди дороги торчит эта нелепая машина! А побелевшие лица его избирателей?.. "From France", повторяли эти двое и назвали свои имена, но шериф не разобрал их. Тогда они достали из внутренних карманов своих кожаных панцирей потертые раздувшиеся бумажники и извлекли из них документы. ДОКУМЕНТЫ! Они выглядели вполне официально и были новенькими, словно их выдали вчера. В одном из них с печатью американского посольства говорилось, что некто Нюнжесер, пилот, и некто Коли, штурман... Ну и что! Факт был налицо, и его очевидность в глазах Джереми Карпентера, шерифа, и всего населения городка была неоспорима — эта дурацкая машина приземлилась вопреки всем городским, федеральным, международным и межпланетным законам (правда, уверенности в нарушении последних у него не было) на дороге, на авто-

---

* из Франции. Ну и что? Из Франции или не из Франции.

** десять минут

страде, a highway, d'yee und'stand, men?* И почему эти идиоты притворяются, что не знают английского? Известно, что молодые любят make believe,** но не до такой же степени! Да и не такие уж они молодые. Шутники, что ли? А документы? Что ему документы? Им больше ста лет, если даты верны. Черт подери, если они хотят поиздеваться над ним, над шерифом, он им покажет... Эй, Хари, bloody curious,*** куда ты лезешь?..

* * *

Хари стоит у самого самолета, и его старые шершавые ладони ласково гладят обшивку и заклепки. Он трогает полированное дерево винта, обжигает пальцы, коснувшись выхлопных трубок мотора. Запах перегретого железа пьянит его. Не веря самому себе, он медленно повторяет два слова, коряво выведенные на борту рядом с сиденьем пилота: "Уазо Бланк" — "Белая Птица".

Нет, думает Хари, это невозможно. Я вижу сон. Это невозможно. Будь это возможно...

* * *

По толпе пробегает шум, и все разом оборачиваются. Десять минут истекли. "Пять, четыре, три, два, один, ноль". Все прижимают к уху часы. И в то же мгновение видят двойную молнию, вертикально взмывающую вверх. Белую стрелу полированного металла толкает вперед медно-красное пламя стартовых ракет, отрывающих от Земли громадный корабль, чей ионный двигатель заработает лишь в космической пустоте. Долго, целых полминуты, он не исчезает из виду, и Хари, вполголоса и старательно произнося каждый слог, разъясняет авиаторам, что после того, как вся солнечная система исследована и "завоевана", надо двигаться дальше, к другим солнцам, что ушедший в небо корабль строился долгие годы всеми землянами. Понимают ли они это? Едва ли. Его слова не имеют для них никакого смысла, ведь они явились из иных времен, из времен, когда люди усаживались в нелепейшие

---

* автострада, не соображаете, парни?

** розыгрыш

*** чертов зевака

конструкции из металла, дерева и ткани и пускались в сотни раз более безумные предприятия, чем пилоты сегодняшнего звездолета. Кроме этих двоих, сколько их было — братья Райт, Блерио, Фербер, Фарман, Лэтам, Гаррос, Мермоз, Линдберг, Костес — всех не упомнить. И у каждого были свои достоинства и свои недостатки, все они имели обычные человеческие нервы, испытывали обычные человеческие страхи и все же без долгих лет подготовки садились на свои утлые летательные устройства с нежными именами — "Девушка", "Радуга", "Антуанетта", "Знак вопроса", "Дух Святого Луи" — и улетали дальше и дальше, хотя все управление состояло из веревок и самой обычной ручки, "ручки от метлы", как ее называли, крылья были хрупки, как у насекомого, а двигатель едва тянул. Первые авиаторы не успели утратить своей человеческой сути и стать бесстрастными и невозмутимыми подобиями холодных механизмов. Они были просто Людьми, живыми существами из крови и плоти, способными любить и страдать, нервничать и злиться, петь песни и напиваться...

*"Их острые лица и острые носы рассекали воздух, ведь они сидели чуть ли не впереди своих машин".**

Двое мужчин молчат. Может, они понимают или смутно догадываются, что движет экипажем звездолета, но им невдомек — и Хари надеется, что они так и не узнают о том, что отвага звездолетчиков подогревается фантастическим вознаграждением за их труды. Эти двое думают об опасностях, хотя не подозревают, как далека цель путешествия. Хари не хочется их разочаровывать — путешествие будет долгим, но не столь трудным, какими были полеты первых космических кораблей, почти все известно, рассчитано, предусмотрено, и рискуют они меньше, чем пилоты, едва поднимавшиеся над самой травой. Они слушают, но, кажется, ничего не слышат.

* * *

Звездолет скрылся из виду, толпа зашевелилась и медленно потекла к ним. Шериф повернулся к французам. Те вместе с Хари уже оттащили самолет на обочину.

Хари берет французов за руки и ведет в город. Люди

---

* Рене Баржавель, "День огня"

смотрят на них с любопытством, удивляются их одежде, необычному виду самолета. Они толпятся вокруг и почти тут же идут дальше — зрелище быстро надоедает им. Шериф ворчит, что следовало бы отправиться в его кабинет, но скоро, пожав плечами, тоже уходит. А Хари тащит за собой пилотов, похожих на медведей в своих мохнатых унтах.

* * *

"Из другого времени",— эта мысль еще тогда мелькнула у него. И только теперь, шагая вдоль улицы, он понимает всю невероятность ситуации, которую предчувствует только он и которую надо объяснить этим двум. Тем более, что вот этот со шрамом, Нюнжесер? Коли? спрашивает глухим голосом, какой идет год. Хари отвечает и повторяет, чеканя каждый слог: twenty — twenty — one, две тысячи двадцать первый. Они молчат, пытаясь осмыслить его слова, и, удивляясь, продолжают идти рядом. Он неторопливо и заботливо расспрашивает их, словно заболевших детишек. Как прошло их путешествие? Не заметили ли они чего-нибудь необычного, не произошло ли какого-то непривычного события, способного объяснить этот временно́й сдвиг, этот скачок, этот поворот во времени, который остался позади, как и многие километры? И тогда они делятся с ним своими наблюдениями — они не встретили штилевой зоны, затем тонули в каком-то ватном океане, удивлялись бешеной пляске немногих бортовых приборов, ощущению небытия, охватившему их на какую-то долю секунды, и состоянию, похожему на кому, от которого они очнулись, увидев вокруг лазурное небо...

Хари медленно, чтобы они вникли в каждое слово, говорит об ученых, которые давно предполагали, что многие необъяснимые явления поддаются расшифровке, если допустить изменчивость времени, его кривизну, его слоистость и взаимопроникновение слоев, невероятное растяжение и сужение времени и даже его остановку. Вот почему можно подняться в воздух в одном веке, а приземлиться в другом, соскользнув с той временной линии, на которой вам суждено жить с самого рождения. Уйти в небо, когда оно еще не было завоевано, а вернуться после его покорения, когда потомки, подхватив эстафету, устремляются к звездам. Они победили, но победа обернулась поражением. Они кивают головами, они соглашаются,— победа пришла слишком поздно, перестала быть нужной, установленный

ими рекорд давно устарел. Они оказались живыми и бесполезными, ощутили это каждой клеточкой тела. Они не поняли всего, что им сказал Хари — разум человека не в силах за час преодолеть отставание на целый век, как не может человек научиться читать за один день. Но им стало ясно — в 2021 году делать нечего.

И тогда они задали Хари один вопрос — всего один, который не могли не задать — можно ли достать газолин. Бензин. И Хари радостно ответил, что да. У Слима его полно. Слим — это его приятель. Он брюзжит, когда продует в железку, но он — приятель. И он даст бензин. Вот уже долгие годы он хранит запас бензина, хотя сам не знает, зачем. Из обихода слово "бензин" давно исчезло. "Стариковская причуда", — снисходительно усмехается Хари. Слим — приятель. Он даст бензин. Наверняка!

* * *

"Белая Птица" пляшет на дороге, носом к востоку. Крылья подрагивают, как у бабочки. Двигатель чихает, затем начинает ровно гудеть. Самолетик медленно отрывается от земли и тяжело тянет вверх. Он покачивает крыльями, и Хари понимает — ему послали прощальный привет. Стоя посреди дороги, он глядит вслед самолету. Он перенес весь свой вес на здоровую ногу, заложил руки за спину и до боли сжимает пальцы...

* * *

"Слои времени",— сказал старик. Нюнжесер улыбается, и шрам на его лице белеет. По дороге сюда они скользнули в иное время. Может, на обратном пути им повезет?..

Ветер свистит в растяжках. Позади напевает Коли.

* * *

А там, откуда они явились и где их больше никто не увидит, наступает 20 мая. 20 мая 1927 года. Они исчезли одиннадцать дней назад.

Их пока еще не забыли. Их забудут завтра.

Завтра — 21 мая. И на первых полосах газет напечатают новое имя — Чарльз Линдберг.

"Взлетев с аэродрома Бурже 8 мая 1927 года на борту "Белой Птицы", Нюнжессер и Коли навсегда исчезли над Атлантикой. Не удалось отыскать ни малейшего обломка их самолета, и точное место катастрофы осталось неизвестным. Исчезновение их окружено непроницаемой тайной".

майор Росси
(«На службе французской авиации»)

Жерар Клейн

ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК

Спокойным шагом вошел он в белые, сияющие перламутром ворота, и день внезапно сменился ночью, расцвеченной бесчисленными праздничными огнями. Легкий, почти неуловимый аромат витал в воздухе. Сбегающие вниз улочки рассекали ряды причудливых зданий, похожих на нагромождения скал, эти улочки чужого города манили его, хотелось окунуться в оживленную, хотя и не шумную толпу, вслушаться в приглушенный гул незнакомых голосов. Но он чуть было не обернулся, превозмогая искушение еще раз увидеть за своей спиной пустыню, протянувшуюся до самого горизонта.

Оттуда он пришел; он преодолел этот океан песка, а раньше ему пришлось преодолеть другую, еще более безжизненную и равнодушную пустыню — космос. Ибо он был одним из тех странно устроенных существ, что не чувствуют себя дома нигде во Вселенной, а меньше всего там, где родились — он был человеком. И сейчас его матово-бледное лицо походило цветом на тучи белого песка, что окутывают порой странный город, окруженный стеной с семью воротами. Много лет назад впервые услышал он о планете Семи Масок и проделал почти бесконечный путь, чтобы увидеть этот, не похожий ни на какой другой чудесный мир, где, как ему говорили, царит вечный праздник. Свой одинокий корабль он оставил в пустыне, далеко от города, зная, что хрупкие строения рухнули бы, не выдержав потоков энергии, рвущихся из двигателей. И потом день за днем шел он через простран-

ства белого песка, потеряв счет расстояниям, когда не было вокруг ничего, кроме пустыни и медленных песчаных рек, что стекают со склонов далеких белых гор, возвышающихся на севере, и вливаются далеко на западе в огромную впадину иссохшего века назад океана.

Нетерпение, давно ставшее привычным, все гнало и гнало его вперед, и усталость и жажда не имели для него значения. Он много раз слышал, что планета Семи Масок — удивительный и загадочный мир, где не знают ни вражды, ни войн, ни мук, ни страданий, и где цивилизация навсегда застыла, достигнув всего, к чему стремилась. Правда, слишком далек был этот мир от Земли, и те, кто знал о нем, считали, что он давно и неизбежно клонится к закату. Но тем сильней было любопытство Стелло, который всю жизнь искал совершенства и знал, что отыскать его можно лишь там, где люди не стремятся, как мотыльки, на призрачный огонь, безжалостно опаляющий крылья, и где холодный блеск триумфов меркнет, уступая место спокойному и ясному сиянию праздничных огней в ночи; да и может ли закат быть столь долгим, спрашивал себя Стелло, может ли конец цивилизации тянуться до бесконечности — ведь невообразимо древние хроники говорили, что планета Семи Масок уже была такой задолго до того, как на Земле появились первые люди...

И вот, когда он шагнул в одну из семи арок, свод которой сверкал и переливался под солнечными лучами, словно драгоценная раковина из глубины океана — а прежде чем войти, медленно обошел город вокруг и любовался его удивительной стеной, мерцающей, подобно чешуе из блесток, и, зная ответ, все равно сосчитал ворота, но не смог понять начертанные на них загадочные знаки,— тогда что-то давно забытое за годы странствий по чужим и холодным мирам, что-то, о чем он и не думал больше, привыкнув созерцать лишь безучастные огоньки пульта управления и бесконечно сменяющие друг друга цифры на экране бортового компьютера,— что-то вдруг снова шевельнулось в нем.

Как будто подошвы его тяжелых башмаков впервые коснулись булыжной мостовой древнего земного города, родного и незнакомого одновременно, как будто он впервые переступил порог чужого дома, хотя ему смутно помнилось, что именно в этом доме, в этом городе прошло его детство... И тогда он шагнул под арку со смешанным чувством любопытства, удивления, узнавания и тревоги.

В этой части города было безлюдно, лишь поблескивающие стены домов чуть трепетали, словно пламя на вет-

ру, хотя не было вокруг ветра. Ему вспомнились другие дома, виденные им на других планетах — все они были основательные, прочные, надежные, эти же — сама хрупкость и эфемерность, словно стен этих и не было вовсе, а существовало лишь их отражение в его глазах.

И снова возник перед ним вопрос, неотступно преследовавший его все долгие дни в пустыне под пылающим, но холодным светилом. Кто живет на планете Семи Масок? Люди? В библиотеках Земли он прочитал всю литературу, что смог найти. Но ни одна из этих толстых книг не смогла удовлетворить Стелло. Есть ведь и было всегда нечто такое, чего не описать словами и не передать самыми точными цифрами; а внешность — что ж? — всего лишь оболочка, маска, скрывающая истину...

Да, загадочное и древнее предание говорило, что обитатели этой планеты, над которой светят семь лун, всегда прячут лица под масками; а странный мир их, утверждали легенды,— вечный праздник, карнавал туманных символов или какой-то нескончаемый ритуал; но может статься, это и была сама их жизнь, и жить иначе они просто не могут, не перестав быть собой? Что если этим существам необходима преграда между их внутренним миром и всем тем, что за его пределами? Или же маски таят под собой угрозу, как порой под улыбкой скрывается жестокий оскал, или наоборот, их вечная безмятежность пугает, как все слишком неизменное и потому непостижимое?..

Семь масок, семь городских ворот, семь лун на небосклоне — и семь гласных в Древнем Языке, семь чистых поющих звуков, гулким эхом разносящихся по запутанному лабиринту таинственных слов, изначальных, как сам этот невообразимо старый мир... Семь масок, передающих семь чувств, семь состояний души — и незачем приходить в движение застывшим чертам лица, да и кто здесь помнит, что под масками остались когда-то лица? Городские ворота — для каждой из семи масок, и для каждых ворот — по луне. И, наверное, для каждой луны — по поющему звуку. На этом языке шептал ему холодный свет звезд в черноте и на нем же говорили стены сияющего города, неведомо когда возникшего посреди безжизненной пустыни, и маски его обитателей. Но как постичь истину, ускользающую из туманных образов этого древнейшего языка Вселенной?

От треугольного проема в мерцающей стене отделилась какая-то тень и скользнула к нему. Очертания фигуры скрывал наброшенный на плечи плащ, переливающийся

всеми цветами радуги. Это мог быть и человек. Его маска выделялась багряным пятном на черном фоне высокого треугольного воротника. Незнакомец заговорил тихим низким голосом; Стелло услышал и понял слова Древнего Языка,— никто не знал, откуда он произошел, так глубоко уходили его корни, но на нем говорили в этой галактике все разумные существа, даже те, что не имели губ.

— Откуда вы? — спокойно, без любопытства, без раздражения спросила тень.

— С Земли,— ответил Стелло.

— И вы вошли в перламутровые ворота?..

Полы радужного плаща затрепетали — словно легкий вихрь взметнул их изнутри. Стелло сделал еще шаг; теперь он отчетливее видел пурпурную маску. Овал из гладкого блестящего металла и в центре, словно единственный глаз, сверкал голубой камень. Под ним прорезь, окруженная чеканным рисунком. Губы? Но таких не могло быть у человека: огромные, в пол-лица губы, чуть насмешливые, но насмешливые беззлобно, сжатые, но без суровости, словно хранят они последнее, окончательное Слово Истины — и никогда не откроют его, ибо оно непроизносимо.

— Вы вошли в перламутровые ворота,— повторил голос.— И на вас была белая маска. С Земли, говорите вы?

Стелло пожал плечами. Непонятный разговор начал его раздражать. Он вошел в перламутровые ворота просто потому, что возле них никого не было. Ему не хотелось пробираться сквозь перешептывающиеся группки, которые толпились вокруг остальных шести ворот. Лишь перламутровые были пусты.

— На мне нет никакой маски,— медленно выговаривая слова произнес Стелло.

Из неподвижных пурпурных губ вырвался едва различимый смешок.

— Что ж, пусть так,— ответил голос почти ласково. Его звуки почему-то напомнили Стелло о блестящих камешках, отшлифованных за сотни лет песками и ветром, таких прохладных и гладких на ощупь, и о чистых холодных кристаллах, что вечно скользят по дну высохшего океана. Да и сами слова Древнего Языка напоминали камешки, обкатанные за безвременье множеством голосов; они годились для выражения самых разных чувств — ярости и гордыни, нежности и ревности, но могли передать и вот это неизменное спокойствие древнего народа.

Незнакомец умолк, полы его плаща по-прежнему трепе-

тали. "Чего он хочет от меня? — подумал Стелло.— Или я случайно нарушил какой-то закон этой планеты, неизвестный на Земле? И меня уже считают здесь преступником? Может быть, перламутровые ворота у них под запретом?"

— Вам, наверное, есть куда пойти, чужестранец? — снова заговорил его собеседник, повернувшись к улочке, убегающей вглубь города.— И, должно быть, хоть один друг найдется здесь у вас?

— Я слишком издалека,— уклончиво ответил Стелло. В нем уже закипал гнев.— Я проголодался, хочу пить и очень устал. У меня с собой кое-какие вещи, которые очень ценятся на моей планете. Я смогу здесь получить за них деньги?

Луч света скользнул по пурпурной маске, и голубой камень сверкнул ослепительным пламенем. На мгновение Стелло показалось, что неподвижные губы чуть улыбаются.

— Мне известны ваши обычаи, чужестранец,— последовал ответ.— Но здесь они не в ходу. Деньги вам не понадобятся. Вы вошли в город Семи Ворот, так неужели вы вообще ничего не знаете? Для каждой луны — свои ворота, для каждых ворот — своя маска, а каждая маска о чем-то просит свою луну. Вы обретете здесь то, к чему стремитесь.

— Вы не могли бы проводить меня в город? — вздохнул Стелло.— Мне нужно где-нибудь остановиться...— Он говорил глухо, с трудом перекатывая языком истертые слова Древнего Языка.

Радужные краски плаща почему-то вдруг поблекли, потускнел и сиявший в центре маски голубой камень.

— Разве вы не видите, какого цвета на мне маска? — спросил незнакомец мягко и, как показалось Стелло, с легкой грустью в голосе.

— Простите...— пробормотал Стелло.

— Ничего,— спокойно сказал незнакомец.— Обратитесь к первому же встречному. Вам обязательно помогут и проводят, куда вы захотите. Мне очень жаль, что сам я не могу этого сделать. Но я ношу пурпурную маску.

— Прощайте,— ответил Стелло и направился к центру города.

— Постойте,— окликнула его тень.— С какой планеты, говорите, вы?..

— С Земли.

— С Земли... Что ж. Быть может, вы выбрали себе маску, не подумав. У вас есть еще время. Прощайте.

Стелло снова остался один. Он брел вперед, терзаемый сомнениями. Что имел в виду незнакомец, говоря о маске? Кажется, он благополучно миновал все острые углы... Но не забывай, говорил он себе, ты в чужом городе, в чужом мире, обитатели которого могут вкладывать в слова Древнего Языка совсем иной смысл, нежели ты, землянин, у них другой строй мыслей, другие обычаи, своя, неведомая тебе история, и ты ничего еще не знаешь о них, а они — о тебе. Не забывай, усмехнулся он, что имя твоей планеты — Земля — для них пустой звук, что их мир для тебя пока всего лишь красочное зрелище, а сами они видятся тебе пестрыми мотыльками, танцующими в лучах своих разноцветных лун, тогда как ты им представляешься варваром, дикарем, явившимся из своих джунглей на их покрытую песками планету... Да, может статься, у него нет совсем ничего общего с теми, кто живет в городе Семи Ворот. Он не был рожден подобно им за мерцающей стеной с семью разноцветными воротами, открывающимися прямо в бесконечную пустыню, где струятся реки песка, а далеко на западе едва виднеется в мареве горячего тумана высохшее море,— огромная впадина, полная тончайшей пыли, по которой вечно скользят, гонимые ветром, сверкающие на солнце кристаллы.

Что ж, он родился и вырос в другом мире — не столь совершенном и более суровом. Он сознавал, что мощь его корабля, его оружие и даже сила его кулаков неуместны здесь, что он — дикарь, варвар — чужд этому городу, словно угловатая каменная глыба, не знающая изящества мраморной статуэтки, стремительный горный поток, не ведающий, как прозрачны воды тихого озера. Да и кто он, собственно говоря, такой? Ничтожная песчинка, влекомая ветром, бродяга с Земли, нигде не находящий себе пристанища, вечный перекати-поле...

Но все эти годы такая жизнь нравилась ему. Хорошо было странствовать в сверкающей скорлупке с планеты на планету, бродить по незнакомым мирам, окруженным туманным ореолом будоражащих воображение легенд, легким взмахом руки приветствовать чужие города, безразлично-красивые или уродливые, нигде не задерживаясь надолго; хорошо было даже тогда, когда он застрял на Тарре, когда провел в тоскливом одиночестве под нависшим серым небом много дней, созерцая огромное болото, в которое превратился космопорт — да, даже тогда было здорово! А здесь — нет.

Здесь что-то стояло между ним и этим миром с его безмятежным спокойствием, что-то неуловимое, чему он

не мог подобрать названия, мешало ему, тончайшей пеленой заволакивая глаза.

Он поднял голову и увидел в небе все семь лун — сияющую диадему из драгоценных камней, повисшую над планетой. Семь цветов — как семь чистейших нот, у каждой луны — своя, и каждая лила ясный, холодный свет на свои ворота: вот рубиновая луна, вот серебряная, золотая, изумрудная, перламутровая...

Перламутровая... Молочно-белый диск с радужным отливом, белое пятно в ночи, зловещее око, прикрытое до времени матовым веком.

Стелло опустил глаза и принялся разглядывать причудливые здания вокруг. Потом неуверенно двинулся вперед, и вдруг стены окружили его со всех сторон, нависли над ним, словно скалы, смыкаясь сводами над головой, стены ожили, трепетали, волнами набегали друг на друга, тянулись к нему, с хлюпаньем разлетались пенными брызгами — что же это за стены,— непрочные, как оболочка мыльного пузыря, что лопается от легчайшего дуновения?

Он бродил по аллеям, уже не понимая, окружают его деревья или башенки сказочных крепостей, но стоило поднять голову — и снова он видел сквозь призрачные своды семь неподвижных лун на темных небесах. В окнах мелькали поблескивающие маски, трепетали, словно листья на ветру, радужные плащи кружили невесомым хороводом, взбираясь по винтовым лесенкам, собираясь в стайки и вновь разлетаясь, заполняя стеклянный лабиринт города — мотыльки-однодневки, эфемерные, бескровные существа...

Бескровные! Вот оно, верное слово. Бескровна эта ночь. Бескровна планета, и небо, и семь лун на нем, и семь ворот в мерцающей стене, и семь хрустальных звонов гласных Древнего Языка, бескровен перламутр, словно застывшая окаменелая плоть, не подверженная тлену... Но ведь он, человек, безнадежно затерявшийся в этом мире — живой! В его висках бьется кровь, а мышцы послушно играют под теплой кожей! Он поднял руки и дотронулся до своего лица, когда-то обветренного и опаленного солнцами многих миров, но побледневшего за долгие месяцы у пультов и экранов корабля, провел ладонями по щекам, по подбородку, ощутил покалывание отросшей щетины, и, казалось, даже почувствовал, как эти короткие, почти незаметные волоски продолжают расти под его пальцами — значит, жизнь не замерла в нем!

А что прячут эти создания под масками и плащами?

Нечто совершенное и потому холодное и отстраненное? Кто они? Фигурки, слепленные из песка и пыли, фигурки, в которые когда-то по ошибке вдохнули подобие жизни,— и готовые рассыпаться от случайного взгляда? Или вместо плоти у них поблескивающий металл и бесчисленное множество зубчатых колесиков и винтиков, заученно цепляющихся друг за друга?

А может, под маской скрывается лишь другая маска, а под ней — еще одна, и еще, и еще, до бесконечности, и никогда не добраться за ними до истинного лица? Кого они обманывают? Друг друга? Себя? Плутают в безвыходном лабиринте собственных душ? Возможно, маска здесь была когда-то просто украшением, но странным образом за века и тысячелетия стала частью их существа?

"Но ведь лицо может быть и безобразным,— подумал он.— И непроницаемым. А то, что кажется непонятным здесь, станет очевидным на далекой Земле... Лицо должно отражать чувства. Так может, и у масок свой язык?"

Чем дальше он углублялся в лабиринты улочек, приближаясь к центру города, но еще не зная, что ожидает его впереди, тем чаще ему встречались фигуры в переливающихся плащах и неизменных масках. Маски из золота и из серебра, опаловые и черные, как смоль. Попадались и пурпурные маски — всегда в одиночестве. Да, маски должны что-то означать — и, возможно, это всего лишь знаки, символы, соответствующие определенному социальному положению или касте. Может быть, те, что носят пурпур — неприкасаемые? Нет, не похоже, подумал Стелло, вздрогнув от свежего ветерка.

Вдруг перед ним раскинулась площадь — а он даже не заметил, когда успел выйти из очередной узкой улочки. Повсюду танцевали разноцветные огоньки. Но тут же ему стало ясно, что это огромная толпа — яркие отблески масок и радужные переливы плащей показались ему сначала праздничной иллюминацией. Площадь не была вымощена, просто покрыта песком, но Стелло никогда не видел такого песка — мельчайшие, почти неразличимые для глаза песчинки, хотя и не пыль. Казалось, чистая, мягкая скатерть покрывает площадь. Нет, скорее это было похоже на морское дно, если смотреть на него сквозь толщу воды — неподвижное, раскинувшееся на огромном пространстве и в то же время сжатое в эту странную площадь. Почему-то он чувствовал, что никому из живых не дано пересечь ее.

Он не стал и пытаться. Толпа вокруг казалась притих-

шей, словно задумавшейся о чем-то, но молчание не угнетало,— то была умиротворенная, спокойная тишина, нарушаемая лишь шелестом плащей, словно легкие волны с тихим плеском касались песчаного берега.

Вдруг одна из фигур отделилась от остальных. Вздулась парусом алая накидка, прыжок — и будто огненно-красный цветок распустился на самой середине песчаной площади. Стелло услышал рядом одобрительный шепоток — по крайней мере, так ему показалось — всего несколько коротких, едва различимых слов на Древнем Языке. И в тот же миг что-то полыхнуло перед его глазами. Взметнулся огненный вихрь — и зазвучала незнакомая музыка, заплясали разноцветные огни. Ему пришло в голову, что песок отражает свет — иначе откуда бы им взяться? Но вскоре до него дошло, что огни эти рождались и жили сами по себе, как и звуки, казалось, возникавшие в воздухе над площадью, хотя там не было ничего, похожего на музыкальный инструмент.

Существо в алой накидке, несомненно, было из этого города — Стелло ясно видел маску из серебра, узкую, блестящую, совершенно гладкую, и все же говорившую о чем-то, потому что, даже не понимая немого языка масок, он ощутил незнакомое волнение, какого не вызывало в нем раньше ни одно великое творение искусства на Земле, да и на всех других планетах, ни одно живое существо, не вызывало ничто и никогда. По телу его пробежала дрожь — но не от страха и не от холода, хотя ветер, бьющий в толпу, становился все сильнее, а от ощущения полного одиночества, затерянности, чуждости этому миру, и он снова подумал: "Я ведь дикарь, варвар, каким звездным ветром и зачем занесло меня в этот совершенный мир?.."

Кто-то коснулся его руки, но он не смог обернуться.

Песок казался исключительно плотным: ни малейшего облачка пыли не клубилось у ног танцующего. Да, подумал Стелло, наверное он танцует, но какое же это бледное, невыразительное слово! Ведь танец никогда не был любимым искусством землян... Он скорее назвал бы это зрелище "звездной игрой", хотя и такое сочетание ему самому показалось неподходящим даже в коротких, выразительных словах Древнего Языка. Это было что-то, чего не опишешь никакими словами, не нарисуешь кистью, не вылепишь из самой податливой глины, это была непостижимая тайна, на краткий миг приоткрыла она свой покров, отдавшись звездной игре, и через такое же мгновение снова исчезнет в песках...

Стелло подался вперед, силуэты в плащах расступились, пропуская его, и он шагнул на площадь, оставляя в песке четкие, глубокие следы и не замечая этого: взгляд его был прикован к туманному, непрестанно менявшему очертания алому пятну. Под развевающейся накидкой Стелло надеялся все же разглядеть силуэт — человеческий или иной. Он смотрел и смотрел, но все было тщетно. Ему виделся лишь язык пламени, легкая кисть, танцующая на полотне древних песков, нанося на него тончайшие мазки.

Мазки складывались в картину. Движения превращались в слова. Стелло понял это, подняв глаза и вновь увидев семь лун в туманном небе, по которому проносились отблески мерцающих на песке огней. Это был язык движений, жестов, движения сливались в песню, в поэму,— в заклинание, быть может. И все вокруг замерли в ожидании. Чего они ждали? Что подмигнет одна из их лун, или захлопнутся ворота, или упадет маска, или прямо из песка выбросит темные ветви чудовищное дерево, какое только и может вырасти в этом бескровном, безжизненном, кристаллическом мире, на планете песков и разноцветных негреющих огней?

И вдруг он увидел и понял, что говорит ему танец, увидел струение прозрачной воды, ручеек, водопад, широкую полноводную реку и наконец — океан. Потом он ощутил холод, океан затянуло ледяной коркой, вода застыла в оцепенении, похожем на смерть — никогда уже не пробежит волна по ее безжизненной зеркально-гладкой поверхности...

Ибо движения танца замирали, погружаясь в неподвижность. "Неподвижность — это и есть смерть",— подумал Стелло. И тут он снова увидел серебряную маску — в тот миг, когда ему показалось, что серебристая оболочка отделилась от лица, словно шелуха, и упала с легким шорохом — так на Земле облетают с деревьев осенние листья. Но серебристый лист, не долетев до песка, словно растаял в воздухе, оставив лишь мерцающие блики, которые тоже погасли, не успев опуститься, и вдруг по песку разлился бледный молочно-белый свет. На танцующем была перламутровая маска.

Стелло вздрогнул. Так значит у них и вправду множество масок, одна под другой? Нет лица, одни только личины? И их сбрасывают, как листья, а под ними вырастают новые?

И снова кто-то коснулся его руки.

— Вы тоже будете танцевать, чужестранец? — услышал он тихий и удивительно нежный голос.

— Нет,— ответил Стелло, и его собственный голос прозвучал хрипло и тускло. Он резко обернулся.

На него смотрела маска из золота, ничем не украшенная, гладкая и блестящая, подобная какому-то сказочному камню, познавшему долгие ласки воды и ветра.

Плащ затрепетал, казалось, он сейчас взлетит. До Стелло донесся странный звук — словно маска подавила рыдание.

— О, не танцуйте, чужестранец, не надо. Не теперь. Еще не время. Одумайтесь. Ваша маска...

— Нет у меня никакой маски! — вырвалось у Стелло, но он вовремя прикусил губу, чтобы не выдать голосом поднимавшийся в нем гнев.

"Они что, сговорились тут все? — мелькнуло у него.— Насмехаясь, сбивают меня с толку? И почему, в конце концов, тот, что танцевал, не встает? Почему лежит так неподвижно? И отчего это вдруг стало так тихо?" Он не решался взглянуть вниз, на свою руку, по-прежнему ощущая легкое прикосновение: пола плаща легла на его запястье.

Стелло отвел наконец глаза от золотой маски и увидел, как брызнул луч из луны, бледный луч из матово-белой перламутровой луны — или это ему только почудилось? — но нет, луч пошарил по песку, тишина и неподвижность стали уже невыносимыми, словно в немыслимой глубины морской бездне, и... что это?.. не может быть! — алая накидка и белая маска высыхали, съеживались, уходили в песок, как вода... Стелло на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, увидел лишь голую песчаную площадку.

Ему стало страшно. Правая рука привычным жестом скользнула к бедру — он забыл, что пришел в город без оружия. Да и будь у него пистолет — что бы это изменило? Он пытался постичь смысл увиденного. Был ли это какой-то обряд? Жертвоприношение? Неужели существо в алой накидке погибло у него на глазах?..

— Вы не могли бы проводить меня? — обернулся он к золотой маске. Голос снова стал глухим, пересохшие губы плохо повиновались ему.— Я нездешний, не знаю ваших обычаев. Я прибыл издалека. Мне хочется есть и пить. Я здесь один. Но народ мой силен, и повсюду, куда ни направите взгляд, во всех мирах с радостью принимают землян. Моя планета молода, но могущественна, и мы умеем помнить добро!..

...Истертые, как разменные монеты, слова Древнего Языка, принятые в подобных случаях, вдруг наполнились для него новым смыслом. Он повторял их сотни раз, в других обстоятельствах, на других планетах, но сейчас они показались ему незнакомыми, будто впервые слетели с его губ и никто никогда не произносил их до него.

Он ожидал любого ответа, но не того, что услышал. Золотая маска склонилась к нему, и словно легкий ветерок донес до него слова:

— Разве вы не видите, какого цвета на мне маска?

Стелло вздрогнул. Голос был такой нежный и так походил на голос женщины...

— Зачем вам куда-то идти, чужестранец? Наши луны здесь, и маски тоже. Сбросьте же вашу маску, пока не поздно!

Стелло вдруг нестерпимо захотелось расхохотаться.

— Не знаю, что значат для вас ваши маски,— сказал он,— но это — мое лицо. В этой маске я родился, в ней и умру. И весь мой народ...

— Вы не шутите, чужестранец? — в голосе зазвучало недоверие и почти неуловимая нотка грусти — или ему показалось?

— Уйдем отсюда,— попросил Стелло.— Пожалуйста. Не знаю почему, но это место мне неприятно.

— Что ж, идемте.

Они пошли вдвоем по тихим пустынным улочкам, и свет становился то золотистым, то молочно-белым — словно две луны спорили за право светить им.

— Простите меня, если я вас чем-то обидел,— неуверенно начал Стелло,— но я действительно ничего не знаю о вашей планете. Не умею читать по маскам. Я даже не знаю, что это — признак касты, просто маскарадный костюм, или ваши настоящие лица?

— Вы не шутите, чужестранец? — повторил голос.— Вы, должно быть, и вправду издалека. Ваш народ еще очень молод, ведь правда? Насколько я знаю, эти маски старше нас самих, даже старше Древнего Языка, на котором вы так забавно говорите.

— Я учился ему на Земле,— сказал Стелло.— Мне пришлось говорить на нем повсюду — от Альтаира до Веги, я объяснялся на нем с приятелями-пилотами, ругался во всех космопортах галактики, употреблял эти слова в давно забытых значениях, я мешал их как хотел с сотней других языков. Быть может, вас это удивляет, но мой на-

род вообще тяготеет к разнообразию, и мы, рожденные на Земле, хоть и молоды, но уже давно странствуем по дорогам космоса, нас заносит в такие дали, куда рискнет отправиться не всякий,— и везде мы хотим быть не рабами, но повелителями, и повсюду стремимся к могуществу и власти... Но хватит, не стоит об этом, что для вас слава какого-то далекого мира?

Плащ снова затрепетал.

— Я не понимаю вас, чужестранец. В ваших речах столько горечи. Забудьте все... Вы на планете Семи Лун, в городе Семи Ворот, здесь живет народ Семи Масок. Но возможно ли, что все ваши собратья с самого рождения носят белые маски?

— Поверьте, так оно и есть,— кивнул Стелло.— Вам это не нравится? Или белый цвет означает для вас что-то недоброе?

Ему вдруг пришло в голову, что и на Земле существуют разные расы, есть люди с золотисто-желтой кожей, с кожей, черной как смоль; давным-давно на Земле Стелло заметил, что они все чем-то неуловимо отличаются от него, что в них чуть больше веселья, или, скорее, меньше грусти. Но к старости, вспомнил он, их кожа постепенно светлеет, становится сероватой или матово-бледной, и какой бы яркожелтой, какой бы угольно-черной она ни была в юности — к старости они становятся похожи на белых.

Но об этом он предпочел промолчать.

— Нет, нет,— поспешно произнес голос, отвечая на его вопрос.— Не думайте так. Я вижу, вы совсем ничего не знаете. Но почему, почему тогда вы выбрали перламутровую маску?

У Стелло вновь вырвался смешок.

— Ее выбрали за меня до моего рождения.

— Разве так бывает? — голос стал задумчивым.— Возможно ли, чтобы целый народ предпочел смерть? Не потому ли все вы так неистовы в сражениях, не потому ли очертя голову бросаетесь из одной бездны в другую?

— Я вас не понимаю.

— Что же тут непонятного? Неужели до вас еще не дошло? Или это танец так поразил вас, что вы потеряли рассудок? Разве вы не слышите, что шепчет вам ветер? "Сбрось свое лицо... Сбрось свое лицо..."

Стелло содрогнулся. Что такое говорит ему маска? Его лицо! Как оно, оказывается, много для него значит. Как удобно спрятаться за этим живым покровом. На нем мог

быть написан страх или радость, боль или восторг, но никогда, даже в кошмарном сне, не пришла бы ему мысль лишиться лица. А что же это за существа без лиц, целый народ, добровольно сбросивший маски из плоти и прячущий пустоту за этими — бескровными — масками, что за загадочные создания, которых больше ничто, даже собственная кожа, не отделяет друг от друга?

Теперь он ощутил настоящий ужас. Поднес руки к лицу и коснулся живого, теплого лба, щек, упруго прогнувшихся под его пальцами. Ладони скользнули вдоль носа вниз, к губам, к подбородку.

"Лицо...— подумал он.— Мое лицо. Маска... Нет!"

— Не знаю,— произнес он наконец.— Наверное, есть какая-то великая тайна,— может быть, для того, чтобы разгадать ее, я и явился сюда. Но я совсем запутался. Я чувствую, что должна быть какая-то связь между лунами, воротами и масками, но нить эта слишком тонка, и я не могу ее найти.

Маска негромко рассмеялась. Мелодичный смех походил на звук флейты.

— Хочется вам верить, но не знаю, что и думать. Мой путь лежал через золотые ворота, я ношу золотую маску, танец мой был обращен к золотой луне, и вот она послала мне странного спутника...

— Простите меня,— пробормотал Стелло.

— Вам не за что просить прощения. Но скажите, неужели эта маска вам так дорога?

Стелло помедлил с ответом.

— Не знаю. Я не понимаю вас,— выдавил он наконец.

— Вы не знаете, почему носите ее? Не задумывались об этом?

В голосе было искреннее удивление. И грусть.

"Это женщина!",— вдруг решил Стелло. Прежде им двигало только любопытство, но теперь пришло что-то другое. Он побывал на множестве планет, общался с самыми удивительными существами и нигде не отказывал себе в удовольствиях, задерживался на десятках миров, чтобы познать женщин каждого из них, если только близость с земным человеком ничем не грозила им — встречались ведь и такие бесплотные создания из дальних уголков Вселенной, для которых подобное приключение могло оказаться гибельным. Женщины с планет Альтаира были красивы, несмотря на непривычный холод, исходивший от их влажной, полупрозрачной кожи. Тех, что обитали на планетах Алголя, ед-

ва ли вообще можно было назвать женщинами, однако Стелло не пренебрег и ими,— и каждый раз, держа очередную из них в объятиях, он спрашивал себя: а есть ли абсолютная, высшая красота, красота для всех миров и на все времена, способная вызвать благоговейный трепет у любого разумного существа, или же красота — это лишь изменчивые образы, запечатленные в наших глазах, в нашем мозгу? И не находил ответа, несмотря на рассуждения философов и выкладки психологов, ибо красота, думал он,— это всегда случайность, она рождается случайно, и мы открываем ее волею случая, а случай не может быть абсолютным, абсолютно лишь его порождение, но как можно утверждать, будто что-то предрешено заранее, если не тебе дано писать Великую Книгу Судеб?

"Неужели это женщина?" — думал Стелло. Голос волновал его, а плащ и маска все сильнее влекли к себе. Есть ли там, под складками плаща, плечи, которые он мог бы обнять, есть ли под маской губы, которые он бы поцеловал, раздвигая их своим языком? Впрочем, что значат для него губы, плечи, тело? Зачем срывать покровы, если сама тайна волнует его куда сильней, чем ее разгадка?

— Семь лун глядят на нас,— продолжал голос,— семь лун дают нам все, о чем мы просим их, по древнему закону, начертанному на воротах города и запечатленному в звуках Древнего Языка. Нужно только носить маску и танцевать танец для своей луны.

— Понимаю,— задумчиво произнес Стелло, чувствуя, как тяжелеет пола плаща на его руке.

...Женщина? Или, по крайней мере, существо женского пола? Как определить это, какими словами выразить, в чем она — женственность? Всегда, на всех планетах он сталкивался с этой загадкой, и каждый раз приходилось разгадывать ее по-новому. Но здесь была не только загадка. Тупик. Вопрос без ответа.

— Каждая маска — это просьба,— услышал он.— Пурпурная маска просит одиночества и покоя. Изумрудная — знания. Золотая — любви. А перламутровая...

Голос произносил слова медленно, раздельно, словно учитель давал маленькому ребенку первый в его жизни урок. Да так оно на самом деле и было.

— Замолчи! — испуганно крикнул Стелло. Он начинал постигать. Но может ли он освободиться от своей маски, стать таким, как они, может ли оказаться по ту сторону, приблизиться, наконец, к этой тени, приподнять непроницаемую ма-

ску и прочесть недосказанные слова на незнакомом лице?

— Сбрось ее!..— шептал ему голос.— Сбрось, пока еще есть время!

"Как объяснить ей?" — думал Стелло, слыша в голосе щемящую боль и неподдельное страдание.

Семь лун по-прежнему светили в темном небе, легкие башенки сказочных дворцов подрагивали в мерцании огней. Они пошли дальше. Впереди была крохотная площадь, в центре которой шелестел фонтан, словно цветок из колышущихся водяных струй, пульсирующий, трепещущий, как свет уже погасшей звезды.

— Какое странное древнее проклятье тяготеет над тобой? — спрашивал голос.— Сбрось маску. Сбрось ее.

Стелло покачал головой. Ему вдруг показалось, что бледная перламутровая луна растет, приближается, заслоняет собой все небо. Она склонилась над ним, и он разглядел на бледном лике тонкие, хищные губы, готовые схватить и пожрать его; он кинулся бежать по пустынным улицам, но ноги не слушались, и бледный перламутровый свет затопил все, не давая вздохнуть, — но подняв глаза к небу, он вновь увидел там неподвижную луну.

Странное спокойствие разлилось в нем, но плащ вдруг тревожно заколыхался.

— Нет,— выдохнул голос.— Нет! — и сейчас прозвучало в нем такое отчаянье, что Стелло понял, почему этот голос с самого начала показался ему женским.

Он закрыл глаза. Под сомкнутыми веками все еще плясали в темноте капли воды, окрашенные цветами семи лун. Он услышал тихое шуршание шелка и ощутил прикосновение плаща. И чего-то еще.

Быть может, рук.

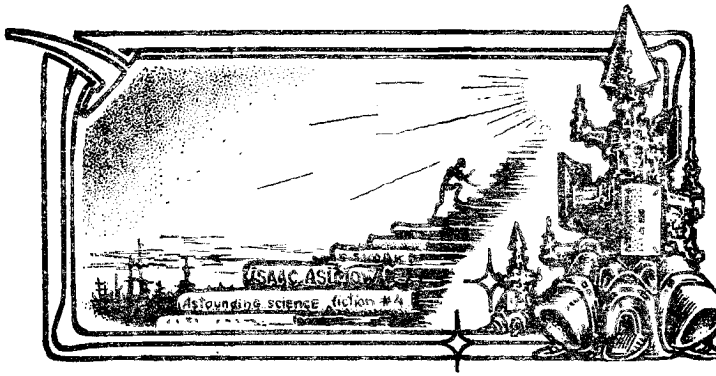
Они легли на его лицо.

— Так надо,— тихо и ласково произнес голос и повторил: — Так надо.

Руки легко касались его, словно что-то искали, и вдруг он вскрикнул, а это что-то отделилось от его лица, скользнуло по щекам, по носу, по лбу и глазам и упало с легким шорохом и хрустнуло, словно наступили ногой на сухой лист; и тогда он вновь ощутил ночную прохладу.

Он знал, что фонтан окружен небольшим бассейном и что в тихую воду у его края можно посмотреться, как в зеркало.

Но еще не решался открыть глаза.



Франсис Карсак

ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ

На поляне неровным полукругом поднимались смахивающие на бараки строения из синтетических материалов: справа энергогенератор, потом помещение для роботов, склады, жилые модули, лаборатория, ангар для винтолетов. Еще дальше на фоне зарослей темнели развалины безымянного города. Камни громоздились друг на друга, образуя причудливые пирамиды, на вершинах которых росли деревья с узловатыми корнями, вцепившиеся в стены подобно осьминогам. Со времен гибели Города протекло столько веков, столько дождей отбарабанило по камню стен, по провалившимся крышам, зияющим окнам, столько нанесло мертвых листьев, медленно превращавшихся в перегной, что лишь изредка то тут, то там, удивляя правильными геометрическими формами, возникал силуэт еще не обрушившегося здания.

Поляна появилась тут недавно. На дальней от города стороне, вперемешку, разбросанные гигантскими челюстями машин, валялись огромные стволы столетних деревьев. Тихо шелестела на ветру их чуть пожелтелая листва.

В большом котловане, заваленном грудами камней, работали другие машины — куда менее грубые, чем те, что корчевали деревья. Длинные гибкие щупальца проникали под обломки, осторожно приподнимали их и укладывали в небольшие вагонетки. Скоро и эти роботы окажутся недостаточно тонкими, тогда их заменят люди, археологи. Здесь идут раскопки.

В лаборатории, за столом, заваленным бумагами и кусками ржавого железа, сидели трое: Ян Дюпон, археолог и глава экспедиции, лингвист Уилл Льюис и Стан Ковальски, инженер, который, легко касаясь клавиш пульта, управлял механизмами, расчищающими котлован. Не отрывая глаз от экрана, он спросил:

— Ну как?

— В седьмом секторе по-прежнему пусто. Я только что связывался с Астуриасом. Ничего для нас интересного. Как и прежде, лишь хроники жизни отдельных личностей: история какого-то там Доминика на французском языке. Нам это ни к чему. Она явно написана в догалактическую эпоху, там нет даже намека на самые простенькие межпланетные перелеты. Потом отрывки из истории, довольно грязной, об одной женщине по фамилии Бовари, тоже на французском. Ума не приложу, что предки находили в подобных хрониках. Мы-то, разумеется, можем получить из них какое-то представление о тогдашней жизни, но для самих предков это была современность. Я не настолько самонадеян, чтобы думать, будто они писали для будущих археологов. Представьте себе только, хроника жизни женщины по имени Скарлетт с невыносимым характером была обнаружена во фрагментах при раскопках в семидесяти одном месте и не меньше чем на семи языках — это очень помогло для расшифровки некоторых из них — и в результате за вычетом нескольких еще не найденных эпизодов мы сегодня знаем все об этом догалактическом существе. К счастью, хронист временами вводил сведения о тогдашней цивилизации и войне, о которой мы бы ничего иначе не узнали.

Лингвист недоуменно пожал плечами и продолжил:

— Однако ничего из того, что нас действительно интересует. Ничего со времени находки Ориса. Ты ведь помнишь, чуть больше века назад в развалинах Ч'каго были обнаружены первые следы существования галактической империи — еще задолго до Адской Войны; тогда был найден фрагмент хроники о колонизации планет Бетельгейзе, всего три странички. Потом мы иногда натыкались и на другую информацию: обнаружили, например, ценнейшие фрагменты из трудов историка Азимова — вероятно, французского происхождения, так как он порой подписывался "Поль Француз",— упоминавшие о гибели планеты Флорина в результате космического катаклизма. Описание самой катастрофы, правда, отсутствует. В других фрагмен-

тах книги того же историка приводятся сведения о некоей Транторской империи. Еще один, по-видимому, более ранний историк, чье имя до нас не дошло, частично сохранил фольклор первых астронавтов и прежде всего прекрасную поэму о зеленых холмах Земли. Потом, с тех пор прошло уже тридцать лет, Орис при раскопках Фриско отыскал сто двадцать шесть фрагментов — и, к сожалению, ни одного полного текста,— которые неопровержимо доказывали, что человек достиг многих звезд и заселил все пригодные для жизни планеты. Один из этих отрывков рассказывал о начале Адской Войны, именно из него мы знаем, что в нее были вовлечены все миры, покоренные человеком. Если разрушения везде были такими катастрофическими, как здесь, неудивительно, что к нам никто не прилетал. Нам даже неизвестно, сколько веков прошло со времен войны. Веков... или скорее тысячелетий. Изотопный метод дал для разных образцов несовпадающие результаты: от двух до семнадцати тысяч лет. Иногда, глядя вечером на звезды, я думаю о наших утраченных братьях, замкнутых на далеких мирах — ведь должен же был кто-то выжить — думаю о том, почему наши находки не помогли нам выйти в космос: попадаются одни лишь невнятные намеки, которые наши ведущие физики считают сущей нелепицей,— и меня одолевают досада и сожаление, едва только вспомню о нашем потерянном достоянии, промотанном Предками из-за их страсти к убийству. Да, я понимаю, это почти богохульство, но мы, археологи, знакомые с их хрониками, судим более строго. Подумать только! Вся мощь, которая могла послужить добру, дать победу над природой, сведена на нет, растрачена понапрасну. Представь себе, Стан, межзвездный космический корабль! А мы еще не добрались даже до Марса! Восемнадцать веков, с тех пор как возобновился ход времен, мы с трудом взбираемся по ступенькам, уже высеченным нашими предками, и все еще далеки, ох как далеки от вершин, которых они достигли!..

— Твоя правда,— отозвался Уилл,— технически мы пока не слишком сильны, а вот в социальном отношении мы их превзошли: единый мир вместо древних наций, единый язык и ни следа столь труднообъяснимых для нас умственных отклонений, которыми переполнены их хроники. Эй, Стан!

Резким движением инженер ударил по клавише. Роботы замерли. В конце траншеи, под металлической стеной зияла дыра.

— Теперь наша очередь, Уилл. Хорошо бы Ван вернулся. Ты, Стан, останешься здесь и, если что, постарайся нас поскорее вызволить.

В касках, с инструментами в руках они направились к дыре. При свете фонарей дыра оказалась входом в полуразрушенную, перерезанную корнями деревьев галерею.

— Стан, медведку,— сказал в микрофон Ян.

Механизм приблизился. Шесть коротких металлических ножек — передняя пара для рытья почвы — поддерживали выпуклый панцирь. Медведка вползла в галерею, и сзади из множества отверстий ударили струи клейкой жидкости, которая тут же высыхала, образуя на сводах тонкую прочную корку. Следом осторожно двинулись люди. Через сотню метров галерея повернула, и они уперлись в металлическую дверь.

— В древности здесь была поверхность земли,— сказал Уилл.

— Да, но все же как глубоко! А дверь надо открыть.

Работа эта оказалась долгой и нелегкой. Дверь давно, в незапамятные времена, заперли и приварили к металлической раме. Ее удалось вскрыть только с помощью газового резака. Изнутри так пахнуло затхлостью, что археологи чуть не задохнулись. Дальше пришлось идти в респираторах.

Они ступили в прямоугольный зал со стенами из нержавеющего металла, свод которого поддерживали огромные каменные столбы. В центре стоял большой стол, тут же было несколько кресел, шкафы, а в углу на просторном диване покоились два человеческих скелета. Вошедшие инстинктивно поздоровались.

Ян, разбиравшийся в антропологии, осмотрел черепа.

— Раса белая. Молодые, должно быть, им не было и двадцати. Вероятно, в начале войны это помещение служило убежищем. Их завалило, когда обрушились дома, и они погибли от голода или недостатка воздуха. Галерея, по которой мы сюда пришли, скорее всего, запасной выход, но почему тогда его заперли? Увы, мы никогда этого не узнаем. Никак тут еще одна дверь!

Эта дверь вела в комнату поменьше. Луч фонаря выхватывал из небытия предмет за предметом. Вдруг Уилл вскрикнул: впереди до самого потолка громоздились полки с книгами. Он бросился к ним.

— Не трогай, несчастный! Они рассыплются! Тут без Вана не обойтись.

— Знаю. Но погляди! Тут их больше тысячи! О чем они нам расскажут? Может, о тайне межзвездного пути?

Осторожно, чтобы не создавать потоков воздуха, они подошли к полкам. На некоторых сохранившихся корешках были видны названия.

— Трактат по палеонтологии,— прочел Уилл.— На французском. Руководство по... Конца нет. На английском. Этот язык, по-видимому, был самым распространенным. Третье название стерлось, никак не разберу, но, судя по скоплению согласных, это какой-нибудь из славянских языков. Ах, черт!

Рукавом он задел тонкий журнал, лежавший плашмя на полке, и тот рассыпался в прах.

— Пойдем, Уилл, это не для нас. А то еще уничтожим самое замечательное археологическое открытие всех времен и народов. Когда Ван закрепит все эти книги, тебе на несколько лет будет развлечение их переводить.

— Да, ты прав, но, как я понял, это библиотека геолога или палеонтолога. Мы нашли первую научную библиотеку. И если нам удастся отыскать следы Великой Тайны, то только здесь. Думаю, тогдашние ученые, как и наши, не слишком замыкались в своей специальности!..

Когда они выбрались из галереи, уже темнело. Машины прекратили работу и стояли теперь в ангарах. Увидев своих коллег, Стан порывисто поднялся.

— Я уже начал волноваться. Прошло два часа, а от вас ни одного сообщения. Я трижды вызывал вас по радио и, хотя приборы не отметили ничего необычного, ходил вас искать.

— Мы были в металлическом зале, в древнем убежище, поэтому радио и молчало. Надо срочно вызвать Вана.

— Но его конгресс кончится только через два дня, ты же сам его отпустил...

— Вызови Вана немедленно! Я что, непонятно говорю? Мы нашли библиотеку.

— Мне сообщить в Центр?

— Не торопись. Я не уверен, что нам удастся спасти книги. Если не получится, пусть лучше об этом узнают только через месяц, когда мы уже получим кредиты.

Рано утром явился Ван — маленький желтый человечек, который управлял винтолетом с изяществом, с каким мастер выполняет тончайшую работу. Выбравшись из кабины, он сразу взялся за дело. Дело было весьма скрупу-

лезное, а Ван, должно быть для солидности, еще и преувеличивал его неспешность и скрупулезность. Ван долго колебался, применять или нет новый, только что разработанный способ консервации, которому был посвящен конгресс, но, в конце концов, учитывая уникальность находки, остановился на старых способах, менее эффектных, зато проверенных. Одна за другой книги осторожно пропитывались консервантом, из хрупкого скопления молекул, рассыпающегося от малейшего толчка, они превращались в твердую массу. О том, чтобы их листать, речи пока не было, но, сохранив обложку, можно, по крайней мере, прочесть заглавие. Тут оказалось множество книг по геологии и палеонтологии, несколько трудов по истории — самый поздний 1998 года древней эры (а значит напечатанный гораздо раньше Адской Войны, отметил про себя Ян), одна или две книги по элементарной математике и, наконец, огромное количество хроник. Эти были в мягких переплетах и почти все без обложек.

Разочарование Яна росло по мере того как обработанные книги укладывались в стопки на столе лаборатории в ожидании вторичной обработки, после которой их можно будет открыть. Там, казалось, было достаточно всего, что могло долгие годы питать споры историков, но не нашлось ничего, приближавшего их цивилизацию ко времени, когда человек, устремившись по следам Предков, отыщет в межзвездных пространствах остатки своей Первой Империи.

Когда последняя книга увенчала груду на столе, Ван заявил, что завтра займется второй стадией реставрации.

Восторг, который вызвала у Яна находка, полностью улетучился. Непонятный атавизм сделал их цивилизацию такой мечтательной, такой неудовлетворенной... На этой скучной планете, которую обыкновенный самолет облетал всего за десять часов, человек мечтал о бесконечных пространствах за опостылевшими земными пределами, о радости открытий. Ах, порыться бы не в этих — в чужих развалинах, увидеть, как над незнакомым миром поднимается солнце — *другое* солнце! Узнать, какой человеческая цивилизация стала в иных мирах!.. Иногда он подолгу смотрел на далекие, недоступные пока звезды, мерцавшие в небе. А ведь когда-то человек преодолел эти бездны! Должна же среди затерянных обломков Империи найтись хотя бы одна планета не таких суровых правил, настроенная не так непримиримо, как Земля! Предки... Они были так велики,

так ничтожны, так слабы! Земля, разоренная последней войной, едва могла прокормить несколько сотен миллионов своего населения. Еще вчера вечером радио объявило о новых мерах по ограничению рождаемости. Безуспешные поиски следов Первой Империи объяснялись не одной только научной любознательностью. Вынужденно мальтузианский мир и Вселенная с ее неограниченными возможностями так мало походили друг на друга. Чего же не хватало современным людям, чтобы разгадать Великую Тайну? Какое качество, которым некогда обладали Древние, утеряно? Может, безрассудство, неистовая вера в будущее человечества, которую подорвала последняя война?..

Ян вздохнул. Если он хотел сохранить за собой руководство раскопками и избежать обвинения в неосуществимости своих планов — наихудшего из всех возможных — ему не следовало высказывать подобных суждений.

Обработка была закончена. Книги открыли. Здесь нашлось и бесценное сокровище — большой английский словарь. Однако ни одна из книг не указывала человечеству дорогу к звездам.

Раскопки продолжались. Рапорт о находке составили и отослали в Центр. Вновь всех поглотила рутина. Новости по радио передавали невеселые. После мутации в зараженной радиацией зоне какая-то разновидность сорняка, которую ничем невозможно было вывести, заполонила все возделанные земли в Северной Америке. Следовало еще больше сократить рождаемость. Двадцать лет назад, после того как великий математик Тавернир доказал существование гиперпространства, подтвердив таким образом данные галактических хроник, Совет в порыве энтузиазма допустил на планете слишком интенсивное размножение. Однако с тех пор, напоминалось в правительственном сообщении, дела в этой области не продвинулись ни на шаг.

В тот день у археологов гостил Нильсон, друг детства Вана, молодой физик из команды Тавернира.

— Не понимаю,— хмыкнул Ян,— как это вам, физикам, не удается подобрать ключ к пространству. Если верить хроникам,— а нет никаких оснований им не верить, не станут же люди писать заведомую неправду! — свои межзвездные путешествия предки совершали сразу несколькими способами: через искривление пространства, с использованием ускоряющей передачи, через С-максимум.

Разумеется, это могли быть разные названия одного и того же, но мне так не кажется. Во всяком случае, наша, хотя и скудная информация говорит об обратном. А все эти способы должны основываться на гиперпространстве.

— Да, мы знаем, что гиперпространство существует, и мой учитель, профессор Тавернир, это доказал. Но мы не представляем себе, как подступиться к этой проблеме. Я мог бы возразить, что не понимаю, почему это вам, археологам, не удается найти ни единой хроники, где были бы приведены технические подробности!

— Когда вы летите на своем винтолете, вы всякий раз думаете о принципе Уилсона-Сухигары, по которому работает двигатель?

— Так-то оно так... Но вернемся к гиперпространству. Я только что сказал, что мы понятия не имеем, как подступиться к проблеме, и немного слукавил. Недавно у нас с Альваресом появилась одна идея, слишком сложная с технической точки зрения, чтобы вам ее излагать...

— Премного благодарен.

— Да к тому же и времени не хватит. Мы задумали один очень важный эксперимент. И провели его три дня назад.

— Ну и что?

— Да ничего. Не получилось. Металлический брусок, который должен был исчезнуть, не исчез. Нельзя, правда, сказать, что неудача полная, мы обнаружили совершенно новое явление — ничего общего с ожидаемым. Так что кто знает...

Когда физик уехал, Ян направился к месту раскопок. Он обследовал, без особой надежды, один из разрушенных домов. Руины ушли глубоко под землю, дерево сгнило, железо обратилось в ржавчину. Однако когда уже начинало темнеть, он наткнулся на металлическую дверь. Вскрыв ее газовым резаком, он оказался в убежище, точно таком же, как первое. Книг в этот раз было мало, но на самом видном месте, на столе из нержавеющей стали лежал том, раскрытый на странице с картинкой, где человек в шлеме, сжимая в руке диковинный пистолет, отбивался от тучей насевших на него чудовищ. Другие тома валялись в беспорядке на полу. На первой же обложке Ян смог разобрать: *"As...Science...on"*. Несомненно, это был формат и эмблема одной из самых известных серийных хроник времен Первой Империи, которую редактировал историк Кемпбелл. Может, хотя и маловероятно, в этой груде найдется

несколько полных и, может, хоть на этот раз хроникер не умолчал о технических деталях.

Ван с воодушевлением принялся за работу, не дожидаясь, когда рассветет. Первая книга сразу после реставрации перешла к Уиллу, который заперся ото всех и взялся за перевод.

Однако Уилл не пробыл взаперти и десяти минут!

Он вышел бледный, с так и не раскрытым томом в руке. Над рисунком, изображавшим астронавта в веретенообразном скафандре, стояло полное название на английском языке: *"Блестящие образцы научной фантастики"*. Лингвист швырнул книгу на стол.

— Осторожно! Попортишь!

— Попорчу! Невелика беда! Ты знаешь, что такое фантастика?

— Вроде бы. На двух-трех мертвых языках, на английском и французском, например, фантастика означает "хроника". Помню фразу в одной из старых книг: "Освоение космоса, описанное в фантастических произведениях".

— Так вот, в первой партии книг был словарь и в нем я нашел настоящее значение слова "фантастика": вымысел, придуманные истории!

Повисла тишина.

— Но тогда...

— Да, Ян. Мало того, что Предки разорили Землю, они еще и были *лгунами*! Лгунами, понимаешь? Не было Первой Империи, никогда не было, и люди никогда не покидали своей планеты!

— А как же следы на Луне?

— На Луне, ну может, на Марсе, но ведь это мертвые миры, на что они нам? — И Уилл с чувством подытожил: — Сволочи!

Ян бродил по лесу. Открытие не укладывалось в голове: целая цивилизация, построенная на лжи! Тем не менее, сомневаться не приходилось. Все эти хроники, как земные, так и галактические — сплошные выдумки и ложь. Как теперь полагаться хоть на что-то, связанное с Предками? На их историю, науки? Нет уж! Цивилизация, способная на такую ложь, вообще не заслуживала доверия. Цивилизация, прогнившая до мозга костей. Ничего удивительного, что Предки кончили кровавой оргией! Он вспомнил Первое Наставление, которое дети заучивают наизусть, едва достигнув сознательного возраста: "Есть вещь

хуже воровства, хуже убийства — это ложь. Все, что не соответствует действительности,— ложь. Ложь — источник всякого зла". Мечтать дозволено, но нельзя выдавать свои мечты за реальность! Обстоятельная ложь, для правдоподобия напичканная подробностями, ложь без малейшего намека на то, что это — ложь, намека, который напомнил бы рассеянному читателю, что речь идет о вымысле ("о фантастике" — пронеслось в его голове). Какая развращенность! Теперь и его собственные мечты и надежды человечества — все пошло коту под хвост. Столько труда, столько поисков, столько надежд — и только для того, чтобы добраться до простой истины: Предки, те самые, которыми они так восхищались, которым прощали разорение планеты,— всего лишь жалкие лгуны! Вероятно, правительство,— или правительства, раз книги выходили на нескольких языках,— безжалостные и тиранические, заставляли печатать эти лживые хроники, чтобы отвлечь своих подданных, влачивших жизнь в рабстве, от их бед. Должно быть, даже устраивались инсценировки запуска космических кораблей — под ликование обманутой толпы! У Яна мороз по коже прошел при мысли, какое впечатление это открытие произведет на других. Нет, нельзя допустить, чтобы все стало известно, надо скрыть правду, солгать. Солгать? Но ведь все зло происходит от лжи. Выхода не было.

Быстро опускалась ночь. На востоке у горизонта уже мерцали звезды. Ян бросил на них отчаянный взгляд. Прощайте, утраченные братья, братья, которых никогда не было! Завтра ему придется доложить правду на Высшем Совете Планеты...

Ужин прошел в мрачном молчании, только как обычно долдонило радио. Никто его не слушал. Снаружи веяло холодом. Луна, до смешного близкая, бесполезно торчала в небе, заливая желтым светом поляну. Вдруг по радио прозвучала барабанная дробь, всегда предварявшая важные новости. Ван машинально прибавил звук.

— Люди, сегодня великий день! Сегодня стали известны две новости первостепенной важности. Во-первых, экспедиция профессора Яна Дюпона обнаружила при раскопках полное собрание галактических хроник в хорошем состоянии...

В воздухе повисло молчание. Глава экспедиции обвел всех разгневанным взглядом. Стан опустил глаза и сдавленно произнес:

— Я решил, что надо сообщить...

Ян устало махнул рукой. Радио меж тем продолжало:

— Вторая новость, еще более важная, пришла к нам из Гандии, из лаборатории профессора Тавернира...

Все так и застыли.

— Сегодня утром в десять часов тридцать минут двум ученикам профессора Тавернира, докторам Альваресу и Нильсону, удалось переместить металлический куб в гиперпространство, а затем вернуть его обратно. Первый шаг по пути Предков сделан!

Было уже поздно. Поляну озаряло яркое пламя костра. Завернувшись в одеяла, четверо коллег-археологов глядели на небо. В ночи, прозрачной как хрусталь, совсем близко мерцали звезды; казалось, до них можно дотронуться рукой. Ян подумал вдруг, что надо быть снисходительнее к Предкам. Может, его предположение о жестоких правительствах, обманывающих народ, неверно? Может, эти хроники на самом деле отражали мечту? Мечту человечества, которое постоянно в пути... И он уставился на огонь; такой же огонь освещал лесную поляну перед входом в пещеры в те далекие времена, когда еще только Земля была той Вселенной, которую предстояло завоевать. Ян задумчиво прошептал:

— В конце концов, так даже лучше. Первой империей будем мы.

Мишель Демют

НОКТЮРН ДЛЯ ДЕМОНОВ

I

— Может, вы хотите вознаграждение? — глухо спросил Человек в Красном.

Материальные соображения, которым отдавали дань его подчиненные, казалось, были ему безразличны. Во всяком случае Лига Ночи не желала, чтобы ее руководителям что-нибудь мешало заниматься их основной обязанностью: отдачей высочайших распоряжений и вербовкой.

Сидя на краешке стола, Арглиде усталым взглядом обводил комнату. Подвальное помещение находилось в бедном квартале на севере города, где кишмя кишели иммигранты. Почему Лига, считавшаяся такой богатой, в некоторых случаях отказывалась брать на себя дополнительные расходы? Скромность тому причиной или денежные затруднения?

Человек в Красном, казалось, угадал его мысли.

— Вы вольны не отвечать на мои вопросы... но вознаграждение для новобранцев, как правило, вопрос важный. И не думайте, глядя на это жалкое обиталище, что Лига скупится. Она распоряжается большей частью состояний в этом мире и получает деньги из стран столь далеких, что мы не можем их себе представить.

Арглиде улыбнулся. Даже такие высокие начальники, как Человек в Красном, проявляют некоторое простодушие, пускаясь в восхваление несравненных достоинств

своей Лиги. За их блестящими масками угадывались былые новобранцы, такие, как он сейчас. Люди, готовые убивать. Как он...

Но действительно ли он готов убивать?

— Так как насчет вознаграждения? — снова спросил Человек в Красном.

— Я достаточно богат, чтобы не утруждать себя работой ради денег,— тихо сказал Арглиде.— И вообще, я думаю, в Лигу вступают не для того, чтобы решать свои финансовые проблемы. Тогда уж лучше наняться убийцей к самому Всемогущему.

— Ну что ж, приятно слышать. Мало кто из новичков позволяет себе подобные рассуждения. Обычно боятся задеть нас, нарушить некое табу. Но разве основа Лиги — не свобода во всех ее проявлениях?

Как раз в этом Арглиде несколько сомневался. Однако довод, более чем убедительно подтверждающий справедливость его сомнений, он решил попридержать, потому что табу *действительно существовало*, что бы там ни говорил Человек в Красном.

— Возьмите. И никогда с ним не расставайтесь.

Арглиде поднял голову. Он долго ждал этой минуты и был теперь слегка удивлен тем, как неожиданно, почти застав его врасплох, это случилось.

Человек в Красном протягивал ему оружие — черный как смоль пистолет с необычно длинным стволом. Цветом он напоминал базальт, минерал, который добывали на местном секретном руднике.

Спусковой крючок был двойной, и Человек в Красном принялся бесцветным голосом объяснять, как тот действует. Наконец Арглиде засунул оружие в карман кителя, успев почувствовать, как пистолет холоден и тяжел.

— Документы, визы...

Арглиде взял все не глядя и твердо произнес:

— И что теперь?

Он надеялся, что Человек в Красном не примет его за пустого хвастуна. Арглиде боялся лишь одного — уронить себя в глазах руководителей Лиги. Он отчаянно в них нуждался, нуждался слишком сильно, чтобы рисковать.

Человек в Красном прошелся взад-вперед по комнате. Арглиде сделал вид, что рассматривает карту городских подземелий, сверкавшую перед ним на стене.

Серый свет проникал сквозь узкое окно, выходившее, по всей вероятности, в какой-то лаз. За окном виднелись

паутина, нечистоты и кучи отбросов. Отверстие в подземный мир, в глубокую ночь, где дремали демоны.

— Прежде всего мы ждем от вас доказательств, что вам можно доверять,— процедил Человек в Красном.

Арглиде услышал стук собственного сердца. Он клял про себя медлительность, с которой Человек в Красном излагал ему вещи, обещавшие много интересного.

— Демон,— неожиданно бросил Человек в Красном. И обернулся.

Его глаза за маской безжалостно пронзали собеседника, который лишь два-три часа назад впервые соприкоснулся с Лигой.

Подумав было, что тот шутит, Арглиде улыбнулся, но тут же понял свою ошибку и пожал плечами.

— Демон? — повторил он.— Почему демон?

Человек в Красном усмехнулся.

— Демонов нужно убивать, Арглиде, это знали во все времена, не так ли?

Арглиде согласно кивнул.

— Вы должны будете,— продолжал Человек в Красном,— отыскать демона, убить его и объявить об этом во всеуслышание.

Арглиде покачал головой.

— Боитесь? — спросил Человек в Красном. Голос его посуровел.

— Я боюсь не самого поручения, а того, что за ним последует. Что станет со мной, когда я объявлю, что убил демона? Никто не имеет права делать это самочинно. Кроме того, убийство демона предполагает, что у убийцы, или пусть даже у героя, есть оружие. А Всемогущий запретил владеть оружием на всей территории...

Человек в Красном махнул рукой с драгоценными кольцами на длинных пальцах.

— Детские сказки, Арглиде. Лига Ночи никогда не допускала подобных шуток над своими членами и исполнителями. Теперь мы связаны друг с другом душой и телом. Выполнив поручение, вы поселитесь в покоях Лиги, и мы обговорим следующее задание. Всемогущий для нас ничто... Чем скорее вы это усвоите, тем лучше!

Арглиде пожал плечами.

— Я прожил под его властью двадцать лет,— сказал он,— и даже здесь, у вас, я все равно под его властью. Вам не кажется, что вы требуете от меня слишком много?

Человек в Красном не удостоил его ответом. Он повер-

нулся к стене, увешанной древними медными блюдами и щипцами непонятного предназначения. Повелительный жест — и дверь открылась. Старик в неимоверно засаленном халате поклонился с каменным выражением на лице.

— Морена, выведешь его наружу. Если удастся, то поближе к Замку.

— Постойте,— сказал Арглиде,— а где же я найду демона?

— Там их тысячи.

— Вы хотите сказать, в Замке?

— Да, рядом со Всемогущим и его ненаглядной дочкой. Там ключ к разгадке всей нашей борьбы. Иди, Бенжад Арглиде, и не сомневайся ни в чем. Ты избран для исключительной миссии, ибо ты сам личность исключительная.

Несмотря на все усилия сохранить невозмутимость, Арглиде содрогнулся. Несколько театрально Человек в Красном протянул ему руку.

Арглиде повернулся и последовал за стариком по имени Морена через бесконечный ряд мрачных комнатушек. Демоны, казалось, обитали уже здесь.

II

В этом бедном квартале никогда не было Окна, и ютившимся там людям приходилось каждое утро преодолевать большое расстояние от своего рынка до одного из условленных мест, где они могли прикупить замечательные товары, поступавшие через чужие Окна. Морена непонятно зачем посадил Арглиде в странного вида лифт, пропахший съестным, который доставил его на поверхность довольно далеко от Замка.

Арглиде решил поначалу, что пожалуется Человеку в Красном, но потом вспомнил, как тот, давая старику распоряжения, добавил "если удастся". Арглиде теперь ничего не оставалось, как пробираться между рядами разноцветных повозок, на которых привозили товары.

Без своего Окна квартал обрекался на темноту, ночь неведения, бедности, нужды, далекую от чудес и открытий.

Всемогущий тщательно поддерживал такое положение вещей. Он позволял разрастаться этим сорнякам, устраивал свалку, куда низвергал потом тех, кого боялся, ненавидел или презирал. Вероятно, так поступали все диктато-

ры во все времена. Как бы то ни было, именно здесь, в бедных кварталах Города, медленно умирали его враги, могущественные и безвестные.

Под страхом смерти они не могли выйти отсюда. За пределами этих джунглей их поджидали несущие гибель псы Всемогущего, а то и милые приятели его доченьки...

Квартал без Окна освещался только местным солнцем, сюда не проникало сияние других миров. Квартал, где не было ни утра, ни сумерек, где вечно праздные существа давно потеряли свои лица, ничем по сути не отличаясь друг от друга.

Выбравшись из лабиринта повозок, Арглиде спустился по узкой улочке. Высоко над его головой смыкались крыши. Причудливые изваяния демонов служили либо водостоками, либо подставками для сушки белья. Бесчисленные лавочки теснились в мрачных нишах — изредка с освещенной комнатой, откуда доносились крики предназначенных для продажи зверей, чьи души, без сомнения, были не так черны, как души их хозяев.

И никакой стражи на улочках, ни единого солдата.

Здесь были женщины, сидевшие на деревянных фаллосах, изрезанных непристойными надписями, ужасно грязные дети, со злобными воплями гонявшиеся друг за другом, юноши с вкрадчивыми манерами, вшивые и чувствительные, с лакейской угодливостью и певучими интонациями в голосе.

Улочка тем временем вывела его, судя по всему, к центральному шоссе. Квартал бедных тут заканчивался — сюда забредали лишь те, кто чувствовал в себе достаточно смелости, или те, кого Всемогущий оставил своей ненавистью, хотя такого почти никогда не случалось.

В лавках здесь царила не ночь, но сумерки, и женщины с молодыми, без единой морщинки лицами, выглядели опрятно. Здесь можно было увидеть серебристые шлемы, а у некоторых за спиной на ремне — даже оружие.

Два-три раза за день тут проезжали правительственные автомобили с опущенными занавесками, и в настороженной тишине долго потом слышалось шуршание их колес.

Выйдя на шоссе, Арглиде поднял голову, чтобы взглянуть наконец на открывшееся небо, и в этот самый момент появилась машина. Водитель в серебристо-белой ливрее — цвета Всемогущего — дал газу и тяжелый лимузин стремительно рванулся к Арглиде.

Сзади вскрикнула женщина. Он обернулся и едва успел отскочить. Машина с оглушительным ревом пронеслась мимо и, не сбавляя скорости, умчалась прочь.

Арглиде поднялся, не в силах опомниться от страха и удивления, хотя и чувствовал успокаивающую тяжесть оружия, врученного ему от имени Лиги.

Машина просто не способна совершить аварию. Водитель в ней лишь для торжественности. На самом деле его дублирует электронная система управления, настоящее чудо техники.

Невозможно, чтобы сама машина задумала его задавить. Если только водитель, прибавив скорость, отключил автоматику...

Арглиде вернулся на тротуар. Мысли его путались.

Тут он заметил крикнувшую женщину. Она глядела, как он приближается, все еще бледная, с приоткрытым от страха ртом. На ней было черное с белым узором кимоно, каких не носят женщины бедных кварталов. Конечно же, она пришла из того мира, который начинался по другую сторону шоссе.

— Спасибо,— сказал Арглиде,— если бы не вы, он бы меня задавил.

— Ведь он нарочно? Он *сознательно* пытался вас убить?

Женщина все не могла унять дрожь. Ее голос дрожал. Пестрая толпа вокруг них разочарованно расползлась. Рядом с длинным пьяным парнем, катавшимся по тротуару, плакал ребенок.

— Не знаю, как вас благодарить,— сказал Арглиде.

Ему было неловко. Девушка, по-видимому, приняла случившееся слишком близко к сердцу, а он не желал ничьей помощи. Уж очень многое ему надо было сделать и обдумать, чтобы разобраться в этой истории.

— Благодарить не надо, я лишь хочу вам помочь. Ведь вы из Лиги Ночи?

Он коснулся ее плеча. После ледяного ужаса оно показалось Арглиде мягким и нежным.

— Как бы вас ни звали и кем бы вы ни были,— произнес он,— я ничего не скажу вам об этом. Или вам хочется, чтобы машина переехала *вас*?

Девушка улыбнулась.

— Я не столь важная персона, чтобы Всемогущий так скоро и с такой жестокостью переключился на меня. Вы же, думаю, лицо влиятельное, раз он воспользовался экипажем Эскорта Дам.

—. Послушайте,— сказал Арглиде, нахмурившись,— вы случайно не знаете, где бы мы могли побеседовать более обстоятельно? Мне сдается, вы в курсе многих вещей, которые мне неизвестны...

Она вдруг ласково, но твердо взяла его за руку. Улыбка не сходила с ее губ.

— Здесь рядом лавка Макхонта, человека, который торгует снами возле Окон...

Имя и странное занятие хозяина лавки ничего не говорили Арглиде. Все еще сомневаясь, он последовал за девушкой. Внезапно его осенило: ведь она сможет без дальних слов провести его к Замку. А там он отыщет демона.

Снаружи вся лавка вспыхивала и переливалась, как облако разноцветных огней, и, входя, Арглиде отметил про себя, что в ней ужасно жарко, душно и сыро. Он обвел взглядом пространство между белыми колоннами, ожидая увидеть папоротники и ядовитые грибы, однако увидел лишь тяжелый ярко-красный ковер, скрадывавший звук шагов. В лавке царила тишина.

— Добро пожаловать... здравствуйте, мадемуазель Тома́.

Сутулый массивный человек протягивал ему пухлую, блестящую от пота ладонь. Имя спутницы поразило Арглиде. Тома были влиятельным семейством и поговаривали, будто Всемогущий доверил его главе немало тайн.

— Я действительно Иоль Тома,— прошептала девушка ему на ухо.

Притупившееся было недоверие Арглиде тут же вспыхнуло снова. Девушка обаятельна, но ее происхождение заставляло держаться настороже.

Он лишь склонил голову.

— Тогда не понимаю, мадемуазель, что побудило вас заинтересоваться моей скромной персоной.

Иоль рассмеялась беззвучно и нервно.

— Пойдемте за Макхонтом, я вам все объясню. Как бы то ни было, в его лавке много любопытного.

Они прошли за полупрозрачные портьеры — два мерцающих силовых поля — и очутились в гораздо более просторном зале. Потолок, к которому Арглиде поднял глаза, был неестественно высок. Ему пришло в голову, что дело тут в каком-то оптическом ухищрении, ведь само здание, как и все вокруг, выглядело приземистым.

— Окна там, сзади,— протянула нежную руку Иоль.

Арглиде сперва не обратил на них внимания. Теперь, однако, он различал очертания прибора. Почти невидимый за тяжелыми занавесями, прихотливо изукрашенный, он позволял лишь догадываться о своих магических свойствах, но этого было достаточно, чтобы соблазнить возможного покупателя.

Макхонт обернулся, с лукавой усмешкой следя за Арглиде.

— Вы удивлены? Вы в первый раз слышите, что Окна можно использовать не только для доставки товаров? — Пройдя чуть вперед, он продолжил: — Я торгую снами, по крайней мере, так их называют мои покупатели, но вам, как и мне, известно, что Окна, изобретенные при Халифате три столетия назад, сообщаются с другими мирами благодаря искривлению пространства...

Арглиде неопределенно пожал плечами.

— Ну так вот, я лишь отправляю покупателя в эти миры, предварительно должным образом его защитив и подготовив... Попробовать не желаете?

Арглиде помрачнел. Он все больше и больше ожесточался.

— Нет, благодарю вас, я пока предпочитаю реальность. Реальность Замка, например...

Макхонт молча поклонился.

— Не могли бы вы оставить нас одних? — попросила Иоль Тома.

Макхонт так же молча вышел, однако от Арглиде не ускользнуло, с каким почтением обратилась к нему девушка. Не говорило ли это о тайном могуществе торговца снами?

У него было много вопросов, но все они, кажется, не имели никакого отношения к поискам демона.

— А теперь ответьте,— услышал он голос мадемуазель Тома,— какое поручение дала вам Лига Ночи.

От неожиданности он отступил на пару шагов, спрашивая себя, уж не шутит ли девушка.

— Это невозможно! Это касается только меня и...

— Забудьте, что мое семейство близко к Всемогущему. Я уже говорила, что знаю много такого, что может сослужить вам хорошую службу. Например, машина, которая собиралась вас задавить, принадлежит Эскорту Дам. Ее водитель, некто...

Он ждал, что девушка назовет имя, но та замолчала и улыбнулась.

— Вы хотите, чтобы я вот так взяла и рассказала вам все, ни о чем с вами прежде не договорившись?

Он пожал плечами и сделал вид, что уходит.

— Постойте! Куда вы?

— Пойду выполнять свою работу, мадемуазель.

— По наивности вы и не догадываетесь, что отправляя своих агентов на подобную авантюру, Лига Ночи посылает их на верную гибель. Ума не приложу, зачем она это делает, но это так. Ни разу еще Лига Ночи не достигала своей цели, ни разу!

— А почему я должен вам верить? Может, вас нанял Всемогущий?

— Будь это так, Бенжад Арглиде, я бы давно вас уничтожила.

Иоль говорила медленно, ледяным тоном. Он обернулся. Откуда ей известно его имя? Как далеко простирается ее власть?

— И только потому, что вы знаете, кто я и что мне угрожает опасность, вы находите возможным претендовать на мою откровенность?

Она наклонила очаровательную головку.

— А вы полагаете, этого недостаточно?

— Недостаточно! Я хочу знать, кто вы такая, Иоль Тома, и чего добиваетесь, вмешиваясь в мои дела.

— Ладно, я скажу...

В этот момент из соседнего зала донесся звук шагов. Девушка побледнела.

— Скорей,— вскрикнула она.— Они уже тут!

— Кто они?

— Ваши враги... Вы не такая важная птица, чтобы их знать, а я...

Но было уже поздно. Внезапно вынырнувший из-за портьеры Макхонт рухнул, поверженный ударом кулака. Пятеро стражников в серебристых мундирах с оружием в руках вошли в комнату.

Арглиде успел выхватить свой необычный пистолет, полученный им от Лиги, и, несколько раз выстрелив, бросился к Окну. Кто-то из стражников, выронив оружие, упал.

Оставался один-единственный выход, и Арглиде им воспользовался. Прыгая в самое жерло ада, он еще услышал голос Иоль Тома:

— К замку, Бенжад!..

III

"К Замку!.. — звучало в его мозгу.— К Замку!.." Но звучало как бы помимо его сознания, звучало как приказ, но все глуше и глуше.

Теперь не осталось никаких точек отсчета. Исчез Город, растаяли стражники Всемогущего. Единственной реальностью расстилающегося перед ним, такого близкого мира была багряная тишина.

И жара, как в оранжерее. Арглиде скользил взглядом по сторонам, щурясь от слепящих бликов. Что же до солнца, висевшего в зените, Арглиде и не пытался всматриваться в его оттенки. Во всяком случае, оно казалось огромным.

Скалы причудливо-алого цвета, напоминавшие груды застывшего мяса, вздымались из розово-оранжевой саванны.

Вскоре, однако, Арглиде засомневался, действительно ли под его ногами трава: стебли были слишком жесткие, слишком блестящие, выпрямляясь, они звенели, и звон отзывался эхом.

— Вот я и добрался до тех краев, которые Колзид упомянул в одной из своих баллад,— сказал себе Арглиде.

Это открытие потрясло его. Выходит, Колзид искал вдохновения для своего чудесного искусства в таких местах, как лавка Макхонта!

Колышется луг железный,
И память об облаках
На пастбищах музыкальных
Живее в моих стихах

Он сделал еще несколько шагов, и стебли зазвенели, запели — единственный звук в мире, словно устланном розовой ватой. Железный луг, музыкальные пастбища...

Куда теперь идти? Он спасся от стражников Всемогущего, воспользовавшись единственным путем к бегству, но город и Лига Ночи теперь так далеки, что возвращение кажется невозможным.

Однако Иоль Тома прокричала: "К Замку!"

Значит, ему предстоит разобраться в окружающей местности, исходя из мясистых скал и музыкальной саванны.

К Замку ведут большие Окна, приносящие Всемогущему неисчислимые богатства. Должно же это как-то соотно-

ситься с миром, в котором он оказался. Ему нужно только идти, не останавливаясь, и не поддаваться сомнениям. Рано или поздно он окажется у Замка и тогда его уже ничто не остановит.

Арглиде оглянулся. Окно, через которое он проник в багряный мир, было теперь едва различимо, но за ним на громадном расстоянии отсюда Арглиде поджидали стражники. Если только они не решили отправиться за ним вдогонку. Арглиде покачал головой: нет, они всего лишь наемники и вряд ли горят желанием рисковать своей шкурой.

Арглиде начал осторожно, никуда не сворачивая, удаляться от места, где, как он предполагал, проходила линия разлома пространства.

Скоро он перестал обращать внимание на позвякивание стеблей. Земля под его ногами была сухая и твердая. Он подошел к одной из розовых скал, протянул руку. Скала оказалась теплой и... Арглиде отшатнулся. Скала не была твердой — и, похоже, была вовсе не скалой.

Что там у Колзида после музыкальных пастбищ? Арглиде напряг память. Наверняка Колзид что-то говорил по этому поводу. Так что там дальше?

Какая-то перемена в небе прервала его размышления. Почти мгновенно стемнело. Нависли сумерки. Арглиде поднес к глазам ладонь, чтобы лучше видеть. Одна или две луны проплывали перед солнцем, и наползавшая тьма была их тенью. Затмение не должно продолжаться долго.

Почва под ним затряслась. Чтобы удержаться на ногах, Арглиде ухватился было за алую скалу, но скала исчезла, и он растянулся во весь рост. Но тут же с бьющимся сердцем вскочил на ноги. Земля ли удалилась от странной красной скалы? Или скала двигалась... сама по себе?

Когда новый толчок потряс землю, Арглиде бросился бежать. Краем глаза он смутно различил еще один скалистый островок, который... Но это могло ему померещиться, ведь он сам бежал что было сил.

Снова вспыхнул яркий свет, но Арглиде остановился только когда все успокоилось и земля перестала вздрагивать.

И только тут он заметил человеческие силуэты. Трое в коричневых комбинезонах рабочих Замка старательно укладывали какие-то ящики на странную платформу из белого металла.

Арглиде присел. Прошло немного времени, и платформа сама собой исчезла, словно растворилась в воздухе.

Рабочие остались. Казалось, они дожидались, когда можно будет продолжить работу, и не обращали ни малейшего внимания на странности вокруг.

"Пока они не уберутся,— решил Арглиде,— я не двинусь с места".

Это Окно должно было выходить к окрестностям Замка. А, может, и в сам Замок. Нужно будет действовать быстро, не мешкая, раз уж он здесь очутился.

Внезапно Арглиде понял — уже одно его появление в багряном мире означало, что он вовлечен в опасную цепь событий. Прежде всего будущих.

Он улегся среди музыкальных стеблей и закрыл глаза.

Человек в Красном приказал ему убить демона. Давал ли он раньше подобное задание хоть одному новобранцу Лиги?

И как демоны могли оказаться в Замке? Как Всемогущий, тщательно оберегаемый от всякой опасности, терпел такое соседство, самое худшее из всех?

Арглиде вспомнил о девушке. Иоль была из знатной семьи, близкой к Всемогущему, и, по-видимому, знала немало интересного,— например, что все поползновения Лиги заканчивались неудачей...

"Невозможно,— думал он.— Никак невозможно! Лига Ночи — единственная организация, которой когда-либо удавалось внушить ужас Всемогущему и заставить его действовать. Но зачем тогда отдавать приказ убрать человека, у которого нет никаких шансов выполнить задание?"

Может, именно потому, что он должен убить демона? Может, Всемогущий покровительствует демонам?

"Нет, Создатели Душ не были благодетелями,— подумал Арглиде.— Создав демонов, они отобрали у человечества искру, что привело к худшей из тираний".

Арглиде внезапно осознал, что все вокруг стало другим. Багровое небо угрожающе нависло над ним, будто придавливая к земле. Арглиде казалось, что его захлестывают волны черноты, а красные пятна напоминали сгустки крови. Мало того, ветер, такой холодный, клонил стебли, заставляя приглушенно звенеть всю саванну.

Он поднялся. Рабочих в коричневых комбинезонах уже не было. Осталась лишь платформа, тревожной тенью выделявшаяся в чужом сумеречном мире.

Оглядевшись по сторонам, Арглиде попытался определить, почему его вдруг охватила такая тревога. Разумеет-

ся, пейзаж, необычный и днем, с появлением тени, темно-красных призрачных огней, все больше напоминал ночной кошмар. Но разве только этим можно было объяснить... скажем, внезапное исчезновение людей, наполнявших ящики для Замка чем-то таинственным? Они бросили работу. Почему?

Дни и ночи в этом мире и на Земле не очень-то совпадали друг с другом. В Городе еще должно быть светло.

Арглиде осторожно подошел к платформе. Он остановился лишь когда решил, что находится метрах в трех от невидимого Окна. Невидимого? Но на земле отпечатки следов пропадали в каком-то метре перед ним.

Он наклонился, поднял черный камушек и бросил. Камень тут же исчез, канув в пространственный разлом.

"Теперь моя очередь",— подумал Арглиде и шагнул было вперед, но тут же упал навзничь, потому что землю снова затрясло, как во время затмения солнца.

В этот раз все, казалось, было серьезней. Арглиде попытался двигаться ползком. Во что бы то ни стало следовало убраться из этого опасного места. Даже перспектива вновь оказаться перед стражниками не представлялась ему сейчас такой ужасной.

Глубоко под ним ухнул настоящий взрыв. Саванна, в которую Арглиде угодил из лавки Макхонта, казалось, судорожно сжалась и вскинулась к мрачному небу, потянувшись, словно ласкающееся животное.

"Вот оно, то самое",— подумал Арглиде. И неожиданно вспомнил продолжение поэмы Колзида:

На пастбищах музыкальных
Под дикими небесами
Поющее нежно руно
Страшнейшего из зверей
Которого мир кровавый
Не видел прекрасней и злей

Прекрасный зверь Колзида явно подрос за это время. Может, он был теперь столь велик, что Арглиде по сию пору находился на нем?

Эта мысль так его поразила, так ужаснула, что он опрометью кинулся к Окну.

От мгновенного головокружения его затошнило.

Он очнулся лежащим на теплой скрипучей поверхности. И сразу ее узнал: внушительная скирда травы, кото-

рую он видел в саванне. Или, скорее,— *шерсти гигантского зверя, обитавшего в багряном мире.*

Арглиде резко вскочил и нырнул во тьму.

Он вернулся в Город и, похоже, попал на склад, где рабочие в коричневой одежде хранили дневной урожай.

Но какая польза от музыкальных стеблей?

Впрочем, куда более важным для Арглиде было то, что он добрался, пусть с некоторым опозданием, до внутренних помещений Замка.

Человек в Красном не разочаруется в нем.

IV

Как Арглиде и предполагал, солнце еще стояло над Городом. В углу странного склада со стенами из холодного камня виднелось стрельчатое окно, похожее на окна Замка. Арглиде на секунду выглянул наружу. Бесконечные ряды гладких крыш, отражавших прозрачное, с прожилками желтизны небо, оказывали почти гипнотическое действие.

Довольно далеко он увидел шоссе, огибавшее бедный квартал. Где-то там осталась лавка Макконта. Арглиде решил, что в багряном мире он не мог проделать такого длинного пути. Ничего удивительного, если расстояния в двух мирах совпадают не больше, чем течение времени.

Отойдя от окна, Арглиде заметил щит со множеством переключателей. Никаких указаний, как им пользоваться, не было, но он рискнул попробовать. После второй попытки щит с глухим скрежетом съехал в сторону. Коридор за ним, освещенный голубым светом, уводил вглубь Замка.

Поначалу Арглиде не понял, действительно ли он слышит музыку, или так отзывается в его мозгу далекий уличный гул, шум и крики толпы.

Ему казалось, он идет целую вечность. И хотя Арглиде, как любой житель Города, знал, сколь огромен Замок, ему стало не по себе. Впрочем, на пути так никто и не встретился. Иногда, правда, Арглиде прятался, заслышав чей-то голос за стеной или за дверью. Но где роботы-слуги Всемогущего и где стражники, которые должны тут кишмя кишеть?

И потом... эта музыка. Пока еще далекая, порой как бы подернутая дымкой. Напоминавшая мерцание звезд,— она то катилась волнами, то вдруг рассыпалась искрами.

Арглиде шел по узкому коридору, пол которого был устлан черным и белым мехом. Выступавшие из стен металлические статуи держали в руках факелы, сиявшие ослепительным светом.

"Куда же я иду? — подумал он.— И что буду делать, если наткнусь на кого-нибудь? Наткнусь прямо сейчас? Разве можно отыскать демона среди этой роскоши, где нет места страданию?"

Словно отвечая его мыслям, музыка, зовущая и нежная, звучала все громче. Никогда он не слышал ничего подобного. Музыка влекла к себе душу, как женщина влечет к себе мужчину.

Вдруг справа Арглиде увидел неплотно прикрытую дверь, из-за которой просачивался мягкий золотистый свет, не такой яркий, как в коридоре. Рассеянным движением проверив, на месте ли оружие, Арглиде осторожно толкнул дверь. Та бесшумно поддалась, открывая его взору удивительное зрелище.

Бледная девушка с ярко-рыжими волосами сидела за невысоким музыкальным инструментом, где вместо клавишей и струн были стебли травы из багряного мира — руно диковинного гигантского зверя.

Девушка повернулась к Арглиде, и музыка смолкла. Но он только тихо вошел и остановился на пороге, затаив дыхание и сожалея, что она перестала касаться пальцами хрустальных стеблей.

— Вам нравится эта музыка? — спросила она.

Губы у нее были бледные, бледные и пухлые, вопрос же больше походил на утверждение.

Арглиде кивнул. В глубине души он растерялся, но в нем снова заговорил дух противоречия. Он никак не должен оставаться здесь, в сердце Замка, где в любую минуту может появиться стража...

— Вы первый,— вздохнула девушка.

Арглиде не понял, что она хотела сказать, и шагнул вперед. К нему вдруг вернулось спокойствие. "Не лучше ли сунуть под нос этому нежному созданию оружие, прежде чем оно поднимет на ноги весь замок?" — спросил себя Арглиде. Хотя, может, он уже опоздал.

— Как... как называется эта музыка? — вымолвил он и сам удивился, что задает такой вопрос в таком месте.

— Первый ноктюрн для демонов... Я его сочинила год назад.

Слово "демоны" тут же вернуло Арглиде к действи-

тельности. Однако, как ни странно, длинноствольный пистолет не произвел никакого впечатления на юную музыкантшу.

— Знали бы вы, кто я такой,— тихо сказал Арглиде.— Впрочем, мне ни к чему больше скрываться.

— Я знаю, кто вы, а вот вы, мне кажется, заблуждаетесь на свой счет. Или я не права?

Он покачал головой.

— Вы хотите меня перехитрить, мадемуазель, а это нехорошо. Поиграйте еще...

Чуть помедлив, она тронула стебли, которые, задрожав, испустили несколько пронзительных нот. Эта новая мелодия ничем не напоминала те странные звуки, которые влекли сюда Арглиде.

— Мне очень жаль,— решился он,— но мне придется вас обезвредить... на некоторое время.

Она словно не расслышала и продолжала глядеть на него с улыбкой. Белизной прекрасного лица она напоминала древнюю статую.

Арглиде снял пистолет с предохранителя и медленно поднял.

— Знаете, я и сама боюсь, что сюда кто-нибудь придет...

Он опустил оружие.

— Меня ведь наказали, как маленькую. Со своими отец так же суров, как со всеми остальными.

Слова девушки не сразу дошли до него.

— Что? — переспросил он.

— Мой отец — Марвич Всемогущий. Вы разве не знали?

Арглиде покачал головой.

— ...А мне здесь еще два дня коротать. Но когда меня простят, я про вас никому не скажу. Впрочем, вас все равно к тому времени убьют...

Тошнота подступила к горлу, его охватила злоба и, отшатнувшись к двери, он выкрикнул:

— С меня хватит. Слышите, с меня хватит!

Девушка снова заиграла, теперь какую-то легкую пьеску.

"Хорошо, что не ту... другую",— с облегчением подумал Арглиде.

Он буквально выскочил за дверь и бросился прочь по коридору, по густому меху, в котором тонул звук его шагов.

Нет, нельзя оставаться в этой части Замка. Демоны, если они и правда обитают по соседству с Всемогущим, должны быть не здесь. Скорее уж где-нибудь внизу, в самом аду.

Роскошные лестницы с черными мраморными ступенями и кабины лифтов с инкрустированными цифрами, казалось, поджидали его. Цифры соответствуют разным этажам, сразу догадался Арглиде.

Он выбрал кабину с номером 185. Спуск длился целую вечность. Кабина лифта проплывала мимо этажей, по-своему расцвечиваясь на каждом. Крепко сжимая золоченые прутья, Арглиде думал, что нарушает сейчас уйму всяких запретов. Перед ним мелькали комнаты для свиданий, помещения дворцового гарема, совершенно унылого вида зал суда, зал казней. В какой-то миг ему вроде привиделась высокая фигура в одеянии всех цветов радуги... Но Замок слыл шкатулкой миражей, и Всемогущий обожал выставлять повсюду собственные изображения. Кажущаяся вездесущность создавала у него иллюзию неуязвимости.

Арглиде спустился много ниже уровня земли. На одних этажах царило явное запустение, на других до потолка громоздились архивы, куда не отказались бы заглянуть многочисленные недруги Всемогущего.

Лига Ночи, однако, интересовалась не архивами.

Кабина остановилась, и Арглиде вышел в холодный коридор, где из стен сочилась вода. Даже свет здесь был тусклым. В этом огромном здании жизнь, похоже, поддерживалась лишь местами; проходило время, и его обитатели перебирались в другие комнаты.

Здесь Всемогущий вполне мог устроить тюрьмы и засадить туда тех своих приближенных, кого считал недостаточно правоверными. Но, дойдя до конца коридора, Арглиде вдруг обнаружил, что в этом подземелье, в этой преисподней кто-то есть.

Он едва успел броситься наземь, заметив отсвет выстрела на влажной стене. Перекатившись по полу, он два раза выстрелил не целясь. Его противник рухнул вниз. Подойдя к нему, Арглиде увидел, что оба выстрела угодили человеку в грудь и почти сожгли его.

— Оставьте... Вообще-то он был негодяем...

Арглиде вздрогнул и обернулся, ожидая увидеть нового врага, но перед ним стоял безоружный старик, который только задумчиво качал головой, глядя на скрюченное тело.

— Но почему он в меня выстрелил? — спросил Арглиде.

— Просто заметил незнакомого... Гледор всегда был убийцей.

— А вы... кто вы?

— Я Колзид.

Арглиде так и подскочил, но старик жестом остановил его.

— Нет, не думайте, я не тот великий Колзид, что был поэтом. Я его сын, всего-навсего сын. Но послушайте, могу ли и я кое о чем вас спросить?

Отступив на шаг, Арглиде прислонился к стене.

— Я готов убить любого, кто помешает мне выполнить задание,— проворчал он.— Меня не остановит даже ваш возраст, Колзид.

Старик успокаивающе поднял ладонь.

— У всех у нас одно задание,— сказал он,— по крайней мере, *было* одно.

— Что вы хотите сказать?

Рука старика легла Арглиде на плечо.

— Пойдемте со мною и успокойтесь. Сейчас вам откроются вещи, которые едва ли оставят вас равнодушным.

Заинтригованный, но по-прежнему настороженный, Арглиде двинулся за стариком.

Что же на самом деле творилось в недрах Замка? Что означал этот лабиринт сырых коридоров, где вас подстерегают с единственным желанием убить? А демоны, о которых говорил Человек в Красном? Где они затаились?

Арглиде не успел додумать — его провожатый вышел из коридора, и они оказались под переливающимися сводами. Сверху или из ниоткуда проникали разноцветные полосы света, которые терялись в странном красно-буром пятне, отливающем золотом.

— Постойте,— вскричал Арглиде.— Что это?

— Идемте, идемте. Это всего лишь силовое поле — вам ли не знать?

Голос Колзида звучал теперь властно и строго, и его длинная сильная рука вцепилась в Арглиде. Тот нехотя вступил в круг света и не почувствовал ничего особенного, разве что стало чуть теплее — это было даже приятно. Дальше открывалась зала — просторная, с необычайно низким потолком, заставленная одними креслами. Десятками и десятками кресел самой разной формы. И в креслах, почти во всех — мужчины и женщины — неподвижно, молча взиравшие на вошедших. Арглиде забеспокоился и потянулся за оружием.

— Спокойней,— шепнул ему прямо в ухо Колзид.— Это такие же люди, как и вы,— ваши будущие братья, помогающие созидать мир.

Только теперь с легким смущением — ведь ему понадобилось так много времени, чтобы прийти к верному выводу,— Арглиде подумал, что его заманили в ловушку. И захотел убежать. Однако их взгляды, направленные на него, а теперь и *в него*, навсегда пригвоздили его к месту. И Арглиде медленно провалился в ночь.

V

— Бенжад Арглиде! Бенжад Арглиде!

Он вынырнул из сумрачного небытия, рядом с которым ночь была ничем,— из небытия, где не испытал ни боли, ни радости, но теперь он чувствовал себя отдохнувшим, готовым к самому худшему: к крушению всего, что знал и помнил и что оказалось теперь лишь внушенной ему иллюзией...

— Бенжад Арглиде! Бенжад Арглиде! — вновь донеслось до него.

То был голос Колзида, сына великого поэта, воспевшего багряный мир и гигантского зверя, который...

— Бенжад Арглиде, отвечай на мои вопросы!

Арглиде не знал, на что решиться. У края черной бездны — это была не смерть, а что-то более нежное, намного более нежное — он изо всех сил старался снова зацепиться за жизнь.

Они, наверное, поняли, что он пришел в себя, потому что тут же последовал первый вопрос:

— Что представляет собой Лига Ночи?

Трудно было не поддаться желанию ответить сразу, а осторожно подобрать нужные слова, зато так получилось более выразительно:

— Организация, цель которой лишить Всемогущего власти.

— Что вы ставите Всемогущему в вину?

— Он единолично властвует над страной и присваивает себе все, что только ни пожелает.

— Но разве это не свойственно всем правителям?

Надо было вспомнить, вспомнить точные факты...

— Нет. Прежде существовали формы правления, основанные на обоюдной выгоде.

— Что такое обоюдная выгода?

— Это когда правительство отдает распоряжения, руководствуясь глубинными интересами народа.

— Можно ли определить основные интересы народа, состоящего из нескольких миллионов различных существ?

— Не знаю. Думаю, можно.

— Нет, Бенжад Арглиде, нельзя. Еще один вопрос — известно ли вам, кто такие Создатели Душ и что они на самом деле создали?

Снова нужно напрячь память, обратиться к фактам...

— Первые Создатели Душ были психотехниками и... оккультистами. Они появились после первых манихейских крестовых походов как противовес Всеобщей Лихорадке, направленной против... Зла.

— А что в те времена считалось Злом?

— Знание, принесшее с собой разрушения, ненависть, насилие, страсти.

— Что еще?

Эти два слова задели его за живое. Внутри у Арглиде все сжалось, но он тем не менее ответил:

— Странные существа из иных миров.

— Что же предприняли Создатели Душ?

— Они нашли средство заключить зло, страсти в известные пределы, сосредоточить их в немногих специально отобранных существах. Например, в колдунах, обладавших способностью насылать страдания...

— А как назвали этих носителей Зла, от которого таким образом избавилось остальное человечество?

— Демонами, *демонами*, но...

— Что же в результате стало с людьми?

— Они успокоились, смуты прекратились. И тогда первый Всемогущий захватил власть. Создатели Душ не исцелили человечество, они только поработили его...

— Достаточно! Зачем вы, Бенжад Арглиде, вошли в контакт с Лигой Ночи?

— Чтобы бороться со Всемогущим.

— Какое вам дали задание?

— Убить демона... *убить демона.*

Теперь он испытывал настоящие муки. Ему хотелось вырваться отсюда, кануть обратно в ту ночь...

— Как же, по-вашему, выглядят демоны?

— Это существа из других миров, чудовища, уроды, которые, как принято считать, бродят ночью по городским предместьям. Создателям Душ никогда бы не достало жестокости заключить Зло в людей! Никогда!

— И тем не менее они это сделали!

С его губ сорвалось "Неужели?" или что-то вроде этого. Во всяком случае, он хотел показать, что не верит. Ночь вокруг рассеивалась, как если бы его напряжение передавалось внешнему миру. Он снова увидел лица мужчин и женщин, сидящих в креслах. Их глаза сверкали, жгли. И о чем-то напоминали Арглиде.

— Никакой Лиги Ночи нет,— медленно проговорил Колзид,— по крайней мере, в том виде, в каком вы ее себе представляете. Лига Ночи — особая полиция Всемогущего, в сущности, самая важная, а Человек в Красном, который ее возглавляет, и есть Всемогущий собственной персоной.

— Не может быть!

— Лига — организация избранных. Согласитесь, Арглиде, ведь необходимо нести в себе достаточно Зла и злой воли, чтобы предстать в качестве кандидата...

Арглиде не ответил. Его единственным желанием было отринуть все сказанное Колзидом.

— Но куда больше злой воли требуется, чтобы подобраться к Замку, пройти через багряный мир, угрожать дочери Всемогущего...

"Откуда он все знает? — подумал Арглиде.— Этот человек управляется со мной, как с простой куклой на веревочке".

— Согласитесь также, что было бы неосмотрительно оставлять свободным доступ к Замку, особенно если за теми, кто выбрал этот путь, Всемогущий не может проследить.

Да, об этом Арглиде не подумал. Но должно же быть объяснение, другое объяснение...

Вдруг он увидел лицо, женское лицо, которое так хорошо ему запомнилось. Он думал, что обязан этой женщине жизнью, а на самом деле оказался обязан ей лишь тем адом, который был ему уготован.

Иоль Тома смотрела на него так же пристально, как все остальные. Братья и сестры.

— Цель у Лиги одна,— вновь зазвучал голос Колзида,— распознать среди людей тех, кто блуждает в одиночестве, неся свой крест. По правде сказать, Создатели Душ поступили недальновидно. Развитие человечества невозможно без насилия, ненависти, агрессивности. Половой акт — уже борьба. В свое будущее человечество пробивается силой, берет его с боем. Поэтому сегодня главный демон в этом мире — сам Всемогущий. И ему в подручные требуются другие

демоны. В нас есть Зло, мы подвержены страстям, способны на безумные поступки. И, прежде всего, в нас жив инстинкт самообороны. Да и в самом деле, разве не было когда-то сказано, что волки будут пасти овец?

— Нет! — воскликнул Арглиде.— Все это ложь. Я на такое не способен.

Он потянулся к оружию. Если все эти мужчины и женщины — демоны, тогда он выполнит свое задание с блеском, на что Человек в Красном, возможно, и не рассчитывал.

— Я вас ненавижу,— заорал он,— всех ненавижу!

Арглиде увидел на их лицах улыбки и понял, что представил им самое блистательное из доказательств их правоты.

Он был свободен. Его выпустили. Выпустили из зала с бесконечными рядами кресел, выпустили из ада.

"Меня нарочно загнали туда",— подумал Арглиде. Но было так приятно идти по освещенному сиянием факелов коридору, говоря себе, что в нем хватит ненависти, чтобы ударить любого, кто подвернется под руку, и бросить ему в физиономию, что...

— Я не из их шайки,— повторял он про себя,— и никогда в их шайке не буду.

И при этом знал совершенно точно, какой ответ эхом отзывается в его душе. Там была только пустота, и словно обвалилось, рухнуло здание, составлявшее его прежний мир.

И при этом ему открывалась его собственная природа, к которой он лишь начинал привыкать.

И при этом он уже понимал, куда идет.

Туда, где играла музыка.

Над стенами Замка, над Городом и половиной мира стояла ночь. Здесь же, внизу, не было ни дня, ни ночи, лишь настойчиво звучала музыка, прекрасная, плавная и каждое мгновение новая.

Он вошел в комнату и увидел девушку по-прежнему за инструментом, ее пальцы все так же нежно и вдохновенно ласкали гибкие стебли.

Она играла ту самую мелодию, первый ноктюрн для демонов, неодолимо привлекавший их к себе, ведь они одни лишь понимали, сколь он прекрасен.

— Добрый вечер, сестра,— сказал Бенжад Арглиде и опустился у ее ног. Девушка ответила ему улыбкой.

Шарль Хеннеберг
Натали Хеннеберг

«У СЛЕПОГО ПИЛОТА»

Досье Департамента трансгалактических сообщений. Составлено на основании свидетельских показаний.

Потолок был низкий, и в магазине царил полумрак — самое подходящее место для того, кто больше не отличает день от ночи. Пахло ароматической смолой, курениями, к ним примешивался аромат какого-то экзотического дерева и высушенных в тени лепестков розы. Магазинчик помещался в подвале одного из старинных зданий той части города, что когда-то сильно пострадала от радиации: спустившись на несколько ступенек, вы оказывались перед точеной решеткой из венерианского сандала. Конический кристалл из древних руин Марса мерцающими бликами освещал вывеску: "У слепого пилота".

В то утро в магазин вошел высокий мужчина, за которым следовал робот-носильщик с каким-то ящиком. С первого взгляда было ясно, что это старый космический бродяга, уже наполовину свихнувшийся — участь многих, опаленных холодным огнем небесных светил. Прибыл этот человек из туманности Аселли — а может быть, с далекого Южного Креста: лицо его было желтоватым, словно воск — осунувшееся, изможденное лицо пилота, слишком подолгу жившего в кабине своего корабля, непроницаемого для ультрафиолетовых лучей, и слишком долго странствовавшего по джунглям космоса. Ящик был вырезан из серд-

цевины дерева, крепкого, как сталь, и в нем зачем-то просверлили несколько отверстий. Мужчина поставил ящик на пол, и его стенки едва приметно задрожали — словно внутри билось огромное насекомое.

— Вот,— хрипло произнес посетитель, хлопнув ладонью по крышке,— не продал бы это и за миллиард кредиток, но сейчас я на мели и надо продержаться, пока не получу свои наградные. Мне говорили, что ты хоть и кровопийца, но честный ростовщик. Так что возьми это в залог, я заберу через шесть дней. Сколько ты мне дашь?

Юноша, сидевший в углу в старинном кресле, обитом узорчатой парчой, поднял голову. Он напоминал грандов с картин Веласкеса, благородных кавалеров с обманчиво-изящными, железными руками, не стесняющихся своей красоты. Но верхнюю часть его лица закрывала черная повязка.

— Я не кровопийца,— ответил молодой человек ледяным тоном,— и я никогда не беру в залог животных.

— Слепой... Так вы слепой?! — пробормотал посетитель.

— Разве вы не видели вывеску?

— Авария?

— В секторе Плеяд.

— Прости меня, брат,— воскликнул путешественник. Но тут же хитро подмигнул: — А с чего ты взял, что это животное?

— Я слепой, но не глухой.

Действительно, из ящика раздавался едва слышный, почти неуловимый звон, но внезапно все стихло. Путешественник смахнул со лба крупные капли пота.

— Брат,— сказал он.— Это не животное. Ну... не совсем животное. И оно мне очень дорого. Я не могу продать его кому попало. А если до вечера я не раздобуду денег — мне каюк, понимаешь? Не видать больше полетов, как своих ушей. Отберут лицензию.

— Понятно,— негромко произнес хозяин.— Сколько?

— Ты правда дашь под него?..

— Нет, я никому ничего не даю просто так, а твой сверчок в клетке мне не нужен, я уже говорил это. Но я могу одолжить тебе пять тысяч кредиток — и не больше, а в залог оставишь свои пилотские документы. Через шесть дней заберешь их и вернешь мне на пятьсот кредиток больше. Я все сказал.

— Да ты и впрямь кровопийца, хуже любого жида!

— Нет, но я слепой,— отрезал юноша и добавил: — Этим

я обязан одному ротозею, который не поставил оружие на предохранитель. Ненавижу ротозеев.

— Но как,— поинтересовался старый пройдоха, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу,— как тогда ты проверишь, мои ли это документы?

— На это есть мой брат. Джеки, поди сюда.

Донесся тоненький смешок. Между метеоритом на подставке и почерневшим от ветхости покрывалом, где некогда истекал кровью земной мученик, с которого заживо содрали кожу, что-то зашевелилось, и из темноты выехал маленький уродец в коляске. Ног у него не было вовсе, а вместо рук — короткие обрубки, оканчивающиеся крючками, с помощью которых калека мог управлять своей коляской. Сморщенный ехидный старичок двенадцати лет от роду.

— Радиация,— лаконично пояснил слепой.— Но он вполне освоился с протезами. Джеки, бумаги в порядке?

— О да, Норт. Только они у него грязные, как половая тряпка.

— Ну что ж, это значит только, что они долго прослужили своему владельцу. Дай ему пять тысяч кредиток.

Слепой нажал на кнопку. Раздвинулись дверцы стенного шкафа. На верхней полке стоял небольшой обитый железом ящичек, а внизу лежала, свернувшись клубком, химера с Форамены — самое кровожадное существо во Вселенной, полукошка-полуфурия. Посетитель вздрогнул и отскочил подальше. Калека, ловко орудуя крючками, дотащился до шкафа, подцепил из ящика пачку кредиток и почесал чудовищное создание за ухом. Химера замурлыкала.

— Как видите, наши деньги под надежной охраной,— обронил Норт.

— Можно мне все-таки оставить у вас ящик? — с неожиданной робостью пробормотал посетитель.

* * *

И ящик остался. Калека на грузовом лифте поднял его в квартирку братьев под самой крышей дома. Хозяин сказал, что "не совсем животное" сейчас в спячке и кормить его не надо, а дырки в стенках ящика пропускают достаточно воздуха. "Только поставьте его в темное место,— попросил он.— Они живут в темноте и не переносят дневного света".

Дом был очень старый, с множеством лифтов, нежилых помещений и встроенных шкафов. Искалеченных радиацией и получивших увечья в последней войне, которые снимали в нем квартиры по дешевке, это вполне устраивало. Норт втащил ящик в темную комнату рядом со своей мастерской. В этот вечер в частном стереотеатре несколькими этажами ниже крутили ленту о покорении Плеяд — очень старую, даже без сенсорных эффектов, но Джеки заявил, что хочет ее посмотреть. Перед тем, как отправиться, он спросил брата:

— А она там не замерзнет, эта зверюга?

— Замерзнет, жди! Тот тип сказал, что она в спячке.

— К тому же,— язвительно добавил Джеки,— мы с тобой не нанимались ее греть.

Сеанс кончился около полуночи, и когда Джеки выбрался на улицу, вовсю светила луна. Потом мальчик признался, что в ту ночь был взбудоражен чем-то непонятным... Дом заливал яркий белый свет, и Джеки увидел, что застекленная дверь "чердака" — так он называл мастерскую брата в мансарде — затянута изнутри черной занавеской.

— Чего это Норт, испугался, как бы свет не повредил зверюге? — фыркнул мальчик.

Цепляясь крючками за перила, он быстро оказался у двери и постучал. Никого. Ключа в замке не было. Джеки тогда подумал, что брат спустился в бар, и он решил подняться на крышу — подождать там. Ночь была теплая, а воздух на такой высоте не уступал кондиционированному и отфильтрованному. Серебряная луна неподвижно висела в черном небе.

— Что-то в этом есть,— сонно размышлял Джеки,— этот свет точно так же лился еще в незапамятные времена, и сколько видела луна королей, поэтов и всяких там влюбленных!.. Вот кошки чувствуют притяжение луны: разорались в темноте, да и собаки тоже... Впрочем, в кварталах для бедных роль собак исполняли роботы. А Джеки давно мечтал иметь живую собаку — ему ведь было всего двенадцать лет! Но закон запрещал радиационным мутантам держать животных.

И тут...

(Показания свидетеля записывались на пленку, и есть основания предполагать, что здесь свидетелю не хватило дыхания. Запись была приостановлена. Следующая запись начинается со слов: "Большое спасибо за кофе. Было очень горько".)

Он различил какой-то тихий шорох — словно плеск далеких волн, когда прижимаешь к уху морскую раковину. Этот шорох становился все ближе, ближе... И тут он увидел — но не смог бы объяснить, как... Он видел жемчужно-серое небо, прозрачно-зеленую воду, отливающие серебром гребни волн. Джеки не очень удивился — он ведь только что посмотрел стереофильм. Скорей всего, кто-нибудь в доме напротив включил сенсорный проектор и его образы как-то достигли крыши.

Но гул все нарастал, и мальчик почувствовал, что погружается в зеленую воду. Запахло водорослями, морским прибоем. Увлекаемый течением, он двигался легко и свободно, забыв о своих увечьях. Под ним проплывали песчаные отмели, островки трепещущих водорослей и голубых, отливающих перламутром актиний. Поднявшись из океанских глубин, светились синеватым фосфоресцирующим огнем загадочные рыбы, проносились огненно-красные морские звезды. Прозрачная медуза задела его руку, и Джеки почувствовал ожог. Акула-молот спугнула стайку серебристых рыбок, и они взмыли вверх мерцающим облаком. А внизу сгущалась темнота, непроницаемая, таинственная: там чернел загадочный лес кораллов. Из трещины в скале высунулись щупальца осьминога, и Джеки вздрогнул.

Он наткнулся на торчащий из песка нос корабля. Маленькая черно-золотая сирена, увешанная ожерельями из ракушек, улыбнулась ему, и он, сам того не желая, опустился на дно и увидел пробоину в борту корабля, из которой выглядывал угол старинного сундука, полного драгоценностей — то были сокровища пиратов. В глубине трюма смутно белела груда костей, и оскаленный череп смотрел пустыми глазницами. "Любительский фильм,— запоздало подумал Джеки,— слишком уж все по-настоящему". Он рванулся вверх, изо всех сил оттолкнувшись крючками, вынырнул на поверхность — и чуть не закричал от ужаса.

Небо над ним — это было не земное небо! Норт не раз рассказывал, как выглядит темный безбрежный океан, открывшийся сейчас его взгляду — одни называют его космосом, другие — эфиром... Звезды, ставшие вдруг близкими, ослепили его. Вспыхивали и гасли, исчезая во тьме, метеориты. Джеки видел, как вращаются совсем рядом планеты и, казалось, мог дотронуться до них — красный шар, оранжевый, небесно-голубой, а вот и Сатурн кружит в своем кольце...

Они были так близко, что Джеки попытался отстра-

нить эти сияющие шары, сделал неловкое движение, упал и покатился вниз по ступенькам. Спустя какое-то мгновение открылась дверь — он не долетел еще до середины первого пролета — и снова его захлестнул океан, только на этот раз он погружался не один — вода стала вдруг красной, и это было очень страшно, а рядом с ним, покачиваясь, медленно опускалось на дно человеческое тело. Джеки увидел желтовато-бледное, иссеченное морщинами лицо.

Он поднял голову. В дверях стоял Норт, белый, как те старинные статуэтки из слоновой кости, что стояли на полках в магазине: черная повязка перечеркивала его лицо, словно деля надвое.

— Кто здесь? — истерически выкрикнул он.— Отвечай, не то я вызову полицию!

Грубый, злобный окрик. А ведь Норт всегда говорил с младшим братом так ласково...

— Это я,— дрожащим голосом пролепетал мальчик.— Я добирался домой и поскользнулся на лестнице.

("Я ему соврал",— скажет потом Джеки допрашивавшим его офицерам Департамента. И взглянет на них откровенно вызывающе: "Ну да, соврал. Потому что иначе, я знаю, он бы прибил меня".)

На следующее утро не было ни кровавых следов, ни трупа на лестничной площадке, но едва заметно пахло водорослями...

Джеки в задней комнате магазинчика разливал кофе. В стереовизоре менялись полосы утренних газет. Одна из них сообщала скороговоркой, что возле порта прибило к берегу труп неизвестного мужчины. На экране появилась фотография, и в это время вошел слепой.

— Эй, Норт! — ухмыльнулся Джеки.— Слушай, плакали твои пять тысяч!

— Что ты мелешь? — оборвал его брат, привычным жестом взяв чашечку из китайского фарфора и бутерброд.

— Тот тип, что притащил зверюгу, как его там? А-а, да, Жоас Ду Гуаште — ну и имечко, язык свернешь — так вот, его сегодня как раз выудили в порту. Кстати, они даже не знают, кто он такой — бумажник-то свистнули!

— Чистый убыток,— хмуро кивнул старший брат.— А ты уверен, что это он?

— Ну да, вот же его показывают. Не очень-то приятное зрелище.

По тонкому лицу Норта пробежала легкая судорога.

"У него вроде камень с души свалился", — подумал Джеки, но вслух спросил лишь:

— А что будем делать с его зверюгой?

— Она тебе мешает? — спросил Норт — на взгляд Джеки, как-то уж слишком легкомысленно.

— По мне, старина,— пробасил мальчик, подражая известному толстяку-комику,— лишь бы в брюхе не урчало! А откуда он явился, этот Жоас?

— Болтал что-то про Аселли,— ответил Норт, с ловкостью фокусника ухватив второй бутерброд.— Ты чем сегодня занимаешься?

— Дел по горло! Отослать заказ Смитсону. Получить партию "лунных колокольчиков". Да еще надо в центр переподготовки инвалидов.

— Вот и отлично. Прихвати заодно мне кассету с новостями за неделю.

Но в то утро Джеки не пошел ни в центр переподготовки, ни к заказчикам. Пристроившись со своей коляской на краешке движущегося тротуара, он отправился в Астроцентр. Это был небоскреб — один из сотен небоскребов города. Джеки с трудом добрался до лифта под смех и шуточки окружающих. "Никак этот малый собрался управлять звездолетом? — хохотали одни.— Вот будет высший пилотаж!" "Ты, обрубок! — кричали другие.— Дальше Луны все равно не улетишь!" Впрочем, Джеки давно привык к шуткам, приходилось слышать и не такое.

Мальчику было обидно, но не за себя — за Норта. Никогда больше Норт не войдет сюда, в эти залы, увешанные звездными картами, где вдоль стен тянутся полки с микрофильмами и стеклянные стеллажи с моделями кораблей от древних многоступенчатых ракет и спутников до гигантских ядерных звездолетов. Запыхавшись, Джеки подкатил к справочному компьютеру и, чуть подумав, задал вопрос.

— Аселли,— раздался бесстрастный голос.— Что именно вас интересует? Северный Анон? Южный Анон? Гамма Рака? Дельта Рака?

— А больше там ничего нет?

— Альфар, долгота 26°19′. Его называют также Альфой Гидры.

— Гидра? Такое морское чудовище? Значит на этой планете есть моря? Прочтите о ней все.

— Системных данных нет,— засвистел компьютер.— Планета практически не исследована. Поверхность цели-

ком покрыта океаном. Постоянных связей с Землей не поддерживается.

— А животные и растения?

— Фауна и флора типичная для океанов, ничего другого пока не обнаружено.

— Разумная жизнь?

Компьютер помедлил долю секунды.

— Также пока не обнаружена. Считается, что разумные обитатели отсутствуют. Из млекопитающих — только ламантины.

— Что это такое? — у Джеки вдруг тревожно сжалось сердце.

— Семейство водных млекопитающих отряда сирен. Травоядные. На Земле обитают у берегов Африки и Америки. Могут достигать трех метров в длину. Иногда заплывают в устья рек.

— Си... сирен?

— Отряд водных млекопитающих, близок к китообразным. Включает дюгоней и ламантинов.

Джеки заткнул уши и закричал:

— Да нет, нет, это я знаю, я спрашиваю, что такое сирены!

— Сирены, — проскрипел голос.— Мифические существа, наполовину женщины, наполовину птицы или рыбы. Согласно легендам, своим сладостным пением завлекают мореплавателей на рифы...

— Где?

— Да на Земле же,— компьютер, казалось, обиделся, что его перебили так неуважительно.— Между островом Капри и побережьем Италии. Похоже, молодой человек, вы сами не знаете, чего хотите.

Но Джеки как раз знал...

Когда он вернулся, все было, как он и ожидал: магазин заперт, к двери приколота записка: "Пилот вышел". Порывшись в карманах, Джеки отыскал ключ и скользнул внутрь. Тишина и порядок, как всегда, вот только запах... Запах теперь ощущался так явственно, словно у моря, на берегу тихой бухты, жарким летом: запах водорослей, ракушек, морского прибоя. И еще смолы — чуть-чуть. Джеки стал накрывать на стол, потом приготовил славный обед: салат из омаров и спагетти. Скрытный, замкнутый мальчик, ни на что не годный, кроме самых простых дел, он в глубине души любил заниматься домашним хозяйством. Наконец все было готово: в вазах стояли свежие цве-

ты, спагетти дымились в тарелках, а в бокалах с коктейлем медленно таяли кубики льда. Джеки трижды нажал кнопку звонка — это был условный сигнал. Братья, каждый со своим увечьем, очень привязались друг к другу, и между ними давно выработался лишь им двоим понятный язык — первый звонок означал: "Обед готов, ваша светлость, пожалуйте к столу", второй: "Хочу есть", а третий: "Хочу есть, есть, есть, черт подери!" Четвертый звонок мог бы значить примерно следующее: "Что случилось? Пожар?" С минуту поколебавшись, Джеки нажал кнопку еще раз. Тишина. Среди застывших диковинных растений и тускло поблескивающих камней с других планет Джеки стало страшно. Неужели Норт и вправду куда-то ушел? Мальчик добрался до грузового лифта и поднялся на верхний этаж.

Там он услышал новые запахи: повеяло чем-то пряным, незнакомым, дурманящим — откуда Джеки было знать, что это сказочные ароматы из прошлого: амбра, алоэ, росный ладан, горьковатый фимиам Балкиды Савской и крепкий мускус Клеопатры...

И музыка — отчетливая, почти осязаемая, словно сияющий столб света вздымался перед ним. "Как это на других этажах ничего не слышат", — растерянно подумал Джеки.

* * *

Норт Эллис тщательно закрыл за собой дверь, запер ее на ключ и на задвижку. Сильные и ловкие руки слепого действовали с точностью хорошо отлаженного механизма, движения были привычными, только сердце колотилось, дыхание стало прерывистым, и вдобавок Норт чуть не оступился на лестнице, так он спешил. Но все-таки осторожничал. Джеки... "Может, отослать мальчишку в Европу?" — подумал он, в изнеможении приваливаясь к двери. Тетка, сестра их матери, живет где-то за океаном, в маленьком городке с певучим названием. Нет, Норт не станет снимать с себя ответственность за судьбу Джеки...

Но он отбросил все эти заботы, отмел их, как сухие листья, и вошел в темную комнату, где стоял ящик под черным покрывалом. Пальцы его судорожно сжали крышку, и ладони тут же пропитались незнакомым ароматом дерева.

— Ты здесь?— прошептал он охрипшим от нежности голосом.— Ты ждала меня, да?

Та, к кому он обращался, притаившись в темноте, ответила не сразу, но волны музыки уже разбегались по комнате. И слепой пилот, упавший с небес на землю, словно птица с перебитыми крыльями, человек, которого не ждали больше ни давно умершая мать, ни рыжеволосая девушка с лицом нежным, как первоцвет, которая когда-то смеялась, запрокинув голову и разметав бронзовые кудри по белому платью,— этот человек не чувствовал себя больше обделенным и несчастным.

— Ты красивая, правда? Самая красивая... Твой голос...

— Что еще ты хочешь знать? — прошелестела волна, накрывая его.— У тебя нет глаз, у меня нет лица. Еще вчера, когда ты пришел ко мне, я сказала тебе: все, что поет и струится — это я. Водопад, окутанный облаком брызг, горный поток, волна с пенным гребнем, лунный отблеск на глади океана. И океан — это я. Войди в мои волны...

— Вчера ты заставила меня убить человека.

— Что такое человек? Я пою тебе о безднах, об убаюкивающих волнах, о черных глубинах и мерцающем свете, об океане — прародителе всего живого, а ты говоришь о смерти какого-то матроса. Этот ничтожный получил по заслугам: он поймал меня и запер в ящик, и он вернулся бы сюда, чтобы разлучить нас с тобой!

— Разлучить нас...— прошептал Норт.— Разве такое возможно?

— Нет, никогда, если ты пойдешь за мной.

Мелодия нарастала, стала пронзительной. Словно стрела, вонзившаяся в грудь, словно мост, перекинутый через безбрежный океан. Все, что скрывалось в подсознании, вырвавшись, устремилось навстречу этим звукам. Раскрылась пучина, водоворот, полный мерцающего тумана и искрящихся огней...

Норта закружило и понесло.

...Как странно узнавать здесь, за пределами человеческих представлений о времени и пространстве, звезды и созвездия, которые видел когда-то своими глазами — вот лучится холодным светом Полярная звезда, вот рассыпанные жемчужины Пояса Ориона... А он парит один в бездонном мраке, без корабля, без скафандра — как чудесно!.. Нити света оплели его сетью и покачивают в пустоте, или у него выросли крылья? Чердак, населенный калеками дом в радиоактивном квартале, Земля... Как все это до смешного далеко сейчас! Среди звезд он разглядел светящийся изгиб Дракона. Пересек бездну, полную мер-

цающих темных огней — Волосы Вероники, оцарапал руку о сияющий голубой сапфир — Вегу в созвездии Лиры... Нет, он не был один — живая музыка окутывала его и несла все дальше и дальше. Мелодия складывалась в слова.

— Ты думал, что познал бесконечность? — пела она.— Жалкие создания, вы считаете себя всеведущими и всесильными. Вы построили грубые машины, которые нарушают гармонию звезд, а потом вспыхивают и падают, сгорая, и с ними сгорают хрупкие души людей... Иди за мной, я покажу тебе, что видим и знаем мы во мраке, в глубинах океана — ведь снизу можно увидеть то же, что наверху...

Созвездия стремительно надвигались — и музыка звучала все громче. Норт смотрел во все глаза на то, чего ни один пилот никогда не увидел бы и на самом лучшем стереоэкране: словно россыпи рубинов и изумрудов множество разноцветных солнц, спирали созвездий, подобные огненным змеям... Дождь метеоритов пронизывал неподвижные скопления звезд. Сверхновые неслись ему навстречу, взрываясь, разлетаясь на мельчайшие осколки, пляшущие в звездных вихрях, гиганты и карлики низвергались огненным водопадом. Пространство и время стали пылающим кратером вулкана.

— Выше! Быстрей! — пел голос.

Это было уже не просто головокружение, не просто пьянящий полет. Норт словно сбросил свое тело, растворился, смешался со звездной пылью, сам стал песчинкой, затерянной в бесконечности...

— Выше! Быстрей!

Когда же он ощутил это? Быть может, в этот самый миг оттуда, из-за звездных аркад, из бездны, из таких глубин, о каких и помыслить не может человек, повеяло на него ледяным дыханием и он почувствовал, как его сковывает ужас. Нет, нечто большее, чем ужас. Он провалился на самое дно пучины, он преодолел бесконечность — и там кончился полет. Там начиналась пустота, небытие. Норт лежал на дне глубокого колодца, в кромешной тьме и ощущал вкус крови во рту. Стены колодца то и дело содрогались от ритмичных ударов. Он попытался подняться и почувствовал, что опирается руками на шероховатую деревянную поверхность. Детский голос звал его откуда-то издалека:

— Норт! Норт! Ты что, не слышишь? Открой дверь! Открой же!

Норт медленно приходил в себя. Его трясла дрожь, он был так слаб, будто вся кровь только что вышла из него. На миг Норту показалось, что его корабль снова потерпел крушение в Плеядах. Приподнявшись на локтях, он пополз к выходу. Ему еще хватило сил, чтобы отодвинуть засов и толкнуть дверь, и тут же, на пороге, он потерял сознание.

* * *

— Понимаете, это были такие путешествия...— Джеки поднял голову и посмотрел на сидевших перед ним офицеров Департамента космической полиции. Они оказались совсем не злыми. Дали ему сэндвич и теплый плед. Но разве эти люди смогут понять?

— Я и не знал, что Норту было так плохо,— продолжал он.— Я-то никогда не путешествовал, раз только был у моря. А Норт... С тех пор как он ослеп, он всегда казался таким спокойным! Я думал, он теперь стал, как я. Мне всегда было хорошо возле него, и никуда не тянуло. Чтобы походить на него, я даже иногда завязывал глаза, мне было интересно, как можно воспринимать мир только в звуках. Правда, уборщица и ночной сторож (не робот, а настоящий сторож) не раз говорили нам: не годится так жить двум парням. Но ведь Норт слепой, а я калека. Кому мы нужны?

Нет, подумал начальник Департамента, мальчик ошибается, Норт кому-то очень нужен. Но вслух ничего не сказал, и Джеки продолжил свой рассказ.

На следующий день было пасмурно. Норт зачем-то вытащил из груды хлама свой старый скафандр и, посвистывая, принялся начищать металлические части.

"Хочу поставить его у входа в магазин",— объяснил он Джеки.

Около полудня зазвонил телефон. Сняв трубку, Джеки услышал, что руководство известного на всю страну детского приюта не решается принять ребенка со столь сильными увечьями. Мальчик выслушал казенные извинения и молча положил трубку. Итак, речь шла о нем. Значит, Норт хочет от него избавиться?.. С ума он сошел, что ли? Ведь для него это все равно, что еще раз ослепнуть! За завтраком, когда ни один из братьев не проронил ни сло-

ва, Джеки пришло в голову перерезать телефонный провод — наконец-то тогда все оставят их в покое. Однако сначала он решил позвонить доктору Эверсу, их лечащему врачу. Но телефон молчал. Джеки понял — Норт опередил его.

Тогда он постарался стать маленьким и незаметным, забившись со своим креслом в уголок за сундуками, а потом вскарабкался на книжную полку. Эта полка давно стала его привычным убежищем, его тайником. Наверху лежало несколько древних фолиантов в переплетах из золотистой кожи, пахнувшей то ли ладаном, то ли сигарами, с пожелтевшими страницами и чудным шрифтом, которым пользовались в XX веке. В них были странные картинки — не мультипликация, как теперь, просто неподвижные. Открыв наугад одну из книг, Джеки сразу наткнулся на увлекательный рассказ о капитане, который плыл на своем корабле все вперед и вперед по свинцово-синему морю. Паруса корабля были из алого шелка, а сам корабль — из драгоценного сандала. С берега доносилось сладостное пение, песня лилась и звала моряков к неизведанному... Перед кораблем вздымались рифы в облаках брызг, словно осыпанные жемчужинами, луна озаряла скалы, а Улисс привязывал своих матросов к реям и заливал им уши воском. И лишь он один услышал пение сирен...

— Норт,— спросил вдруг мальчик, забыв о всякой осторожности,— скажи, а сирены бывают?

— Как? — переспросил слепой, вздрогнув.

— Ну, моряки в старые времена рассказывали...

— Глупости,— ответил Норт.— Эти моряки слишком подолгу бывали в открытом море, а от этого можно тронуться рассудком. Представляешь, они добирались от Крита до островка под названием Итака дольше, чем мы теперь до Юпитера. Иногда у них кончалось продовольствие, и они голодали, а их корабли были не прочнее ореховой скорлупки. Но главное — много месяцев они не видели ни одной живой души, кроме друг друга, и все были одинаково грязные, заросшие и слегка чокнутые. Ну и, сам понимаешь, рассудок у них мутился, так что любая девка с пиратской шхуны могла показаться им Цирцеей или Калипсо, а за сирену они принимали первого встречного кита или дельфина.

— Или ламантина,— сказал Джеки.

— Ну да, ламантина. А ты сам-то их видел?

— Нет.

— Конечно, вряд ли они есть в зоопарке. Возьми-ка четвертый том энциклопедии, он слева, на полке. Где написано "Естественные науки". Открой страницу 792. Нашел?

Между пожелтевших страниц Джеки увидел совсем новенькую закладку — значит, Норт уже листал этот том, хоть и не мог его прочесть. На картинке было изображено крупное животное вроде моржа с большой круглой головой, пышными усами и маслянисто поблескивающей кожей. Рядом такая же самка кормила детеныша. У всех троих был очень серьезный вид. Джеки стало смешно,— не сдержавшись, он захихикал.

— Забавно, да? — спросил Норт. Мальчик никогда не слышал, чтобы брат говорил таким глухим, будто надтреснутым голосом.— Подумать только, сколько людей бросалось, очертя голову, в волны из-за этих тварей. Точно, они все были чокнутые!

Но ближе к вечеру Норт предложил Джеки билет в планетарий и спросил, не хочет ли тот покататься на аттракционах в луна-парке.— Спасибо,— ответил мальчик,— что-то не хочется.— Ему действительно не хотелось выползать из своего угла, на полке было так уютно. Он снова открыл толстый том в золотистом переплете, осознавая впервые, что мир полон тайн, и что судьба может принимать самые разные обличья. Перед его глазами сменяли друг друга названия сказочных островов, легендарные герои отправлялись на поиски золотого руна или вызволяли своих возлюбленных из царства Аида. Или, взлетев к самому солнцу, обжигали крылья и падали с небес...

Норт бродил по магазину, закрывал окна и переставлял безделушки на полках. Он ушел бесшумно, Джеки и не заметил: только когда мальчик собрался спросить еще о парусных кораблях, он понял, что брата нет. Охваченный внезапным страхом, Джеки слез с полки и обнаружил, что его кресло на колесах тоже исчезло. Цепляясь за что попало, он стал выбираться из-за сундуков и тут, среди сваленного в углу хлама наткнулся на что-то мокрое, липкое и очень страшное: это был бумажник Жоаса Ду Гуаште. А в нем — пять тысяч кредиток...

Страх Джеки перерос в ужас. Почти ничего уже не соображая, он пополз к двери, но та была заперта. Добрался до шкафа-лифта — он тоже не открывался. Внутри отчаянно мяукала химера с Форамены.

— Плохи наши дела, старушка,— прошептал Джеки, прижавшись губами к щели.— Заперли нас с тобой.— Он

до боли закусил губу, слизнул кровь, выступившую в уголках рта и глубоко задумался. Надо было что-то делать, и быстро. Колотить в дверь бесполезно: уже поздний вечер, на улицах никого, все нормальные люди сейчас дома перед стереовизорами; и стучать в стены нет смысла — в полуподвале, где находится магазин, никто не живет, в подвале тоже. Телефон отключен. Джеки поступил так, как повел бы себя любой мальчишка, запертый в пустой комнате, только в отличие от других, для него это потребовало почти нечеловеческих усилий: он вскарабкался по шторе на подоконник, крючком ухитрился открыть окно и спрыгнул вниз. Упал на спину и больно ударился о камни мостовой.

* * *

"Вот проклятый мальчишка,— подумал Норт, отпирая дверь мансарды.— Сирены ему понадобились!.."

У него дрожали руки. Волна знакомых, ставших уже привычными ароматов нахлынула и окутала его — таким воздухом дышал он когда-то на далеких планетах. Норт понял, чего от него хотят и, не сопротивляясь более, поплыл по этому океану, увлекаемый водоворотом звуков и запахов. Его искалеченное тело, ненужное больше, ставшее обузой, осталось лежать где-то, покачиваясь на волнах...

— Вот и я,— пела музыка.— Я с тобой, я в тебе, а ты теперь — это я. Тебя хотят удержать на Земле, но все, что связывает тебя с Землей — чепуха. Ты не землянин больше, ибо мы с тобой — одно. Вчера я показала тебе глубины, которые знаю я, теперь покажи мне звезды, которые знаешь ты. Расскажи, какие планеты ты видел, пусть твои воспоминания одно за другим станут моими. Быть может, так мы с тобой найдем наш мир, который ждет и зовет нас. Идем. Я выберу тебе планету, как драгоценнейшую жемчужину в россыпях жемчуга...

И тут он увидел их все.

Вот Альфа Спики из созвездия Девы, ледяной шар, чья атмосфера так насыщена водяными парами, что корабль, едва снизившись, весь покрывается инеем. Эта планета мерцает, словно тысячегранный бриллиант в лучах далекого зеленого солнца: она покрыта льдом почти до самого экватора. Если спуститься, тебя со всех сторон опутают разноцветные радуги, ослепит северное сияние и снег, а снег там пахнет ладаном — всем пилотам знаком его дурманящий аромат. Любой случай-

но задержавшийся на этой планете астронавт уже через несколько часов терял рассудок.

Норта неодолимо влекло прочь, подальше от этого мира, и следующая планета, которую он узнал, был Фос из созвездия Лебедя, планета-магнит, планета-могила. Отсюда он тоже всегда предпочитал держаться подальше: по орбите этой планеты кружили тысячи погибших кораблей, которые она затянула в ловушку. Самые отчаянные астронавты навеки остались здесь в своих блестящих стальных гробах: этот шар, размером не больше Луны, целиком состоял из чистейшей магнитной руды.

Они вихрем промчались мимо капли раскаленного кипящего хрусталя — это был Альтаир. Еще одна западня подстерегала их в созвездии Ориона, в центре которого сверкал огромный бриллиант — Бетельгейзе; вокруг в пустоте вставали миражи, целый лес миражей, пронизываемый ослепительными молниями. Планета, притаившаяся там, не имела в атласах даже названия, а сами астронавты называли ее Солнечной Росой. Космические лоцманы боялись этого места, как преисподней.

— Выше,— пел голос, и тысячи звездных отголосков подхватывали его песню.— Выше! Дальше!

Но тут Норт попытался освободиться. Он понял, куда его влечет, и знал, что на этом пути его ждет нечто худшее, чем преисподняя. Ибо ему уже пришлось пережить это однажды. Там, в самом центре таинственного созвездия Рака, была удивительная планета с низким, серебристо-лиловым небом. Прекраснейшая из всех, которые он видел, та единственная, которую он полюбил, как женщину, потому что два ее океана напомнили ему пару зеленых глаз. Корона из десяти мерцающих лун венчала Альфу Гидры,— планету, которую первые астронавты называли Альфаром. Океаны ее были бездонны, пенистые гребни вздымались на них, и царил здесь запах моря, соли, водорослей и амбры. Она была окутана музыкой ультразвуковых волн, которая делала невозможной связь с этим миром и сбивала с пути звездолеты. Кислорода в ее атмосфере было так много, что самый воздух ее опьянял и убивал все живое. Корабли, которым удавалось оторваться от коварного Альфара, уносили на борту мертвецов с застывшей на лицах счастливой улыбкой.

И вот однажды, пытаясь выбраться из этой манящей западни, корабль, управляемый Нортом, устремился к созвездию Плеяд и там вспыхнул, столкнувшись с астероидом...

Кровь неистово забилась в висках бывшего астронавта. Над горизонтом взмыло огромное светило — Поллукс, оно задрожало и взорвалось — будто что-то взорвалось в голове Норта, за ним так же вспыхнули Процион и Сириус, и весь Млечный путь зашелся в судорогах. Человек, затерянный в этом огненном океане, бессильное существо, отчаянно барахтаясь, погружался во мрак. Крошечный атом среди гигантов, да нет, не атом — всего лишь отзвук, эхо далекого звука посреди звездной симфонии...

* * *

— Здесь,— сказал Джеки, утирая ладонью кровь с прокушенной губы.— Клянусь вам, инспектор, что это здесь. Вот из этого окна я выпрыгнул.

Да, вот оно, окно, и осколки стекла, которое он разбил, падая, но Джеки молчал о том, как ему было больно. Он сильно порезался и некоторое время висел на своих крючках, а свалившись вниз, потерял сознание. Когда, наконец, мелкий дождик заставил его очнуться, он пополз. "Я все полз и полз..." — говорил он потом в полиции. Мимо проносились машины, люди в некоторых даже притормаживали, заметив на дороге непонятное существо, похожее на раздавленную гусеницу: "Ой, Мэрилин, смотри какой забавный уродец!" "Не останавливайся, Гейл, это же мутант". "О, звезды! Они ведь, кажется, заразные!.." Джеки только крепче стискивал зубы. Наконец рядом с ним остановился небольшой грузовичок. Это был мусоровоз. Два робота-мусорщика подняли мальчика. Он отчаянно закричал, представив себе, как его везут на свалку и швыряют в кучу отбросов. На его счастье за рулем сидел человек, который услышал крики и отвез Джеки в полицейский участок...

— Я ничего не слышу,— сказал инспектор после минутной паузы.

— Никто во всем здании ничего не слышит,— задыхаясь, проговорил Джеки.— Наверное, это дано только очень несчастным, или уж не знаю... предрасположенным, что ли? Может быть, это ультразвук? Смотрите, ваши собаки беспокоятся!

И правда, красавцы-доги, собаки спецслужбы, дрожали, топтались на месте и тихонько поскуливали.

"Ну и дельце мне опять досталось,— подумал инспек-

тор Морель.— Везет, как утопленнику: обрубок-мутант, свихнувшийся астронавт, какая-то сирена... А коллегам в Управлении дай только повод поржать..."

Но Джеки плакал и колотил крючками в дверь, и инспектор, подумав, кивнул своим людям: "Ломайте!" Мальчик тут же пополз к лифту; один из полицейских собрался было пристрелить химеру, которая, злобно урча, выскочила из шкафа.— Не надо! — выкрикнул Джеки.— Это только большая кошка с Форамены. Вы поднимитесь, пожалуйста, поднимитесь наверх, а я доберусь на лифте!

"Сумасшедший дом,— тоскливо поморщился инспектор.— В жизни такого не видел". Куда ни глянь, везде стояли и лежали странные предметы — не то роботы, не то идолы, один с тремя головами, другой с семью руками. Повсюду валялись говорящие раковины. Один из полицейских взвыл от ужаса, почувствовав, как его ногу обвила живая лиана. И чего только таможня космопорта пропускает такие штуки? Давно бы пора запретить. "Да,— заключил инспектор,— неудивительно, что тот парень спятил..."

Когда полицейские поднялись на крышу, Джеки лежал перед запертой дверью мансарды, тщетно пытаясь открыть ее своими крючками. Был ли это ультразвук или что-то другое, но взрослые сильные мужчины в форме побледнели. Неземная музыка, заполнившая чердак, была теперь слышна и почти осязаема. Инспектор решительно постучал в дверь и гаркнул: "Открывай!" Но никто не отозвался.

— Он умер, да? — прорыдал Джеки.

Но чувствовалось, что там, внутри, притаилось что-то живое. И недоброе.

Морель велел полицейским встать по двое с каждой стороны двери. Специалист по замкам, коротышка с плутоватой физиономией, принялся за работу. Полицейские должны были, как только он закончит, распахнуть обе створки и ворваться внутрь, сам же инспектор с лучевым пистолетом прикрыл бы их в случае внезапного нападения. Но в мансарде царила непроглядная тьма: надо было, чтобы кто-нибудь посветил мощным фонарем.

— Давайте я! — сказал Джеки. Он весь дрожал, лицо его было мертвенно бледно.— Инспектор, если там лежит мой брат, вы не можете мне не позволить... В конце концов, чем я рискую? Вы ведь пойдете впереди. И клянусь, я не выпущу из рук фонарь. Ни за что!

Инспектор смерил взглядом это жалкое подобие человека.

— Ты можешь попасть под удар,— хмыкнул он.— Никогда не знаешь, какое оружие применят эти инопланетные твари. Нам не понять, что они там себе думают и чего хотят... Может быть для этой зверюги петь, как для нас дышать!

— Знаю,— ответил Джеки.

А про себя добавил: "Потому-то я и попросил дать мне фонарь. Я должен решить с ней все один на один".

Инспектор протянул ему фонарь. Мальчик так и вцепился в него. И тонкий белый луч лезвием ножа проник в замочную скважину.

Все почувствовали, как ослабло нечеловеческое напряжение. Словно бы порвался туго натянутый канат. Собаки тут же успокоились и легли на пол,— с их языков еще капала пена. И тут вдруг за дверью что-то рухнуло с оглушительным грохотом, глухо ударившись об пол...

Чердак наполнился отвратительным запахом паленого мяса. Далеко внизу, на улице, как муравьи, забегали и закричали люди. Дом горел. На крышу будто упал с неба огромный пылающий факел...

Полицейские вышибли дверь, и Морель, переступив порог, наткнулся на страшное обгоревшее тело, вернее груду обугленной плоти — даже лица у Норта не было. Так мог выглядеть человек, выброшенный из космического корабля и долго падавший среди звезд, как метеорит... Человек, оказавшийся в космосе без скафандра... Сломанная марионетка... Норт Эллис, слепой пилот, потерпел свое последнее крушение.

Полицейские отшатнулись, не в силах справиться с тошнотой. Но Джеки не двинулся с места. Крепко держа фонарь, он поворачивал его в разные стороны, прощупывая темноту. Музыка, которую слышал он один, стихала, постепенно превращаясь в какофонию. Вот невидимое существо испустило последний предсмертный вопль (тут во всех окнах со звоном вылетели стекла, а на стенах домов погасли светильники).

И наступила тишина.

Джеки уселся на пол и снова облизал окровавленные губы. Полицейские уже срывали черные занавески, расшвыривали мебель. Один из них крикнул:

— Шеф! Тут ничего нет!

Джеки выронил фонарь и приподнялся на своих культях.

— Посмотрите в ящике! — закричал он.— Там, рядом, в темной комнате!

— Там тоже ничего. И ящик пуст.

— Смотри-ка,— заметил самый молодой из полицейских, — тут что-то валяется...

Когда "что-то" вынесли на площадку, Джеки сразу узнал круглую голову, которая теперь раскачивалась, как маятник, блестящую черную кожу, плавники... Должно быть, существо умерло от первого же луча света, но и мертвое его тело еще продолжало испускать волны ультразвука. Ультразвуковой излучатель? Нет. Из двух красных щелок на голове существа капали кровавые слезы. Они совсем не переносят света, эти сирены с Альфа Гидры...

Жильбер Мишель

КАК РАНЕНАЯ ПТИЦА

Он падал бесконечно долго, это видели все. В своем полупрозрачном одеянии он походил на раненую птицу, возвращающуюся в гнездо. Кое-кто утверждал, что у купален сладострастия или, может, чуть ниже он закричал, однако знавшие его лучше отказывались этому верить.

Его звали Арго — подходящее имя для того, кому суждено погибнуть в полете. Нет, он не закричал. Он умер как герой, должно быть, и в вечности сохранив свою улыбку... язвительную прорезь на пергаментном лице.

Никто не полез на дно котловины искать труп, боялись заплутать в лабиринте с его галереями, туннелями и узкими проходами. Там было слишком сумрачно, и слишком многие силы проявляли там свои причудливые свойства. Тех, кто был мало-мальски наделен воображением, преследовало видение: исковерканное тело, соскальзывающее с плоской площадки в проход...

В компании об Арго говорили редко. Он умер как настоящий художник, приняв на себя во время падения полную ответственность за ту дополнительную толику страха, которой себя обрек.

Эзион не одобрял его жеста, находя в нем некое несовершенство. "Отсрочка, которую предоставляет слишком долгое падение,— говорил он,— разрушает изящество самого поступка.— И добавлял: — Результат нечеток. У падающего с Вершин Града слишком много времени, чтобы разбить твердый кристалл совершенного деяния. Отсутст-

вие зрителей ничего не меняет: поступок должен быть безукоризнен именно потому, что вынашивается он в одиночестве".

Эзион славился строгостью взглядов.

Юмо, по-видимому, склонялся к сходной точке зрения.

— Самоубийство,— цедил он сквозь зубы,— следует задумывать как поэму. Не надо останавливаться перед повторением древнейших образцов ритмических композиций. Первые строфы — психические,— которыми вводится идея, должны по важности не уступать итогу, который в гармоническом виде получают, уравновешивая колебания, вполне естественные на настоящей стадии нашего развития при условии, однако, что на заднем плане сознания филигранью проступает развязка.

Лаго считал, что смерть должна быть мгновенной. "Как фиолетовая молния при ущербной луне". И объяснял:

— Потрясение от деяния надрезает ткань действия с усилием, которое я бы назвал... эстетическим (в компании Лаго находили несколько поверхностным). Мелодическая линия, определяющая мелкие события последних часов жизни, должна замыкаться на себя и ослабевать как раз в то мгновенье, когда художник кончает счеты с жизнью.

— Но разве тем самым не обманывают ожиданий, связанных с самим поступком? — спрашивали у Лаго.

— Ни в коей мере. Мгновенная смерть своей насыщенностью уравновешивает долгие периоды мысленной и физической подготовки, энергетический потенциал которой, согласитесь, ниже.

Он высказывался за мощное оружие, нейтронный взрыв тела, например, дополняющий преходящее изящество замысла изысканным разложением плоти на мельчайшие элементы.

Иногда он заявлял:

— Свой выбор я сделал. Устройство уже есть, и я приступил к подготовке. Действовать буду как подобает, официально дам знать о своих намерениях на предстоящих ораторских состязаниях. Там я вызову у себя поэтический транс, который должен привести к озарению. Вы не раскаетесь, что дали готовиться мне так долго...

Никто в этом и не сомневался.

Самоубийства Лаго ждали с известным любопытством.

"Симфония, в высшей степени соразмерная, чудесная по широте охвата... Вершина... Наслаждение..."

Дни проходили за днями. Заметных событий случалось немного. Бирюзовые кометы, появляющиеся каждый год во время катаклизма, озаряли пространство над самыми высокими башнями.

Лаго осуществил свой план: он взорвался точно в предсказанное им время, и смерть его можно было бы отнести к настоящим шедеврам, сумей он правильно рассчитать дозу нейтронного излучения. Вместе с его хрупким телом в единый миг исчезли обитатели Дворца Славы, среди которых он имел привилегию пребывать, три тысячи жителей Высот, собравшихся, чтобы присутствовать на церемонии, и два сановника, прибывшие с Верхних Сфер, дабы проследить за аппаратурой. Все были неприятно поражены, ведь некоторые из этих людей ранее уведомили о своем решении тщательно подготовить собственное самоубийство — выходит, Лаго лишил их наивысшего наслаждения.

Произведение искусства оказалось омрачено недопустимыми последствиями. Вердикт всей компании был суров: самонадеянность, отягощенная техническим невежеством.

В начале тридцатого тысячелетия два этих порока считались отвратительными.

Из своего сферического обиталища на Вершинах Властелин Высот повелел собраться всем обычным и сверхмагам. Подобное случалось крайне редко.

Со времени последнего собрания в прошлом столетии Властелин Высот почти не изменился. Высокий, худой, сгорбленный (по странной прихоти он не соглашался на замену скелета, принятую в четырехсотлетнем возрасте), он осторожно скользил по круглой площадке, служившей местом собраний. Длинное металлическое одеяние окутывало его, словно саван. Всем бросалось в глаза крайнее его изнеможение: Властелин полностью отдавал себя служению планете.

Одна за другой зажглись сферы: вокруг Властелина Высот на равном удалении от него расположились Мудрецы.

Странное сходство объединяло двенадцать советников Высшего Зодиака: одинаковые холодные взоры, лишенные выражения, одинаковые черты лиц, едва различимых в своем единообразии, свидетельствовавшие о полном самоконтроле, одинаковая печать сдержанной силы... или отрешенности... или неорганической вечной жизни.

Мысль, облекшаяся в плоть.

Звуковой сигнал обозначил начало связи. Все сразу почувствовали, что ритуал изменится, но никто из Мудрецов не выказал ни малейшего удивления: долгие века постоянных раздумий, психических экспериментов, насилия над собственной плотью, постепенной адаптации к самым различным сторонам человеческой жизни приучили их уходить от любой неуместной реакции.

Даже тень любопытства не тронула их черт.

Ожидание... и потоки мысли, проносящиеся по экранам.

У Мудрецов не было никаких личных забот. Принимая в себя всевозможные проявления агрессивности, они очень рано разрушали свой собственный внутренний строй. Может, они не всё знали, но готовы были ко всему. Многие века им представляли любое неотложное дело как увлекательную задачу, требующую разрешения, и они вгрызались в нее со всей настойчивостью. В этот день они предчувствовали самое худшее. Еле заметные странности в поведении Властелина Высот насторожили их.

Мудрецы ждали.

Наконец в них потекли слова, и Мудрецы поняли, что беседа началась.

Поплыли образы: Град, Высоты Града, застывшие фигуры, длинные одеяния...

Они видели Эстетов Вершин, которые беседовали, воспаряя среди своих сияющих эфемерных творений на шелковых подушечках... или собирались вокруг распростертых тел.

Задача.

Завернутые в светящуюся ткань тела, которые изломала, иссушила и искромсала смерть.

Тела, которым несть числа.

Мудрецы старались более точно определить свои ощущения. Очертания образов расплывались, и ритм мысленного сообщения менялся. Мысли облекались в слова. Речь шла о смерти.

— Эстеты, которым наскучило их пустое существование, их творения, чересчур изощренные утехи, чересчур сложные взаимоотношения, выдумали себе новую страсть: самоубийство. Все началось с бравады (Мудрецы это помнили): отдать жизнь в обмен на краткий миг истинного

переживания. В их глазах такой поступок тем более ценен, что они давно расстались с верой в воздаяние или продолжение жизни в мифическом потустороннем мире. Напомню, первый из них покончил с собой, бросившись в кислоту бассейна-орхидеи. Второй захотел отличиться еще больше: сочинить и предложить публике искусно выполненную поэму о своих ощущениях в последние мгновения перед смертью. Он определил свой стиль как букет эмоций... однако подспудная примесь безумия, вызванного лепестками пурпурной лилии с Бетельгейзе, отравила ему последние минуты. Другие делали упор скорее на жестокость. В результате самоубийство стало сначала страстью, а потом и искусством.

Мудрецы все это знали. В большинстве своем они осуждали давнюю причуду Властелина знакомить с обстоятельствами дела. Уже в незапамятные времена человек отказался от логических структур сознания. Он мыслил модуляциями, переплетая фразы и потоки представлений, ориентируясь по ритму или цвету... А ритм как раз менялся. Голос обретал властные нотки. Понятно становилось примерно следующее:

— Мы должны вмешаться. Эстеты бесполезны лишь на первый взгляд. В какой-то степени они служат чувствительными элементами, совершенным зеркалом, отражающим жизнь внизу. Они дают понятие о явлениях, происходящих во всех слоях населения Города. И вот добрая половина их погибла в результате разного рода покушений на свою жизнь. Всего за один сезон. Пришла пора действовать. Поэтому я вас и собрал. Жду ваших предложений.

Молчание (мысленное) вскоре было нарушено. Потекли предложения.

— Мы не можем запретить им убивать себя.

— Это их еще больше распалит.

— Самоубийство станет для них еще притягательнее, ведь мы являем собой последние остатки власти.

— Может, образумить их?

— Что значит образумить?

— Убедить, что они нужны для новых миров. Потребность в них...

— Их внутренние потребности более настоятельны.

— Внутренние?

— Потребность не обращать внимания на окружающую реальность. Эволюция человека отдаляет его от мира.

— Таков один из их этических законов.

— Почему бы не обратить Эстетов к новым приключениям, новым завоеваниям? Этих проклятых миров, ждущих колонизации, предостаточно.

— Они с тем же успехом будут умирать и на отдаленных мирах.

— Разделим их, создадим несколько противоборствующих групп.

— Они пойдут стенка на стенку и перебьют друг друга.

— Надо вновь подчинить их власти, уподобить всем остальным.

— Невозможно, поэзия сделала Эстетов неуязвимыми.

— А если, к примеру, запереть их в камерах?

— Почему бы не попытаться?

— Средство допотопное... но, без сомнения, эффективное.

— Изложите вкратце, в чем его преимущества.

— Мне кажется... мне кажется, что вынужденное бездействие, новая обстановка, которая будет давить на них своей пошлостью, в конце концов сведут на нет прежние побуждения. Однако склонность к саморазрушению обратится в агрессивность по отношению к порядку, установленному свыше.

— То есть по отношению *к нам!*

— Это мы переживем.

— А потом?

— Потом? Потом мы их выпустим. В их психике появится новый противодействующий фактор, а так как они создания хрупкие...

— Может, тогда у них появится новая страсть... менее обременительная.

С наступлением ночного цикла три миллиона Эстетов оказались запертыми в регенерационных камерах. При пробуждении их сознание, еще затуманенное, как обычно, галлюциногенами, сразу обрушило град вопросов. Некоторые решили, что это шутка; они позволяли себе иногда подобные шутки, воссоздавая с помощью старинных обрядов и песнопений обстановку доисторических времен. Другие испугались за свой разум: привычный мир, казалось, рушился на глазах. Никогда прежде камеры не запирались. Враждебным этим поступком Власти сразу себя выдали.

Многие умерли от интеллектуального удушья, мучительной боли, придающей своим жертвам малопривлека-

тельный вид. Умирающие, хрипя, призывали зрителей, но угасали в полном одиночестве, ибо Власти в своей жестокости исключили возможность всякого сношения с обитателями соседних камер. В ночь и безмолвие канули самые прекрасные поэмы. И разве не самая невероятная из эпопей развертывалась в ячейках Квартала Эстетов? Миллион утонченнейших существ навсегда увял за поблескивающими металлическими дверями, с мольбами о помощи, воплями, криками наконец-то действительно пережитой ими ненависти!

Потом все вернулось на круги своя. Тяжелые металлические панели скользнули обратно в стены. Толпа оставшихся в живых Эстетов запуганными тенями робко выползала из камер в магнитные коридоры. Видно было, как они мучаются, как опустошены. Для них была непереносима сама мысль, что после такого унижения они остались целы и невредимы. Мало кто из них коснулся потом этой темы в разговорах, словно молчание могло помочь нелепой ране зарубцеваться. Однако очень скоро тяжелый маховик привычек завертелся снова. Возобновились бесконечные беседы, кружащие вокруг да около запретной темы. Балет тог и венчиков вновь начал выписывать свои причудливые узоры над платформами верхних Уровней, а раскаты смеха и крики радости растапливали в сердцах айсберги галантной любви. Жизнь вошла в свою колею, соразмерно распределяя задачи, распоряжаясь судьбами. Вверху — хрупкие существа, чье сознание бурлит мыслями, на Горизонтали — те, кто попрочнее и занят монотонным трудом, борьбой с суровой материей. В эмпиреях же, в рассеянном свете Вершин бодрствовали Мудрецы, прикидывавшие, удалась ли их затея.

Ждать пришлось недолго. В первый же день счетчики испарений живой материи зарегистрировали два десятка самоубийств, назавтра — уже сто тридцать, потом триста и, наконец, по окончании первого периода отсчета — тысячу.

Властелин Высот вновь созвал Мудрецов.

Было не до рассуждений о неудаче привычных мер предосторожности, и Властелин Высот сразу приступил к сути:

— Они упрямо поступают по-своему! Полюбуйтесь на цифры!

Никогда раньше Властелин Высот не находил нужным волноваться. Ход событий в Граде не предоставлял случая

нарушить установленные законы... но теперь начиналась новая эра.

— Следует признать, что мы допустили просчет.

— Наше бездействие скоро приведет к катастрофе — мы теряем лучших.

— Лучшие, убивающие себя — разве это лучшие?

— Думаю, так было всегда, и тем не менее мы уцелели.

— Это еще вопрос, уцелели или нет, то есть уцелели ли в действительности.

— По-вашему, мы призраки?

— Кто знает... нельзя же взвесить наших предков, чтобы убедиться в их материальности.

— Не следует вновь поддаваться панике. Идет нормальная эволюция. В наших архивах есть ярчайшие примеры. Исчезали целые виды. Животные. И люди... То же самое происходит сейчас.

— Так Эстеты животные... или люди?

— Ни то ни другое. Они не принадлежат полностью ни одному из видов.

— Пусть так, но это не решает нашей проблемы.

Пауза. Струйки мыслей старательно избегали соприкосновения во все вбирающей в себя атмосфере средоточия мысли.

Тишину нарушил Властелин Высот.

— Вид или социальная категория, постоянно живущая под колпаком, обречена погибнуть. Что-то вроде удушья в результате блокировки всех интеллектуальных и даже психических процессов в самых чувствительных точках. Тотальное усложнение всего поведения. Мы эту стадию уже миновали. Придя в норму, мы ограничиваем напряжение и создаем...

— Что же мы создаем, кроме теперешнего хаоса?

— Нам надо создать новый хаос, который разрушил бы старый.

— Вернемся к сказанному: некоторые Эстеты создают превосходные формы.

— Именно это меня и беспокоит: они создают *формы*.

— Согласен, и мало того, они больше не обновляют того, что им дано изначально, до бесконечности пережевывая одни и те же мотивы. Поэтому, мне кажется, им будет непросто изобрести новые забавы. Думаю, от них можно ожидать бесконечных вариаций на тему самоубийства. Нам следовало бы направить их энергию...

— На что?

— Все мы поражены одним недугом: планета — замкнутый мир и она перенаселена, что чревато...

Эта короткая фраза породила длинный ряд болезненных образов. Безумная череда башен, платформ, галерей, под оглушительный грохот изливающих непрерывным потоком миллиарды своих обитателей — выдох планеты, сбивающий существа в чудовищную пену...

Вдруг в вихрях мысленного спора заискрилась новая идея. Ее можно было бы выразить следующим образом:

— А что если обратиться к чудаку, именуемому философом, который во всей этой допотопной тарабарщине чувствует себя как рыба в воде? Может, он как-то разбирается в странных эпидемиях, которым подвержен человек.

— Вы про Макиавелли?

— Да, про него. Он ведь единственный в своем роде, и с ним мы постоянно обсуждаем вероятность полного распада.

— Но это невозможно. Этот тип обходится без животворных цепей. Ни к чему не примыкая, что само по себе возмутительно, он бесцельно бродит сверху вниз по планетному Граду. Представляете себе? *Сверху вниз!*

— Лишний повод к нему обратиться. Он поведает нам, что делается внизу... где, может, и ждет нас ответ.

Властелин Высот не вмешивался. Под покровом мысленных образов агрессивного характера угадывалась спокойная уверенность непроницаемого монолита. Потом обозначилось что-то вроде улыбки. Мысленный гомон утих, все застыли в напряженном ожидании. Властелин Высот заговорил:

— Я за это предложение. Макиавелли, вероятно, лучше большинства из вас разбирается в подспудных процессах, определяющих человеческое поведение. Архивы постоянно поставляют мне подробнейшие сведения о его скандальных заимствованиях. Он "заимствует" даже эту заумь, изложенную на листах бумаги... что называют "книгами". Он владеет множеством разрозненных сведений, в частности, о людях, живших в незапамятные времена. Искусство управлять находилось тогда в зачаточном состоянии. Общая стратегия не просматривалась. Власти предавались безжалостным экспериментам.

Предоставим ему свободу действий, и он, без сомнения, отыщет решение, которое должно корениться в самой человеческой психике...

Любопытная вещь — Макиавелли отыскали немедленно. Он блуждал у окраинных зон, лишний раз подтверждая легенду о своей способности предвидеть события... если только точное определение исходных данных...

Макиавелли появился — или воплотился материально,— и все сразу поняли, что решение у него уже готово: он был столь изыскан, что просто не мог притворяться несведущим.

Знакомство с древними трудами придало ему своего рода бесстрастную мудрость, которая покорила бы Эстетов. Они обожали смелые поступки, а этот был как раз таким: Макиавелли величественно отказывался следовать ритуалу, установленному на Высотах.

Макиавелли вошел, едва не столкнувшись с Властелином Высот (тот, не удержавшись, слегка отпрянул) и заговорил.

Его речь вызвала непривычное стрекотанье в мыслительных цепях Мудрецов. Все почувствовали облегчение, когда он согласился играть роль управляемого передатчика. В его словах угадывалось следующее:

— Ваши попытки обречены на неудачу, потому что Эстеты обрели новый инстинкт, инстинкт "уважения", перекрывающий пресловутый инстинкт самосохранения. В замкнутом мире, где вы принуждаете их к растительному существованию, несмотря на кажущиеся благополучие и роскошь, они постоянно сталкиваются со злейшим врагом человека: чрезмерной зависимостью от чужого мнения. Им надо показать себя или умереть. Подумайте только, у них есть все: материальные блага, достаток, безопасность. Им недостает, уж вы мне поверьте, лишь счастья самовыражения. Они ни во что не верят, сражаются лишь с самими собой в образе себе подобных, они исследовали и использовали все уголки своего сознания и, надо сказать, устали расходовать себя в бесплодных битвах. Теперь им остается только концентрировать свои таланты на единственном *положительном* способе самовыражения — вы знаете каком.

— Они самоутверждаются, умирая.

— Право на смерть — единственное, что вы им оставляете в вашем чересчур совершенном мире.

Воцарилось полнейшее безмолвие. Макиавелли продолжил:

— Существовал приемлемый выход: подвигнуть их на великие деяния за пределами планеты. Однако вы поручаете эту работу профессиональным воинам, набранным на Нижних Уровнях.

Смена ритма предполагала скорое окончание речи. Мыслил Макиавелли чеканными фразами:

— Нужно соперничество... нужно создать некое противоборство. Несмотря на то, что Эстеты постоянно утверждают обратное, они хотят быть выше средних обитателей планеты. Их беспрестанные заявления о милой непосредственности, чистоте, простоте других обитателей Града — всего лишь с трудом возводимое заграждение против их естественной склонности считать себя выше других. Я долго размышлял и понял, что есть нечто такое, чего они не вынесут: если окажется, что толпами с Нижних Уровней движут те же безумства, что и ими.

Ткань ответных мыслей заколыхались. Некоторые из них могли свидетельствовать о заинтересованности.

— Вот что я предлагаю: используя хорошо известные вам способы... да, да... мы вызовем эпидемию самоубийств на Нижних Уровнях. Нам следует найти новые формы: это не может быть результатом эстетических воззрений. Представим себе скорее что-то вроде игрища дикарей, жертвенной оргии... в которой люди примитивные будут сотнями сводить счеты с жизнью. Как вы думаете, что произойдет в Верхних Сферах? Что будет твориться в сверхсложном сознании Эстетов? По-вашему, они согласятся почитать тех же богов, каких почитают внизу? Утверждаю со всей уверенностью: они просто-напросто бросят это занятие и тут же начнут замышлять какую-нибудь новую пакость, но у нас всегда будет время ее предупредить.

В первый раз с начала его длинной речи один из Мудрецов перебил Макиавелли:

— Но как мы поступим с населением Нижних Уровней?

Макиавелли не ответил. Он испустил светящийся мысленный образ, полный жгучей язвительности, который, казалось, содержал в себе вполне определенную идею. Выразить ее можно было примерно так:

— У обитателей Нижних Уровней реакции элементарные: их будет нетрудно проконтролировать и... обезвредить.

Смутное чувство ужаса реяло над Мудрецами.

Все произошло очень быстро. Вверху стало известно, что в глубине подземных галерей собирались целые толпы для совершения кровавых самоубийств. Уровнем ближе

случались дуэли. Люди в кричащего цвета камзолах с оружием в руках преследовали друг друга по черным металлическим рвам, окружавшим платформы.

Всеми на Вершинах овладело отвращение, когда там узнали о первых "жертвоприношениях". Начались бесконечные словопрения во мраке, расцвеченном ореолами отдохновения. Изысканно облокотившись о светящиеся перила, Эстеты с болью вглядывались в бездонную пропасть, откуда доносился шум оргии. Затем они собрались вверху, в жилых зонах Града, чтобы обсудить, что же им делать дальше.

Властелин Высот подал знак, и заседание началось. На экранах Мудрецы выглядели бесстрастными, но воздух, казалось, вибрировал. Все молчали, так как слова грозили разорвать тонкое кружево согласованных мыслей. Все были безусловно счастливы, как и полагается после внезапного разрешения давней проблемы. К уверенности примешивалось некоторое самолюбование, одно другое усиливало и оправдывало. По предложению самого старого из Мудрецов они приступили к длительной процедуре всеобщего очищения, когда Мудрецы все глубже и глубже погружались в атмосферу гармонии и удовлетворенности... Продолжалось это до тех пор, пока мглу их нирваны не рассеяла весть о первом убийстве — преступлении, прежде неслыханном среди утонченных Эстетов.

Жаклин Остерра

КАЛЕНДАРЬ

Холодный неоновый свет струился по пирамидам консервных банок, пластмассовых коробок и бутылок на прилавках универсама. Фрейлейн Бернауэр бродила по магазину с металлической корзинкой в руках, хотя вовсе не собиралась запасаться продуктами. Хозяйка не любила, чтобы жильцы стряпали в комнатах.

Неожиданно ей преградила дорогу группка женщин, толпившихся вокруг демонстрационного столика.

Фрейлейн Бернауэр, утомленная после долгого рабочего дня, хотела было обойти женщин, но те вдруг задвигались и втянули ее в самый центр, к столику, на котором сверкала громадная кофеварка. У столика стояла девушка в белом халатике — брюнетка с угольно-черными глазами — и угощала всех кофе.

— Подходите ближе! Отведайте наш новый сорт! Кофе "Минос", поджаренный в специальных жаровнях! Вам непременно понравится!

Фрейлейн Бернауэр взяла чашечку. Кофе и правда был великолепным, а стоил столько же, сколько и тот, что она покупала из соображений экономии. Она купила пачку, и продавщица вручила ей премию — ноябрь был на исходе — рождественский календарь. Фрейлейн Бернауэр стала было отказываться.

— Что вы, у меня нет детей, и некому подарить.

Продавщица улыбнулась.

— Возьмите... Поверьте, он принесет вам не одну минуту радости.

Альвина Бернауэр с величайшими предосторожностями повернула ключ в замочной скважине. Но, идя по коридору, поняла, что предосторожности были тщетными — на стеклянной двери, ведущей в кухню-гостиную, дрогнула занавеска.

Недреманное око фрау Гуггенбюхлер следило, кто и с кем вошел в квартиру.

Альвина со вздохом затворила дверь своей комнаты и потянулась к выключателю. Тусклый свет лампочки, укрытой фарфоровым абажуром, показался ей печальным, даже мрачным, словно за окном опустились сумерки и пошел дождь.

На подоконнике, в горшочке, стояли нераспустившиеся африканские фиалки — и ей, старой деве, захотелось вдруг, чтобы ее жизнь перестала быть скучной, а серая бесцветная комнатушка заиграла фейерверком распускающихся бутонов.

Она повесила в шкаф пальто и тщательно расставила на полочке свои покупки. Календарь еле умещался в сумке — в магазине он ей не показался столь большим. И зачем она взяла его; придется снова спускаться вниз, чтобы выбросить в мусорный ящик — фрау Гуггенбюхлер терпеть не могла опорожнять корзины для бумаг в комнатах жильцов.

Альвина скользнула взглядом по календарю и вдруг заинтересовалась.

С виду это был простенький детский календарь с обычным, присыпанным блестками зимним пейзажем. Лист календаря был разбит на двадцать четыре клетки с крохотными ставеньками в каждой. Эти ставеньки можно было поднимать по одной весь декабрь — позади была нарисована какая-нибудь игрушка и сценка из волшебной сказки. Самая большая ставенька, приходившаяся на двадцать четвертое декабря, обычно закрывала рождественскую люльку.

Альвина взяла в руки календарь, отпечатанный на чудесной, похожей на пергамент бумаге, плотной и гибкой, и стала внимательно разглядывать традиционный, залитый солнцем пейзаж, столь тщательно отделанный в деталях и сверкающий красками, что он казался средневековой миниатюрой. На переднем плане было выписано замерзшее озеро и люди на коньках, толпящиеся вокруг саней в виде лебедя. В санях восседала улыбающаяся знатная дама, прекрасная, как Юдифь Кранаха — бархатное платье с

прорезными рукавами по моде немецкого Возрождения, прическу украшают перья, а шею — золотое ожерелье. С далеких гор сбегает речка и змеится по заснеженной долине. Большую часть картины занимал старинный город с крепостными стенами. Над городом высился замок, на воротах которого, позади решетки, чернели готические цифры — 24.

Альвину охватило ребячливое любопытство, желание открыть все клетки зараз; но расставаться с этим красивым календарем уже расхотелось, и она решила сыграть по-честному, открывая по ставеньке в день.

Наступило первое декабря.

Фрейлейн Бернауэр, как обычно, целый день перепечатывала с диктофона отчеты и деловые письма, но сегодня, в обеденный перерыв, ее больше, чем всегда, раздражала болтовня молодых машинисток.

"Почему,— думала она,— у меня такое дурное настроение?" И честно признавалась: "Да я ведь жду не дождусь вечера — сегодня начну играть в календарь. Это простительно тому, кто лишен больших радостей,— на его долю остаются только маленькие".

И вот настал желанный миг.

Она осторожно приподняла ставеньку с цифрой 1. В окошечке показался букет цветов, нарисованный с такой тщательностью, что ей почудился их аромат. Почудился? Да нет же, она вдыхала его на самом деле! Цветы заполнили всю комнату, преобразив ее: они стояли в горшочках, серебряных и хрустальных вазах, гирляндами и венками вились по убогой уродливой мебели, раскрашенной под дорогое дерево.

Альвина в растерянности огляделась — в ее душе боролись удивление, ужас, восторг; восторг оказался сильнее, и Альвина из предосторожности закрыла дверь на щеколду, а замочную скважину заткнула. Фрау Гуггенбюхлер не потерпела бы чуда, случившегося в ее квартире.

Красота цветов так захватила Альвину, что она даже забыла про печеночный паштет, купленный к ужину. Захмелев от красок и ароматов, она уснула.

А наутро ее комната снова была печальной и убогой.

Старая дева соскочила с кровати и бросилась к календарю. Но вторая ставенька не уступала нетерпеливым пальцам, словно приклеенная. Альвина побежала на работу — табельные часы опозданий не прощали.

В этот день образцовая машинистка фрейлейн Бернауэр была на редкость рассеянна.

"Что со мной случилось? — думала она.— Уж не привиделось ли мне все это?"

Ей было чего бояться.

Едва закончился рабочий день, как Альвина исчезла за дверью, даже не расслышав, что девушки злословят по ее адресу. А те, подхихикивая, шептали друг другу, что фрейлейн Бернауэр спешит на свидание с любимым.

Но разве у нее никогда не было любимого? Был. Его звали Клаус. Они собирались пожениться. Но шла война, и его отправили на восток, куда-то под Великие Луки. Стратегический узел и конечная точка его жизни. Клаус не вернулся.

Альвина быстро прошла мимо универсама: вчерашней девушки там не было. Фрейлейн Бернауэр было приостановилась, раздумывая, стоит ли зайти за половиной жареного цыпленка и бутылкой мозельского: хороший ужин (она не часто позволяла себе подобную роскошь) — именно то, что могло вознаградить за утреннее разочарование. Но потом пошла дальше — где-то в глубине ее души теплилась надежда на чудо.

Календарь висел на стене и казался полотном старых мастеров, выдержанным в приглушенных тонах. На этот раз ставенька открылась с легкостью — позади нее стоял роскошно накрытый стол, словно только что вышедший из-под кисти какого-то фламандца.

В этот вечер Альвина насладилась отличной кухней: она сла чудесно приготовленное мясо, запивая его великолепным вином.

На следующий день в календаре оказалось кресло эпохи Людовика XV, и ее комнатушка превратилась в сказочные покои с роскошной мебелью и кроватью под золоченым балдахином, к которой вели три ступеньки.

Фрейлейн Бернауэр перестала удивляться ежевечернему волшебству, но ей было горько признаваться себе, что она опустошает свой ларец изобилия без особой пользы. Она не блистала красотой и раньше; у нее не было ничего, кроме свежести и юности,— теперь не осталось и этого.

Следующая клетка оказалась зеркалом. И Альвине вдруг стало тесным ее старое серое платье, ей показалось, что оно вот-вот лопнет по швам. Она сбросила его и не узнала своего тела — оно стало другим: висящие по всем

стенам зеркала отразили ее новый образ — длинные ноги, тонкую талию, высокую грудь. В новой Альвине сохранилось что-то от прежней юной Альвины, но теперь она походила и еще на кого-то другого, словно наложились друг на друга две фотографии. И она вспомнила недавно виденный фильм о трагической любви Аньес Бернауэр, которую утопили в Дунае как ведьму. В главной роли снималась модная кинозвезда — и Альвина, захваченная фильмом, словно стала его героиней, тем более и звали ее почти так же... Всю ночь, переходя от зеркала к зеркалу, она любовалась своим обнаженным телом, прикрытым лишь длинными золотистыми волосами.

На следующий день ей захотелось платьев и драгоценностей.

Днем, на работе, она забывала о ночных радостях. Она с легкостью переходила от одного измерения к другому: сидящая за машинкой фрейлейн Бернауэр ничего не знала о досуге Альвины.

Наступила суббота, бюро закрылось в полдень. И до вечера было еще далеко — она уже поняла, что ставеньки открывались только вечером.

Она бродила по улицам и встречала Дедов Морозов в мохнатых шапках и с посохами — они величественно возвышались над толпами торопливых озабоченных ребятишек.

"Шестое декабря,— подумала она.— Николин день".

Николас! Что-то всколыхнуло ее память: она уже давно не вспоминала о Клаусе... Альвина остановилась. Клаус! Хотелось ли ей снова встретиться с ним? Можно ли тревожить покой мертвеца?

Альвина отбросила эти мысли. Она решила, что мудрее будет полностью довериться календарю — разве до сих пор он не исполнял всех ее желаний, даже самых неосознанных?

Она вернулась домой, сразу же юркнула в комнату и закрыла за собой дверь, не желая болтать с фрау Гуггенбюхлер, чья массивная фигура застыла на пороге кухни. Воздух в комнате был странный, туманный, в нем будто плавали неясные образы. Она видела, как действительность преображалась в мираж. "Почему именно в этот час?" — подумалось ей, и она глянула на часы. Четверть пятого. Может, это был час захода солнца? Она решила заглянуть при случае в астрономический календарь; пока же ее ждали дела.

На шестой картинке нежная рука держала сорванную маргаритку.

Альвина не раздумывала — она надела свой лучший наряд: черное облегающее платье, шитое стеклярусом, и, набросив на плечи шиншилловую накидку, решительно вышла из комнаты. Она была уверена, что хозяйка ее не заметит. На лестнице она тоже никого не повстречала. Перед домом стоял длинный приземистый автомобиль с сиденьями, обитыми красной кожей. Какой-то человек учтиво распахнул перед ней дверцу.

— О, грациознейшая, не окажете ли вы мне честь?..

Она только и ждала этого приглашения.

Незнакомец сел за руль и тронул машину с места; Альвина исподтишка бросала быстрые взгляды на его профиль. Он чем-то напоминал ей того Клауса, чьи черты жили в ее воспоминаниях, но то же лицо напоминало ей и много других лиц — лиц соблазнителей с экрана и из жизни. Ну и что? Он мало походил на живого человека, скорее был воплощением Любовника, о котором мечтают все женщины.

Этот вечер Альвина прожила как в кино: рестораны, ночные клубы, шампанское, приглушенный свет. Хмельная и согласная на все ("это ведь только сон" — оправдывала она собственную смелость) она поехала к нему и всю ночь провела в его объятиях.

Но когда фрейлейн Бернауэр проснулась, она лежала на простынях из пожелтевшего хлопка, а не из розового льна. Вспомнила все и залилась краской стыда — как могла она решиться на такое?

Воскресенье тянулось бесконечно долго до того, как Альвина открыла новое окошечко. Она перенеслась в горы и долго бродила, любуясь заснеженными пиками, водопадами и глубокими долинами. Она охапками рвала горечавку и эдельвейсы...

Первозданная чистота горных вершин вернула ей добродетель, но в глубине души осталось легкое сожаление о той ночи. А потому ее испугала и обрадовала Эйфелева башня, нарисованная в следующем окошечке.

— Ну что, милашка, двинем?

У парня в кожаной куртке с поднятым воротником, который заговорил с ней, были светлые лохматые волосы. И, не дожидаясь согласия, он взял ее за руку и повел от погребка к погребку по джунглям Сен-Жермен-де-Пре.

Захмелев от красного вина и мяуканья джаза, Альвина

пыталась призвать на помощь последние остатки морали, в душе побаиваясь своего гида.

"Пусть эта ночь кончится,— уговаривала она себя,— но без..."

Ночь кончилась. Остаток ее они простояли в какой-то подворотне на улице Драгунов, обнимаясь и целуясь.

После этого Альвина забыла о своих высочайших моральных принципах: она любила красавца рыбака на одном из пляжей Капри, плавала в голубой лагуне и танцевала хулу-хулу, пересекала Атлантику на борту "Бремена", принимала ухаживания боцмана американского военного флота, с которым познакомилась в ресторанчике где-то в Сан-Паулу.

Вскоре она заметила, что магическому календарю не мешали ни эпохи, ни расстояния. Она побывала в зеленом Веймаре и встретилась с великим Гете в похожем на античный храме любви, а у подножия минарета Хиральда, что в Севилье, у нее было свидание с самим доном Жуаном де Мараньо.

Теперь ей нравилось все, что будило воображение, ибо позволяло отправляться по ночам навстречу новым приключениям.

Однажды на работе она заметила, что одна из машинисток с многозначительной улыбкой прячет в ящик стола книжонку в красочной обложке.

— Мне приходится читать ее здесь,— объяснила владелица книги.— Если отец найдет ее среди моих вещей, он мне устроит такую баню...

Она показала фрейлейн Бернауэр название — "Похождения Императрицы".

"Ну нет! — подумала Альвина.— Нет, нет и нет! Так далеко заходить нельзя".

...И в тот же вечер шлялась вместе с Мессалиной по трансеверинским притонам...

Так день за днем тратила Альвина клеточки своего календаря.

И однажды утром, вернувшись из сказочной, нереальной Венеции, тонувшей в золотом тумане Ренессанса, где провела ночь в объятиях покрытого шрамами кондотьера, она вдруг почувствовала себя безмерно усталой.

Наступило двадцать третье декабря. Альвина не работала. Впереди была пустота ожидания, и она успела прийти в себя.

Жизнь не удалась — серость и сплошные разочарова-

ния. А потом вдруг, за несколько недель, она вкусила всех радостей бытия. Так откуда же эти пустота и неудовлетворенность?

Она задумалась, и вдруг ей все стало ясно.

Ожаднев от легких удовольствий, она брала любовников подряд, одного за другим, но любила ли она хоть одного из них?..

Она глянула на календарь: осталось только две клеточки — одна под ветвями огромной заснеженной ели и вторая — хранившая тайну дверь замка.

Фрейлейн Бернауэр после долгих поисков нашла наконец истину и подняла ставеньку: там были нарисованы сердца, обвитые гирляндой роз.

Тот, кто пришел на свидание, не был похож на других. Они были одни — он и она. Взявшись за руки, они гуляли среди цветущих кустов майской сирени, прохаживались по парку Нимфенбурга, кормили хлебом лебедей, сидели на скамейке, прижавшись друг к другу, счастливые лишь от того, что были вместе. Они даже ни разу не поцеловались, ибо чувствовали себя совсем-совсем близкими, как чувствуют себя старые супруги или обрученные, уверенные в своей любви, а потому целомудренные. Потом он проводил ее домой, но порога ее жилища не переступил.

— Я еще увижу тебя? — спросила она.

— Если захочешь.

И вот настал рождественский вечер.

На календаре осталась только одна закрытая ставенька — ворота замка. Альвина открыла ее.

Три дня спустя фрау Гуггенбюхлер засыпала ненужными подробностями полицейского, который без особых волнений осматривал комнату.

— Ничего не понимаю. Я уверена, что она не выходила; я бы обязательно заметила ее. Поэтому я и не волновалась. Потом ее молчание показалось мне подозрительным. Я заглянула в комнату — она была пуста! Я подождала, думая, что ошиблась (правда, это невозможно), и она все-таки вышла. Но куда, ведь Рождество — семейный праздник. Она не возвращалась, и я предупредила вас. Она заплатила мне по тридцать первое декабря. Если она и взаправду исчезла, я хочу получить свою комнату назад.

Полицейский кивал головой.

— Ну что ж, мы начнем следствие. У нее были родственники?

— Насколько мне известно, нет.

— Где ее личные бумаги?

— Она хранила их вон там, в ящике на столе.

Полицейский прошел к столу — мимо аляповато раскрашенного рождественского календаря, одного из тех, что раздают ради рекламы; ставенька над каждой клеткой была приподнята, и виднелись наивные грубые рисунки. Полицейский машинально оглядел календарь.

— Хм,— сказал он,— любопытно. Двадцать четвертого рисунка нет.

И на самом деле, позади распахнутых ворот ничего не было — там зияла дыра.

Жан-Мишель Ферре

ЧУДО ЛЕТНЕЙ НОЧИ

Он не помнил в своей жизни другой такой ночи. Луна, казалось, взошла раньше времени, и теперь раздувшийся золотой шар висел над самым горизонтом, освещая скалы и поблескивая в лужах, оставшихся после отлива.

Он ждал очень давно, а сегодня, сам не зная почему, был уверен, что это наконец произойдет.

Волны словно застыли. И с тихим шелестом накатились на узенькую полоску песка, похожего на снежную пыль.

Она была там — тень в ночи, окутанная кружевами голубоватого света. Почти человек, обнаженная женщина, чудо летней ночи. Но то, что плескалось возле самого берега, не было человеком. При каждом ее движении вспыхивали чешуйки на теле — она, похоже, была удивлена, что оказалась здесь.

Он впервые увидел перед собой это фантастическое существо. Хотя, если быть точным, предыдущие три раза он просто опаздывал: ее уносили волны. Он знал, что сегодня должен торопиться, очень торопиться.

Прыжок. Холодное прикосновение мокрого песка. Еще более холодное прикосновение испуганного тела. Бег под луной вверх по обрыву.

Позади него на берег с яростным ревом обрушился пенный вал. В спину ударили соленые брызги.

Сегодня ему повезло. Он уложил ее на мягкие травы меж двух колючих кустов.

— На этот раз,— сказала она ему,— я твоя, по-настоящему твоя!

Он улыбнулся в ответ. Сердце его отчаянно забилось. Но это могло быть и от бега, от бегства... Ему не хотелось говорить. Потом он снова улыбнулся и, протянув руку, коснулся ее круглого полного плеча.

— Ты права,— прошептал он.— По-настоящему моя. Как долго я ждал этого мгновения...

Она залилась серебристым смехом, который шел, казалось, из немыслимых зеленых глубин. Потом тряхнула головой, и ее волосы рассыпались по плечам сверкающими прядями. Их настиг лунный блик и сказочно изменил все вокруг.

— Пошли,— сказал он,— нам еще добираться до места.

Он протянул руку и сообразил, что она не могла последовать за ним.

Боже, подумал он, не могу же я принимать за настоящую женщину...

Он поднял ее на руки, и она прошептала ему на ухо:

— Почему ты меня желаешь? Какое удовольствие могу я тебе доставить?

Он ощущал ее грудь, настоящую женскую грудь, и холодную, тяжелую и мясистую нижнюю часть тела.

Он еще крепче обнял ее.

— Скажи,— повторила она,— какое удовольствие могу я тебе доставить?

Она засмеялась, и смех ее был зовущим и легкомысленным.

— Ну конечно... Ты столько ждал меня. И, конечно, ради кое-чего...

Он спросил себя, а не примется ли она расписывать свои любовные таланты. У нее явно разыгралось воображение.

Но это не важно, подумал он. Нет, важно вот что...

И он представил, что ждет их в хижине.

Они спрятались от лунного мерцания под сенью пробковых дубов. Вокруг свиристели насекомые.

Когда они оказались возле хижины, он снова уложил ее на траву.

— Подожди минутку,— нежно прошептал он.

— Конечно... Иди и приготовь все к моему появлению...

Он кивнул и, толкнув дверь, быстро захлопнул ее за собой.

Он отсутствовал долго, но когда появился, на его губах плавала довольная улыбка. Внутри горели факелы, теплые отсветы ласкали стены.

Он поднял прекрасную сирену, и она засмеялась.

Ногой он распахнул дверь. Она разом перестала смеяться.

В глубине комнаты стояла печь, где потрескивали смолистые поленья. А на печи чернел огромный котел, в котором шкворчало масло.

Ив Дермез

ПИСЬМО ПЕРЕВОДЧИКА-ИНОПЛАНЕТЯНИНА ФАНТАСТУ-ФРАНЦУЗУ

Уважаемый Мэтр!

Приобретя у ваш почтенейший издатель правы на перевод ваш роман "Машина наоборот", вышедшего по ваш псевдоним Кисс Сингер, я ударился о некоторые затрудности.

Во время повторяемости наш встречи на Сигме Бетельгейзе, вы любезно согласился с низу сойти, чтобы направить меня в моя неблагодарная деятельность. Я благодарю вам наперед.

Я спотыкнулся о первый фраза первая глава, и перед тем как двигаться дальше, хотел бы наперед осведомиться ваш просвященное мнение.

Вы написал: "Утром обещала наладиться хорошая погода". Очень ритмичный фраза. Но смысль от меня ускользит. Излагаю большие сомнения моя неуверенность.

1. "Обещала наладиться". Здесь есть два возможности толкований.

— Либо речь говорится про внеземлянка, на пример, про альтаирка. Если так, я бы перевесть: "Утром обещала наладить хорошую погоду". Ведомо ведь вам, альтаирцы сподобились способность менять метеорологических предсказаний.

— Либо речь говорится про землянка. Тогда я бы написать: "Утром обещала нарядиться при хорошей погоде".

2. Мне волнительно выражение "хорошая погода". У вас, землян, этот слова иметь другой смысль, чем для рептилия, какую вы называть ящерица, или для ракообразный по имени улитка. (Кроме того, я много изучать земной политика, но ее не понять такой простой ум, какие есть у нас.) "Хорошая погода" в СССР вовсе не один и тот же в США.

Или это простой игра слов на принципе английский выражение "Хорошая погода" (я также перевесть и Агата Кристи, а она часто упоминать о голубизна текучей в жиле кровь).

3. Мне не удаеться затиснуть в альтаирский бейзик слово "утро". Мы иметь три солнце, а потому три утро. Какой выбирать — синий, розовый или желтый?

Надеясь на ответ ответный почта, прошу Вас, Мэтр, принять весь глубина мой почтение.

P.S. Меня глодать нетерпение. Хочу поскорее схватить в охапка второй фраза ваш шедевр.

Ответ французского автора

Мой милый друг!

Вы верно подметили, что я пишу весьма запутанным слогом, который не всегда понятен Читающей Публике. Мои произведения обращены к Избранным. Однако я верю — и передо мной распахнутся врата Академии. Ваша дотошность достойна похвалы. Но советую вам первую фразу моего романа выбросить. Это некий порыв к идеалу красоты, ничего не значащий для непосвященных. Более того, выбрасывайте по ходу романа все, что вам кажется лишним. У французских издателей есть нудное требование представлять книгу объемом в 250 страниц, и нам приходится заполнять пустоты. Главное в том, что на Земле будут знать, что "Машина наоборот" переведена на альтаирский бейзик.

Кроме того, авторский гонорар мне уже выплатили.

С наилучшими пожеланиями.

Письмо переводчика, полученное несколько лет спустя

Уважаемый Мэтр,

Прилагаю приклееный к письмо экземпляр "Машина наоборот" на альтаирский бейзик. Как вы мне делали со-

вет, я устранил все лишний. Вы позволили съекономить груда бумага, ведь роман уклался в 8 страницей in-quarto.

Примите и т.д.

P.S. Кроме того, мне, как и вы, наплатили с лихвой и наперед. А как говорят на Дижель: "Зачем ломать черепушка?" Вы знаком этот выражение?

Телеграмма автора

Знакомо. Я давно им пользуюсь.

Ролан Топор

ИГРА

— Спускайтесь быстрее, пока тосты с конфитюром еще горячие,— донесся снизу голос мисс Ноузвуд.

— Начинайте без меня,— ответил Робер, даже не шелохнувшись.— Сейчас приду.

Ему вовсе не хотелось спускаться. Сидеть на корточках было неудобно, и ногу сводила судорога, но он уже вытаскивал из тайника на чердаке долгожданную шкатулку. В воздухе пчелиным роем кружилась пыль. Здесь, конечно, не очень чисто, но Робер только посмеивался — ему было все равно. Шкатулка! Он наконец отыскал шкатулку! Робер и правда был самым везучим из ребят. Когда-то он знал паренька по имени Бридж, который тоже, кажется, отыскал шкатулку. Ух, как его потом уважали! Но он-то, Робер, точно знал про ту шкатулку — она была всего-навсего коробкой, ящиком для овощей! Он сказал об этом ребятам, когда Бридж взял да и исчез.

Шкатулка выглядела очень старой. Робер понял это с первого взгляда.

— Ну и древность! Ей, наверно, лет двадцать.

Он взял шкатулку и перенес к свету. Небо было в тучах, и света явно не хватало, но все же здесь было лучше, чем в тени.

Надо взломать замок, решил Робер.

Он не надеялся найти в ней сокровище. Не такой он дурак. Сокровищ не бывает, тем более, что один кладоискатель говорил по радио, что сокровище никогда не покрывало рас-

ходов на его поиски. Что же собирался найти юный Робер в этой кожаной коробке, густо припорошенной пылью?

Что угодно, только не то, что нашел.

Внутри лежали деревянные фигурки, кости, игральные карты. Игры? Несомненно. Робер внимательно рассмотрел содержимое шкатулки, но знакомых игр не было. Шкатулка оказалась древнее, чем он думал.

"Может, ей целых сто лет".

Порывшись основательней, Робер обнаружил листок розовой бумаги, исписанный мелким почерком. Некоторые слова были подчеркнуты. Он передвинул бумажку под луч внезапно выглянувшего солнца. В самом верху листка было написано: ПРАВИЛА ИГРЫ.

Ниже следовали инструкции:

В эту игру играет один человек. Мошенничать запрещается. Конец партии означает проигрыш.

Робер покачал головой — во всем этом что-то было.

"Посмотрим дальше".

Взять большую фигуру, дать ей свое имя, поставить на дорожку.

Робер без труда нашел большую фигуру. Поискал дорожку и тут же увидел ее: та была нарисована на большом картонном поле с невероятно запутанным переплетением разноцветных клеток, линий и кружков. В центре поля оказались часы.

Их стрелки могли двигаться. Робер сообразил, что эти стрелки полагалось перемещать, бросив кости. Проверил в правилах — все было верно. Он поставил Робера на первую попавшуюся клетку и заглянул в листок — что следует делать дальше.

Поставить всех животных, все растения, камни и адмиралов на соответствующие клетки.

— Что за соответствующие клетки? — спросил себя Робер. Но он был хитрецом. И уже заметил, что на некоторых клетках был рисунок. А рисунок изображал либо животное, либо растение, либо камень, либо адмирала.

Остальные пешки являются окружением большой фигуры. Это люди, которых знает большая фигура. Поставить их на красные клетки.

Робер назвал одну пешку "мисс Ноузвуд", другую —

Нестором Газолином, а остальные окрестил именами Хака, Тома, Сталки, Джима, Реми и Матиаса.

Бросить кости и передвинуть стрелки часов. Все фигуры должны передвигаться в том же направлении, что и стрелки, но с разной скоростью. Животные на шесть клеток, растения на две, камни — на одну. Адмиралы не двигаются. Люди, которых знает большая фигура, передвигаются на три клетки каждые четверть часа. Большая фигура может устанавливать время на часах, но не вправе замедлять их бег. В полдень и в полночь фигуры имеют право перемещаться в любом направлении.

Пешку можно заменить картой. С этого момента она перестает двигаться. Когда две пешки встречаются на одной клетке, они должны быть взаимно вежливы.

Было еще много других правил. Робер принялся играть. Игра оказалась действительно увлекательной. Дважды или трижды он слышал голос мисс Ноузвуд (настоящей, а не игрушечной), приглашающий его поесть уже остывшие тосты с конфитюром, но сделал вид, что не слышит.

После долгих приключений он, два раза подряд выбросив двенадцать, попал на зеленую клетку. И тут часы прозвонили. Партия была закончена, а значит проиграна.

— Спущусь и съем свои тосты,— решил Робер.— Надеюсь, мисс Ноузвуд не будет ругаться!

Но он никуда не спустился. Не смог шевельнуть даже мизинцем.

Он захотел крикнуть, но не сумел выдавить из себя ни звука. Робер был фигуркой, вытесанной из дерева. Это было ужасно неудобно. На самом верху лестницы показалась мисс Ноузвуд. И тут же в открытую дверь увидела доску и рассыпанные на полу фигурки.

— Уф! — облегченно вздохнула она, собирая игру в шкатулку.— Успела. Этот мальчишка уже стал обходиться мне слишком дорого. Теперь можно, пожалуй, брать нового пансионера. Но не чересчур ли хорошо спрятана игра? Положу-ка я ее просто в шкаф.

Мисс Ноузвуд довольно потерла руки. Для нее партия продолжалась. Быть может, она все же проживет свои десять тысяч лет.

Жерар Клейн

АД ЕСТЬ АД

Когда показатели адского производства поползли вниз и дьяволу пришлось уволить несколько бригад демонов второстепенных секторов, погасить несколько печей и отказаться от части дивидендов, положенных ему по Великому Контракту, хозяин подземной гостиницы забеспокоился. Ему сообщили, что за последние годы было немало кризисов, что кривые беспорядочно прыгали то вверх, то вниз, а периоды упадка сменялись периодами такого притока сырья, что приходилось нанимать либо демонов с сомнительной репутацией, либо старых, либо пенсионеров, а то и членов профсоюза — и все это ради удовлетворения требований клиентуры, жаждущей искупления грехов. Дьявол возразил, что на этот раз кризис вызван причинами организационного порядка, что пора проявить изобретательность, иначе придется закрыть одно из самых процветающих предприятий во Вселенной со дня творения.

Весь ад содрогнулся. Были составлены отчеты — в основном они носили обнадеживающий характер. Количество осужденных на вечные муки оставалось еще довольно высоким, но предусмотрительный дьявол думал о будущем своего предприятия и с горечью отмечал, что количество усопших, которых Харон подвозил к вратам ада, постоянно уменьшалось. Он долго раздумывал над этой проблемой, но так и не разобрался в ней, пока однажды, прогуливаясь по улицам большого города, не украл из чьего-то портфеля экономический журнал и не узнал, что с подоб-

ными трудностями сталкивался не он один. Автор статьи подробно разбирал судьбу ремесленных мастерских и семейных предприятий, которые с момента своего основания росли, не меняясь по существу, и постепенно превратились в огромные фирмы, страдающие от устаревшей структуры и устава.

Дьяволу не хватило мужества реорганизовать подземную гостиницу. Надо было проводить децентрализацию (так утверждал экономист), а Люцифер предпочитал править единолично. К тому же дьявол мало смыслил в принципах организации крупных современных фирм. Статья повергла его в тоску, однако не заставила применить для реформы ада принципы тейлоризма.

Все бы так и осталось без изменений, ибо дьявол в ярости разодрал когтями злополучный журнал, но в последний момент его взгляд упал на страницу рекламы. "Ваша клиентура редеет,— взывало объявление,— значит пора звонить нам!"

Дьявол прочел предыдущую страницу и выяснил, что можно получить приличный доход, потратившись на научный анализ нерентабельности своего предприятия. Серьезный журнал не мог публиковать несерьезных вещей. Окончательное решение он принял, прочтя два или три письма Президенту-Генеральному Директору фирмы "Феникс и К°", где в довольно плоских выражениях выражалась благодарность за полезные услуги. Одно из писем было подписано известным дельцом в области гостиничного дела. В нем Люцифер увидел собрата, а не конкурента, поскольку тот сдавал номера на день, на неделю, на месяц, но не на вечность.

Вначале дьявол не счел необходимым звонить. Он решил, что размеры его предприятия и неброская слава вполне говорят сами за себя. Стоит заметить, что в последние четыре или пять веков дьявол несколько отошел от дел, сочтя бесполезным самому заниматься теми областями, за которые отвечали весьма компетентные специалисты, а потому не очень разбирался в современных обычаях.

Он запомнил адрес и тут же материализовался в приемной шефа "Феникса и К°" прямо перед хорошенькой секретаршей последнего с намерением слегка напугать ее.

Хотя в момент его появления грянул гром, вспыхнули молнии, а сам он предстал в черном облегающем одеянии с пурпурным капюшоном (по флорентийской моде), не за-

быв о рогах и копытах, юная машинистка едва подняла голову.

Увидев его, она состроила гримаску, тут же сменившуюся профессиональной улыбкой.

— Здравствуйте, месье,— сказала она.— Я не заметила, как вы вошли. Ах, вижу. Вы иностранец. Чем могу быть полезна?

Дьявол откашлялся, чтобы прочистить горло, что-то пробормотал, ибо рассчитывал, что встреча произойдет по-иному, и наконец объяснил, что желает видеть директора.

Он чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку кондиционеры быстро разогнали запах серы, а холодный свет флуоресцентных ламп слепил глаза. Он мог с наслаждением окунуться в жидкую платину, но эти белые холодные факелы раздражали его.

— Боюсь, прямо сейчас это будет невозможно,— ответила блондинка-секретарша.— Господин Феникс очень занят. В данный момент он проводит совещание. Могу назначить вам время, но порекомендовала бы для начала обратиться в нашу коммерческую службу.

— Я всегда обращаюсь только к верхам,— сухо возразил дьявол.— Не в моих правилах общаться с подчиненными. Думаю, вот это поможет устроить наши дела?

Он извлек из воздуха и небрежно бросил на стол секретарши кошелек, сплетенный из металлических нитей и наполненный новенькими дукатами. Кошелек был еще горячим, ибо только что вышел из адских печей, а потому выжег нестираемое пятно на деревянной столешнице. Дьявол надеялся на психологический эффект — некую смесь ужаса и алчности.

— Вы что-то уронили,— воскликнула блондинка. Она протянула руку, схватила кошелек и ловко протянула дьяволу.— Возьмите.

— Оставьте себе,— небрежно процедил дьявол.

— О! Здесь старинные монеты. У меня есть приятель, который собирает коллекцию. Спасибо, месье.

Дьяволу даже не захотелось произносить заклинание, которое по традиции обратило бы эти монеты в прах через несколько часов.

— Итак, что с нашим рандеву? — с надеждой спросил он.

— Вы заполнили формуляр?

Он отрицательно покачал головой.

— Не понимаю, чем занята служба приема,— секре-

тарша поджала тщательно накрашенные губки: по последней моде они были очень бледными.

Она протянула ему розовый бланк с мелким шрифтом.

— Заполните, пожалуйста.

— Это так необходимо?

— Просто обязательно.

Дьявол не стал спорить. В конце концов, он нуждался в этих людях, а не они в нем. Он уселся за столик и подробно ответил на вопросы. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы не солгать, понимая, что специалистам следует предоставить точные данные — вопреки общепринятому мнению надо заметить, что дьявол далеко не глуп.

Вначале все было просто. Потом пошли затруднительные вопросы. К примеру: "Численность вашего персонала?" Персонал ада весьма велик, но дьявол не знал, как сказать об этом. Поэтому начертал над пунктирной линией знак алефа, надеясь, что в "Фениксе и К°" знают о работах Кантора. На вопрос: "Род деятельности?" он написал ответ своим странным почерком, похожим на зубцы пламени: "Искупление грехов всех видов". Затем поспешно стер запись и написал: "Лечение моральных отклонений методом различных наказаний". Такая формулировка выглядела более научной.

Он пропустил вопросы, где требовалось дать краткий анализ последних балансов. Не уточнил и своего банковского положения.

Дьявол долго раздумывал над строкой, где следовало зачеркнуть ненужные оценки:

"Каково положение вашей фирмы — среднее, трудное, тяжелое, отчаянное?"

Он долго боролся с гордыней и наконец выбрал одну оценку — отчаянное.

Прямо под подписью оставалось пустое место. Дьявол осведомился у секретарши, для чего оно.

— Для специальных пометок... У вас срочное дело?

Дьявол кивнул.

— Так и напишите. Тогда шеф примет вас недели через три.

— Очень срочное.

— Две недели.

— Исключительно срочное.

— Так и напишите.

Тут ему на помощь пришло дьявольское вдохновение.

— Послушайте, дело жизни и смерти.

— Все говорят так.

— Но это правда!

— Посмотрю, что можно для вас сделать,— устало произнесла секретарша. Она нажала несколько клавиш на аппарате, стоявшем перед ней. Из зарешеченного отверстия донесся низкий величественный голос.

— Среда,— сообщила она дьяволу после непонятных переговоров.— Одиннадцать часов.

— Хорошо,— дьявол поклонился с подобострастной ужимкой.

— Но встреча с господином Фениксом состоится только в том случае, если ваша просьба будет принята к рассмотрению после изучения существа вашего дела.

— Понятно.

— Не опаздывайте.

— Я являюсь в тот час, когда меня зовут,— удовлетворенно осклабился дьявол.

Он осторожно прикрыл за собой дверь и дошел по коридору до лифта.

— Подвал,— приказал он удивленному лифтеру.

Когда они спустились в подвал, дьявол щелкнул пальцами, и лифт начал настоящий спуск.

В среду, ровно в одиннадцать часов, дьявол материализовался прямо перед второй дверью, обтянутой кожей и украшенной позолоченными гвоздями, которая отделяла его от святая святых. "Оставь надежду всяк сюда входящий",— весело насвистывал он модную в аду мелодию. Дьявол тихо постучал в дверь.

— Войдите,— дьявол уже слышал этот низкий голос.

Он толкнул дверь и сделал несколько шагов. Его раздвоенные копыта утонули в толстом ковре из чистой шерсти.

Кабинет был громадным. На затянутых белым шелком стенах висели ценнейшие, со вкусом подобранные гравюры. Если не считать нескольких шкафов, вся обстановка состояла из гигантского полированного стола, на котором покоились три телефона — белый, черный и красный, лежала пара книг в кожаных переплетах конца XVIII века и стопка финансовых журналов под медной лампой с матовым абажуром. Остальные предметы — коробка резного серебра с сигарами, тяжелая зажигалка такой же работы, стопка бумаги, записная книжка в потрепанной кожаной обложке, юридический справочник, бронзовое пресс-папье

в виде обнаженной женщины, распростершейся среди роз, шариковая ручка из чистого золота — как бы терялись в безбрежной пустыне темной лакированной столешницы. За столом в кресле модерн восседал сам господин Феникс. Это был человек весьма приятной наружности с загорелым лицом, чуть отвисшими губами, обширной лысиной и орлиным носом. Только глаза его были жесткими и колючими. Одет господин Феникс был изысканно. От него веяло спокойной уверенностью и почти отеческой снисходительностью.

Позади него на полках стояли книги с закладками.

Дьявол рухнул в низкое кресло возле самого стола и тут же ощутил неприятное чувство униженности. Квалифицированные психологи не один месяц выбирали высоту этого кресла.

— Вы знаете, кто я? — напрямик спросил дьявол.

— Разумеется,— ответил его собеседник.

Дьявол выпятил грудь, но бизнесмен продолжил:

— Я знаю, что вы руководите предприятием, попавшим в затруднительное положение. Знаю, что вы перестали спать. Успокойтесь. Феникс займется вами. Мы скажем, что именно у вас не ладится и что следует делать. Как вам известно, главной целью маркетинга является изучение и экономическая оценка клиентуры, которой имеет смысл предлагать товар, чтобы его купили, или тщательный анализ сопротивления, которое оказывает покупатель введению на рынок товара или услуги, и устранение причин этого сопротивления. Работы наших предшественников позволили нам достичь такого уровня совершенства, что...

— Я говорил не совсем об этом,— перебил его дьявол.— У меня совершенно иная проблема.

— Мне нравятся ваши слова, месье. Нет двух одинаковых предприятий. Нет двух схожих проблем. Я всегда повторяю: нам нужно новое и самое новое. Феникс не боится трудностей.

— Конечно,— согласился дьявол.— Перейдем к делу. Что от меня требуется?

— Прежде всего надо составить контракт с вашей службой жалоб.

— У меня нет службы жалоб. Я имею огромный опыт в составлении контрактов. И занимаюсь этим сам.

Собеседник откинулся на спинку кресла.

— Дорогой мой, вы говорите всерьез?

— Всерьез. У меня совершенно отсутствует чувство юмора.

— Ладно. Это мы обсудим попозже. Перейдем к вашей проблеме.

— Как вы понимаете, это должно остаться между нами...

— Разумеется.

— Итак по некоторым признакам вы поняли, что я дьявол.

— Моя профессия требует проницательности.

— И это вас не удивляет? — дьявол был оскорблен.

— Нам случается видеть здесь тех, кто, по вашему мнению, никогда и не должны были бы появляться у нас. С виду солидные состояния, отличные репутации...

— Неужели и мой...

— Простите?

— Мой хозяин,— закончил дьявол. Он совсем забыл о нем.

Господин Феникс порылся в памяти.

— Нет, нет. По крайней мере, в ближайшем прошлом его здесь не было. Но мы часто имеем дело с его представителями.

— Вот и отлично,— с облегчением вздохнул дьявол, узнав, что находится в приличной компании.

— Угощайтесь,— предложил господин Феникс, открывая серебряную коробку с сигарами.

— Очень любезно с вашей стороны,— усмехнулся дьявол, беря гаванскую сигару и раскуривая ее щелчком пальцев.— В мои обязанности входит управление адом. Поверьте, особого удовольствия мое дело мне не доставляет, хотя эта сторона дела меня не слишком волнует. Но сейчас, особенно после последней мировой войны, поток клиентов упал невероятно. Я даже сказал бы — катастрофически упал. Словно мой спектакль больше никого не интересует. Словно люди как-то разом стали в массе своей добродетельными. Но я-то знаю, что это не так. Поэтому я и явился к вам, чтобы вы исследовали отношение людей к аду и сказали мне, в каком направлении я должен приложить усилия, дабы добиться лучших результатов. В случае неуспеха мой Контракт может быть пересмотрен, и я некоторым образом окажусь без работы...

— Гм... гм,— задумчиво протянул господин Феникс.— Полагаю, вам нужно исследование по проблемам Зла и Искушения в мировом масштабе.

— Вот именно,— подтвердил дьявол.— Кризис стал

всеобщим. Естественно, извечно католические страны вроде Италии и Канады не доставляют особых хлопот. Но это еще не причина, чтобы забывать о них.

— Понятно, понятно,— господин Феникс потер руки.— Думаю, мы в состоянии организовать это. А не могли бы вы сформулировать вашу проблему поточнее? Смею предположить, что пока делом не занялся Феникс, вы человек... кхе... кхе... наиболее информированный в этой области.

— Я много думал об этом,— хмыкнул дьявол.— Похоже, мои трудности проистекают от того, что ослабело чувство ответственности. Несколько миллионов лет назад в Великом Контракте был заложен принцип разделения полномочий Неба и Ада. Там указан и критерий отбора в каждое из ведомств. В ад могут отправляться только те люди, которые сознают свои преступления и несут за них ответственность. Таких все меньше и меньше. Осмелюсь даже заметить, что вновь прибывающие не вполне здоровы душевно.

Такое положение дел происходит от множества причин. Во-первых, падение добрых моральных устоев, которые были издревле установлены при моем участии. В прошлом люди совершенно точно знали, когда совершают грех, а поскольку не могли противиться падению, то автоматически переходили в разряд моей клиентуры. Сейчас они не изменили своего образа жизни, но поскольку разучились отличать зло от добра, они проскальзывают у меня меж пальцев.

Кроме того, они стали больше путешествовать. Никогда не удастся установить, сколько вреда принес технический прогресс таким институтам, как ад. Я, конечно, придумал различные виды морали для различных уголков Земли. А из-за путешествий люди выяснили — по недомыслию они лишены релятивизма мышления,— что эти виды морали исключают друг друга, а иногда и просто противоречат одни другим. Из этого они сделали выводы, при мысли о которых у меня на глаза слезы навертываются...

Дьявол извлек огромный асбестовый платок и шумно высморкался.

— Но самым серьезным, самым трагическим является вмешательство психологов. Ох, как мне хотелось бы заполучить в свои руки и Фрейда, и Ренка, и Адлера, и Юнга. Это они показали людям, что такое человек в своей сути. Они поставили людей лицом друг к другу, объяснили им, что, скорее всего, они просто больны, что им, быть может,

следует полечиться, но что они ни в коей мере не виноваты, что древний комплекс вины, который веками с любовной заботой взращивался в адских теплицах, был худшей из лихорадок, лихорадкой скрытой, заразной, злокачественной, но все же излечимой. Они сделали людям прививку против чувства вины и теперь жалеют преступников, окружают их вниманием и предупредительностью, казнят их почти тайно, если считают, что это все-таки надо сделать, и вдобавок испытывают по этому поводу угрызения совести. Будь это гласом нечистой совести, я мог бы кое-что подсказать судьям и палачам — у меня накопился приличный опыт,— но нет, в их поступках нет ни грана совести.

А теперь еще пришел черед социологов. Они уже давно норовят возложить на все общество ответственность за дурное поведение каждого отдельного человека. И им верят. Это просто ужасно. Естественно, у меня появилась надежда заполучить в ад целые народы. Но тут на первое место выволокли роль истории и экономики. Увы, мы живем в печальную эпоху. Неужели я зря гнул спину в Изначальные Времена, вдалбливая основополагающие принципы в головы молодежи?

Господин Феникс кивнул с сочувственным видом.

— Итак, я вижу, чем предстоит заняться. Мы проведем исследования, чтобы выявить различные виды поведения, которые люди считают отвратительными, предосудительными, одним словом, дурными. Наши специалисты подготовят вопросник, переведут его на дюжину-другую языков и выявят слои населения, которым эти вопросы следует задать. Мы составим масштабные графики Линдсея, заполним карты, выведем нимбограммы. Мы используем Науку. И начнем с нескольких расширенных тестов. О, это будет великолепное исследование. Я счастлив, что вы обратились именно к нашей фирме.

Поток технических терминов обескуражил дьявола.

— Безусловно,— продолжал господин Феникс,— я не могу гарантировать, что мы что-нибудь обнаружим. Мы проведем научную работу и только тогда сможем судить о результате. С другой стороны, выводы фирмы могут и не дать вам направления, позволяющего вернуть ваше предприятие на верный путь. Такое бывает, редко, но бывает. Однако в любом случае вы лучше узнаете свою клиентуру, и не только через окошечко кассы, а как бы в срезе ее реальности (в голосе господина Феникса звучали нотки

вдохновенного пророка). Вы прозондируете почки и сердца, все земные царства будут у ваших ног, вам откроются мотивы всех поступков. Из прошлого вы извлечете урок на будущее.

— Мне нужно вовсе не это,— запротестовал дьявол.

Господин Феникс взбил воздух холеными мягкими ручками и торжественно произнес:

— Начиная с сегодняшнего дня спите спокойно. Что касается вознаграждения, мы представим счет на две трети суммы. Остальное вы заплатите нам наличными. Сами понимаете, налоги.

Дьявол двусмысленно ухмыльнулся.

— Полагаю, работа по моему заказу является подсудным деянием, господин Феникс. Буду счастлив видеть вас среди моих клиентов.

— Об этом не может быть и речи!— вскричал господин Феникс.— Юриспруденция в этом отношении категорична. Наши взаимоотношения строятся только на деловой основе. Они ни в коей мере не требуют от меня сообщничества. С другой стороны, ваша деятельность общепризнана и определена рамками регламентирующих ее законов. Поверьте, я не забыл об этой стороне дела. Я даже заручился поддержкой иезуита в качестве технического советника.

Дьявол посерел.

— Ну что ж, полагаю, придется пройти и через это.

Господин Феникс профессионально улыбнулся.

— Мы предоставим вам вопросник, как только наши службы составят его. Нам, наверно, придется встретиться с некоторыми из ваших подчиненных и уточнить детали...

— Велю Мефистофелю и Вельзевулу созвониться с вами,— покорно кивнул дьявол.

Вопросник был в своем роде вершиной подобных документов. Таким же образцом могли послужить тесты, предшествовавшие его составлению. По жребию было отобрано некое количество обычных людей, которым был задан вопрос, что те считают самым предосудительным. Какое-то время они размышляли, почесывая в затылке и заставив работать воображение. Ответы были рассортированы, проанализированы, классифицированы. Наиболее абстрактные были отброшены, поскольку относились к надуманным и не соответствовали глубоким убеждениям. Осталось немногое. Больше всего ответов касалось дурного обращения с

животными, по отношению к людям снисходительности было куда меньше. Было также отмечено, что опрошенные стремились обелить себя и охотно взваливали ответственность за наихудшие преступления на себе подобных.

Опрошенные в большинстве отвечали без особых возражений. Как правило, они оказывались многословными, надиктовывали целые страницы текста по вопросам, где ответ в принципе сводился к зачеркиванию ненужных вариантов. Надо заметить, что опрашивающие представлялись не в качестве посланцев ада, а демонстрировали красивые визитные карточки "Лиги За Моральный Прогресс" или называли себя приверженцами придуманных специально для данного случая религий — кстати, некоторые из них начали действительно распространяться в обществе, и кос-кто из опрашивающих отказался от роли служителя науки, чтобы заняться более доходным ремеслом пророка. Все это было опубликовано в двенадцати огромных томах, изданных Фондом Феникс. Эти тома, несмотря на их стоимость и малопривлекательные математические выкладки, до сих пор являются бестселлером.

Стоит также напомнить молодым поколениям, что этот опрос решительно продвинул развитие наук о человеке и позволил заложить основу того, что позже получило название Принципа Фундаментальной Безответственности. Когда правительства поняли, какую пользу можно извлечь из результатов Операции Очищения (так ее называли в газетах), они превратили "Феникс" в международную фирму и поместили ее под контроль ООН. Дьявол потребовал разрыва контракта, но Международный суд в Гааге отверг его притязания во имя высших интересов сообщества. Но это уже иная история.

Когда дьявол вернулся в назначенный день, господин Феникс сиял. Он протянул своему заказчику переплетенный том, где содержались заключения психологов. Дьявол схватил его и принялся читать. Он проскочил главы, посвященные методологии, проигнорировал расчеты, не обратил внимания на общие рассуждения и исключения, но вчитался в рекомендации. И скривился. Рекомендации практически отсутствовали. Огромный отчет всего-навсего констатировал отсутствие какого-либо чувства ответственности почти у всего населения Земли, а то, что еще сохранилось в некоторых людях, рассматривал как "патологию, развившуюся вследствие тяжелых травм, полученных в раннем возрасте".

Дьяволу впору было прийти в ярость. Черты его начали уже искажаться, но именно в этот момент господин Феникс умело раскрыл контракт и показал ему маленькую статью, где говорилось, что "Феникс и К°" не несет ответственности в случае неуспеха. Дьявол спорить не стал. Он помнил об этой статье, ведь он разбирался в контрактах. Более того, жест господина Феникса, подсунувшего ему контракт в самый нужный момент, показался до странности знакомым, хотя он не знал почему.

— Надеюсь, наши услуги вас удовлетворяют? — осведомился господин Феникс.

Дьявол даже прослезился от эдакой подлости.

— Что же мне делать? — наконец пробормотал он.— Где обещанные рекомендации?

— Ну что же, мы провели исследования. Заключение фирмы состоит в следующем — ваша деятельность в настоящих обстоятельствах не имеет шансов на успех. Большего мы сказать не можем, и поверьте, весьма сожалеем об этом.

— Что мне делать? — умоляюще повторил дьявол.

— Смените род деятельности,— цинично улыбнулся господин Феникс.— Производите что-нибудь другое. В наши дни никто не верит в ад. А успех в деле суть результат воздействия на покупателя.

— Я не могу сменить род деятельности,— простонал дьявол.— Мой Контракт в данной области предельно категоричен.

— Разорвите его.

— Придется платить неустойку. У меня безжалостный хозяин.

— Контракт ограничен сроком?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я вижу лишь один выход.

— Какой? — нетерпеливо спросил дьявол.

— Обратиться в наш специализированный филиал, занимающийся реорганизацией фирм, находящихся в затруднительном положении.

— Сколько это будет стоить?

— У них особые контракты. Стоимость работы индексируется по увеличению годового оборота.

— Ах так? — дьявол осклабился.— А вы представляете себе мой годовой оборот?

— Должно быть, он велик,— осторожно предположил господин Феникс.

— Я говорил не об этом, а о принятой у нас денежной единице. Боюсь, вы не сможете ею воспользоваться.

— Это не ваша забота. Всегда есть возможность обмена. Например, со странами Востока...

— Во сколько вы бы оценили совесть, господин Феникс, душу?

— По-разному,— не моргнув глазом ответил бизнесмен.— Конечно, совесть епископа или министра идет не по тому курсу, по какому идет совесть мелкого служащего или актрисы. Кроме того, есть значительный индивидуальный разброс. Некоторые души очень быстро обесцениваются.

— Это моя единственная денежная единица,— заявил дьявол.

— Нас это не смущает. Мы разработаем обменный курс. Такова наша профессия.

— Будь по-вашему,— дьявол устало махнул рукой.

— Итак, договорились.

Кабинет по своим размерам ни в чем не уступал кабинету, где дьявол встретился с господином Фениксом. И мебель в нем была такой же, правда с единственным исключением: на столе валялась древняя логарифмическая линейка. Хозяин кабинета был высок и сухощав, с желтым лицом, тонкими губами и проницательными колючими глазами под тонким пергаментом полуприкрытых век.

— Я — инженер,— отрывисто сказал он. Жесты его были быстры и резки. И тем же тоном добавил: — Я организатор.

Дьявол сразу почувствовал — с этим человеком спорить бесполезно.

— У меня не самая простая проблема.

— Изложите ее.

— Мне надо улучшить методы управления адом, модернизировать их. Полагаю, моя просьба вас удивляет, но я готов на все. Я действительно в затруднительном положении.

— К таким делам я привык. Кстати, меня зовут Дедал.

В его голосе не было ни единой насмешливой нотки. И весь его облик свидетельствовал о полном отсутствии чувства юмора. На нем был строгий серый костюм, белая рубашка, серо-синий галстук.

— Думаю, мы кое-что сделаем для вас,— медленно процедил он.— Но обещать конкретный результат не могу.

— Знаю,— в голосе дьявола послышалась горечь.

— Придется откомандировать к вам специалистов. Они должны иметь доступ ко всему.

— Вы считаете это необходимым?

— А как же иначе?

— Дело в том, что ад весьма своеобразное предприятие. Мы очень щепетильны по части наших тайн. И...

— Месье,— резко прервал его Дедал,— наше умение хранить тайны известно всем.

Дьявол смутился.

— Ладно. Тем более другого выхода все равно нет.

— Разумеется, нет. Мы изучим ваши бухгалтерские книги и ваши методы, вашу систему оплаты и найма на работу. Реорганизуем те административные и производственные службы, деятельность которых покажется нам неудовлетворительной. И потребуем от ваших подчиненных безоговорочного сотрудничества.

Дьявол поморщился.

— Не все они отличаются предупредительностью.

— Так растолкуйте им,— по голосу Дедала чувствовалось, что он не примет никаких возражений.

Дьявол спросил себя, а не встретил ли он наконец своего хозяина.

— Кроме того, наше сотрудничество должно завершиться письмом от вашей фирмы с выражением признательности.

— Мы рассмотрим вашу просьбу. Скажу Вельзевулу или Мефистофелю...

И ему пришлось ее рассмотреть. Но много позже.

Тем временем ад прошел реорганизацию. Психологи, инженеры, бухгалтеры, экономисты и сопровождающая их туча секретарш, машинисток, расчетчиков, помощников, поверенных в делах, стажеров и прочей шушеры наводнили мрачные аллеи адского подземелья. Их многое удивляло. В преисподней методы работы не менялись веками. Одних поражало полное отсутствие служб прогнозирования, другие возмутились состоянием бухгалтерии и потребовали установки самого современного компьютера, хотя им неоднократно напоминали, что в графе "Приход" цифры были весьма солидными, а в графе "Расход" стояли сплошные нули. Работа в аду была значительно упрощена. Организаторы предложили новую систему классификации падших душ и даже подготовили шкалу градуировки стра-

даний, намного более эффективную, чем прежде. Они намекнули на использование атомной энергии для подогрева адских печей, но особо не настаивали, ибо эта область была едва известна им самим.

Наконец Дедал потребовал встречи с Люцифером.

— Мы сделали в преисподней все, что было необходимо с человеческой точки зрения,— голос его звучал мрачно.— Ваши помощники, господа Вельзевул и Мефистофель, были удивительно любезны в выражении своей признательности. Однако, боюсь, это не улучшит вашего положения.

— Значит, мой случай безнадежен? — спросил дьявол.— Неужели ничего нельзя сделать?

— Я этого не сказал,— возразил Дедал.— Я знаю, что надо делать. На Земле у вас нет службы общественных связей. Чего-то такого, что могло бы наставить вашу клиентуру на путь истинный. Я знаю, что вы в принципе откликаетесь на любой призыв, но признайте, до вас трудно добраться. Пора менять это.

— Покончено с магическим кругом,— простонал дьявол,— покончено с заклинаниями, покончено с кровью рыжей курицы...

— Все это кануло в Лету.

— Служба общественных связей,— сказал дьявол, и его лицо осветилось, словно раздули костер.— Гениальная идея. И как это я сам до нее не додумался?

— Даже простейшие открытия требуют применения особой методики, месье,— инженер был безжалостен.— Вот план кампании, которую я вам предлагаю. Надо вернуть людям осознание совершаемых ими преступлений. Надо основать религию.

— Браво,— воскликнул дьявол.— Мне уже надоели черные мессы, жертвы животных, а то и детей или взрослых. В наше печальное время нужно нечто иное. Времена станут веселей и живее!

— Боюсь, вы неправильно меня поняли. Нам надо создать совершенно новую религию, пробудить к жизни новое пуританство, дать людям правила, которые можно нарушать, литургию, которую они могут поносить и проклинать. Их души следует наполнить страхом.

— Хм,— промычал дьявол,— их надо обмануть, надуть, ввести их в заблуждение... Отлично.

— Ни в коей мере,— Дедал был неумолим.— Нужна подлинная религия. Социологи единодушны в своем мнении.

Дьявол нахмурился, лапы его подрагивали, зубы стучали.

— Боюсь, я не очень вас понимаю,— голос его изменился.— Я ненавижу религии. Я... я всегда боролся с ними.

Реорганизатор хохотнул.

— И вы еще удивляетесь, что дошли до жизни такой. Вы сами на себя накликали несчастье. Вы убили курицу, несущую золотые яйца.

— Вы думаете?

— Цифры не лгут.

— Основать религию? Неужели так надо? Не уверен, что смогу ее основать...— Его тошнило при одной мысли об этом.

— Мы берем на себя все. Конечно, дело не совсем обычное, но мы еще никогда не оставляли клиента без помощи.

— Не знаю, должен ли вас слушать,— дьявол дрожал всем телом.

— Я не держу вас. Некоторые наши конкуренты с удовольствием предложат вам менее тернистый путь. Я понимаю вашу сдержанность. Но поверьте, для столь запущенного дела, как ваше, нет легких путей оздоровления.

— Ох! — выдохнул дьявол. И с испугом добавил: — Прошу вас. Приступайте. Мои возражения не имеют под собой научной почвы. Простите меня.

— Прекрасно,— ледяным тоном промолвил реорганизатор,— мы выполним ваши приказания.

И дело было сделано. Несколько месяцев спустя дьявол инкогнито проник в одно из бетонно-стеклянно-керамических зданий, которые выросли почти по всей Земле словно по мановению волшебной палочки. Плотные перекрытия прятали от взгляда Небес верующих, вступавших под своды пирамид, отполированных, как жемчужины, и открывающих взору незапятнанную белизну земли, прошедшей обработку огнем в необъятных печах преисподней. Новая Церковь имела мгновенный и безусловный успех, переманив к себе почитателей столь разных культов как католицизм, вуду, секта Страшного суда, нексиализм, мумбо-джумбо, неоизизм, а также нанеся урон атеистам. Она получила огромные пожертвования, имела в своем активе несколько чудес, а в пассиве несколько крестовых походов. Она была чиста, требовательна, нетерпима.

Итак, дьявол миновал лабиринт, отделявший святая святых от внешнего мира — хитро закрученную спираль,

предназначенную отсечь греховное от священного, заглушить шумы внешнего мира и даже воспоминания о нем, подготовить недостойного обитателя Земли к таинствам, которые будут ему открыты. И в этот миг к горлу дьявола подступила мощная волна того тошнотворного состояния, которое было ему хорошо знакомо; она стала почти невыносимой, когда он услышал песнопения и почуял запах дорогих благовоний. "Нужно ли это?" — подумал он. Дьявол с трудом переставлял копыта, боясь идти дальше, а когда увидел обширный многоугольный неф и замершую в религиозном экстазе толпу, распевавшую псалмы, его охватили тоска и ужас и обожгли его изнутри — на него обрушилось невероятное, нереальное одиночество. Даже отсюда его извергли, но стоило потерпеть, ибо все они придут к нему. Он поднял голову и широко раскрыл глаза, всё вдруг стало для него окончательно невыносимым. Дух его исполнился редкостным отвращением, глубочайшим сожалением, что он способствовал этому, что почти своими руками создал это, и он проклял советников, желая превратиться в змия, но вдруг им завладело то, что создатели этого храма тщательно рассчитали. Он едва не рухнул на колени и не начал страстно бормотать со слезами на глазах выверенно двусмысленные фразы.

Дух его яростно сопротивлялся. Наконец он бежал с поля битвы. Да, постановка была умелой. Слишком умелой.

И пока он бродил по улицам делового квартала, он сказал себе, что в мире этом невозможно будет жить, ибо не сомневался, что "Феникс, Дедал и К°" создали самую могущественную религию в истории. Его уже не волновало, что адские погреба начнут быстро наполняться. Ибо это тоже было невыносимо.

"Цель не оправдывает средства," — сказал он себе с болью в душе. Он увидел на прилавке журнал, где прочитал злосчастную рекламу, с которой началось его падение. Он с яростью вырвал ее и принялся методично раздирать в клочки, когда его взгляд упал на еще одно объявление.

Он хорошо его знал. Это была реклама "Феникса, Дедала и К°". Но внизу страницы было письмо со знакомой подписью.

Месье, горячо благодарю вас от имени нашего директора за вашу успешную деятельность в нашем предприятии. До вашего появления условия работы у нас были невыносимы. Понимание наших проблем, проявленное ва-

шими специалистами, позволило решительно улучшить работу нашего административно-технического аппарата. Работа отныне протекает в более комфортных условиях, и я выполняю ее с той радостью, которую полагал навсегда утраченной. Наша клиентура, похоже, тоже довольна улучшениями, проведенными по вашим рекомендациям. Прошу вас, месье, принять и прочая и прочая.

Вельзевул, представитель дирекции "Ад и К°"

Дьявол страдальчески взревел и поднял глаза к облачному небу, призывая его в свидетели своего несчастья. И в это мгновение кто-то похлопал его по плечу. Он обернулся и увидел приятной наружности человека с загорелым лицом, чуть отвисшими губами, обширной лысиной, орлиным носом, но с жесткими и колючими глазами. Одет он был изысканно.

— Я вижу, вас интересуют проблемы организации и исследования мотивов поведения,— сказал он участливым тоном.— Но только не обращайтесь к Фсниксу и Дедалу. Мошенники. Обращайтесь лучше к нам.

И воткнул меж когтей дьявола визитную карточку.

Дьявол уронил журнал, когти его разжались, карточка выпала и кружась полетела к далекому ненасытному костру, а дьявол все стоял неподвижно — ноги у него подкашивались, а нижняя губа нервно дрожала.

СОДЕРЖАНИЕ:

Вл. Гаков **«Наследники Жюля Верна»** 5

Ж. Клейн **«БОГИ ВОЙНЫ»** *(роман)*
перевод Н. Хотинской
(гл. 21-38 — при участии Е. Болашенко) 25

М. Демют **«ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ»** *(повести)*
перевод А. Григорьева
«Вдаль, к звездам (2030)» 203
«Вотчина изменника (2063)» 233
«Афродита (2080)» 253

«ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК» *(рассказы)*
Ж. Клейн **«Самые уважаемые профессии Земли»**
перевод А. Григорьева 277
Ж.-П. Тэрэк **«Завтрашний рассвет»**
перевод М. Стебаковой 291
М. Демют **«Битва у Опикуса»**
перевод А. Григорьева 306
Ж. Верланже **«Пузыри»**
перевод Н. Хотинской 324
К. Шейнисс **«Самоубийство»**
перевод Е. Глаголевой 340
Ж. Клейн **«Черная магия»**
перевод А. Григорьева 346
М. Баттен, М. Эрвен **«Море, время и звезды»**
перевод А. Григорьева 358
Ж. Клейн **«Планета семи масок»**
перевод Н. Хотинской 367
Ф. Карсак **«Первая империя»**
перевод В. Каспарова 383
М. Демют **«Ноктюрн для демонов»**
перевод В. Каспарова 394
Ш. и Н. Хеннеберг **«У слепого пилота»**
перевод Н. Хотинской 416
Ж. Мишель **«Как раненая птица»**
перевод В. Каспарова 436
Ж. Остерра **«Календарь»**
перевод А. Григорьева 448

Ж.-М. Ферре **«Чудо летней ночи»**
перевод А. Григорьева 457
И. Дермез **«Письмо переводчика-инопланетянина фантасту-французу»**
перевод А. Григорьева 460
Р. Топор **«Игра»**
перевод А. Григорьева 463
Ж. Клейн **«Ад есть ад»**
перевод А. Григорьева 466

Литературно-художественное издание
серия «ХРОНОС»

«ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК»
антология французской фантастики

Составитель и редактор *О. П. Пуля*
Литературный редактор и корректор *С. Н. Петропавлов*
Художник *В. Ю. Мартыненко*
Компьютерная верстка *С. Б. Зинченко*

Изд. лицензия ЛР № 061591 от 07.09.92.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.09.93. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 25,9. Тираж 100 000 экз. Заказ 1239.
Издательство «АРГУС»
127018, Россия, Москва, Октябрьский пер., д. 32.

Ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати
198052, Россия, Санкт-Петербург, Измайловский пр-т, д. 29.

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ «ХРОНОС»

Господа любители фантастики!

Может вы еще не знаете, но фантастики сейчас много. Так много, что ее и замечать перестали.

Любитель фантастики сейчас пошел разборчивый. Это раньше он, высунув язык, бегал по книгообменам или скупал ее, вожделенную, в шесть утра на книжных толкучках. Или самиздатовские ксерокопии читал. Или пятый экземпляр на машинке.

Сейчас любитель фантастики стоит и лениво перелистывает. Его не проймешь, что самая дорогая книга в полтора раза дешевле вареной колбасы. Ему, любителю, сейчас понравиться надо. А то ведь и не купит.

И в один прекрасный день, взяв и поразмыслив, мы решили, что будем *не такими* издателями, как другие. По крайней мере, решили на это надеяться. И уж если начинаем так поздно, то решили быть *лучше* других. А для начала торжественно пообещать, что:

1) Мы не будем пользоваться самопальными перево-

дами. Все наши переводы — новые, и работают над ними хорошие переводчики.

2) В наших книгах будут все положенные в русском языке знаки препинания и не будет ни одной *ашипки* или *очепятки*. Точнее, мы будем очень стараться, чтобы их не было. Честное-пречестное.

3) И наконец — мы не будем грабить несчастного Бориса Вальехо, а заодно и прочих американских художников. И над оформлением будем работать сами. У каждой нашей книги будет красивая обложка и многомного иллюстраций внутри. И вообще — каждая наша книга будет оформлена лучше предыдущей.

А главное — мы официально заявляем, что любим фантастику. И любим, чтобы там палили из *бластеров*, путешествовали в прошлое и будущее на *машинах времени*, летали на *драконах*, встречались со злобными (и не очень) *негуманоидами*, свергали *галактических диктаторов* и до полного обалдения гонялись друг за другом по *параллельным вселенным*.

Правда, есть одно *«но»*. Все это мы очень любим, но только если все это не мешает произведению быть умной и хорошо написанной литературой. И постараемся, чтобы все наши книги именно *литературой* и были.

И теперь еще несколько слов. «ХРОНОС» намеревается обзавестись преданными поклонниками. Теми, кто будет ожидать каждую последующую нашу книгу, зная, что если даже какие-то романы, повести и рассказы уже напечатаны другими издательствами, то у нас они будут лучше переведены и интереснее оформлены. А уж мы никого не разочаруем.

А если у кого возникнут вопросы о том, что мы будем печатать *дальше*, то честно сообщаем, что после выхода десятой книги серию «ХРОНОС» продолжат очередные тома Роджера Желязны и сериала «Дюна» Фрэнка Герберта — все в новых переводах, разумеется. И в великолепном оформлении.

И вообще мы будем печатать новые вещи — как научную фантастику, так и фэнтези.

Что именно, обязательно сообщим в одной из следующих книг.

А еще нам хотелось бы получать письма. Вы нам пишите — спрашивайте и предлагайте. Письма мы очень любим и ждем их с нетерпением. И деловых предложений — тоже. Наш адрес:

**127018, Россия, Москва, Октябрьский пер., д.32,
Издательство «Аргус», редакция «Хронос».**

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ТРЕТЬЯ

* * *

ВРАТА ВРЕМЕНИ

СБОРНИК АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Более 500 страниц с самыми необычными иллюстрациями; в великолепных переводах — роман, повести и рассказы известных фантастов:

Ф. Фармер: «ВРАТА ВРЕМЕНИ»
Д. Блиш: «ЗЕМЛЯНИН, ВОЙДИ В СВОЙ ДОМ»
Ф. Фармер: «БОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ»

Ф. Сейберхаген:	«Взлетевшие из тьмы»
Г. Каттнер:	«Идеальный тайник»
К. Лаумер:	«Гибрид»
Т. Старджон:	«Борговля тутылками»
Р. Силверберг:	«Тернистый путь к реальности»
Р. Мак-Апп:	«Сила действия»
А. Дэвидсон:	«О всех морях с устрицами»
К. Лаумер:	«В очереди»
Ф. Фармер:	«Царь зверей»
А. Бестер:	«Подождите минутку»
Т. Диш:	«Спуск»
А. Ван-Вогт:	«Черный разрушитель»
Э. Табб:	«Новенький»
П. Миллер:	«Нож ниоткуда»
А. Цирул:	«Чудесные вещи»
Ф. Фармер:	«Плыви! Плыви!»
Г. Лавкрафт:	«Модель Пикмана»
П. Филлипс:	«Грезы — дело святое»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

* * *

БАГРЯНАЯ ИГРА

**СБОРНИК
АНГЛО–АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Более 500 увлекательнейших страниц с иллюстрациями — необычное и изысканное в изысканных переводах!!!

М. Муркок:	«БАГРЯНАЯ ИГРА»
М. Пик:	«МАЛЬЧИК И ТЬМА»
К. Лаумер:	«ТЕСТ НА РАЗРУШЕНИЕ»
С. Дилэни:	«Время как спираль из полудрагоценных камней»
Д. Баллард:	«Облачные скульпторы»
Х. Эллисон:	«У меня нет рта, а я должен кричать»
Р. Филлипс:	«Желтая пилюля»
Т. Томас:	«Вторжение»
Г. Диксон:	«Почетная смерть»
Л. Нивен:	«Незадолго до конца»
Д. Найт:	«Маски»
Х. Эллисон:	«Мэгги — денежные глазки»
Т. Когсвелл:	«Костер»
С. Корнблат:	«Слова Гуру»
Ф. Лейбер:	«Зимние мухи»
У. Ле Гуин:	«Медлительная и огромная, как империя»
Х. Эллисон:	«Покайся, Арлекин»
Д. Вулф:	«Ужосы войны»
Ф. Лейбер:	«Побросаю-ка я кости»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ПЯТАЯ

* * *

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ТОМ 2

сборник

ДЖЕК ИЗ ТЕНЕЙ

«ДЖЕК ИЗ ТЕНЕЙ» (роман)

«КАНУН РУМОКО» (повесть)

«ДВЕРИ ЛИЦА ЕГО, ПЛАМЕННИКИ ПАСТИ ЕГО...» (повесть)
(удостоена премии «Небьюла»)

«КЛЮЧИ К ДЕКАБРЮ» (повесть)

«КЛАДБИЩЕ СЕРДЕЦ» (повесть)

РАССКАЗЫ

«...Джек спал и видел сон.

Ему снилось, что он держит Великий ключ Колвинии, этот символ Хаоса и Порядка, и им отпирает небо и землю, море и ветер, повелевая им обрушиться на Хай-Даджон и его хозяина...

Ему снился Пламень Ада, в сердце которого, как муравей в куске янтаря — Повелитель Летучих Мышей, живой, страдающий и навеки лишенный сна...

Джек купался в своем сне, когда вдруг услышал скрежет Машины Мира. Он застонал и вскрикнул от этого предзнаменования, беспокойно ворочаясь на мокрой от пота постели, окруженный со всех сторон зеркалами стен...»

«ДЖЕК ИЗ ТЕНЕЙ»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ШЕСТАЯ

* * *

Л. ВЕРШИНИН

сборник

ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА

«...Историк лучше многих знает, сколько дорог в ад вымощено благими намерениями. Поэтому творчество Л.Вершинина может показаться пессимистичным, даже безнадежным. Но, к счастью, в наши дни уже большинству ясно, что плохие предсказания делаются именно ради того, чтобы им не позволили сбыться... А в сущности, это — жесткие, порой безжалостные, но и очень человечные вещи...»

А.Стругацкий

«ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ»
«ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА»
«ПЕРВЫЙ ГОД РЕСПУБЛИКИ»
«ЛИК»

«Сага воды и огня»
«Ущелье трех камней»
«Слово прямого огня»
«Обмен ненавистью»
«Последняя партия»
«Войти в реку»
«Бутч и Кэссиди»
«Охота на грыбру»
«Сказание о рыцаре Гуго»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА СЕДЬМАЯ

* * *

Р. СИЛВЕРБЕРГ

ИЗНАНКА МИРА

БАШНЯ ИЗ СТЕКЛА (роман)
ИЗНАНКА МИРА (роман)
РАССКАЗЫ

Один из самых известных писателей-фантастов США, автор более 90 книг, удостоенный самых престижных премий американской фантастики — этот сборник познакомит вас с новой гранью его блестящего таланта!

Третье тысячелетие, 2381... Урбмон-116 — дом в тысячу этажей. Мир, посвященный Жизни. "Плодитесь и размножайтесь" — главный закон, моральная норма, основа жизни каждого Урбмона. О, дивный новый мир домов в тысячу этажей, превративший мальтузианские ужасы стальных пещер в созвездия рукотворных Олимпов из компрессбетона. И теперь, когда восходящее солнце озаряет сотни тысяч окон титанических башен, пробуждающиеся граждане славят свою счастливую жизнь:

Благослови, Господь,
Каждого из нас...
И славься, плодородие!..

И все счастливы.

А кто несчастлив — тот урод, угрожающий устоям счастливого Вертикального мира. Таким не место в нем. Для отбросов общества — как и для всех прочих отбросов — существует утилизатор...

Каждый этаж каждой Урбанистической Монады каждой констелляции по всей земле сплошь вымощен благими намерениями. Любовь и плодородие. Счастье. Путь наверх...

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ВОСЬМАЯ

* * *

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ТОМ 3

сборник

БОГ СВЕТА

«БОГ СВЕТА» (роман)
«ВОПЛОТИТЕЛЬ» (повесть)
«ГОРА СМЕРТНЫХ» (повесть)
РАССКАЗЫ

Роман «Бог света» и повесть «Воплотитель» удостоены высших премий американской фантастики: «Бог света» — премии «Хьюго», «Воплотитель» — премии «Небьюла»

Спустя тысячелетия после гибели Земли группа колонистов на затерянной планете, используя сверхтехнологию, получает бессмертие, богоподобную власть и возможность полного управления этим миром в облике богов индуистского пантеона.

Кали, богиня разрушения; Яма, владыка смерти; Агни, бог огня — против всех них восстал Сиддхартха, победитель демонов... Имитируя земную историю, он возрождает буддизм с самим собой в роли Бодхисатвы, стремясь низвергнуть Порядок Жизни и богов, установивших его.

«...Последователи называли его Махасаматманом и считали его богом. Он же предпочитал отбрасывать МАХА- и -АТМАН и именовал себя проще — Сэмом. Он никогда не называл себя богом, но и никогда не утверждал обратного...»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ДЕВЯТАЯ

* * *

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ТОМ 4

сборник

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

«ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ» (роман)
(удостоен премии «Хьюго»)
«ОСТРОВ МЕРТВЫХ» (роман)
«МОМЕНТ БУРИ» (повесть)
«ПУТЬ ПРОКЛЯТЫХ» (повесть)
«МИГ БЫТИЯ ТАК КРАТОК» (повесть)
РАССКАЗЫ

«...И когда я увидел: надо мной громоздятся тучи, я знал, что это значит. Земля под ногами вздрогнула — я знал, что значит и это.

Один из нас обрекал себя на смерть, хотя ни один из нас этого не желал.

— Шимбо, Шимбо, — сказал я без слов, — Владыка Башни Темного Дерева, неотвратимо ли это?

...Сказал, уже зная: ответа не будет и мне, иного ответа, чем то, чему суждено случиться.

Прокатился гром, тихий и раскатистый, как рокот далеких барабанов.

Там, за водами озера, разгорался свет.

В этом аду мы сошлись на дуэльную дистанцию и застыли; рядом с нами бились волны света, подернутые туманом, запятнанные пеплом, и Флопсус сокрыл свой лик, обагрив кровью края туч...»

«ОСТРОВ МЕРТВЫХ»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ДЕСЯТАЯ

* * *

Ф. ГЕРБЕРТ

роман-трилогия

ДЮНА

часть первая: «ДЮНА»
часть вторая: «МУАД'ДИБ»
часть третья: «ПРОРОК»

Впервые в переводе, достойном оригинала — одна из самых блестящих эпопей мировой фантастики!!!

Арракис... Дюна. Мир песка и смерти. Мир жажды и войны. Мир драгоценной Пряности. Мир, где жить — значит убивать. Где вода дороже золота, но дороже воды — Пряность... Гильдия Космогации, Падишах-Император, могущественный орден Бене Гессерит, Ментаты — люди-компьютеры... и всем им нужна Пряность Арракиса. Ибо кто владеет Пряностью — владеет Галактикой.

Для герцога Атрейдеса Арракис был ловушкой. Если бы его злорадствующие враги знали, что сделает Арракис с пятнадцатилетним сыном герцога... и что сделает с Арракисом он!

Но они не знали.

И вот в мир пришел Пауль Атрейдес — Пауль Муад'Диб. Усул. Квисатц Хадерах. Вся Галактика была в его руках. И вся мощь Падишах-Императора с легионами беспощадных сардаукаров, все силы Великих Домов Ландсраада и Гильдии не смогли одолеть его великой мощи.

Спустя тысячелетия после Великого Джихада Слуг Галактика вновь вспыхнула великой войной. И началом ее была — ДЮНА!..

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРГУС»

продолжает выпуск

СЕРИИ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС» — это великолепные переводы, выполненные специально для наших изданий и множество самых фантастических иллюстраций.

Серию продолжат лучшие произведения мировой и отечественной фантастики,

а также — очередные тома блистательного американского фантаста РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ!

В СЕРИИ ВЫХОДЯТ:

Р. ЖЕЛЯЗНЫ том 1: «СОЗДАНИЯ СВЕТА — СОЗДАНИЯ ТЬМЫ»

сборник: «ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК»
(антология французской фантастики)

сборник: «ВРАТА ВРЕМЕНИ»
(англо-американская фантастика)

сборник: «БАГРЯНАЯ ИГРА»
(англо-американская фантастика)

Р. ЖЕЛЯЗНЫ том 2: «ДЖЕК ИЗ ТЕНЕЙ»

Л. ВЕРШИНИН: «ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА»

Р. СИЛВЕРБЕРГ: «ИЗНАНКА МИРА»

Р. ЖЕЛЯЗНЫ том 3: «БОГ СВЕТА»

Р. ЖЕЛЯЗНЫ том 4: «ОСТРОВ МЕРТВЫХ»

Ф. ГЕРБЕРТ: «ДЮНА»

Объем каждой книги серии от 400 до 850 страниц.